

СТРОГАНОВ

549

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

БЕСѢДЫ И ПОУЧЕНІЯ

НИКАНОРА

ЕПИСКОПА

ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО

ТОМЪ III

ОДЕССА.

Типографія Окружнаго Штаба Одесскаго воен. Округа.

1886.

Печатать дозволяется. Одесса, 5 Декабря 1885 года. Цензоръ Протоіерей
Алексѣй Соловьевъ.

Сурор
549.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
<i>Поученіе</i> (прощальное) въ церкви казанской д. академіи	1
<i>Речь</i> предъ лицомъ свят. Синода по нареченіи во епископа	23
<i>Поученіе</i> при первомъ служеніи въ уфимскомъ кафедр. соборѣ	28
<i>Речь</i> при первомъ приѣмѣ представителей вѣдомствъ, подчинен- ныхъ уфимскому епископу, и общества	47
<i>Поученіе</i> (прощальное) въ уфимскомъ кафедральномъ соборѣ	53
— при первомъ служеніи въ одесскомъ кафедр. соборѣ	66
— на вечернѣ въ недѣлю сыропустную	79
— въ недѣлю православія (сущность и духъ церковной ана- еммы).	92
— въ недѣлю православія (о почитаніи св. иконъ)	103
— въ день восшествія на всероссийскій престолъ благочести- вѣйшаго Государя Императора Александра III (о театраль- ныхъ зрѣлищахъ въ великій постъ)	120
— по освященіи церкви одесскаго коммерческаго училища (объ израильтизмѣ)	134
— въ недѣлю цвѣтоносную	153
— въ недѣлю вай узникамъ, отправляющимся на Сахалинъ	169
— въ великую среду переселенцамъ, отправляющимся въ Си- бирь	172
— въ великій пѣтокъ	178
— въ день тысячелѣтія памяти св. Мееодія, первоучителя словенскаго	191
— въ день столѣтія городского положенія въ одесской город- ской думѣ	202
— въ день пятидесятницы	211
— въ день священнаго коронованія Ихъ Величествъ въ хер- сонскомъ соборѣ (происхожденіе и значеніе штунды)	222
— въ день св. апостоловъ Петра и Павла (православіе и штунда)	242
— въ день св. Маріи Магдалины (о правѣ собственности)	267
— въ день св. мучениковъ Маккавеевъ	221
— въ день преображенія Господня	303
— въ день открытія археологическаго съѣзда въ новороссій- скомъ университетѣ.	314

	<i>Стр.</i>
<i>Поученіе</i> въ день св. Александра Невского въ церкви ново-россійскаго университета	325
— въ день св. Александра Невского тамже (о положеніи и долгѣ учителя вѣры)	337
— въ день воздвиженія св. креста (объ истинномъ крестѣ)	352
— въ день преподобнаго Сергія Радонежскаго	379
— въ день св. ап. Іоанна Богослова, предъ открытіемъ отдѣла миссіонерскаго общества	399
— въ день явленія Казанскія иконы Приснодѣвы Богоматери.	411
— въ день архистратига Михаила	420
<i>Бесѣда</i> въ день св. Іоанна Златоустаго (о вымираніи религіознаго духа)	436
<i>Поученіе</i> въ день св. Іоанна Златоустаго (сущность христіанства, какъ союза Бога съ человѣкомъ)	457
— въ день введенія во храмъ пречистыя Дѣвы	481
<i>Бесѣда</i> въ день рождества Христова (сравнительное значеніе христіанской дуалистической и современно-научной монистической системы міровоззрѣнія)	308
<i>Поученіе</i> по освященіи ново-устроенной церкви въ уфимскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ	529
— при погребеніи боярина Константина Базили (о явленіяхъ отшедшихъ душъ)	535
— при основаніи церкви св. Дмитрія Ростовскаго на ново-открываемомъ въ г. Одессѣ кладбищѣ (о надгробныхъ памятникахъ)	551
— надъ гробомъ преосв. Николая, епископа Ново-миргородскаго	564
— при закладѣ зданія херсонской д. консисторіи.	573
— при освященіи зданія общества изящныхъ искусствъ	585
— въ одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ	597

ПОУЧЕНІЕ

(прощальное)

Въ церкви Казанской духовной академіи на благодарственномъ молебствіи по окончаніи годичнаго курса ученія въ 1871 году Іюня 10.

Во днѣхъ оныхъ рече Моисей къ сыномъ израилевымъ: се Господа Бога твоего небо и небо небесе, земля и вся елика суть на ней. Обаче отцы ваша произволи Господь любити ихъ, и избра съмя ихъ по нимъ—васъ (Втор. 10, 14—15).

Въ эти дни въ прошломъ году съ этого же священнаго мѣста напутственнымъ прощальнымъ словомъ въ разные концы міра, до Кавказа и Якутска и даже до Японіи, провожали мы цѣлую семью, цѣлый курсъ нашихъ питомцевъ, нашихъ братьевъ. Теперь же выпадаетъ намъ жребій обратный—напутствовать прощальнымъ словомъ себя самого. Въ бѣгѣ временъ вы, хотя и перебѣжали еще годъ вашей жизни, при чемъ вы, наши питомцы, подвинулись впередъ на одну изъ предначертанныхъ вамъ граней въ вашемъ учебно-воспитательномъ положеніи, однако же остаетесь здѣсь подъ этимъ же священно-ученымъ кровомъ. Меня же раба своего Владыка Господь нынѣ от-

пускаетъ, по глаголу своего милосердаго Промысла, отсюда съ миромъ, къ другому призванію, служенію и мѣсту. Видимся и съ сего священнаго мѣста теперь бесѣдуемъ въ послѣдній разъ.

Хочется сказать вамъ что-либо, наиболѣе соотвѣтствующее этой важной въ моей жизни минутѣ. Этимъ переходомъ заканчиваются двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, что я сталъ учить другихъ, сорокъ лѣтъ, что приступивъ къ изученію грамоты я сталъ учиться самъ, и почти что сорокъ пять лѣтъ, что началъ служить Богу въ святомъ Его храмѣ, такъ какъ сынъ священника я помню себя стоящимъ на церковномъ клиросѣ съ тѣхъ первыхъ дней моей жизни, что меня стали поднимать мои собственные ноги. Теперь же для меня начинается быстрый спускъ подъ гору къ той могильной юдоли, гдѣ человѣкъ земля и прахъ превращается въ прахъ земной. Голова естественно станетъ склоняться къ груди долу, мысль терять свою быстротечность, умственный взоръ терять и ту остроту, какую имѣлъ. Теперь съ умственной вершины, какой Богъ судилъ мнѣ достигнуть, чтобы съ этихъ поръ спускаться въ мраку могилы, моему духу открываются сзади многіе и свои и чужіе и обще-человѣческіе опыты, а спереди нѣкоторыя, хотя—конечно—и тусклыя предгаданія о нашихъ судьбахъ, за то и вмѣстѣ съ тѣмъ ясныя предначертанія нашего призванія и долга.

Одна изъ миллионовъ капель, отражающихъ въ себѣ блестящій ликъ одного изъ величайшихъ богопросвѣщенныхъ учителей человѣчества Моисея, обращаю къ вамъ его слова, которыми, окидывая богопросвѣщеннымъ взоромъ сравнительное положеніе народовъ въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ судебъ всего человѣчества, прощался онъ со своимъ возлюбленнымъ богоизбраннымъ Изра-

илемъ: се Господа Бога твоего небо и небо небесе, земля и вся елика суть на ней: обаче отцы ваша произволи Господь любити ихъ, и избра сѣмя ихъ по нихъ—васъ... Это вашихъ отцевъ произволилъ Господь возлюбити, и избралъ сѣмя ихъ по нихъ—это васъ.

Обратите вниманіе на мысль церкви, съ какою она предлагаетъ это чтеніе въ видѣ париміи во дни посвященные воспоминанію святыхъ отецъ нашихъ, какъ то: въ послѣднюю недѣлю святыхъ отецъ предъ Рождествомъ Христовымъ, въ послѣднюю недѣлю (святыхъ отецъ иже въ Никей) предъ пятидесятницею и въ другіе подобныя. Церковь имѣетъ въ виду не только указать, но и постоянно напоминать намъ нашу весьма близкую связь со всѣми прежде отшедшими отцами нашими, со святыми отцами церкви, и даже святыми богоотцами—прародителями объединяющей все святое и всѣхъ освящаемыхъ главы церкви, Господа нашего Иисуса Христа. Что въ домостроительствѣ нашего спасенія разбросанному взору представляется безсвязнымъ, то взору благоговѣнно углубляющемуся является тѣсно связаннымъ, или—какъ принято выражаться теперь—солидарнымъ.

Христосъ Спаситель, какъ и многіе благословенные мужи часто уподобляютъ царствіе Божіе дереву, при чемъ говорится о корняхъ и листьяхъ, о цвѣтахъ и сѣмени. Это повидимому метафорическое изображеніе до такой степени божественно-глубоко выражаетъ существо тайны нашего спасенія, что его и нельзя назвать метафорическимъ. Это есть прямая божественная истина. Царствіе Божіе—это церковь Божія, общество вѣрующихъ, племя, народъ, родъ, семья, совокупность многихъ ли или даже нѣсколькихъ немногихъ, даже только до двухъ вѣрующихъ членовъ. А племя, родъ, семья—это есть родослов-

ное дерево, имѣющее одинъ корень родоначальниковъ и отсюда развивающее вѣтви и листья, цвѣты и плоды, которые всѣ питаются одними соками, живутъ одною жизнію. Каковъ корень, таково должно быть и дерево; каково дерево, таковы должны быть и вѣтви и листья и цвѣты и плоды; хотя и то можетъ быть, что при добромъ корнѣ условія для роста дерева неблагоприятны, и дерево растеть худо. Но то въ жизни дерева должно быть неизбѣжно, что дерево съ годами старѣетъ, слабѣетъ, дряхлѣетъ и лучшимъ признакомъ годности дерева къ жизни служить то, если оно еще даетъ добрые цвѣты и плоды, — если способно еще вырабатывать изъ себя свое здоровое жизненное сѣмя. Для сѣмени существуетъ самое дерево, какъ въ домостроительствѣ человѣческомъ, такъ и въ экономіи природы. *Сѣмя свято—стояніе его* (Ис. 6, 13). *Всяко древо, еже не творитъ плода добра, поспѣваютъ и и во огнь вметають. Отъ плода древо познается* (Матѣ. 7, 19—20). Но и безъ посѣченія древо, не дающее плода, явный знакъ—или одряхлѣвшее или существенно испорченное, мертвенно и безнадежно къ продолженію своего нормальнаго существованія.

Этотъ общій законъ органическаго развитія жизни, какъ растений, такъ и животныхъ, такъ и физиологическаго царства человѣческаго, имѣетъ еще болѣе глубокій смыслъ въ царствѣ Божіемъ. *Сѣмя жены сохретъ главу змія*,—изрекъ Творецъ первозданному Адаму и тѣмъ опредѣлилъ задачу бытія падшаго человѣчества—произвести и производить изъ себя это божественное сѣмя. Безъ неудобныхъ въ настоящую минуту тонкостей толковничества скажемъ, что это—повидимому двусмысленное сѣмя въ сущности односмысленно: оно есть обѣтованное Сѣмя жены—Искушитель человѣческаго рода, въ то же время—

сѣмя добра, растущее изъ сердець всѣхъ чадъ первыя падшія жены, но въ томъ и другомъ случаѣ есть сѣмя произрастенія въ человѣчествѣ божественнаго Слова, разума, премудрости, истины, блага, любви божественной. Живя однородною жизнію единого родословнаго древа, переплетаясь въ союзѣ мужей и женъ, отцовъ и матерей, міриадами кровно-родственныхъ узловъ, заимствуясь посредствомъ милліона сплетающихся каналовъ единоисточною кровію, развивая изъ себя и вдыхая единую атмосферу обще-племеннаго, обще-народнаго, обще-человѣческаго духа, человѣческій родъ въ цѣлой своей совокупности призванъ произращать изъ себя это проявляющееся въ двойствѣ, но въ существенно-первоначальномъ источникѣ единое божественное сѣмя. И не намъ съ вами сомнѣваться въ истинѣ, что обособленная жизнь народа или царства или извѣстной эпохи поддерживается Промысломъ на столько, на сколько она соотвѣтствуетъ выполненію этой всемірной задачи.

Такъ вотъ допотопный человѣческій родъ, растлѣнный примѣсью крови и нравственной заразы Каина, грозилъ потопить въ ней и остатокъ добра, сохранявшійся въ прямой линіи праотцевъ обѣтованнаго Сѣмени,—и Промыслъ Божій погубилъ древо допотопнаго человѣчества, сохранивъ только одну стебль, одинъ отростокъ святаго сѣмени, Ноя. Послѣ Ноя примѣшеніе крови и растлѣніа хамитовъ, которые скоро послѣ потопа обнаружили прогрессивное вліяніе своей цивилизаціи на все пока еще скученное человѣчество, въ крови и нравамъ пока менѣе предприимчивыхъ, но болѣе скромныхъ и благочестивыхъ потомковъ Сима и Іафета, было причиною, что Промыслъ разсѣялъ людей по всему лицу земли, а Себѣ изъ всего разсѣяннаго и отверженнаго человѣчества избралъ родъ Евера и Фалека, современниковъ разсѣянія, а далѣе изъ

рода Еверова—одну благую отрасль Авраама, который и сталъ отцомъ вѣрующихъ. *Се*,—говорилъ Моисей Израилю,—*Господа Бога твоего небо и небо небесе, земля и вся елика суть на ней. Обаче отцы ваша произволи Господь любити ихъ, и избра сѣмя ихъ по нихъ васъ паче всѣхъ языкъ.* Зачѣмъ и въ какомъ смыслѣ избралъ? Такъ ли, что прочіе языческіе народы совсѣмъ отвергъ отъ лица своего? Нѣтъ, если бъ они совсѣмъ неспособны были участвовать въ произращеніи сѣмени добра, если бы Господь совсѣмъ отворотилъ отъ нихъ свое лице,—тогда бы они погибли и исчезли и въ персть свою возвратились. Нѣтъ, Господь избралъ Израиля не съ конечнымъ отверженіемъ всѣхъ прочихъ народовъ, но *паче всѣхъ*—болѣе прочихъ народовъ. *Егда раздѣляше Вышній языки, когда распялъ сыновъ Адамовыхъ, Онъ поставилъ предѣлы народовъ по числу ангеловъ Божіихъ*, народныхъ ангеловъ хранителей. *И бысть часть Господня*—на часть самого Господа Ангела Іеговы выпали, при этомъ раздѣлѣ народовъ по числу ангеловъ Божіихъ, *людіе Ею Іаковъ, бысть уже, отбитая вервиемъ граница, наслѣдія его Израиль* (Втор. 32, 8—9). А это зачѣмъ опять? Зачѣмъ Господь выдѣляетъ Себѣ особую часть достоянія, особое наслѣдіе? На это устами Моисея отвѣтствовалъ самъ Господь египетскому фараону: *сынъ мой первенецъ Израиль* (Исх. 4, 22),—не единственный сынъ, такъ какъ и прочіе народы мои же дѣти, но *сынъ мой первенецъ Израиль*, котораго Богъ освятилъ Себѣ изъ всѣхъ и для освященія всѣхъ народовъ.

Эта идея посвященія Богу первенцевъ, идея первенства, первородства, отраженіе и прообразъ перворожденного всея твари Освятителя всего человѣчества, проходитъ чрезъ все откровеніе, чрезъ все домостроительство нашего

спасенія въ историческомъ его раскрытіи. Когда первородный сынъ первозданнаго падшаго Адама Каинъ присоединилъ къ тяжести перваго паденія тяжкій грѣхъ убійства, пролитіе неповинной братней крови Авеля, Богъ, отвергнувъ отъ лица своего убійцу, вмѣсто убитаго даровалъ праотцу другого сына Сива и освятилъ Себѣ его и родъ его, родъ патриарховъ до Ноя; изъ сыновъ Ноя освятилъ Себѣ, для преимущественнаго храненія истинной вѣры, первенца Ноева Сима и родъ его до Фалека, при которомъ совершилось разсѣяніе народовъ. Но раздѣляя сыновъ Адамовыхъ на народы по числу ангеловъ—хранителей народныхъ, Богъ на свою долю отдѣлилъ и освятилъ Себѣ прямую отрасль рода Еверова, отца вѣрующихъ Авраама. Но и въ родѣ Авраама Господь повелѣлъ освятить Себѣ въ особый жребій всякаго человѣческаго (кромѣ скотскихъ) первенца, разверзающаго ложе сна; въ замѣнъ этихъ первенцевъ повелѣлъ освятить на особое служеніе своей скиніи особое колѣно Левіино; изъ колѣна Левіина выдѣлилъ на служеніе первосвященства первенца въ старѣйшемъ изъ родовъ левитскихъ—Аарона и сыновъ его въ прямой линіи первородства. Кромѣ того особымъ промысленіемъ отдѣлилъ и освятилъ Себѣ колѣно Іудово для произведенія въ старѣйшемъ изъ родовъ Іудовыхъ, опять же въ нисходящей линіи первородства, урожденныхъ вождей, князей и царей народа, прородителей чаемаго народами Примирителя. Кромѣ того разновременно освящалъ Себѣ особыхъ вѣрныхъ служителей и провозвѣстниковъ своей воли пророковъ и праведниковъ, которыхъ тайновидецъ Іоаннъ, въ духѣ видѣнія, слышалъ поющими божественному Вождю Израиля и всего царства Божія: *и сотворилъ еси насъ Богови нашему цари и іереи* (Апок. 5, 10);—*сѣи*,—говорить онъ,—*куплены отъ людей*

первенцы Богу (Апок. 14, 5),—*иже не бѣ достоинъ* *весь міръ*, подтверждаетъ другой апостолъ (Евр. 11, 38). Всѣ они были и прообразами перворожденного всея твари единородного воплотившагося Сына Божія, и провозвѣстниками Его пришествія на землю, и предуготовителями и предтечами. И вникните въ тайну, при свѣтѣ исторіи довольно явную: пока еврейскій народъ силенъ былъ воздвигать изъ своихъ нѣдръ сильныхъ духомъ первенцевъ Богу, каковы были Моисей и Ааронъ, Іисусъ Навинъ и Самуилъ, Давидъ и Езекія, Исаія и Даніилъ, Ілія и Елисей, до тѣхъ поръ онъ жилъ и цвѣлъ и имѣлъ свою жизнью міровое вліяніе на развитіе всего человѣчества. Послѣ же плѣна вавилонскаго, послѣ времени Зоровавеля, Ездры и Нееміи и послѣднихъ пророковъ, съ прекращеніемъ ряда великихъ и святыхъ мужей, вся жизнь народа является уже не жизнью, не ростомъ, не цвѣтеніемъ, а только продолжительною агоніею медленно, но грозно надвигавшейся смерти. Весь Израиль и въ темно-невѣжественной народной массѣ, и въ книжномъ почивавшемъ на законѣ фарисействѣ, и въ суемудромъ саддукействѣ оземленился, одряхлѣлъ, обезсилѣлъ, сталъ безплоденъ для добра, и если продолжалъ еще жить, то только потому, что его стояніемъ было святое сѣмя, — что поколѣніе поколѣнію передавало пока еще не выполненную задачу нараждать въ двухъ линіяхъ святыхъ предковъ обѣтованнаго Сѣмени, рожденіе коего уже приближалось. И какъ только вѣтъ отъ значительно обсѣченнаго уже корня Іессеова произрастила лучшій послѣдній свой цвѣтъ, дѣвственно-пречистую отроковицу—Богоматерь, а изъ Нея изшелъ благословенный плодъ—воплотившееся Богъ-Слово, Его предтеча громогласно возвѣстилъ плотскому Израилю, что уже *сѣкира при корени* родоваго древа его *лежитъ, и*

древо, какъ не творящее плода, должно быть поспѣчено и въ огонь ввергнуто (Матѣ. 3, 10), вмѣсто же плотскихъ чадъ Господь готовъ воздвигнути отъ каменія сего чада Аврааму. А въ половину послѣдней изъ семидесяти предсказанныхъ Даніиломъ седмицъ, обѣтованное искупительное Сѣмя, Господь нашъ самъ произнесъ плотскому Израилю, какъ неплодной смоковницѣ, послѣдній приговоръ: *да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки. И абіе изше смоковница* (Матѣ. 21, 19)... А 70 лѣтъ спустя сѣкира судебъ Божіихъ обсѣкла неплодные суки народнаго древа, и теперь только изъ пущенныхъ глубоко и разрознившихся по всей землѣ широко его корней выползаютъ жалкіе выродившіеся его отростки, жалкія порожденія плотскаго Израиля.

Изше сія смоковница, но не вся; обрублены ея суки, но только сухіе, а не всѣ. Отъ корня Авраамова, отъ пня Іессеева произрасла благословенная вѣтвь, Дѣва Богоматерь, а изъ Нея родилось обѣтованное [Сѣмя; а изъ Него произрасло покрывшее всю землю древо Израиля новаго духовнаго. *Азъ есмь лоза, вы же рождіе*, говорилъ Господь апостоламъ (Іоан. 15, 5). Вмѣсто отломившихся естественныхъ вѣтвей къ святому корню Авраама, *ты, дивія маслина*,—говорилъ апостоль язычникамъ (Римл. 11, 16—18), *прицѣпился еси и причастникъ корне и масти масличныя сотворился еси*,—не ты корень носиши, но корень тебе. Подобнымъ же образомъ къ этому божественному животворящему древу должны привиться и прививаются всѣ одичавшія вѣтви человѣчества, всѣ народы міра. Но чтобы видѣть, какъ прививаются, тутъ мы бросимъ взглядъ назадъ.

Праотецъ человѣческаго рода Ной, благословляя сыновъ своихъ и роды ихъ и благословеніемъ опредѣляя бу-

душную судьбу ихъ, изрекъ первенцу своему Симу: *благословенъ Богъ Симовъ*, предрекая, что родъ Симовъ сохранитъ въ себѣ для всего человѣчества вѣру въ единого истиннаго Бога; Іаѳету предрекъ, что родъ его распространится особенно и вселится въ селеніяхъ Симовыхъ,—духовно войдетъ въ нѣдра церкви Божіей, а тѣлесно займетъ земли заселенныя симитами; потомству же Хамову, или частиѣ Ханаанову, изрекъ проклятіе и рабство, не изрекши прочимъ хамитамъ ни благословенія ни проклятія. И вотъ исторія оправдала приговоръ Ноя. Хамиты, хотя въ первое тысячелѣтіе послѣ потопа захватили было преобладаніе надъ человѣчествомъ, хотя первые основали царства, построили города, замыслили громадныя постройки, однакоже скоро сошли съ исторической сцены; ханаанеи скоро были поголовно истреблены, а прочія отрасли хамитовъ оказались въ рабствѣ и униженіи даже до сего дня, такъ что еще недавно велась одна изъ убійственнѣйшихъ войнъ *) за право хамитовъ быть людьми, существами разумными, христіанами, а не продажнымъ рабочимъ скотомъ. Первенцы послѣпотопнаго человѣчества симиты, воспитавъ въ себѣ первенствующій родъ еврейскій, сохранивъ въ немъ истинную вѣру въ Бога, выростивъ въ немъ обѣтованное Сѣмя, начатокъ всѣхъ освящаемыхъ Богу, застыли для исторіи въ тысячелѣтней неподвижности, въ ожиданіи исполненія своихъ судебъ—того времени, *дондеже исполненіе языковъ увидетъ въ церковь Божию*, и за тѣмъ самый *Израиль спасется въ нѣдрахъ вѣры въ Мессію* пришедшаго, а не пока еще только чаемаго (Римл. 11, 25). Такимъ образомъ первенствующими двигателями исторіи въ послѣднія три тысячи лѣтъ и оказались іаѳетиты, племя арамейское. Изъ равнины, опредѣляемой Ара-

*) Въ Сѣверной Америкѣ.

ратомъ, верховьями Тигра и Евфрата, отрогами Гималая и побережьемъ Аральскаго моря, это племя одною отраслью своею двинулось на югъ въ Индію, гдѣ послѣ многовѣковой, полной всякихъ движеній и интеллектуальнаго развитія жизни, оно входитъ въ общій круговоротъ исторіи, соприкоснувшись въ послѣднее время съ своими европейскими братьями съ одной стороны чрезъ океанъ, а съ другой ожидая уже недалекаго соприкосновенія чрезъ азіатскую сушу съ другими своими братьями, съ нами русскими, съ нашимъ общественнымъ строемъ и историческимъ наклономъ къ величайшему въ исторіи разрѣшенію восточнаго вопроса; другая отрасль устоялась въ предѣлахъ нынѣшняго персидскаго царства, уже съ трехъ сторонъ объятаго братскими объятіями нашего же русскаго царства; третья отрасль по южному берегу Чернаго моря достигла мало-азійскихъ береговъ моря Средиземнаго, оттуда переселилась во Фракію и Пелопоннесъ, оттуда перебралась въ Италію, гдѣ дала бытіе блестящей исторіи и великому развитію народовъ греческаго и римскаго Четвертое кельтическое племя перелилось черезъ Кавказъ и Уральскій хребетъ въ западныя и юго-западныя окраины Европы, откуда стучится во всѣ Симовы и Хамовы селенія Африки, Америки и Австраліи; наконецъ пятое—наше славянское племя, чрезъ тотъ же Кавказъ и Уралъ и Алтай, разлилось по сѣверо-востоку Европы и всему сѣверу Азіи до Америки. Изъ этихъ іаветитскихъ племенъ первенствующими дѣятелями въ исторіи собственно христіанской цивилизаціи были греки и римляне, и именно въ продолженіе первыхъ четырехъ пяти вѣковъ греки, которымъ принадлежитъ по происхожденію и языку большая часть пастырей и учителей первенствующаго христіанства. Послѣ чего, ослабленные внутренними волненіями, породивъ

христіанскимъ просвѣщеніемъ на смѣну себѣ новое свѣ-
жее племя славянское, задавленные многократными на-
шествіями иноплеменныхъ, греки ждутъ, верушимо со-
храняя Христову вѣру, исполненія своихъ судебъ даже до
сего дне. За Грецією Римъ, сначала твердый оплотъ хрис-
тіанскаго правовѣрія, источникъ и провозвѣстникъ вѣры
для всего запада Европы, но въ послѣдствіи надмившись
своимъ историческимъ величіемъ и исключительнымъ влі-
яніемъ, возмнивъ себя и въ себѣ одно лице своего главы
единственнымъ источникомъ христіанской истины, явился,
по выраженію одного изъ новѣйшихъ глубокихъ мыслите-
лей, первымъ протестантомъ въ католической церкви, на-
чавъ послѣ тысячи лѣтъ существованія христіанства, по-
правлять апостольскую христіанскую древность—издавать
догматы за догматы, и всѣ въ единственной цѣли своего
собственного превознесенія, чѣмъ спустя полтысячелѣтія
возбудилъ въ нѣдрахъ своей собственной церкви громад-
нѣйшій протестъ протестантства. Въ самые послѣдніе дни,
послѣ тысячелѣтняго преобладанія католичества, протес-
тантство наложило на него свою тяжелую руку, и като-
личество на нашихъ глазахъ терзаетъ свои собственные
внутренности въ самыхъ главныхъ центрахъ своей жиз-
ненности *). Въ кипучемъ быстро-прогрессивномъ разви-
тіи западной Европы сбывается глубочайшая мысль глу-
бочайшаго изъ мыслителей новѣйшихъ временъ, мысль
скольکو туманная въ теоріи, сколько же ясная въ прило-
женіи къ жизни: идея протестовавшаго противъ истины
апостольской католичества должна была стремиться и
стремилась къ развитію своего содержанія; развиваясь она
раздѣлилась на двѣ части, на положительную—крайнее
развитіе папскаго преобладанія и обрядности въ церкви, и

*) Въ Римѣ, Парижѣ, Мадридѣ.

на отрицательную крайность свободомыслія, противоборства іерархическому гнету и устраненія религіозной внѣшности; актомъ развитія идея протестовавшаго противъ апостольско-евангельской истины католичества приведена къ самоотрицанію—въ усиліяхъ протестантства возсоздать церковь на первыхъ основахъ чисто евангельской и апостольской истины; но въ свою очередь протестантское самоотрицаніе католической идеи привело къ новому отрицанію самаго отрицанія,—къ отрицанію тѣхъ основъ, на которыхъ первые протестанты силились возсоздать церковь, именно къ отрицанію евангельскаго и апостольскаго ученія въ раціонализмъ, въ разнообразныхъ пантеизмахъ и наконецъ въ матеріализмъ, въ которыхъ христіанское человечество возвратилось къ временамъ языческимъ, къ идеямъ Порфірія и Цельса, греческихъ неоплатониковъ и скептиковъ. Но чрезъ это отрицаніе своего отрицанія идея, возвратившись къ первоначальной исходной точкѣ, явилась уже не тою, что была прежде, но развѣсивъ все, что въ ней заключалось, и поглотивши свою противоположность: отрицаніе новѣйшаго времени, поглотивъ въ себя все, что было антихристіанскаго въ протестантствѣ нѣмецкомъ, въ протестѣ противъ апостольскаго ученія римско-католическомъ, въ протестѣ противъ Евангелія языческихъ философскихъ, критической, неоплатонической, скептической и всякихъ другихъ школъ, является уже не языческимъ отрицаніемъ, а тѣмъ, которому въ новомъ завѣтѣ усвоено знаменательное прозвище анти-христіанскаго, выраженіемъ анти-христіанскаго духа, предвѣстникомъ и предтечею антихриста богоборца, свирѣпаго гонителя рабовъ Божіихъ, который на западѣ уже и садится въ церкви Бога жива *), уже выдвигаетъ одну или двѣ изъ семи

*) Особенно въ Парижѣ, но частію и въ самомъ Римѣ.

апокалипсическихъ своихъ главъ, съ свирѣпыми своими зубами и когтями готовыми терзать.

Все это вашему остроумію мы говоримъ на тему, что западно-христіанское человѣчество уже сказало послѣднее слово своего интеллектуальнаго развитія,—что послѣ Гегеля ему ничего не оставалось, какъ только поворотить къ язычеству,—что въ историческомъ своемъ восхожденіи оно уже достигло апогея и направилось къ спуску,—что теперь мы православные, русскіе, славяне, греко-славяне, выдвигаемся на первое мѣсто въ исторіи міра,—мы первенцы Богу нашему; насъ Промыслъ Божій долго держалъ, а южныхъ славянъ и грековъ и продолжаетъ еще держать подъ гнетомъ и подъ спудомъ, чтобъ мы не слишкомъ быстро развивались, не слишкомъ скоро изживались, но именно для настоящаго и послѣдующихъ вѣковъ выросли въ исполина-первенца, возлюбленнаго сына Богу, въ новаго Израиля, для просвѣщенія и освященія всего человѣчества, и стараго изжившаго (и смотрите, къ намъ теперь—къ нашему правовѣрію начинаютъ обращаться самыя мудрыя изъ самыхъ развитыхъ народовъ), и новаго еще пока не вдвинувшагося въ круговоротъ всемірной исторіи въ ожиданіи той великой эпохи обще-человѣческаго апогея, когда, хотя приблизительно къ нашему идеальному чаянію, будетъ на землѣ *едино стадо и единъ пастырь*.

Но и въ нѣдрахъ основавшейся среди греко-славянскаго человѣчества истинно-Христовой церкви должны быть свои преимущественные первенцы Богу, продолжатели Христова дѣла, творцы исторіи. Благоговѣнное поклоненіе старѣйшимъ сынамъ церкви, ея защитникамъ,—православнымъ богопомазаннымъ монархамъ. Но ихъ преимущественное призваніе, при покровительствѣ церковному строю, заключается въ созиданіи гражданской исторіи на-

рода и царства. Ко всѣмъ христіанамъ первоверховный апостоль обращаетъ священно-учительное слово: *и сами, яко каменіе живо, зиждитесь во храмъ духовенъ, святи-тельство свято, чтобы воносить жертвы духовны, благопріятны Богови Іисусомъ Христомъ. Вы родъ избранъ, царское священство, языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвъстите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ, — иже иногда не людіе, нынѣ же людіе Божіи* (1 Петр. 2, 5—10). Значить, всѣ вѣрующіе суть зиждители храма Божія, члены единого тѣла церкви, цари и іереи своему Богу, творцы церковной исторіи. Тѣмъ не менѣе и между ними должны быть и есть свои первенцы. Да, это — пастыри и учителя церкви. Зиждитель и глава церкви Господь нашъ далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же пастыри и учителя, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова: дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, да не бываемъ ктому младенцы, влающиеся и скитающиеся всякимъ вѣтромъ ученія во лжи чловѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія, истинствующе же въ любви, да возрастимъ всяческая изъ того, иже есть глава Христосъ (Еф. 4, 11—15). Но и между благовѣстниками, пастырями и учителями церкви божественное откровеніе указываетъ ближайшихъ къ престолу Божію истыхъ первенцевъ въ тѣхъ избраннѣйшихъ изъ избранныхъ, *иже съ женами не оквернишася: зане дѣвственницы суть. Сіи послѣдуютъ Агницу, а може аще поидетъ. Сіи суть куплены отъ людей первенцы Богу и Агницу* (Апок. 14, 4—5).

Нужно ли доказывать, умѣстно ли доказывать вамъ, благовременно ли доказывать въ настоящее время, что сіи

первенцы Божіи, пастыри и учителя церкви, были и суть не послѣдніе зиждители исторіи и русскаго народа,—что православіе есть зиждительное начало нашей народности, душа, стержень, опора, цементъ народнаго единства? Посмотрите назадъ, что сплотило въ однороднаго исполина этотъ колоссъ, который завистливому глазу западно-европейца представляется глинянымъ, точнѣе—желѣзносудельнымъ, сплоченнымъ изъ многихъ слишкомъ разнородныхъ элементовъ? Посмотрите, куда дѣвались эти милліоны финновъ, которые жили отъ Урала до Олонца чрезъ Пермь, Вятку и Вологodu до самаго сердца Россіи Москвы? Все это перепаялось въ самую крѣпкую Русь. А чѣмъ? Православіемъ. Посмотрите, вотъ здѣшніе татары уже около четырехъ вѣковъ подлежатъ русскому господству, между тѣмъ разнятся отъ русскихъ не только по духу, но и по тѣлу при единствѣ климатическихъ условій. А отъ чего? Отъ того, что разнятся по духу, по вѣрѣ. А другіе, наприм. здѣшніе же черемисы или даже тѣже татары, ставъ едино съ нами по вѣрѣ, по духу, преобразились и преображаются чуть не на нашихъ глазахъ въ кровныхъ русскихъ и по тѣлу. Посмотрите на самую дальнюю окраину, сибирскую: тамъ въ жилахъ русскихъ людей течетъ уже слишкомъ много инородческой крови, но люди русскіе по духу тамъ глядятъ русскими же и по виду,—у береговъ восточнаго океана; тогда какъ финны подъ самымъ Петербургомъ, финны въ недалекой Финляндіи, финны и родственные славянамъ латыши остзейскаго края, даже братья наши — поляки, — разнородные съ нами по вѣрѣ, разнородны же не только по духу, но и по внѣшности, — равно какъ и разнородные съ нами колонисты внутри русской земли. Жалки тѣ умники, которые не видятъ этой очевидности,—которые усиливаются противопоставить

единовѣрію въ православіи космополитическое единомысліе обще-человѣческой цивилизаціи. Священная задача нашего народа и царства беречь святиню православія, какъ зѣницу ока, какъ свою душу, какъ свою жизнь.

Въ мірѣ Божіемъ, въ общемъ ходѣ міровой жизни, все солидарно и разумно; въ царствѣ Божіемъ, въ планахъ Божественнаго Промысла нѣтъ случайностей! Не случайно то, что изъ потребностей народа и государства развилось наше духовное сословіе, въ сословіи выработалась наша духовная школа, надъ школами возвысились наши духовныя академіи. Не намъ отрицать заслуги нашихъ школъ. Говорю громко, зная двѣ или три губерніи близко статистически: до самаго послѣдняго времени среди милліоновъ сельскаго населенія почти всѣ учителя (считая въ томъ числѣ и священниковъ) были питомцы нашихъ школъ, и почти ни одного питомца гимназій; въ уѣздныхъ городахъ питомецъ университетовъ, какъ народный учитель, рѣдкое исключеніе: ихъ всѣхъ, питомцевъ гимназій и университетовъ, до послѣднихъ годовъ поглощали въ себѣ губернскіе и столичныя города, въ селахъ же если они и бывали, то крайне рѣдко учителями просвѣтителями народа. Наша заслуга предъ безпристрастіемъ исторіи неустраима. И призваніе наше высоко.

Нѣкоторые не только изъ чужихъ, но и изъ такихъ, о которыхъ давно сказано: *отъ насъ изыдоша...*, поднимая руку на учрежденіе, которое на языкѣ мыслящаго человечества называется—*alma mater*,—по просту—поднимая убійственную руку на свою мать, уже громко въ слухъ всего свѣта трубятъ, что наши высшія учебныя учрежденія—академіи не имѣютъ права на существованіе. Не споримъ, безнравственное въ принципѣ ниже оспариванія... Да, онѣ теряютъ право на бытіе,—нѣтъ, теряютъ са-

мое бытіе тотчасъ, когда доживуть и если бѣ онѣ дожили до несчастія измѣнить своему спеціальному призванію, своей особенности, своей исключительной цѣли—хранить и защищать святыню вѣры твердымъ научнымъ словомъ, хотя въ тоже время и не крайне удаляясь отъ того благоговѣйнаго къ христіанской святынѣ правила, которое у первенствующихъ христіанъ, неустанно и твердо, мудро и побѣдоносно отстаивавшихъ истину Христову, обозначалось именемъ—*disciplina arcani*.

Наши академіи имѣють назначеніемъ воспитывать просвѣщенныхъ служителей слова Божія и церкви, просвѣщенныхъ служителей православной богословской науки и учительства въ духѣ православія. Едва ли преувеличимъ дѣло, если скажемъ, что наши академіи—это цвѣтъ на древѣ церкви, въ которомъ организуются и зрѣютъ сѣмена для продолженія жизни церкви. Въ этомъ то смыслѣ другія духовныя наши училища и названы семинаріями. Таковъ нашъ идеалъ. Какъ же мы къ нему подходимъ? Тремя путями. Во-первыхъ служеніемъ богословской наукѣ и церковному ученію въ званіи несвященномъ. Хорошее дѣло и то, почтенное служеніе, высокое призваніе... Но, осмѣлимся сказать, не иначе какъ въ дополненіи къ тому же служенію, соединенному съ священнымъ саномъ. А еслибы христіанское учительство вполнѣ отсѣчь отъ священнаго сана, будетъ ли оно отвѣчать своей вѣрѣ? Много ль мы знаемъ въ апостольской и вообще въ первенствующей церкви исторически-извѣстныхъ учителей не носившихъ священнаго сана?

Вотъ вамъ, мои любезные братья и чада, мое послѣднее слово—не бѣгайте священнаго сана, не всѣ—конечно, а тѣ, которыхъ призываетъ Богъ. Повѣрьте, да и сами размысливши убѣдитесь, этотъ духъ, смутная не выяснив-

шаяся склонность нашего времени замѣнить священное учительство мірскимъ, въ концѣ концовъ солидарны съ тѣмъ антихристіанскимъ духомъ вѣка, который на западѣ Европы мало по малу гонитъ съ лица земли все христіанское, который ведетъ насъ самихъ къ признанію нашего безправія на существованіе. Сказалъ бы я даже, и говорю, что наши академіи, какъ не чуждались, такъ и не должны чуждаться и монашескаго духа.

Говоря кратко,—посмотрите на величайшихъ историческихъ дѣятелей христіанства съ апостольскихъ временъ, съ тѣхъ временъ, когда семейные епископы были еще явленіемъ нерѣдкимъ. Величайшіе по вліянію на созиданіе христіанства апостолы Павелъ и Іоаннъ, непосредственные ученики ихъ и преемники Тимоѳей и Титъ, Игнатій и Поликарпъ, Иринеи и Кипріанъ, Аѳанасій и Василиій великіе, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, Григорій и Николай чудотворцы, Августинъ и Амвросій, Левъ и Григорій Двоесловъ, всѣ до единого наши русскіе святители отъ Михаила кіевскаго чрезъ Кипріана собирателя русскія земли, чрезъ Петра, Алексія, Іону и Филиппа московскихъ, чрезъ Ермогена, Митрофана и Димитрія, и до святителя Тихона и до святителей Филаретовъ, звѣздами первой величины сіяющихъ на горизонтѣ церкви, были и нынѣ. А перечтите историческія имена между святителями провожавшими жизнь семейную..... Изъ древнихъ замѣчательнѣйшій святой епископъ Григорій, отецъ своего великаго сына Григорія Богослова, почтенъ былъ отъ христіанской древности наименованіемъ *авраамскаго старца*, наименованіемъ, которое для подобной нравственной высоты указывало идеаль въ ветхомъ заветѣ, а не въ новомъ. Находящее возраженіе, что инокамъ легче было достигать исторической извѣстности, такъ какъ они поглощали въ

своимъ званіи лучшія дарованія и занимали, высшія въ церкви мѣста, отвѣчаемъ, что въ римскомъ католициствѣ мы даже до сего дня видимъ замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей; въ протестантиствѣ же, даже въ англиканствѣ, гдѣ есть пресановные генераль-супер-интенденты и даже милорды епископы и архіепископы, можемъ встрѣтить мужей предостойныхъ, многоученыхъ, даже благочестивыхъ и благоговѣйныхъ, но послѣ Лютера монаха, извѣстнымъ образомъ отринувшаго свой монашескій обѣтъ, не знаемъ ни одного историческаго имени, кромѣ развѣ имени возникшихъ въ послѣднее время новыхъ ересеучителей. Достойнѣйшіе же изъ сановниковъ церковныхъ тамъ, похоронивъ свою отчужденность отъ міра въ гуманности семейныхъ узъ, похоронили вмѣстѣ съ тѣмъ и исторію церкви... Да, тамъ нѣтъ исторіи церкви. На протестантскомъ западѣ мы знаемъ великихъ дѣятелей во всѣхъ родахъ человѣческой дѣятельности, но только свѣтскихъ. Въ православной же церкви еще наши очи видѣли священномученика патріарха Григорія въ смиренной Греціи и святителей Филаретовъ на святой Руси. Вольною волею и вольнымъ разумомъ вступивъ на трудовое дѣланіе въ вертоградъ Божию не съ единадесятаго, а съ перваго часа — съ ранняго утра юности, вытерпѣвъ зной и жаръ полудня жизни, я былъ и есмь и пребуду далекъ отъ склонности увлекать пылкое юношество идеальностію монашества. Но въ эту прощальную минуту торжественно заявляю его необходимость въ общемъ строѣ нашей церкви. Видѣлъ я и знаю между нашею братіею не только пагубныя, но даже гибели. Тѣмъ не менѣе я вынесъ изъ жизни убѣжденіе, что монашество въ общемъ составѣ своемъ еще пока поддерживаетъ древній спасительный отрѣшающій отъ міра духъ, изъ самыхъ немощей нашихъ образуя, дѣйстви-

емъ божественнаго промысленія, тотъ земной тувъ, который такъ однороденъ и такъ необходимъ произрастающимъ изъ него и пшеницѣ и розамъ: солидарное въ своемъ единствѣ монашество произрастаетъ изъ себя свѣтлыя и многоплодныя въ церкви личности святителей Филаретовъ, Тихоновъ, Димитріевъ. Самодѣльная же новѣйшая идея возврата къ апостольской якобы практикѣ исключенія монашества изъ церковныхъ служеній, по закону развитія всякой живой идеи, возвратившись къ своей исходной точкѣ, безъ сомнѣнія оказалась бы нетождественною съ апостольскимъ духомъ и ученіемъ.

Се Господа Бога твоего небо и небо небесе, земля и вся, елика суть на ней. Обаче отцы ваши произволи Господь любити ихъ, и избра сѣмя ихъ по нихъ—васъ взденъ сей. И нынѣ, новый Израилю, что проситъ (замѣтьте—проситъ) Господь Богъ твой у тебе, точію еже болятися Господа Бога твоего, и любити его, и служити Господу Богу твоему отъ всего сердца твоего (Втор. 10, 12—13)? Это мое вамъ послѣднее слово, послѣднее завѣщаніе. Священнымъ долгомъ своимъ я счелъ внушить вамъ наше святое признаніе—вырабатывать изъ себя святое сѣмя—стояніе русскія земли...

За тѣмъ прощайте. Простите, отцы и братія и чада, и сущіе и отсутствующіе, елика согрѣшихъ Богу и церкви и вамъ дѣломъ и словомъ, писаніемъ и мыслію, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ. Все равно какъ надъ могилою моею, засыпьте прахомъ христіанскаго забвенія все ветхое и немощное во мнѣ, и помолитесь о восполненіи моей скудости божественною благодатію и даромъ и властію.

Примите, отцы и братія и чада, отсюда, съ сего священнаго мѣста, глубоко-сознательное выраженіе искреннѣйшей, сердечнѣйшей, глубочайшей моей признательности.

Покрываемый глубиною благодати святаго архипастыря нашего *), я въ вашей глубоко-развитой и постоянно развивающейся, мирной и здоровой средѣ отдохнуль, оздоровѣль, ожилъ больною душою и взысканъ милостями Божиими, какихъ не чаялъ, начиная съ креста, осѣняющаго высшую учено-богословскую степень.

Моими грѣшными руками поднимая сіе отраженіе моего повергающагося въ прахъ предъ ангеломъ хранителемъ честнаго дома сего благодаренія, сію жертву мою святому храму сему—честный и животворящій крестъ Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, благословляю всѣхъ васъ, кого имѣю священное право благословлять, и будущіе преемственные роды ваши съ молитвою: да будетъ священное учрежденіе сіе свѣтильникомъ, сіяющимъ во всѣ концы міра,—да будетъ животворнымъ разсадникомъ святаго сѣмени—стоянія русскія земли до конца вѣковъ! *Да благословитъ васъ Господь отъ Сіона, и узрите благая Іерусалима во вся дни живота вашего. Аминь.*

*) Антонія, архіепископа казанскаго, нынѣ въ Божѣ почившаго.

РѢЧЬ,

произнесенная предъ лицомъ Святѣйшаго Синода б. ректоромъ казанской духовной академіи архимандритомъ Никаноромъ по нареченіи его во епископа ахсайскаго, викарія донской епархіи, 30 Іюня 1871 года.

ВАШЕ СВЯТѢЙШЕСТВО!

Обязываемый чиноположеніемъ церковнымъ, въ эту священно-торжественную въ моей жизни минуту, отвѣчать предъ Вами и всею церковію: *благодарю, приѣмлю и ничтоже вопреки глаголю*,—что я и выразилъ уже какъ устами, такъ и самымъ предстояніемъ здѣсь,—чтобы отвѣчать открытымъ сердцемъ, какъ на исповѣди, какъ предъ Богомъ, прошу Вашего благословенія выразить душевныя движенія, съ какими мое смиреніе предстало сюда предъ священное лице Ваше.

Было бы совѣстно сказать, что мы понимаемъ и чувствуемъ высоту и тяготу епископскаго сана также, какъ понимали и чувствовали Василий великій, Григорій, Златоустъ, или Августинъ. Гдѣ встрѣтишь такихъ міровыхъ геніевъ, такія широкія сердца? Они были тончайшія чувствилища церковнаго тѣла своего времени. А церковь ихъ времени была церковь юная, чувствующая юную развивающуюся жизнь съ восприимчивостію и впечатлительностію чистыми юношескими; тогда какъ мы живемъ уже въ періодъ возмужалости, если только не дряхлѣнія христіанскаго человѣчества, когда и чувствительность въ членахъ церкви земной уже пріослабѣваетъ, и вѣпучее развитіе жи-

зни уже замедляется и охлаждается. Тѣмъ не менѣе и въ наше время много ли вниманія, много ли глубокомыслія нужно, чтобы видѣть, что къ прежнимъ тяготамъ епископства присоединились новыя! Развѣ епископъ теперь менѣе отвѣтственъ предъ Богомъ и предъ людьми? Слово апостола: *настой благовременнѣе и безвременнѣе...* Умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како инымъ проповѣдуя самъ неключимъ буду,—развѣ не для него сказано? И оно его не пугаетъ? И если бѣ онъ смежилъ очи и заснулъ, развѣ его не пробуждаютъ бури вѣка, которыя ему болѣе, чѣмъ кому-либо, воютъ грозою? Окружающее насъ спокойствіе нравственнаго міра только кажущееся. И не надо глядѣть далеко во Францію,—наша Русь шире и для бурь просторнѣе. Наши собственныя очи съ смятеннымъ изумленіемъ смотрѣли и сердца муками настоящаго и горькими предчувствіями будущаго болѣли и ноги едва держали, а нѣкоторыхъ и не удержали бы, если бѣ другіе не поддержали, когда неслась грозная буря идей и событій надъ нашими головами. Эти бури по мѣстамъ, по временамъ взрываются и теперь, предвѣщая всеобъемлющій вихрь. Жизнь есть движеніе, есть борьба, есть неустанный подвигъ. А къ концу вѣковъ эта борьба, увеличиваясь больше и больше, должна кончиться небывалымъ и невообразимымъ смятеніемъ, грозно сокрушительнымъ возстаніемъ духа міра сего на церковь Божію. И не слышимъ ли мы съ томительнымъ предчувствіемъ сердца пока глухихъ, но громовыхъ раскатовъ надвигающейся грозы въ этомъ гулѣ, съ какимъ духъ вѣка сего, тяготясь смиреннымъ положеніемъ церкви, вопить о нашихъ недостаткахъ и требуетъ отъ каждаго изъ насъ и отъ всѣхъ идеальнаго совершенства, якобы въ видахъ собственнаго назиданія, на самомъ же дѣлѣ въ духѣ евреевъ, которые, не довольствуясь всѣмъ

прошлымъ жизни Спасителя, требовали отъ Него еще на вѣстѣ чуда: *спасися самъ и снуди со креста, и вѣруемъ Ти...*

Отъ чего же мы не бѣгаемъ епископства, какъ бѣгали древніе угодники Божіи? Не изъ честолюбія ли и другихъ преступныхъ влеченій? Сказали бы мы, будь проклято честолюбіе, которое влечетъ человѣка на такой опасный путь, если бы уста наши не призваны были изрекать благословенія, а не проклятія. Неблагословенны самыя укеры въ подобной низости чувствъ, нагло къ намъ обращаемые. Мы не смѣемъ бѣжать потому, что жребіемъ нашей жизни вдвинуты въ священство, сросшееся съ духомъ и жизнію нашей церкви съ I-го и по сей XIX вѣкъ, великое учрежденіе слугъ церкви, оторвавшихся отъ міра и всецѣло отдавшихся на служеніе Богу съ силами и немощами своими. Не смѣемъ потому, что въ мірѣ души всецѣлостно: какъ нарушеніе одной заповѣди есть оскорбленіе всего закона, такъ соблюденіе одного изъ иноческихъ обѣтовъ, основнаго изъ нихъ—благопокорнаго послушанія, приводитъ съ собою и облегчаетъ удовлетвореніе и другимъ иноческимъ обязательствамъ;—потому что немного нужно надъ собою наблюденія, чтобы видѣть, что самоволіе въ нашей иноческой жизни приводитъ на край гибели, даже нравственной,—что напротивъ покорность волѣ Божіей и слѣдованіе призванію держатъ людей если не на уровнѣ, то вблизи нравственной высоты сана и положенія,—потому что въ дому Божіемъ нужны сосуды—орудія божественнаго домостроительства, и сосуды всякіе, златые и глиняные, въ честь и не въ честь, сосуды гнѣва и милости и помилованія чрезъ гнѣвъ,—потому что призваніе къ епископству вдвигаетъ мѣрность избраннаго въ сонмъ избранныхъ и отрѣшенныхъ отъ міра рабовъ Божіихъ, передо-

выхъ двигателей церковной исторіи, отъ апостоловъ Павла и Іоанна, и чрезъ Тита и Тимоѳея, и даже до днесь.

Благодарю Тебя, милостивый кроткій нашъ Спаситель, яко не по беззаконіемъ нашимъ сотворилъ еси намъ; твори Боже волю твою надъ нами и твоя святая воля да будетъ нашею. Буди благословенно имя мудраго многоопытнаго іерарха *), твердая отеческая рука котораго много лѣтъ, особенно же въ годину искушенія, крѣпко держала меня въ прямомъ стояніи на жизненной дорогѣ, и велѣніемъ Божиимъ, ходатайствомъ предъ благодію Вашего Святѣйшества, теперь поставила здѣсь: молю Бога о милости долго послужить надежнымъ посохомъ его маститой старости. Буди благословенна пучина благодати іерарха **), коему судилъ Богъ утишить и утѣшить послѣдніе годы моей не безпечальной жизни. Буди благословенна долготерпѣливая христоподобная любовь всѣхъ Васъ, мои отцы, мои воспитатели и братія, даже до сей священной въ моей жизни минуты утверждавшихъ нетвердые шаги моей немощи отеческимъ и братскимъ внушеніемъ и милованіемъ, благимъ чаяніемъ и желаніемъ, добрымъ словомъ и молитвою.

Отцы святѣйшіе! Достоинство Златоустовъ и другихъ свѣтилъ церкви ими самими предъ святостію сана признано было устрашающимъ недостойнствомъ; о моемъ же сравнительномъ достоинствѣ или недостойнствѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Подклоняю мою выю подъ возлагаемое иго только потому, это боюсь не подклонить, боюсь оскорбленія духа церкви и кары Божіей,—потому что надѣюсь держаться за вашу твердость—твердость всецерковнаго и особенно епископскаго сонма и идти вмѣстѣ и вслѣдъ за

*) Высокопреосвященнаго Платона, нынѣ Митрополита Кіевского, тогда архіепископа донскаго.

**) Въ Бозѣ почившаго Антонія архіепископа казанскаго.

вами, а може поведеть церковь свою благій Господь. Благодарю за долготерпѣливое благоволеніе, приѣмлю милость за милость и ничтоже вопреки глаголю, кромѣ только что немощенъ есмь отъ ложенъ и отъ сосцу матере моя. Поддержите немощь, подкрѣпите безсиліе, восполните скудость, помолитесь; помолитесь, чтобы Господь помогъ мнѣ право править слово истины и правды прежде всѣхъ въ себѣ, а потомъ и въ другихъ, чтобы послѣдніе годы моей жизни и смерть моя явились если и не прославленіемъ имени Божія, то и не безчестіемъ святой Божіей церкви. *Боже! Спаси Царя, и услыши ны, въ оныже аще день призовемъ Тя.*

ПОУЧЕНИЕ

при первомъ служеніи въ уфимскомъ кафедральномъ соборѣ 12 Февраля 1877 г., въ субботу первыя седмицы великаго поста.

Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ.

Кто это сказалъ, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ?

Господь нашъ Иисусъ Христосъ, по воскресеніи своемъ изъ мертвыхъ, десять разъ являлся своимъ ученикамъ, которые, оставаясь въ живыхъ, имѣли назначеніемъ быть Его свидѣтелями во Іерусалимѣ и во всей Іудеи и даже до конецъ земли.

Воскресши Иисусъ отъ гроба, явился *первое* Маріи Магдалинѣ, изъ которой прежде изгналъ семь бѣсовъ. Во *второй* разъ, послѣ явленія Маріи Магдалинѣ одной, Господь явился всѣмъ женамъ мѣроносицамъ, двумъ Маріямъ, Саломіи и Іоаннѣ и, быть можетъ, нѣкоторымъ другимъ. Въ *третье* явленіе Воскресшій явился первоверховному апостолу Симону Петру, горько плакавшему о своемъ отреченіи. Въ *четвертый* разъ Господь явился, въ видѣ странника, двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ, Лукѣ и Клеопѣ. Въ *пятое* явленіе, — подъ вечеръ перваго дня воскресенія, — Воскресшій явился въ Іерусалимѣ десяти избран-

нымъ, апостоламъ, за исключеніемъ отсутствовавшего, по особому смотрѣнію Божію, Θомы. Такимъ образомъ пять явленій Воскресшаго падали на первый день воскресенія и произошли въ Іерусалимѣ и окрестностяхъ его. *Шестое* явленіе совершилось опять же въ Іерусалимѣ, но уже чрезъ недѣлю по воскресеніи, въ такъ называемое Θомино воскресенье; въ этотъ разъ Господь явился всѣмъ едионадесяти избраннымъ апостоламъ, въ томъ числѣ уже и Θомѣ невѣрному. *Седьмое* же явленіе произошло уже въ Галилеѣ. Согласно съ повелѣніемъ ангела, даннымъ въ первыя минуты по воскресеніи, апостолы, послѣ Θомина воскресенья, отправились въ Галилею. Тамъ, въ первый разъ,—вѣроятно, уже не задолго до вознесенія,—Воскресшій явился семи апостоламъ: Симону, Θомѣ, Наѳанаилу, сынамъ Завеевымъ, Іакову и Іоанну, и двумъ другимъ, думаютъ — Филиппу и Андрею, такъ какъ Андрей, родной братъ ап. Петра, происходилъ изъ града Андреева и Петроза, а Филиппъ изъ Вивсаиды галилейскія. Но скорѣе можно полагать, что эти ина два ученика были не изъ двоюнадесяти,—иначе они были бы поименованы съ первыми пятью,—но изъ тѣхъ пятисотъ братій, которые впослѣдствіи видѣли Воскресшаго на одной изъ галилейскихъ горъ. При этомъ же, можетъ быть, седьмомъ явленіи Господь сказалъ своимъ ученикамъ, что желаетъ видѣть на горахъ галилейскихъ въ послѣдній разъ всѣхъ, кто знаетъ и любитъ Его. Несомнѣнно только, что Онъ самъ указалъ мѣсто на горѣ для этого торжественнѣйшаго изъ своихъ явленій по воскресеніи, *восьмого* по счету; на этотъ разъ Воскресшій явился не только едионадесяти апостоламъ, но вмѣстѣ съ ними болѣе чѣмъ пятистамъ вѣрующимъ братіямъ. Въ *девятый*, предположительно, послѣдній разъ, предъ вознесеніемъ, Господь явился апостолу Іакову, котораго, по преданію, самъ и поставилъ первымъ

епископомъ іерусалимской церкви, средоточіемъ апостольскаго либа, имѣвшаго разсѣяться на проповѣдь евангелія по всему лицу земли. А въ *десятый* послѣдній разъ Господь явился уже въ самый день вознесенія, въ сороковой день по воскресеніи, явился опять уже въ Іерусалимѣ, единонадесяти и другимъ ученикамъ, откуда извелъ ихъ вонъ до Вифаніи на гору Елеонскую; тамъ въ виду ихъ поднялся отъ очей ихъ и вознесся на небо, гдѣ и возсѣлъ одесную своего небеснаго Отца.

Мы съ вами, братіе, въ этотъ знаменательный, по крайней мѣрѣ, для меня часъ, остановимся нашимъ вниманіемъ особо на восьмомъ явленіи Воскресшаго.

Изъ евангелія отъ Матѳея и изъ посланія св. Павла къ Коринѳянамъ извѣстно, что единонадесять апостоловъ и болѣе пятидесять братій пошли въ Галилею на гору, куда повелѣлъ имъ Іисусъ. Извѣстно также, что еще въ первыя минуты по воскресеніи, когда жены мироносицы въ первый разъ приблизились со страхомъ и трепетомъ ко гробу Воскресшаго, то узрѣли здѣсь ангела, сѣдящаго на отваленномъ камнѣ, который и сказалъ имъ: *что ищите живаго съ мертвыми? Его нѣтъ здѣсь. Идите, скажите ученикамъ: Онъ и особенно горько плакавшему о своемъ превознесеніи и паденіи Петру, что Господь встрѣтитъ васъ въ Галилеѣ и тамъ вы Его увидите, какъ говорилъ Онъ вамъ.* — Спрашивается, почему воскресшій Господь, равно какъ и ангелъ благовѣстникъ воскресенія повелѣваютъ апостоламъ идти именно въ Галилею? Зачѣмъ же Господь явился нѣсколько разъ еще прежде Галилеи именно въ Іерусалимѣ?

Тутъ для недоразумѣвающихъ нѣсколько словъ о томъ, что такое Галилея и въ какомъ отношеніи находилась она къ Іерусалиму и къ Іисусу Христу. Во время земной жизни Спасителя, обѣтованная земля дѣлилась вдоль на двѣ части, по рѣкѣ Іордану, которая, вытекая изъ Ливанскихъ

горъ съ сѣвера и впадая на югъ въ Мертвое море, разрѣзываетъ обѣтованную землю на двѣ половины, правую и лѣвую, и лѣвая въ отличіе отъ правой называется Заіорданскою страною. Правая же сторона дѣлилась поперекъ на три отдѣла: на югъ на Іудею, въ которой находился Іерусалимъ, которая населена была наиболѣе чистокровными евреями,—по срединѣ на Самарію, гдѣ жили самаряне, старинная помѣсь евреевъ съ переселенцами язычниками,—помѣсь, которая принимала изъ ветхаго завѣта только пять книгъ Моисеевыхъ и имѣла свой, особый отъ іерусалимскаго, храмъ на горѣ Гаризинъ,—а на самомъ сѣверѣ на Галилею, въ которой жили евреи, ходившіе на поклоненіе въ храмъ іерусалимскій, но перемѣшанные съ язычниками и успѣвшіе въ средѣ языческой познать многое отъ язычниковъ и позабыть многое изъ преданій чисто іудейскихъ. По особому строенію Промысла, Іисусъ Христосъ родился въ Вифлеемѣ въ Іудеѣ, недалеко отъ Іерусалима; но вслѣдствіе Иродова гоневія, по возвращеніи изъ египетскаго бѣгства, поселился въ Назаретъ въ Галилеѣ. Тамъ же въ Галилеѣ Онъ провелъ не только всю свою частную уединенную жизнь, до 30-лѣтняго возраста; но и по выступленіи на общественное служеніе евангелію, большую часть послѣднихъ 3½ лѣтъ провелъ опять же въ Галилеѣ, странствуя въ живописнѣйшихъ горныхъ окрестностяхъ Геннисаретскаго озера. Въ Іерусалимѣ въ Іудеѣ почти всѣ (за исключеніемъ весьма немногихъ) ненавидѣли Господа Іисуса и преслѣдовали, гдѣ наконецъ и убили Его. Въ Галилеѣ же наоборотъ очень многіе любили Его, многіе даже увѣровали въ Него. И вотъ по воскресеніи, не задолго до вознесенія, вышли въ Галилеѣ на послѣднее поклоненіе Воскресшему болѣе 500 братій, болѣе или менѣе вѣрующихъ къ Него и преданныхъ Ему душъ. То въ

евангеліяхъ не открыто, зачѣмъ Господь, повелѣвъ апостоламъ идти по Его воскресеніи въ Галилею, въ первый же день воскресенія пять разъ явился ученикамъ въ самомъ Іерусалимѣ и окрестностяхъ его; въ восьмой день явился въ Іерусалимѣ же всѣмъ апостоламъ и Ѳомѣ, и только послѣ этого уже, восьмого дня по воскресеніи, апостолы двинулись въ Галилею? Несомнѣнно однакоже, что случайнаго здѣсь не могло быть ничего. Въ этихъ, наиболѣе чрезвычайныхъ въ міровой исторіи, обстоятельствахъ, всякая малѣйшая частность совершалась по особому промыслу Божию. Можно гадать съ вѣроятностію, что Воскресшій имѣлъ въ виду увѣрить въ дѣйствительности своего воскресенія сперва ближайшихъ своихъ учениковъ и ученицъ, не оставляя въ томительно-мучительномъ сомнѣніи и Ѳому; а затѣмъ далѣе нашелъ нужнымъ дать живое свидѣтельство своего воскресенія и всѣмъ, болѣе или менѣе увѣровавшимъ въ Него, именно въ Галилеѣ, которыхъ и оказалось болѣе 500 человекъ,—для того, чтобы не только избранные ученики Воскресшаго, но и многіе другіе остались на землѣ надолго живыми очевидцами воскресенія Господня. Почему апостолъ Павелъ, лѣтъ 15 спустя послѣ этого событія, и пишетъ Коринѣянамъ, раскрывая имъ основную христіанскую истину воскресенія, что воскресшаго Господа видѣли не только Марія Магдалина и жены мироносицы, не только Петръ и прочіе десять избранныйшихъ апостоловъ; но въ Галилеѣ видѣли Его болѣе 500 братій, изъ которыхъ въ то время, во время написанія этого посланія къ Коринѣянамъ, одни уже скончались, а другіе были еще живы даже до сего дня.

Несомнѣнно, что это было если не самое знаменательное, то самое торжественное явленіе Воскресшаго всѣмъ членамъ тогдашней Его церкви. Конечно, мы безсильны изоб-

бразить, даже вообразить чувства, съ какими тогда эти нѣсколько сотъ человѣкъ, собравшись на одной изъ галилейскихъ горъ, по повелѣнію и указанію воскресшаго Господа, ждали Его тутъ. Сдѣлаемъ однакоже усиліе представить себѣ. Вотъ всѣ они, собравшись на указанной горѣ, — безъ сомнѣнія, на одной изъ горъ, на кототыхъ раздавалась прежде божественная проповѣдь божественнаго Учителя, — впереди всѣхъ единонадесять избранныхъ апостоловъ, съ бьющимися сердцами, съ радостною надеждою и страшливымъ сомнѣніемъ, вперяють свои взоры въ пространство, въ томительномъ ожиданіи увидѣть очами, услышать собственными ушами, даже осязать руками Воскресшаго мертвеца.... И вотъ Онъ предсталъ предъ ихъ взорами.... Увидѣвъ Его, они пали на землю съ радостно-благоговѣйнымъ страхомъ предъ Его уже неземнымъ величіемъ, а нѣкоторые и тутъ еще съ сомнѣніями, не вѣря собственнымъ очамъ. Тогда Онъ отверзаетъ свои уста и увѣряетъ въ истинѣ своего воскресенія, увѣряетъ не очи ихъ только, но и уши. Говоритъ Онъ этому большому, въ нѣсколько сотъ, собранію вѣрующихъ душъ, но сравнительно ничтожному съ численностью всего невѣрующаго, тогдашняго и будущаго человѣчества, — этому горчичному зерну будущаго великаго древа церкви, — говоритъ то, что хотѣлъ сказать Онъ, Богочеловѣкъ, Царь неба и земли, въ этотъ торжественнѣйшій для земли и неба, для церкви и всего земнаго міра часъ. Сіи-то божественныя слова я и хочу предложить сегодня вашему особенному вниманію. Собраніе этихъ болѣе 500 душъ первыхъ христіанъ имѣетъ существенную связь съ нашимъ нынѣшнимъ собраніемъ, въ семъ соборномъ храмѣ нашего края. Сказанныя тогда воскресшимъ Спасителемъ слова сказанны не только апостоламъ и первымъ вѣрующимъ очевидцамъ Господа, но и

всѣмъ послѣдующимъ христіанамъ, въ томъ числѣ и намъ, и не мнѣ одному, какъ предстоятелю здѣшней церкви, старѣйшему между вами преемнику апостольскихъ правъ и обязанностей, а всѣмъ намъ, и мнѣ и вамъ. И выражаютъ эти слова именно то, что обязанъ дѣлать не я только; что обязаны дѣлать мои сопастыри священники, но обязаны и всѣ вы, до послѣдняго изъ присутствующихъ въ семъ храмѣ и до всѣхъ и всякаго изъ вѣрующихъ во Христа во всемъ этомъ краѣ

Вотъ что изрекъ здѣсь воскресшій Господь. *Мнѣ дана всякая власть на небѣ и на землѣ.* Не бойся малое стадо, такъ какъ вамъ благоизволилъ Богъ Отецъ предоставить царство на небѣ и на землѣ. *Шедше убо научите вся языки...* Итакъ не бойтесь,—ступайте и *научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, наставляя ихъ блюсти все, что Я заповѣдалъ вамъ.* *И се Азъ съ вами есмь во вся дни до окончанія вѣка.*

Словъ не много, но ими опредѣлилась судьба не только міра, но и нашего уфимскаго края. За нѣсколько вѣковъ до рождества Христова, въ этихъ краяхъ, въ состояніи полудикости, скитались финскія племена, которыя частью остались здѣсь даже до сего дня, а частью оттѣснены къ сѣверо-западу. Не ранѣе какъ за тысячу лѣтъ до Р. Х., по низовьямъ Урала и верховьямъ Каспія, какъ полагаютъ ученые, придвинулось съ востока на западъ великое славянское племя, едвали захвативъ нашъ край даже своимъ движеніемъ, а первоначальнымъ заселеніемъ своимъ оставивъ его позади, первоначально расселившись по верховьямъ Волги, по Днѣпру и Дунаю въ глубь юго-западной Европы. Здѣшнюю же мѣстность, въ продолженіи многихъ вѣковъ, топтали многіе народы, которые мудро даже называть и опредѣлить, толкая другъ друга съ дальняго вос-

тока на западъ, пока наконецъ на этотъ край не надвинулась и не остановилась надъ нимъ надолго грозная и мрачная туча татаръ и монголовъ.

Тѣмъ не менѣе божественное слово нашего Спасителя царить надъ судьбами сего края, какъ и всего міра. «Мнѣ Христу, а не Магомету, дана всякая власть на небѣхъ и на землѣхъ. Только вы смотрите, не забываете дѣлать свое дѣло: *идите убо научите вся языки*»... Одинъ изъ единнадцати апостоловъ, слышавшихъ изъ устъ Спасителя эти слова, именно Андрей, пошелъ именно въ славянскія земли, по Днѣпру до Волхова, и пронесъ свѣтъ Христовой проповѣди по славяно-русскимъ роднымъ пустынямъ. Восемь вѣковъ спустя, св. равноапостольный Владиміръ ярко возжегъ свѣтильникъ Христовой вѣры въ Кіевѣ и до Новгорода. Оттуда свѣтъ Христовъ свѣтозарно загорѣлся на высокихъ свѣточахъ Москвы и Владиміра на Клязьмѣ, оттуда въ Пермь и даже до дальней Сибири.

А здѣшній уфимскій край между тѣмъ, во все теченіе исторической русской жизни, оставался, если только не остался и до сего дня, межеумочнымъ, — межеумочнымъ въ смыслѣ какъ мѣстоположенія, такъ и духовнаго развитія. Славяно-русская православно-христіанская жизнь текла, по сосѣдству съ этимъ краемъ, изъ одного русла сѣверо-западной Руси, по двумя расходящимися рукавами, направляясь сѣвернымъ теченіемъ сначала изъ стараго Новгорода чрезъ Волгоду и Вятку въ Пермь, а затѣмъ, по покореніи Казани, и изъ Москвы, Владиміра, Новгорода Нижняго на Пермь по Камѣ, южнымъ же теченіемъ по Волгѣ до Астрахани; текла, какъ видите по сосѣдству съ Уфою, но въ томъ и другомъ направленіи минуя этотъ край, пока наконецъ не приплыла и сюда по рѣкѣ Бѣлой и не засѣла именно въ Уфѣ, тѣмъ не менѣе получая здѣсь

упорный отпоръ въ густотѣ инородныхъ и иновѣрныхъ населеній. Уфа, какъ замѣтное, болѣе или менѣе русское населеніе, появляется въ исторіи только съ конца XVI ст.; какъ отдѣльный центръ управленія, складывается съ конца XVII в., а самостоятельная архіерейская кафедра утверждается здѣсь только въ концѣ истекшаго XVIII вѣка. И вотъ съ этого времени потекло сюда благовѣстіе Христова имени свободно широкою струею. И вотъ верховный Пастыреначальникъ, движеніемъ воли верховнаго Вождя истарѣйшихъ архипастырей русскаго народа, посылаетъ сюда меня, послалъ сюда и васъ, мои сопастыри и сослужители, послалъ и утвердилъ здѣсь и всѣхъ васъ православныхъ христіанъ, и всѣмъ, именно всѣмъ намъ изрекаетъ: *Мнѣ дала всякая власть на небѣ и на землѣ. Желаете ли властвовать здѣсь и вы? Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдалъ вамъ. И тогда, и только тогда, Я буду съ вами до скончанія вѣка.*

Отсюда вытекли три коренныя обязанности христіанскаго священства: обратите свое вниманіе на это вы, священники. *Шедше научите вся языки*, —отсюда вытекаетъ первая, самая начальная обязанность священства —учить. *Научите крестяще во имя отца и Сына и Св. Духа*, —отсюда вытекаетъ вторая обязанность священства —крестить, совершать таинства, священнодѣйствовать. Научите крестя и наставляя крещенныхъ *соблюдать все, что Я заповѣдалъ вамъ*, —отсюда вытекаетъ священническая обязанность собственно пастырства, обязанность управлять нравственно-христіанскою религіозною жизнію пасомыхъ, духовно пастырски наблюдать за образомъ ихъ поведенія, назидать и наставлять ихъ во всѣхъ обстоятельствахъ и соотношеніяхъ нравственно-религіознаго ихъ уклада. Поэто-

му христіанскій священникъ есть во—первыхъ богопоставленный учитель, во—вторыхъ собственно священникъ священнодѣйствующій и въ—третьихъ пастырь, духовный надзиратель и правитель своей паствы. Помните, братіе сопастыри, что главныхъ обязанностей священства три: во—первыхъ учительства, во—вторыхъ священнодѣйствія и въ третьихъ духовно-пастырскаго управленія.

Но тѣже права и обязанности подлежатъ не только священнику, не только всему тѣлу Христовой церкви, но больше или меньше и каждому христіанину. Всему христіанству изрекъ Господь: *шедше научите вся языки* и пр. Всѣ христіане суть іереи, посвященные жрецы Богу нашему; всѣ составляютъ царское священство Царя небеснаго. Всѣ, въ кругѣ законныхъ отношеній, обязаны быть носителями и проповѣдниками Христовой истины, всѣ обязаны возносить жертвы духовныя, благопріятныя Богу нашему; всѣ обязаны назидать окружающихъ и словомъ и дѣломъ.

Исполняютъ ли священники-пастыри свои обязанности? Не теряя лишнихъ словъ, на основаніи многихъ опытовъ и наблюденій, размышленій и собесѣдованій съ знающими дѣло людьми, скажемъ: православное русское духовенство, болѣе или менѣе удовлетворительно, исполняетъ вторую свою обязанность—священнодѣйствія; слабо исполняетъ третью обязанность—духовнаго руководства прихожанами, и до послѣдняго времени, въ большинствѣ своемъ, болѣе чѣмъ слабо исполняло первую начальную свою обязанность—учительства, книжнаго ученія.

Какихъ же результатовъ добились мы такою нашею односторонностью? Удивительныхъ результатовъ и даже поразительныхъ. Всякій изъ мыслящихъ и наблюдательныхъ людей знаетъ, что нашъ народъ, въ умственно религіозномъ отношеніи, крайне не развитъ. Но когда разъ привелъ ме-

ня Богъ стать лицомъ къ лицу съ народомъ и переиспытать въ познаніяхъ о вѣрѣ цѣлыя тысячи дѣтей нашего народа, дѣтей отъ 8 лѣтъ и до 17,—то я былъ подавленъ изумленіемъ. Оказалось, что такихъ лѣтъ дѣти или даже юноши, если только не учились въ школахъ, [повально не знаютъ почти ничего: не знаютъ, что у насъ Богъ одинъ, насчитаютъ боговъ сколько вамъ угодно. Не имѣютъ никакого разумѣнія объ Іисусѣ Христѣ, о Его рожденіи, распятіи и воскресеніи, почти никакого понятія о крестѣ, о страшномъ судѣ. Я пересчитываю самые простые, удобопонятные и коренные члены нашей вѣры, не касаясь тѣхъ, которые требуютъ болѣе тонкаго пониманія. Ни съ какими словами употребительнѣйшихъ молитвъ, символа вѣры, десяти заповѣдей, даже тѣхъ изъ дѣтей, которыя знаютъ эти существенно необходимыя молитвословія, не соединяютъ почти никакихъ понятій, за исключеніемъ развѣ какихъ либо дикихъ понятій, напр. читаютъ *Отчи наши* вмѣсто *Отче нашъ* и т. п. Не разумѣютъ въ молитвословіяхъ наипростѣйшаго: напр. *распятаго за ны, страдавша и погребенна и воскресшаго въ третій день*; или *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*; или: *чти отца твоего и матерь твою, да благо тебѣ будетъ и доломльтенъ будешь на земли*; или: *Богородице Дѣво, радуйся, благодатная Маріе*,—какъ Богородицу звать по имени? Далеко нельзя сказать того, что не разумѣютъ этого именно малолѣтнія дѣти, а болѣе возрастные разумѣютъ; замѣчено, напротивъ, обратное явленіе: дѣти ничего не разумѣя, по крайней мѣрѣ, тверже читаютъ молитвы; болѣе же возрастные, особенно дѣвицы, забываютъ и то, что знали въ дѣтствѣ, такъ что рѣдкія могутъ прочесть символъ вѣры, тогда какъ малыя дѣти, въ большинствѣ или хотя половина ихъ, могутъ прочесть—*Вѣрую*. Говорятъ, что нашъ народъ

привязанъ къ обрядовой выѣшности. Это быть можетъ, это— да. По разумѣнію о ней народъ не имѣетъ же, весьма часто, никакого. Наприм. въ цѣломъ приходѣ дѣти не знаютъ, что такое великая пятница; не умѣютъ отличить ее отъ прочихъ дней; всѣ безъ исключенія въ великую пятницу не постятся до вечерни; всѣ не видали, когда и какъ обносятся плащаница вокругъ церкви въ великую субботу Въ цѣломъ селеніи дѣти, на второй день по Вознесеніи, не отвѣтили на вопросъ: какой вчера былъ праздникъ. Въ цѣломъ приходѣ, на третій день Троицы, не отвѣтили на вопросъ: какой вчера былъ праздникъ. Т. е. не умѣли даже назвать эти праздники, и о празднуемыхъ событіяхъ нечего и спрашивать; не знаютъ нигдѣ ничего. Говорятъ, что нашъ народъ идолопоклонники, иконолатры,—знаетъ свои иконы и изъ—за иконъ не знаетъ Бога и святыхъ Его Идолопоклонники, болѣе или менѣе,—это можетъ быть. Но и здѣсь оказалась неожиданность наипоразительнѣйшая. Оказалось, что святыхъ иконъ нашъ народъ весьма часто не умѣетъ различать. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ приходѣхъ оказываются подростки, которые говорятъ о себѣ, что иконъ—образовъ даже Іисуса Христа и Богородицы, не касаясь прочихъ, не видали; говорятъ это, стоя въ церкви предъ иконостасомъ. Не умѣютъ различить икону Спасителя отъ Богородицы и святителя Николая; о прочихъ же св. иконахъ нечего и спрашивать. Въ цѣломъ приходѣ дѣти сказали о себѣ, что никогда не видали образа св. Троицы; а между тѣмъ храмъ былъ посвященъ именно Троицѣ, и огромныхъ размѣровъ образъ Троицы изображенъ былъ здѣсь на фронтонѣ храма, надъ самымъ входомъ въ церковь. О голубѣ на царскихъ вратахъ, изображающемъ третье лицо святой Троицы, нигдѣ ни малѣйшаго разумѣнія. Въ одномъ селеніи мѣстный благочинный, желая устыдить и попра-

вить юношу лѣтъ 17, который сказалъ о себѣ, что не видалъ образовъ Спаса и Богородицы,—благочинный подсказалъ ему—этому юношѣ: «да вѣдь ты же видѣлъ, какъ у васъ по праздникамъ ходять съ образами, носятъ иконы,—какія же носятъ?»—Но мой юноша досадливо отразилъ этотъ вопросъ достопамятнымъ отвѣтомъ: «а Богъ ихъ вѣдаетъ какія»... Замѣчательно, что въ одномъ приходѣ всѣ до одного дѣти, отъ 10 до 15 лѣтъ включительно, не признали себя христіанами.—«Ты христіанинъ?» спрашиваю и. Мальчикъ энергически машетъ головой: «нѣтъ, батюшка, нѣтъ.—Ты христіанка?»—Дѣвочка улыбается: «нѣтъ, батюшка, нѣтъ.—Ахъ Боже мой! Ты христіанинъ?—Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!»—Священникъ настаиваетъ, что дѣти смѣшиваютъ: христіанинъ и крестьянинъ, хотять сказать, что они не крестьяне. Тогда я ставлю вопросъ ясно и отчетливо: «я спрашиваю васъ не о томъ, крестьяне ли вы или нѣтъ, а о томъ, христіане ли вы? Напр. ты христіанинъ или нѣтъ?»—Отвѣтъ тотъ же отрицательный и рѣшительный: «нѣтъ, батюшка, нѣтъ,—не христіанинъ.—Ты христіанка или нѣтъ?—Нѣтъ, батюшка, нѣтъ».—И такъ отвѣтили всѣ до единого*).... Было чуть ли еще не болѣе тягостно убѣдиться утомительнѣйшими опытами, что этимъ затвердѣвшимъ въ непочатомъ невѣжествѣ дѣтямъ ничего, ровно ничего, нельзя было растолковать за одинъ разъ. Напр. толкуешь, толкуешь много разъ: «вотъ повторяйте всѣ: Богъ у насъ одинъ, въ Троицѣ славимый, первое лицо—Отецъ, второе—Сынъ, третье—Духъ Святой,—Богъ

*) Конечно, въ этихъ дѣтяхъ это было недоумѣніе, но недоумѣніе простирающееся до полнаго невѣдѣнія ими того, что они христіане. Это грустное явленіе въслѣдствіи приходилось мнѣ встрѣтить десятки, если только не сотни разъ. Не учившіеся въ школахъ дѣти нашего народа не вѣдаютъ и сказать не умѣютъ, что они христіане и вѣрують во Христа. Надѣмся, что теперь въ школахъ растолкуютъ имъ это вѣдѣ.

трієдинный». Дѣти съ голоса повторяютъ это многократно; говорящій съ ними усиливается растолковать имъ это всевозможными способами, въ самыхъ короткихъ и точныхъ изреченіяхъ. Но когда спросишь ихъ: «скажите же, сколько у насъ боговъ»?—отвѣчаютъ—кто: семь, кто: одиннадцать, кто: четырнадцать. Откуда именно, изъ какой связи идей, возьмутъ они эти цифры: семь, одиннадцать, четырнадцать,—непостижимо. Совсѣмъ не то дѣти тѣхъ же лѣтъ, положеній и возрастовъ, но учившіяся въ школахъ. Тѣ все необходимое и сами разумѣютъ; а когда толбуешь, схватываютъ объясненія на лету, такъ что давали духу отдыхъ и отраду. Когда дѣти не учившіяся въ школахъ хорошо читали молитвословія,—спрашивалось: — «кто тебя научилъ?» и вездѣ получались отвѣты: «отецъ, или мать». А на вопросъ: «а духовный отецъ, священникъ, батюшка училъ?» нигдѣ не получено отвѣта удовлетворительнаго. Когда наткнешься на мальчика или дѣвочку, которые не могутъ прочесть ни одной молитвы, такъ именно и говорятъ сами о себѣ, что не умѣютъ ни одной молитвы, ни даже Іисусовой, ни *Святый Боже*, ничего,—то это всего вѣрнѣе сирота: у сироты отца—матери нѣтъ, вотъ никто сироту и не учитъ. И равнодушіе въ нашей братіи къ такимъ страннымъ открытіямъ наиполнѣйшее. Одинъ священникъ громко въ церкви всенародно сказалъ: «да они не могутъ знать *Святый Боже* по бѣдности, они бѣдны», а старшина возразилъ, что бѣдность не мѣшаетъ выучить *Святый Боже*. А другой старшина заявилъ, что просилъ священника заниматься съ дѣтьми объясненіемъ закона Божія хотя одинъ часъ въ недѣлю, но священникъ отказался*)...

*) Надѣмся, что эта мрачная туча невѣжества и апатіи, со введеніемъ всякихъ и въ частности церковно-приходскихъ школъ, будетъ быстро разсѣиваться и просвѣтляться. Помоги Боже. 1885 г.

Развивать все остальное объ исполненіи нами нашихъ священныхъ обязанностей было бы долго. По сему и прочее разумѣвайте. Явить ли вашъ край исключеніе изъ этого печальнаго, общеповальнаго, всероссійскаго состоянія умовъ, —будетъ ли онъ просвѣтомъ яснаго неба среди нависшихъ по всему горизонту мрачныхъ тучъ всенароднаго религіознаго невѣжества? Вамъ это лучше знать. А я, признаюсь, не думаю. Посмотримъ, увидимъ и—дастъ Богъ—покажемъ и вамъ. Думается, что вашъ край, наоборотъ, даже отсталъ отъ общаго всероссійскаго, крайне не высокаго религіозно-умственного уровня. Осмотритесь около себя. Вотъ около насъ сотни тысячъ инородцевъ-магометанъ, которые составляютъ большую половину здѣшняго населенія. Отъ закраины уфимскаго края везли меня сюда исключительно магометане. Дай имъ Богъ мирнаго житія подъ кровомъ русскаго благодушія. Но посмотрите вотъ на что, не развитѣ ли они насъ? Я слышалъ, будто у нихъ всякій мулла есть дѣйствительный, а не номинальный только учитель,—всякая жена мурмы есть дѣйствительная учительница своего околотка; будто между татарами грамотность распространена гораздо болѣе, чѣмъ между нами православными русскими христіанами. Правда ль это, дознать это здѣсь еще не успѣлъ, а въ Казани слышалъ отъ знающихъ людей. Посмотрите, подумайте, мы ли ихъ просвѣщаемъ свѣтомъ Христовымъ? Они ли обманчивою туманностію своихъ повѣрьевъ застилаютъ и тотъ бѣдный просвѣтъ Христовой истины, который чуть—чуть мерцаетъ среди нашего русскаго люда? Къ стыду края, къ позору конца XIX вѣка, здѣсь теперь проживаютъ еще десятки тысячъ язычниковъ—идолопоклонниковъ; идолопоклонниковъ безъ всякой связной мифологіи, безъ установившейся іерархіи, безъ сколько либо осмысленнаго богослуженія. Да и тѣ,

говорятъ, по мѣстамъ расположеніе къ магометанству, чѣмъ къ нашему христіанству. Такъ мало заманчиваго представляютъ имъ наше умственное развитіе, высота нашихъ нравовъ, весь укладъ нашей моральной и бытовой жизни. А въ старые годы на святой Руси было не такъ, — огонь старой русской ревности къ святой нашей вѣрѣ заставлялъ быстро таять ледяную холодность инородцевъ къ русскому православно-христіанскому строю жизни. Смотрите, ваше равнодушіе къ просвѣщенію другихъ не отражается ли упадкомъ всякой христіанской ревности въ васъ самихъ? Извѣстно, что не практикуемый органъ тѣла слабѣетъ, не практикуемая способности глохнутъ... Еще не знаю, посмотрю и увижу. Но стоитъ записать на память одно, пока довольно рѣдкое на святой Руси явленіе, которое я успѣлъ уже подмѣтить, — что для встрѣчи ожидаемаго ново-назначеннаго архіерея, появившагося не въ слишкомъ поздній вечерній часъ (7 часовъ вечера въ прощенное воскресенье, 6 февраля 1877 г.), не собралось даже десятка человѣкъ..., хотя бы то изъ понятнаго любопытства. Не менѣе необычно на Руси и то явленіе, что къ первой, совершенной тѣмъ же новопоявившимся архіереемъ литургіи, литургіи преждеосвященныхъ Даровъ, въ среду на первой недѣлѣ великаго поста, не набралось народу и столько, чтобъ наполнить домовую, совсѣмъ же незначительныхъ размѣровъ, крестовую церковь, — не набралось лишней сотни человѣкъ даже изъ любопытства. А я видалъ края, въ которыхъ, безъ всякихъ необыкновенныхъ случайностей, въ эти святые великопостные дни, въ большихъ храмахъ дождь лилъ съ потолка отъ поту, свѣчи гасли отъ духоты, отъ народной тѣсноты. Здѣсь у васъ порадоваться на такое зрѣлище пока не судилъ Богъ. Тутъ, наоборотъ, старожилъ священникъ сказалъ, будто у васъ церкви большею частью

бываютъ пусты, — будто случается такая необычайность; что иной торговецъ, въ первый день св. Пасхи, во время Божіихъ службъ, поспѣшаетъ къ инородцамъ, чтобъ успѣть отбить своихъ братій христіанъ отъ горячихъ въ весеннее время торговыхъ съ инородцами сдѣлокъ. Тутъ настоятель монастыря сказалъ, что, прибывъ изъ велико-россійскихъ странъ на настоятельство въ единственный въ Уфѣ мужской монастырь, онъ три мѣсяца не видѣлъ въ монастырѣ ни одного приходящаго богомольца, замѣтивъ точно мѣсяцъ и день, тогда первый при немъ богомольецъ посѣтилъ ввѣренный ему монастырь. Тутъ лично предъ нами одинъ благовоспитанный и благородный христіанинъ не нашего не православнаго исповѣданія сказалъ почтенной русской длинной сѣдой бородѣ: «плохо они у васъ Богу молятся, плохо». Грустно и нелестно...

Поревнуемъ же, братіе, о чести имени русскаго православнаго христіанина, о славѣ имени Христова. Потрудимся; поработаемъ. Это мой долгъ, и я даю обѣтъ за себя: ей, Богу содѣйствующу, хотя я и знаю по опыту, что добрыя дѣла трудомъ совершаются и нерѣдко болѣзнію скончаваются. А вамъ, мои собратія, сопастыри, скажу слѣдующее: запомните это сами и передайте всѣмъ вашимъ собратіямъ во всѣ концы нашего края. Апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ: *аще благовѣствую, нѣсть ми похвалы, — нужда бо ми належитъ. Горе же мнѣ, аще не благовѣствую.* Теперь скажу тоже о себѣ: если я благовѣствую, то хвалить меня не за что, — я исполняю только свой обязательнѣйшій долгъ. Горе же мнѣ, если я не благовѣствую, — Богъ взыщетъ съ насъ за нерадѣніе, такъ какъ мы взяли ключъ разумѣнія, сами не входимъ въ храмъ божественнаго свѣта и хотящимъ внити возбраняемъ. Съ другой стороны тотъ же величайшій учитель народовъ, апос-

толь языковъ, пишетъ ученику своему епископу Тимоѳею: *прилежащѣи добръ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. 5, 17). Это значитъ: пресвитерство само по себѣ не только долгъ, но и честь. Если пресвитеръ добръ прилежитъ къ исполненію своего долга, епископъ обязанъ сподоблять его сугубыя чести; болѣе же всѣхъ имѣютъ право на такую честь труждающіися въ словѣ и ученіи. Даю вамъ обѣтъ. Пресвитеры ученые и учащіе будутъ сподобляемы мною наибольшія чести; пресвитеры не много ученые, но учащіе будутъ сподобляемы также всевозможныя чести; пресвитеры, вообще добръ прилежащѣи къ исполненію своего пастырскаго, благовѣстническаго, апостольскаго долга, будутъ также сподобляемы подобающія чести. Но пресвитеры, вовсе не прилежащіе къ исполненію этого долга..., о таковыхъ мы подумаемъ и посоветуемся со старѣйшими, какъ ихъ разбудить отъ вѣковѣчной спячки ..

Молю же вы, братіе, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и любовію духа,—прошу васъ ради собственнаго вашего блага, какъ и ради блага ввѣренныхъ общему нашему духовному пастырству душъ,—*споспѣшествуйте мнѣ въ молитвахъ о мнѣ къ Богу.* Въ этотъ знаменательный часъ прошу помолиться, *да избавлюся отъ противляющихся* начинаніямъ, которыя будутъ направлены къ духовному благу нашей духовной паствы. Прошу помолиться, *да служба моя въ сѣмъ богохранимомъ краѣ будетъ благоприятна* всѣмъ святымъ, всѣмъ вѣрующимъ въ Господа нашего Іисуса Христа, благотворна для невѣрныхъ и благоугодна Богу. Прошу помолиться, *да съ радостію прииду къ вамъ* волею Божіею и упокоюся съ вами. Я терпѣлъ въ жизни уже не мало перемѣнъ; и теперь отъ всего моего сердца молю Отца духовъ и всякія плоти, чтобъ Онъ упокоилъ

не только духъ мой среди васъ, но и кости мои въ здѣшней землѣ,—примѣрно, подъ помостомъ св. храма сего. Призовемъ въ пособники нашей молитвы всемогущую молитвенницу, преблагословенную Матерь Христа Бога нашего, которой чудотворный казанскій ликъ особо чествуется въ семъ храмѣ; призовемъ угодника Христова святителя Николая святая икона коего особо чтится въ семъ градѣ и краѣ; призовемъ св. великомученика Феодора Тирона, молитвенному прославленію коего посвященъ нынѣшній великопостный день.

И Богъ мира со всѣми вами (Рим. 15, 30—33). Аминь

РѢЧЬ

при первомъ приѣмѣ представителей вѣдомствъ, подчиненныхъ уфимскому епископу, какъ и мѣстнаго уфимскаго общества, 12 февраля 1877 г., въ субботу 1-й седмицы великаго поста.

Въ церкви сказано мною, мои отцы и братіе, существенное. Частностей къ сказанному можно бы прибавить много. Но боюсь уже слишкомъ затрудить васъ. Выскажемся какъ можно короче.

Не коснусь общихъ вашихъ статутровъ, общаго круга вашихъ обязанностей, которыя, конечно, вы знаете безъ напоминаній и исполняете безъ внушеній съ моей стороны. Я позволю себѣ выразить только спеціальныя мои воззрѣнія, желанія и намѣренія.

Отъ всѣхъ болѣе или менѣе подчиненныхъ мнѣ вѣдомствъ желаю и надѣюсь и прошу коренной гражданской добродѣтели—законности, при точной исполнительности. Самъ постараюсь быть безусловно—смираннымъ рабомъ закона, разумно стараясь вникнуть сперва въ букву, а потомъ уже въ духъ закона.

Надѣюсь, что Консисторія направить при мнѣ, какъ безъ сомнѣнія направляла и прежде меня, свою дѣятельность по буквальному смыслу Устава дух. Консисторій и всѣхъ новѣйшихъ законоположеній и правительственныхъ распоряженій. Надѣюсь, что особенно къ суднымъ дѣламъ мы приложимъ, по силамъ нашимъ, возможно болѣе требованій

здравой современной юриспруденціи, и возможно менѣе личнаго произвола не только въ караніи, но и въ милованіи. Законъ! Онъ пусть и караетъ и милуетъ, а не мы...

Желаю, чтобъ и все духовенство запаслось сборниками новѣйшихъ законоположеній по нашему вѣдомству, и во-первыхъ Уставомъ дух. Консисторій, и познакомилось съ ними основательно. Тамъ оно прочитаетъ характеръ нашей будущей дѣятельности, который болѣе или менѣе отразится на судьбѣ мѣстнаго духовенства. То, что сдѣлано въ другихъ епархіяхъ для улучшенія быта духовенства, то будетъ сдѣлано по возможности и здѣсь. Никакой мѣры къ улучшенію не стѣсню,—хотя, признаюсь, и не раздѣляю розовыхъ надеждъ на то, что мы дождемся извнѣ способовъ къ значительному разомъ подъему своего матеріальнаго положенія. Государство безсильно сразу поднять такую тяготу. Іерархію обязана содержать община, исповѣдующая религію іерархіи,—такъ было и будетъ на всей широтѣ земли, на всемъ пространствѣ обще-человѣческой исторіи. Христіанскому священству придется впередъ, какъ и приходилось всегда назади, жить Моисеевымъ—апостольскимъ способомъ собственнаго продовольствія, протягиваніемъ руки за полученіемъ dobroхотныхъ даваній, съ dobroхотнымъ предложеніемъ своего священническаго труда. И позорнаго въ этомъ способѣ предложенія труда и вознагражденія за него, при характерѣ полнѣйшей dobroхотности, я не нахожу ничего, потому что не стыдились протягивать за dobroхотными даваніями руку ни Моисей и Іисусъ Христосъ, ни Мельхиседекъ и Ааронъ, ни апостоль Павелъ и Златоустъ. Усильтесь достигнуть того, чтобы общество сознало и почувствовало, что трудъ вашъ приноситъ ему дѣйствительную пользу,—и съ голоду, въ наши дни, когда вѣра еще вѣрка и церковь тверда, не умрете. Позорно быть

мытарями, собирающими съ народа дань неправедную; но не стыдно, напротивъ почетно быть труженниками, собирающими мзду праведную, заслуженную за праведный, благоплодный, доброхотно предложенный и доброхотно же принятый трудъ. Жаль, что общество съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ сознаніе, что мы для него, даже съ своимъ трудомъ, а не только съ нашею небрежностію, дѣйствительно полезны. Улучшайте, на сколько отъ васъ зависитъ,—а зависитъ это отъ васъ весьма существенно,—улучшайте бытъ народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно улучшите свой собственный бытъ. Учите народъ, благолѣпно священнодѣйствуйте для него, будьте проводниками въ народъ всякой свѣтлой идеи, всякаго благаго истиннохристіанскаго начинанія. Надѣюсь, что церковное учительство возникнетъ и твердою ногою станетъ у насъ всюду, общими нашими усиліями. Учительство въ народѣ—это спеціальное призваніе духовенства, это неотложное требованіе нашего времени. Надѣюсь, что уставленный святыми отцами чинъ богослуженія мы поддержимъ въ благолѣпномъ, назидательномъ, а не соблазнительно—прискорбномъ, отъ нашей небрежности, видѣ. Повѣрьте, строгій благолѣпный чинъ богослуженія есть необходимость для нашего народа; въ церкви для народа и училище, и назидательное зрѣлище, и храмъ эстетики, и прибѣжище опоры и упокоенія, ограды и утѣхи многмятежнаго, обремененнаго трудами и житейскими попеченіями народнаго духа. Надѣюсь, вы все сознаете и сознаете крайнюю необходимость того, чтобы проявленія нашего поведенія были назидательны для народа, а не соблазнительны; чтобы священникъ являлся въ народѣ живымъ носителемъ идеи высокаго, святаго, нравственнаго, благолѣпнаго, строго благоприличнаго, благотворнаго, поучительнаго, привлекательнаго, а не распущеннаго,

растлѣвающего, безобразнаго, отталкивающего, возмущающаго всенародное чувство...

Въ частности отъ монастырей надѣюсь, что они, и мужской и особенно женскіе, при сохраненіи общаго монастырскаго характера жизни, явятъ въ себѣ идеальнѣйшаго и благолѣпнѣйшаго соблюденія церковнаго устава, къ чему они имѣютъ гораздо болѣе способовъ, чѣмъ приходскіе храмы. Для очей, любящихъ видѣть больше въ темнотѣ и только темень, моральный обликъ особенно мужскихъ монастырей далеко не всегда является свѣтелъ, что зависитъ отъ разныхъ, даже не всегда отвратимыхъ, обстоятельствъ. Если же къ этому прибавится въ нихъ еще паденіе и благолѣпной, образцовой для другихъ церквей строгости богослужебнаго чина,—то они потеряютъ свое право на существованіе, что не только враги монашества уже утверждаютъ, но и друзья, питающіе къ нимъ завѣщанное исторіей уваженіе, предрекаютъ. Конечно, всѣ избыточествующіе,—если только окажутся таковыя,—способы монастырей должны быть направляемы къ общественной благотворительности, къ дѣламъ благоустроеннаго христіанскаго милосердія, и во первыхъ къ развитію христіанскаго просвѣщенія между бѣдностью, къ расширенію пріютовъ, къ организованному пособію больнымъ и тому подобное.

Духовно-учебныя заведенія, устроенныя по новымъ уставамъ, побуждаются и безъ насъ къ сильной и правильной дѣятельности. Я въ отношеніи къ нимъ постараюсь исполнить свой долгъ—наблюдать, чтобы уставы этихъ заведеній были исполняемы не только въ духѣ, но и въ буквѣ, и обратно, не только въ буквѣ, но и въ духѣ. Желаю и желаю, чтобы въ семинаріи и духовномъ мужскомъ училищѣ утвердился духъ строгаго благоприличія и опрятности, духъ чистоты вѣшней и внутренней, духъ

строгой сдержанности и благородной гуманности обращенія. Специально съ своей стороны желаю, чтобы обращено было усиленное вниманіе на внѣдреніе въ учениковъ духа и знанія церковности; такъ какъ *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе и мущи живота нынѣшняго и грядущаго*; въ нашемъ же специально духовномъ служеніи духъ церковности необходимѣе дыханія. Желаю, чтобы церковное пѣніе, соединенное съ пріученіемъ къ церковному уставу, поддерживалось и усовершеншалось въ нихъ практически, въ возможно широкихъ размѣрахъ. Пѣніе, кромѣ своей практической для насъ необходимости, остается пока для насъ единственнымъ проводникомъ эстетическаго развитія, которое вообще на Руси, особенно же въ духовенствѣ, находится въ совершенномъ небреженіи, даже въ небытіи, такъ что даже вопросъ объ этомъ развитіи у насъ вовсе почти не поставленъ. Отъ училища дѣвицъ духовнаго званія надѣюсь, какъ и слышалъ, что оно ведетъ своихъ воспитанницъ въ строго-точномъ подчиненіи духу не только христіанской нравственности, но и церковности; иначе, съ потерю высшаго церковно-христіанскаго характера, съ уравненіемъ его по духу и облику съ прочими женскими учебными заведеніями, бытіе его въ средѣ ихъ, при постоянномъ и постепенномъ ихъ возниканіи, оказалось бы, какъ нѣкоторыми и признается, не только бесплоднымъ, но и безцѣльнымъ, даже болѣе того, одностороннимъ и излишнимъ, помогая духовенству только обособляться отъ общества въ родѣ и племени, но не возвышаться по духу и характеру, содѣйствуя только развитію въ духовенствѣ исключительности левитизма, который признано нужнымъ умѣрять и сглаживать.

Представителей общества попрошу, чтобъ оно насъ не чуждалось, и не только разумно, но и глубоко обдуманно

относилось къ благопотребности духовенства въ историческомъ развитіи и устроеніи уклада жизни на св. православной Руси,—чтобъ оно помнило, что мы были піонерами, были авангардомъ истинной христіанской цивилизаціи въ вещественныхъ русскихъ пустыняхъ, какъ и остаемся тѣмъ же и до сего дне въ духовныхъ дебряхъ деревенскаго народнаго невѣжества; да мы же, конечно, останемся и арріергардомъ той же цивилизаціи, когда и если цивилизованное общество, съ теченіемъ вѣковъ, станетъ превращаться въ пустыню нравственную, что, по нѣкоторымъ знаменіямъ времени и примѣрамъ прожитой исторіи, предусматривать позволительно. Я съ своей стороны постараюсь всячески быть угоднымъ и полезнымъ здѣшнему христіанскому обществу; постараюсь быть благопріятнымъ даже обществу нехристіанскому... Поостранствовавъ по свѣту для моего вѣка довольно, я желаю среди васъ не только жить по возможности спокойно, но спокойно по христіански и умереть. И потому желаю по возможности сродниться съ вами духомъ. Христосъ посредѣ насъ, и молитва святыхъ да скрѣпляетъ насъ союзомъ христіанской любви.

Да благословить васъ Господь отъ Сіона и узрите благая Іерусалима вся дни живота вашего. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

(прощальное) въ недѣлю по просвѣщеніи (8 Января 1884 года) въ уфимскомъ кафедральномъ соборѣ, при отбытіи изъ Уфы въ г. Одессу.

*Ему же лопата въ руку Его и отре-
битъ зумно свое, и соберетъ пшеницу въ
житницу свою, плевы же сожжетъ ог-
немъ негасящимъ. Многа же убо и ина,
утѣшая, Іоаннъ благовѣстоваше людемъ
(Луки 3, 17—18).*

Празднуя великое событіе крещенія Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, на дняхъ, именно наканунѣ дня богоявленія, мы слышали эти божественныя слова; грозныя слова, которыми уготовлялъ Іоаннъ Креститель къ срътенію и принятію грядущаго явиться мірови Агнца Божія, вземлющаго грѣхъ міра, претворяя стропотность чело-вѣческихъ сердець въ пути гладки приближавшемуся По-сѣтителю душъ. Тѣмъ не менѣе этими грозными словами благовѣстовалъ Іоаннъ, утѣшая людей. Несмотря на гро-зу слова, Іоаннъ утѣшалъ людей тѣмъ, что въ надвига-ющейся грозѣ давалъ проразумѣвать великое благо, угото-вляемое челоуѣчеству грядущимъ Господомъ, который имѣ-етъ крестить людей не только огнемъ, но и Духомъ Свя-тымъ. Утѣшалъ тѣмъ, что проткрывалъ приближающееся устраненіе строгаго пѣстунства ветхозавѣтнаго закона, и

наступленіе завѣта новаго, завѣта божественной любви и благодатнаго всепрощенія. Утѣшалъ тѣмъ, что выяснялъ и въ карающихъ мѣрахъ Промысла направляющую ихъ любовь Божію; тѣмъ, что огненными словами своей громоносной проповѣди Іоаннъ изображалъ тоже, что древнему пророку Іліи пріоткрыто было въ грозномъ видѣніи на горѣ Хоривѣ,—именно, приближеніе ко всякой ревностной по Богу не отверженной душѣ всеспасающей Божіей любви, но приближеніе послѣ предшествующихъ ужасовъ вихря, землетрясенія и огня, вслѣдъ или лучше—внутри которыхъ шествуетъ обвѣвающій смятенную душу гласъ хлада тонка, внутри которыхъ чувствуется вѣянье утишающей и утѣшающей Божіей любви, вѣянье того Духа, гласъ коего, въ счастливую минуту жизни, слышиши, но не вѣси, отбуду онъ приходитъ и камо идегъ, куда и къ чему направляетъ.

Этотъ же смыслъ заключаютъ и вышеприведенныя слова Іоанна Крестителя: *у грядущаго Господа лопата въ рукахъ Его, и отребитъ гумно свое и соберетъ пшеницу въ житницу свою, плевелъ же сожжетъ огнемъ негасящимъ.*

По образамъ дополняющихъ одна другую двухъ евангельскихъ притчъ, нива Божія—это міръ Божій. На ней самъ Богъ сѣетъ сѣмя добра и раститъ. А врагъ Божій—діаволъ всѣваетъ сѣмя плевельное и плодитъ сыновъ непріязненныхъ Богу. Да и во всякаго, даже предопредѣленнаго ко спасенію человѣка, діаволъ всѣваетъ плевельное сѣмя зла. И вотъ на нивѣ Божіей прозябаютъ трава, трава совмѣстно пшеницы и плевелъ. Божественный Святитель не велитъ до времени исторгать и плевелы, да не когда при восторженіи плевелъ восторжется купно съ ними и пшеница. Наступаетъ жатва,—для всего міра кончина вѣка, для каждаго человѣка конецъ жизни, да конецъ и вся-

каго отдѣльнаго періода жизни, когда судьба подводитъ намъ жизненные итоги. Складываютъ всѣхъ насъ, пшеницу съ плевелами, да и самую пшеницу въ плевахъ, въ которыхъ она выросла, на гумно Божіе... Далѣе затрудняюсь прибрать точныя частныя черты въ жизни каждаго человѣка, точно — соотвѣтственныя каждой же чертѣ двухъ соединенныхъ притчей евангельскихъ. Да эго и не требуется. Смыслъ наглядень. На гумнѣ Божіемъ, на аренѣ міра, на проходимомъ и особенно на оканчиваемомъ поприщѣ нашей жизни насъ мелеютъ насылаемыми на насъ ударами судьбы; отбиваютъ отъ насъ плевелы ветхаго плотскаго человѣка, въ которомъ возродился, росъ, возмужалъ и болѣе или менѣе созрѣлъ нашъ внутренній, духовный, новый человѣкъ. Онъ-то и есть искомая Божіимъ попеченіемъ для небесной житницы пшеница Божія. Самъ небесный Святель Онъ же и отребляетъ гумно свое. У Него и лопата въ рукахъ Его, лопата двойнаго назначенія, которою Онъ то огрбаетъ гумно свое, отдѣляя пшеницу отъ плевелъ и отъ соломы, то, какъ вѣялкою, Онъ самъ же и вѣетъ гумно, бросая зерна то по вѣтру направляемаго Имъ же самимъ, божественнымъ Промысломъ, теченія міровыхъ судебъ, то противъ вѣтра, чтобы отвѣять пшеницу и отъ плевелъ и отъ плевъ, отъ всего непріязненнаго Богу, отъ всего плотскаго, ветхаго и грѣховнаго.

Такъ божественная любовь спасаетъ всякую предъизбранную душу. Чаю, что ко спасенію же Промыслъ Божій ведетъ и мою грѣшную душу. Рука Божія растила меня, она же воспитывала, она же молотила и молотить, она же и вѣетъ, бросая меня изъ конца въ конецъ Россіи. Увидѣвъ свѣтъ Божій на сѣверо-западѣ Россіи и проведши тамъ дѣтство въ двухъ весяхъ, для воспитанія я былъ пересаженъ сперва въ родной городъ Могилевъ, затѣмъ на

глубокій сѣверъ въ престольный градъ, гдѣ проведена значительнѣйшая доля моей жизни, гдѣ протекли и первые пять лѣтъ моего служенія богословской наукѣ, церкви и отечеству. Оттуда рука Божія бросила меня въ Ригу, для дѣланія въ ново-насажденномъ питомникѣ будущихъ миссіонеровъ, среди ново-присоединеннаго инородческаго населенія; оттуда, въ особыхъ видахъ противодѣйствія вѣдрявшемуся тамъ иновѣрію на крайній юго-востокъ, въ Саратовъ; оттуда снова въ сѣверную столицу, далѣе въ Витебскъ, почти на родину, въ эпоху возрожденія тамъ православно-русской народности. Оттуда рука Божія кинула меня на глубокій сѣверо-востокъ, въ Казань, опять на служеніе высшей богословской наукѣ, затѣмъ на глубокій юго-востокъ, въ Донскую землю, для архіерейскаго дѣланія въ пособіе старцу Іерарху, моему благодѣтелю. А оттуда уже сюда на крайній сѣверо-востокъ европейской Россіи. Теперь же рука Божія своею лопатою—вѣялкою снова подьмлетъ мое недостоинство и кидаетъ уже на двенадцатое мѣсто моего земнаго жительства, на крайній югъ нашего широкаго отечества. Въ послѣдній-ли разъ, не вѣмъ. При вѣздѣ въ богоспасаемый нашъ градъ я просилъ Бога, чтобы Промыслъ Его уже упокоилъ меня здѣсь, поустивъ сложить здѣсь и кости мои. Но судьбамъ Его угодно метнуть меня еще, разъ-ли, много-ль разъ, не вѣмъ. Но теперь опять метнуть меня изъ края въ край Россіи. Тамъ и здѣсь и всюду рука Божія молотила меня, не скажу, нещадно, но заботливо, отколачивая въ моемъ недостоинствѣ плевъ отъ плевъ отечески—усердно, но и отечески же милосердо, милосердо не попуская искустися паче, еще можемъ понести. Да и провѣваетъ, какъ видите, также весьма понечительно, вскидывая промыслительною лопатою—вѣялкою, по вѣтру жизненнаго теченія, высоко и дале-

ко, самымъ метаніемъ зерна возбуждая вѣтры и нѣкоторые, болѣе или менѣе сильный около него шумъ. Зерно пшеницы не чувствуетъ этихъ вѣтровъ около него, когда летитъ, а душа человѣческая чувствуетъ этотъ шумъ около себя, и ноетъ, и притрепетно сжимается въ тревогѣ, что-то Богъ строитъ, на что посылаетъ, что готовить? Шумѣло то жесткими, то въ стужу согрѣвающими, а въ зной прохлаждающими вѣтрами, какъ и шумитъ теперь здѣсь. Дай Богъ спрятать свою незначительность отъ всякаго шума по пути. А тамъ опять поднимется этотъ не всегда мучительный, но всегда тревожный, обвѣвающій плевъ отъ пшеницы шумъ; быть можетъ,—спаси Богъ,—и сокрушай гору благосостоянія сей привременной жизни вѣтеръ. И что почувешь въ немъ,—огонь-ли пожигающій, гласъ ли хлада тонка, умиряющій душу и упокоивающій старость послѣ не безмятежной жизни,—то Богу вѣдомо.

Вотъ промыслительное назначеніе, вотъ внутреннѣйшій смыслъ постигающихъ насъ злоключеній, смыслъ удручающихъ насъ злохуленій, смыслъ поднимающихъ нашу душу человѣческихъ благохваленій, какъ и ласково-отеческихъ улыбокъ міроправящей судьбы. То и другое входитъ въ планъ божественнаго міроправленія, въ планъ божественнаго домостроительства спасенія всѣхъ и каждаго изъ насъ.

Потому-то не только изрекаю прощеніе, но и выражаю мою сердечную благодарность и испрашиваю благословеніе Божіе всѣмъ тѣмъ, кому по немощамъ своимъ я не успѣлъ угодить несовершенствомъ моего служенія сему краю, обществу и церкви. Возникавшій то явно для меня, то тайно, поражавшій болѣзненно мою немощную душу своею рѣзкостью, но не принесшій мнѣ великой бѣды вѣтеръ зловолія былъ насланіемъ руки Божіей, которая обмолачивая

обвѣваетъ плевъ отъ плевъ, чаю, для призыва къ пока-
нію, очищенію и спасенію моей души

Благодѣющему же Промыслу Отца небеснаго, святаго, блаженнаго, благаго и милосердаго, поклонъ моего ничтоже-
ства ниже праха земнаго. Спасительною лопатою—вѣя-
лою взбрасывалъ Онъ меня не слабо, подымалъ высоко, и падалъ я низу, падалъ духомъ по влеченію къ земному не легко, и ушибался больно, и внутренно стоналъ отъ боли, въ нныя скорбныя минуты душевной болѣсти почти из-
немогалъ, и мрачная буря вздымалась надъ бѣдною моею головою; а глядишь, выглянуло солнце Божіей милости и потянуло гласомъ хлада тонка небесной отеческой любви и бысть въ душѣ тишина велия. *Благодаримъ Тя, Отче Господи. яко не по беззаконіемъ нашимъ сотворилъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ еси намъ.*

Пробѣгая стобратными воспоминаніями всю мою жизнь, усматриваю и благодарно исповѣдую, что у общаго нашего Отца небеснаго, не по заслугамъ своимъ, я былъ чадомъ оберегаемымъ. Внутреннія и не легкія бури проносились и надо мною; но отъ тяжкихъ вѣшнихъ бѣдъ милость и провидѣніе Божіе, по моей немощи, меня спасали. Наобо-
ротъ свѣтлый ликъ небеснаго милосердія горѣлъ надо мною отъ колыбели до днесь.

Сколько благословеній небесныхъ и благъ жизни видѣлъ я и въ семъ благословенномъ краѣ! Я полюбилъ его сердечно отъ первыхъ дней прибытія моего сюда, и съ сердечною любовію вспоминать его буду до гроба моего, близкаго-ли, далекаго-ли.

До гроба не забуду эту великолѣпнѣйшую, живопис-
нѣйшую, чарующую глаза, способный постигать красоту смыслъ, чуткое къ изящному въ прекрасномъ твореніи Бо-
жіемъ сердце, мѣстную природу; это обиліе водъ по всему

краю; эту широкую и живописную картину трех стекающих больших рѣкъ даже прямо подъ окнами монашеских келлій; это безчисленное множество пѣвчих птицъ повсюду, особенно же самыхъ пѣвучихъ между ними, не смолкающихъ въ цвѣтущую пору весны пѣвцовъ утренней зари, которые гремятъ здѣсь сотнями и тысячами голосовъ въ одной какой либо лѣсной долинь, или же по берегамъ укутанныхъ въ лѣсную зелень ручьевъ и рѣчекъ. До гроба не забуду эти глубокія чащи лѣсовъ, иногда даже первобытныхъ, въ которыя пока еще не любитъ проникать истребительная рука человѣка. До гроба не забуду эти цвѣтущія лѣсныя поляны, покрытыя чащами, погруженныя въ ароматы исполинскихъ цвѣтовъ далеко выше роста человѣческаго; эти несравнимые горные виды, когда даже не съ высшаго изъ горныхъ хребтовъ простымъ глазомъ окидываешь двухсотверстное пространство, испещренное грядами горъ, темно-зелеными группами лѣсовъ, широкими долинами, полями, рѣками, человѣческими жилищами; а тамъ на закраинѣ горизонта зрѣніе упирается въ теряющуюся вправо и влево въ необъятной дали новую еще болѣе грандіозную гряду, облитыхъ солнечнымъ сіяніемъ, сливающихся съ свѣтлыми облаками горъ. Это краса природы, какую не превзойдетъ краса горъ финляндскихъ, чему я самъ личный свидѣтель, даже сжатая, хотя и болѣе грандіозная красота Швейцаріи, по свидѣтельству очевидцевъ, красота еще не опустошенная разоряющею рукою человѣка, красота, которая даетъ почувствовать силу словъ Псалмопѣвца: *дивны дѣла твои, Господи.*

До гроба не забуду, что Богъ не только избавлялъ меня здѣсь отъ бѣдъ и болѣзней, не только направлялъ ко благу все теченіе моей жизни, но и соспѣшествовалъ благимъ начинаніямъ нашимъ такъ, что я дивлюсь неиз-

реченной милости Божіей, падая въ чувствѣ благодаренія Богу ниже праха земнаго и благословляя подвигнутое Божією благодатію dobroxotство столь многихъ сердець, боголюбивыхъ русскихъ сердець. Особенно поражаетъ меня знаменательное дѣло возникновенія столь многихъ храмовъ во многихъ то густо населенныхъ, то пустынныхъ мѣстахъ этого обширнаго края. Десятки храмовъ, обширныхъ, прочныхъ, всѣмъ нужнымъ обзаведенныхъ, вполне благоустроенныхъ, созидались иногда въ одно лѣто, и освящены, и въ нихъ уже славится имя Бога христіанскаго; въ нѣкоторыхъ пустынныхъ углахъ теперь впервые, со времени покоренія края русскому владычеству, и освящаются въ нихъ благодатію Христовою христіанскія души, которыя до этого десятки лѣтъ, а индѣ и вѣка, жили безъ храмовъ, вдали отъ старыхъ храмовъ на многіе десятки верстъ. И на это святое истинно-Божіе дѣло несли и бѣдный и богатый свои жертвы всеусердно, отъ малыхъ лептъ до сотень и тысячъ пѣнязей, несли не только деньгами, но и всяческими приносами: деревомъ, камнями, землею, утварями, колоколами, ризами, личнымъ трудомъ, кто чѣмъ могъ.

До гроба не забуду я то глубокое утѣшеніе, когда бывало видишь въ иномъ мѣстѣ пустыню, гдѣ пока еще ни когда не раздавался призывный голосъ церковнаго колокола, а въ слѣдующій годъ имѣешь честь, которою я глубочайшимъ образомъ дорожилъ, призвать благословеніе Господне на мѣсто для предполагаемаго храма; а въ третій или одинъ изъ слѣдующихъ годовъ призываешь всеосвящающую благодать Божію на новосозданный храмъ; а въ слѣдующій годъ преклоняешься къ подножію престола Божія, который самъ же собственными руками омывалъ и возложилъ на него, чрезъ святое миропомазаніе, печать дара Духа Святаго.

До гроба не забуду глубочайшее душевное утѣшеніе, когда видишь бывало, какъ священники, да и помощники ихъ, діаконы и даже иногда псаломщики являются ревностными носителями пастырски-учительнаго долга, продолжателями апостольскаго дѣла, истинными миссіонерами, благоустроителями въ ново-насажденныхъ приходахъ, истинными духовными просвѣтителями въ старыхъ, ревностными учителями христіанской истины въ старыхъ повсюдныхъ училищахъ, насадителями новыхъ, учителями по церковному пѣнію дѣтей, всякихъ любителей и всѣхъ прихожанъ. Не забуду то глубокое утѣшеніе, когда бывало при входѣ въ сельскій храмъ встрѣчаетъ благоустроеннымъ пѣніемъ вся церковь отъ порога церковнаго до святаго алтаря, а на полянахъ у вратъ селенія весь народъ, мужи и жены, старцы и дѣти.

Съ отрадою сердца вспоминаю и до гроба не забуду, что благопоспѣшилъ Богъ нашему доброжелательству и ревности и въ другихъ болѣе высокихъ учебныхъ учрежденіяхъ, въ духовныхъ семинаріи и училищѣ, въ последнемъ важнымъ дѣломъ созданія большаго, отлично сложеннаго и крѣпкаго зданія, а въ женскомъ епархіальномъ училищѣ благопоспѣшилъ преобразованіемъ его изъ неполнаго трех-класснаго въ шести-классное, съ значительнымъ увеличеніемъ и новымъ приспособленіемъ его зданій; какъ и въ нѣкоторомъ возвышеніи и благоустроеніи старыхъ церковныхъ учреждений, какъ-то: въ переименованіи церквей въ двухъ изъ пяти нашихъ уѣздныхъ городовъ въ соборы, въ преобразованіи одной женской общины въ монастырь, третій женскій монастырь епархіи, въ полномъ монастырскомъ благоустроеніи Камско-Николаевского монастырскаго подворья, съ созданіемъ и освященіемъ въ немъ церкви, братскихъ келлій и всѣхъ необходимыхъ принадлежностей монастырскаго жительства.

Забуду ли когда до граба моего тебѣ, святыи храмъ сей, храмъ величественнѣйшій и благолѣпнѣйшій, храмъ пространный и благоустроеннѣйшій для святаго своего назначенія, истинно храмъ молитвы, мѣсто возношенія души къ Богу и тихаго душевнаго пристанища. Забуду ли когда его благоукрашителей, особенно же двухъ послѣднихъ, которые своими великими доброхотными жертвами, сверхъ всякаго чаянія моего, хотя и во исполненіе моей тайной заботы и думы, дали способы къ внутреннему благоукрашенію храма сего назидательнѣйшею стѣнописью, — стѣнописью, въ которой предъ взоромъ благочестія раскрыта вся библія въ священныхъ ликахъ, въ которыхъ проведено предъ очами чающихъ спасенія все домостроительство нашего спасенія, въ направленія къ двумъ празднуемымъ въ семъ храмѣ величайшимъ въ божественномъ домостроительствѣ событіямъ воскресенія и рождества Христова, съ прославленіемъ Присно-Дѣвы Богоматери, казанскаго Ея образа; проведены въ ликахъ всѣ величайшія лица ветхаго и новаго завѣтовъ, пророковъ, апостоловъ и евангелистовъ, святителей и мучениковъ, преподобныхъ и праведныхъ, — всѣ важнѣйшія то прообразовательныя и пророчесвенныя событія ветхаго завѣта, то осуществленіе этихъ пророчествъ и прообразованій въ событіяхъ завѣта новаго: отъ Авелевой и Ноевой жертвы чрезъ важнѣйшія прообразовательныя событія въ жизни Авраама и Исаака, Іакова и Іосифа, Моисея и Аарона, Іисуса Навана и Самуила, Іліи и Елисея, Іоны и Іереміи и тріехъ отроковъ, чрезъ важнѣйшія видѣнія пророковъ Давида и Исаіи, Іезекиіля и Даниіла, до всѣхъ величайшихъ священныхъ событій завѣта новаго, отъ рождества и до страстей, особенно же воскресенія со всѣми явленіями воскресшаго Господа, до вознесенія Господня и сошествія святаго Духа, отъ рождества и до благовѣ-

щенія, успенія и покова пресвятыя Дѣвы Богородицы? Забуду-ли когда рѣдкое трогательнѣйшее благоукрашеніе сего святаго храма во дни страстей Христовыхъ, какъ и пресвѣтлое освѣщеніе внутри и вѣн храма въ ночь свѣтлаго Христова воскресенія отъ основы до вѣста на главѣ, — это невиданное здѣсь трогательнѣйшее зрѣлище освѣщенія храма тысячами мелькающихъ разноцвѣтныхъ огней, на цѣлыя двѣ ночи, въ пресвѣтлыя дни священнаго вѣнчанія и миропомазанія нынѣ царствующей Вѣнценосной Четы? Забуду ли когда до гроба наши общія, возносимыя въ семь благолѣпнѣйшемъ изъ храмовъ молитвы, съ пѣніемъ и ликами, съ гармоническимъ, громогласнымъ, еди-нодушнымъ, единѣми усты и единѣмъ сердцемъ, пѣніемъ въ сто и болѣе сильныхъ благонастроенныхъ голосовъ? Особенно общія наши несказанно трогательныя молитвы во дни страстей Христовыхъ, вечернія, ночныя и утру глубоку молитвы, поливаемые обильными слезами предъ гробомъ Христовымъ, умилительно благоукрашеннымъ руками христіанскихъ подражательницъ святымъ женамъ мироносицамъ? Увижу ль еще когда — либо такое святое зрѣлище? Переживу ль еще когда либо такія святія, восхитительныя минуты?

Забвена буди мною самимъ десница моя, аще забуду, — прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну сіи послѣдніе переживаемые здѣсь дни, когда вижу столько благосклоннаго вниманія, столько благожелательныхъ чувствъ, столько слезныхъ прощаній и сожалѣній, благодарностей и благословеній отъ всѣхъ васъ, мои возлюбленные братья и сестры и чада.

Благословенъ Богъ, милуй и питай и сохраняй насъ отъ юности нашея и до престарѣнія и до отшествія отъ міра сего! Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!

Благословеніе Господне на всѣхъ васъ Того благода-
тію и человѣколюбіемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки
вѣковъ! Нынѣ и всегда призываю благословеніе Господне
на сотрудниковъ моихъ по церковному управленію, по цер-
ковному священнослуженію, по воспитанію духовнаго юно-
шества обоихъ половъ, на всѣхъ священно-и-церковно-слу-
жителей уфимскія церкви, труждающихся, поющихъ и вы-
ну молитвенно предстоящихъ Богу, на трудниковъ—миссі-
онеровъ, на служителей и учителей христіанской и науч-
ной истины, на всѣхъ труждающихся въ церковномъ чте-
ніи и пѣніи, на храмоздателей и благоукрашителей церкви
и церковнаго священно-служительства, на всѣхъ начальст-
вующихъ и градоправителей, на главенствующихъ въ об-
ществахъ и общественныхъ радѣтелей, на всю братію и
на вся православныя христіаны. Особенная моя любовь, при-
знательность и теплыя благословенія вамъ, моя собор-
ная и крестовая братія, моя ближайшая семья, отъ стара
до мала, мужамъ, юношамъ и дѣтямъ, труждавшимся въ
церковно-служеніи и пѣніи, начальникамъ хоровъ; старому
начальнику хора рабу Божію Василию Михайлову сыну
Щербакову, труждавшемуся въ святомъ дѣлѣ церковнаго
пѣнія неустанно и совершенно безкорыстно во все мое пре-
бываніе здѣсь: утѣшся, любезный братъ, за Богомъ мо-
литва не пропадаетъ, Богъ приметъ и наше малое Ему при-
ношеніе и благословитъ наступающую старость. Благосло-
веніе Господне доброхотному, усердному и разумному собор-
ному церковному старостѣ, какъ и всѣмъ доброхотнымъ
церковнымъ старостамъ, доброхотнымъ попечителямъ и чле-
намъ церковно-приходскихъ попечительствъ. Благословеніе
Господне христолюбивымъ подражательницамъ святому при-
мѣру святыхъ женъ мученицъ, труждавшимся на Христа
въ благоустроеніи святаго храма сего, какъ и другихъ

храмовъ. Вѣчная память щедрому благотворителю и благоукрасителю святаго храма сего бывшему соборному старостѣ, въ Бозѣ почившему рабу Божию Петру Григорьеву сыну Михайлову. И брату его, рабу Божию Саввѣ благословеніе Господне и многая лѣта: оба брата вписали на вѣкъ честныя имена свои на стѣны святаго храма сего въ сей священнолѣпной росписи ихъ. *А ихже мы не помянухомъ, невѣдѣніемъ или забвеніемъ или множествомъ именъ, самъ помяни, Боже, въдый коегождо возрастъ и именованіе, въдый коегождо отъ утробы матери его; и вся люди твоя помяни, Господи Боже нашъ, и на вся излей богатую твою милость, всѣмъ подавая, яже ко спасенію, прошенія и жизнь вѣчную.*

Всѣ простите мнѣ все, какъ умирающему для васъ навсегда, еще чимъ кого обидѣхъ, или соблазнихъ дѣломъ, словомъ и мыслию, волею или неволею, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ. И азъ прощаю и разрѣшаю всѣмъ все, еще кто имѣлъ или имать на мя кое пореченіе. Богъ да проститъ и помилуетъ всѣхъ насъ.

Затѣмъ съ миромъ изыдемъ и миромъ Господу помолимся о входѣхъ нашихъ въ міръ сей и исходѣхъ. Помолитесь и вы объ исхожденіи моемъ отсюда и вхожденіи туда, да управитъ Господь путь мой ко благу и славѣ святой своей церкви, какъ объ исходѣ моемъ и отъ міра сего и входѣ во градъ грядущій небесный, въ горнее отечество. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при первомъ служеніи въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ, въ недѣлю мытаря и фарисея, 29-го Января 1884 года.

Ты, чадо Тимоѳее, пребывай, въ ниже наученъ еси, и яже вѣрена суть тебѣ, вѣдый, отъ кого научился еси (Дневный апостолъ, 2 Тим. 3, 14).

Такъ наставлялъ св. апостолъ Павелъ ученика своего, апостола Тимоѳея, устрояя его епископомъ церкви ефесской, внушая ему пребывать въ томъ, чему онъ наученъ, и что вѣрено ему для храненія и наблюденія,—пребывать во всемъ этомъ, вѣдая и памятуя, отъ кого онъ научился. Св. апостолъ Тимоѳей научился отъ св. апостола Павла, Павелъ отъ Христа. Св. Тимоѳей посланъ во епископа ефесскаго св. апостоломъ Павломъ, Павелъ посланъ проповѣдывать евангеліе Христово отъ самого Христа. Всѣ мы, епископы святой церкви Божіей, другъ—друго—пріимательно преемствуя въ служеніи апостольства, для благоустроенія единой, святой, соборной и апостольской церкви, научаемся отъ святыхъ апостоловъ Тимоѳея и Павла и прочихъ святыхъ апостоловъ и самого Христа, и посылаемся въ міръ весь проповѣдывать евангеліе Христово всякой разумной твари отъ всего собора апостольскаго и отъ самого Христа, въ силу положенной Имъ самимъ въ основу своей

церкви вѣковѣчной заповѣди: *шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. И се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка.*

Въ силу сей же самой основной заповѣди Христовой, повелѣніемъ боговѣнчаннаго Помазанника Божія, избраніемъ боголюбезнѣйшихъ архіереевъ святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго Синода, по преемству и полномочію отъ старѣйшихъ іерарховъ святыхъ православныхъ все-россійскія церкви, посылаюсь и азъ недостойный въ именитый богоспасаемый градъ сей проповѣдывать евангеліе Христова всякой разумной твари въ семь краѣ и благоустроить сію святую православную херсоно-одесскую церковь. И на мнѣ смиренномъ лежитъ наложенный самимъ Пастыреначальникомъ нашимъ Христомъ долгъ апостольства Христова учить Христовой евангельской истинѣ всѣ живущіе въ семь краѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, съ совершеніемъ и прочихъ христіанскихъ священнодѣйствій, и наставляя крещенныхъ блюсти все, что заповѣдано всѣмъ намъ основателемъ церкви Христомъ.

Теперь я скажу, какъ я смотрю на лежащій на моихъ немощныхъ раменахъ долгъ церковнаго учительства, священнослужительства и управленія, въ примѣненіи къ нашему времени и мѣсту.

По изволенію Божію приступая къ исполненію сего долга, общаю, Богу содѣйствующу, по мѣрѣ моихъ силъ, исполнять долгъ учительства и личнымъ моимъ трудомъ, личною проповѣдію слова Божія, по духу и правиламъ вселенской церкви, прислушиваясь къ духовнымъ нуждамъ и запросамъ нашего времени, удовлетворяя имъ по указанію обстоятельствъ, по указанію однако-же моего собственнаго чувства и сознанію пастыр-

ски-учительскаго долга, а не по легковѣсному хотѣнію тѣхъ слушателей, которые, чешими слухомъ, естественно влекутся получать пріятныя впечатлѣнія, среди другихъ пріятныхъ впечатлѣній въ церкви, и отъ проповѣдническаго красноречія; которые не только въ церковномъ клирошанинѣ, но и въ проповѣдникѣ желаютъ слышать не болѣе, какъ сладкогласнаго, благосличнаго, мелодически-гармоничнаго пѣснопѣвца, и обаяваться обаяніемъ художественно-выполняемаго дѣла въ церкви также, какъ и въ храминахъ такъ называемыхъ изящныхъ искусствъ. Буду проповѣдывать, имѣя въ виду самъ и напоминая другимъ, вѣдущимъ законъ Божій, слово Христово: *имате законъ и пророковъ*, евангеліе Христово и апостоловъ, *ихъ и слушайте*; они провозглашаются въ церкви ежедневно, ясно и громко; аще же пророковъ и апостоловъ не слушаете, то и аще кто изъ мертвыхъ воскресъ бы и сталъ благоговѣвать вамъ, не имате вѣры; что по духу настоящаго времени, по духу всесторонняго и всеобщаго охлажденія къ церкви, конечно, и то заслуга, если кто охотно внимаетъ проповѣдническому слову, но заслуга не особенно великая, по духу Христову и апостольскому, по слову св. апостола Іакова: *будьте исполнители слова, а не слышатели только, обманывающіе самихъ себя. Ибо кто слушаетъ слово и не исполняетъ, тотъ подобенъ человеку, разсматривающему природныя черты лица своего въ зеркаль. Онъ посмотрѣлъ на себя, отошелъ и тотчасъ забылъ, каковъ онъ. Но блаженъ тотъ, кто вникнетъ въ законъ совершенный, законъ свободы христіанской, и пребудетъ въ немъ, тотъ, будучи не слушателемъ забывчивымъ, но исполнителемъ дѣла, тотъ блаженъ будетъ въ своемъ дѣйствованіи* (Іак. 1, 22—25).

Долженъ есмь и общаю, Богу содѣйствующу, служить

долгу церковнаго учительства, возбуждая къ его исполне-
нію и вѣренное моему епископству духовное пастырство,
напоминая другимъ, какъ и себѣ самому, заповѣдь апосто-
ла: *проповѣдуй слово, стой благовременно и безвременно,
запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ*, подкрѣп-
ляя эту апостольскую заповѣдь грознымъ апостольскимъ
же словомъ: *аще благовѣствую, нѣсть ми похвалы; горе
же мнѣ, аще не благовѣствую*; разъясняя моимъ сопас-
тырямъ постоянно, что пастырская проповѣдь, усиленная и
настойчивая, стала запросомъ времени нынѣ болѣе, чѣмъ
когда-либо; что нашъ православно-русскій народъ въ боль-
шинствѣ своемъ былъ до сего времени младенцемъ, спя-
щимъ на лонѣ матери-церкви; что сладкъ сердцемъ, но по-
лу-безсознательно умомъ прислушиваясь къ священнымъ
пѣснямъ своей святой матери-церкви и далеко не всегда
даже понимая ихъ, онъ сладкъ почивалъ сознаніемъ, онъ
вѣрилъ не испытывая, и тепло ему было на свѣтѣ, вѣдая
блаженство вѣры полной, несомнѣнной, но полусознатель-
ной; что сознаніе его относительно знанія предметовъ вѣ-
ры было неразвито до поразительнѣйшей, до почти невѣро-
ятной степени; что теперь въ наше тревожное, свѣжу, кри-
тическое время, критическое въ двухъ смыслахъ, въ смы-
слѣ пробужденія всесторонней критики касательно преж-
нихъ вѣрованій, и въ смыслѣ кризиса—перехода отъ ста-
розавѣтныхъ преданій къ новому складу жизни и смысла,
сознаніе народа пробуждается къ самостоятельности, часто
уродливой, но отважной и упрямой; что будятъ его всѣ со
всѣхъ сторонъ, и особенно настойчиво будятъ такъ назы-
ваемые передовики, непрошенные, незванные печальники
благоденствія народа, разрушая его вѣковую сладкую дре-
моту; что они толкуютъ народу, что сладость его сна бы-
ла сладостью не болѣе, какъ чарующаго сновидѣнія, увле-

кающей грезы; что народъ повсемѣстно и всесторонне при-
слушивается къ этимъ гибельнымъ прельстительнымъ вну-
шеніямъ и неотрезвляемый настойчивымъ вразумляющимъ
голосомъ духовнаго пастырства, роетъ свои собственные
кладязи ученія, знанія и мудрости, кладязи сокрушенные,
разломанные, которые вмѣсто чистой воды истиннаго здра-
вомыслія источаютъ только муть и грязь, вонь и заразу;
что именно этотъ край, можно сказать, упредилъ другіе
брая Россіи въ отыскиваніи себѣ новыхъ источниковъ ре-
лигіознаго ученія, помимо вѣчнаго источника воды живой
и животворящей, святой православной отце-преданой, апос-
толами проповѣданной Христовой вѣры; что если мы, пра-
вославные пастыри, богопризванные просвѣтителіи народа,
не возьмемся нынѣ, общими, дружными и неотступными
усиліями, за развитіе народнаго сознанія, въ духѣ церкви,
въ духѣ Бога—и отце—преданнаго намъ православія, то
черезъ какую-либо четверть вѣка выпустимъ изъ рукъ и
всякіе способы поправить въ народномъ убѣжденіи гибель-
но разрастающееся зло; что намъ крѣйне необходимо сознать
и преступно было-бы не сознать, не выполнить,—правду
сказать,—значительно забытый, крѣпко упущенный изъ
виду, первый долгъ духовнаго пастырства, первую основ-
ную для него заповѣдь Основателя церкви своимъ послан-
никамъ, пастырямъ церкви: *шедше, научите всь народы;*
шедше въ міръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари.

Долженъ есмь и предъ Богомъ обѣщая, пока силы
служать, трудиться въ благочинномъ уставномъ священно-
служеніи, требуя того-же и отъ подвѣдомаго мнѣ сопастыр-
ства, напоминая себѣ и ему и всѣмъ, что уставы церков-
ные писаны и чинопослѣдованія священнодѣйствій состав-
лены и преданы намъ на соблюденіе не для того, чтобъ
ихъ смѣлою рукой, безнаказанно, произвольно, иногда да-

же по прихоти своей или другихъ, широко нарушать, урѣ-
зывать, искажать и безобразить поспѣшностью и небреж-
нымъ отправленіемъ, или-же неосвященными церковнымъ
духомъ плеоназмами, искусственностію, иногда даже урод-
ливостію церковнаго чтенія, особенно-же пѣнія; что благо-
лѣпное, строго вѣрное духу отцовъ соблюденіе устава цер-
ковнаго вводитъ душу народа въ постиженіе несказанно вы-
сокой красоты нашего православнаго богослуженія; что строго
благолѣпное, особенно въ центральныхъ храмахъ, въ родѣ
сего именованнаго собора, священнодѣйствіе бываетъ видно и
слышно далеко за стѣнами храма, осіявая и гармонически
оглашая своимъ священнолѣпіемъ самые дальніе, самые
глухіе углы края, проникая своимъ отраженіемъ и отзву-
комъ иногда даже до конедъ земли; что мы духовные впа-
даемъ въ грубую ошибку, думая угодить прихоти будто-
бы общества, а въ сущности полагая собственной немо-
щи и небреженію, крайнимъ сокращеніемъ и поспѣшнымъ
выполненіемъ церковнаго богослуженія; что общество, прав-
да, легко и удобно устраниая себя отъ излишняго для его
лѣности и холодности труда продолжительнаго отстаиванія
Божіихъ службъ, въ то-же время все повально соблазняет-
ся, когда и духовные чины, призванные славословить Бога
непрестанно, также заботливо облегчаютъ себя въ трудѣ
неустаннаго ангело-подобнаго предстоанія Богу день и ночь;
напротивъ все безъ исключенія услаждается сознаніемъ, что
духовный чинъ долготерпѣливо править службу Божію, ус-
лаждаясь въ сердцѣ и упокоиваясь въ духѣ самымъ зву-
комъ церковнаго колокола, когда онъ надъ суетою грѣш-
наго міра и многомятежнымъ шумомъ градскимъ раздается
утру глубокоу, или-же близко къ полунощи; что среди на-
шего народа имѣется еще множество людей, какъ по горо-
дамъ, такъ и по селеніямъ и по разнымъ угламъ всякаго

края, конечно, и этого края,—людей, которые ревниво дорожат святынею богослужебнаго устава, дрожа надъ каждою его буквою, легкомысленно опускаемой или же искажаемой,—которые, имже образомъ желаетъ елень на источники водные, сице стремятся душею къ Богу и священнолѣпію Божіей службы нашихъ монастырей, каковы кіево-печерская лавра или-же святой Аѳонъ; что мѣрою святой аѳонской или-же кіево-печерской горы народъ мѣряетъ всякую святыню повсюднаго священнодѣйствія, и если усматриваетъ, что иное священнодѣйствіе далеко отходить отъ аѳонскаго или-же кіево-печерскаго идеала, то склоненъ чуютъ въ такомъ отступленіи даже не святыню, а нѣчто ей противоположное, чуть не мерзость запустѣнія, водворяющуюся на мѣстѣ святѣ; и духъ народный тогда отвращается отъ пастырства, небрегущаго о святынѣ своего долга, и обращивая къ духовнымъ пастырямъ хребетъ, гонитъ ревнителей святолѣпной старины въ пустыни духовныя или даже вещественныя, гдѣ и водворяетъ ихъ, чая Бога спасающаго отъ малодушія и отъ бури и отъ смятенія помысловъ, которые не находятъ себѣ упокоенія въ непоручномъ старо-завѣтномъ благочиніи церкви.

Долженъ и обязуюсь предъ Богомъ право править слово истины и перешедшею на мое смиреніе, другъ-друго-пріимательно отъ святыхъ апостоловъ, властію суда и вразумленія, обращая ближайшее вниманіе на свою духовную братію, а уже чрезъ нее бодрствуя надъ соблюденіемъ заповѣдей Господнихъ и христіанскаго порядка жизни и во всей церкви, соблюдая правомѣрность духовнаго суда, растворяя правду милосердіемъ, поддерживая немощное отеческою благоснисходительностію и воспитательною предусмотрительностію, но возбуждая ослабѣвающее или-же упорное и мѣрами вразумленія, щедро поощряя усердныхъ, паче-же труж-

дающихся въ словѣ и ученіи, сихъ послѣднихъ сугубымъ воздаяніемъ чести; настойчиво напоминая нашей духовной братіи, что уходитъ время несдержанныхъ обнаруженій, такъ называемой, широкой русской натуры, время русской раз-
машистоты, небреженія о своей священнической чести, время открытаго не стѣсняющагося проявленія своихъ немощей или пороковъ; напоминая о крайней нуждѣ пецися о сохраненіи пастырской чести даже между внѣшними, о внимательномъ устраненіи нарушеній даже обычаевъ церковныхъ, объ устраненіи легкаго отношенія къ требованіямъ даже внѣшности, усвоенной временемъ и исторически воспитавшимся церковнымъ духомъ пастырямъ церкви; напоминая, что бдительная трезвенность и достодолжное напряженіе архипастырской власти спасительны, возвышая духъ нашей братіи, огребая ее отъ тяготѣющихъ на ней укоровъ въ апатіи, небреженіи, распущенности, даже будто-бы въ безправственности, общей и повальной: «русское-де-духовенство безправственно». Это я самъ слышалъ собственными ушами отъ одного иностраннаго брата-славянина, что повторяется изъ конца въ конецъ въ слухъ всей Россіи, да и всего свѣта нашими врагами; что у церкви въ наше время враговъ больше, чѣмъ было въ предшествовающіе вѣки, и эти враги, пользуясь нетрезвеннымъ вниманіемъ къ себѣ и своимъ поступкамъ нашей духовной братіи, обобщаютъ инныя грустныя явленія, преувеличивая ихъ безъ конца, чтобъ ронять дѣло церкви, которую они ненавидятъ, и вѣры, которой они отверглись; что такимъ образомъ, съ одной стороны, на насъ, какъ на служителей Божіихъ, падаютъ поношенія носящихъ Бога враговъ Божіихъ, а съ другой — *насъ ради хулится имя Божіе во языцехъ.*

Долженъ и призванъ и готовъ и постараюсь, — но объ-

щать ли?—представить въ своемъ собственномъ лицѣ образъ для вѣрныхъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою... Не общать это, а молиться нужно, чтобы довлѣли во мнѣ благодать Божія и даръ святительства, живущій во мнѣ возложеніемъ рукъ собора старѣйшихъ святителей, въ очищенію и всеконечному искорененію моихъ немощей, чтобы въ немощи моей совершалась сила Божія.

Промыслomъ Божиимъ все совершается ко благу во время уреченное и предусмотрѣнное предвѣдѣніемъ Божиимъ. Мое прибытіе въ сей святой храмъ, въ сію святую церковь, въ сей богоспасаемый, славный градъ и край и радостно для меня и печально. Радостно главнымъ образомъ потому, что мнѣ нѣтъ нужды ходить за моря и горы, или за вѣка въ даль временъ, чтобы искать примѣровъ достойнаго святительства для подражанія. Эти высокіе примѣры здѣсь на лицо, предъ моими очами, предъ моимъ благоговѣйнымъ взоромъ. Кромѣ перваго въ Бозѣ почившаго пресвященнаго архіепископа Гавріила, я лично и хорошо знаю всѣхъ именитыхъ святителей славнаго града сего, которыхъ мнѣ даже совѣстно назвать моими предмѣстниками. Скорѣе назову ихъ, какъ и привыкъ называть нѣкоторыхъ изъ нихъ, моими отцами. Знаю и зналъ лично не только двухъ живыхъ, бывшихъ святителей херсонскихъ, но и трехъ въ Бозѣ почившихъ: святителя Иннокентія, славнаго витію и великаго мыслителя, благородное, благожелательное сердце и высокій духъ,—святителя, признаваемаго краемъ нашей церкви и славой нашей русской іерархіи. Зналъ лично и по славѣ, по дѣяніямъ и литературнымъ творениямъ святителя Димитрія, назидательнаго витію, проникнутаго и проникающаго духовнымъ помазаніемъ слова, дивнаго милостивца, необычайно привлекательную неслыхан-

ную доброту и благость сердца. Хорошо, лично и близко зналъ и наименѣе извѣстнаго сему граду, какъ весьма кратко служившаго ему, святителя Іоанникія, вблизи ко-
его я цѣлые годы прожилъ въ одномъ престольномъ градѣ, подъ непосредственнымъ архипастырствомъ коего я трудил-
ся три года въ другомъ градѣ, именно въ Саратовѣ, ви-
дѣвши тамъ и отшествіе его въ славный градъ Варшаву на
славный подвигъ въ темную годину послѣдняго польскаго
бунта,—святителя въ высшей степени трезвеннаго, бдитель-
наго въ отношеніи къ себѣ и другимъ, внимательнаго ко
всѣмъ частностямъ благоповеденія своего и своихъ сопас-
тырей, чуткаго до болѣзненности къ стороннимъ посягатель-
ствамъ на нашу честь, повидимому якобы боязливаго, но
въ дѣлѣ отважнаго, потому что самоотверженнаго слугу
Христову. Печально же для меня то, что вознаградить сво-
имъ недостойнствомъ сей славный градъ и край за поте-
рю, за воздвиженіе на другіе высшіе свѣщники святи-
тельства или воззваніе въ горній міръ церкви торжеству-
ющей предшествовавшихъ мнѣ святителей, моихъ досто-
славныхъ отцовъ, я, конечно, безсиленъ. Утѣшимся одна-
же. Утѣшимся во-первыхъ тѣмъ, что всякое индивидуаль-
ное явленіе въ мірѣ безусловно не повторяемо. Уже по это-
му самому, всеобщему міровому закону, а не только по не-
мощи своей, ни вторымъ Іянокентіемъ, ни «другимъ Дми-
тріемъ» быть я не могу. Былъ Петръ I, была Екатери-
на II, какъ былъ и Наполеонъ I; но не было и быть не
могло Наполеона ни втораго, ни другаго. Наоборотъ, были
Александръ I и Александръ II, была Императрица Марія
Феодоровна и другая Императрица Марія Александровна; те-
перь имѣемъ счастье имѣть Александра III и Императрицу
Марію Феодоровну вторую, cadaго и каждую съ своеоб-
разными оттѣнками высокихъ качествъ, созидавшихъ и со-

зидающихъ блигоденствіе и величіе Россіи. Такъ и въ нашей смиренной сферѣ. Безсильный повторить моихъ высокихъ предмѣстниковъ отцовъ, я и хлопотать объ этомъ не стану, но обязательно направляю мои усилія къ тому, чтобы подражать имъ. Помощію Божіей и вашими общими молитвами, для служенія и вашему душевному благу, я возьму, да и приложу къ дѣлу тѣніе смиреннаго малаго существа—пчелы, которая, кружась около пышныхъ, великолѣпныхъ, полно-жизненныхъ цвѣтовъ, собираетъ съ каждаго изъ нихъ капли присущихъ имъ жизненныхъ соковъ и, перерабатывая ихъ въ себѣ, созидаетъ изъ нихъ, по свойству своей натуры, нѣчто своеобразное, тѣмъ не менѣе полезное и пріятное для себя и для другихъ. Утѣшимся и утѣштесь вѣрою, что промыслъ Божій воздвигаетъ мужа именно благопотребна во время свое. А затѣмъ и помолимся общею усиленною молитвою, чтобы на сей разъ премудрость Божія воздвигла мужа благопотребна на созиданіе общаго блага, а не на разореніе, такъ какъ бываетъ вѣдь и послѣднее. Небесный скульпторъ творитъ сосуды отъ того же смѣшенія, *оъ сосудѣ въ честь, оъ же не въ честь, хотя то явити силу свою, то показати ильезъ свой* (Рим. 9, 21—22).

Благихъ желаній и намѣреній служить на общую пользу у меня довольно. Но силы мои, увы! уже ослабѣваютъ. И это не бессмысленное слово. Старость, съ сопровождающимъ ее одряхлѣніемъ силъ, уже ложится на плеча. Мозгъ, орудіе мысли, отказывается двигаться для работы съ прежнею юною удобоподвижностію. Воля, ищущая сѣдалище—говорятъ—въ мозгу, допустимъ—по истоку волевыхъ возбужденій, не по неложному ощущенію—въ сердцѣ и въ нервныхъ узлахъ около него, у меня, увы! уже истомила живыя нити, которыми перевиты внутренность и

окрестности сердца, такъ что оно у меня, увы! уже устаетъ хотѣть, повелѣвать, настаивать, взыскивать, натягивать возжи власти. То несомнѣнно, хотя и печально, что старость физическая ведетъ съ собою ослабленіе и силъ душевныхъ. Утѣшимся однако-же, не всѣхъ... Къ старости сохраняются и весьма часто даже возрастаютъ ясная испытанная мудрость, стойкость въ добрыхъ навыкахъ, опытное познаніе истины Соломоновой, что счастье жизни, спокойствіе духа и совѣсти, миръ Божій, превосходяй умъ, истекаютъ изъ сего: *Бога бойся и заповѣди Его храни*. Къ старости потухаетъ почти всякая страстность и порывистость, а возрастаютъ и крѣпнютъ богопреданность и вѣра въ Бога, которая превращается даже въ нѣкое опытное отвердѣлое вѣдѣніе, въ нѣкоторое какъ-бы видѣніе прикровенныхъ судебъ Божіихъ... Это убѣжденіе даетъ и мнѣ еще нѣкоторую надежду послужить и здѣсь не безъ пользы чести церкви Христовой, славы Божіей и спасенію душъ вашихъ, какъ и моей собственной.

Я вседушевно желалъ-бы послѣдовать по стопамъ предшествовавшихъ мнѣ святителей, моихъ отцевъ, не только въ жизненной дѣятельности, но и въ изшествіи изъ сего міра въ семъ честномъ градѣ чрезъ сей святыи храмъ, въ упокоеніи грѣшныхъ костей моихъ подъ сводами сего величественнаго святилища. Для моего недостойнства, но истинѣ, велика и отрадна была бы честь сложить мои грѣшныя кости у ногъ такихъ святителей, каковы Иннокентій, Іоанникій и Димитрій. О!-какая была-бы высокая радость, лежа на смертномъ одрѣ, прочитатъ самому себѣ и надъ самимъ собой пѣснь Симеона Богопріимца: *нынь отпускаети раба твоего, Владыко, отпускаеши и прегрѣшенія моя* вольная и невольная, и душу мою *по милому Твоему, съ миромъ, яко видѣли очи мои спасеніе, которое ую-*

говалъ Ты и мнѣ, какъ и всѣмъ людямъ, видѣли свѣтъ во откровеніе и моей душѣ, какъ и всѣмъ народамъ, во славу твою, Боже, и всего Израиля, святой твоей церкви.

Но это будущее, близкое ли, далекое ли. А теперь пока надо жить и трудиться, дѣлать великое дѣланіе спасенія душъ христіанскихъ, дѣлать для себя, для васъ и вмѣстѣ съ вами, уча людей Божіихъ истинѣ Христовой, освящая ихъ христіанскимъ священнодѣйствіемъ и руководя ко спасенію чрезъ наблюденіе въ соблюденіи заповѣдей Господнихъ. Помолимся, братіе, за себя и другъ за друга. Да исправится молитва наша, яко кадило предъ Богомъ, яко восходящее къ небу жертвенное куреніе еиміама, въ воню благоуханія духовнаго, и да возниспослетъ намъ на нашу общую и истому сильную, доходную до Бога молитву Отецъ небесный свою небесную благодать и даръ Святаго Духа, немощное въ насъ врачующій и оскудѣвающее въ насъ своею силою восполняющій, да пребываетъ съ нами и въ насъ Спасъ душъ нашихъ Христосъ Господь до самаго скончанія вѣка нашего. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

на вечернѣ въ недѣлю сыропустную.

Прощенный день въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ.

Отъ брашенъ постящихся, душе моя, и страстей не очистившись, все радуешься неядениемъ. Аще бо неяденіе не вина ти будетъ ко исправленію, яко ложная возненавидѣна будешь отъ Бога и злымъ демономъ уподобишься, николиже ядущимъ. Да не убо согрѣшаючи, постъ непотребенъ сотвориши; но непоколебима къ стремленемъ безмѣстнымъ пребывай, мнящи предстояти распятому Спасу, паче же сраспяться тебе ради распеншемуся, вопіющи къ Нему: помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи твоёмъ. Стихира.

Возьмемъ простой смыслъ этой стихиры, этой церковной пѣсни, и увидимъ, что мы должны дѣлать въ настоящее время поста, и съ какими намѣреніями, съ какими чувствами вступать на подлежащее намъ постное поприще.

Во-первыхъ церковь мнитъ насъ своими чадами, вѣрными ея уставамъ, вѣрными ея духу, духу православно-христіанской старины, духу свято-отеческихъ преданій. Церковь не сомнѣвается, что, согласно ея уставамъ и преданіямъ, мы съ вами непремѣнно будемъ поститься отъ брашенъ, какъ постились благочестивые наши отцы. А какъ

отцы постились, какъ повелѣваютъ поститься церковный уставъ и обычаи, о томъ позвольте вамъ напомнить.

Скажемъ о монахахъ, о древнихъ киновитахъ, о пустынножителяхъ, какъ они постились. Древніе пустынножители пили только воду, и то часто и даже намѣренно гнилую; питались только травами, овощами, древесными плодами; не всѣ ѣли хлѣбъ, не многіе вкушали рыбу, конечно изрѣдка; ни одинъ не ѣлъ мяса никогда. Не знаемъ, усиливали ли пустынники свой постъ во святую четырехдесятницу. Трудно сказать, что тутъ въ этомъ постоянномъ чрезмѣрномъ постѣ и усилить можно. Но безъ всякаго сомнѣнія усиливали. Остались преданія, что нѣкоторые подвижники почти ничего не вкушали во всю святую четырехдесятницу, начиная отъ нынѣшняго дня и до свѣтлаго Христова воскресенія. Возможность для человѣка, особенно же для южнаго, живущаго въ тепломъ климатѣ, возможность такого многодневнаго поста, въ которой громко сомнѣвалась такъ называемая наука, теперь на глазахъ всего свѣта доказана опытомъ *). Но пустынножительство—это подвижничество исключительное.

Древніе киновиты, древніе монахи, извѣстно, и въ обычное время года, мясо не вкушали никогда; рыбу вкушали весьма рѣдко; нерѣдко и многіе не вкушали никакой пищи до заката солнечнаго; почти всѣ вкушали въ невообразимо маломъ количествѣ. А предъ наступленіемъ св. четырехдесятницы, именно въ нынѣшній день же и часъ, совершали тоже самое моленіе, которое совершаемъ и мы съ вами. Мы совершаемъ во храмѣ, а древніе монахи совершали почти всегда въ трапезѣ, которая однакоже всегда

*) Сѣверо-американецъ Таннера, который держалъ большой закладъ, что выдержитъ 40-дневный постъ, и выдержалъ, подѣ строгимъ неотступнымъ надзоромъ.

устроилась при церкви, почему и нынѣ передняя часть нашихъ храмовъ называется трапезою. Затѣмъ съ молитвою трапезовали, подкрѣпляя себя пищею на подлежащій великій подвигъ, затѣмъ кланялись монастырской святынѣ, кланялись настоятелю и всей братіи, т. е. всѣ кланялись другъ другу до земли, прося другъ у друга прощенія, благословенія и взаимныхъ молитвъ. Затѣмъ отверзались настежъ закрытыя во весь круглый годъ монастырскія врата, и братія, ликуя и поя божественныя пѣсни, вся исходила въ пустыню подвизаться во святую четырехдесятницу по пустынноически. Въ монастырѣ если кто и оставался, то только священнослужители, каковыхъ въ древнихъ монастыряхъ бывало мало, для охраны храма и совершенія по воскресеньямъ и субботамъ обычной божественной литургіи, а по средамъ и пяткамъ литургіи преждеосвященныхъ Даровъ. О сохранности монастырскаго или личнаго имущества никто не заботился, потому что этого имущества и не было. Врата монастыря и двери келлій оставались отверзты. Въ пустынѣ же каждый изъ братіи оставался между небомъ и землею, внѣ человѣческаго общества, только съ своимъ Богомъ и уединенною молитвою, не видя человѣческаго лица. Нѣкоторые изъ братіи приходили въ монастырь, по средамъ и пяткамъ, по субботамъ и воскресеньямъ, къ священнодѣйствию литургіи; а другіе не оставляли пустыннаго уединенія и до послѣднихъ дней и службъ страстной недѣли или же до свѣтлаго дни Пасхи. А къ свѣтлому дню и пасхальному ликованію всѣ опять сходились въ монастырь полуживые тѣломъ и укрѣпленные духомъ. Питались они въ пустынѣ во всю св. четырехдесятницу тѣмъ, что Богъ въ пустыняхъ южныхъ азійскихъ или африканскихъ посылалъ, т. е. водою, коли попадалась, травами, кореньями,—точнѣе сказать, ничѣмъ; питались

свѣжимъ пустыннымъ воздухомъ, Божіею росою, солнечнымъ лучемъ; питались молитвою, вѣяніемъ Духа Божія... Улетѣла на небо это поэзія юнаго христіанства. Мы состарѣлись, одряхлѣли, охолодѣли. Не близокъ ли часъ и разложенія?

Замѣтьте, что этотъ утонченнѣйшій одухотвореннѣйшій обычай древняго пустынножительства и древняго монашескаго подвижничества, съ теченіемъ вѣковъ одевелѣвая, перерождается и вырождаясь доходитъ до нашего времени, доходитъ до того именно, что мы совершаемъ въ настоящемъ нашемъ вечернемъ священнодѣйствіи, въ скудныхъ остаткахъ святой сѣдой старины, въ остаткахъ, которыхъ и смыслъ почти у всѣхъ христіанъ нашего времени теряется и исчезаетъ, улетучиваясь опять туда же на небо. Было, жило, цвѣло, да увяло, да прошло; вѣянье древняго духа унеслось и исчезло, исчезаетъ для современнаго сознанія почти безслѣдно.

Постойте однако-же, пождите: исчезаетъ постепенно, исчезло не вдругъ.

Въ монастыряхъ древней Греціи, когда монастыри ея благоустроились и окрѣпи въ уставахъ, а также и въ древнихъ русскихъ монастыряхъ, въ нынѣшній день совершалось въ трапезахъ тоже самое моленіе, которое мы нынѣ совершаемъ; совершалось до службы повечерія. Замѣтьте, что эти монастырскія трапезы были не наши столовые только. Это были церкви, какъ замѣчено выше, предъ которыми устраивались длинныя трапезы, наши столовыя со многими столами и скамьями. Такія трапезы существуютъ еще и нынѣ, наприм. въ сергіевой и кіево-печерской лаврахъ, какъ и въ другихъ древнихъ монастыряхъ. По окончаніи вечерни, братія садилась за столы и по уставу полагалось, какъ и до нынѣ полагается, утѣшеніе братіи, т.

е. предлагалось известное монастырское обилие яствъ и питій. Затѣмъ, по отбытіи трапезы, братія пѣли малое повечеріе и совершали древнѣйшій обычай взаимнаго прощанія. Это дѣлалось такъ. Кланялись святынѣ, настоятелю и другъ другу доземно, прося другъ у друга прощенія согрѣшеній и взаимныхъ обидъ, благословенія и молитвъ. И во время сего взаимнаго прощанія всѣ единодушно, едиными усты и единымъ сердцемъ, пѣли то умирительно-печальныя, то радостныя пѣсни. Пѣли: *Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе...* Пѣли даже пасхальныя стихиры: *Да воскреснетъ Богъ и разточатся врази Его. Пасха священная намъ днесь показася...* И въ духовной радости и веселіи сердца, всѣ простившись и примирившись между собою, въ надеждѣ взаимными молитвами и покаяніемъ примириться и съ Богомъ, исходили по келліямъ на подвигъ поста и великопостной молитвы. Время великаго поста отличалось во всемъ, какъ время усиленнаго подвижничества. Отсюда особый великопостный звонъ, особыя длинныя умирительно покаянныя великопостныя молитвы. Отсюда—литургіи прежде-освященныхъ Даровъ по средамъ и пятнамъ, а обычная литургія только по субботамъ и воскресеньямъ, чтобы усиленное подвижничество прерывалось и духовными утѣшеніями въ мѣру. Отсюда нарочито и въ большомъ числѣ положенныя великіе и малые поклоны. Затѣмъ уставъ трапезованія относительно св. четырдесятницы становился особенно строгъ. Вкушеніе рыбы вовсе устранялось, а дозволялось только въ праздники Благовѣщенія и Входа Господня во Іерусалимъ. По нѣкоторымъ днямъ, наприм. на первой и страстной недѣляхъ, устанавливалось только сухояденіе. Это для всѣхъ, для немощнѣйшихъ. А усовершенствовавшіеся въ духовной жизни приглашались къ подвигамъ и строжайшаго воздержанія. И бывали воздержники, что во

всю четырехдесятницу, развѣ только по средамъ и пяткамъ, субботамъ и воскресеньямъ, вкушали малую долю святаго антидора, а болѣе до свѣтлаго дня пасхи не вкушали ничего. Эти святыя обычаи по древнимъ, благоустроеннымъ, строгимъ монастырямъ, начиная съ нашихъ лавръ, александровской, троице-сергіевой, кievской, соблюдаются и до сего дня.

Въ разныхъ краяхъ Россіи по городамъ и по весямъ, въ благоустроенныхъ благочестивыхъ семействахъ, эти свято-отеческіе обычаи болѣе или менѣе соблюдались и между мирянами. Эта прощальная вечерня служилась и служится съ особою торжественностію. Народу собирается въ храмахъ несмѣтное множество. Въ концѣ богослуженія, при прощаніи, предстоятель, указывая примѣръ всей церкви, покланяется святынь и всему народу, прося прощенія и молитвъ. Весь народъ за предстоятелемъ кланяется святынь, лобызаетъ св. иконы и св. мощи, гдѣ имѣются, кланяется предстоятелю и другимъ духовнымъ лицамъ, прося прощенія и благословенія. По домамъ между близкими, въ этотъ прощенный день, рассылались особые прощенные хлѣбы, которые на площадяхъ и продавались, какъ буличи во св. пасху. Всѣ семейныя торжественно и радостно трапезуютъ, заговляются предъ подвигомъ поста. Замѣьте названіе—заговленіе или заговѣнье; это значитъ—начало говѣнья, начало усиленнаго благочестиваго упражненія въ подвигахъ поста и покаянія. Послѣ трапезы другъ другу кланяются въ ноги, и въ мирѣ, въ радости духа отходятъ ко сну, чтобы на завтра съ первымъ ударомъ колокола бодро и радостно пробудиться къ бдѣнію умиленной великопостной молитвы. Вспомните это біеніе сердца когда-то встарь, это невыразимое чувство тихой радости, когда бывало бодрими очами увидишь мерцаніе утренняго разсвѣта

великопостнаго понедѣльника; когда бывало услышишь характерный звукъ великопостнаго утренняго колокола; когда бывало, поспѣвая въ церковь къ первой великопостной утренѣ, шепчешь себѣ бодро, радостно и умилительно: *Господи Владыко живота моего... Заутра услыши гласъ мой, Царю мой и Боже мой...* Гдѣ все это теперь, въ наше время, въ нашемъ мѣстѣ; да и во всѣхъ мѣстахъ?! Исчезло, улетѣло, отошло на небо вмѣстѣ съ нашими отцами, съ ихъ обычаями, ихъ душами и духомъ—да? Улетѣло съ нашею юностью, съ чистотою и теплотою нашего собственнаго сердца. Не плавать ли намъ съ вами сегодня, вмѣсто того, чтобы радоваться?

А эти люди, эти старые, отжившіе, отшедшіе къ своему Богу люди, да, они радовались неяденіемъ, какъ знаменательно выражается церковная пѣснь, радовались заговляясь, радовались именно посту, радовались наступленію поста, еще больше радовались его продолженію, около средокрестной недѣли, еще болѣе радовались его завершенію, радовались Благовѣщенію, Лазареву воскресенію, радовались входу Господню на вольную страсть; радовались радостію несказанною днямъ страстной седмицы, чистому великому четвергу, великому пятку Господнихъ страстей, великой субботѣ покоя Господня во гробѣ, радовались радостію наичистѣйшею, наивосторженнѣйшею на землѣ радости свѣтлаго Христова воскресенія. И радуясь, радостно готовились къ этой величайшей радости подвигами поста и покаянія, подвигами говѣнья, исповѣди и св. причастія, подвигами постоянного участія въ усиленныхъ молитвахъ церкви, въ поклонахъ, въ прежде-освященныхъ литургіяхъ, въ торжествѣ соборнаго воскресенья и востокнопочной недѣли, великаго Андреева стоянья и похвальной субботы, въ молитвахъ и радостно умилительныхъ пѣсняхъ, въ чтеніяхъ и

евангельскихъ воспоминаніяхъ страстной седмицы. Мы даже въ міру знали и видѣли еще нашихъ бабушекъ, даже нашихъ матерей, которыя почти не вкушали пищи во всю страстную седмицу, да и по другимъ великопостнымъ днямъ не ѣли до солнечнаго заката или даже цѣлыя сутки. И при неяденіи сіи простыя благочестивыя подвижницы, безъ малѣйшаго шума предъ людьми, безъ малѣйшаго самохвальства предъ Богомъ, были бодры, по дому хлопотливы и въ душѣ тихо радостны, находя высочайшую награду за свой простодушный подвигъ въ мирѣ своего духа, превосходящемъ всякъ умъ, да въ радостной надеждѣ срѣтить очищенными чувствами свѣтлый Христовъ день и узрѣть Христа, блистающаго лучами воскресенія.

Такъ видите, постящися отъ брашенъ, можно радоваться, и благочестивыя подвизающіяся въ постѣ и молитвѣ души глубоко радуются постнымъ неяденіемъ. Къ нимъ то собственно и приложимы дальнѣйшія черты, представленныя въ нашей церковной пѣсни. Что говоритъ о совершенномъ постѣ тѣмъ людямъ, тѣмъ немощнымъ полухристіанамъ, которые не знаютъ, даже не хотятъ знать никакого христіанскаго поста, не только духовнаго, но нима-лѣйшаго и тѣлеснаго? Сперва взойди на первыя ступени по лѣстницѣ покаянія и христіанскаго совершенства, а затѣмъ уже переступай на дальнѣйшія и высшія. Но какъ вскочить на верхъ лѣстницы, не ступивъ даже на первую ступень?

Вѣдай, христіанская душа, что если ты постишься то-чю отъ брашенъ, т. е. не ѣшь или ѣшь мало, — то этого мало. Если ты постишься болѣе или менѣе по христіански; если воздерживаешься отъ яствъ и питій безъ томленія, безъ огорченія, безъ досады, — и этого мало. Если ты спо-собна даже радоваться постнымъ неяденіемъ, постными мо-

литвами и стояніемъ въ церкви, постными поклонами и колѣнопреклоненіями,—то и на этой ступени не останавливайся въ шествіи по лѣстницѣ добродѣтелей. На какой бы ступени по лѣстницѣ возшествія къ небу ты не остановилась, все же не взойдешь на небо, которое отъ насъ очень высоко. Иди же дальше, трудись до конца, пока не достигнешь небесной высоты нравственного совершенства

Если ты отъ брашенъ постишься и даже радуешься своимъ постнымъ неяденіемъ, но отъ страстей не очистилась и не очищаешься,—то все радуешься, учить св. церковь. Ибо, если и самый постъ не будетъ для тебя поводомъ къ исправленію, то ты будешь возненавидѣна отъ Бога, какъ лживая, уподобившись сперва фарисеямъ, которые подолгу постились, чтобы явиться постниками предъ людьми, а въ душѣ были люди гордые, лукавые, злые, грабители, жестокосердые, отъ поста же становились только злѣе, надменнѣе и неправеднѣе. Изъ чему же тогда и постъ? Это постъ лживый и богоненавистный. Черезъ такой постъ ты уподобишься не только лживымъ лицемѢрамъ, коварнымъ фарисеямъ, но и злымъ демонамъ, которые не только постятся, но и никогда не ядятъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ духовно убиваютъ, всецѣло губятъ и пожираютъ людей,—которые, какъ львы рыкая, ищутъ кого бы поглотить. Потщися же, чтобы согрѣшая не сотворить свой постъ непотребнымъ, но пребывай непоколебима къ стремленіямъ безмѣстнымъ.

Но и этого мало, мало воздерживаться отъ грѣховъ для христіанскаго совершенства. Указывая дальнѣйшій путь, церковь вопіетъ своимъ истиннымъ чадамъ: *какъ утро, нынѣ возсіяла намъ заря покаянія, возсіяла свѣтлость воздержанія. Возсіяло время блаженное поста, испуская лучи покаянія. Воспримемъ же любовно, отгоняя*

отъ себя глубокую тму льности, въ веселящеся. Освя-
тимъ постъ любомудренно, проповѣдаемъ воздержаніе стра-
стей, возопіемъ въ слезахъ Владыкъ Христу: дай намъ,
Господи, благодать, содѣйствующую къ исполненію твоихъ
хотѣній. Предочистимся нынѣ въ постъ и слезахъ, не
воздержаніемъ въ брашнахъ токмо, но и въ дѣяніяхъ, и
начнемъ теплымъ помышленіемъ о Богѣ, да явимся свѣт-
лыми предъ нашимъ Создателемъ. Сице—такъ намъ по-
ститися подобаетъ, не во враждѣ и брани, не въ зави-
сти и рвеніи, не во тщеславіи и самообольщеніи сокро-
венномъ, но какъ Христосъ, въ смиренномудріи. Самъ Онъ
сказалъ: милующіе нищихъ самому Спасу взаимъ даютъ
разумно, ибо Онъ богато воздастъ отплату за добро. Ста-
немъ же нынѣ подражать мудрымъ христіанскимъ дѣ-
ламъ и потщимся послѣ полуночнаго грѣховнаго сна срѣ-
тить жениха Христа со свѣчами свѣтлыми, горящими
огнемъ милосердія къ ближнимъ.

Но и этого мало для полноты христіанскаго совершен-
ства. Къ этому, можно сказать, внѣшнимъ дѣламъ христі-
анскаго совершенства, нужно христіанской душѣ присо-
единить еще внутреннее самозглубленіе, внутреннее сосре-
точеніе себя на мысли о Христѣ. Распинаемая въ себѣ свои
собственныя страсти, готовясь къ достойному срѣтенію стра-
стей Господнихъ, простирайся, душа христіанская, по
поприщу постному, мня себя такъ, что ты неотступно
предстоишь распятому Спасителю. Ты и действительно, а
не только мнимо, дѣйствительно стоишь предъ Его по-
меркшимъ на крестѣ, во всевидящимъ взоромъ. А только
ты-то не забывай этого; ты то помни, что ежесекундно
предстоишь распятому Христу, да такъ и располагай свои
не только дѣянія, но и желанія и помыслы, въ постоян-
номъ памятованіи, что все они проходятъ предъ всевидѣ-

ніемъ Христа, который неотступно смотритъ именно на тебя, смотритъ въ глубь именно твоей души съ высоты своего креста.

Но опять и этого мало для христіанскаго совершенства. Тогда ты, христолюбивая душа, достигнешь высоты христіанскаго совершенства, когда сама взойдешь на высоту креста; когда съ вольно подъятаго тобою твоего собственного креста ты поднимешься на высоту креста Христова; когда сольешься со Христомъ, станешь едино съ Нимъ въ Его страданія и вѣстной смерти; когда сраспнешься съ распявшимся ради тебя Спасителемъ; когда войдешь въ духъ сраспятаго со Христомъ разбойника; когда твой духъ всецѣло выльется въ молитвѣ глубочайшаго самоотреченія и наиполнѣйшаго стремленія слиться со Христомъ единеніемъ съ Нимъ въ Его смерти и жизни и вѣчномъ царствѣ,—выльется въ молитвѣ разбойника, умершаго со Христомъ на крестѣ: *помяни мя, Господи, окаяннаго, егда приидеши во царствіи твоемъ.*

Это заповѣдь церкви на постъ душамъ совершеннымъ, христіанамъ истиннымъ, горящимъ любовію по Богу и Христу Его. А что сказать въ напутствіе на постъ намъ грѣшнымъ, намъ христіанамъ немощнымъ и холоднымъ, намъ людямъ обыкновеннымъ, христіанамъ нашего холоднаго вѣка? Что же? Намъ полухолоднымъ сказано, что намъ нужно, что слѣдуетъ, уже давно въ Апокалипсисѣ: *такъ глаголетъ Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный, начало созданія Божія, самъ Богъ Слово: знаю твои дѣла. Ты ни холоденъ, ни горячъ. О если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но поелику ты только тепловатъ, а не горячъ и не холоденъ, то имамъ изплевати тебя изъ устъ моихъ. Ибо ты говоришь: я богатъ и доволенъ, я разбогатѣлъ и ни во чемъ не имѣю нужды, ни даже въ христіанствѣ, ни*

въ самомъ Богѣ. А не знаешь, что ты несчастенъ, и жа-
локъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ. Совѣтую тебѣ у Меня, у
Бога, купить золото, огнемъ очищенное, чтобы тебѣ обо-
гатиться, и бѣлую одежду, чтобы одѣться, и чтобы не
видна была срамота наготы твоей; и главною мазью по-
мажь свои очи, чтобы видеть. Я кого люблю, тѣхъ об-
личаю и наказываю. Итакъ будь ревностенъ и покайся.
Се, стою при дверяхъ и толку. Если кто услышитъ гласъ
мой и отверзетъ двери, Я войду къ нему и буду вечерять
съ нимъ, и той со Мною...

Холодный человѣкъ, холодный христіанинъ! Уважь го-
лосъ Христа, уважь голосъ церкви. Попостись,—зачѣмъ ты
такой рабъ мірскаго обычая и собственнаго чрева? сосре-
доточься, помолись. Приди въ церковь, тамъ пропоютъ для
тебя: *помилуй мя, Боже, помилуй мя*. Быть можетъ, что
даже и вѣроятно, и ты вздохнешь. Вздохи другихъ на-
ведутъ и тебя на тоскливую мысль, что и ты человѣкъ,
что и у тебя есть душа, душа крещеная; а что если и
съ тебя на самомъ дѣлѣ потребуютъ отчета за твою хо-
лодность, за твое небреженіе, за твое недомысліе при су-
емудріи, за твое духовное ослѣпленіе при самомнѣніи, при
гордости поверхностнаго ума? Не стыдись протянуть руку
подать нищему милостыню,—она смягчитъ твое собствен-
ное сердце и вызоветъ въ немъ тоску по небѣ и вѣчно-
сти, по Богѣ и Христѣ Его. Вспомни наставленіе Христово
и великое обѣтованіе о милостынѣ: *однакоже подавайте
милостыню изъ того, что есть у васъ, и тогда все бу-
детъ у васъ чисто, хотя внутренность ваша и исполне-
на хищенія и лукавства*. Пободрствуйте со Христомъ па-
мятью о Его жизни и страстяхъ,—о томъ, что Онъ жилъ
для насъ и умеръ за насъ,—быть можетъ, тогда захотите
и помолиться молитвою распятаго со Христомъ разбойни-

ва, — она въ посту такъ часто поется: *помяни мя, Господи, помяни мя, Владыко, помяни мя, Святый, егда придеши во царствіи твоемъ*. Дай поводъ, дай доступъ Христу, твоему Спасителю, протянуть къ тебѣ руку спасенія. Хоть не отталкивай ее, эту руку, какъ тебѣ не нужную, какъ чужую, какъ безплодную. Смотри, она поддержитъ тебя въ годину искушенія, она подкрѣпитъ тебя въ страшный часъ смерти, какъ поддерживала разбойниковъ, мытарей и грѣшниковъ кающихся, какъ возстановляла на прямую стезю и самыхъ суемудрыхъ, самыхъ упорныхъ невѣровъ увѣровавшихъ. Вотъ и для тебя, какъ и для всякаго христіанина, открылось поприще богозаповѣднаго воздержанія. Вступай же на него свѣтло, въ срѣтеніе Богу, милости раздаятелю, требуя ея милости: ибо жаждетъ нашего спасенія Благоутробный и простираетъ намъ во срѣтеніе, чтобы дать прощеніе ищущимъ Его усердно и съ любовью на Него работающимъ. Такъ въ эти дни посѣть церковь. Аминь.
1881 г.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

Сущность и духъ церковной анафемы.

*Аще братъ твой и церковь преслушаетъ,—
буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь.*

«Ахъ, зачѣмъ этотъ печальный обрядъ?! Не надо его», — говорятъ, — «это наводитъ такую грусть. Это несовременно. Нужно проповѣдывать общую любовь и объединеніе человечества, а не рознь, не раздѣленіе, не взаимную ненависть. Наконецъ, что за ужасъ—это проклятіе? Оно скорѣе раздражаетъ и отталкиваетъ. А кого теперь оно можетъ утѣшить и прикрѣпить къ церкви?!»

Съ кѣмъ теперь не поговори объ обрядѣ православія, того и жди, что услышишь подобные возгласы. Предубѣжденіе общее. Но зависитъ оно, какъ и всѣ вообще предубѣжденія, отъ неяснаго пониманія.

Въ виду этого своимъ долгомъ поставляемъ, хотя вкратцѣ, изъяснить значеніе этого и необходимаго, и благопотребнаго, и утѣшительнаго столько же, сколько и грознаго вселенскаго обряда,

Въ этихъ видахъ мы разъяснимъ содержаніе и смыслъ евангелія, которое читается на обрядѣ православія. Въ семъ евангеліи раскрыты сущность и духъ церковной анафемы.

Вотъ обстоятельство, излагаемое въ семь евангеліи; и вотъ урокъ, который, по поводу сего обстоятельства, изречень Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

Апостолы Христовы были евреи и раздѣляли еврейскіе предразсудки своего времени и народа. У евреевъ было ложное вѣрованіе, что когда прійдетъ Мессія, обѣтованный избавитель израильскаго народа,—то оснуеть на землѣ свое чувственное царство и покорить израильтянамъ всѣ народы земли, такъ что язычники будутъ слугами—рабами, а израильтяне господами—царями, которымъ будутъ служить всѣ люди. Но любопытный вопросъ: кто между самими евреями будетъ въ этомъ царствѣ больше другихъ? Кто будетъ сидѣть на престолахъ подлѣ самого Мессіи? Кто въ первыхъ рядахъ? Кто въ послѣднихъ? Этотъ дѣтскаго свойства вопросъ нерѣдко занималъ и св. апостоловъ, занималъ до самаго вознесенія Господня на небо, и апостолы неоднократно ставили его на разрѣшеніе самому Господу. Послѣдній разъ предложили его Господу, когда Господь восходилъ съ ними уже на гору елеонскую, съ которой и вознесся на небо. А въ первый разъ предлагаютъ Господу этотъ вопросъ вотъ въ этомъ самомъ случаѣ, о которомъ говорится въ изъясняемомъ нами евангеліи.

Вотъ,—повѣствуетъ св. евангелистъ Матѳей,—приступили ученики къ Іисусу и спрашиваютъ: *кто больше въ царствѣ небесномъ?*

Помните, что въ понятіяхъ учениковъ Іисусовыхъ царство небесное сливалось съ чувственнымъ царствомъ, которое долженъ установить пришедшій на землю Мессія, что о царствѣ небесномъ ученики Іисусовы имѣли представленіе земное, чувственное. Но Господь хочетъ дать имъ разумѣніе небесное, поднять очи ихъ горѣ. Господь хочетъ вразумить, что царство небесное будетъ только на небѣ, на

землѣ же будетъ до времени находиться только дверь въ это царство,—это духовное учрежденіе Христовой церкви.

Замѣьте же, что царство небесное на небѣ, а дверь въ это царство на землѣ—это Христова церковь. Теперь вопросъ: кто будетъ больше въ царствѣ небесномъ? Но еще прежде вопросъ: кто войдетъ въ царство небесное? Господь отвѣтствуетъ на этотъ вопросъ и дѣломъ и словомъ. Дѣломъ Онъ призвалъ дитя и поставилъ посредѣ учениковъ. Затѣмъ, указывая на дитя, изрекаетъ слѣдующее вѣковѣчное слово: вотъ кто больше въ царствѣ небесномъ—дитя! Вотъ кто войдетъ въ царство небесное,—дѣти и больше нѣтъ!

А какъ же мы, Господи? Развѣ мы и не войдемъ въ царство небесное? Да, и не войдете, а о преимуществѣ въ царствѣ небесномъ вамъ и думать нечего. *Аминь глаголю вамъ,—вѣщаетъ Спаситель,—если вы не обратитесь, не исправитесь, не передѣлаете себя, и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное.*

Что же это значить: будете, какъ дѣти? Какъ же это мы, возрастные, можемъ стать дѣтьми? Господь отвѣтствуетъ на это такъ: *кто смирится, какъ это дитя,—кто умалится, какъ дитя, тотъ и больше будетъ въ царствѣ небесномъ.* Итакъ, по слову Господню, чтобъ быть не только больше другихъ въ царствѣ небесномъ, но чтобъ и войти въ него, необходимо смириться, необходимо умалиться до смиренія, до малости дитяти. Умалитесь, какъ дитя, смиритесь, какъ дитя,—это значить: будьте доверчивы къ истинѣ умомъ, будьте кротки и смиренны сердцемъ, какъ дѣти. Безъ этого не войдете въ царствіе небесное. Только дѣти суть граждане и наслѣдники царства небеснаго. Дѣти будутъ возсѣдать въ первыхъ рядахъ царства небеснаго, вблизи самаго престола Господня.

И потому,—продолжаетъ Спаситель,—всякое дитя, какъ наслѣдникъ вѣчнаго небеснаго царствія, безцѣнно съ глазахъ милосердія Божія, незамѣнимо для сердца Отца небеснаго. Кто приметъ такое дитя во имя мое, тотъ Меня самого приметъ. *Блюдите, смотрите, остерегайтесь, да не презрите*—не пренебрегайте ни одного изъ малыхъ сихъ. *Ибо говорю вамъ, что ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца моего небеснаго*; т. е. дитя такъ дорого въ очахъ Божіихъ, что къ каждому изъ сихъ дѣтей представлень, для его береженья и спасенія, отъ Отца небеснаго особый ангелъ хранитель. И сей ангелъ хранитель всегда предстоить предъ лицомъ Отца небеснаго. Ангелъ хранитель вознесетъ жалобу-мольбу къ престолу Отца небеснаго за всякое покушеніе на благо ввѣреннаго ему дитяти. Ангелъ хранитель готовъ отразить всякую попытку на счастье ввѣренной ему души человѣческой, потому что она дорога и для него, ея ангела хранителя, и для самого Бога, ея небеснаго Отца. Отецъ небесный такъ возлюбилъ міръ, что и Сына своего единороднаго отдалъ для того, чтобы всякій ввѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. А Сынъ человѣскій, Сынъ Божій смирилъ себя даже до смерти, чтобы взыскать и спасти погибшее.

Смотрите далѣе, какъ Отецъ небесный дорожитъ каждою душею человѣческою, особенно если она близка къ гибели. *Какъ вамъ кажется, учить Спаситель, если-бы у кого было сто овецъ и одна изъ нихъ заблудилась,—то не оставитъ ли онъ девяносто девять въ горахъ и не пойдетъ ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее,—то истинно говорю вамъ, онъ радуется о ней больше, нежели о девяносто девяти не заблудившихся. Такъ нѣтъ воли Отца небеснаго, чтобы погибъ и одинъ изъ малыхъ сихъ.*

Горе же человѣку, кто соблазнить единого отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня. Тому лучше было-бы, если-бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею, и потопили его въ глубинѣ морской. Тогда, не учинивъ соблава, онъ, погибши тѣлесно въ пучинѣ морской, быть можетъ, не погрязъ бы на вѣки въ пучинѣ геенской! Горе міру отъ соблазновъ,—ибо соблазнамъ пріити нужно. Но горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ! Горе человѣку, который соблазняя губить души, спасаемыя Сыномъ Божиимъ, столь дорогія для Отца нашего небеснаго!

Замѣтьте, что по теченію мыслей, излагаемыхъ самимъ Христомъ Спасителемъ, мы приближаемся теперь къ заповѣди объ апаемѣ. Поставимъ же эти божественныя мысли въ краткую связь, чтобъ понять, какъ изъ нихъ вытекаетъ, естественно и необходимо, грозно-спасительное учрежденіе апаемы!

Вотъ эта связь.

Ученики спрашиваютъ Спасителя: кто будетъ больше въ царствѣ небесномъ, въ царствѣ Мессіи, понимаемомъ по еврейски?

Христосъ ставитъ посредѣ учениковъ дитя и отвѣчаетъ: вотъ кто больше прочихъ въ царствѣ небесномъ, въ царствѣ горнемъ, духовномъ. Дитя!

Вы сами войдете въ царство горнее, небесное чрезъ земное преддверіе его—Храстову церковь, не иначе, какъ только подъ условіемъ, если будете, какъ дѣти, если смиритесь и умалитесь до дѣтей, если будете довѣрчивы къ небесной истинѣ и кротки сердцемъ, какъ дѣти.

Дѣти—граждане неба! Первые наследники царства небеснаго—дѣти!

Берегитесь же, не пренебрегайте ими.

Они такъ драгоценны для Отца небеснаго, что къ каждому изъ нихъ приставленъ особый ангелъ хранитель. И этотъ ангелъ всегда видитъ лице Отца небеснаго, всегда готовый отразить всякаго врага, покушающагося на вредъ спасенію вѣренной ему души.

Самъ Сынъ Божій сошелъ на землю, чтобы спасти каждую душу, готовую погибнуть. Свою собственную душу Онъ положилъ за спасеніе каждой изъ нихъ. И Отецъ небесный не пощадилъ единороднаго своего Сына, но предалъ Его на уничиженіе, на муку, на смерть за каждого изъ насъ.

Это естественно. Если мы, лукавы суще по природѣ, умѣемъ даяти дары благіе своимъ чадамъ,—то Отецъ ли небесный не пожалѣетъ каждое гибнущее чадо свое? Если у кого изъ ста овецъ заблудить одна,—то не оставитъ ли онъ девяносто девять, и не пойдетъ ли искать заблудшую? Такъ и у Отца небеснаго нѣтъ воли, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ.

И горе тому, отъ кого придетъ соблазнъ для другихъ! А нужно и соблазнамъ прійти.

Теперь возникаетъ вопросъ: какъ же поступать съ тѣми, отъ кого происходятъ соблазны? Обратите вниманіе. Отсюда истекаетъ анаѡема.

Вотъ какъ слѣдуетъ поступать съ соблазнителями, по заповѣди самаго Христа. Если, не смотря на все это милосердіе Отца небеснаго, на всю любвеобильную заботу Его о каждой душѣ, не смотря на всѣ эти угрозы и прещенія противъ соблазнителей,—если согрѣшить противъ тебя братъ твой, станетъ соблазнять тебя неправымъ ученіемъ, неправыми мыслями, развращающимъ словомъ, гибельнымъ примѣромъ,—ты поступи такъ: если братъ твой, единовѣрный, согрѣшитъ противъ тебя, согрѣшитъ противъ вашего

единовѣрія, мыслию, словомъ или дѣломъ, обойдись съ нимъ осторожно, благоразумно и терпѣливо, обличи его наединѣ между тобою и имъ однимъ. Если онъ послушаетъ тебя, то ты приобрѣлъ брата твоего, сберегъ твоего единовѣрца для тебя, для твоей церкви и для Бога. Если же тебя одного не послушаетъ: то, чтобы не потерять его, своего брата, своего единовѣрца, для тебя, для твоей церкви и для Бога, возьми съ собою еще одного или двухъ свидѣтелей—единовѣрцевъ и обличи его предъ этими свидѣтелями, чтобы они подкрѣпили твое слово, дабы подтвердилось слово устами двухъ или трехъ свидѣтелей. Если же не послушаетъ и ихъ и будетъ упорствовать въ своемъ невѣрїи или еретическомъ мнѣніи,—повѣдай церкви и ея предстоятелямъ. Если же братъ твой, твой единовѣрный, не послушаетъ и церкви,—то пусть онъ будетъ для тебя, какъ язычникъ и мытарь. Пусть онъ будетъ чужой для тебя, перестанетъ считаться твоимъ братомъ, твоимъ единовѣрцемъ, членомъ одной для насъ истинной церкви Божіей. Вотъ заповѣдь самаго Христа объ анаѳемѣ. Вотъ ея значеніе и назначеніе. Вотъ ея происхожденіе отъ самаго Христа, который однакоже говоритъ о себѣ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.*

Анаѳема есть учрежденіе кроткое, но и грозное, какъ кротокъ, но и грозенъ самъ Христосъ, ея учредитель.

И во первыхъ анаѳема значить не проклятiе. Этотъ смыслъ, смыслъ проклятiя приданъ анаѳемѣ уже только въ послѣдствіи, и приданъ по недоразумѣнію, по раздраженію человѣческихъ сердецъ, по удаленію нѣкоторыхъ отъ духа Христова, по непониманію смысла и духа словъ Христовыхъ.

Вотъ точный смыслъ вышеприведенныхъ словъ Христовыхъ: если твой единовѣрецъ, ближній твой, твой братъ

по духу, согрѣшаетъ противъ вашего единовѣрія умомъ, мыслию, словомъ и соблазнительнымъ примѣромъ,—осторожно обличи его по-братски наединѣ. Если тебя одного не послушаетъ, обличи его кротко и благоразумно при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ—единовѣрцахъ, ближнихъ братіяхъ. Если не послушаетъ и всѣхъ васъ,—повѣдай церкви, пусть предстоятели церкви обличать его кротко и отечески. Если же наконецъ преслушаетъ и церковь, то на землѣ больше суда для него нѣтъ. Предоставь дальнѣйшій судъ надъ нимъ, надъ его упорствомъ суду Божію. А для васъ онъ пусть будетъ чуждъ, отдѣленъ, отлученъ отъ васъ,— пусть будетъ анаема.

Не подумайте однакоже, что приговоръ анаемы будетъ для анаемы незначителенъ. Нѣтъ. Есть таинственная связь между благорасположеніемъ людей и милостію Божіею къ человѣку. Спаситель училъ: если ты несешь даръ твой къ жертвеннику Божію и тутъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ нѣчто противъ тебя, поиди сперва примиришься съ братомъ твоимъ, и тогда принеси Богу свой даръ,—тогда получишь отъ Бога, чего отъ Него просишь. Оттуда христіанское учрежденіе, чтобы люди приступали къ Господу съ молитвою не иначе, какъ примирившись со всѣми. Оттуда возгласъ за всякимъ богослуженіемъ: *миромъ*—въ мирѣ со всѣми *Господу помолимся*. Оттуда возгласъ за всякою литургіею: *станѣмъ добръ, станѣмъ со страхомъ, вонмемъ святое возношеніе въ миръ приносить: вознесемъ милость—елей мира, жертву хваленія*. Оттуда передъ причастіемъ мы просимъ всегда другъ у друга прощенія. Только тогда, когда мы мирны съ людьми, только тогда посѣтитъ насъ Богъ мира и любви своею благодатію.

Теперь возьмемъ обратное. Вотъ согрѣшившій противъ меня братъ мой. Я ему говорю: ты для меня чужой—ана-

еема. Два, три другихъ брата говорятъ ему же: ты для насъ чужой—анаеема. Сотни и тысячи братьевъ говорятъ ему тоже: ты для насъ чужой—анаеема! Вся церковь Божія говоритъ ему тоже: ты для меня чужой—анаеема! Вслѣдъ за земною церковію изрекаетъ тотъ же приговоръ и церковь небесная: ты для меня чужой—анаеема! А вслѣдъ за церковью тотъ же приговоръ изрекаетъ надъ нимъ и самъ глава церкви Іисусъ Христосъ: ты для меня чужой—анаеема! За упорство моего брата я не прощаю брату его согрѣшеніе противъ меня, не разрѣшаю, связываю согрѣшившаго. Другіе братья также не прощаютъ, не разрѣшаютъ, связываютъ его. Церковь не прощаетъ, не разрѣшаетъ, связываетъ его въ очахъ Божіихъ. Не прощенный, не разрѣшенный, связанный на землѣ онъ предстанетъ и въ горній міръ не прощеннымъ, не разрѣшеннымъ, связаннымъ въ своемъ грѣхѣ. Аминь бо глаголю вамъ,—подтверждаетъ сіе соображеніе самъ Господь: *что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ. Паки аминь глаголю вамъ: если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить Отца небеснаго о чемъ либо, то чтобы вы ни попросили, будетъ вамъ отъ Отца моего небеснаго. Ибо гдѣ двое или трое собраны во имя мое,—тамъ и Я посреди ихъ.* Теперь представимъ. Вотъ мать родная проситъ у Бога благословенія своему сыну,—Богъ отвергнетъ ли молитву материнскаго сердца? Вотъ не только мать, но и отецъ просятъ совокупною молитвою благословенія Божія сыну,—молитва двухъ будетъ доступнѣе до Бога, чѣмъ молитва одного. Вотъ не только мать и отецъ, но дѣды и бабки, братья и сестры просятъ члену семейства благословенія Божія,—молитва многихъ будетъ безъ сомнѣнія сильнѣе молитвы двоихъ, отца и матери. Вотъ не только члены семьи, но и

члены города, цѣлаго края, цѣлой земли просить благословенія Божія какому либо полезному или нужному члену семьи и общества,—ужели эта молитва многихъ не будетъ сильнѣе молитвы немногихъ?... Таково простое разсужденіе. Молится одинъ рабъ Христовъ, членъ тѣла Христова, съ нимъ и за него умоляетъ Отца небеснаго самъ Христосъ. Можетъ ли такая молитва не дойти до Бога Отца! — Теперь возьмемъ обратное. Пусть братъ не проклинаетъ брата, но пусть только отчуждается брата. Будетъ ли это тяжело для отвергаемаго? Пусть всѣ братья и сестры отчуждаются отъ одного,—будетъ ли это чувствительно для отвергаемаго? Пусть сверхъ того отвергнуть его родные отецъ и мать, какъ чуждаго для себя. Пусть бы кого либо извергло изъ себя, какъ чуждаго и вреднаго, цѣлое общество. Пусть извергнетъ кого либо, какъ чуждаго и вреднаго, цѣлое отечество. Чья душа не ожестѣла бы отъ подобнаго отверженія? Но пусть извергнетъ кого либо изъ своей среды святая Божія церковь, какъ чуждаго и вреднаго; за церковьъ землею пусть отвергнетъ и церковьъ небесная.—Боже! какая нужна крѣпость души, чтобы стерпѣть это отчужденіе! Сколько нужно истинно сатанинскаго ожесточенія, самозаключенія въ діавольскую гордость, чтобы не сокрушиться подъ тяжестью такого отверженія? Если же не сокрушаются, — то единственно только потому, что по отсутствію чувствъ и разумѣнія не могутъ ясно представить и постигнуть грозную дѣйствительность и дѣйственность такого отчужденія. Тѣмъ грознѣе будетъ пробужденіе заснувшихъ чувствъ за дверями смерти.

Такъ вотъ что такое анаѣма! Не проклятiе, но только отчужденіе. Тѣмъ не менѣе и отчужденіе это въ дѣйствительности грозно для всякой души христіанской.

Утверждаемъ далѣе, что Господь Іисусъ Христосъ за вѣщаль анаѣму только для грѣховъ ума, для грѣховъ про-

тивъ истины, для грѣховъ противъ Святаго Духа, но не противъ грѣховъ собственно воли, не противъ грѣхопадѣній, покрываемыхъ покаяніемъ, но только противъ грѣховъ упорства и ожесточенія. Это видно изъ того, что тутъ же сряду выступилъ св. апостолъ Петръ и предлагаетъ Господу вопросъ: *Господи! Если я обличу согрѣшающаго брата и онъ покается, сколько же разъ долженъ я прощать моему брату, согрѣшающему противъ меня? Довольно ли до семи разъ? Иисусъ же говоритъ ему: не говорю тебѣ: до семи разъ, но до седмижды семидесяти разъ, т. е. прощай безъ конца, потому что и Отецъ небесный, котораго мы оскорбляемъ безпредѣльно, прощаетъ намъ по безпредѣльному своему милосердію.*

Обратите вниманіе. Потому-то и церковь изрекаетъ анаѣму почти исключительно на прегрѣшенія ума, а не воли, на грѣхи упорства, но не грѣхопадѣнія по немощи: анаѣма не разбойникамъ, не ворами, не преступникамъ разнаго рода. Но анаѣма отвергающимъ бытіе Божіе, искупленіе, безсмертіе, будущій судъ и т. п. Отчего это? Что тяжелѣе? Что гибельнѣе? Что преступнѣе?

Тяжелѣе, преступнѣе, губительнѣе грѣхи ума. Грѣхи же воли неизбежны, всѣ мы въ беззаконіяхъ зачинаемся, во грѣсѣхъ рождаемся, и грѣшимъ ежечасно. Пусть я разбойникъ, душегубецъ, грабитель, гнѣздилище многихъ и тяжкихъ преступленій. Но повергаюсь я въ прахъ предъ милосердіемъ Божіимъ и вопію гласомъ разбойника на крестѣ: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царство твоемъ.* Ей! И для нашего покаянія возможенъ милосердый гласъ Господа, на крестѣ распятаго за грѣшниковъ: *аминь глаголю тебѣ: днесъ со Мною будеши въ раи.* Пусть мы стыдно и страшно взглянуть въ глаза людямъ. Я повергаюсь предъ всѣми въ прахъ: попирайте меня стопами, но простите меня грѣшнаго, отпустите, разрѣшите. И рабы Хри-

стовы простятъ; по заповѣди Христовой, обязаны простить. Сказано: прощай твоему брату, согрѣшающему противъ тебя и кающемуся, не семь разъ на день, но до седмижды семидесяти разъ; прощай безъ мѣры, безъ числа и конца. Прощай даже заблужденія ума, недоразумѣнія, невѣдѣнія въ вѣрѣ, предубѣжденія и суевѣрія, если они не упорны; если люди, какъ дѣти, колеблются вѣтромъ разныхъ лжеученій. Ни одна христіанская душа не есть вмѣстилище непогрѣшимой всецерковной вселенской истины. Всякая болѣе или менѣе погрѣшаетъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Но если кто сѣетъ ложь уисрно, какъ самъ діаволь, отецъ лжи, сѣетъ, какъ челоуѣкоубійца для челоуѣкоубійства, для убійства душъ; если кто возстаетъ противъ утвержденной Христомъ, Его апостолами, всею вселенскою церковію, всѣми возвышеннѣйшими умами христіанскаго челоуѣчества истины; если кто не пріемлетъ царство Божіе, какъ кроткое и смиренное дитя, но гордо отвергаетъ его, какъ ожестѣлый врагъ истины,—о! такой творитъ грѣхъ противъ Духа Святаго! И сей грѣхъ, если не очищается покаяніемъ, не отпустится челоуѣку ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Такой грѣхъ второе распинаетъ Сына Божія, и для такого грѣха уже не обрѣтается другой искупительной жертвы. Такой грѣхъ подрываетъ самыя основы церкви Божіей, и она, какъ живое тѣло, защищая саму себя, испускаетъ вопль боли своего материнскаго сердца: анаема! Однакоже и здѣсь присовокупляетъ молитву: Отче! отпусти имъ,—не вѣдятъ бо, что творятъ. «Заблуждающимъ просвѣти разумныя очи свѣтомъ твоимъ божественнымъ, умягчи ихъ ожесточеніе, да уразумѣютъ твою истину, да познаютъ гласъ твой, и обратятся къ Тебѣ, Спасителю нашему». Такой грѣхъ излишне и проеблинать. Онъ самъ въ себѣ есть проклятiе, и влечетъ за собою проклятiе для се-

бя и для другихъ, потому что плодить на другіе грѣхъ. Побѣдимъ отъ него, какъ отъ проклятія для насъ. Такой грѣхъ—анаѳема!

Братіе! молю васъ,—умоляетъ насъ св. апостолъ,—
блюдитесь отъ творящихъ распри и раздоры, вопреки
ученію, которому вы научились. Уклонитесь отъ нихъ.
Таковыя Господу Іисусу Христу не работаютъ, но лас-
кательствомъ и красноречіемъ обольщаютъ сердца прос-
тодушныхъ. Будьте мудры во благое, просты же въ злое,
мудры на созиданіе и просты на разореніе церкви Божіей.
Аминь.

1878 г.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ*)

О ПОЧИТАНІИ СВ. ИКОНЪ.

Ныкъ благочестія свѣтлость всѣмъ-распрострѣся, разгоняющи лѣсть нечестія, яко облакъ, просвѣщающи же сердца благочестивыхъ: прїидите вси припадемъ благочестиво-мудреннѣ, честнымъ иконамъ Христовымъ покланяющеся, православніи.

Стихира.

Всегда, а въ день православія особенно, святая церковь приглашаетъ чадъ своихъ благочестиво—мудренно покланяться честнымъ иконамъ Христа Спаса и святыхъ Его. Между тѣмъ къ послѣднему времени распространяется и въ нашей православно-русской землѣ давно распространенное въ другихъ земляхъ заблужденіе, будто кланяться святымъ иконамъ богопротивно, будто поклоненіе иконамъ есть иное что, какъ идолослуженіе, будто древняя христіанская церковь иконъ не чтѣла, не употребляла и даже не знала.

Мы же, въ опроверженіе этого анаѳематствуемаго въ день православія заблужденія, ставимъ себѣ задачею пока-

*) Изложена въ залѣ одесской духовной семинаріи 24 февраля 1885 г.

зять, что древняя христіанская церковь даже въ первые вѣка христіанства знала св. иконы и употребляла и читала. Для чего возьмемъ косательно сего предмета совершенно научные выводы церковной археологіи *).

Тѣсно связанное съ языческой религіей, античное искусство, во времени пришествія Христова на землю, стало падать. Художники, вмѣстѣ съ остальнымъ міромъ, нуждались въ духовномъ обновленіи и просвѣтленіи; и свѣтъ пришелъ съ востока. Одновременно съ разложеніемъ и паденіемъ многобожія, мало по малу, распространялось новое ученіе вѣры христіанской, а съ нимъ вмѣстѣ созидалось, скромно и незамѣтно, и новое искусство, подъ вліяніемъ новой христіанской вѣры. Началось оно въ могильной тишинѣ катакомбъ.

Въ древнемъ языческомъ обществѣ мѣста погребенія были мѣстомъ періодическихъ собраній родственниковъ, друзей покойнаго и сочленовъ погребальнаго товарищества. Для христіанъ же катакомба была не только кладбищемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ храмомъ. Такія помѣщенія обыкновенно украшались живописью издавна. Но христіане постепенно стали изглаждать языческія украшенія и вносить уже въ свои собственно христіанскія изображенія содержаніе, заимствовавшее изъ евангелія. Впрочемъ въ виду гоненій христіанскія понятія въ образахъ выражались съ такою осторожностью, что непосвященный не могъ бы найти въ нихъ ничего предосудительнаго съ языческой точки зрѣнія. Въ изображеніи пальмы, рыбъ, чаши, птицъ, якоря, оленей пьющихъ воду, дельфина съ корзиной хлѣба и вина на спинѣ, подзирающій язычникъ не нашелъ бы ничего страннаго. Тѣмъ не менѣе эти простые образы говорили

*) Очеркъ исторіи византійскаго искусства М. П. Соловьева въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1884 г., Іюнь.

христіанину о побѣдѣ, о возрожденіи крещеніемъ, о надеждѣ, объ утоленіи духовной жажды евангельскимъ ученіемъ, о Христѣ, Его тѣлѣ и крови. Греческое названіе рыбы—*Ιησους* было анаграммой словъ *Ιησους Χριστος Βοθής* *Сынъ, Спаситель*. За этою исключительно символическою живописью въ самыхъ первоначальныхъ христіанскихъ храмахъ сдѣловала живопись болѣе прямая. Особенно часто встрѣчается любимое изображеніе добраго пастыря, несущаго заблудшую овцу на плечахъ или пасущаго свое стадо на зеленыхъ лугахъ. Между тѣмъ этотъ простой образъ добраго пастыря открывалъ широкій просторъ для разнообразныхъ сопоставленій въ подробностяхъ. Десятая глава евангелія отъ Іоанна, о добромъ пастырѣ, на стѣнныхъ изображеніяхъ подземнаго Рима исчерпана до конца во всѣхъ подробнѣйшихъ чертахъ. Почти всегда на поясѣ пастыря виситъ семиствольная цѣвница, намекающая на семь добродѣтелей и на сладкіе звуки христіанскаго ученія. А это значило, что сладкогласнымъ ученіемъ Христовымъ обуздываются дикія животныя страсти людей, что и дополнялось символическими изображеніями животныхъ, которыя сходятся на сладкіе звуки пастушеской лиры, забывая свои кровожадные инстинкты: левъ, согласно древнимъ пророчествамъ о мирныхъ временахъ Мессіи, мирно лежитъ подлѣ овецъ и змѣя свернулась въ клубокъ, не вредя своимъ сосѣдямъ. Эти символы внушали мысль и надежду, что миръ христіанской души окруженъ извнѣ бѣдами и опасностями, но онѣ не страшны и при помощи свыше будутъ побѣждены. Здѣсь же рядомъ и съ тѣмъ же значеніемъ изображается юный Давіилъ между двумя львами, говоря христіанской общинѣ о гоненіяхъ, среди которыхъ она не погибнетъ. Насупротивъ Давіила юноша Давидъ съ пращей является побѣдителемъ Галіафа. Около нихъ Моусей, исто-

чающій воду изъ скалы. Противъ него въ юномъ видѣ Христосъ воскрешаетъ Лазаря. Таково украшеніе въ катакомбѣ Домитиллы въ Римѣ. Чаше всего является исторія избавленія Іоны и спасенія Ноя, выпускающаго горлицу изъ ковчега. Спасеніе Іоны говорило о тайнѣ воскресенія; спасеніе же Ноя—о тайнѣ крещенія. Жертвоприношеніе Исаака замѣняетъ страшную картину крестной смерти; Христосъ, благословляющій хлѣбы, напоминаетъ исторію чудеснаго умноженія хлѣбовъ, а благословеніе сосудовъ съ виномъ (амфоръ) сокращенно передаетъ повѣсть о чудѣ въ Канѣ галилейской. Вмѣстѣ же обѣ картины, какъ въ александрійской катакомбѣ, даютъ полную идею о Тайной вечерѣ, о тайнѣ евхаристіи, о претвореніи хлѣба и вина въ истинное тѣло и истинную кровь Христовы.

Въ церковныя собранія въ этихъ подземныхъ храмахъ первенствующіе хрістіане сходились для того, чтобы въ общеніи молитвы почерпнуть новыя силы для жизненной борьбы и новую увѣренность въ несокрушимой правдѣ ихъ вѣроученія, чтобъ отдохнуть въ церкви, основанной на вѣрѣ въ Бога правды и любви, отъ тревоженій жизни въ мірѣ, преисполненномъ неправды и озлобленія. Оттого въ священныхъ изображеніяхъ хрістіанскаго храма все говорило о надеждѣ и утѣшеніи. Всѣ эти изображенія просты, кратки и трогательны. Смерть представляется сномъ, за которымъ послѣдуетъ пробужденіе. Здѣсь на землѣ была у хрістіанъ несокрушимая увѣренность въ побѣдѣ; а за гробомъ вѣрующаго ждала мирная, новая жизнь въ мѣстѣ свѣтломъ, злачномъ и покойномъ, какъ зеленая пажити на потолокѣ катакомбы Домитиллы въ Римѣ. Римъ былъ средоточіемъ идей, развивавшихся между хрістіанами, хотя первоначальное происхожденіе этихъ идей имѣло мѣсто и не въ Римѣ, а на востокѣ. Впрочемъ единство

ученія, какъ и одинаковость стремленій церкви и условій, среди которыхъ жили христіанскія общины, одинаково не-повидаемыя и гонимыя многобожниками, отражались и на повсюдномъ тождествѣ художественныхъ представленій. Одни типы, одни приемы, тѣже символы встрѣчаются на всѣхъ первоначальныхъ памятникахъ христіанскаго искусства, открытыхъ какъ въ Римѣ, такъ и внѣ Рима, въ Иллиріи, Малой Азіи, Галліи, Сиріи и Египтѣ.

Упованія христіанъ были не напрасны. Посѣянное сперва болѣе среди простаго народа, великое ученіе росло, не взирая на гоненіе, на презрѣніе высшаго общества, на остроумную и ядовитую критику философовъ. Оно пережило своихъ гонителей и въ лицѣ равноапостольнаго Константина возсѣло на императорскій престолъ. Побѣда Константина была побѣдой христіанства. Христовой церкви не зачѣмъ теперь было скрываться въ глубинѣ катакомбъ. Христіанскій храмъ возникъ открыто предъ лицомъ всего міра. «Въ каждомъ городѣ», пишетъ Евсевій Кесарійскій, «торжествуютъ освященіе новосозданныхъ храмовъ и часовенъ и по этому поводу съѣзжаются епископы и сходятся богомольцы изъ отдаленныхъ странъ, знаменуя взаимную братскую любовь народовъ между собою». Во главѣ движенія стояли равноапостольный императоръ и его благочестивая мать, равноапостольная царица Елена, щедро поддерживая умноженіе храмовъ сокровищами государственнаго казначейства. вмѣстѣ съ тѣмъ и скромныя живописныя украшенія катакомбъ и незначительныхъ надземныхъ молельныхъ храмовъ. Поэтическая простота прежнихъ символическихъ образовъ уже не соотвѣтствовала положенію церкви. Христіанство могло смѣло выступить предъ лицомъ міра съ своею исторіей и съ своимъ исповѣданіемъ, не облакая ихъ

въ условныя символическія формы. Являлась настоящая необходимость обновить и почтить память великихъ насадителей новой вѣры. Поэтому ихъ образы получаютъ новый торжественный видъ. Юные типы первобытной христіанской иконописи смѣняются важными мужественными изображеніями. Историческая вѣрность требуетъ и точныхъ подробностей, касающихся великихъ дѣятелей первоначальной исторіи христіанства. Собираются тщательно преданія и свѣдѣнія о внѣшнемъ ихъ видѣ, о чертахъ лица, даже объ одеждѣ. «Императоръ Константинъ», — пишетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, — «изобразилъ Христа съ бровями сходящимися, съ прекрасными очами, длиннымъ носомъ, кудрявыми волосами, со станомъ слегка согбеннымъ, по возрасту юнымъ, съ черною бородою, съ лицомъ цвѣта пшеницы, какъ и у Матери Его, и съ длинными волосами». Типъ, описанный Дамаскиномъ, сохранился въ христіанской иконописи до нашихъ дней. Евсевій упоминаетъ о статуиномъ изображеніи Христа въ городѣ Панаѣ, изображавшемъ исцѣленіе Христомъ жены кровоточивой; къ этому изображенію притекали, какъ къ чудотворному. Въ то же время Евсевій записалъ старинное сказаніе о нерукотворенномъ образѣ Христа въ Едессѣ. Это сказаніе, хотя и записано въ началѣ IV вѣка, но свидѣтельствуетъ неложно о томъ, что образъ Христа чтился въ христіанскомъ мірѣ до IV вѣка. Изображенія Христа, Богоматери, апостоловъ Петра и Павла и другія установились въ точныхъ чертахъ въ эпоху Константина великаго. Теперь уже не въ простомъ смиренномъ видѣ добраго пастыря, но какъ царь царей Христосъ изображается возсѣдающимъ на престолѣ, величаво простирая благословящую десницу, окруженный крылатыми ангелами. Издревле же осталось преданіе и о томъ, что св. евангелистъ Лука былъ не только

врачъ, но и иконописецъ и собственноручно начерталъ образъ пресвятыя Дѣвы Маріи съ Богомладенцемъ на рукахъ.

Кромѣ старинной фрески, живописнаго стѣннаго изображенія, появляется въ это же время въ христіанскихъ храмахъ и мозаика. Въ то же время употреблялись и статуи и барельефы. Украшенія храмовъ увеличивались съ увеличеніемъ числа и размѣровъ самыхъ храмовъ. Храмъ св. Софіи, выстроенный въ Константинополѣ при Константинѣ первоначально въ формѣ базилики, храмъ двѣнадцати апостоловъ, усыпальница царской династіи, и другія многочисленные церкви новой Константиновой столицы были украшены съ пышностію, подобающе храмамъ Царя-града. Въ теченіи семи лѣтъ равноапостольные Константинъ и Елена выстроили въ одномъ Константинополѣ 21 церковь. Священные изображенія украшали не только внутренность всѣхъ этихъ церквей, но и площади Константинополя. Такъ упоминается, что на одномъ изъ портиковъ стояло изваяніе самихъ Константина и Елены, держащихъ животворящій крестъ; другой форумъ былъ украшенъ симметрическими статуейными изображеніями добраго пастыря и Данила со львами. Что же касается иконописи въ самыхъ храмахъ, то поворотъ христіанскаго искусства отъ аллегоріи къ историческому содержанію выразился очень рано въ установленіи твердаго порядка въ росписаніи храмовъ, который уцѣлѣлъ до настоящаго времени. Уже св. Нилъ пишетъ, что храмъ съ каждой стороны долженъ имѣть на стѣнахъ изображенія изъ ветхаго и новаго заветъа, дабы неграмотные могли въ образахъ познать подвиги вѣрныхъ служителей Божіихъ. Такимъ образомъ стѣны храма обращались въ поучительную лицевую церковную исторію. Къ событіямъ священной исторіи присоединялись теперь

образы мучениковъ и другихъ святыхъ. Великолѣпныя мозаики въ Равеннской грещальнѣ, въ мавзолеѣ Галлы Плацидіи и въ Солупьской церкви св. Георгія даютъ ясное понятіе о состояніи иконописи въ то время.

Въ полномъ же блескѣ христіанское искусство является уже при императорѣ Юстиніанѣ. Знаменитѣйшимъ его созданіемъ была цареградская св. Софія, о которой можно сказать, что она составляетъ совершеннѣйшій образецъ церковно-византійскаго искусства вообще и иконописнаго въ частности. Внутри храмъ сіялъ небывалымъ, истинно царскимъ великолѣпіемъ. Куполь и верхняя половина стѣнъ были покрыты превосходной мозаикой. Въ центрѣ купола былъ изображенъ Спаситель, возсѣдающій на радугѣ; въ алтарной абсидѣ Богоматерь съ Младенцемъ; на трехъ-угольных парусахъ парили колоссальные шестикрылые серафимы; на внутренней исподней сторонѣ арокъ были величественные ангелы и медальоны съ бюгрудными изображеніями; на продольныхъ стѣнахъ рядами шли изображенія угодниковъ Божіихъ, пророковъ, апостоловъ, святителей и другихъ.

Между тѣмъ въ ваянію предстоятели церквей уже въ то время относились неблагоклонно, такъ какъ ваяніе развилось исключительно въ средѣ представленій языческаго многобожія. Но литые образа съ барельефами были въ большемъ употребленіи, и изъ Византіи такіе образа, какъ и кресты, вошли въ употребленіе въ Арменіи, Грузіи и у насъ въ Россіи. Живописныя же воображенія и мозаика высшаго достоинства дошли до насъ, какъ въ св. Софіи, такъ и во многихъ храмахъ V и IV вѣка, какъ то въ Солунѣ, въ Синайскомъ монастырѣ, въ Равеннѣ и т. д. Отъ того же времени священныя изображенія дошли до насъ и въ рукописяхъ, сохранившихся отъ V и VI вѣка. Суще-

ствуютъ рукописи, по письму принадлежащія въ VII и послѣдующимъ столѣтіямъ, но съ священными изображеніями, очевидно скопированными съ болѣе древнихъ оригиналовъ. По удѣлѣвшимъ изображеніямъ рукописей можно составить себѣ понятіе и о стѣнной тогдашней живописи, которая большею частью исчезла, хотя и употреблялась больше и чаще мозаики. Мозаика стоила слишкомъ дорого и не могла быть доступна для всѣхъ храмовъ. Безъ всякаго впрочемъ сомнѣнія, сохранившаяся до нашихъ дней мозаика можетъ дать понятіе и о стѣнной иконописи тѣхъ временъ, какъ это мы и видимъ изъ писаній Астерія (IV вѣка) и ритора Хориція (VI вѣка): по ихъ свидѣтельству, какъ система, такъ и содержаніе стѣнныхъ изображеній были такія же, какъ въ мозаикахъ. Вообще вслѣдствіе единства догматовъ, иконописное искусство, уже въ первую эпоху, отличалось значительнымъ единообразіемъ, и затѣмъ постоянно стремится къ установленію твердо опредѣленныхъ типовъ. Благочестивый народъ уже тогда начиналъ считать отступленіе отъ установившихся иконописныхъ типовъ кощунствомъ: незыблемость вѣры должна отражаться въ неизмѣнности и художественно-церковныхъ образовъ. Типы и сложныя ихъ сочетанія, съ точнымъ опредѣленіемъ порядка, положенія, возраста, одежды лицъ, участвующихъ въ событіи, какъ и всѣхъ подробностей обстановки, выработанные въ Византіи, настолько соответствовали требованіямъ церкви и народнаго благочестія, что въ этомъ отношеніи впослѣдствіи, внѣ византійскаго искусства, не сдѣлано ничего.

Иконоборство же возникло въ греческомъ царствѣ изъ многихъ сложныхъ, какъ церковныхъ, такъ и политическихъ причинъ; при чемъ догматическій вопросъ о правотѣ иконопочитанія былъ употребленъ только какъ

орудіе для достиженія иныхъ цѣлей. Возникло иконоборство изъ характерно-византійской борьбы свѣтской власти противъ духовной, особенно же противъ монашества, и изъ естественнаго стремленія приспособиться къ духу и взглядамъ возникшаго тогда и крѣпко усилившагося исламизма, что и доказывается дѣйствіями иконоборцевъ.

Такъ указомъ 726 г. императоръ Левъ Исаврянинъ повелѣлъ удалить иконы изъ алтарей и помѣстить ихъ въ передней части храмовъ, на такой высотѣ, чтобы нельзя было прикладываться къ нимъ; а чрезъ два года приказалъ и совсѣмъ удалить иконы изъ храмовъ и публичныхъ мѣстъ. Народъ взволновался, начались беспорядки, борьба пошла изъ Царя-града во все концы государства. Ревность по истинѣ иконопочитанія произвела своихъ мучениковъ и исповѣдниковъ. При наслѣдникѣ Льва Константинѣ Копронимѣ состоялся въ Константинополѣ лже-соборъ, не оглаваемый патріархами Рима, Антиохіи и Александріи, почему онъ и признанъ незаконнымъ во-первыхъ по незаконности своего созванія и состава. Въ силу лже-соборнаго постановленія и распоряженія иконоборца Константина Копронима объ уничтоженіи иконъ, священные изображенія исчезли на стѣнахъ храмовъ подъ слоемъ повапленія, а вмѣсто того стѣны покрылись изображеніями природы, такъ называемыми пейзажами и орнаментами. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ священныхъ изображеній въ храмахъ, какъ и вездѣ, упразднялись иноческія обители, имущества ихъ отбирались, монастырскія зданія обращались въ общественные склады и т. п.; ношеніе монашеской одежды возбранялось, въ монастыряхъ истреблялись даже библиотеки. Напротивъ того иконоборцы поощряли свѣтскую науку и свѣтское, даже просто языческое искусство и, не дозволяя иконъ, строили храмы и дворцы, украшенные жи-

вописью свѣтскаго содержанія. Искусство въ христіанскомъ византійскомъ царствѣ прямо возвращалось къ языческимъ преданіямъ такъ называемой античной эпохи. Изъ всего же этого ясно видѣть можно, что иконоборство тѣсно связывалось съ уничтоженіемъ всего строя православной церкви. Такъ было въ древнюю эпоху иконоборства; тоже можно усматривать и въ настоящую или же предусматривать въ предстоящую эпоху общественнаго иконоборства, въ эпоху возстанія противъ святыхъ иконъ многихъ изъ современнаго намъ общества. Въ ту древнюю эпоху конецъ нечестію иконоборства положенъ VII вселенскимъ Никейскимъ соборомъ, который отвергъ неблагочестивыя постановленія иконоборческаго собора, и восстановилъ въ IX вѣкѣ почитаніе св. иконъ. Праздникъ православія на первой недѣлѣ великаго поста до сихъ поръ остается памятникомъ побѣды православія надъ иконоборческимъ нечестіемъ.

Отсюда видно, что древняя христіанская церковь не только употребляла святые иконы, но и чтитъ ихъ съ первыхъ вѣковъ христіанства, и самый вопросъ о непочтеніи къ святымъ иконамъ никогда прежде и не возникалъ до появленія нечестивыхъ иконоборцевъ, до VIII вѣка. Что церковь не только употребляла, но и чтитъ святые иконы, это видно уже изъ того самаго, что она имѣла ихъ, какъ святыню, въ самыхъ древнихъ своихъ храмахъ, каковы храмы первенствующихъ христіанъ въ катакомбахъ, и воздавала имъ тѣ самые знаки почитанія, о которыхъ свидѣтельствуется седьмой вселенскій соборъ, каковы положеніе предъ святыми иконами крестнаго знаменія, поклоненіе имъ, лобызаніе, куреніе предъ ними ѳиміама, возженіе свѣчей и т. п. Что крестное знаменіе вѣрующіе полагали на себя въ храмахъ при богослуженіи съ перваго вѣка, по преданію апостольскому, объ этомъ свидѣлствуютъ святыи Васи-

лій Великій, какъ и цѣлый рядъ отцовъ и учителей церковныхъ, родившихся въ III, а жившихъ въ IV, какъ и въ V вѣкахъ, каковы Кириллъ іерусалимскій, Іоаннъ Златоустъ, блаженный Августинъ и другіе. Полагаемое же на себя вѣрующими, при входѣ во храмъ, при священнодѣйствіи, крестное знаменіе относилось ко всей святынѣ храма и богослуженія, а слѣдовательно и къ священнымъ въ храмахъ изображеніямъ. Что вѣрующіе христіане поклонялись предъ святынею святыхъ мѣстъ, каковы крестъ или гробъ Господень, предъ святынею храмовъ, каковы изображенія креста и евангелія, каковы и другія священные изображенія, это также не можетъ подлежать сомнѣнію. Поклоненіе предъ Богомъ и святынею освящено примѣрами Авраама, Моисея, самаго Господа Іисуса Христа, св. апостола Іоанна, какъ и всѣхъ святыхъ. На фронтонѣ при входѣ во св. Софію изображенъ былъ царь Юстиніанъ, припадающій ко Христу, возсѣдающему на престолѣ. Не можетъ подлежать сомнѣнію глубоко древнее существованіе и лобызанія христіанскихъ святынь, каковы крестъ и гробъ Господень, ихъ изображенія, какъ и разныя другія святыни, каковы гробы и мощи святыхъ апостоловъ и мучениковъ, каковы разные священные останки, напримѣръ кости и кровь святыхъ мучениковъ, керуковъ, образъ Спасовъ, несомнѣнно существовавшій съ первыхъ вѣковъ и т. п. О куреніи еиміама, о возжиганіи свѣчей въ христіанскихъ храмахъ предъ христіанскими святынями говорятъ уже апостольскія правила, упоминаетъ даже книга Дѣяній апостольскихъ. Да и кто можетъ усомниться въ полнѣйшей исторической достовѣрности такого свидѣтельства, какъ догматическое опредѣленіе седмаго вселенскаго собора, которое изречено въ слухъ всего тогдашняго свѣта, которое могло быть повѣрено и дѣйствительно повѣрено живымъ преданіемъ всѣхъ тогдашнихъ церквей.

«Хранимъ не нововводно, — гласить догматъ трехъ сотъ шестидесяти семи святыхъ отецъ седмаго вселенскаго собора, Никейскаго, объ иконопочитаніи, — хранимъ не нововводно всѣ, писаніемъ, или безъ писанія установленныя для насъ церковныя преданія, отъ нихже едино есть иконнаго живописанія изображеніе, яко повѣствованію евангельскія проповѣди согласующее, и служащее намъ ко увѣренію истиннаго, а не воображаемаго воплощенія Бога Слова, и къ подобной пользѣ. Яже бо едино другимъ указуются, несомнѣнно едино другимъ уясняются: иконное изображеніе указывается евангельскимъ повѣствованіемъ, а сіе послѣднее, евангельское повѣствование уясняется иконнымъ изображеніемъ. Посему, послѣдующе богоголивому ученію святыхъ отецъ нашихъ и преданію католическія церкви, со всякою достовѣрностію и тщательнымъ разсмотрѣніемъ опредѣляемъ: подобно изображенію честнаго и животворящаго креста» (которое искони полагалось въ церкви) «полагати во святыхъ Божіихъ церквахъ, на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на доскахъ, въ домахъ и на путяхъ, честныя и святыя иконы, написанныя красками и изъ дробныхъ каменій» (мозаическія) «и изъ другаго способнаго къ тому вещества устрояемыя, якоже иконы Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и непорочныя Владычицы нашея святыя Богородицы, такожде и честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и преподобныхъ мужей. Елико бо часто чрезъ изображенія на иконахъ видимы бываютъ, потолику взирающіи на оныя подвизаемы бываютъ воспоминати и любити первообразныхъ имъ, и чествовати ихъ лобызаніемъ и почитательнымъ поклоненіемъ, не истиннымъ богопоклоненіемъ, еже подобаетъ единому Божескому естеству, но почитаніемъ по тому образу, якоже изображенію честнаго и животворящаго креста и святому евангелію

и прочимъ святынямъ, еиміаомъ и поставленіемъ свѣщей, честь воздается, яковый и у древнихъ благочестивый обычай былъ. Ибо честь, воздаваемая образу, переходитъ въ первообразному, и покланяющійся иконѣ покланяется существу изображеннаго на ней. Тако бо утверждается ученіе святыхъ отецъ нашихъ, сіе есть, преданіе каѳолическія церкви, отъ конецъ до конецъ земли пріявшія евангеліе. Отсюда можно видѣть, что отцы VII вселенскаго собора не вновь ввели иконопочитаніе, но утвердили, какъ догмать, уже существовавшее въ церкви, установленное церковное преданіе иконнаго живописанія, послѣдуя богоглаголивому ученію святыхъ отецъ и преданію каѳолическія церкви, со всякою достовѣрностію и тщательнымъ разсмотрѣніемъ; видно, что во святыхъ Божіихъ церквахъ искони полагались, какъ и до нынѣ въ православной церкви полагаются, подобно изображенію честнаго и животворящаго креста, честныя и святыя иконы, написанныя красками и устрояемыя изъ дробныхъ каменьевъ (мозаическія, вышитыя и т. п.), какъ въ храмахъ на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и доскахъ, такъ и въ домахъ и на путяхъ (улицахъ, дорогахъ и площадяхъ), именно иконы Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и святыя Богородицы, также честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ; видно, что уже у древнихъ благочестивый обычай былъ, яковый сохранился въ православной церкви и донинѣ, чествовати святыя иконы лобызаніемъ и почтительнымъ поклоненіемъ, не истиннымъ богопоклоненіемъ, какое подобаетъ единому Божескому естеству, но почитаніемъ по тому образу, якове искони воздавалась честь изображенію честнаго и животворящаго креста и святому евангелію и прочимъ святынямъ, еиміаомъ и поставленіемъ свѣчей. Догмать VII вселенскаго собора учить насъ, что честь, воздаваемая образу,

переходить къ первообразному, и покланяющійся иконѣ покланяется существу изображеннаго на ней; что взирающіе на иконы подвизаемы бываютъ воспоминати и любить первообразныхъ имъ; что иконное изображеніе и повѣствованіе евангельское одно другимъ указуются и взаимно уясняются; и что своимъ вѣроопредѣленіемъ отцы VII вселенскаго собора только утвердили ученіе святыхъ отецъ нашихъ, т. е. преданіе католической церкви, пріявшей евангеліе отъ конца до конца земли.

Судите теперь сами, что въ догматѣ VII вселенскаго собора, точно соблюдаемомъ и, въ день православія, торжественно воспоминаемомъ въ православной церкви,—что въ немъ есть нововводнаго и идолопоклонческаго? Напротивъ того, древнее византійское иконоборство не было ли безсильною попыткою разрушить весь строй православной Христовой церкви?

Приидите же, вѣрніи, вси припадаемъ, благочестно-мудренно, съ правыми мыслями и чувствами, покланяющіяся честнымъ иконамъ Христа Спаса нашего и святыхъ Его, покланяющіяся съ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ всегда, а нынѣ въ день торжества православія особенно. Нынѣ бо благочестія свѣтлость распростерлась надъ всѣми, разгоняя лествичіе нечестія, какъ млисто облако, просвѣщая же сердца благочестивыхъ Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ день восшествія на всероссійскій престолъ благо-
честивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго Государя
нашего Императора Александра Александровича.

О театральныхъ зрѣлищахъ въ великій постъ.

Боже великій и хвалный! иже живо-
творящею Христа твоего смертію въ не-
тлѣніе насъ отъ тлѣнія престаивый!
Ты вся наша чувства страстнаго умерщ-
вленія свободы, благаго тѣмъ владыку вну-
трѣнній помыслъ пристави въ; и око убо
да не пріобщино будетъ всякаго лукаваго
зрѣнія; слухъ же словесемъ празднымъ
не вхожденъ; языкъ же да очистится отъ
глаголющихъ неподобныхъ. Очисти же наша ус-
тны, хвалящія Тя, Господи, вся наша
уды и мысль твоею утверждая благодатию.
(Молитва преждеосвященной литургіи).

Уже здѣсь, въ одномъ высокообразованномъ и влія-
тельномъ обществѣ, за званною трапезою, меня спросили,
какъ я смотрю на дозволеніе театральныхъ представленій
въ великій постъ? Я затруднился тогда отвѣтить, вспо-
нивъ евангельское изреченіе: *архіерей сый льту тому*
прорече... Что это значить: *архіерей сый льту тому*
прорече? Первосвященникъ ветхозавѣтный имѣлъ отъ Бога даръ
изрекать пророчества, когда говорилъ именно, какъ архі-
ерей, и облеченъ былъ въ особыя первосвященническія

одежды (Исх. 28, 30; 27, 21). Носителямъ архіерейства
ново-завѣтнаго, своимъ ближайшимъ ученикамъ апостоламъ
Христосъ сказалъ, что въ той часъ, когда вы призваны
будете изречь истину, *не вы будете глаголющии, но Духъ
Отца вашего, глаголяй въ васъ*. Вотъ я теперь стою предъ ва-
ми въ духовномъ всеоружіи архіерейства и изреку вамъ
мое сужденіе о дозволѣніи театральныхъ представленій въ
великій постъ какъ архіерей, надѣясь, что изреку въ духѣ
церкви, которая всегда руководится Духомъ Божіимъ. Не
тревожьтесь, я не коснусь чисто гражданскихъ соображеній
о нуждѣ не отымать кусокъ хлѣба у мастеровъ театраль-
наго дѣла, пожертвовавшихъ свою жизнь на это служеніе,
признаваемое не только пріятнымъ, но и полезнымъ обще-
ству. Не коснусь и политическихъ соображеній о нуждѣ
давать безпрерывное развлеченіе и подходящую умственную
пищу и работу пустымъ и потому тревожнымъ мозгамъ
праздныхъ общественныхъ элементовъ, готовыхъ быть без-
покойными вслѣдствіе самой праздности, вслѣдствіе непрі-
уроченности ни къ какому общепольному труду. Коснусь
только внутренней, духовной стороны вопроса, какъ мы-
слитель духовный, какъ именно архіерей; впрочемъ надѣ-
юсь, при помощи благодати Божіей, яомощная врачующей
и оскудѣвающая восполняющей, сказать нѣчто такое, что
будетъ доступно смыслу и убѣжденію и всѣхъ здѣсь при-
сутствующихъ, а, быть можетъ, и сердцу нѣкоторыхъ. По-
стараюсь быть кратокъ.

Правда, христианство всегда относилось къ театраль-
нымъ зрѣлищамъ съ предосужденіемъ, а на представите-
лей театрального искусства, лице-дѣйствующихъ передъ
зрителями, Христова церковь смотрѣла, какъ на имѣющихъ
на себѣ даже нѣкоторую печать отверженія. Эта мысль церк-
ви проходитъ чрезъ всѣ вѣка, начиная съ апостольскаго, и

чрезъ всѣ святоотеческіе уставы и правила, начиная съ правилъ апостольскихъ (Апост. пр. 18; VI всел. пр. 24; Каре. пр. 16).

Не говоримъ о томъ, что въ отношеніи къ тому времени, въ первомъ вѣкѣ христіанства, времени уже рѣшительнаго паденія древней Эллады и глубокаго упадка Рима, такое возрѣніе Христовой церкви на позорища и позорищныхъ было глубоко справедливо, потому что кто же изъ знакомыхъ съ исторіею послѣднихъ вѣковъ Греціи и Рима не знаетъ, что такое были тогда театры, что такое были всенародныя зрѣлища, на которыхъ—то уже не важно, что позорищные лицедѣи являлись передъ народомъ нагими и съ обнаженіемъ предъ глазами зрителей такихъ дѣлъ тьмы, о нихъ-же не лѣтъ есть и глаголати; но зрѣлища, на которыхъ лицедѣи изображали и осмѣивали своихъ языческихъ боговъ, выставляя на общій позоръ приписываемыя имъ языческою вѣрою позорныя ужасныя дѣла; зрѣлища, на которыхъ являлись предъ очами народа самые повелители его, какъ-то Неронъ, Геліогабалъ и др., въ качествѣ лицедѣевъ, и являлись, превосходя прочихъ лицедѣевъ только гнусностію своего лицедѣйства, повторяя въ лицахъ, въ невообразимо мерзостномъ сочетаніи, неназываемыя чудовищныя дѣянія, дѣянія кого же? своихъ боговъ! Что можно вообразить ужаснѣе, чудовищнѣе, гибельнѣе подобной низости, подобнаго растлѣніи вкуса и нравовъ?! Что были тогдашнія всенародныя зрѣлища, на которыхъ люди растерзывались лютыми звѣрями, при неистовыхъ радостныхъ крикахъ и рукоплесканіяхъ многотысячной толпы зрителей; на которыхъ бились непремѣнно на смерть десятки и сотни такъ называемыхъ гладіаторовъ; этого мало,—на которыхъ бились на смерть до послѣдняго человѣка цѣлыя тысячи воиновъ на лицедѣйственныхъ мор-

скихъ сраженіяхъ для развлеченія сотенъ тысячъ зрителей; зрѣлища, на которыхъ неистовыя растилища очень часто оканчивались кровавыми схватками многотысячной толпы самихъ зрителей? Не безуміе-ли все это? Не неистовство-ли? А все это длилось цѣлые вѣка. Справедливъ-ли судъ и приговоръ церкви на всѣ эти языческія безумства, которыя, не смотря на церковныя противъ нихъ громы, тогда довольно грозныя, не сразу вывелись даже въ одряхлѣвшей уже христіанской византійской имперіи, ставъ одною изъ роковыхъ причинъ окончательнаго ея упадка и паденія?

Но не то я хочу сказать. Это обще-извѣстно. По крайней мѣрѣ, извѣстно всякому образованному человѣку. Это очевидно. Я хочу сказать и разъяснить, что христіанство и театральныя зрѣлища противны другъ другу, что называется, въ принципѣ. Для выясненія этого мы и поставили, въ началѣ нашего слова, слова церковной молитвы, которая читается священникомъ тайно на преждеосвященной литургіи, именно въ великій постъ. Пусть эта молитва читается и рѣдко, только въ великомъ посту, тѣмъ не менѣе она дышетъ всегдашнимъ неизмѣннымъ духомъ церкви и выражаетъ ея вѣковѣчный идеалъ. Церковь молить великаго Бога, который животворящею смертію Христа своего представилъ насъ отъ тлѣнія въ нетлѣніе, молить, чтобы Богъ свободилъ всѣ наши чувства отъ гибельнаго смертоноснаго увлеченія страстями, приставивъ надъ нашими увлекающимися чувствами владыкою внутренній, обуздывающій страсти, помыслъ; чтобы око наше не приобщалось никакому лукавому, соблазняющему, легкому зрѣнію; чтобы слухъ нашъ былъ недоступенъ не только дурнымъ и вреднымъ, но и празднымъ словамъ; чтобы и языкъ нашъ очистился отъ рѣчей неподобныхъ, неприличныхъ, неумѣстныхъ, а тѣмъ паче предосудительныхъ и гнилыхъ; чтобы

Богъ очистилъ всѣ наши члены и утвердилъ нашу мысль своею благодатію. Идеаломъ христіанскаго совершенства всегда было, есть и будетъ не только сдержанность, но и чистота всѣхъ помысловъ, какъ и всѣхъ нашихъ чувствъ; чистота и святость не только дѣлъ нашихъ, но и словъ и мыслей; чистота и незапятнанность, недоступность не только всему скверному, но и всему неразумному, безцѣльному, праздному, излишнему, всѣхъ нашихъ не только внутреннихъ, но и внѣшнихъ чувствъ, слуха и зрѣнія, осязанія и языка, какъ органа вкуса и рѣчи.

Что же театры, что же зрѣлища? Этой-ли цѣли они служатъ, цѣли нравственнаго усовершенія, цѣли очищенія внутреннихъ помысловъ, цѣли обузданія, облагороженія, утонченія, очищенія и возвышенія внутреннихъ и внѣшнихъ чувствъ и вкусовъ? Даже ставятъ-ли себѣ эту цѣль? А если ставятъ, то достигаютъ-ли? Но позвольте, скажутъ, само христіанство достигаетъ-ли намѣченной цѣли? Но во-первыхъ, скажемъ, христіанство ставитъ для себя эту цѣль, считаетъ эту задачу для себя обязательною. А поставивъ ее себѣ, какъ обязательную, христіанство и достигало ее и достигаетъ по мѣрѣ человѣческой немощи своихъ чадъ. Такъ христіанство достигало и достигаетъ ее не только въ отшельникахъ, въ молчальникахъ, въ пустынникахъ, которые многого мірскаго не видѣли, не слышали уже по самому своему отшельничеству, но которые сверхъ того ежечасно бодрствовали и надъ своими помыслами и надъ внутренними движеніями сердца. Достигало и достигаетъ христіанство этой цѣли и въ мірѣ, болѣе или менѣе, во всѣхъ благочестивыхъ людяхъ. Такъ, безъ сомнѣнія, каждый изъ васъ видѣлъ и знаетъ людей благочестивыхъ, богобоязненныхъ, болѣе или менѣе чистыхъ сердцемъ, осматрительныхъ въ дѣла и словъ, господствующихъ надъ сво-

ими чувствами, людей, которымъ болѣе или менѣе чужды всякія зазорныя мысли, которые не только не позволяютъ учинить себѣ зазорное дѣяніе, но и выпустить изъ устъ никое слово, или допустить таковое въ свои собственные уши. Такъ, не знаетъ-ли каждый изъ васъ такихъ людей, которымъ не все можно показать, не все можно сказать? И нельзя не по одному только чувству приличія, не по одному только требованію общественнаго лицемѣрія, но по складу ихъ души, по болѣзненной чуткости сердца ко всему неподходящему, ко всему зазорному? Не видимъ-ли мы этой христіанской сдержанности особенно въ благочестивыхъ женщинахъ, въ нашихъ бабкахъ, матеряхъ, даже сестрахъ? Раскажите вы иной какую-либо нескромность, вы нанесете ей болѣзненное пораженіе, пораженіе тому потаенному сердца человѣку, котораго воспитываетъ именно христіанство въ нетлѣнной чистотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что особенно предъ Богомъ многоцѣнно (1 Пет. 3, 4). Значить, христіанство, поставивъ себѣ цѣлю чистоту помысловъ и святость чувствъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, болѣе или менѣе и достигаетъ этой цѣли.

А театры, а всякія зрѣлища ту ли себѣ ставятъ цѣль? Не ставятъ-ли противоположной? Вотъ церковь устами всѣхъ вѣрныхъ молится: *Господи Владыко живота моего! Духъ праздности, унынія, празднословія не даждь ми. Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія, любве чистія христіанскія даждь ми.* Говорить-ли, что театры, что всякія лицедѣйствія стремятся къ устраненію всего, о чемъ здѣсь молится церковь? «Боже! Устрани духъ праздности», молить церковь. А театры зовутъ: «пожалуйте къ намъ, всѣ празднолюбцы, дѣлать вамъ дома и для общества нечего, здѣсь у насъ пріятно убьете золотое время», данное вамъ на доброе для жизни

дѣланіе. «Боже, отгони духъ унынія», — молить церковь. Да и театры, повидимому, зовутъ на тоже: «пожалуйте, мы развлечемъ вашу скуку, выполнимъ вашу душевную пустоту, развѣемъ вашу тоску». Развѣемъ, но чѣмъ? Цѣлыми тучами празднословія, объ отвращеніи котораго молить церковь. И не велика бѣда была бы, если-бы только празднословіемъ, а то цѣлыми тучами пустословія, гнилословія, всякихъ двусмысленностей, а то и обнаженія всякихъ страстей, обнаженія въ соблазнительномъ видѣ, въ чарующей всѣ чувства обстановкѣ. Училищами цѣломудрія уже никакъ нельзя признать театры, гдѣ даже на лучшихъ изъ нихъ люди являются почти нагими и въ наше время также, какъ являлись и во времена язычества; гдѣ такое высокое обаятельное значеніе имѣетъ самая развязная пластика самыхъ несдержанныхъ тѣлодвиженій; гдѣ самая необузданная якобы грація вызываетъ самые неистовые восторги юношей и старцевъ, уже стоящихъ одною ногою въ гробу. Гдѣ уже тутъ умѣстить молитву церкви: *даждь ми духъ цѣломудрія*? Но театръ обличаетъ страсти, бичуетъ общественные пороки, громитъ и казнить людскія слабости? Такъ. Правда. Но и это дѣлается вопреки духу церкви. Церковь молится: *ей Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего*. А театры зовутъ васъ зрѣти единственно только чужія прегрѣшенія, не ваши собственные, и осуждати брата вашего, а не васъ самихъ. Но въ чужихъ грѣхахъ мы видимъ и свои? Такъ. Но и это противно духу церкви. Церковь учить: смотри только на свои прегрѣшенія, а отъ чужихъ отврати очи твои, во еже не видѣти суеты и паденій людскихъ. А театры, обратно, показываютъ намъ только чужія, не наши прегрѣшенія, потѣшая насъ на счетъ только чужихъ паденій, на счетъ-же нашихъ совер-

шенно успокоивая насъ старымъ выводомъ народной мудрости, что-де на людяхъ и смерть красна. Такъ и во всемъ и всегда стремленіе всякихъ, даже лучшихъ театральныхъ зрѣлищъ, противоположно стремленію христіанства въ духѣ, въ самыхъ началахъ и сокровеннѣйшихъ цѣляхъ.

Но зрѣлища ставятъ-же себѣ иногда цѣлью и назидать, поучать, проповѣдывать мораль? Но позвольте. Извѣстно, съ чего начались театральныя представленія въ западной христіанской Европѣ, съ чего начались они и у насъ на Руси. Съ благочестивыхъ мистерій. Свѣтскимъ людямъ, которые стали скучать воспоминаніемъ священныхъ событій, какое постоянно предлагала церковь, воспоминаніемъ строгимъ, какое особенно въ православной церкви проникнуто было всегда строжайшимъ духомъ незазорной священной древности, — свѣтскимъ людямъ показалось не только дозволеннымъ, но и полезнымъ развлечь свою скуку и наполнить душевную пустоту изображеніемъ нѣкоторыхъ священныхъ событій въ лицахъ. Это и называлось мистеріями. Но какъ эти мистеріи слагались и изображались въ лицахъ уже по духу міра, по вкусамъ и наклонностямъ свѣта, то онѣ уже съ самаго начала были отклоненіемъ отъ строгаго духа церкви. А выросши изъ сѣмени уже не совсѣмъ чистаго, онѣ очень скоро дали и плодъ по роду своему. До чего развился этотъ нечистый плодъ въ западной Европѣ и у насъ на Руси къ нашимъ послѣднимъ днямъ, это нѣкоторымъ изъ васъ лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ. Въ Европѣ изъ христіанскихъ мистерій въ два—три вѣка этотъ плодъ развился, чрезъ ложно-классическую трагедію, до Наваана мудреца, до Мольеровскихъ насмѣшекъ за одно надъ лицемѣріемъ и надъ христіанскимъ благочестіемъ, до Гетевского Фауста и до Вольтеровскаго скалозубія, начавшихъ подрывать всѣ основы многовѣковаго христіан-

скаго строя, и міросозерцанія, и нравственности, и общественнаго порядка. У насъ на Руси тотъ-же плодъ изъ тѣхъ-же жалкихъ мистерій развился, чрезъ жалкую пересадку недоношеннаго подражанія лучшимъ произведеніямъ Франціи, чрезъ Сумарокова, Озерова и другихъ, почти до невозможности поставить что-либо для зрѣлища такое, что не оскорбляло-бы, не устранило-бы въ принципѣ христіанскую вѣру, нравственность и патріотизмъ; что не смущало-бы имѣющихъ очи видѣти, уши слышати, и сердце, и внутреннее чутье, чтобы разумѣти, что все это значитъ и къ чему направляется. Знающіе сравните такъ называемый репертуаръ двухъ послѣднихъ прошедшихъ царствованій. Возможное и обычное въ одно царствованіе было-ли возможно въ другое, и по какимъ-бы это причинамъ? По той прикровенной причинѣ, что мы быстро падаемъ. Падаемъ во всемъ, не только въ строгости и возвышенности міросозерцанія, но. и въ нравахъ и во вѣсѣхъ, а затѣмъ и въ искусствѣ. Не мое, не архіерейское дѣло, и потому я не смѣю войти въ разсужденіе о томъ, что падаетъ у насъ, какъ и во всей Европѣ, вмѣстѣ съ христіанской вѣрой и моралью, самое искусство. Вспомните и разсудите, въ какой мѣрѣ стали теперь возможны даже воспроизведенія высочайшихъ истинно-классическихъ твореній высочайшихъ міровыхъ поэтовъ Шиллера, Шекспира, или-же нашего «Бориса Годунова» Пушкина, а не только созданіе чего-либо подобнаго по духу, по возвышенности, въ наши дни? Наоборотъ, какія низости стали излюбленными темами современныхъ намъ драматурговъ и предметами самыхъ потѣшныхъ и привлекательныхъ зрѣлищъ? Что въ нихъ не опозорено, и кто изъ смотрѣвшихъ это безобразіе пожелалъ-бы, чтобы на этотъ безпрепятственно всенародно выставяемый позоръ смотрѣли и подъ вліяніемъ его росли и воспитывались его дѣти, особенно-же дочери?

Продолжать-ли? Сказавъ то, что сказано, вмѣстѣ съ тѣмъ мы отвѣтили и на предпоставленный вопросъ, какъ смотрѣть на внутренній смыслъ разрѣшенія зрѣлищъ, въ святой великій постъ. Тысячу лѣтъ святая Русь чтитъ святыя посты, особенно-же святой великій постъ, и росла и крѣпла. А будетъ-ли расти и крѣпнуть, переставъ чтить отце-преданную святыню, это вопросъ. Еще въ самомъ концѣ тысячелѣтняго періода русской исторіи, въ благочестивое царствованіе благочестивѣйшаго Императора Николая I, театры во святую четырехдесятницу были немислимы, а между тѣмъ и театральные лицедеи съ голоду не умирали, и Россія стояла не только твердо, но и спокойно. Въ началѣ-же второй тысячи лѣтъ нашей исторіи вдругъ и сразу оказалось, что безъ театровъ мы не можемъ и жить. Въ основу ново-слагающейся жизни кладется провозглашенное не такъ давно не у насъ, а во Франціи начало, начало свободы, свободы отъ всякихъ путъ историческаго преданія. Преданіе стало виновато во всемъ предъ всѣми. И всѣ его тѣснятъ и гонятъ. Тѣмъ болѣе это особенно скучный продуктъ преданія, православный русскій постъ, сталъ для многихъ не только не нуженъ, но и неаппетитенъ и достоинъ изгнанія со всѣми своими отжившими, по суду многихъ, стѣсненіями. Такъ-ли? Правда-ли, что онъ не нуженъ, бесполезенъ, вреденъ, достоинъ изгнанія? Справьтесь хотя съ нѣмыми, но неложно говорящими статистическими цифрами. Еще недавно сказывалъ мнѣ одинъ хорошо знающій человѣкъ, что по нашему городу слишкомъ замѣтно сокращается въ великомъ посту количество преслѣдуемыхъ градскимъ начальственнымъ надзоромъ преступленій среди русскаго народонаселенія. А въ цѣлой Россіи, въ цѣлой массѣ русскаго народа, въ этой сердцевинѣ нашего государственнаго древа, это сокращеніе преступле-

ній за время великаго поста составить огромную сумму сбереженія нравственныхъ народныхъ силъ. Стоило-бы по этому побережь и самый постъ, какъ даровую, не оплачиваемую государствомъ нисколько, самой исторіей воспитанную, нравственно-обуздывающую силу народной нашей жизни.

Горько печалуются наши передовые радѣтели народного благоденствія, что недоступенъ театръ нашему народу. Озабочены они думою, какъ-бы завести спеціально народный театръ, завести не только по городамъ, но хорошо-бы и по селамъ. Открываются они въ своихъ думахъ и заботахъ надеждою, что театръ былъ-бы лучшею народною школою, далъ-бы народу школу вкуса и благородныхъ склонностей, школу отвращающую народъ отъ грубыхъ развлеченій, былъ-бы для народа родникомъ поводѣланной театральной поэзіи. Боже мой! сказали-бы мы,—ради всего свѣраго не разрушайте, не отымайте у народа, какъ отняли у себя самихъ, истинно народную поэзію. Она есть у народа, въ неисчерпаемомъ богатствѣ. Она пережила тысячелѣтія. Пережила въ пѣсняхъ и сказкахъ, былинахъ и легендахъ. Не бойтесь, народъ уже не дитя. Онъ уже понимаетъ значеніе и былинъ и легендъ; понимаетъ, что сказка есть сказка, не болѣе. Тѣмъ не менѣе онъ любитъ свою извѣчную поэзію. Она у него весьма часто переходитъ и въ то, что называется драмою, но въ драму не сочиненную, не дѣланную, не искусственную, а въ драму самой жизни, на примѣръ въ празднованіи весны, жнитва, важнѣйшихъ событій семейныхъ, особенно-же сватъбы. Она у него слалась съ поэзіею христіанскою; она очистилась, утончилась, возвысилась, увѣнчалась поэзіею христіанства, поэзіею христіанскихъ воспоминаній и празднествъ, особенно-же празднествъ рождественскихъ святокъ, свѣтлаго Христова Вос-

кресенія и цвѣтоносной Троицы. У нашего православнаго народа испоконъ вѣка имѣются и зрѣлища, зрѣлища святыя, возвышенныя и назидательныя. Это всѣ священнодѣйствія въ храмахъ Божіихъ и въ домахъ, особенно-же въ недѣли страстную и свѣтлую; это разнообразныя крестныя хожденія, особенно-же свѣтло-пасхальныя, гдѣ народъ не только зритель, но самъ-же участникъ и въ дѣйствіи. Вдумайтесь, отчего народъ любитъ храмы Господни и несетъ послѣднія лепты на ихъ благоукрашеніе? Отчего любитъ праздники и крестныя, особенно-же свѣтло-праздничныя хожденія? Подумайте, что и теперь еще на святой Руси народъ ходитъ со святынею изъ деревни въ деревню, сотнями и тысячами, днемъ и ночью по цѣлымъ недѣлямъ, съ ликующимъ всенароднымъ пѣніемъ, примѣрно, всерадостной пѣсни: *Христосъ воскресъ...* Не кощунствуйте, будто это дѣлается только для извѣстнаго російскаго празднованія, какъ кощунствуютъ нечестивые живописцы, изображатели крестныхъ ходовъ. Нѣтъ. Тутъ въ эти дни и минуты для народнаго сердца ключемъ бьетъ его извѣчная поэзія, поэзія и назидающая, и возвышающая, и тихо упокоивающая, и превращающая для него печальную землю, юдоль плача для всѣхъ людей, въ свѣтлый рай высшей духовной утѣхи; поэзія, которая дѣлаетъ для него печальную, полную труда, лишеній и скорбей жизнь нечуждою такихъ глубокихъ радостей, какія рѣдко достаются любителямъ утонченныхъ наслажденій. Имъ-то и недостаются такія радости никогда. Теперь нашъ благочестивый народъ, руководимый пока только наставленіями церкви, своею извѣчною поэзіею выученъ тому, чему выученъ, и настроенъ, какъ настроенъ. А какъ онъ настроенъ, это наглядно показываютъ всегда тяжкія годы нашего отечества; это показали война севастопольская и послѣдняя восточная война. У образованныхъ стало общимъ мѣстомъ выраженіе, хотя и стран-

ное, что на нашего солдата нужно молиться. Онъ-де на своихъ плечахъ своимъ крѣпкимъ духомъ вынесъ тяготу войны. Молиться на него не слѣдуетъ, молиться нужно Богу, охраняющему пока въ истинныхъ русскихъ сердцахъ святую вѣру и вѣрность до смерти Богу, Царю и отечеству. Побѣда, побѣдившая и побѣждающая міръ—это не иное что, какъ вѣра наша. А чему научился-бы нашъ народъ въ театрахъ, если-бы всюду развелись и народные театры; что онъ увидѣлъ-бы на нихъ черезъ 100, даже черезъ 50 лѣтъ, это вопросъ. Вспомнимъ и подумаемъ о томъ, что народу уже пробовали показывать, развозя по всей Россіи, Пугачева съ его сподвижниками и многое другое въ томъ-же родѣ. Къ чему привели-бы подобныя зрѣлища, особенно при пособіи всенародной школы съ учителями, даже не нигилистами, а только атеистами, при пособіи всенароднаго на судахъ защищенія и оправданія признанныхъ отцеубійствъ и кощунствъ, сверхъ всего прочаго, при пособіи литературы, безпрепятственно распространяемой милліонами листовъ и картинокъ, самаго низкаго и разрушительнаго содержанія, въ самыхъ дальнихъ и темныхъ дебряхъ, объ этомъ не трудно судить всякому. Въ повальномъ распространеніи всего этого ясно видится широкая система, успѣшно проводимая стародавнимъ двигателемъ темныхъ человѣческихъ дѣлъ, княземъ тьмы, княземъ вѣка сего, исконнымъ чековѣкоубійцею. Ему же, его чековѣкоубійственнымъ замысламъ работаютъ тысячи слѣпыхъ его клеветовъ, думая благодворить человѣчеству.

Вспомнимъ, что въ язычествѣ театральное искусство шло отъ первобытныхъ мифовъ къ высокой классической трагедіи, оттуда къ комедіи, осмѣивающей добродѣтель и вѣру и боговъ, оттуда къ чудовищностямъ безстыдства и кровожадности, и кончило тѣмъ, что приучило владыку мі-

ра, римскій народъ, кричатъ своимъ повелителямъ: «хлѣба и зрѣлищъ»! Въ христіанской Европѣ ходъ развитія тотъ же. Тамъ на западѣ народъ, свободно просвѣщаемый всякими театральными зрѣлищами, уже кричитъ своимъ повелителямъ: «хлѣба и дѣлежа благъ міра сего»! рассуждая не безъ основанія, что этотъ дѣлежъ помогъ бы каждому имѣть, съ сытнымъ кускомъ хлѣбомъ, и свое кресло въ парижской оперѣ. Въ древности христіанство было отрицаніемъ языческаго театра и нанесло ему гибельный ударъ, какъ и всему языческому общественному строю. Теперь, наоборотъ, театръ начинаетъ быть отрицаніемъ христіанства и созданнаго имъ общественнаго строя. Подумайте объ этомъ, стоитъ-ли это поддержки и всякаго споспѣшествованія, хотя и рукоплесканій, хотя бы и съ разрушеніемъ церковныхъ уставовъ, или же горькихъ слезъ и глубочайшей гражданской скорби истинныхъ и мудрыхъ сыновъ отечества?!

Не должны-ли мы дружнымъ ссмынутымъ сонмомъ обступитъ прародительскій престолъ богопризваннаго благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Александровича и общими дружными усиліями вѣрно поданныхъ и вѣрно преданныхъ сердець и крѣпкихъ, стойкихъ, дальнозоркихъ умовъ поддержать Его въ святыхъ царственныхъ усиліяхъ Его сберечь въ нашей народной жизни охранительныя начала вѣры и страха Божія, начала сдержанности въ понущеніи разныхъ свободъ, которыя ведутъ сперва къ разнузданности, а затѣмъ и къ разрушенію, къ разложенію народной жизни. Собрались мы сюда помолиться за богоизбраннаго и богопомазаннаго Царя нашего. Помолимся-же! Тяжкія, тревожныя времена переживаемъ, времена быстрого таянія всего древняго и святаго, крѣпкаго и животворнаго, охраняющаго цѣлость народной жизни. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при освященіи церкви одесскаго коммерческаго училища (въ которомъ обучается 70% израильтянъ), въ четвертокъ шестой недѣли великаго поста.

Даже и иноплеменникъ, который не отъ народа твоего Израиля, когда онъ придетъ изъ земли далекой ради имени твоего великаго, и будетъ молиться у храма сего, Ты, Господи Боже Израилевъ, услышь съ неба, съ мѣста обитанія твоего, и сдѣлай все, о чемъ будетъ взывать къ Тебѣ иноплеменникъ, чтобы всѣ народы земли узнали имя твое и чтобы боялись Тебя, какъ народъ твой Израиль, и знали, что твоимъ именемъ называется домъ сей, который построилъ я (2 Парал. 6, 32—33; 3 Цар. 8, 41—43).

Это вдохновенныя слова молитвы, произнесенной боговдохновеннымъ царемъ израильскимъ Соломономъ при освященіи созданнаго имъ во Іерусалимѣ храма святому имени единого истиннаго Бога Израилева.

При освященіи сего храма, въ построеніи котораго участвовало усердіе русскихъ не только христіанскаго, но и Моисеева закона, въ заведеніи, въ которомъ воспитываются дѣти обоихъ законовъ, скажемъ нѣсколько словъ о родословномъ происхожденіи храма ново-завѣтнаго отъ ветхо-

завѣтнаго. Скажемъ только нѣсколько словъ объ этомъ безпредѣльно широкомъ предметѣ какъ по краткости времени, вслѣдствіе утомленія отъ продолжительной молитвы, такъ и по другимъ соображеніямъ, и скажемъ никакъ не къ раздраженію, а къ возбужденію взаимной братской любви и общему назиданію, безъ малѣйшей тѣни оскорбленія чьего либо чувства.

Съ того и начнемъ, что мы, христіане и израилиты — братья не только по плоти, но и по духу, и обратно, не только по духу, но и по плоти.

Что сыны Израилевы происходятъ отъ отца вѣрующихъ Авраама, это всякому извѣстно. Но и мы христіане имѣемъ отцемъ себѣ того же Авраама. Это въ божественномъ откровеніи какъ новаго, такъ и ветхаго завѣта раскрывается, между прочимъ, въ слѣдующихъ чертахъ. Благословляя двѣнадцать патріарховъ-родоначальниковъ израильскаго народа, сыновъ своихъ, патріархъ Іаковъ, первый нареченный именемъ Израиля, изрекъ четвертому сыну своему Іудѣ такое пророчественное благословеніе: *не отойдетъ скипетръ отъ Іуды и законодатель отъ чреслъ его, доколь не придетъ Примиритель, и Ему покорность народовъ.* Это читается въ ветхо-завѣтной книгѣ Бытія (гл. 4, ст. 10). Отъ патріарха Іуды чрезъ преемственный рядъ старѣйшинъ, князей колѣна Іудина, имена которыхъ сохранены въ ветхо-завѣтныхъ же книгахъ, отъ Іессея родился Давидъ царь. Отъ Давида царя произошелъ рядъ царей сперва всего Израиля, а потомъ только царства іудейскаго, до плѣненія вавилонскаго, и рядъ царскихъ потомковъ до избавленія отъ плѣна при Зоровавелѣ. Къ этому времени царскій скипетръ отъ Іуды отошелъ, хотя для двухъ колѣнъ, Іудина и Веніамина, составлявшихъ до плѣна вавилонскаго іудейское царство, и

продолжалась пока еще болѣе или менѣе независимая политическая жизнь іудейскаго народа, равно какъ продолжалось еще и народное законодательство, болѣе или менѣе самостоятельное. Съ воцареніемъ же надъ Іудеею Ирода Идумеанина и реда его, не только скипетръ отъ Іуды, но и законодатель отъ чреслъ его отошли уже совсѣмъ. Значить, по пророчеству патріарха Іакова Израиля, пришло теперь время явиться обѣтованному Примирителю, которому предопредѣлена покорность не только Израиля, но и прочихъ народовъ. Какъ разъ къ этому времени родился великій израильтянинъ, потомокъ патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова Израиля чрезъ Давида, Господь Іисусъ Христосъ, основатель христіанства. А что Онъ потомокъ Давида царя по разнымъ линіямъ, по нареченному отцу Іосифу и по матери Дѣвѣ Маріи, это доказывается сохраненными у евангелистовъ родословными списками, которые у израильтянъ сохранялись заботливѣе, чѣмъ у какого либо другаго народа, такъ что и другой самый великій послѣ Моисея израильтянинъ, апостоль Павелъ, вслухъ всего Израиля того времени называлъ себя потомкомъ Израиля, именно отъ колѣна Веніаминова, такъ что даже въ наше время нѣкоторые именитые израильтяне не безъ нѣкотораго основанія ведутъ свое происхожденіе отъ того или другаго изъ двѣнадцати колѣнъ Израиля. Значить, родословные списки у Израиля не только съ великою заботою, но и съ немалою достовѣрностію блюдутся даже до сего дня.

Что мы, христіане, братья Израилю по духу, это ясно. Іисусъ Христосъ предалъ своей церкви ветхо-завѣтную исторію какъ священную. Предалъ и ветхо-завѣтную догму, какъ истину божественную, раскрывъ только особенно ученіе о Троицѣ, для котораго впрочемъ и въ ветхо-завѣтномъ откровеніи имѣется множество основаній. Предалъ церкви

и все ветхо-завѣтное правоученіе, какъ святѣйшее, уяснивъ только особенно ветхо-завѣтное же божественное ученіе о любви и чистотѣ сердечной и показавъ его безпредѣльную высоту. Иисусъ Христосъ не только самъ соблюдалъ всѣ обряды ветхо-завѣтной вѣры, но и своей ново-завѣтной церкви предалъ на соблюденіе весьма многое изъ обрядословія ветхо-завѣтнаго; предалъ гораздо болѣе, чѣмъ многіе изъ васъ думаютъ. Такъ, всѣ ветхо-завѣтныя священныя книги чтутся и читаются и въ ново-завѣтной церкви также какъ священныя. Святые псалмы, какъ и прочія священныя ветхо-завѣтныя пѣсни, поются въ нашихъ храмахъ, какъ пѣлись и въ ветхо-завѣтномъ іерусалимскомъ храмѣ. Ветхо-завѣтные псалмы и пѣсни, молитвы и пророчества стали основою всѣхъ пѣсней и молитвъ нашего христіанскаго богослуженія. Всѣ наши святые таинства имѣютъ родословную связь съ тѣми или другими изъ ветхо-завѣтныхъ обрядовъ. Всѣ обряды нашего христіанскаго богослуженія и въ основѣ и даже во многихъ подробностяхъ также родословно связаны съ чинопослѣдованіями богослуженія ветхо-завѣтнаго. Самое устройство нашихъ храмовъ располагается по подобію ветхо-завѣтнаго іерусалимскаго храма, который самъ былъ построенъ по образу скиніи, которая въ свою очередь построена была по образу таинственной небесной скиніи, показанной самимъ Богомъ Моисею на горѣ Синаѣ. Не глядите на эту домовую церковь, хотя и въ ней видны основныя очертанія первообразнаго христіанскаго, какъ и древняго іерусалимскаго ветхо-завѣтнаго храма. Но глядите на главныя очертанія именно первообразныхъ храмовъ христіанской старины, которые имѣли троечастный составъ, въ которыхъ былъ и притворъ, соотвѣтствовавшій двору храма и скиніи ветхо-завѣтныхъ. А далѣе уже не только въ древнемъ, но

и во всѣхъ нашихъ храмахъ, какъ и въ этомъ самомъ храмѣ, вы видите святилище и святое святыхъ также, какъ и въ ветхомъ завѣтѣ. Вотъ родовая связь христіанскаго ново-завѣтнаго храма съ ветхо-завѣтнымъ іерусалимскимъ.

Что мы братія Израилю не только по духу, но и по плоти, это въ ветхомъ завѣтѣ выясняется между прочимъ такъ. У пророка Исаіи въ XI главѣ мы читаемъ: *и произойдетъ отрасль отъ корня Іессеева (отъ корня Давидова), и вътвь произойдетъ отъ корня его и почиетъ на Немъ Духъ Господень.. И жезломъ устъ своихъ Онъ поразитъ землю, и духомъ устъ своихъ убьетъ нечестиваго.. Земля будетъ исполнена тогда влѣдніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море. И будетъ въ тотъ день, къ корню Іессееву (корню Давидову), который станетъ, какъ знамя для народовъ, обратятся язычники,—и покой Его будетъ слава. И будетъ въ тотъ день, Господь снова простретъ руку свою, чтобы возвратитъ себѣ остатокъ народа своего (Израиля), который останется у Ассира (въ Ассиріи), и въ Египтъ и на островахъ моря (Средиземнаго), и подниметъ знамя язычникамъ (слушайте и вникайте!), и соберетъ изгнанниковъ Израиля и разсыпанныхъ Іудеевъ созоветъ отъ четырехъ концовъ земли. Все это, по пророчеству Исаіи, совершится именно тогда, когда произойдетъ отрасль отъ усѣченнаго корня Іессеева и Давидова, и вътвь произрастетъ отъ корня его, и родится обѣтованный Просвѣтитель всего человѣчества, какъ Израильтянь, такъ и язычниковъ. Мы уже замѣтили, когда именно древо отъ царственнаго корня Іессеева и Давидова было окончательно усѣчено. Это было, когда воцарился въ Іудеѣ иноплеменникъ Иродъ, и когда родилась отъ усѣченнаго корня Іессеева — Давидова предугазанная ветхо-завѣтнымъ пророкомъ Исаіею*

божественная отрасль; когда произросла живая вѣтвь, продолжающая жизненность богонасажденного Давидова, Іессе-ева, Іудина, Іаковлева, Исаакова, Авраамова корня.

Этотъ символическій образъ, начертанный пророкомъ Исаіею, разъясненъ далѣе въ посланіи къ Римлянамъ великаго израильянина, св. апостола Павла (Рим. 11, 16—17). Израиль—это святой корень, святой начатокъ. Отъ этого корня произрастаетъ вѣтвь,—это Господь Іисусъ Христосъ. На этой главной вѣтви или новомъ стволѣ, вырастающемъ отъ святаго корня, растутъ меньшія вѣтви, сперва вѣтви естественныя,—это вѣрныя чада Израиля. Но въ то же время къ той же главной вѣтви прививаются вѣтви и съ другихъ деревъ, вѣтви дикія; а, прививаясь къ ней, становятся чрезъ нее общниками и корня и того сока, который вытекаетъ изъ корня и пропикаетъ цѣлое древо. Въ основѣ этого родственнаго общенія ново-привитыхъ вѣтвей съ живоноснымъ корнемъ и исходящимъ изъ него сокомъ лежитъ общеніе духовное. Вѣтви прививаются къ дереву и держатся на немъ вѣрою. Но вѣра сливаетъ своихъ послѣдователей не только въ единый духъ, но и въ единую плоть, и сливаетъ даже успѣшиѣе и крѣпче, чѣмъ плотское родство, чѣмъ происхожденіе отъ одного родоваго корня.

Покажемъ сперва, что плотское родство, что происхожденіе отъ одного плотскаго корня, при разности въ вѣрѣ, не сливаетъ родственные по плоти народы въ едину плоть, въ единый народъ. Такъ сказано въ писаніи Аврааму, что *во Исаакъ наречется тебѣ сѣмя*, что т. е. только потомки сына Авраамова Исаака составятъ потомство Авраамова, которое наслѣдуетъ отъ Авраама не только единую кровь своего праотца, но и единую вѣру его. И только это потомство Авраама наречется сѣменемъ Авраама, наречется Израилемъ, что и сбылось. Между прочимъ потомство

другаго плотскаго сына Авраамова, Исмаила, какъ и сыновъ Авраама-же отъ третьей жены его Хеттуры, какъ и внука Авраамова Исава Едома,—это потомство не наречется сѣменемъ Авраама; что также сбылось. Отъ Исава Едома произошелъ народъ Едомитянъ или Идумеевъ, чуждыхъ и враждебныхъ Израилю. Потомки-же старшаго Авраамова сына, Исмаила, воодушевленные, въ послѣдствіи вѣковъ, также единою, но не Авраамовою, а Магометовою вѣрою, слились также въ единый народъ, но народъ не израильскій, а измаилитскій или сарацинскій, чуждый и враждебный Израилю. Такъ и разныя другія отрасли Израиля, по развитію исторіи богоизбраннаго народа, отдѣляясь отъ него политически, а главное — теряя съ нимъ единство вѣры, теряли вмѣстѣ съ тѣмъ и свою родовую физіономію и племенное единство, каковы переродившіяся въ теченіи вѣковъ отрасли израильтизма въ древней Индіи, въ Китаѣ, въ глуби средней Азіи, въ Афганистанѣ; каковы и наши древніе Хозары, переродившіеся въ русскихъ субботниковъ на низовьяхъ Волги, каковы крымскіе Караимы, каковы остатки израильтизма и въ древней Америкѣ. Такъ и въ средѣ христіанства Израильтяне, принявшіе крещеніе, въ третьемъ, четвертомъ колѣнѣ совершенно перерождаются такъ, что и тѣмъ родоваго типа отцовъ или дѣдовъ исчезаетъ въ сынахъ, или внукахъ, а въ правнукахъ всеконечно. И это не потому только, что кровь инородная смѣшиваясь поглощается кровію господствующаго племени. Нѣтъ. Но потому, что кровь перерождается именно отъ духовныхъ вліяній, отъ вліянія самой вѣры, отъ иныхъ условій быта, отъ иныхъ наклонностей, опредѣляемыхъ требованіями иной вѣры и ея уставовъ. Такъ, я собственными глазами видѣлъ, и всякій желающій можетъ увидѣть, инородческія племена, которыя, нисколько не сливаясь родственными свя-

зями съ русскимъ племенемъ, но единственно потому, что усвоили себѣ русскую православную вѣру, съ опредѣляемыми вѣрою особыми условіями русскаго быта, въ третьемъ—четвертомъ колѣнѣ принимаютъ, и по строенію тѣла и по вѣщному виду, русскій племенной типъ и сливаются въ единство русскаго народа.

Такимъ образомъ и всѣ христіане, усвоивъ себѣ вѣру древнихъ христіанъ, многихъ и отъ племени Израилева, вѣру апостоловъ, вѣру Іисуса Христову, стали сродны не только по духу, но и по плоти всему древнему христіанству; стали сродны первымъ насадителямъ христіанства, св. апостоламъ и самому Іисусу Христу. А привившись къ сей предуказанной пророкомъ Исаіею божественной вѣтви, выросшей отъ усѣченнаго корня Іессеева и Давидова, мы всасываемъ въ себя соки сего богонасажденнаго древа не только по духу, но и по плоти, и становимся не только духовно, но и тѣлесно сродны чрезъ Іисуса Христа всему древу Израиля, становимся потомками Исаака и чадами отца вѣрующихъ патріарха Авраама. А значитъ, мы братья и современному Израилю, и братья не только по духу, но и по плоти, такъ какъ вмѣстѣ съ ними мы единого отца имамы Авраама, какъ и единого-же Отца небеснаго, единого истиннаго Бога.

Что-же между нами вышло? Отъ чего мы такъ разошлись? Отъ чего Христіане и Израилиты такъ удалились другъ отъ друга не только по плоти, но и по духу? На это великій израильтянинъ апостолъ Павелъ отвѣчалъ Израилю своего времени такъ: *истину говорю во Христѣ, не лгу, какъ свидѣтельствуетъ совѣсть моя въ Духъ святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ-бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ сродниковъ*

по плоти, т. е. израильтянъ, которымъ принадлежитъ усыновленіе Богу, а чрезъ нихъ намъ; и мѣ и слава, и завѣты Божіи, и законоположеніе, данное Богомъ, и богоучрежденное богослуженіе, и обѣтованія Божіи; ихъ и отцы, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Давидъ и другіе; и отъ нихъ Христосъ по плоти, суцїй надъ всѣмъ Богъ, благословенный во вѣки (Рим. 9, 1—5). Желаніе моего сердца и молитва къ Богу всегда объ Израиль во спасеніе (Рим. 10, 1). Неужели Богъ отвергъ народъ свой? Никакъ. Ибо и я—израильтянинъ, отъ сѣмени Авраамова, изъ колѣна Веніамина, еврей отъ евреевъ, по ученію фарисей. Не отвергъ Богъ народа своего, который напередъ зналъ по предвѣдѣнію. Итакъ спрашиваю, неужели они преткнулись, чтобы совсѣмъ пасть? Никакъ. Но ихъ паденіемъ спасеніе язычникамъ. Ихъ паденіе—богатство міру. Ихъ оскудѣніе—богатство язычникамъ.—Короче, апостолъ Павелъ раскрываетъ тайну божественнаго домостроительства, что отпаденіе Израиля, по недовѣдомымъ для насъ планамъ Божиимъ, было необходимо для привлеченія къ Богу язычниковъ; что это отпаденіе Израиля только временное, и что придетъ время, когда Израильтяне снова привьются къ корню живоноснаго истинно-израильскаго древа, и это будетъ великимъ благословеніемъ Божиимъ для всей церкви Божіей, для всего человѣчества, для всего міра. Если отверженіе ихъ было примиреніемъ міра, то что будетъ,—вопрошаетъ апостолъ Павелъ,—что будетъ обратное принятіе ихъ, какъ не жизнь, какъ не воскресеніе изъ мертвыхъ! Если ихъ начатокъ святъ, то и цѣлое. Если ихъ корень святъ, то и вѣтви. Если-же нѣкоторыя изъ вѣтвей отломились, а ты христіанинъ изъ язычниковъ, ты, дикая маслина, привился на мѣсто ихъ и сталъ общникомъ ихъ корня и сока маслины, то не превозносишь предъ естественными вѣтвями, предъ израильтянами. Если же пре-

возносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя, и не гордись, но бойся. И ть, если не пребудутъ въ невѣріи, привьются: потому что Богъ силенъ опять привить ихъ. Ибо, если ты, христіанинъ изъ язычниковъ, отспченъ отъ дикой по природѣ маслины, и не по природѣ привился къ хорошей маслинѣ: то тѣмъ болѣе сіи природныя вѣтви привьются къ своей маслинѣ. Не хочу оспазить васъ, братія, въ невѣдѣніи о тайнѣ сей, что ожесточеніе произошло въ Израиль отчасти, только до времени, пока войдетъ въ церковь Божію полное число язычниковъ. И такимъ образомъ весь Израиль спасется, какъ написано: придетъ отъ Сіона Избавитель, и отвратитъ нечестіе отъ Іакова. Въ отношеніи къ Христову евангелію, они временно враги ради васъ, для вашего спасенія; а въ отношеніи къ избранію Божію, они возлюбленные Божій ради своихъ отцовъ. Ибо дары и призваніе Божіе непреложны. — Скажите, такъ ли высоко понимаютъ себя сыны Израилевы сами, какъ высоко понимаетъ самъ и понимать ихъ учить Христову церковь св. апостолъ Павелъ, да и самъ Христосъ?

Итакъ, ясно не только по древнимъ ветхо-заветнымъ, но и по христіанскимъ пророчествамъ, что сыны Израилевы нѣкогда примутъ истиннаго обѣтованнаго Избавителя, Примирителя, Просвѣтителя міра, и сольются съ міромъ христіанскимъ. Но спрашивается, какъ? Мы ли къ нимъ пойдемъ въ ихъ синагоги? Они ли придутъ къ намъ въ наши христіанскіе храмы?

Нужно сказать, что по духу своего ученія они никогда и не желали, чтобъ мы, для нихъ ивородцы, пришли къ нимъ въ ихъ молитвенныя храмины, на условіяхъ братской равноправности. Чадами Авраама они мнили и мнятъ единственно только себя. Самъ богопросвѣщенный Соломонъ, даже въ молитвѣ къ Богу, при освященіи іеру-

салимскаго храма, ясно отличаетъ Израиля отъ иноплеменника, различаетъ ихъ права на молитву въ израильскомъ іерусалимскомъ храмѣ. *Даже иноплеменникъ, — молится Богу царь Соломонъ, — даже иноплеменникъ, который не отъ народа твоего Израиля, когда онъ придетъ и будетъ молиться у храма сего, Ты услышишь его...* Вникните въ отгѣнки выраженій молитвы: *даже иноплеменникъ, когда будетъ молиться у храма сего*, не во храмъ семъ. Это не просто, но тутъ скрывается особая мысль. Цѣлью ветхо-завѣтнаго домостроительства Божія было не слить избранный народъ Божій съ другими народами, но совершенно наоборотъ — обособить. Оттого въ скинии Моисеевой все могъ молиться никакой иноплеменникъ тѣмъ болѣе, что Моисей повелѣлъ даже истреблять иноплеменниковъ, которые поселились-бы въ средѣ избраннаго народа. Потому и Соломонъ допускалъ иноплеменниковъ молиться не во храмъ, а только у храма. Израильтяне въ періодъ царей не имѣли, да и не заботились дѣлать прозелитовъ, которые обращались-бы въ израильской вѣрѣ, а наоборотъ сами постоянно уподоблялись (ассимилировались) язычникамъ, увлекаясь идолопоклонствомъ и измѣняя вѣрѣ своихъ отцовъ. Въ эпоху отъ плѣна вавилонскаго до Христа, израильтяне стали было имѣть прозелитовъ своей вѣры, и даже не мало. Тѣмъ не менѣе и въ эту эпоху они не пускали язычниковъ въ свой храмъ, а устроили было при іерусалимскомъ храмѣ особый для язычниковъ дворъ, да и то подъ страшнымъ условіемъ, что всякій изъ язычниковъ, который дерзнулъ-бы проникнуть далѣе двора языческаго, долженъ быть умерщвленъ. Ко времени пришествія Христова на землю у нихъ утвердилось было мнѣніе, что и царство небесное предопредѣлено единственно только плотскимъ чадамъ Авраама, или, по меньшей мѣрѣ, пре-

допредѣлено въ несравненно превосходнѣйшей предѣ другими народами степени. Поэтому прозелитизмъ былъ всегда даже противенъ духу уклонившагося отъ Духа Божія израильтизма. Если-же ко времени рождества Христова израильтизмъ дѣлалъ и не мало прозелитовъ, то это было не столько плодомъ усилій представителей израильской вѣры, сколько вѣяніемъ Духа Божія, который, привлекая нѣкоторыхъ язычниковъ къ усвоенію вѣры въ истиннаго Бога Израилева, приближалъ всѣхъ язычниковъ и приготовлялъ ихъ къ принятію не узко-національной іудейской, но всемірной истинно-израильской вѣры Христовой во единого истиннаго Бога Вседержателя. И замѣтьте, отъ дней распятія Христова и разоренія храма іерусалимскаго израильтизмъ вовсе не имѣетъ и не дѣлаетъ прозелитовъ. Тутъ есть нѣчто роковое, таинственное!

Въ сіи самые дни въ нашу недѣлю Ваій, приближаясь отъ горы Елеонской, въ послѣдній разъ, къ Іерусалиму, Іисусъ Христосъ, смотря на него и славный храмъ его, плакалъ о немъ, говоря: о, если-бы ты хотя въ сей твой день узналъ, что служитъ къ миру и благу твоему! Но сіе сокрыто нынѣ отъ очей твоихъ. И вотъ придутъ на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопами, и окружатъ тебя, и стѣснятъ тебя отовсюду. И разорятъ тебя, и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ, за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего (Лук. 19, 42—44). Истинно говорю вамъ, что все сіе прійдетъ на родъ сей. Іерусалимъ, Іерусалимъ, побивающій пророковъ, и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ хотѣлъ Я собрать чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли! Се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ (Мат. 23, 36—38). Безъ сомнѣнія нужно полагать, что

судьба Израиля, церкви Божіей и всего міра направилась бы совсѣмъ иначе, если-бы Іерусалимъ уразумѣлъ тогда день посѣщенія своего своимъ Спасителемъ и Богомъ по пророчеству Малахи: *и внезапно придетъ въ храмъ свой Господь, котораго вы ищете, и Ангелъ завѣта, котораго вы желаете. Вотъ Онъ идетъ, говоритъ Господь Саваоѣ* (Малах. 3, 1)! Но Іерусалимъ не узналъ своего Господа и Ангела завѣта, посѣтившаго храмъ іерусалимскій. И вотъ произнесенъ надъ нимъ роковой божественный приговоръ: *се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ.*

Роковой, скажутъ, да, это правда; но божественный ли? А какое нужно и можетъ быть болѣе разительное пророчество? Не говоримъ о предсказаніи, что іерусалимскій храмъ будетъ разоренъ такъ, что не останется въ немъ и камня на камнѣ. Пусть это можно было отчасти предвидѣть по соображенію политическихъ обстоятельствъ. Но кто же изъ первосвященниковъ, кто изъ народа ждалъ тогда и этого? А вотъ что поразительно, предвидѣніе и предреченіе, что храмъ будетъ пустъ и Іерусалимъ будетъ попираемъ язычниками, пока скончаются времена язычниковъ. Извѣстно, что на мѣстѣ храма іерусалимскаго стоитъ Омарова мечеть. А храма у Израиля нѣтъ, нѣтъ и не будетъ: его храмъ не только опустошенъ, но и пустъ. Храмъ ихъ можетъ быть только на мѣстѣ, которое указалъ самъ Богъ еще праотцу ихъ Аврааму. Главной святыни храма, кивота завѣта, нѣтъ. Его не было уже и во второмъ іерусалимскомъ храмѣ; оттого старцы Израилевы, присутствуя при его обновленіи, и плакали о славѣ храма перваго. Но тогда былъ еще у Израиля пророкъ Божій, который предрекъ, что слава храма сего послѣдняго будетъ больше славы храма перваго, и это потому, что во второй храмъ имѣлъ скоро прійти самъ Господь, обѣтованный Избавитель

Израиля. А теперь гдѣ же у Израильтянъ пророки? Тогда были у нихъ богоизбранные и богодухновенные мужи, Зоровавель, Ездра и Неемія, которые, по волѣ Божіей, возстановили и освятили прочія, кромѣ кивота завѣта, важнѣйшія части храма. А теперь откуда же возьметъ Израиль второго Зоровавеля, гдѣ найдетъ другихъ Ездру и Неемію? Кто же возстановитъ имъ святое святыхъ ѳиміамникъ и воскурить ѳиміамъ? Кто возжетъ неугасимымъ божественнымъ огнемъ седмисвѣщникъ? Кто воздвигнетъ трапезу съ дванадцатью хлѣбами предложенія, по числу дванадцати колѣнъ Израилевыхъ? Да и откуда нынѣ возьмутся самыя двѣнадцать колѣнъ Израиля? Кто возстановитъ жертвенникъ всесожжеція и истинныя жертвы? Кто станетъ приносить эти жертвы? Кто ихъ освятитъ? Вѣдь и родъ Аароновъ исчезъ и слѣдъ его потерялся. Вѣдь и преемство священства Ааронова пресѣклось, а кто силенъ и возставить его? И жертвы не курятся. И агнецъ пасхальный не закалается, и настоящая пасха израильская не совершается. Все это съ распятіемъ Христовымъ сразу пресѣклось. Іерусалимскій іудейскій храмъ сразу сталъ и навсегда пребудетъ пустъ.

Не ясно-ли, не очевидно-ли, что законъ былъ только тѣнью-прообразомъ грядущаго? Пришло это грядущее, осуществилось чаемое, исполнилось и воплотилось обѣтованное Богомъ, и тѣнь прешла. Существо завѣта Бога съ человекомъ, до пришествія Христова, предстояло глазамъ человеческимъ такъ, что они прозирали только тѣнь таинственно сокрытаго тѣла; а по пришествіи Христовомъ, открылось самое тѣло и обратилось къ намъ такъ, что оно-то и зримо-нашимъ очамъ, а тѣнь исчезла, закрытая тѣломъ истинно божественной дѣйствительности. Увы! Или лучше-къ

счастію, братъ нашъ, старшій братъ нашъ, избранный сынъ Отца небеснаго и кровный по плоти сынъ Авраама, Израиль звать насъ въ свой храмъ не можетъ.

Такъ мы должны звать ихъ въ свой истинно-божественный храмъ. И они придутъ. Это предсказано въ пророчествахъ какъ новаго, такъ и ветхаго завѣтовъ. И они идутъ уже. Идутъ полубезсознательно, полуневольно, нехотя, упираясь, но идутъ; даже при своей тысячелѣтіями воспитанной нравственной упругости и устойчивости въ отеческихъ преданіяхъ, а все же подаются и идутъ на встрѣчу христіанству. Это видно изъ того уже, что они мирно живутъ въ христіанскихъ обществахъ. Видно изъ того, что признаютъ себя членами этихъ обществъ, членами пріютившихъ ихъ народовъ и сынами воспитавшаго и питающаго ихъ отечества. Видно изъ того, что они и служатъ этому отечеству и, по долгу вѣрныхъ сыновъ его, во дни военной невзгоды проливаютъ за него и кровь свою. *А большіи сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя.* Видно и изъ того, что они живутъ подъ покровомъ законодательства, создавшагося подъ вліяніемъ христіанства; волею неволею подчиняются вліянію этого законодательства, содѣйствуютъ сохраненію его твердости и развиваютъ болѣе или менѣе свое юное поколѣніе въ его духъ. Видно изъ того, что не чуждаются, какъ было прежде, и воспитанія въ христіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ духъ неизбѣжно отражается на душѣ своихъ питомцевъ. Видно и изъ того, что поддерживаютъ своими щедрыми приношеніями наши богоугодныя учрежденія для призрѣнія сиротства, нищеты и болѣзни. И наглядное доказательство этому на лицѣ: на средства, между прочимъ, и сыновъ Израиля, русскихъ Моисеева закона, созданъ и святой храмъ сей, въ честь и па-

мать благословеннаго царя мученика, царя освободителя, великаго императора Александра II-го, во славу единого и общаго нашего Бога Вседержателя, для нравственно-религіознаго воспитанія, въ духѣ христіанства, христіанскихъ дѣтей, для напоминанія и чадамъ Израиля о Богѣ, о вѣрѣ истинно святыхъ отцевъ, о чистой нравственности, зиждущихъ благо и каждаго человѣка и счастье народовъ и взаимную между ними братскую любовь. Это сближеніе между нами видно и изъ того, что при единствѣ, какъ у нихъ такъ и у насъ, первоначальной священной исторіи о происхожденіи и судьбѣ истинной церкви до времени пришествія Христова, при единствѣ исповѣданія основныхъ догматовъ вѣры, при единствѣ основнаго обрядословія, при единствѣ и правоученія не только въ основахъ, но и въ подробностяхъ раскрытія, современные израильтяне начинаютъ сближаться съ нами и въ тѣхъ поднебесныхъ высотахъ совершеннѣйшаго правоученія, которыя разъяснены Іисусомъ Христомъ въ нагорной проповѣди о блаженствахъ, и вообще въ евангеліи. Лучшіе изъ современныхъ израильтянъ, каковъ и духовный глава ихъ и учитель въ нашемъ градѣ, заговорили нынѣ о равноправности съ ними и христіанъ на наслѣдіе царства небеснаго, о братствѣ всѣхъ народовъ, какъ чадъ единого Отца небеснаго, о братской между ними любви, обязательной для израильтянъ также, какъ и для христіанъ.

Конечно, у христіанъ въ нашемъ евангеліи ученіе о возвышеннѣйшей, чистѣйшей, самоотверженной любви человѣка къ человѣку, какъ брата къ брату, это—цѣлое море вѣдѣнія, ясное какъ кристаллъ, и прозрачное какъ синева неба, осіяннаго солнцемъ У Израиля же, въ массѣ его вѣроучительныхъ книгъ, ученіе о равноправности людей и о любви къ инородцамъ, какъ братьямъ,—это толь-

ко какъ бы крупицы золота, тускло мерцающія изъ громадной глыбы песку и земнаго праха. Эти крупицы, да и то нечистаго золота, зарыты въ глыбахъ іудейскаго суетмудрія о призваніи плотскихъ чадъ Авраама къ господству надъ всѣми человѣческими племенами, какъ надъ низшими служебными родами, и къ господству не только въ царствѣ небесномъ, но и въ чаемомъ земномъ царствѣ Мессіи, какъ земнаго владыки, къ земному господству теперь пока посредствомъ накопленія презрѣннаго металла, которымъ можно купить всякую матеріальную силу. Къ осуществленію этой дебелой идеи, имѣющей основаніе къ матеріально понятымъ изреченіямъ и божественнаго ветхозавѣтнаго откровенія,—къ осуществленію этой идеи полу-безсознательно направляютъ свою дѣятельность всѣ во всемъ мірѣ израильтяне, какъ одинъ человѣкъ. Но мы сказали-бы имъ братское предостереженіе, что на пути къ осуществленію этой идеи камнемъ претыканія лежитъ, конечно, и чистая идея христіанства, о самоотверженной любви ко всему человѣчеству, какъ отрицающая іудейскую идею духовно идеальными же способами; но главное, стоитъ грознымъ камнемъ претыканія ново-возникшая истинно антихристіанская, истинно антихрестова идея борьбы за существованіе, идея подъемяющая свои шипы змѣиныя жала семиглавою апокалипсическою гидрою, страшной для іудейства, и какъ религіи и какъ господствующей исключительной національности, страшной для израильтизма также, какъ и для христіанства.

Чистѣйшая же христіанская идея объ отношеніяхъ между нами, между христіанствомъ и израильтизмомъ, выражена въ притчѣ Христа Спасителя о блудномъ сынѣ. Христіанинъ и израильтянинъ—это два родные брата, оба—дѣти единаго Отца небеснаго. Израильтянинъ даже старшій

сынъ и братъ. Христіанинъ,—скажемъ ближе—русскій православный человѣкъ,—онъ невнимателенъ къ дарамъ Отца небснаго. Онъ расточителенъ. Онъ несдержанъ. Онъ часто бываетъ необузданъ въ страстяхъ и порывахъ, и даже буйнъ. Но онъ добрый, онъ мягкосердый, онъ незлобивый, онъ любвеобильный, онъ готовъ кинуться на шею брату, готовъ обнять все человѣчество. Онъ, какъ христіанскій народъ, пришелъ, а какъ каждый въ отдѣльности русскій православный человѣкъ, идетъ, возвращаясь съ распутии міра, отъ бѣдъ и соблазновъ, подъ кровъ Отца небснаго, съ сердечными воплями: *грѣшенъ, Отче, предъ Тобою и предъ небожъ. Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.* И Отецъ небсный милъ ему бысть, и жалѣетъ его, и побѣждавъ ему на встрѣчу падаетъ ему на шею и лобызаетъ его и осыпаетъ его всѣми дарами своей безпредѣльной отеческой любви. А старшій братъ, израильянинъ, самъ пріобрѣтатель скопидомъ, забывъ свое прошлое и самодумно воображая, будто никогда не преступалъ волю отца, сдержанный и бережливый до того, что жалѣетъ зарѣзать и козленка, чтобы повеселиться съ друзьями своими, а жалуется на отца, будто тотъ обдѣляетъ его, когда тотъ безъ счета осыпаетъ его благами міра и говоритъ: *вся моя—твоя*,—старшій братъ, смотря на это, на благость и нѣжность стараго отца къ меньшому сыну, сердится и не хочетъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, котораго не любитъ, котораго презираетъ, которому завидуетъ,—не хочетъ и войти въ домъ общаго ихъ Отца небснаго. Отецъ же небсный, вышедши и къ нему на встрѣчу отеческою любовію, зоветъ его и убѣждаетъ войти. Онъ вотъ уже девятнадцать вѣковъ сердится и не идетъ. Но онъ придетъ... Придетъ если не изъ любви къ Отцу и брату, то изъ собственной пользы и нужды, такъ какъ неудобно же

навсегда навѣки остаться внѣ дома отеческаго, а подѣ ко-
нецъ и изъ любви...

*Братіе! Возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ,
единымъ сердцемъ и едиными устами исповѣмы Отца и
Сына и Святаго Духа, Троицу единасущную и нераздѣль-
ную. Аминь.*

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ ЦВѢТОНОСНУЮ.

Общее воскресеніе прежде твоея страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвигъ еси Лазаря, Христе Боже. Тѣмже и мы, яко отроцы, побѣды знаменія носяще, Тебѣ, побѣдителю смерти, вопіемъ: осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне.

Извѣстно, что когда Господь Іисусъ жилъ на землѣ въ странѣ іудейской, этою землею, какъ и всею тогдашнею вселенною, владѣли Римляне. Римское государство сперва было царствомъ, потомъ республикою, а подъ конецъ и имперіею. При первомъ римскомъ императорѣ Августѣ Христосъ родился, при второмъ—Тиверіи пострадалъ и воскресъ и вознесся на небеса. У Римлянъ, во все эпохи ихъ существованія, былъ обычай праздновать тріумфы. Извѣстно, что Римляне, на всемъ протяженіи своей исторіи безпрерывно воевали съ другими народами, и рѣдко были побиваемы, напротивъ очень часто, почти что всегда, побѣждали. За побѣдою почти что всегда слѣдовалъ тріумфъ побѣдителя. Тріумфы обыкновенно совершались въ Римѣ. Это

бывало всенародное торжество. Римскій народъ въ каждомъ триумфѣ самъ себѣ воздавалъ честь, какъ побѣдителю вселенной. Тѣмъ не менѣе торжество всегда относилось впервыхъ къ одному лицу побѣдителя, вождя или императора, который назывался тогда триумфаторъ. Триумфаторъ въѣзжалъ въ Римъ на великолѣпной колесницѣ. Впереди его шли побѣдоносныя войска, которыя несли не только свое собственное побѣдоносное оружіе, но и разные побѣдныя знаки, какъ-то отобранное у непріятеля оружіе, короны побѣжденныхъ царей и т. п. За колесницею вели самихъ побѣжденныхъ, которые нерѣдко были приковаемы къ колесницѣ триумфатора посредствомъ цѣпей, и это нерѣдко бывали низложенные цари, только что вчера-завчера сами повелевавшіе царствами и народами. Такимъ образомъ выходило, что Римъ, высасывая кровь цѣлой вселенной, и кровью другихъ народовъ утучняя себя, торжествовалъ въ своихъ триумфахъ позоръ, пораженіе и смерть всѣхъ другихъ царствъ и народовъ, пока самъ, покоривъ все болѣе или менѣе образованное человѣчество, не рухнулъ, истекая кровью своихъ сыновъ и дочерей подъ ударами дикарей. Подобные триумфы были совершаемы и у другихъ народовъ древности, съ тою разницею, что на древнемъ востоцѣ побѣдители цари въѣзжали не всегда на колесницахъ, а нерѣдко на спинахъ слоновъ или муловъ, на лошадяхъ или даже на ослахъ верхомъ. Встарь и ослы не были пренебрегаемы.

Подобный же триумфъ и мы празднуемъ сегодня. Замѣтимъ еще, что народъ, встрѣчавшій и сопровождавшій языческихъ триумфаторовъ, нерѣдко, если только не всегда, выходилъ къ нимъ на встрѣчу съ древесными вѣтвями, — чаще всего, съ пальмовыми вѣтвями, которыя считались символомъ мира, въ знакъ того, что теперь послѣ крова-

вой побѣды, побѣдоносный народъ радостно отдохнетъ въ объятіяхъ вождѣннаго мира. Свою радость народъ выражалъ маханьемъ этими вѣтвями и радостными кликами; вѣтви, а перѣдко и одежды бѣдались по пути, по которому слѣдовалъ триумфаторъ. Въ Римѣ его торжественно везли въ Капитолій, главный храмъ римскихъ боговъ, и тамъ увѣнчивали его побѣдную голову вѣнкомъ, почти всегда изъ дубовыхъ или лавровыхъ листьевъ. Это была величайшая честь — получить народный триумфъ, — честь, которой домогались сами императоры.

Такъ повторяемъ, что и мы сегодня празднуемъ подобный же триумфъ, только триумфъ совершенно противоположнаго, по внутреннему смыслу, качества и значенія. Замѣтьте, что празднуемъ отчасти только въ воспоминаніи, но отчасти и дѣйствительно. Нашъ триумфаторъ, побѣдитель, — это царь царей, Господь Іисусъ Христосъ. Вѣхалъ Онъ не на колесницѣ, а на ослѣ, впрочемъ на ослѣ по обычаю древнихъ восточныхъ царей. Вѣхалъ не въ Римъ, столицу міра, а въ Іерусалимъ, который послѣ этого триумфа сталъ нравственною митрополіею христіанской и вообще цивилизованной вселенной. Тамъ торжественно вступилъ Онъ не въ Капитолій, а въ единственный тогда и славный храмъ единого всевышняго Бога. Тамъ увѣнчали Его вѣнцомъ, — чрезъ нѣсколько дней, — вѣнцомъ не изъ золота, серебра и камней, даже не изъ лавровыхъ и дубовыхъ листьевъ, а изъ терновыхъ шиповъ. Когда Онъ вѣхалъ въ Іерусалимъ и прибылъ во храмъ, народъ встрѣчалъ и сопровождалъ Его съ древесными вѣтвями и съ крикомъ: осанна! благословенъ грядый Царь Израилевъ! Вотъ и мы теперь сопровождаемъ Его также ваіями и вѣтвями и кликамъ: осанна! благословенъ грядый Царь Израилевъ! Существенная же разность языческихъ триумфовъ отъ на-

шего, отъ Христова тріумфа заключается въ томъ, что языческаго тріумфатора привѣтствовали, какъ побѣдителя чужой жизни и виновника чужой смерти; а мы вопіемъ—осанна! Христу, какъ побѣдителю общей смерти и виновнику обще-человѣческаго воскресенія и жизни, воскресенной духовной жизни здѣсь на землѣ и вѣчной въ небесахъ.

Вотъ это-то и выражаетъ церковная пѣснь, тропарь нынѣшняго дня, цвѣтоснаго воскресенія и вчерашняго дня, Лазаревой субботы. Вслушайтесь, вдумайтесь вотъ. Въ общемъ воскресеніи всего человѣчества увѣряя, Христе Боже нашъ, Ты изъ мертвыхъ воздвигъ Лазаря; зато и мы, какъ сѣѣвшіе Тебя еврейскіе отроки, нося вѣтви, знаменія побѣды, Тебѣ, побѣдителю смерти, вопіемъ: осанна въ вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!

Лазарева суббота и цвѣтоносное воскресеніе непосредственно связаны въ воспоминаніи и празднованіи церковномъ. Но на дѣлѣ хронологически два событія, воскресенія Лазаря и входа Господня въ Іерусалимъ, были раздѣлены нѣкоторымъ промежуткомъ времени, вѣроятно нѣсколькихъ дней. Связаны же эти два, раздѣленные временемъ событія въ воспоминаніи Лазаревой субботы и цвѣтоснаго воскресенія потому, что между этими двумя событіями установлена, по волѣ Промысла, непосредственно тѣсная причинная связь.

Мы это поймемъ, когда расскажемъ самыя событія такъ, какъ изложены они въ святыхъ евангеліяхъ.

Обѣтованная земля дѣлится рѣкою Іорданомъ, текущимъ съ сѣвера на югъ, на двѣ части; лѣвая часть называлась, при жизни Господа Іисуса, за—іорданскою страпою. По правой же сторонѣ Іордана съ сѣвера лежала Галилея, по срединѣ Самарія, а на югѣ собственно Іудея съ

Іерусалимомъ. Въ послѣдній годъ земной своей жизни, Господь Іисусъ пришелъ изъ Галилеи въ Іерусалимъ на праздникъ обновленія, около середины нашего декабря мѣсяца. Тутъ Іудеи приступили къ Нему съ притязательнымъ вопросомъ: «долго-ли ты будешь томить наши души? Если Ты Христосъ Мессія, скажи намъ прямо не обинуясь?!» Іисусъ отвѣтилъ имъ на это, что Онъ Іисусъ и Богъ Отецъ Его суть едино. За это Іудеи, схвативъ камни, хотѣли побить Его; но Онъ ушелъ изъ рукъ ихъ и удалился за Іорданъ въ пустое мѣсто, гдѣ не задолго предъ симъ жилъ и крестилъ Іоаннъ Креститель. Здѣсь, скрываясь въ уединеніи, Господь провелъ около двухъ-трехъ мѣсяцевъ.

Около этой поры заболѣлъ другъ Господень Лазарь въ Вифаніи,—Лазарь братъ Марѣи и Маріи, у которыхъ Господь Іисусъ привиталъ съ учениками своими, когда приходилъ въ Іерусалимъ. Вифанія находилась на восточномъ склонѣ Елеонской масличной горы, въ 3—4 верстахъ отъ Іерусалима. Болѣзнь Лазаря оказалась тяжкою. Марѣа и Марія, которыя знали о чудесахъ Господа, послали къ Нему вѣсть, что вотъ, Господи, тотъ, котораго Ты любишь, болѣетъ,—конечно, надѣясь, что Господь, исцѣлявшій тысячи чуждыхъ Ему больныхъ людей, не попуститъ смерти своего друга. Господь однакоже явилъ непонятную для другихъ, какъ будто равнодушную, медлительность. «Сія болѣзнь»,—сказалъ Господь,—«не къ смерти, но къ славѣ Божіей». И хотя любилъ Іисусъ Марѣу и сестру ея и Лазаря, однакоже, услышавъ о болѣзни Лазаря, остался въ томъ же мѣстѣ, гдѣ эта вѣсть застала Его, цѣлыхъ два дня. Затѣмъ вдругъ говоритъ: «идемъ въ Іудею опять». Ученики возражаютъ Ему: Равви, нынѣ искали Тебя Іудеи побить камнями, и опять Ты идешь туда? Іисусъ Христосъ отвѣ-

чалъ: «не двѣнадцать ли часовъ во дни? Кто ходитъ днемъ, не спотыкается, потому что видитъ свѣтъ, который освѣщаетъ міръ; другое дѣло, кто ходитъ ночью, тотъ спотыкается, потому что свѣта нѣтъ при немъ». Этою притчею Господь хотѣлъ вразумить, что какъ никакая сила не въ состояніи сдѣлать день болѣе или менѣе 12 часовъ,—такъ никто не въ силахъ сократить время, опредѣленное Промысломъ для Его дѣйствованія; и пока этотъ день Его длится, Онъ будетъ безпрепятственно совершать дѣла посланнаго Его Отца. Сказавши это, Иисусъ Христосъ вдругъ говоритъ: «Лазарь, другъ нашъ, уснулъ, но Я иду разбудить его». Ученики, подумавъ, что Онъ говоритъ о снѣ обыкновенномъ, который могъ быть признакомъ благотворнаго перелома болѣзни, сказали на это: «Господи! если уснулъ, то выздоровѣетъ». Тогда Иисусъ сказалъ имъ прямо: «Лазарь умеръ, и радуюсь за васъ, что Меня тамъ не было,—иначе Я исцѣлилъ бы его; а теперь предъ вами совершится дѣло всемогущества Божія, дѣло высшее исцѣленія, дабы вы увѣровали». Припомните при этомъ слова церковной пѣсни: «въ общемъ воскресеніи увѣрая, изъ мертвыхъ Ты воздвиглъ Лазаря, Христе Боже,—воздвигъ для того, чтобъ увѣрить и апостоловъ въ томъ, что Онъ самъ, Господь Иисусъ, по грестной смерти, воскреснетъ, чтобы увѣрить и все человѣчество, что и мы воскреснемъ въ день воскресенія всеобщаго». «Но идемъ къ нему»,—заклучилъ Господь свою рѣчь о Лазарѣ и пошелъ впередъ. Апостолы, очевидно, выказали перѣшительность идти на явную бѣду, если только не на смерть. Тогда Фома, глаголемый Близнакъ, говоритъ соученикамъ, съ оттѣнкомъ тревоги вынуждаемаго самоотверженія: «пойдемъ и мы, умремъ съ Нимъ». Пошли.

Подходить къ Виваніи. Уже четыре дня прошло, какъ

Лазарь лежалъ во гробѣ. Въ домѣ сестеръ его царствовала печаль. Иерусалимъ былъ недалекъ. И многіе изъ Іудеевъ пришли къ Марѣ и Маріи утѣшать ихъ въ горестной утратѣ. Іисусъ Христосъ еще не пришелъ въ селеніе. Но кто-то усиѣлъ тайно увѣдомить Марѣу, что Іисусъ идетъ. Она тотчасъ пошла на встрѣчу Ему, а Марія ничего не вѣдая, погруженная въ скорбь свою, сидѣла дома. Лазарь умеръ въ тотъ же день, когда получено Іисусомъ извѣстіе о его болѣзни; промедливъ два дня, четвертый день провѣлъ Іисусъ въ пути. Марѣа не могла понять такой грустной медлительности. «Господи», — сказала она тономъ кроткаго упрека, срътивъ Іисуса внѣ селенія, — «если бы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой!» Но почувствовавши, что слова ея отзываются чѣмъ-то похожимъ на жалобу, и во всякомъ случаѣ изобличаютъ недостатокъ вѣры, тотчасъ-же прибавила: «впрочемъ и теперь знаю, что чего Ты ни попросишь у Бога, дастъ Тебѣ Богъ». Іисусъ говорить: «воскреснетъ братъ твой». Марѣа не имѣла твердой надежды, что Лазарь проснется отъ смертнаго сна и возражаетъ: «знаю, что воскреснетъ въ общее воскресеніе, въ послѣдній день». — Іисусъ, чтобы навести ея мысль на воскресеніе въ настоящее время, сказалъ: «Я воскрешеніе и жизнь. Вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій, кто живетъ и вѣруетъ въ Меня, не умираетъ во вѣки. Вѣришь ли ты этому?» — Марѣа говоритъ Ему: «ей, Господи, я увѣровала, что Ты Христосъ, Сынъ Божій, грядущій въ міръ». Тогда Іисусъ Христосъ велѣлъ пригласить въ Нему Марію. Марѣа пошла и тайно сказала сестрѣ: «Учитель здѣсь, и зоветъ тебя». Марія же, какъ только услышала, тотчасъ же встала и пошла къ Нему. Тайственность, съ которою Марѣа звала сестру, и молчаніе, съ которымъ встала Марія, чтобъ встрѣтить Господа, доказыва-

ли, что предосторожность была необходима и что прибытіе Іисуса въ окрестности Іерусалима было для Него небезопасно. Собравшіеся для утѣшенія сестеръ Іудей, которыхъ Марія внезапно оставила, тоже поднялись съ мѣстъ, чтобы отправиться къ гробницѣ, куда, думали они, Марія пошла плакать. А Іисусъ еще не вошелъ въ селеніе, но оставался на мѣстѣ, гдѣ срѣтила Его Марѳа. Пришедши сюда, гдѣ былъ Іисусъ, и увидѣвъ Его, Марія пала на ноги Его, говоря Ему: «Господи, если бы Ты былъ здѣсь, не умеръ бы братъ мой». — Іисусъ видя, что она плачетъ, и пришедшіе съ нею Іудеи плачутъ, затрепеталъ отъ жалости и возмущился самъ. Видъ подобной любви и горя, грустное зрѣлище людскихъ потерь, крайняя ничтожность, въ такую минуту, человѣческихъ утѣшеній, истинная скорбь Маріи, исторгающая слезы жалости даже у другихъ, не досказанный упрекъ: «О! зачѣмъ Ты не пришелъ прежде, чтобъ вырвать жертву у смерти», — самое сочувствіе къ этимъ преданнымъ Ему двумъ несчастнымъ сестрамъ, — все это сочѣтаніе бѣдствій и борьба чувствъ глубоко тронули Іисуса. «Гдѣ вы положили его», спрашиваетъ Господь въ смущеніи. — Ему отвѣчаютъ: «Господи, пойдѣ и посмотри». — Нѣмныя слезы текли изъ очей Его, когда Онъ слѣдовалъ на мѣсто погребенія, и слезы эти не остались незамѣченными. Нѣкоторые изъ іудеевъ съ почтительнымъ сочувствіемъ замѣтили: «смотри, какъ Онъ любилъ его». А другіе, съ сомнѣніемъ и коварствомъ, спрашивали: «если Онъ отверзъ очи слѣпому, то неужели не могъ сдѣлать, чтобъ и этотъ не умеръ»? Іисусъ, опять сдерживая внутреннее волненіе, пришелъ ко гробу. Это было не то, что наши гробы. То была пещера выдолбленная въ скалѣ, заваленная камнемъ. Іисусъ говоритъ: «возьмите камень». Въ жаркомъ климатѣ обѣтованной земли трупы разлагаются необычайно быстро;

тамъ похороны совершаются тотчасъ послѣ смерти. Между тѣмъ былъ уже вечеръ четвертаго дня, какъ умеръ Лазарь. Когда отвалили камень, всѣхъ поразилъ гнилой запахъ. При этомъ странномъ и тягостномъ ощущеніи гніенія роднаго брата, Марѳа опять низнала изъ области вѣры въ область человѣческой немощи и говоритъ: «Господи, уже смердитъ, ему четыре дня». На это Іисусъ замѣчаетъ: «не сказалъ ли Я тебѣ, что, если будешь вѣровать, увидишь славу Божию». Отвалили камень отъ пещеры, гдѣ лежалъ умершій. Всѣ оцѣмѣли отъ трепетнаго ожиданія. Іисусъ же, возведши очи горѣ, воззвалъ: «Отче, хвалу Тебѣ воздаю, что Ты услышалъ Меня. Я зналъ, что Ты всегда меня слушаешь; но сказалъ это для народа, здѣсь стоящаго, дабы увѣровали, что Ты Меня послалъ». Сказавши это, громкимъ голосомъ возгласилъ: «Лазарь гряди вонъ». Слова эти раздались по загробной странѣ непроходимаго мрака, который отдѣляетъ насъ живыхъ отъ міра мертвыхъ. И едва Іисусъ произнесъ ихъ, какъ изъ каменной могилы, подобно привидѣнію, выступила фигура, завернутая въ бѣлый пугающій саванъ, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Іисусъ говоритъ: «развяжите его и пусть идетъ». Лазарь воскресъ еще на цѣлыхъ 30 лѣтъ жизни, какъ говоритъ преданіе. Многіе изъ присутствовавшихъ здѣсь Іудеевъ, увидѣвъ это поразительное чудо, увѣровали въ Іисуса. Но нашлись и такіе, которые пошли къ фарисеямъ съ доносомъ о томъ, что сдѣлалъ Іисусъ.

Тогда первосвященники собрали синедрионъ. Предложили къ разсужденію вопросъ: что дѣлать? Потому что этотъ человѣкъ много чудесъ творить. Если оставить Его такъ, то всѣ увѣруютъ въ Него; народъ провозгласитъ Его царемъ—Мессією, а тогда придутъ Римляне и истребятъ мѣсто наше и народъ. Присутствовавшіе были въ недоумѣ-

ніи и нерѣшительности. У всѣхъ въ душѣ созрѣло, но устами еще не высказано слово—смерть. Тогда Каіафа, бывший на ту пору первосвященникомъ,—звание первосвященника передавалось Римлянами въ послѣднее время безпрестанно изъ рукъ въ руки, такъ что наконецъ явилось одновременно пять первосвященниковъ, въ томъ числѣ Анна или Гананъ и Каіафа,—этотъ-то Каіафа возвысилъ свой голосъ и сказалъ: «вы совсѣмъ не понимаете дѣла, затрудняетесь, колеблетесь; а не подумаете, что для насъ лучше пусть одинъ человѣкъ (виновенъ онъ или не виновенъ—это все равно),—лучше пусть одинъ человѣкъ умретъ за народъ, чѣмъ погибать всѣмъ людямъ». Хотя эти слова были произнесены изъ зависти ко Христу, но въ устахъ первосвященника Промыслъ обратилъ ихъ въ пророчество. Дѣйствительно Іисусу Христу надлежало умереть за іудейскій народъ, и не только за однихъ Іудеевъ, но и за всѣхъ людей. Такимъ образомъ въ синадріонѣ рѣшено было предать Іисуса смерти. Съ этой поры, со дня воскресенія Лазаря, Господь былъ уже обреченною жертвою. Но часъ Его еще не пришелъ. И потому Онъ не ходилъ уже между Іудеями открыто, но пробылъ нѣсколько времени въ уединеніи въ пустынѣ іорданской. Наступила еврейская пасха. Многіе уже стекались въ Іерусалимъ. А извѣстно, что стекавшихся на праздникъ пасхи бывало иногда до 3.000.000. Стали искать Іисуса. Разговоры о Немъ не умолкали и въ храмѣ. Спрашивали другъ друга: какъ вы думаете,—не придетъ ли Онъ на праздникъ?

И вотъ за шесть дней до Пасхи, именно въ вашу Лазареву субботу, Іисусъ пришелъ опять въ Вифанію и опять остановился въ любимомъ Имъ семействѣ двухъ сестеръ, Марѣи и Маріи, и недавно воскрешеннаго Имъ брата Лазаря. Здѣсь была учреждена для Господа вечеря. Не

станемъ говорить объ этой знаменательной вечерѣ. Упоминаемъ здѣсь о ней только потому, что на ней съ Иисусомъ и Лазарь были одинъ изъ возлежащихъ, и что народъ узнавъ, что Иисусъ находится здѣсь, стекался сюда во множествѣ не ради только Иисуса, но чтобъ увидѣть и Лазаря, котораго Иисусъ воскресилъ отъ мертвыхъ. Первосвященники же положили убить и Лазаря, такъ какъ изъ-за него многіе Іудеи ходили въ Виванію и начинали вѣровать въ Иисуса.

И вотъ на завтра, въ нашу недѣлю Ваіи или цвѣтоносную, настала предопредѣленная часть идти нашему Господу на вольную страсть, — идти въ Іерусалимъ, въ самую пасть своихъ враговъ, которые уже приготовились Его пожрать, присудивъ Его къ смерти. Но пошелъ Господь на вольную страсть, нашего ради спасенія, какъ Царь царей съ величайшею божественною торжественностью, въ небесно-привлекательномъ своею небесною кротостію и силою триумфѣ побѣдителя обще-человѣческой смерти.

Въ массѣ собравшагося на праздникъ пасхи народа въ Іерусалимъ существовали смутныя предположенія, что Иисусъ не преминетъ придти на праздникъ пасхи. О достовѣрности этого, какъ уже замѣчено, происходили между народомъ споры, и на ожидаемое прибытіе галилейскаго Пророка глядѣли съ напряженнымъ любопытствомъ. Поэтому, какъ только въ воскресенье рано утромъ узнали, что въ теченіи дня Иисусъ долженъ придти въ Іерусалимъ, все пришло въ движеніе. Извѣстіе это принесено было въ Іерусалимъ нѣкоторыми изъ Іудеевъ, посѣтившихъ Виванію наканунѣ и возвратившихся послѣ субботняго покоя, по закатѣ солнца. Такимъ образомъ множество народа было приготовлено, чтобы принять и привѣтствовать Избавителя, который воскресилъ мертваго. Иисусъ шелъ пѣшкомъ

Три дороги вели изъ Вифаніи, чрезъ гору Елеонскую, въ Іерусалимъ. Такъ какъ съ Іисусомъ было множество учениковъ, то вѣроятно, что Онъ шелъ большою дорогою, которая, какъ въ наше время вѣтся, такъ и тогда вилась вокругъ лѣваго склона центральной горной массы. Теперь тамъ нѣтъ пальмъ, которыя росли въ то время; во всей Палестинѣ были они очень рѣдки. Пройдя подъ пальмами вифанскими, отъ которыхъ эта мѣстность получила самое имя вифаніи, Іисусъ съ своими спутниками приблизился къ Вифсагіи, что значитъ «домъ пальмъ», небольшой подгородной слободѣ. Тутъ Іисусъ вызываетъ двухъ учениковъ и говоритъ имъ: «подите въ это селеніе, которое прямо предъ вами (въ Вифсагію); при входѣ въ него вы тотчасъ найдете ослицу привязанную, и съ нею молодаго осла, на котораго еще никто не саживался; отвязавши приведите ко Мнѣ; а если кто спроситъ васъ, для чего отвязываете? скажите, что они надобны Господу,—и тотчасъ отпустите ихъ сюда». Ученики пошли и нашли ослицу, привязанную у воротъ на перекресткѣ, и при ней молодаго осла. Когда они начали отвязывать ослицу, чтобы вести ее съ молодымъ осломъ,—хозяева говорятъ: «что вы дѣлаете? зачѣмъ отвязываете ослицу»? Они отвѣчали, какъ было приказано, что они надобны Господу, и тѣ отпустили ихъ. Когда привели къ Іисусу ослицу съ молодымъ осломъ,—ученики pokrыли осленка своими одеждами и посадили на него Іисуса. Вѣроятно же ученики вели осленка и подъ уздцы. Восторгъ объялъ всѣхъ. Народъ и ученики, снявъ свои верхнія одежды, стали растилать ихъ по пути, и нарвавъ вѣтвей съ оливъ, фигъ и орѣшника, разсыпали передъ Нимъ, восклицая въ восторженномъ порывѣ: «осавна (спасеніе, помогай Богъ) Сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне! Благословенно наступ-

пающее царство отца нашего Давида! Благословенъ Царь грядущій во имя Господне! Миръ на небеси и слава въ вышнихъ! Осанна въ вышнихъ (помоги Всевышній Боже)! — И все это совершалось во исполненіе древняго пророчества: «скажите Іерусалиму, дщери Сіона: не бойся, радуйся, дщерь Сіона! Сей Царь твой грядетъ къ тебѣ кроткій, сидя на младомъ ослѣ, рожденномъ отъ подъяремныхъ ослицы». Какъ видите,—это была процессія, совершаемая не съ царскою пышностію, но въ какое глубокое ничтожество должны были погрязнуть, послѣ нея, величайшіе триумфы губительныхъ войнъ и кровавыхъ побѣдъ!

Дорога тянулась, постоянно поднимаясь на Елеонскую гору, а потомъ внезапно поворачивала круто къ сѣверу. Съ этого поворота видѣлся весь Іерусалимъ. Возникая изъ глубины тѣнистой долины, на виду зрителей возставалъ городъ, съ которымъ связаны тысячи воспоминаній, и утреннее солнце, падая на мраморныя башни и позолоченныя крыши храма, отражалось огненнымъ блескомъ, поражавшимъ глаза зрителя. Искони вѣковъ путешественники изъ евреевъ и язычниковъ, какъ и христіанъ, останавливались здѣсь въ благоговѣйномъ удивленіи и глядѣли на это дивное зрѣлище съ невольнымъ, рѣдко испытываемымъ волненіемъ. Внезапный видъ Іерусалима, съ его куполами и минаретами, производитъ глубокое впечатлѣніе и нынѣ. Но на тогдашній Іерусалимъ, въ его царственной мантии гордыхъ башенъ, надо было смотрѣть, какъ на одно изъ чудесъ свѣта. И кто можетъ изъяснить, кто можетъ почувствовать тотъ могучій порывъ божественнаго состраданія, который вслыхнулъ при этомъ зрѣлищѣ, въ душѣ Спасителя? На гробницѣ Лазаря Онъ проливалъ слезы молча, а здѣсь заплакалъ на взрыдъ. Стыдъ отъ посмѣянія, боль отъ страданій, мука смертная, пять дней спустя, оказа-

лись безсильными вызвать хотя бы одну слезу на Его глаза. Но здѣсь чувство глубочайшаго состраданія объяло Его сердце до того, что Онъ не только плакалъ, но рыдалъ..... Рыдалъ надъ городомъ, который уже поздно спасти отъ опустошенія,—рыдалъ надъ роднымъ Ему народомъ, который нельзя уже уберечь отъ тяжкихъ грядущихъ бѣдъ.—«Если бы ты, Іерусалимъ, хотя въ сей твой день узналъ,—воскликнулъ Іисусъ,—что служить къ твоему миру и спасенію! Но сіе сокрыто нынѣ отъ очей твоихъ. И вотъ придутъ на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопами, и окружаютъ тебя и стѣснятъ тебя отовсюду. И разорятъ тебя, и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего». Вѣрно, буквально, ужасно исполнилось, чрезъ 50 лѣтъ, пророчество Христова. Но объ этомъ рѣчь когда либо послѣ. Разумѣется, когда Іисусъ проливалъ горькія слезы и высказывалъ пророческую скорбь,—процессія остановилась. Но настала минута двинуться и дальше. Въ долину Кедронской и около стѣнъ Іерусалима, мѣстные жители, равно какъ и богомольцы, которыхъ шалаши и палатки тѣснились внизу по зеленымъ горнымъ скатамъ, увидали приближающуюся толпу, слышали отголосокъ радостныхъ приговоровъ и узнали значеніе волненія, что это Іисусъ грядетъ. И вотъ наломавъ зеленыхъ пальмовыхъ вѣтвей, народъ устремился на дорогу, чтобы встрѣтить приближавшагося Пророка. Когда два народныхъ потока, одинъ сопутствующій Іисусу, а другой срѣтающій Его, встрѣтились другъ съ другомъ, то восторгъ и клики удесятерились. Кто примкнулъ къ процессіи сзади, кто торопился впереди; нѣкоторые же, обогнавъ ее, поспѣшили къ воротамъ іерусалимскимъ, всѣ махая вѣтвями и восклицая: осанна! Къ этой толпѣ примѣша-

лось нѣсколько фарисеевъ, для которыхъ народная радость была желчью и полынью. Что значать эти клики? Эти царскіе титулы? Почему Онъ дозволяетъ все это? Учитель, запрети ученикамъ,—говорили фарисеи. Но Іисусъ отвѣчалъ: «если сіи умолкнутъ, то камни возопіютъ».—Когда шествіе вступило въ городскія стѣны, весь городъ пришелъ въ движеніе. Кто это? спрашивали Іерусалимляне. Народъ говорилъ: это Іисусъ пророкъ изъ Назарета галилейскаго. Другіе рассказывали, какъ Онъ воззвалъ изъ гроба Лазаря. Всѣ спѣшили посмотрѣть на Чудотворца. Между тѣмъ фарисеи съ укоризною говорили другъ другу: «видите ли, что вы не успѣваете ничего? Смотри, весь міръ за нимъ идетъ». А когда дѣти, безстрашныя по своей невинности, продолжали и во храмѣ взывать: осанна Сыну Давидову,—фарисеи закипѣли негодованіемъ и сказали Ему: «слышишь, что они говорятъ»? Іисусъ отвѣтилъ: «да! а развѣ вы не читали въ писаніи: изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты приготовилъ Мнѣ хвалебную пѣснь;—пѣснь вопреки враждующимъ противъ Тебя, дабы сдѣлать безмолвнымъ врага и мятежника».—На ночь Господь, съ 12-ю учениками, вышелъ изъ Іерусалима въ Вифанію. Такъ кончилось приснопамятное торжество входа Господня въ Іерусалимъ на вольную страсть.

Такимъ-то образомъ Лазаря умершаго четверодневнаго Христосъ воскресилъ изъ ада, прежде своей смерти потрясши смертную державу и, чрезъ одного любимаго своего друга, предвозвѣщая освобожденіе всѣхъ человѣковъ изъ тлѣнія. Общее воскресеніе, прежде вольныя своей страсти, предпоказавъ во увѣреніе всѣмъ, Христосъ Богъ воскресилъ, державною своею силою, Лазаря въ Вифаніи, мертвеца четверодневнаго, и затѣмъ во святыи градъ, съ учениками своими, вошелъ, сидя на жеребяти ослиномъ, про-

роческія проповѣданія исполняя, и дѣти еврейскія срътали
Его, побѣдителя смерти, съ вѣтвями и ваіями. Тѣмже и
мы, вѣтви и ваія носяще, благодарственно вопіемъ Ему:
осанна въ вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне.
Благословенъ еси Спасе нашъ, помилуй насъ. Аминь.

1877 г.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. МЕЧНИКОВА

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю Ваій узникамъ, отправляющимся на Сахалинъ на пароходъ «Кострома», 17 марта 1885 года.

Выслушайте, православные. Вотъ церковная пѣснь, которую мы часто слышимъ: *житейское море воздвизаемое зря напастей бурю, къ тихому пристанищу твоему притекъ, вопію Ти: возведи отъ тли живота мой, Многомилостиве.*

Вотъ буквальное истолкованіе этой пѣсни: видя море жизни, вздымаемое бурю напастей, я къ твоему, Христе Боже, пристанищу, въ твою пристань притекаю и взываю къ Тебѣ: изведи отъ смертной бѣды мою жизнь, многомилостиве Христе Боже.— Впрочемъ, русскимъ языкомъ и трудно передать всю глубину и красоту рѣчи славянской, церковной.

Образъ для сей пѣсни взять вотъ откуда. Вотъ вы теперь, на этомъ великомъ и прекрасномъ кораблѣ, поплывете въ великое море-океанъ. Быть можетъ тамъ, чего избави Божи, поднимется и буря, вздымая и грозныя волны. Быть можетъ тамъ, чего избави Боже, вашъ корабль станетъ и вляяться волнами, кидаемый изъ стороны въ сторону. Вашъ корабль надеженъ, крѣпкіи опасности рѣдки. Однако-же пловецъ всегда долженъ возлагать надежду на Бога. Вѣдь не даромъ принято говорить: кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался; это потому, что на морѣ крѣпкія опасности родятъ и крѣпкую молитву. Вотъ и пойте тогда: *Житейское море воздвизаемое зря напастей бурю...* И Богъ приведетъ васъ въ тихую пристань.

Такъ вотъ и жизнь есть великое же море, даже болѣе грозное, чѣмъ обыкновенное море. Знаете, жизнь пережить — не море переплыть. Жизнь пережить гораздо тяжелѣе. Оглянитесь назадъ, что каждый изъ васъ тамъ сзади за собой оставляетъ. Тамъ сзади каждый изъ васъ, быть можетъ, и не одинъ разъ, перенесъ бурю напастей, несчастій и скорбей всякаго рода. Одни напасти Богъ посылалъ. Другія напасти мы сами на себя накликали бурю нашихъ собственныхъ страстей и дурныхъ навыковъ, а та и другая буря, и виѣшнихъ бѣдъ и внутреннихъ страстныхъ порывовъ, увлекаетъ въ бурю и преступленій, которая въ свою очередь вздымаетъ бурю напастей по учиненіи преступленія. И вотъ вы теперь, оставляя у себя сзади эту бурю напастей, плывете въ тихую пристань.....

Да. Сахалинъ есть пристань. Отъ васъ самихъ зависитъ сдѣлать ее и тихою пристанью. Забудьте-же прошлое худое. Сотрите его въ своей совѣсти истиннымъ христіанскимъ покаяніемъ. Заживите по новому, по людски, по Божьему. Тамъ будутъ даны вамъ способы начать и вести честную и трудовую жизнь.

Помните Бога. Храните русскую православную вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа. Помните, что русская вѣра сдѣлала и сохраняетъ русскаго православнаго человека. Безъ сомнѣнія, тамъ у васъ имѣются православные храмы. Не оставляйте, не забывайте ихъ; это самая тихая пристань для души, утружденной бурей жизни. Безъ церкви, безъ службы Божіей, русскій человекъ скоро перерождается въ нерусскаго. Оставайтесь-же истинно русскими людьми и добрыми православными христіанами.

Молитесь за Царя православнаго, который хранитъ въ себѣ и связываетъ цѣлостъ русскаго царства и народа. Молитесь за начальствующихъ и будьте имъ благопокорны.

Благодарите современный духъ милосердія, который бережетъ нынѣ и узниковъ, и ссыльныхъ. Видите, какимъ милосердымъ попеченіемъ окружаютъ васъ на вашемъ, конечно, нерадостномъ пути. Вѣдь это не то, что бывало добрести до Сибири пѣшими стопами, да и въ цѣпяхъ еще. Помните дорогую любезную родину, святую Русь православную, которую оставляете сзади и встрѣтите снова у себя впереди. Будьте вѣрны ей въ душѣ. Бойтесь осрамить ее безобразнымъ поступкомъ. Помните, что вы на плечахъ своихъ несете въ дальнія страны русскую, такъ называемую, культуру. Живите-же на краю Россіи такъ, чтобы тамошніе нехристіанскіе народы, видя ваши добрыя дѣла, ваше честное разумное поведеніе, прославляли Отца нашего небеснаго, нашего русскаго Бога и Христа Его; чтобы пріучались любить отца отечества нашего, православнаго русскаго Бѣлаго Царя, и нашу родную, святую Русь православную, которая даже въ ссыльныхъ своихъ имѣетъ такихъ добрыхъ, честныхъ, разумныхъ, привлекательныхъ сыновъ.

Вотъ вы отправляетесь въ дальній край въ недѣлю Ваій, въ которую Господь нашъ Іисусъ Христосъ шелъ на вольное страданіе, за которою однако-же послѣдовала свѣтлая недѣля Воскресенія Христова. Дай Богъ,—о семъ молимся мы за васъ, и вы молитесь за себя,—дай Богъ, чтобы вольное невольное, конечно, невеселое отшествіе ваше въ страну изгнанія закончилось свѣтло-радостнымъ воскресеніемъ вашимъ для новой жизни по Богѣ и правдѣ христіанской. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

переселенцамъ, отправляющимся въ восточную Сибирь на пароходѣ «Петербургъ», 20-го марта, въ великую среду на страстной.

Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояніе твое, победы благовѣрному Императору нашему Александру Александровичу на сопротивныя даруя и твое сохраняя крестомъ твоимъ жителство.

Конечно, эту пѣснь церковную вы, православные, слышали не одинъ разъ; слышали, безъ сомнѣнія, даже часто. Это такъ называемый царскій тропарь и въ то-же время крестный тропарь. Царскимъ тропаремъ онъ называется потому, что поется во всѣ царскія празднованія, а крестнымъ потому, что поется во дни, посвященные св. кресту, какъ, напр., въ день Воздвиженія св. креста и въ недѣлю крестопоклонную святаго великаго поста.

Я хочу ввести васъ въ смыслъ этого крестнаго и царскаго тропаря потому, что въ немъ указанъ духъ какъ всей прошлой, такъ и будущей жизни всего русскаго народа, какъ и вашей жизни. Въ немъ указано, на чемъ русская жизнь созидалась въ прошедшемъ, чѣмъ держится въ настоящемъ, чѣмъ сохранится и въ будущемъ на вѣки вѣчные.

Вотъ мы молимъ Бога: спаси и всегда спасай, Господи, твоихъ христоименитыхъ людей, твою Русь святую, и благослови твое достояніе, твое наслѣдіе, твой народъ рускій православный,—спаси отъ бѣдъ и благослови счастьемъ,

даруя крестомъ твоимъ благовѣрному Императору нашему Александру Александровичу побѣды на сопротивныхъ, на враговъ отечества нашего, и тѣмъ-же твоимъ крестомъ сохраняя твое жителство, тотъ-же твой народъ, среди коего Ты обитаешь, на который призвано твое святое имя, тотъ-же русскій, православный, христоименитый народъ. Счастье и благословеніе нашего народа тѣсно связаны съ крестомъ и Царемъ.

Отчего это? Оттого, что такъ уже народъ русскій уродился. Такъ ему отъ Бога на роду написано. Такъ лишь только предки наши славяне объединились въ единый великій народъ русскій, какъ единовластитель русской земли св. равноаностольный великій князь Владиміръ, крестившись самъ, крестилъ и всѣхъ русскихъ людей, такъ что съ тѣхъ поръ настоящій русскій человѣкъ былъ всегда неотмѣнно и крещеный человѣкъ, а некрещеному человѣку какъ-то не приводилось съ тѣхъ поръ быть и кореннымъ русскимъ человѣкомъ. А связываемые могущественнѣйшимъ узломъ единой Христовой, святой православной вѣры, русскіе люди, съ беззавѣтной преданностію и вѣрностію, шли подъ крѣпкую руку своихъ богоизбранныхъ царей; по ихъ державной волѣ, своею вѣрою и вѣрностію покоряли подъ ноги ихъ всякаго врага и супостата и составили великое и крѣпкое русское царство. Почему и правовѣрные цари наши всегда поддерживали вѣру народа, какъ могущественнѣйшій рычагъ своего собственнаго могущества и залогъ счастья своего народа; въ свою очередь и народъ скрѣплялъ свою вѣрность богопоставленнымъ царямъ своею вѣрою въ Христа Бога и крестъ Его. Сохраняя св. вѣру нашу, мы сохраняемъ вѣрность и Царю нашему. А сохраняя вѣрность благовѣрному Царю, мы зиждемъ свое собственное счастье. Молясь за Царя, мы молимся за свое собственное спасеніе и

благословеніе. Крестъ Христовъ и Царь благовѣрный и счастье благовѣрнаго народа связаны на Руси неразрывными узами. Такъ прожила св. Русь тысячу лѣтъ, такъ проживетъ, по милости Божіей, и другую тысячу и до кончины вѣковъ. О семъ наша общая, ежедневная и ежечасная молитва.

Вы теперь начинаете понимать, къ чему я веду рѣчь свою, что я хочу сказать именно вамъ, переселенцамъ изъ родной земли въ страну далекую.

Будьте вѣрны святому Христову кресту и распятому на немъ Христу и святой православной Христовой вѣрѣ. Не говорю о томъ, что вѣра есть спасительная опора каждой души христіанской среди безконечныхъ тревоженій жизни. Хочу сказать и толковать, что святая православная вѣра—твердѣйшая основа именно русской жизни. Увы! Не вѣрующій перестаетъ быть русскимъ человѣкомъ. Можно видѣть это у насъ и въ нашихъ мѣстахъ; правда, тутъ у насъ нужно приглядываться, чтобы разобрать это грустное явленіе и убѣдиться въ немъ. А тамъ въ тѣхъ дальнихъ краяхъ, куда вы ѣдете, тамъ это вы скоро увидите во-очію и разберете безъ труда. Увы! Тамъ найдутся люди изъ бывшихъ когда-то русскими, которые, забывая и оставляя свою свято-отеческую вѣру, какъ-то отчуждаются и отъ Руси и дичаютъ, или мало-по-малу превращаются въ какихъ-либо китайцевъ или другихъ инородцевъ, усвоя даже говоръ чужеродный, теряя совсѣмъ даже русскій обликъ. Поэтому мой вамъ совѣтъ и завѣтъ. Какъ только прибудете въ новыя земли, сейчасъ-же заводите у себя Божій домъ, сейчасъ-же просите у тамошнихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей русскаго православнаго священника. Сейчасъ-же учреждайте и поддерживайте у себя православное богослуженіе. Иначе, если не вамъ, то дѣтямъ вашимъ будетъ явная и скорая опасность переродиться въ не-рус-

скихъ съ потерю и говора и облика русскаго. Тутъ вотъ и оказывается нагляднымъ, что русская православная вѣра, съ ея выраженіемъ, съ ея уставами и обрядами, тѣсно срослась съ самою природою истинно-русскаго человѣка. Будьте-же вѣрны вѣрѣ вашихъ отцовъ, и святоотеческая вѣра соблюдетъ въ васъ на вѣки истинныхъ сыновъ христілюбиваго нашего отечества.

Другое. Храните богозаповѣдную вѣрность православному русскому Царю и благопокорность поставленнымъ отъ Него властямъ. Тамъ-же въ далекихъ краяхъ во-очію увидите, что здѣсь только смутно чувствуете сердцемъ,— что православный русскій Царь есть неотъемлемая существенная связь великой русской земли. Тамъ встрѣтите много людей, народцевъ и народовъ, людей русскихъ и нерусскихъ; и естественно возникнетъ даже въ вашихъ простыхъ головахъ вопросъ, чѣмъ эти разнородные народы держатся въ единствѣ? Держатся крѣпкою рукою русскаго Самодержца. Держатся коренною русскою вѣрою, а затѣмъ увлекаемою русскимъ народомъ вѣрою и другихъ нерусскихъ народцевъ въ великаго русскаго Бѣлаго Царя. Вы-то сами будьте русскими, насаждайте и поддерживайте эту спасительную вѣру. Великій богодарованный и богопомощный русскій Царь—это якорь спасенія безпредѣльно великой русской земли,—якорь, безъ котораго мы были-бы унесены бурями и разбились бы въ малые куски.

Не даю вамъ другихъ совѣтовъ относительно будущей вашей жизни, какъ вамъ тамъ селиться, какъ строиться, заводить хозяйство и проч. Тамъ все подобное скажутъ и покажутъ вамъ на мѣстѣ. Это не мое, не архіерейское дѣло—учить васъ хозяйству и домовитости. Мое дѣло напомнить и выяснить вамъ заповѣдь Христову: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся, всѣ временныя*

жизненные потребности *приложатся вамъ*, будутъ посланы отъ Бога. Вотъ я вамъ и объясняю, какъ вамъ прежде всего искать царствія Божія и правды Его. Будьте вѣрны православной русской вѣрѣ въ Бога; будьте вѣрны православному русскому Царю. А все нужное для жизни временной Богъ благоустроитъ, Царь поможетъ и оградитъ, благословеніе Божіе благопоспѣшитъ. Храните отцовскіе русскіе обычаи во всемъ житейскомъ обиходѣ, особенно-же церковные. Не такъ вотъ давно, въ одной изъ сосѣднихъ чужихъ земель, во время войны, найдены многіе русскіе люди, за Дунаемъ найдены такіе люди, которые ушли изъ Россіи на чужбину сотни лѣтъ тому назадъ. Но какъ они и на чужбинѣ сохранили во всемъ всѣ отцовскіе русскіе обычаи, то съ великою радостію во время войны и встрѣтили своихъ единоплеменниковъ русскихъ, и помогали имъ, и вмѣстѣ съ ними радостно ушли на свою старую родину. Вы же ѣдете въ далекія страны не затѣмъ, чтобы возвращаться назадъ, — храни Богъ, — а чтобы тамъ, въ тѣхъ прекрасныхъ земляхъ, завести Россію, въ чемъ Богъ вамъ и да поможетъ. Только смотрите, храните русскіе обычаи, паче-же церковные; любите православнаго русскаго Царя; чтите Бога и Христа Его и животворящій крестъ Христовъ. Крестъ Христовъ — утвержденіе русской христіанской души.

Крестомъ Христовымъ и благословляемъ васъ въ дальній путь, въ новую русскую землю, на новое благоуспѣшное русское жительство, съ молитвою, да спасетъ васъ Господь и да благословитъ во всемъ своимъ крестомъ; да сохрани въ васъ крестнымъ цѣлованіемъ русскую беззапятную вѣрность и преданность до смерти благовѣрному русскому Царю; да благопоспѣшитъ вамъ силою крестною создать въ себѣ самихъ, въ вашихъ семьяхъ и родахъ, благопріятное Ему самому, Царю небесному, святое духов-

ное жительство на вѣки вѣчные, и одержать тою же крестною силою мирную побѣду надъ инородными племенами,— побѣду, которая прочнѣе побѣдъ кровавыхъ надъ сопротивными. Тѣ прекрасныя земли, въ которыхъ вы будете поселены, давно уже русскія земли, давно уже покорены русскимъ мечомъ. Васъ-же теперь Богъ призываетъ покорить эти земли, вашимъ мирнымъ христіанскимъ жительствою, русскому духу и духовно слить ихъ съ великимъ русскимъ отечествомъ. Будьте вѣрны кореннымъ началамъ русской жизни, православно-русской вѣрѣ въ Бога и вѣрности Царю. Оставайтесь сами истинно-русскими людьми. Тогда и заселенныя вами земли станутъ не только по имени, но и по духу, настоящею русскою землею, цѣльною частію единой великой русской земли.

Да будетъ-же надъ вами и родомъ вашимъ, до скончанія вѣка, благословеніе вашего христолюбиваго отечества, благословеніе всѣхъ породившихъ васъ отцовъ кровныхъ и духовныхъ, а вмѣстѣ съ ними благословеніе и общаго Отца нашего небеснаго, Христа Бога нашего, крестомъ своимъ утверждающаго наше счастье временное и дарующаго намъ спасеніе вѣчное. Аминь.

— 572 —

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Христе Боже нашъ, вольное распятіе, во
общее воскресеніе рода человеческого, вос-
пріемый, и тростию креста, обагренимъ
червленымъ, своя персты окровавивый,
оставительная намъ царски подписати
человѣколюбствовавый, не презри насъ блѣд-
ствующихъ и паки отъ Тебе разстояніе,
но ущедри, едине долготерпѣливъ, во об-
стояніи люди твоя, и востани, побори
борющія ны, яко всесиленъ.

Стихира третьей нед. в. поста.

Въ богослуженіи нашей церкви мы весьма часто про-
ходимъ нашимъ легкимъ или тупымъ вниманіемъ мимо
драгоцѣннѣйшихъ перловъ вдохновенной молитвенной мыс-
ли, не замѣчая ихъ. Вотъ мы сію минуту показали вамъ
одинъ изъ такихъ перловъ. Это только что прочитанная
нами стихира. А замѣтили-ль вы, какъ она блеститъ и
своимъ блескомъ озаряетъ, для нашего тупаго духовнаго
зрѣнія, небо и землю и глубины ада, освѣщаетъ сокро-
веннѣйшія неудобозримыя пренебесныя высоты въ домостро-
ительствѣ нашего спасенія и таинственнѣйшую внутрен-
нюю сторону настоящаго нашего печальнаго торжества, об-
нажаетъ предъ нами достопаечное отношеніе наше къ
этому торжеству и грустное, болѣе и болѣе омрачающееся
состояніе всего христіанскаго міра. Вникнемъ, вдумаемся...

Чтобъ понимать дальнѣйшее раскрытіе, вспомните пятое прошеніе молитвы Господней: *и остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*. Помните, что человѣкъ есть должникъ передъ Богомъ. Должникомъ и неоплатнымъ сталъ даже первозданный невинный человѣкъ, съ первой минуты по сотвореніи своемъ, потому что получилъ отъ Бога вмѣстѣ съ бытіемъ и всякое благо жизни. А воздать за это безцѣнное благо вседовольному Существу человѣкъ не можемъ ничѣмъ, потому именно, что Богъ существо вседовольное, ни въ чемъ не нуждается, и все, что есть у человѣка, чѣмъ бы онъ ни сталъ отплачивать Богу, все это принадлежитъ уже Ему, Творцу нашему. Съ одной стороны какъ неоплатный должникъ, а съ другой какъ свободное и дорогое для Творца созданіе, человѣкъ вступилъ съ своимъ Творцемъ въ завѣтъ или договоръ, при чемъ далъ Творцу на себя долговое рукописаніе въ томъ, что получилъ отъ Бога свое бытіе и всякое благо, за которое и обязуется вѣчно благоугождать Богу. Правда ли это? Гдѣ этотъ договоръ написанъ? Онъ былъ написанъ на скрижаляхъ чистаго человѣческаго сердца, начертанъ во всемъ составѣ первозданной нерастлѣнной человѣческой природы. При этомъ помните, что человѣкъ тогда стоялъ высоко,—что стоя на землѣ, онъ упирался головою въ небо,—что царски повелѣвая землею природою, находился въ родственномъ общеніи съ небожителями и самимъ Богомъ.

Вдругъ человѣкъ оторвался отъ этого почетнаго союза и упалъ, очень низко упалъ. Вдругъ этотъ, по самому существу своему, вѣчно неоплатный должникъ, обязанный вѣчно благоугождать Богу, вдругъ, вмѣсто безусловнаго благоугожденія, наноситъ высочайшему Благодѣтелю своему безпредѣльное оскорбленіе своимъ грѣхомъ, расторгненіемъ

первобытнаго завѣта или договора. Что же отсюда произошло? А то произошло, что человѣкъ вѣчно неоплатный должникъ и прежде, сталъ теперь сугубо неоплатнымъ. По паденіи не вычеркнуты изъ первобытнаго договора его съ Богомъ безпредѣльныя блага, какія получилъ онъ отъ Бога, какъ не вычеркнуто и обязательство безпредѣльной благодарности Богу и вѣчнаго богоугожденія. Но сверхъ того по паденіи приписанъ новый долгъ, что человѣкъ безпредѣльно оскорбилъ Бога. Человѣкъ разорвалъ свой свободный договоръ съ Богомъ, но не освободился отъ долговаго обязательства относительно божественнаго заимодавца. Существенная же разность теперь возникла та, что человѣкъ невинный былъ богоугоднымъ должникомъ Богу, а теперь по паденіи человѣкъ остался должникомъ же, но должникомъ богопротивнымъ, отверженнымъ, проклятымъ. Теперь въ долговое обязательство приписано, что человѣкъ безпредѣльно оскорбилъ Бога,—что теперь безсиленъ благоугождать Богу, безсиленъ постояннымъ благоугожденіемъ платить любви Божіей, почему и повиненъ вѣчно платить, хотя и опять же безсиленъ заплатить теперь уже правдѣ Божіей вѣчною своею смертію, вѣчною мукою, вѣчною казнію.

Это одна сторона человѣческаго злосчастія по паденіи; а вотъ и другая. Сдѣлавъ попытку разорвать долговое рукописаніе, данное Богу, грѣшный человѣкъ далъ на себя другое рукописаніе,—рукописаніе виновнику своей гибели діаволу въ томъ, что онъ вѣчный рабъ діавола, угонимъ и жертва. Это рукописаніе опять же пишется на скрижаляхъ нашего испорченнаго сердца, на внутреннемъ составѣ нашей растлѣнной природы. Это долговое на насъ рукописаніе діаволъ постоянно предъявляетъ, изрыгая клевету на насъ предъ Богомъ нашимъ день и ночь. Это же наше рукописаніе на насъ діаволъ предъявитъ и ангелу храните-

лю каждого изъ насъ, въ день смерти нашей, какъ свое право на насъ, которое мы закрѣпили за нимъ своими грѣхами. Это же рукописаніе на насъ діаволъ представить правдѣ Божіей и въ послѣдній день страшнаго суда, какъ владѣющую записъ на вѣчное обладаніе грѣшными, отверженными, проклятыми душами. Такимъ образомъ разорвавъ свободный союзъ съ Богомъ и небомъ, а чрезъ это увеличивъ предъ Богомъ свои долги безмѣрно, падшій человѣкъ очутился закабаленнымъ должникомъ и у заклятаго врага Божія діавола, низринувшись съ высоты райской даже до ада преисподняго.

Какъ же изникнуть изъ этой бездны золь? Ясно, что для этого нужно было человѣку разорвать долговое рукописаніе, данное имъ на себя человекоубійцѣ—діаволу. Нужно было разорвать рукописаніе согрѣшеній противъ Бога, которыя дѣлали преступника предъ правдою Божіей повиннымъ вѣчной казни, такъ чтобъ осталось за человѣкомъ только вѣковѣчное неразрываемое обязательство благоугожденія Богу, теперь уже за благо не только бытія но и искупленія. Но какъ разорвать свой договоръ съ діаволомъ человѣкъ былъ безсиленъ, безсиленъ же удовлетворить за вину свою и правдѣ Божіей, безсиленъ же благоугодить и любви Божіей восстановленіемъ своего первобытнаго союза съ Богомъ,—то совершить все это принялъ на себя едиnorodный единосущный Отцу Сынъ Божій, Богочеловѣкъ Христосъ Іисусъ.

Въ сей то великій пятокъ, въ шестой день недѣли, въ шестой же и часъ дня, соотвѣтствующій полудню, волею распявшійся за насъ Сынъ Божій пригвоздилъ ко кресту первый грѣхъ Адама и разодралъ рукописаніе согрѣшеній нашихъ, данное нами на себя съ одной стороны правдѣ Божіей, а съ другой—виновнику грѣха діаволу,

ударивъ по сему рукописанію своимъ крестомъ. И вотъ смыслъ церковной пѣсни, такъ часто повторяемой въ святой великій постъ: *Ты, Господи, въ шестой день же и часъ на крестъ привоздившій воздiami, которыми Тебя прибавляи, Адамовъ грѣхъ, Ты раздери рукописаніе и нашихъ согрѣшеній и спаси насъ.* Затѣмъ припомните, кто знаетъ, другую церковную пѣснь: *уже омакается трость изреченія.* Древніе современники Христа на землѣ обыкновенно писали на дщицахъ или папирусѣ (древесныхъ листьяхъ), или же на пергаментѣ (обдѣланной кожѣ), писали тростію, особою заостренною палочкою. Такъ вотъ и Пилать подписать смертный приговоръ Христу тростію, обмакнутою въ чернила. Теперь отъ земнаго писанія возведите очи къ писанію пренебесному и при пособіи изъясняемой нами церковной пѣсни внимайте благоговѣйно. Вотъ Богочеловѣкъ Искупитель откровенно показываетъ свои персты обгагрениемъ червленымъ. Его багряная кровь струится не только по дланямъ и ногамъ Его, но и по кресту. Обгагрившую собственною кровію трость креста Онъ пріемлетъ въ свои окровавленные тою же искупительною кровію руки и, какъ царь неба, земли и ада, человеколюбно подписываетъ намъ не чернилами, а своею кровію, оставительную разрешительную грамоту..... Это не все. При жизни Онъ предвѣщалъ о себѣ: *еще Азъ вознесенъ буду на крестъ, вся привлеку къ себѣ.* Теперь вотъ спасеніе содѣвая роду человеческому, на крестъ пречистыя св и руки простерши, Онъ собираетъ къ себѣ всѣ народы. Онъ привлекаетъ къ Себѣ и возстановляетъ до высоты креста и сердца своего, до высоты своей божественной любви, своею любовію и прощаніемъ объемлетъ и воскрешаетъ все человѣчество.

Таинственно это, непостижимо, непонятно.... Да, это тайна, въ которую ангелы желаютъ проникнуть. Это со-

кровенѣйшая тайна, это основа христіанской вѣры. Но у кого вѣра зыблется относительно этой основной тайны. у того вѣра построена на пескѣ. Пойдетъ дождь, возвѣютъ вѣтры лжеумствованій, и такая вѣра развалится.

Теперь мы возстановлены, собраны къ подножію креста, привлечены любовію распятаго Богочеловѣка къ Его прободеннымъ персямъ. Лечь ли намъ теперь у подножія креста и опочить въ безопасности и праздности? Христосъ простеръ за насъ свои руки на крестѣ, — не сложить ли намъ свои руки, не заботясь о своемъ спасеніи? Грѣхъ первородный пригвожденъ ко кресту. Данное нами на себя двойственное, съ одной стороны Богу нашему, а съ другой губителю діаволу рукописаніе нашихъ грѣховъ крестомъ растерзано. Разрѣшительная намъ отъ Бога грамота царски подписана окровавленною тростию креста, окровавленными собственною кровію перстами Богочеловѣка. Превжніе наши долги небеснымъ Заимодавцемъ прощены; будущіе, какіе мы только сдѣлаемъ, намъ не вѣяются. — они также прощены уже прежде, чѣмъ сдѣланы. Держава смерти и діавола разрушена, плѣнники ада выпущены, и намъ, закабаленнымъ рабамъ діавола, свобода куплена цѣною той же безцѣнной крови Сына Божія. Отвратить ли намъ послѣ сего свои очи отъ грѣха первороднаго? Забыть ли намъ свои грѣхи собственные, грѣхи прежніе? Утопать ли въ новыхъ, равнодушно и безпечно, или даже страстно и упорно? Къ несчастію мы все это больше или меньше и дѣлаемъ, уходимъ отъ креста Господня дальше и дальше, или — по выраженію изъясняемой нами пѣсни церковной, — пакы бѣдствуемъ въ далекомъ разстояніи отъ Господа, но что всего бѣдственнѣе — бѣдствуемъ не думая, не печалась о своей бѣдѣ, не признавая ее, даже пренебрегая ею. А чтобы усмотрѣть мрачную глубину бездны, въ которую мы

погружаемся, остановимся, вникнемъ, подумаемъ, углубимся въ тайну креста. Остановимся мыслию на томъ, что каждый изъ насъ распинаетъ Христа, а многіе распинаютъ даже *второе*, сугубо, вдвойнѣ.

Въ разъясненіе этой тайны послѣдуемъ за святымъ апостоломъ Павломъ, который изрекъ эти грозныя слова, что люди *второе*, вторично распинаютъ Сына Божія.

Вотъ въ потомкахъ Адама до Христа оставался первородный грѣхъ. Онъ былъ ядомъ, который отравлялъ всѣ поступки людей. Это было сѣмя злое, изъ котораго разрослось огромное дерево непрерывныхъ грѣхопаденій человечества. Каждое изъ этихъ грѣхопаденій требовало или возмездія или выкупа, т. е. или казни грѣшника или же очистительной жертвы. Потому-то древніе ветхозавѣтные патріархи и приносили непрерывно кровавыя жертвы во оставленіе грѣховъ. Потому-то и первосвященники ветхозавѣтные *выну вхождаху во святилище* съ жертвенною кровію. И какою кровію? Съ кровію козлею или тельчею, которая сама не могла очищать грѣховъ; если же очищала, то только какъ прообразъ мирочистительной крови Богочеловѣка, по вѣрѣ жертвоприносящихъ во грядущаго Искупителя. *Христосъ же пришедъ*, первосвященникъ вѣчный, ходатай благъ грядущихъ небесныхъ, принесъ дѣйствительную жертву, дѣйствительную плату за чужіе грѣхи, такъ какъ Онъ умеръ, невинный и безгрѣшный, праведникъ за неправедники. При этомъ должно помнить, что Христосъ есть Богочеловѣкъ. Еслибъ Онъ былъ только человѣкъ, хотя и безгрѣшный, но и ограниченный, то и Ему, какъ древнимъ первосвященникамъ, за непрерывныя грѣхи людскіе подобало бы приносить и непрерывныя жертвы, т. е. подобало бы многократно и постоянно страдать отъ сложенія міра, за многократныя и непрерывныя грѣхопаденія

людскія. Но какъ Богочеловѣкъ, какъ Богъ вѣчный и безконечный, Онъ сообщилъ и единожды принесенной жертвѣ свое божественное достоинство вѣчности и безконечности. Иниѣ Онъ единожды явился съ своею жертвою, въ кончину вѣковъ, во отмену грѣха. Единожды вошелъ во святое святыхъ, въ самое небо, вошелъ не съ козлею или тельчею, но съ своею собственною кровію, и обрѣлъ вѣчное искупленіе, какъ вѣчный архіерей.

Держите въ мысли вопросъ, что значить вторично распинать Христа?

Вникните далѣе, что въ кровь Іисуса Христа погружены какъ всѣ грѣхи міра, такъ и каждый изъ грѣховъ содѣянныхъ какъ прежде, такъ и послѣ водруженія креста Христова, и за каждый изъ грѣховъ, какъ прошедшихъ отъ сложенія міра, такъ и будущихъ до кончины міра, дано въ крови Христовой искупленіе, данъ свой за каждый грѣхъ выкупъ. Каждый грѣхъ, содѣянный или содѣваемый человѣкомъ или даже еще имѣющій быть содѣяннымъ, былъ гвоздемъ, пронзавшимъ душу и тѣло распятаго Богочеловѣка. Это еще не все. Каждое единичное въ отношеніи къ ограниченному человѣку дѣйствіе грѣха, какъ оскорбленіе безпредѣльнаго Бога, имѣетъ въ отношеніи къ Божеству значеніе безконечное. И потому крестная жертва, вся всецѣло, требовалась, какъ за всѣ грѣхи міра, такъ и за каждое въ отдѣльности грѣховное дѣяніе. И потому каждый грѣхъ распиналъ Богочеловѣка. Если же къ этому выкупъ за согрѣшенія, потребовавшій всей всецѣло крестной жертвы, вольною волею грѣшника, по упорству ли и небреженію, по безпечности ли и невѣжеству, по немощи ли или ожесточенію во грѣхѣ, не пріемлется грѣшникомъ и не усваивается и не достигаетъ предуказанной правдою и милостію Божіею спасительной цѣли; если

грѣхъ того или другаго изъ насъ пронзалъ на крестѣ и распиналъ Искупителя напрасно; то долгъ грѣшника удвоится или даже увеличивается безмѣрно, какъ оскорбленіе не только правды Божіей, готовой карать, но и любви Божіей, прощающей и милующей,—то грѣхъ удвоенный вторично и вдвойнѣ распинаетъ Богочеловѣка Искупителя.

Отсюда для насъ съ вами возникаетъ въ высшей степени обязательный долгъ усвоить себѣ плоды крестной жертвы. Каждый изъ васъ знаетъ, какъ этого достигнуть, и мы могли бы сказать вамъ объ этомъ многое. Но оставивъ свои умствованія, поучимся у опытнаго наставника, у великаго апостола Павла. Вотъ, — учи́тъ онъ, — по волю Бога Отца, мы освящены единократнымъ жертвоприношеніемъ тѣла Іисуса Христа. Онъ, принеши одну жертву за грѣхи, единымъ приношеніемъ содѣлалъ насъ освящаемыхъ совершенными. Гдѣ прощеніе грѣховъ, тамъ уже не нужно приношеніе съ нашей стороны. Итакъ, братіе, — увѣщаетъ св. апостолъ, — имѣя дерзновеніе входитъ во святилище небесное посредствомъ крови Іисуса Христа, да приступаемъ съ искреннимъ сердцемъ, съ полною вѣрою, кропленіемъ сей крови очистивъ сердца наши отъ порочной совѣсти, и омывъ тѣло чистою водою крещенія. Будемъ держаться исповданія упованія, исповѣданія нашей надежды на Христа, неуклонно: ибо вѣренъ обѣщавшій. Будемъ внимательны другъ къ другу, въ прощеніи къ любви и добрымъ дѣламъ. Если же мы, — присоединяетъ къ этому св. апостолъ, — получивъ познаніе истины, грѣшнымъ произвольно, то не остается болѣе жертвы за грѣхи, но остается только нѣкое страшное ожиданіе и ярость огня, готового поглотить сопротивниковъ. Если отвергшийся отъ закона Моисеева, какъ извѣстно, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, безъ милосердія называлъ-

ся смертію: то колико горше, думаете, мукъ повиненъ будетъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія, и не почитаетъ за святыню кровь завета, которою освященъ, и Духа благодати оскорбляетъ? Тѣхъ, которые однажды просвѣщены (крещеніемъ) и вкусили дара небеснаго (въ миропомазаніи и евхаристіи) и содѣлались причастниками Духа Святаго, и вкусили благаго илюла Божія (евангельскаго благовѣстія), и силъ будущаго вѣка (благодатныхъ дарованій, необходимыхъ для спасенія), и отпали, тѣхъ невозможно опять обновлять покаяніемъ, когда они снова вторично распинаютъ Сына Божія и ругаются Ему. Страшно впасть въ руки Бога живаго.

Вотъ оно—что значить вторично распинать Сына Божія. Спросимъ же теперь себя, не распинаемъ ли и мы? Есть ли у насъ съ вами, братія, искреннее, преданное Христу сердце и полная вѣра? Мы окроплены жертвенною кровію Іисуса Христа уже многократно въ таинствѣ евхаристіи, къ которой многократно приступали послѣ очистительнаго говѣнія и исповѣди,—но чисты-ли наши сердца отъ порочной совѣсти? Мы омыты водною банею крещенія,—но омыты-ль наши тѣло и душа отъ грѣховной скверны? Держимся ли мы неуклонно исповѣданія нашей христіанской надежды? Поощряемъ ли мы себя и другъ друга къ любви, чистой христіанской, и къ добрымъ дѣламъ? Не поощряемъ ли другъ друга, наоборотъ, къ порокамъ и паденіямъ? Мы получили познаніе истины, мы хорошо знаемъ что именно честно, что праведно, что добροхвально; но не грѣшимъ ли произвольно, не грѣшимъ ли безпрерывно, не грѣшимъ ли безстрашно, не пьемъ ли беззаконіе какъ воду, не пьемъ ли спокойно или даже страстно, какъ нѣчто для насъ естественное, неизбѣжное и необходимое? Безспорно, что мы все болѣе или менѣе оскорбляемъ Сына Божія.

Но сверхъ этого не заводятся ли среди насъ отважные люди, которые Сына Божія полираютъ и отметають? Которые не почитаютъ за святыню кровь завѣта? И Духа благодати оскорбляютъ? Которые просвѣщены крещеніемъ, какъ и мы, и вкушали дара небеснаго въ таинствѣ причастія, какъ и мы, и содѣлались причастниками Духа Святаго въ миропомазаніи, какъ и мы, и вкусили благаго евангельскаго глагола и благодатныхъ силъ, даруемыхъ для достиженія вѣчно блаженной небесной жизни,—и которые отпадаютъ отъ Христа и отметають силу креста Христова, которые не только вторично распинаютъ въ себѣ Сына Божія, но и распиная Его на позоръ міру ругаются Ему: «уа! разорай церковь и тремя днями созидай! Аще Сынъ еси Божій, спасися самъ и снуди со креста! Пусть сойдетъ со креста или вотъ пусть воскреснетъ предъ нашими очами,—и тогда вѣруемъ въ Него». А когда другіе ученики апостолы, самовидцы Христовы говорятъ: *видѣхомъ Господи воскресшаго*,—наши современники отвѣчаютъ: *аще не вижу на руку его язвы гвоздинныя, и слою перста моего въ язву гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра его, не иму спры*; только отвѣчаютъ уже съ невѣріемъ не Оминнымъ, стремящимся къ увѣренію, а сатанинымъ, отрицающимъ самую возможность и разумность вѣры. «Возми, возми, распни Его»,—этотъ дикій вопль слышится и въ наши дни, —«кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ». И кровь эта уже начинаетъ струиться, примѣрно во Франціи. И страшно, чтобъ не потекла потоками. Очевидно, по крайней мѣрѣ, уже то, что родъ христіанскій удаляется отъ креста Христова на большее и большее разстояніе, и удаляясь начинаетъ бѣдствовать.

Что же дальше? Придти ли намъ въ отчаяніе, подобно пророку Иліи, который на горѣ Хоривѣ вопіялъ къ Бо-

гу: Господи Боже Вседержителю! Оставиша заветъ твой сыны Израилевы, и олтари твои раскопаша, и пророки твоя избивша, и остахъ азъ единъ, и ищутъ души моей изъяти ю? Извѣстно, что ему, въ его бѣдственное время крайняго нравственного упадка въ избранномъ народѣ, изречено было Богомъ, что онъ, Илія, оставить по себѣ еще семь тысячъ мужей, которые не преклоняли своихъ колѣнъ предъ Вааломъ и своими устами не молились ему. Или лучше послушаться намъ словъ Господнихъ, изреченныхъ чрезъ другаго пророка Исаію: *Я открылся не вопрошавшимъ о Мнѣ; Меня нашли не искавшіе Меня: «вотъ Я, вотъ Я»!* говорилъ Я народу не именовавшемуся именемъ моимъ. Всякій день простиралъ Я руки мои къ народу непокорному, ходившему путемъ не добрымъ, по своимъ помысленіямъ, къ народу, который постоянно оскорбляетъ Меня въ лицо. Такъ говоритъ Господь: когда въ виноградной кисти находится сокъ, тогда юсорятъ: не повреди ея, ибо въ ней благословеніе. Тоже скажу Я и ради рабовъ моихъ, чтобы не всѣхъ погубить. И изведу отъ Іакова сѣмя, и отъ Іуды наследника юрзъ моихъ, и наследуютъ это избранные мои, и рабы мои будутъ жить тамъ. Это избранное спасающее Сѣмя былъ есть и будетъ распятый Господь нашъ. Потопимъ же въ Его очистительной крови всякій грѣхъ нашъ, самое маловѣріе наше, самое невѣріе. Вѣрою избранныхъ, молитвами святыхъ, общею молитвою церкви, потопимъ въ сей же крови разливающееся міровое невѣріе. Пока не закрылась надъ нами гробовая доска, пока смерть не смежила наши очи, надежда на спасеніе у насъ еще не отъята, и отчаяніе грѣхъ противъ Святаго Духа. Христосъ приходилъ не праведниковъ спасать, а грѣшниковъ, и умеръ за нечестивыхъ.

Падемъ же у сего гроба въ сокрушеніи сердца, обло-

бызаемъ сіи язвы божественнаго Мертвеца съ признатель-
ною вѣрою и съ умиленною надеждою на всеискупитель-
ную жертву Его, искупившую и маловѣріе наше и даже
невѣріе, мятущееся болью души, и всякое нечестіе каю-
щееся, и съ головою повергнутою здѣсь въ прахъ прочи-
таемъ церковную многосодержательную молитву: *Христе
Боже нашъ, вольное распятіе, во общее воскресеніе рода
человческаго, воспріимый, и тростію креста, обагреніемъ
червленымъ своя персты окровавивый, царски подписати
намъ разрѣшительную грамоту челоѡколюбствовавши! Не
презри насъ блѣдствующихъ и паки въ удаленіи отъ Тебе,
по щедрѣ, едине долготерпѣливе, во обстояніи люди твоя,
и востани, побори борющихся и одолюющихъ насъ, яко
всесиленъ. Аминь.*

1879 г.

ПОУЧЕНІЕ

на день тысячелѣтія памяти иже во святыхъ отца
нашего Меодія, первоучителя словенскаго, 6 апрѣля
1885 года.

*Искони бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога и
Богъ бѣ Слово... И Слово плоть бысть, и
вселися во ны.*

По божественному откровенію, разъясняемому толкова-
ніями святыхъ отцевъ, на всемъ пространствѣ какъ вет-
хаго, такъ и новаго завѣта, проявленій Слова Божія было
много, цѣлый рядъ, да и до сихъ поръ они не прекраща-
ются, по обѣтованію Господню: *се Азъ съ вами есмь во вся
дни до скончанія вѣка*. Въ особомъ смыслѣ можно назвать
ихъ и воплощеніями, именно въ смыслѣ проявленій Боже-
ства въ ограниченныхъ формахъ, доступныхъ и ощущенію
и представленію разумныхъ существъ, облеченныхъ плотию.
Всѣ эти проявленія Слова Божія связаны съ глав-
нымъ боговоплощеніемъ въ вочеловѣченіи, въ упостасномъ
соединеніи божескаго и человѣческаго естествъ въ Богоче-
ловѣѣ Іисусѣ Христѣ. Однѣ связаны, какъ приготовленія,
предвѣстія и прообразы кореннаго боговоплощенія, а другія,
какъ его послѣдствія, тѣ и другія съ нимъ неразрывныя и
близко-родственныя, до единства въ самомъ корнѣ.

Значеніе кореннаго боговоплощенія, въ вочеловѣченіи
Бога Слова, св. апостолъ Павелъ объясняетъ такъ, что
Богъ Слово, будучи равнымъ Богу Его образомъ, умалило
себя самого, принявъ видъ раба, и образомъ обрѣтесе, яко-

же человекъ, человекъ не призрачный, а дѣйствительный. Значеніе же другихъ проявленій или воплощеній Бога Слова, въ обширѣйшемъ смыслѣ, можно обозначить такъ, что Богъ Слово является вообще въ ограниченныхъ образахъ, въ опредѣленныхъ формахъ и способахъ, какъ и орудіяхъ своего творческаго и промыслительнаго, искупительнаго и просвѣтительнаго дѣйствованія. А проявляясь въ ограниченныхъ чертахъ, способахъ и орудіяхъ, Богъ Слово умаляетъ свою божественную безграничность и проходитъ промыслительно-искупительное состояніе униженія.

Такъ Богъ Слово стало умалить себя до посредничества, съ одной стороны между безпредѣльнымъ Божествомъ, а съ другой между ограничевною, а затѣмъ и повинною тварію, еще съ предвѣчнаго совѣта, еще прежде сложенія міра. Для самаго сложенія міра, какъ и для осуществленія каждой твари, потребовалось нѣкоторое самоограниченіе Божества, такъ какъ Богъ произвелъ все изъ ничего только въ томъ смыслѣ, что не имѣлъ никакого посторонняго отъ себя матеріала; въ существѣ же дѣла произвелъ все отъ себя, изъ своей творческой воли и мысли, или идеи. Между тѣмъ мостъ между безграничностью Божества и ограниченностью такъ непреходимъ, что неизмѣнному въ существѣ Божеству потребовалось снизойти непостижимымъ образомъ до самоумаленія, до соприкосновенія съ ограничевною тварію, какъ и до нѣкотораго самозавлеченія себя въ ней, такъ какъ вездѣсущій Богъ пребываетъ весь во всемъ. И это посредническое служеніе самоумаленія принялъ на себя именно Богъ Слово. Въ Бога Слово, какъ именно въ разумъ и слово Божіе, Богъ Отецъ вложилъ всю безпредѣльную необъятность своихъ творческихъ идей или образовъ, которые Богъ Слово и осуществило своимъ зидательнымъ міро-образовательнымъ глаголомъ: да будетъ.

да будетъ это, да будетъ то и другое и третье, и такъ безъ конца. При чемъ Творецъ положилъ разность тварей не столько въ существѣ ихъ,—такъ какъ въ существѣ своемъ всѣ твари суть едино, осуществленіе единой творческой воли, безъ всякаго сторонняго и разносторонняго матеріала,—сколько въ выраженной въ нихъ творческой идеѣ, въ данномъ имъ образѣ, или въ формѣ бытія. Такимъ образомъ творческое Божіе Слово, въ особомъ смыслѣ, воплотилось въ самомъ твореніи, отобразивъ себя въ каждой твари, какъ безконечно великое солнце въ малой каплѣ воды. Преимущественнымъ же образомъ творческое Слово отобразило себя на землѣ въ человѣкѣ, создавъ его по образу и по подобію своему, и вдунувъ въ него дыханіе жизни, само вселившись въ него особенно явственнымъ образомъ.

Оно же, Богъ Слово, и по сотвореніи человѣка, принявъ на себя посредничество промысленія объ искупленіи и спасеніи человѣка падшаго,—Оно же, по толкованію св. отцевъ, преимущественно предъ прочими лицами св. Троицы, обнаруживало и опредѣляло, а можно сказать, нѣкоторымъ образомъ и воплощало себя, на всемъ протяженіи ветхаго завѣта, въ ограниченныхъ, особо оощительныхъ проявленіяхъ своего хожденія между людьми и пребыванія въ нихъ, пребыванія особенно въ избранникахъ Божіихъ, какъ-то въ патріархахъ и пророкахъ, въ царяхъ и первосвященникахъ, какъ и во всѣхъ праведникахъ, которые и были прообразами имѣющаго вочеловѣчиться Бога Слова; нѣкоторымъ образомъ ограничивало и воплощало себя въ богоявленіяхъ и видѣніяхъ, какъ то въ въ видѣніи нестерпимой купины, или огненно-облачнаго надъ израильтянами столпа, въ видѣніи то Ангела завѣта, то Сына человѣческаго, Сына Божія; обозначало и воплощало себя въ много-

кратныхъ непосредственныхъ бесѣдахъ съ людьми, то чрезъ внутреннее внушеніе человѣческому сознанію, какъ напр. во внутреннемъ озареніи пророковъ, то даже чрезъ виѣшніе члено-раздѣльные звуки, напр. въ изреченіи десятословія съ Синая, то наконецъ въ письменномъ начертаніи своихъ божественныхъ словесъ, или посредственнымъ, напр. чрезъ Моисея, Давида и другихъ богодухновенныхъ мужей, или даже непосредственнымъ, какъ напр. въ начертаніи своимъ божественнымъ перстомъ десятословія на каменныхъ скрижаляхъ. Все это были въ ветхомъ завѣтѣ ограниченныя воплощенія Бога Слова, проявленія Его въ болѣе или менѣе чувственныхъ чертахъ, символы и прообразы ново-завѣтнаго воплощенія Его въ Богочеловѣкѣ Іисусѣ Христѣ, въ которомъ опочила вся полнота Божества тѣлеснѣ.

Празднуя нынѣ день тысячелѣтія памяти иже во святыхъ отца нашего Меѳодія, архіепископа моравскаго, мы празднуемъ величайшее для славянскаго рода событіе. Святаго равноапостольнаго Меѳодія, какъ и равноапостольнаго брата его Кирилла, Промыслъ Божій употребилъ орудіемъ того, что Богъ Слово, еже исходи отъ у Бога, Слово, вочеловѣчившееся для всего человѣческаго рода въ лицѣ Богочеловѣка Христа Іисуса, воплотилось и для словенскаго рода особеннымъ частнѣйшимъ образомъ. Да, это было истинное, хотя и особаго рода воплощеніе Бога Слова для насъ, для Славянъ, для насъ русскихъ.

Славянскій родъ, разбитый на многія независимыя племена, распространенъ былъ отъ Мореи на югъ до Новагорода и Ладоги на сѣверѣ, отъ Москвы рѣки и устья Дону на востокъ и до истоковъ Дуная и устья рѣки Лабы на западѣ. Изъ нихъ, не говоря о Славянахъ балканскихъ, подчинившихся вліянію православной Византіи, только юго-западные Славяне въ Панноніи, Моравіи и Богеміи

принимали христіанство отъ латинянъ; остальные же всѣ сидѣли пока въ странахъ сѣни смертной. Да и тѣ, которые приняли западное латинское христіанство, въ понятіяхъ своихъ о вѣрѣ и жизни христіанской, не многимъ чѣмъ стояли выше единоплеменныхъ язычниковъ, не понимая ни слова Божія, ни богослуженія христіанскаго, такъ какъ то и другое слышали не иначе, какъ на языкѣ латинскомъ, для нихъ вовсе непонятномъ. И когда Ростиславъ, князь моравскій, съ племянникомъ своимъ Святополкомъ и Коцеломъ, княземъ паннонскимъ, въ 862 году (въ годъ основанія русскаго государства), послѣ взаимныхъ совѣщаній между собою и съ своимъ народомъ, отправили къ греческому царю Михаилу общее посланіе слѣдующаго содержанія: «Народъ нашъ отвергся язычества и принялъ законъ христіанскій; но мы не имѣемъ такого учителя, который бы, на родномъ нашемъ языкѣ, открылъ намъ истинную вѣру христіанскую, чтобы и другія страны послѣдовали нашему примѣру»,—почему и просилъ прислать къ нимъ такого епископа и учителя; и когда царь Михаилъ, послѣ совѣщаній по сему случаю на соборѣ, призвалъ на соборъ Кирилла философа и предложилъ ему съ братомъ Меѳодіемъ идти проповѣдывать слово Христово, равноапостольный Кириллъ изъявилъ готовность идти туда съ радостію, но если,—прибавилъ,—Славяне имѣютъ свою азбуку. А когда царь объявилъ, что такой азбуки нѣтъ, что ее искали дѣдъ его, отецъ и другіе (для Славянъ, жившихъ въ Греціи) и не нашли, св. Кириллъ сказалъ: «а развѣ можетъ кто писать бесѣду на водѣ»,—разумѣя, что учить безъ помощи письменнаго языка значило бы писать на водѣ. Но когда и на это царь возразилъ: «если ты захочешь имѣть буквы, то тебѣ не откажетъ въ этомъ Богъ, который подаетъ все просящимъ у Него несумнѣнно и отверзаетъ толкующимъ

неотступно», — выслушавъ это разумное царское слово, св. Кириллъ сталъ у себя на молитву, и по молитвѣ составилъ церковно-славянскую азбуку, при помощи которой и началъ переводить на славянскій языкъ евангеліе отъ Іоанна: *Исхоуи бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово*. А затѣмъ при помощи равноапостольнаго брата своего Меѳодія переложилъ на славянскій языкъ и прочія священные, какъ и церковно-богослужебныя книги православной греко-восточной церкви. Значеніе этого великаго и благотворнаго открытія счастливо изобразилъ царь Михаилъ въ посланіи, съ которымъ отправилъ равноапостольныхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія къ моравскому князю Ростиславу, снабдивъ ихъ и разными дарами: «Богъ», — гласило царское посланіе, — «который повелѣваетъ всякому въ разумъ истинны прійти, видя твою вѣру, открылъ въ наши лѣта буквы для вашего языка, дабы и вы причислились къ великимъ народамъ, прославляющимъ Бога на своемъ языкѣ. Того самаго святаго, благовѣрнаго, весьма книжнаго мужа и философа, которому Господь открылъ ихъ, мы и посылаемъ къ тебѣ. Пріими даръ, большій, честнѣйшій всякаго золота и серебра и каменія драгоценнаго и богатства преходящаго. Поспѣши, вмѣстѣ съ нимъ, утвердить основаніе вашей рѣчи и позаботься, чтобы каждый изъ васъ всѣмъ сердцемъ взыскалъ Бога».

Не велика вещь церковно-славянская азбука. Но она оказалась подобною тому зерну горчичному, которому Господь уподобилъ царствіе небесное, которое малѣйшее всѣхъ зеренъ есть, но всѣянное въ землю и произрасши становится великимъ древомъ, на вѣтвяхъ котораго витають многія птицы небесныя. Этого мало. Церковно-славянская азбука послужила орудіемъ передачи на славянскій языкъ писаннаго слова Божія, истолкованнаго вселенскими святы-

ми отцами и учителями церковными, постигаемого по духу древней, святой, апостольской, католической, православной церкви, вѣющему въ богослужебныхъ книгахъ, канонахъ и уставахъ этой церкви. А изложенное на родномъ намъ языкѣ, писанное и отце-преданное слово Божіе послужило, какъ и служить, для нашего славянскаго рода орудіемъ Промысла для вселенія Христа въ сердца наши и умы, для воплощенія Христа Сына и Слова Божія въ насъ самихъ. *И Слово плоть бысть и вселися въ ны, исполнь благодати и истинны, и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца. И въ Немъ, Слово Божіе, была наша жизнь, и сія жизнь была свѣтомъ нашимъ, какъ и обратно, свѣтъ Слова Божія сталъ нашею жизнію. И сей божественный свѣтъ засвѣтился, какъ и продолжаетъ свѣтитъ во тьмѣ и тьма не обзяла его; не обзяла тогда, во дни святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, нашихъ словенскихъ апостоловъ, не обзяла и до днесь.*

О благотворности учиненнаго и впервые приложеннаго къ дѣлу святыми равноапостольными братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ изобрѣтенія церковно-славянской грамоты сказано и будетъ сегодня во всѣхъ концахъ Россіи сказано очень многое. Мы скажемъ одно.

Полу-вѣрующіе въ наше православіе, не понимая его силы, жалуются, будто оно полно вѣшнихъ формъ и обрядовыхъ предписаній, а лишено будто бы духа. И кажется имъ, будто они то именно и глядятъ въ глубь вещей, тогда какъ они скользятъ взоромъ только по поверхности вещей. Выше было намѣчено нами философское положеніе, что такъ называемая форма гораздо важнѣе для бытія вещей, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, что форма даетъ бытіе вещи. Выше мы сказали, что творческое Слово, создавъ всѣ твари изъ единой основы, изъ ничего, какъ основы отри-

цательной, и изъ единой творческой воли и мысли или идеи, какъ основы положительной, внесло разности въ бытіе вещей по разности выраженной въ нихъ особой идеи. Можно сказать, что форма даетъ въ обширномъ смыслѣ и бытіе вещи, но въ тѣснѣйшемъ и точнѣйшемъ смыслѣ, форма даетъ собственно разность бытію вещей. Объясненіе и доказательство этому теперь предъ нами на лицо въ церковно-славянской грамотѣ.

Извѣстно, что еще при жизни своей святые равноапостольные Меѳодій и Кириллъ должны были выдерживать борьбу съ такъ называемою тріязычною ересью. Шла она изъ Рима, гдѣ утверждали, будто слово Божіе читать и службу Божію совершать можно только на трехъ древнихъ и священныхъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и римскомъ; тогда какъ святые Меѳодій и Кириллъ исходили во всей своей дѣятельности изъ положенія, что во всякомъ языкѣ бояйся Бога и дѣлающій правду пріятенъ Ему есть, и на всякомъ языкѣ хвала Богу благопріятна Ему, почему и переложили слово Божіе на изобрѣтенную ими славянскую грамоту. Теперь не касаясь другихъ народовъ, сообразите, что Славяне были одинъ родъ. Единокровные между собою западные и восточные Славяне пріяли единое христіанство и единое слово Божіе въ единой святой библии. Между тѣмъ вышло, что тѣ Славяне, которые волею неволею подчинились вліянію тріязычной ереси и читали слово Божіе сперва только на латинскомъ языкѣ, начертанное латинскими литтерами, тѣ отделились въ особую отъ восточно-православнаго славянства историческую форму и выработали въ себѣ особый историческій духъ. Изъ таковыхъ одни Славяне дошли даже до забвенія своего роднаго языка и своего несомнѣнно славянскаго происхожденія, которое только ихъ ученые признаютъ по безспорнымъ историческимъ памят-

никамъ, тогда какъ всѣ прочіе соплеменники ихъ совсѣмъ чуждаются своего славянскаго корня. Впрочемъ для насъ это еще менѣе несчастное явленіе. Бѣдственнѣе для насъ то, что другіе Славяне, читая слово Божіе по латыни, а не на родномъ языкѣ, котораго однакоже не забыли, не на особой славянской грамотѣ, которой не приняли,—эти стали злѣйшими врагами славянства восточно-православнаго, по крайней мѣрѣ, въ пунктахъ сосѣдскаго соприкосновенія. И сколько потсковъ славянской крови пролито отъ этой братоубійственной вражды?! А гдѣ ея корень, гдѣ начало? Въ томъ, что наши по крови братья, наши братоненавистники по народному, не родному намъ духу, остались при словѣ Божіемъ, начертанномъ латинскими литтерами, тогда какъ приснопамятные равноапостольные Меѳодій и Кириллъ переложили слово Божіе изобрѣтенною ими же самими славянскою азбукою. Посмотрите и подивитесь, отъ какой повидимому малой причины и какія громадныя послѣдствія произошли, происходят и конечно еще будутъ происходить въ другое тысячелѣтіе славянской исторіи! Сія особая малая форма дала, даетъ и будетъ давать особое бытіе великой вещи,—особое по всему духу и складу построеніе многовѣковой, прошедшей и настоящей и будущей исторіи многомилліоннаго народа.

Не даромъ греческій царь Михаилъ въ грамотѣ къ князю моравскому Ростиславу назвалъ славянскую грамоту откровеніемъ Божіимъ, Божіимъ даромъ, честнѣйшимъ всякаго злата и серебра и каменія многоцѣннаго, утвержденіемъ родной намъ славянской рѣчи, истиннымъ путемъ, ведущимъ въ Божій разумъ, въ разумъ истины Божіей. Да, это малое по виду, но неоцѣнимо великое по плодамъ откровеніе Божіе, испрошенное у Бога молитвою и заслуженное подвигами праведности,—церковно-славянская грамота,—

оно ввело насъ въ разумъ истины Божіей, оно утвердило нашу родную рѣчь; оно выработало историческій типъ православнаго славянина и православнаго русскаго, братьевъ не только по плоти, но и по духу; оно даровало православному славянству историческую личность, какъ великому самобытному народу, тогда какъ латинское начертаніе библии съ однихъ Славянъ по крови уже стерло историческую личную особность, а съ другихъ стираетъ, дѣлая сихъ послѣднихъ межеумками между не-славянскими народностями и болѣе или менѣе чуждыми, а нерѣдко и глубоко враждебными коренному православному славянству. Слишкомъ ощутительно и то грустное явленіе, что даже русскіе люди, которые растутъ и живутъ въ болѣе или менѣе полномъ отчужденіи отъ церковно-славянской грамоты, и тѣ мало по малу перерождаются въ полу-русскихъ, отходя мало по малу отъ доселѣшняго историческаго типа настоящаго кореннаго, православно-русскаго человѣка.

Пусть не толкуютъ, что и русскіе люди, какъ и Славяне православные, мало понимаютъ церковно-славянской языкъ. Не можно, да и не нужно всѣмъ все понимать въ вѣрѣ. Никогда, на всемъ пространствѣ исторіи христіанства, никогда этого не было, чтобы всѣ и каждый все въ христіанствѣ понимали. Все въ вѣрѣ постигаетъ обще-церковный духъ, руководимый Духомъ Божіимъ. Церковно-славянская грамота—это колыбельная пѣсня, пѣсня молитвенная и утѣшительно поучительная, которою святая мать православнаго народа, какъ исторической личности, святая православная Христова церковь упокоивала и наставительно возбуждала народное сознаніе. Пусть и дремало оно, наше народное сознаніе, но сладко и мирно ему опочивалось подъ этими святыми, мирными, кротко-наставительными звуками священнаго материнскаго говора. Потому то народное чувство такъ вѣрно и стоитъ за церковно-славянскую грамо-

ту. А станетъ ли ему мирнѣе и слаще житься, когда отчуждать его совсѣмъ отъ церковно-славянской грамоты, это вопросъ... То даже не вопросъ, если бы когда либо случилось такое печальное событіе... То—гибель.

Надѣмся, что нынѣшнее рѣдкое и глубоко знаменательное торжество вразумить и озарить своимъ кроткимъ утѣшительнымъ свѣтомъ всѣхъ русскихъ, какъ и всѣхъ Славянъ, православныхъ и даже неправославныхъ, внушая всѣмъ намѣ, что намъ въ воспитаніи и укрѣпленіи нашего народнаго сознанія нужно крѣпко держаться церковно-славянской грамоты; что церковно-славянская грамота есть первоначало пробужденія историческаго славянскаго самосознанія, есть основаніе и утвержденіе нашей родной рѣчи, есть путь приводящій въ разумъ истины Божіей, есть Божіе откровеніе. Чрезъ славянскую грамоту воплотилось для насъ Слово Божіе, просвѣщающее всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. И Слово Божіе вселилось въ насъ, и мы узрѣли славу едиnorodнаго Сына Божія, и въ томъ нашли для себя свѣтъ и жизнь. И свѣтъ тогда засвѣтился для насъ во тьмѣ сѣдящихъ, и тьма его не объяла тогда и до днесь. Помогимся усердно, чтобы и не объяла никогда во вѣки. Аминь.

МЕЧНИКОВА

ПОУЧЕНИЕ

предъ панихидой о почившихъ въ Бозѣ Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II и Благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ II и предъ благодарственнымъ молебствіемъ въ день столѣтія городского положенія въ одесской городской думѣ.

Братіе, якоже чада свѣта ходите, во всякой благодѣтели и правды и истинѣ, искушающе, что есть благоугодно Богу (Ефес. 5, 9—10).

Празднуя нынѣ день столѣтія городского положенія, какъ и изданія дворянской грамоты, мы естественно обращаемся молитвеннымъ воспоминаемъ къ славнымъ въ русской исторіи и дорогимъ для русскаго сердца именамъ двухъ всероссійскихъ самодержцевъ, благочестивѣйшія великія государыни императрицы Екатерины II и Правнука Ея благочестивѣйшаго великаго государя императора Александра II. А поминая ихъ нашею заупокойною молитвой предъ Богомъ, естественно обращаемся нашимъ признательнымъ вниманіемъ къ тѣмъ благотворнымъ побужденіямъ, которыя подвигли самодержавную волю Прабабки издать наше городское положеніе, августѣйшаго же Правнука пополнить и довершить это положеніе до мѣры, въ какой оно

дѣйствуетъ нынѣ. А это благопотребно намъ для того, чтобы выяснитъ себѣ тѣ нравственныя задачи, какія возникаютъ изъ руководящей мысли августѣйшихъ виновниковъ городского положенія для всѣхъ, кто обязанъ опредѣлять свою дѣятельность на его основаніи.

Кажется, не погрѣшимъ противъ отечественной исторіи, если намѣтимъ главныя черты городского устройства всего славянства, вошедшаго въ составъ русскаго государства, съ того исконнаго времени, что это славянство стало сознать себя особымъ родомъ, слагающимся въ особый историческій народъ, — если намѣтимъ эти черты такъ, что городское устройство въ нашемъ народѣ искони было вѣчевое или круговое безъ князя; потомъ вѣчевое съ княземъ, далѣе княжеское безъ вѣча; затѣмъ устройство, оглавленное велико-княжескимъ, царскимъ, императорскимъ приставникомъ, чиновникомъ — правителемъ безъ сословной думы; со времени-же приснопамятныя императрицы Екатерины II дѣствовало городское положеніе съ сословно обывательскою купеческо-мѣщанскою думою, оглавленное сословными головами; наконецъ, со времени приснопамятнаго Царя-Освободителя дѣйствуетъ городское положеніе съ головами и думами всесословными.

Развитіе городского положенія, на всемъ пространствѣ самосознательно-историческаго бытія нашего народа, подчинялось кореннымъ двигателямъ развитія всего историческаго нашего быта. Отъ вѣчеваго градо-устройства русское славянство отреклось само, что и заявило безповоротно всенароднымъ приговоромъ о призваніи князей, основателей русскаго государства; такъ какъ вѣчевое устройство, на пространствѣ многихъ вѣковъ, не дало славянской землѣ, при ея обширности и обиліи, никакого порядка. Волею-неволею подчиняясь неодолимому приговору исторіи, остатки вѣче-

ваго устройства городовъ послѣдними рухнули во Псковѣ и великомъ Новѣ-городѣ; а перерождающіеся отпрыски его не пышно прозябаютъ пока только въ быту нашихъ казачьихъ станицъ, утѣшающихъ себя потерявшими дѣйствительный смыслъ казачьими кругами. Нагнетаемое дальнѣйшимъ ходомъ развитія нашей исторіи удѣльно-княжеское управление градовъ россійскихъ естественно стягивалось подъ вѣрную руку единодержавія велико-княжескаго, а затѣмъ и самодержавія царскаго и императорскаго. Въ эту эпоху уже не узко-простонародныя нужды бытоваго самоуправления, но широкія и сложныя задачи государственнаго управления городовъ и общинъ естественно требовали въ градоправителяхъ и соотвѣтственнаго умственнаго развитія, которое-бы стояло на уровнѣ, способномъ удовлетворять этимъ великимъ задачамъ, — которое-бы стояло гораздо выше умственнаго развитія не только большинства, но и всего состава мѣстно-коренныхъ аборигенныхъ членовъ прежнихъ нашихъ городскихъ общинъ. Почему сколько общій ходъ развитія нашего государственнаго строя, столько-же и дѣйствительная, а не воображаемая малоспособность нашихъ старинныхъ общинъ къ какому-либо самоуправленію, по недостатку умственнаго развитія и избытку простодушнаго невѣжества, требовали управления городовъ чрезъ болѣе образованныхъ правительственныхъ приставщиковъ. Но вотъ приснопамятная самодержица Екатерина II, стоятіе тому назадъ, даровала перво основныя зачаточныя, а правнукъ ея великій самодержецъ-преобразователь Александръ II даровалъ городскимъ обществамъ уже обширныя права внутренне-общиннаго самоуправления.

Конечно, сіи приснопамятныя самодержицы, августѣйшіе Прабабка и Правнукъ соизволили даровать эти права не потому, чтобы любили свой вѣрно-подданный народъ вѣр-

че всѣхъ самодержцевъ Россіи, царей и императоровъ; и не потому, чтобы и вѣрили въ него болѣе другихъ нашихъ вѣиценосцевъ, — вѣрно-преданный своимъ роднымъ царямъ русскій народъ никогда не подавалъ ни тѣни повода къ сомнѣнію въ своей беззавѣтной вѣрности царскому престолу, даже до нещадѣнія крови и жизни за вѣру, царя и отечество; но потому, что въ широкихъ своихъ планахъ государственнаго переустройства, по требованіямъ поступательнаго движенія отечественной исторіи, царственные Прабабка и Правнукъ признали не только нужнымъ, но и возможнымъ и благовременнымъ, для облегченія необъятныхъ царственныхъ заботъ, соразмѣрно степени развитія какъ всего народа, такъ и городскихъ общинъ, для усиѣнѣйшаго ихъ благоустройства, даровать имъ сперва только нѣкоторыя, а затѣмъ и широкія права общиннаго самоуправления. Однимъ словомъ, великій зиддательный умъ Екатерины II и Александра II, въ своей широкой царственной мудрости, призналъ, что общественный разумъ къ послѣднему времени настолько возмужалъ въ развитіи и образованіи, настолько окрѣпъ въ непреложныхъ завѣтахъ отечественной исторіи, что уже способенъ, подъ руководствомъ верховнаго разума, свѣтящаго съ высоты самодержавнаго престола, благоустроить общественное благо, въ законо-поставленныхъ предѣлахъ общественнаго самоуправления. Короче и яснѣе, царственный разумъ царственныхъ Прабабки и Правнука признали васъ, для законо-правнаго самоуправления, уже достаточно просвѣщенными и умудренными.

Отсюда возникаютъ сколько права ваши, дарованныя городовымъ положеніемъ, столько же и проистекающія изъ него ваши обязанности. Права ваши вы знаете лучше насъ. Мы коснемся только обязанностей, да и тѣхъ только чис-

то нравственныхъ, которыя всегда лежатъ въ основѣ обязанностей общественныхъ, истекая вмѣстѣ и рядомъ съ ними изъ одного источника, божественнаго источника.

Урокъ вамъ о вашихъ нравственныхъ обязанностяхъ, замыкающій и всѣ обязанности общественныя, предложимъ вамъ не мы, а предасть вамъ св. апостолъ Павелъ въ чтеніи изъ его посланія, которое вы сейчасъ услышите за благодарственнымъ молебствіемъ. Этотъ урокъ заключается въ предпоставленныхъ нами апостольскихъ словахъ: *Яко чада свѣта ходите, во всякой благодѣтели и правды и истинѣ, искушающе, что есть благоугодно Богу*, и въ послѣдующихъ за симъ немногихъ словахъ, заключающихся въ 10—20 строкахъ апостольскаго чтенія. Между тѣмъ, семи строками ясно очертываются и замыкаются какъ прямыя положительныя, такъ и отрицательныя обязанности всѣхъ членовъ всякаго городского общества, какъ главнствующихъ, такъ и управляемыхъ, какъ выборныхъ, такъ и избирающихъ.

Первый основной урокъ, освѣщающій и коренное право и главную обязанность вашу, — это: *яко-же чада свѣта ходите*. Вы, мужи просвѣщенные, ходите какъ чада свѣта во свѣтѣ, какъ представители общественнаго разума, какъ насадители, какъ двигатели и руководители общественнаго образованія, какъ распространители свѣта науки, какъ покровители всякаго благополезнаго научнаго труда, покровители всѣхъ благоплодно развивающихся искусствъ и благосостояніе изящныхъ искусствъ, какъ насадители и покровители полезныхъ ремеселъ и художествъ, какъ и всякаго, высшаго и низшаго, но благопотребнаго на общую пользу знанія.

Ходите во всякой благодѣтели: будучи сами благи, кротки, благоснисходительны, милосерды, подвизайтесь на

всякихъ поприщахъ общественной благотворительности. Тебѣ, главенствующему въ обществѣ члену, *оставленъ есть нищій, сиру ты буди помощникъ*. Заботамъ общественныхъ правителей предоставлены Промысломъ всѣ сироты общества, ихъ питаніе, призрѣніе, воспитаніе, доброе направленіе въ жизни и благоустройство къ жизни общепользной. Вашимъ же заботамъ предоставлены Промысломъ всѣ неспособные свискивать себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ, какъ и всѣ нуждающіеся въ трудѣ и заработкѣ, всѣ обиженные судьбою, увѣчные калѣки, отжившіе сирые старцы и старіцы, всѣ безпомощныя вдовицы, всѣ увѣчные воины, положившіе свое здоровье, пролившіе свою кровь на службѣ царю и отечеству, всѣ бѣдныя, пораженные болѣзнію, болѣзнію какъ тѣлесною, такъ и душевною, несчастные узники, умалишенные, всякій неспособный собственными силами спасти и себя отъ паденій и напастей, и другихъ отъ причиняемыхъ собственною слабостію тяготы и вреда. Однимъ словомъ, вашимъ заботамъ предоставлены Промысломъ всѣ общественныя нужды и немощи, язвы и болѣзни, всѣ вопіющія общественныя потребности, всѣ вздохи и стовы о необходимыхъ улучшеніяхъ нравственнаго и вещественнаго общественнаго быта и объ устраненіи угнетающихъ его золь.

Ходите въ правдѣ: будьте сами не только правдивы, но и праведны; будьте не только сами вѣрны закону въ собственномъ поведеніи, но и блюстители законности въ поведеніи другихъ. Будьте вѣрные органы правосудія въ разнообразныхъ его проявленіяхъ. Въдѣ изъ васъ и вами избираются судіи, повѣренныя, блюстители, попечители разнообразнѣйшихъ интересовъ, общественныхъ, юридическихъ, воспитательныхъ, даже церковныхъ.

Ходите во истинѣ.... Что есть истина? Этотъ вопросъ

предложилъ самому Христу Понтій Пилать. *Иисусъ-же отвѣта не даде*, сколько потому, что Пилать не заслуживалъ отвѣта на величайшій изъ вопросовъ, предложенный имъ полуирезительно, въ качествѣ образованнаго римскаго скептика, прѣдубѣжденнаго, что на этотъ вопросъ и нельзя дать никакого отвѣта, столько-же и потому, что съ человѣческой точки зрѣнія этотъ вопросъ и дѣйствительно неразрѣшимъ. Но святой апостолъ, какъ и мы вслѣдъ за нимъ, указываемъ вамъ истину ясную, опредѣленную, точно очерченную, истину Христову. Христова истина есть истина, не только руководственная для всѣхъ христіанъ, но идеальная и для всѣхъ не-христіанъ, истина идеально обще-человѣческая, обязательная для не извращенной обще-человѣческой совѣсти сколько въ своихъ догматическихъ, столько-же и особенно въ своихъ нравственныхъ основоположеніяхъ.

Въ этомъ-то смыслѣ св. апостолъ внушаетъ: ходите какъ чада свѣта, вообще не всякаго умственнаго свѣта, часто мнимаго, но свѣта Христова; ходите въ благостыни, въ духѣ любви собственно христіанской; ходите въ правдѣ, основанной на праведности христіанской; ходите въ истинѣ, точно и опредѣленно Христовой, испытывая, что благоугодно Богу, по ученію собственно Христову. Все творите во славу Божію, во имя Христово. Знайте, да и знаете, потому что сами видите, что самое образованіе, такъ заботливо нынѣ насаждаемое, если направляется противу Христа, кичить и надмеваетъ умъ, ожесточаетъ сердца и разрушаетъ. Знайте и знаете, что самая благотворительность, если дѣйствуетъ не во имя Христово, становится занятіемъ не не суетнымъ и не безвреднымъ, надмевая благотворящихъ, что ими сдѣлано все для своего нравственнаго усовершенствованія, а благодѣтельствуемыхъ пріучая

къ праздной требовательности, каковой въ исторіи видимъ гибельные примѣры. Знайте и видите, что самое правосудіе, когда направляется вопреки закону Христову, растлѣваетъ нравы народа и подрываетъ устои христіанскаго общества. Знайте, что, по ученію Христову, всякое даже доброе дѣяніе человѣческое, если не очищено благодатію Христовою, всегда оядотворено грѣхомъ и приноситъ плоды по роду своему.

Творите-же все во славу Божію, во имя Христово, испытывая, что благоугодно Богу, и познавая, въ чемъ заключается воля Божія, младшіе, повинувась старѣйшимъ, старѣйшіе, оберегая младшихъ въ страхъ Божіемъ, всѣ избѣгая гибельныхъ дѣлъ тьмы, излишествъ роскоши и сластолюбія, корысти и хищничества, подрывающихъ благосостояніе городовъ, народовъ и царствъ; обличая гнѣздящіяся во мракѣ замыслы и предпріятія; бдительно наблюдая знаменія времени, потому что и наши дни лукавы; не чуждаясь молитвы, церковности и богослуженія; назидая самихъ себя и другихъ псалмами и славословіями, не только слушая наружно въ домахъ или храмахъ, но и въ сердцахъ вашихъ воспѣвая Господу пѣсни духовныя, благодаря всегда и за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Іисуса Христа, всегда памятуя, что именно городскія русскія общества искони вѣка были главнѣйшими носителями и хранителями старо-русскаго христолюбиваго духа.

Возблагодаримъ Господа, что въ нашемъ великомъ и славномъ градѣ не только всякихъ благихъ дѣяній и жертвъ, по части и народнаго просвѣщенія, и христіанской благотворительности, и служенія правдѣ и истинѣ, весьма довольно; но, по неложнымъ свидѣтельствамъ, еще весьма и весьма довольно и христолюбиваго русскаго духа; что среди насъ, чаятельно, живутъ не пять праведниковъ, а

еще тысячи ищущихъ оправданія Христова въ дѣлахъ вѣры и любви христіанской; и между ними, чаятельно, око Господне зрѣтъ немало и оправдываемыхъ и спасаемыхъ, которые въ свою очередь спасаютъ и спасутъ нашъ градъ отъ находящихся на ны бѣдъ и золъ.

Возблагодаримъ Господа Бога за все доброе въ прошедшемъ, въ жизни всѣхъ градовъ россійскихъ, развившейся на основѣ дарованнаго въ Бозѣ почившими Вѣнценосцами городского положенія. Помолимся о мирномъ преуспѣяніи въ настоящемъ и о лучшемъ будущемъ нашего отечества, подъ богохранимою державою богоизбраннаго Самодержца всея Россіи и царственнаго рода Его. Помянемъ предъ Богомъ благоговѣйною заупокойною молитвой славныя имена и души виновниковъ нынѣшняго нашего рѣдкаго торжества, благочестивѣйшія государыни императрицы Екатерины II-й и благочестивѣйшаго государя императора Александра II-го, чая и взаимно, что и Они тамъ на небѣ въ сей день, какъ и всегда, просятъ милости у Царя царей христіанской Ихъ державы, православному отечеству нашему. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

ВЪ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

*Благословенъ еси, Христе Боже нашъ,
уже премудры ловцы явлей, ниспославъ
имъ Духа Святаго, и тѣми уловлей все-
ленную. Человѣколюбче, слава Тебѣ!*

Это такъ называемый тропарь праздника. А въ тропарѣ всегда выражается сущность праздника. Въ чемъ же состоитъ сущность праздника настоящаго?

Благословенъ Ты, Христе Боже нашъ, — Ты, который явилъ ловцевъ—рыбарей премудрыми, который явилъ простыхъ рыболововъ мудрецами, ниспославъ имъ Духа святаго, и чрезъ нихъ уловивъ вселенную въ сѣти царства Божія. Апостолы—рыболовы, рыболовы премудрые, потому что носятъ въ себѣ Духа Божія, Духа Христова; они захватываютъ сѣть слова Божія, охватывая ею весь міръ; тянутъ свою сѣть и уловили ею для царства Божія всю вселенную. Вотъ идея, вотъ картина.

Откуда она взята? Съ чего списана? Съ слѣдующихъ евангельскихъ исторій.

Вотъ ночь. Это было въ самомъ началѣ, когда только что Господь Іисусъ вышелъ на проповѣдь евангелія. За Нимъ не слѣдуетъ еще ни одинъ апостолъ, хотя нѣкоторые изъ будущихъ апостоловъ уже и видѣли Его и бесѣдовали съ

Нимъ. Такъ вотъ въ одну ночь галилейскіе рыбаки Симонъ и братъ его Андрей въ одной лодкѣ, а въ другой Іаковъ и Іоаннъ, два родныхъ брата съ отцомъ своимъ Зеведеемъ, трудятся въ ловитвѣ рыбъ на озерѣ Геннисаретскомъ; трудятся всю ночь; но наловили въ свои сѣти одной только тины, да развѣ негодной травы. Послѣ безплодной ловитвы они по утру вышли на берегъ и стали измывать свои сѣти, въ которыхъ много было негоднаго и ничего годнаго. Занятые своею неудачею и работою, они даже не обращаютъ вниманія на то, что къ озеру, къ тому мѣсту, гдѣ они хлопотали, приблизился Іисусъ, сопровождаемый огромною толпою народа. Онъ проповѣдуетъ. Народъ съ жадностію ловитъ каждое слово Его. А апостолы, будущіе апостолы, тутъ-же недалеко занимаются чищеніемъ своихъ сѣтей, повидимому, равнодушные къ божественной проповѣди. Народъ такъ тѣснилъ Іисуса, что Ему приходилось чуть не упасть въ воду. Народъ налегалъ на Него, желая слышать слово Божіе; а Іисусъ стоялъ уже на самомъ краю при озерѣ Геннисаретскомъ. Положеніе становилось неудобнымъ, но вотъ видитъ Іисусъ двѣ большія лодки, стоящія при озерѣ. Видитъ, что рыбаки отошедши отъ лодокъ измывали свои сѣти. Іисусъ влезаетъ въ одну изъ лодокъ, которая принадлежала Симону, будущему апостолу Петру, и проситъ его отплыть немного отъ земли. Отплыли. Народъ весь стоялъ на берегу. Теперь и весь народъ видѣлъ Учителю, и Учитель-проповѣдникъ видѣлъ всему народу. Іисусъ сѣлъ и продолжалъ свое ученіе народу. Видно, что слово Его не вполне дѣйствовало на окаменѣлыя сердца. Нужна была проповѣдь дѣла. И вотъ, переставъ проповѣдывать, Іисусъ обращается къ Симону со словами: *отплывите въ глубину и киньте сѣти ваши на ловъ.* Симонъ возражаетъ Ему:

безплодно, Равви, всю ночь мы трудились и нечего не поймали; а впрочем по слову твоему закину съть. Закинули. И диво! Захватили такое множество рыбъ, что разрывалась самая съть. Два рыбака, Симонъ и Андрей, не сильны были вытащить ее на берегъ. Рыба готова была вся уйти отъ медленности въ извлеченіи съти. Вотъ они даютъ знакъ другимъ рыбакамъ; то были юный Іоаннъ и старшій братъ его Іаковъ Зеведеевъ, которые были въ другой лодкѣ; даютъ знакъ, чтобы тѣ подошли помочь. Тѣ подплыли, съть вытащили, рыбу выбрали и сложили въ лодки. Двѣ лодки наполнены ловомъ до того обильнымъ, что готовы были погрузиться. Конечно, обильный ловъ могъ быть и случайностью. Но Господь дѣйствуетъ на наши сердца неодолимо и въ обыденной сферѣ нашей жизни; сводитъ простыя обстоятельства нашей жизни такъ, что они поражаютъ наше сердце и заставляютъ взглянуть въ нихъ и увидѣть перстъ Божій. Верховнѣйшіе апостолы, будущіе друзья Господа Іисуса занимаются своимъ дѣломъ, повидимому, совершенно равнодушные къ слову Спасителя; но когда за словомъ послѣдовало дивное дѣло, когда по слову Его сдѣлали они необычно-удачный ловъ,—сердце ихъ увидѣло въ этомъ событіи особый перстъ Божій. Первый пораженъ былъ первоверховный апостолъ Петръ. До сихъ поръ онъ не хотѣлъ слушать слова Іисусова, которое очевидно не особенно цѣнилъ. Теперь-же, увидѣвъ чудесный ловъ, онъ припалъ къ колѣнамъ сидящаго въ лодкѣ Іисуса. Зачѣмъ припалъ? Съ благодарностію ли за удачу? Нѣтъ. Припалъ въ сознаніи своей вины, своего непростительнаго прежняго равнодушія, въ сознаніи своей грѣховности и недостойнства видѣть въ своей лодкѣ великаго Чудотворца. Припалъ къ колѣнамъ Іисусовымъ и говоритъ: *Господи! уйди отъ меня, потому что я человекъ грешный, Господи.*

Говорилъ онъ, повидимому, нехорошо,—повидимому, неуиѣстно,—повидимому, грубо. Говорилъ такъ потому, что ужасъ овладѣлъ имъ, какъ и всѣми, которые были тутъ съ нимъ, равно какъ и Іаковомъ и Іоанномъ, потому что въ уловѣ рыбъ они видѣли чудо, видѣли особый перстъ Божій. По странной просьбѣ сына Іонина, Іисусъ не вышелъ изъ лодки Симона, напротивъ взялъ изъ лодки самого хозяина, и взялъ съ собою навсегда *Не бойся*,—говоритъ Іисусъ Симону, — *отсель будешь ловить не рыбу, а людей*. Это было первое рѣшительное призваніе верховнѣйшихъ апостоловъ къ апостольству. *Ступайте за Мною*,—сказалъ имъ Господь. И Симонъ Петръ съ Андреемъ, Іаковомъ и Іоанномъ, вытащили обѣ лодки на землю, оставили все,—замѣтьте—все! ремесло, семью, дома родныя мѣста,—и пошли влѣдъ за Іисусомъ, пошли навсегда до смерти. Такъ Петръ и прочіе съ нимъ призваны были къ апостольству. До этой минуты они закидывали сѣти для лова рыбъ; теперь же они призваны въ тому, чтобы современемъ закидывать сѣть духовную, сѣть евангельской проповѣди, чтобы уловить для Бога, для царства Христова всю человѣческую вселенную.

Затѣмъ перенесемся въ одинъ изъ послѣднихъ дней жизни Господа на землѣ, жизни на землѣ, но уже не земной, такъ какъ это было уже по воскресеніи Христовомъ, незадолго, именно только за нѣсколько дней до вознесенія, когда человѣческое естество воскресшаго Господа было уже претворено, было одухотворено. Онъ теперь собственно уже не жилъ съ апостолами, какъ простой человѣкъ, хотя и пребывалъ около нихъ и съ ними невидимо; пребывалъ невидимо всегда, но являлся имъ только по временамъ. Это было третье отъ конца, предъ вознесеніемъ, явленіе воскресшаго Господа.

Совершилось оно на томъ же озерѣ Тиверіадскомъ или Геннисаретскомъ, — быть можетъ, на томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ совершилось и первое призваніе Петра и прочихъ съ нимъ къ апостольству. Теперь предстояло Христу возстановить Петра въ апостольствѣ, возстановить потому, что Петръ отрекся отъ Христа, отрекся отъ того, что былъ ученикъ Его, отрекся отъ своего призванія. Воскресшій разъ уже явился Петру, явился именно въ первый день; но что говорилъ ему, неизвѣстно. По послѣдующему видно однако-же, что Петръ возстановленъ въ апостольствѣ только теперь; только теперь Господь повторилъ ему свое призваніе быть ловцомъ человековъ, пасти агнцевъ и овецъ Христовыхъ.

Обстоятельства были тождественны съ обстоятельствами перваго призванія. Апостолы пришли въ родную Галилею, гдѣ имъ всѣмъ совокупно обѣщано было явленіе Воскресшаго. На родинѣ, въ томительномъ ожиданіи будущихъ распоряженій Господа относительно своей судьбы, они занялись прежнимъ ремесломъ рыболовства, — занялись, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые были изъ рыбаковъ. Какъ рыболовы, проживали вмѣстѣ Симонъ Петръ и Фома и Наанаилъ и сыны Зеведеевы, и еще двое изъ ближнихъ учениковъ Христовыхъ. Была ночь. Первый въ рядъ апостоловъ, первый рыболовъ въ сонмѣ рыболововъ, Петръ говоритъ имъ: *иду рыбу ловить*. Говорятъ ему и тѣ: *идемъ и мы съ тобою*. Пошли, сѣли въ лодку, и въ эту ночь опять, какъ и въ ночь перваго призванія, не поймали ничего. Эта неудача заставила ихъ съ грустью вспомнить о своемъ Учителѣ чудотворцѣ. Грустное воспоминаніе, въ ту же минуту, превратилось въ неясное видѣніе. Начинало мерцать утро. Сквозь сумракъ полу ночи, полу-утра, ученики усматриваютъ, кто-то какъ будто стоитъ на

берегу. Видятъ, но не узнаютъ, что это воскресшій Иисусъ; не довидятъ не столько тѣлесныя, сколько духовныя очи ихъ. Слышатъ голосъ, Иисусъ говоритъ имъ, называя ихъ трогательно, какъ называлъ въ прощаньи, къ прощальной съ ними бесѣдѣ: *дѣти! не имѣете-ли чего съестнаго? чего либо покусать?* Тѣ отвѣчаютъ: *ничего*. Видно, нужда заставила ихъ и рыбу ловить. Слышатъ съ берега голосъ опять: *киньте сеть съ правой стороны лодки и поймаете*. Кинули, и не могутъ извлечь сѣть отъ множества рыбъ. Іоаннъ, котораго любилъ Иисусъ, который больше другихъ любилъ Иисуса, который по юности жилъ больше другихъ любвеобильнымъ сердцемъ, чѣмъ холоднымъ умомъ, — Іоаннъ первый началъ прозрѣвать Иисуса въ незнакомцѣ, стоящемъ на берегу. Съ трепетомъ радости и сомнѣнія Іоаннъ говоритъ Петру: *вѣдь это Господь*. При этомъ словѣ восторгъ потрясъ Петра. Сію же минуту увидѣтъ, прикоснуться, увѣриться!... Ловилъ онъ рыбу нагой. Но какъ въ такомъ видѣ предстать предъ Господомъ? О томъ онъ не думаетъ, что нагой онъ легче доплыветъ до берега, а въ платѣ скорѣе потонетъ. Преноясавшись опоясаніемъ, Петръ кидается въ озеро, а разстоянія было еще двѣсти локтей, кидаетъ и лодку и рыбу; забываетъ и объ опасности и даже о жизни. На этотъ разъ ему нужно было увѣриться, что это воскресшій Господь. Прочіе, не имѣя такой отваги, не чувствуя такого слишкомъ уже смѣлаго порыва, подплыли къ берегу на лодкѣ, да и сѣти не кинули, и рыбу не выпустили. Когда, такимъ образомъ, вылезли на землю, увидѣли здѣсь разложенный огонь, и рыбу на немъ лежащую, и хлѣбъ, въ которомъ апостолы имѣли такую нужду. Иисусъ говоритъ имъ: *и вы принесите своей рыбы, которую теперь поймали*. Симонъ Петръ полезъ въ воду и извлекъ сѣть, полную великихъ рыбъ,

которыхъ было числомъ 153. Говорить имъ Іисусъ: *приступите же, обьдайте*. Видно по всему, что даже въ этотъ моментъ еще не вполне прозрѣли ихъ душевныя очи, чтобы совершенно узнать Воскресшаго. Сѣли, стали вкушать пищу, но ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ спросить Его: Ты кто такой? Не смѣютъ, зная, что это Господь, хотя еще и не совершенно признавая Его. Это ощущеніе для насъ, которые не испытали его, непостижимо и непередаваемо, — тѣ, которые вдумываются въ него, не могутъ объяснить его словами другимъ. Это событіе понятно только въ связи съ другими сказаніями евангелія о явленіяхъ Воскресшаго, — равно какъ и съ другими сказаніями о явленіяхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, умершихъ людей живымъ, изъ міра загробнаго нашимъ земнымъ чувствамъ.

Теперь не станемъ разъяснять этого наиглубочайшаго изъ психологическихъ фактовъ. Замѣтимъ только, что въ дальнѣйшемъ собесѣдованіи съ Воскресшимъ апостолы Петръ и прочіе уже нисколько не сомнѣвались въ Его лицѣ, уже не колеблясь видятъ въ Немъ своего воскресшаго учителя и Господа. Сердца ихъ уже разогрѣлись на столько, чтобы и очи могли узрѣть божественное, духовное, премирное, загробное. Тутъ Онъ возстановилъ апостола Петра въ апостольствѣ, повелѣвъ ему пасти агнцевъ и овецъ Христовыхъ, — это тоже, что ловить людей въ сѣть для царства Христова.

Послѣ этого Господь еще разъ явился, также въ Галилеѣ, болѣе чѣмъ 500 братій. Затѣмъ въ послѣдній разъ явился единонадесяти въ Іерусалимѣ уже въ день вознесенія; оттуда извелъ ихъ вонъ до Виваніи, возвелъ на гору Елеонскую, благословилъ ихъ, обѣщалъ имъ послать Духа Утѣшителя, и облакъ поднялъ Его и закрылъ Его для нихъ тѣлесныхъ очей навсегда до гробовой доски. Но когда

скрылся Онъ отъ тѣлесныхъ очей ихъ, — тогда сталъ непререкаемо видимъ для духовныхъ очей. Это дивное превращеніе въ апостолахъ совершилось, какъ и было общаю, въ десятый день по вознесеніи, въ пятидесятый по воскресеніи. Апостолы сидѣли въ Іерусалимѣ, въ Сіонской горницѣ, и совершали утреннюю молитву, въ часъ третій дня, въ нашъ девятый. Молитва ихъ дошла до неба, до престола Божія, и оттуда извлекла самого Духа Божія, который почилъ въ сердцахъ ихъ невидимо, а на главахъ видимо въ видѣ огненныхъ языковъ. Для нихъ самихъ сошествіе въ нихъ Духа Божія было явно по внутреннему ощущенію вдохновенія, а для прочихъ стало явно по чудесному дару языковъ, по мгновенно полученной апостолами способности говорить на разныхъ языкахъ.

Не удивляйтесь. Это событіе было сверхъестественное чудо. Но современная наука собрала факты, которые показываютъ, что и въ естественномъ, хотя и необъяснимомъ, порядкѣ вещей, люди пришедшіе въ особенное состояніе возбужденія, экзальтаціи, напряженія нервовъ и духа, вдругъ начинаютъ говорить слова на языкахъ, которымъ никогда не учились, и не только слова, но и цѣлыя рѣчи, и объясняются на совершенно неизвѣстныхъ имъ языкахъ съ изумительною свободою. На св. апостолахъ мы видимъ тоже непостижимое явленіе, только въ небывалыхъ въ міровой исторіи, въ чудесно широкихъ размѣрахъ. Но не менѣе поразительно въ нихъ и то чудесное претвореніе, которое совершилось въ ихъ душахъ, въ ихъ сердцахъ, въ ихъ умахъ и убѣжденіяхъ. То, что прежде они видя не видѣли, то теперь стало для нихъ видимо, когда они перестали видѣть. Истина воскресенія, которую они туго признавали, пока видѣли Воскресшаго очами, теперь по сшествіи св. Духа, стала для нихъ нравственно очевидна на

столько, что за эту истину они положили души свои, сложили, послѣ многихъ тягчайшихъ трудовъ, скорбей, страданій и мученій, свои честныя апостольскія головы.

Возвратимся же къ прежней основной идеѣ. Смотрите. Вознесшійся на небо Христосъ Богъ выслалъ рыбарей апостоловъ въ море житейское. Въ нихъ почиваетъ ниспосланный на нихъ Духъ Божій. Духъ Божій отнынѣ, со дня сошествія своего на нихъ, водить ихъ и указываетъ имъ въ житейскомъ морѣ тѣ мѣста, гдѣ они должны съ надеждою на особый успѣхъ закинуть сѣть свою. Во всю жизнь свою до честной своей кончины они тянули эту таинственную сѣть, и уловили почти всю тогдашнюю вселенную, протянувъ свою сѣть и ловя людей для Христа въ Азіи, Европѣ и Африкѣ. Та же сѣть тянется по міру и донынѣ, тянется и нами, апостольскими преемниками; тянется и всѣми ихъ учениками, всѣмъ строемъ христіанства, всѣмъ складомъ христіанской гражданственности и политики, политики, сопровождаемой и бранными взрывами. Такъ и наши братья, теперь бьющіеся на брани, заговяютъ людей въ ту-же апостольскую сѣть, сѣть христіанства, христіанскихъ убѣжденій, христіанскаго уклада жизни.

Еще одна идея,—или лучше,—та же самая, выраженная въ притчѣ Спасителя. *Подобно царствіе небесное,—говоритъ Спаситель,—неводу,—неводу заброшенному въ море и собравшему животныхъ всякаго рода. Когда неводъ наполнится, рыбаки извлекаютъ его на берегъ, и сѣвши выбираютъ хорошія рыбы въ сосудины, а негодныя выкидываютъ вонъ. Такъ будетъ,—объясняетъ Господь свою притчу,—и въ скончаніе вѣка. Изыдутъ ангелы и отлучатъ злыхъ отъ среды праведныхъ, и ввергнутъ злыхъ въ печь снѣнную.* Замѣтьте. Апостольская сѣть закинута въ житейское море. Она тянетъ въ себѣ всѣхъ живыхъ людей, и такъ назы-

ваемых христіанъ, христіанъ часто только по имени, и всѣхъ не-христіанъ. Извлеченныя на берегъ рыбы умирають. Такъ и всѣхъ насъ ждетъ смертный часъ. Въ каждое мгновеніе времени, на земномъ шарѣ, умирають разными смертями сотни и тысячи людей, христіанъ по истинѣ и по имени, и не-христіанъ. За смертнымъ же часомъ идетъ разборъ. Добрыхъ отлучаютъ отъ злыхъ; добрыхъ отдѣляютъ въ царство Божіе, а злыхъ извергаютъ вонъ. Это раздѣленіе теперь только идетъ, но не окончено: окончательный приговоръ еще не произнесенъ. Переходъ изъ одного состоянія въ другое, пока еще до послѣдняго суднаго дня, возможенъ и совершается ежечасно, имже Богъ вѣсть судьбами. Надъ міромъ могилъ и костей мертвыхъ, которыхъ въ миллионъ разъ больше міра живыхъ людей, носится Духъ Божій ходатайствуя за всѣхъ насъ воздыханіями неизглаголаннѣйшими.

Потому то въ этотъ много-знаменательный день пятидесятницы, въ который со стороны Бога небеснаго завершилось домостроительство спасенія нашего, мы молимъ Бога и Христа Его, чтобы Духъ Святый сошелъ не только на насъ, чтобы вселился не только въ насъ, чтобы очистилъ отъ всякія скверны и спасъ не только насъ, но и всѣхъ прежде отшедшихъ отцевъ и братій нашихъ...

Сосредоточимся же, братіе, и вздохнемъ въ Отцу духовъ, и помолимся тепло, мирно, стойко, сокрушенно, помолимся о себѣ. Кто сквернъ за собою не видитъ? Кто не чувствуетъ нужды въ очищеніи Божіею благодатію? Помолимся объ отцахъ, о дѣдахъ и прадѣдахъ нашихъ, о братьяхъ и сестрахъ, даже о дѣтяхъ и внукахъ многихъ изъ насъ,—помолимся,—у кого изъ насъ нѣтъ тамъ родныхъ и близкихъ? И кому кромѣ насъ за нихъ помолиться! Они вздыхаютъ къ намъ и за насъ, молясь, чтобы Гос-

подъ избавилъ насъ отъ вѣчной муки, —вздохнемъ же и мы къ нимъ и за нихъ, чтобы, получивъ ослабу себѣ, они раздвинулись и дали мѣсто между собою и намъ, мѣсто мирное и злачное, покойное и безболѣзненное... Уже скоро скоро и мы переселимся туда-же....

За молитвой лучшій способъ протянуть руку благоприятной помощи нашимъ сродникамъ за гробомъ, равно какъ лучшій же способъ устроить и себѣ тамъ вѣчный благоприятный провъ, — это — милостыня здѣсь на землѣ. И вотъ способъ лучшій изъ способовъ. Протяните руку и подайте на раненыхъ и больныхъ воиновъ. Чувство къ которому успокоенія совѣсти совершеніемъ дѣла христіанской любви, — повѣрьте, — будетъ вѣяніемъ въ сердцахъ нашихъ Духа Божія, гласомъ глада толпа, въ которомъ присутствуетъ Богъ. Аминь.

1877 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Благочестивѣйшаго Великаго Государя Императора Александра Александровича и Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, сказанное въ Херсонскомъ соборѣ 15-го мая 1884 года.

Происхожденіе и значеніе штунды въ жизни русскаго народа.

Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояніе твое, побѣды благовѣрному Императору нашему Александру Александровичу на сопротивныя даруя и твое сохраняя крестомъ твоимъ жителство.

Во всѣхъ краяхъ святой православной Россіи есть обычай ходить на поклоненіе Богу и мѣстной святынѣ въ особо священныя мѣста края. За тѣмъ и я пришелъ въ вашъ богоспасаемый градъ Херсонъ, и стою теперь на этомъ священномъ мѣстѣ, въ херсонскомъ соборномъ храмѣ. Вашъ городъ, хотя и новый по основанію, но древній и священный по воспоминаніямъ. Его старыя, престарыя днѣпровскія воды несли на себѣ, его берега, какъ и стогны старѣйшихъ самой Руси градовъ Кіева и Нова-града, освящены стопами перваго, современнаго Христу, благовѣстника

евангелія Христова въ странахъ полунощныхъ, святаго апостола Андрея Первозваннаго. По мысли своего основанія и наименованія, онъ служитъ отблескомъ древней священной славы другаго Херсона, старѣйшаго, Херсона Таврическаго, коего стогны напитаны священою кровію святыхъ семи священно-мучениковъ въ Херсонѣ епископствовавшихъ, Ефрема, Василия, Евгенія, Агаѳодора, Елпидія, Еверія и Капитона. Жили они, подвизались и пострадали въ сихъ краяхъ еще въ III—IV вѣкахъ, предназначъ здѣсь длинный, древнѣйшій по началу рядъ епископовъ церкви Божіей, благовѣстниковъ евангелія Христова въ сихъ странахъ. И вотъ я, послѣдній и недостойнѣйшій преемникъ епископства въ длинномъ ряду епископовъ, глава котораго упирается въ первые вѣка христіанства, при первой для себя возможности, поспѣшилъ прибыть сюда въ вашъ богоспасаемый градъ, въ сей святой соборный храмъ, испросить моему недостойнству, облеченному тяготою и высотой херсонскаго епископства, отеческой молитвы и святительскаго благословенія моихъ въ небѣ пребывающихъ отцевъ, первоначальниковъ сего древнѣйшаго въ церкви Всероссійской епископства. Помогите и вы мнѣ своею молитвою извлечь ихъ небесное благословеніе на мою смиренную главу, на которой лежатъ призваніе и долгъ продолжать въ семъ краѣ святое ихъ дѣло, насаждать, утверждать и распространять святую православную Христову вѣру. Помолитесь и помолимся всѣ вмѣстѣ и усердно, потому что нужна намъ небесная помощь не только для насажденія и распространенія, но даже для утвержденія и охраненія православія въ семъ краѣ.

Кинемъ взглядъ назадъ, на положеніе русскаго православія въ сихъ земляхъ въ прежніе вѣка; тогда яснѣе станетъ намъ его положеніе здѣсь и въ настоящее время, тревожное положеніе.

Надобно сказать, что эти мѣста были самымъ первобытнымъ гнѣздомъ историческаго славянства. Первая поселенія славянства, — только лишь сказалось оно въ записяхъ исторіи, — оказываются именно въ низовьяхъ Дуная и Днѣпра. Сюда переселились Славяне никакъ не изъ-за Каспія, съ низовьевъ Урала и Волги, но, вѣрнѣе, изъ Малой Азіи, какъ намекаютъ новѣйшія изысканія, изъ-за Понта Евксинскаго, который переплыли изъ Батума или Синопа, или Трапезунда, или же въ Геллеспонтѣ, когда еще и древняя Еллада только лишь начинала свою блестящую поэтическую исторію. Отсюда, отъ низовьевъ Дуная и Днѣпра поплывъ вверхъ къ истокамъ руслами двухъ этихъ великихъ рѣкъ, славянство поплыло внизъ по теченію исторической рѣки двумя историческими руслами, Дунайскимъ и Днѣпровскимъ. Именно второе, Днѣпровское теченіе славянства дало начало русской исторіи. Дунайское же, обходя неприступное тогда возвышеніе крѣпко сложившейся народной жизни древней Элады и новѣйшей Византіи, Царя-Града, распространяясь влѣво на югъ по притокамъ Дуная, Савѣ, Дравѣ, Моравѣ, а тамъ по бережьямъ Адриатическаго моря до Черной Горы, до Мореи и Венеціи, въ теченіи тысячелѣтій, то боролось съ чуждыми историческими теченіями, какъ въ Черной Горѣ; то слилось съ перерождающимся древне-эллинскимъ племенемъ и дало начало ново-эллинскому племени Мореи; то, подчиняясь господству латинской расы, поглощено ею по сѣверному побережью Адриатическаго моря. Распространяясь же по Дунаю до его истоковъ на сѣверо-западъ, а далѣе по Ельбѣ и Одру до Богеміи, Моравіи и Помераніи, славянство болѣе или менѣе слилось съ историческимъ теченіемъ жизни Кельтическо-Германскаго племени. Только Днѣпровско-Волховское теченіе славянства намѣтило путь болѣе или ме-

нѣе непримѣсному теченію уже русской жизни. Да и то нѣтъ. Точнѣе сказать, Днѣпровское теченіе, слившись съ Висло-Нѣманскимъ, намѣтило среднюю полосу теченія славяно-русской исторіи. Главный-же коренной родникъ чистѣйшей русской жизни побѣжалъ къ сѣверу по Волхову до Ладоги и внизъ, дѣйствительно по матери кореннаго русскаго племени, кореннаго русскаго духа, по Волгѣ.

Такъ это просто, это дѣленіе двухтысячелѣтней исторіи великаго славянскаго племени по тремъ великимъ рѣкамъ, и такъ ясно. По Дунаю славянскую жизнь исказили жизненные теченія чужеродныхъ европейскихъ племенъ. По Днѣпру искажало и полу-исказило славянскую жизнь вліяніе искаженного латинствомъ, смѣшаннаго, полу-славянскаго, польско-литовскаго племени, въ связи съ другими европейскими вліяніями. А на сѣверѣ, по Волгѣ придавило временно, но не исказило нашу чисто-русскую жизнь братковременное господство татарства. Тамъ, въ по-Волгской полосѣ мы остаемся пока господствующимъ племенемъ силою не только меча, но и культуры. Въ средней въ по-Днѣпровской полосѣ мы одолѣли пока только силою меча, но не культуры. Въ по-Дунайской-же полосѣ славянство состоитъ пока не только не въ господствѣ, но пока еще въ продолжающейся вѣковой борьбѣ и даже въ угнетеніи и униженіи.

Чѣмъ опредѣляется господствующій характеръ именно русской исторіи? Скажемъ не обинуясь, господствомъ православной христіанской вѣры. Вотъ по этому великому водному, Волхово-Днѣпровскому пути, не менѣе тысячи лѣтъ до начала Руси, жили славянскія племена и были безсильны положить начало русской исторіи. Томясь своимъ ничтожествомъ въ нѣдрахъ обще-человѣческой жизни, зачинающей и рождающей отдѣльные историческіе народы,

и жаждою жить, при обилии готовыхъ въ жизни матеріаловъ, славяно-русскія племена зовутъ въ себѣ объединяющее организующее начало въ лицѣ варяго-русовъ Рюрика съ братією и дружиною. Это было историческимъ зачатіемъ великаго народа. А эти хожденія съ сѣвера на югъ, Рюрика до Кіева, Аскольда, Дира и Олега по этимъ Днѣпровскимъ водамъ мимо Херсона до Царя-града, хожденія Игоря и Ольги на Волынъ, Святослава на Дунай, за военною добычею и славою, были не болѣе, какъ попытками великаго, быстро растущаго, но пока еще не родившагося младенца расправить свои богатырскіе члены. Настоящимъ-же историческимъ рожденіемъ великаго русскаго народа было великое историческое событіе, когда св. равно-апостольный князь Владиміръ, проплывъ по тѣмъ же Днѣпровскимъ водамъ мимо одного, нашего Херсона, направился въ другой Херсонъ, Таврическій, и тамъ воспріалъ отъ грековъ святое крещеніе. Кто станетъ стричать, что святое крещеніе Руси было не только рожденіемъ нашего народа къ новой исторической жизни, но и рожденіемъ къ жизни истинно-духовной, настоящей человеческой? Кто станетъ отрицать, что до крещенія Руси наши князья были только повелители удалой дружины, посредствомъ которой обуздывали подвластныя племена единственно силою меча, силою меча воевали, собирали дань, покоряли и грабили, чтобъ содержать ту-же удалую дружину? Кто станетъ отрицать, что со времени крещенія Руси русская жизнь воспріяла свою полноту и определилась въ тѣхъ главныхъ раздѣлахъ, которые намѣтили, опредѣлили и замкнули ее въ ея направленіи на всѣ последующіе вѣка? Кто станетъ отрицать, что со времени крещенія Руси ея властодержецъ сталъ въ сознаніи народа властодержцемъ милостію Божією, а не собственною только желѣзною силою? Кто станетъ отрицать, что только со вре-

мени крещенія Руси просвѣтилось наше народное сознаніе христіанскимъ міросозерцаніемъ, евангельскимъ правоученіемъ и связнымъ законодательствомъ на основаніи нравственныхъ и каноническихъ законоположеній христіанства? Просвѣтилось книжнымъ ученіемъ, даже просто грамотностію? Просвѣтилось музыкальнымъ пѣніемъ, художественнымъ зодчествомъ, культурными, заимствованными изъ высокообразованной Византіи, навыками въ обыденной жизни, какъ просвѣтилось и готовымъ заимствованнымъ изъ той-же христіанской Византіи достойнымъ образцомъ всего уклада жизни, сложившагося подъ совокупнымъ вліяніемъ христіанства и всей цивилизаціи древняго греко-римскаго міра?

Не ясно ли далѣе, что со времени крещенія Руси Господь всегда спасалъ людей своихъ, православныхъ русскихъ людей, даровалъ правовѣрнымъ русскимъ князьямъ, царямъ и императорамъ побѣды надъ сопротивными, и сохранялъ свое жительство, свою святую Русь православную, православнымъ русскимъ крестомъ? Кому не очевидно, что тамъ вездѣ сохраняется еще завязь русско-славянской жизни, гдѣ высится на народномъ знамени православный крестъ Христовъ? Возьмемъ при-Дунайскую полосу славянства, — не очевидно-ль это тамъ? Гдѣ пока не испровергнуть православный крестъ Христовъ, тамъ мы имѣемъ кровныхъ братьевъ не только по плоти, но и по духу. Недоразумѣнія останутся между нами недоразумѣніями, не болѣе, а истинное братство между нами въ роковыя минуты скажется всегда, какъ и сказывалось всегда. Наоборотъ, возьмите тѣ же славянскія племена, оядотворенныя духомъ латинства; не касаясь уже племенъ славянскихъ, переродившихся въ иныя народности подъ вліяніемъ чуждыхъ намъ вѣръ, — найдете ли тамъ духъ братства при братствѣ кров-

номъ? Возьмемъ при-Днѣпровскую полосу русскаго славянства. Вся ея исторія опредѣлилась борьбою за святой крестъ Христовъ, за православный крестъ. Говорить ли о вѣковѣчной борьбѣ мѣстнаго русскаго народонаселенія съ турками и татарами, именно какъ врагами креста Христова? А этою борьбою за крестъ Христовъ опредѣлился 500-лѣтній характеръ исторіи при-Днѣпровскаго запорожскаго казачества. Не тотъ же ли священный характеръ крестовыхъ походовъ имѣли всѣ безчисленныя войны того же казачества, какъ и всей Малороссіи, и съ польскимъ королевствомъ, какъ и съ Турціею, какъ и съ Крымомъ? Съ послѣдними, съ Турціею и Крымомъ, Малороссія воевала за крестъ Христовъ вообще противъ магометанской луны, а съ Польшею воевала противъ крыжа латинскаго, именно за крестъ Христовъ православный. Не говоримъ о Подоліи, о Волынѣ, о русскомъ населеніи Литвы и Бѣлороссіи, которыя, будучи безсильны воевать противъ польско-литовской силы, въ продолженіи вѣковъ лили мученически свою кровь и переносили всяческія гоненія и страданія, чтобы только отклонить насильственное навязываемую имъ польскую панскую вѣру и отстоять свою народную, древле-отеческую православно-благочестивую вѣру.

И смотрите, лишь только православный русскій крестъ вынужденъ былъ умалить свой чистый господственный блескъ предъ кровавымъ блескомъ меча татарскаго и польско-литовскаго; лишь только на святыхъ кіевскихъ горахъ загорѣлся недобровѣщій блескъ господства крыжа латинскаго; даже еще прежде этого, но уже въ предчувствіи надвигающейся на берега Днѣпра роковой грозы,—предчувствіи, которое сказывается у народовъ также, какъ и у частныхъ лицъ въ роковыя минуты жизни,—русская гражданственность волею-неволею сдвинулась съ береговъ роднаго

Днѣпра и подвинулась на берега не родной тогда Волги, чтобы тамъ на просторѣ этой величайшей изъ европейскихъ рѣкъ выработать коренной, чистѣйшій, православно-русскій духъ. Подумайте и о томъ, что пока этотъ духъ росъ, мукалъ и крѣпчалъ, онъ все даже чуждое намъ проникалъ и претворялъ. Такъ было на берегахъ Волги; такъ было на берегахъ Днѣпра. Поищите теперь древлянъ, полочанъ, кривичей и другихъ племенъ древняго славянства, которыя были раздѣлены, не сливаясь въ народное единство, пока Русь не крестилась. По крещеніи же все это претворилось и слилось въ единый братскій народъ, единокровный и единокровный. Поищите также древнихъ печенѣговъ, половцевъ, хозаръ, черныхъ клобуковъ, которые въ продолженіи вѣковъ тревожили своими набѣгами староріевскихъ князей, особенно до крещенія Руси. По крещеніи они быстро исчезаютъ съ нынѣшней русской земли. Между тѣмъ мы не знаемъ въ нашей исторіи поголовныхъ истребленій чуждыхъ намъ племенъ. Мы съ ними воевали, всегда раскрывая имъ наши братскія объятія, но никогда поголовно не истребляя. Между тѣмъ они какъ-то незамѣтно исчезли. Еще болѣе поразительное тождественное явленіе представляютъ финскія племена, которыя милліонами жили по Волгѣ до Ледовитаго океана, отъ Финляндіи до Урала, — гдѣ они? Они слились съ русскимъ народомъ посредствомъ русской православной вѣры и слились такъ, что составили нынѣ самое коренное даже въ русскомъ народѣ великороссійское племя. А тѣ финскія племена, которыя или въ язычествѣ остались до сего дня, или-же пришли къ намъ съ готовымъ своимъ, но иновѣрнымъ христіанствомъ, тѣ до сихъ поръ чужды и русскому народу, да свои-ли и русскому государству? Тѣ до сихъ поръ тяготѣютъ, одни къ иноземцамъ, другіе къ магометанству. Посмотрите, поду-

майте даже, гдѣ нынѣ татары, которые держали нѣкогда въ рукахъ всю русскую землю отъ Астрахани до Новгорода и Волыни? Гдѣ грозные татары Ерыма, которые еще такъ недавно господствовали въ этихъ краяхъ, а подавнѣе держали въ ежечасномъ страхѣ самую Москву? Вѣдь были же многочисленныя поселенія татаръ среди русскаго племени, начиная отъ Казани до Подоліи. А гдѣ они теперь? Всѣ-ль истреблены? Нѣтъ, мы ихъ не истребляли. Мы, наоборотъ, обременяемъ ихъ разными льготами сравнительно съ русскимъ народомъ. Нѣтъ, они всосаны здоровымъ, растущимъ, мужающимъ организмомъ и претворены въ русскую плоть и кровь русскимъ духомъ, русскою вѣрою, силою православнаго русскаго креста Христова. Вспомните старое основное правило при-Днѣпровскаго, Запорожскаго, Донскаго и всякаго русскаго казачества. Козакомъ могъ быть всякій человѣкъ, всякій даже инородецъ, полякъ, турокъ, венгерецъ, татаринъ, даже еврей. Всякій принимался отверстыми братскими объятіями козачества. Но неотложно требовалось отъ всѣхъ одно: всякій долженъ быть одной крещеной православной русской вѣры. И требованіе вѣрное, не измѣнявшее козачеству въ продолженіи вѣковъ. И козачество сослужило Россіи огромную службу. И вѣра побѣдила, какъ и побѣждаетъ міръ. И православнымъ русскимъ крестомъ Господь ограждалъ и сохранялъ свое жителство, свою вѣрную Русь святую. Вѣрное православному Христову кресту козачество приготовило Москвѣ даровое присоединеніе Малороссіи. Вѣрное православному Христову кресту козачество приготовило даровое присоединеніе и покореніе Донскихъ и Задонскихъ земель до Кавказа, легкое покореніе и сихъ земель до Херсона и Крыма. Вѣрное православному кресту, хотя и страдальческое православное народонаселеніе Бѣлороссіи и Литвы, Волыни и Подоліи приго-

товило легкое сокрушеніе Польши,—уже тѣмъ самымъ, что оно, это задавленное народонаселеніе, страдало за свое православіе и жило страдая, но не измѣняло ему. Оставалось государственной мудрости протянуть руку и взять, что само давалось въ руки. Лишь бы только не отталкивать, ослабляя свое родное. Тоже православіе, утвержденное вѣками, облитое кровію своихъ исповѣдниковъ, открываетъ этой мудрости и дальнѣйшіе виды. А думаютъ, что она-то, эта мудрость, и есть руководящая міровую судьбу сила. Между тѣмъ очевидно, что гдѣ живетъ православіе, гдѣ не вымерли православные, тамъ живутъ наши, наши братья. Наоборотъ, гдѣ живутъ даже славяне, но иновѣрные, тамъ, увы! наши братья по плоти, да, но и злѣйшіе наши враги по духу; тамъ царитъ злѣйшая братоубійственная ненависть.

И это хотя не разумѣть, но чувствуетъ еще не выдохшимся для всего русскаго сердцемъ и такъ называемая интеллигенція. И она постигла и постигаетъ, что вѣра паша, что наше православіе, что крестъ Христовъ—наше народное забрало противъ цѣлой враждебной намъ Европы. За вѣру, за царя православнаго, за русскій крестъ Христовъ! Этотъ кличъ раздается на всѣхъ устахъ всегда, когда туча европейской вражды начинаетъ облегать нашу отчизну. Такъ было въ отечественную войну 12 года. Такъ было въ севастопольскій погромъ. Такъ было и въ послѣднюю восточную войну. Вспомните, что во время севастопольскаго погрома, чуть было вся Русь поголовно не сдвинулась съ своихъ мѣстъ, какъ только возгласенъ былъ призывъ св. Синода всѣхъ на защиту отечеству. Вспомните, что во время послѣдней восточной войны, всѣ интеллигенты, какъ и массы народа, являли міру невиданное, неслыханное зрѣлище: многія тысячи съ такъ-называемыми пикистами во главѣ, неумолчно пѣли царскій трепаръ: *Спаси, Господи, люди*

твоя и благослови достояніе твое, побѣды благоверному Императору нашему на сопротивныя даруя и крестомъ твоимъ сохраняя вѣрное Тебѣ твое жителство. Въ грозную годину отечества всѣ, даже интеллигенты, чувствуютъ, гдѣ наша инстинктивная народная сила. Оттого даже интеллигенты тогда не имутъ срама, всегда имъ присущаго, исповѣдать себя христіанами и всенародно распѣваютъ церковные тропари о силѣ креста. И побѣдная сила креста, сила воодушевляемаго крестомъ терпѣнія христолюбиваго русскаго воина привела было насъ къ вратамъ Царя-града.

Понятно послѣ этого, стоитъ-ли намъ всѣми силами государственной, какъ и народной мудрости оберегать наше православіе, какъ зиждительную силу нашего отечества. Что же мы? Увы! Мы завели штунду. Да, штунду сперва безпринципную, штунду только пока отрицанія, хотя и по разнымъ мудрымъ соображеніямъ, сперва въ тѣсномъ интеллигентномъ кругѣ. Посмотрите, развѣ это была не штунда — это изгнаніе постовъ, это изгнаніе святыхъ иконъ изъ жилищъ, это посягательство на церковные праздники, это исключеніе всего народнаго изъ жизни интеллигентныхъ круговъ, это благоговѣйное преклоненіе предъ благодѣтельностью европейской культуры, эта глубокая гражданская скорбь о томъ, что все коренное русское такъ плохо, что вліяніе православной церкви такъ слабо, что русское духовенство такъ не нравственно и такъ немошно (имбецильно), а воздѣйствіе его на народъ такъ ничтожно, или даже отрицательно и вредно!? Да и прежде, въ одномъ ли интеллигентномъ кругѣ это было? Не спускалась ли эта пока безпринципная штунда, вопреки народному чувству, вопреки чувству родителей, въ нѣдра училищъ, даже народныхъ, въ нѣдра войскъ? Не думали-ль мы, не думаемъ ли и теперь именно культивировать, просвѣтить, исправить и

на путь настоящей гражданственности направить этот темный, по нашим думамъ, край видреніемъ въ него якобы европейской культуры, которую якобы несутъ на своихъ раменахъ инородныя колоніи? Да, въ этихъ видахъ видрили мы сюда въ землю, всю политую русскою кровію, инородцевъ, которымъ, за отрицаніе почти всего христіанскаго, тѣсно стало жить даже въ родномъ отечествѣ! И они жили у насъ законно, и правильно, и честно, по своему, подъ покровительствомъ предоставленнымъ имъ великихъ льготъ, тогда какъ въ то же время сторожилое козачество, отстоявшее всею кровію для святой Руси эту искони славянскую землю, было даже закрѣпощено, что, конечно, произвело упадокъ духа въ коренномъ русскомъ народонаселеніи. И коренные русскіе, не безъ подобострастія глядя около себя на инородцевъ, приглядѣлись, что сіи послѣдніе живутъ хорошо, разумно, честно и въ почестѣ, что порядки ихъ разумны и для нихъ весьма полезны, что и вѣра ихъ казись разумная, вотъ они у себя читаютъ, поютъ, молятся по своему, все грамотны, тогда какъ для русскаго человѣка 50 лѣтъ тому назадъ грамотность была роскошь, довольно непозволительная, преслѣдуемая общественнымъ мнѣніемъ, не говоря большаго. Поприглядѣлись, и стали подражать.

Вотъ я ѣзжу по этимъ степямъ и гляжу. Странно. Не выучились русскіе люди у иностранцевъ именно тому, чему было желательно, чтобы выучились. Нигдѣ, рѣшительно нигдѣ у русскихъ не вижу, не усматриваю, хотя и гляжу пристально и вслушиваюсь прилежно, ни улучшеннаго земледѣлія, ни улучшеннаго скотоводства, ни посадки деревъ, ни улучшенныхъ водоемовъ, ни орошенія полей, ничего истинно полезнаго, европейски культурнаго. За нѣсколько верстъ простымъ глазомъ отличаешь колонію

отъ русскаго селенія. Та издали блещить бѣлизною построекъ, строгимъ порядкомъ въ ихъ распланировкѣ и замѣтною чуть не городскою зажиточностію. Русское же селеніе, наоборотъ, издали сказывается неупорядоченностію, раскиданностію хатъ, часто скудностію, внутри нерѣдко сарайнымъ запахомъ. Не мое дѣло, не стану продолжать. Что же занято у колонистовъ? Заняты мелочи, повидимому, незначительныя. Именно тамъ, гдѣ центры штунды, тамъ дышловая упряжь,—странно, что русскій расколъ сотни лѣтъ назадъ возвелъ дышловую ѣзду въ ересь. Тамъ нѣмецкій короткій покрой платья (пиджаки повальню),—расколъ также стоялъ за русскій покрой платья, какъ за догматы. Тамъ русскій и коренной малороссійскій покрой платья совсѣмъ исчезли. Тамъ стриженные или даже бритые не только бороды,—у малороссовъ бороды подстригались искони,—но и усы,—странно, что расколъ и брадобритіе возвелъ въ ересь. Тамъ и прочія, по видимому мелочныя, выѣшныя отличія, сглаживающія однако человѣка до того, что и признать въ немъ русскаго человѣка трудно. Но поразительно, что тамъ и церкви, православныя церкви, построены не по древле византійскому искони православному типу, а по типу нѣмецкихъ кирокъ. И поразительно, что выѣшнее, не русское обличіе русскихъ людей какъ то родственно вяжется съ не русскимъ обличіемъ черкесей: гдѣ одно, тамъ гуще, если только не повальню и другое. А штундисты и будто-бы молокане, какъ и скопцы, которые теперь развелись здѣсь по заднимъ концамъ чуть не въ каждой деревнѣ, завѣдомо и невѣдомо,—тѣ всегда одѣты въ нѣмецкій покрой и глядятъ не русскими людьми. Далѣе, какъ глядятъ эти новые люди на самый корень русской государственности, это вѣдомо, кому вѣдать надлежитъ.

И чуть не молніею эта штунда бѣжитъ отъ Херсона

до Кременца, и чрезъ искони благочестивую Бѣлоруссію до финскихъ блать и до скалъ Урала. Еще 30—40 лѣтъ тому назадъ ни одинъ бѣлоруссъ, ни одинъ малороссъ не впадали ни въ расколы, ни въ ереси. Еще дѣды живаго поколѣнія Малороссіи и Бѣлороссіи проливали кровь свою за свою «благочестивую» православную вѣру противъ польщины. А теперь всякое мелкое неудовольствіе, примѣрно на священника, родить штундиста или учить всякаго грозить штундою.

Это грозное явленіе, конечно, находитъ себѣ и пособниковъ даже въ интеллигентныхъ лицахъ. Пока штунда въ тѣсномъ интеллигентномъ кругѣ была только отрицаніемъ всякаго религіознаго принципа, до тѣхъ поръ она въ средѣ народѣ была явленіемъ совершенно чуждымъ, не сроднымъ народному чувству. Но когда эта интеллигентная штунда соединилась съ религіознымъ принципомъ, хотя и крѣпко, но не вполне отрицающимъ христіанство принципомъ, который будто евангеліемъ оправдываетъ слишкомъ многія отрицанія древняго строгаго свято-отеческаго христіанства, тогда, о! такое пріятное вѣроученіе, освобождающее отъ стѣсненій апостольской Христовой вѣры, такое вѣроученіе пришлось по вкусу и народу, который уже цѣлые вѣка видитъ внѣдреніе штунды вездѣ, не только вдали отъ себя въ средѣ интеллигенціи, но и внутри себя въ самой народной средѣ. И эта интеллигенція, вина худость нравственнаго вліянія православнаго духовенства, сама умывая руки, великодушно предоставляетъ намъ исторгать плеве-
лы сорныхъ убѣжденій нравственно убѣдительными способами. Народъ-же, русскимъ чутьемъ почуявъ въ штундѣ вредоносную губительную заразу, вспомнилъ было о мѣрахъ искорененія подобныхъ заразъ въ родномъ духѣ старадавняго кезачества, да и всего древняго православнаго

русского люда: хочешь быть козакомъ, хочешь быть русскимъ, крестись, иначе отправляйся великимъ историческимъ путемъ Дняпра въ путь дорогу, въ безбрежную даль моря-океана. Но то было старое казацкое время, старый русскій духъ, сметавшій съ русской земли все ненастоящее русское; то былъ старый козацкій судъ. Теперь же у насъ другое время, и новый судъ. правый и милостивый. Теперь за религіозныя убѣжденія не карается никто. Теперь вотъ штунда и на русской землѣ водворяетъ новое свободное мнѣніе (*liberum arbitrium*), по которому всякъ воленъ себѣ сочинять вѣру, какую кто хочетъ. Теперь уже глубоко виѣдрилась въ насъ европейская культура съ своими принципами, во многомъ противоположными началамъ старо-русской жизни. Старый русскій духъ не терпѣлъ прежде всего умственной анархіи и прежде всего вѣдѣлъ вѣры, и эта нетерпимость исключала изъ русской жизни анархію и всякаго вида. Нынѣ же мы водворяемъ анархію въ умы, по крайней мѣрѣ не исторгаемъ ее отсюда, и часомъ, что она не повлечетъ за собою анархію сперва убѣжденій, далѣе началъ, правилъ, склонностей, стремленій и дѣйствій. Дай Богъ...

Выходитъ по общему обзору, что славяно-русскій народно-государственный духъ развивался въ первый періодъ нашей исторіи, отступая съ береговъ Дуная на берега Дняпра, съ береговъ Дняпра на берега Волги. А тамъ, окрѣпши на берегахъ Волги, онъ своимъ мощнымъ расширеніемъ и напоромъ подулъ обратно къ берегамъ Дняпра, а далѣе напираетъ и на берега Дуная. Татарію мы снесли; Польшу и Крымъ снесли... Но тутъ встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ европейскою культурою. Эти исконныя славянскія земли мы отвоевали мечемъ, которымъ двигалъ мощный русскій духъ. Но склоняемъ голову предъ европейскою куль-

турою, мня ее безмѣрно благотѣльною для насъ. Между тѣмъ выходитъ, что на нашихъ глазахъ интеллигентный человѣкъ, пренебрегая свято отеческою русскою вѣрою и работки кланаясь европейской культурѣ, перерождается изъ истинно русскаго человѣка въ космополита европейца. Видимъ и дальше, что культивируемый нами даже простой русскій человѣкъ перерождается на нашихъ-же глазахъ изъ русскаго въ европейца же по всему, по вѣшнему виду, по обличію лица и по внутреннему строю души, по вѣрѣ, по міросозерцанію, по отрицанію многого, если не всего, самаго кореннаго русскаго... Когда мы боремся хотя-бы съ цѣлымъ свѣтомъ нашимъ русскимъ духомъ, нашею вѣрою, нашимъ русскимъ крестомъ, мы побѣждаемъ. Но когда падаемъ въ прахъ предъ европейскою культурою, тогда очевидно вносимъ разложеніе въ нашу русскую жизнь...

Что же дѣлать? Увы! Исторію не повернуть. Но должны ли мы счесть наше русское дѣло потеряннымъ на всегда, во всѣхъ проявленіяхъ нашей народно-русской жизни?

Обращаемся къ духовенству, къ пастырямъ церкви, къ нашимъ братіямъ и сослужителямъ Христовымъ. Воспряньте. Не видите-ли, что времена тревожны, что и убѣжденія народныя переходчивы, что переходчива даже вѣра въ умахъ народа? Поймите, что нашу вѣру въ народѣ разумѣютъ 5 изъ 95, да и эти пять стали появляться 30 лѣтъ тому назадъ со времени повсюднаго распространенія народныхъ училищъ. Вспомните старинное присловіе, что чего не знаешь, того не желаешь (*ignoti nulla cupido*). Долго нашъ народъ нерушимо хранилъ свою родную вѣру по крѣпкому вѣянію обще-народнаго духа. Увы! Теперь подули иные вѣтры со всѣхъ сторонъ. Подули и на народъ. Станьте же твердо противъ этихъ вѣтровъ. Боритесь

же. Просвѣщайте же народъ свѣтомъ вѣры. Воодушевляйте духомъ вѣры посредствомъ того-же просвѣщенія, свято-лѣпнаго богослуженія, стройнаго обще-церковнаго пѣнія, просвѣтленіемъ и закрѣпленіемъ русскаго народнаго сознанія. Вы-то не поддавайтесь и не уступайте разлагающимъ вѣяніямъ чужеродной намъ европейской культуры, храненіемъ и защищеніемъ свято-отеческихъ обычаевъ и обузданіемъ обще-человѣческихъ страстей, пьянства, своекорыстія, безчестія въ обще-жизнейскихъ отношеніяхъ.

Обращаемся къ интеллигентному кругу. Вспомните, что вы русскіе. Не служите идеалу космополита европейца. Признайте святую православную вѣру Христову хоть какъ важнѣйшаго историческаго фактора въ русской жизни. Кому полезно подрывать ее всячески мыслию, словомъ и дѣломъ, дѣломъ и въ домашней и въ общественной дѣятельности? Почему многіе думаютъ, что охраненіе, поддержаніе, развитіе вѣры въ умахъ и сердцахъ народа есть дѣло только духовенства? Пора бросить это гибельнѣйшее заблужденіе. Не ясно-ли, что поддержаніе православія есть дѣло общее, дѣло государственныхъ людей во-первыхъ? Не видите-ли, что съ православіемъ связано слишкомъ многое въ ходѣ и развитіи нашей исторіи не только въ прошедшемъ, но и въ будущемъ? Не ясно-ли, что тамъ, гдѣ мы теряемъ въ твердости православія, тамъ теряемъ въ твердости и государственной? Не видимъ-ли, что на русской землѣ въ послѣднее тридцатилѣтіе одно зловѣщее явленіе смѣняется другимъ? Кто можетъ радоваться этому? Кто изъ сыновъ отечества можетъ умывать здѣсь руки? Еще болѣе, кто смѣетъ рыться въ корняхъ народнаго древа? Вѣдь если оно склонится къ упадку, то первыми же тѣхъ, кто подрываетъ его, задавить самымъ наклономъ своимъ. Но Богъ спасетъ свою Русь святую.

Обращаемся къ купеческому, обращаемся къ мѣщанскому сословію. Всѣ привыкли думать, что именно въ вашихъ семьяхъ, въ вашихъ домахъ, у вашихъ очаговъ, въ вашихъ сердцахъ гнѣздится самый крѣпкій русскій духъ. Это такъ и было, отчасти и есть пока на Руси. Вспомните же, что и вы—русскіе, хотя и живете въ семъ краѣ. Вспомните, что этотъ край покоренъ силою русскаго духа, русскою силою. Поднимите же ваши русскія головы. Не стыдитесь не только быть русскими, но и показывать всѣмъ, что вы настоящіе русскіе. Отчего вы здѣсь глядите такъ пугливо, приглядываясь къ Европѣ? Куда дѣвались русскіе костюмы, русскія обличія? Зачѣмъ прячутся русскіе нравы и обычаи, русская привязанность къ церковной обрядности, къ праздникамъ, къ постамъ святымъ? Стыдно намъ стало подавившей насъ здѣсь своимъ превосходствомъ Европы? И мы готовы просить у нея извиненія: извините, молъ, что мы родились русскими! Винаваты. Впередъ не будемъ. Такъ!?

Обращаемся ко всѣмъ русскимъ, кто насъ слышитъ и услышитъ. Не уговариваю васъ любить любовью Христовою всѣхъ, живущихъ между нами инородцевъ. Эта любовь всасывается въ благодушное русское сердце вмѣстѣ съ матернимъ молокомъ. Дай Богъ, чтобъ и свои и чужіе, и русскіе и инородцы, были счастливы въ русской землѣ, хваля Отца небеснаго, благословляя православнаго русскаго Царя, признавая благодушіе русскаго общенароднаго сердца. Но помните всѣ, что крѣпость Россіи—русскій духъ. Не инородцы, а русскіе создали русское государство. А крѣпость русскаго духа—русская православная Христова вѣра, была, есть и будетъ, пока будетъ крѣпокъ русскій духъ. Всѣ, теперь уразумѣвъ больше, чѣмъ прежде, смыслъ и духъ такъ называемаго царскаго тропаря, помо-

литесь крѣпкою молитвою за богопомазаннаго Царя нашего, и за отечество, и за людей русскихъ и за себя самихъ: Ты самъ, *Господи, спаси люди твоя и благослови достояніе твое, побѣды благовѣрному Императору нашему Александру Александровичу на сопротивныя даруя и твое сохраняя жителство святымъ твоимъ крестомъ, православнымъ русскимъ крестомъ.* Аминь.

1884 г.

ПОУЧЕНИЕ

въ день святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра
и Павла.

ПРАВОСЛАВІЕ и ШТУНДА.

Прославляя св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, св. церковь въ одной священной пѣсни такъ изображаетъ ихъ подвигъ евангельской проповѣди:

Ученики Христовы и основанія церкви, истинныя столпы и стѣны, трубы божественныя Христовыхъ учений и страданій, верховныя Петра и Павла, яко всею міра предстатели, восхвалимъ: сѣ бо, обтекше широту всея земли, якоже раломъ, всѣяше въру, всѣмъ богоразуміе всадиша, и якоже сопряженіи волю Христовы, вся привлекоша къ боговѣднію. (Стихира Іюня 29).

Вотъ мысль, вотъ образъ. Ученики Христовы, первоверховные Петръ и Павелъ, какъ двоица сопряженныхъ воловъ Христовыхъ, обтекаютъ широту всея земли и влекутъ по ней рало (плугъ) евангельской проповѣди, всюду всѣвая сѣмя вѣры и насаждая богоразуміе; отчего они и стали истинными ея стѣнами и столпами, возводя всѣхъ ко Христу. Возводя всѣхъ, они же возвели ко Христу и насъ, насадивъ въ нашей христіанской россійской землѣ наше православіе, которое въ продолженіи многихъ вѣковъ

служило оплотомъ нашего народа и царства и которое теперь такъ легкомысленно многіе кидаютъ.

Чтобы показать, какого сокровища они лишаются, видая православіе для ново-измышленныхъ ересей, разъясимъ вкратцѣ, что такое православіе и въ чемъ заключается обще-характерное отличіе его отъ ересей, старыхъ и новоявленныхъ, въ родѣ мѣстной язвы, рѣкомой варварски штундою.

Православіе нашей греко-россійской церкви заключается въ томъ, что все, хранимое ею донынѣ, не только въ основѣ, но и въ весьма многихъ подробностяхъ, въ неизмѣнномъ богоустановномъ видѣ, происходитъ отъ самаго Христа и святыхъ Его апостоловъ и восходитъ по своему началу правымъ и прямымъ путемъ ко временамъ апостольскимъ.

Такъ посланный отъ Бога Отца Святымъ Духомъ Богочеловѣкъ Христосъ Іисусъ, основавъ святую свою церковь, для продолженія своего дѣла въ ней, дѣла ученія, священнодѣйствія и управленія церковнаго, избралъ святыхъ своихъ апостоловъ, сперва дванадцать, а затѣмъ и иныхъ семьдесятъ, которыхъ по вознесеніи своемъ, освятивъ и просвѣтивъ сошествіемъ Духа Утѣшителя, и послалъ въ міръ на проповѣдь евангелія, на освященіе людей благодатіа Святаго Духа и на благоустроеніе церквей. Изшедши въ міръ, святые апостолы поставили по всѣмъ краямъ земли епископовъ и пресвитеровъ церковныхъ для того же церковнаго строенія. А преемники апостоловъ, мужи апостольскіе, первоначально рукоположенные непосредственно самими апостолами въ санъ епископства, поставили себѣ послѣдующихъ преемниковъ, пастырей церковныхъ. И такъ благодать священническаго рукоположенія другъ-другопримательно переходитъ отъ рукополагающихъ предмѣстниковъ епископовъ къ рукополагаемымъ преемствующимъ еписко-

намъ даже до днесь. Такъ наше російское архіерейство идетъ чрезъ преемственное рукоположеніе въ обратномъ порядкѣ, отъ конца къ началу, отъ нынѣшнихъ старѣйшихъ первоначальнѣйшихъ іерарховъ, чрезъ непрерывающійся рядъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, къ епископамъ и митрополитамъ, которыхъ привелъ съ собою изъ Греціи пріившій отъ нихъ св. крещеніе тутъ не вдалекѣ, въ Херсонѣ Таврическомъ, святой равноапостольный князь Владиміръ. А сіи прішедшіе изъ Греціи первоначальныя російскіе митрополиты, архіепископы и епископы пріяли свое рукоположеніе отъ патріарховъ и другихъ іерарховъ въ самой Греціи, главнымъ образомъ въ Константинополѣ. А іерархи греческіе пріяли, чрезъ непрерывный восходящій рядъ, свое рукоположеніе отъ самихъ св. апостоловъ, въ частности отъ Петра и Павла, посѣщавшихъ древнюю Элладу; константинопольскіе же іерархи пріяли свое рукоположеніе отъ св. апостола Андрея Первозваннаго, который самолично рукоположилъ перваго византійскаго епископа, посѣщая южные и западные берега понта евксинскаго, достигнувъ даже береговъ нашего Днѣпра, осѣнивъ крестомъ Христовымъ и святія кіевскія горы, проникнувъ даже въ страны полуночныя до стараго Нова-города. Такимъ образомъ наше російское священство ведетъ свое начало, непрерывающимся рядомъ преемственнаго рукоположенія, до самыхъ святыхъ апостоловъ Петра и Павла, особенно же до Андрея Первозваннаго.

Самъ Господь Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ свое правое божественное ученіе устно въ продолженіе послѣднихъ трехъ съ половиною лѣтъ земной своей жизни, отъ крещенія до вознесенія, а письмени самъ не предалъ ничего. Святые апостолы Его, дванадесять избранныхъ и

иныхъ семьдесятъ, всѣ отъ сошествія на нихъ Святаго Духа до кончины дней своихъ проповѣдывали слово Христоу устно же и большая часть изъ нихъ не предали письмени ничего. Между тѣмъ многіе изъ первоначальныхъ послѣдователей Христовыхъ начали было чинити и письменную повѣсть о извѣствованныхъ тогда вещѣхъ относительно дѣлъ и ученія Господа Іисуса Христа. Но сами же святые апостолы и ближайшіе преемники ихъ епископы церковные, изслѣдовавъ всѣ эти первоначальныя писанія испытно, приняли въ канонъ священныхъ богодухновенныхъ книгъ новаго завѣта только слѣдующее: четыре каноническія евангелія, книгу дѣяній апостольскихъ, семь соборныхъ посланій апостола Іакова, Петра, Іоанна и Іуды четырнадцать посланій апостола Павла и апокалипсисъ апостола и евангелиста Іоанна Богослова; а все прочее отклонили какъ не каноническое или даже подозрительное. Сверхъ того, какъ самъ Господь Іисусъ Христосъ, такъ и апостолы Его принимали сами и предали церкви Христовой, какъ священные и богодухновенныя, извѣстныя каноническія книги ветхаго завѣта, совокупно съ нѣкоторыми и неканоническими, какъ однакоже благочестивыми и принятыми за назидательныя древнею ветхо-завѣтною церковію. Всѣ эти священные книги какъ ветхаго, такъ и новаго завѣтовъ, въ своей совокупности составляютъ святую біблію. Сію святую біблію наша православная всероссійская церковь какъ приняла отъ древле-вселенской православной греко-восточной церкви, вмѣстѣ съ самымъ крещеніемъ народа русскаго, такъ и хранить до днесь неизмѣнно, избѣгая всецерковно всякихъ лукавыхъ мудрованій относительно сего перваго источника правыя нашей вѣры.

Совокупность всего того, что проповѣдали Господь Іисусъ Христосъ и святые апостолы Его, но что не записано

въ каноническихъ книгахъ новаго завѣта, именно совокупность какъ священно-историческихъ преданій, такъ и уставовъ относительно христіанскаго священнодѣйствія, таинствъ и обрядовъ, такъ и правилъ относительно благоустройства церковнаго, называемыхъ канонами,—совокупность всего этого, не записаннаго въ священно-каноническія книги новаго завѣта, составляетъ сокровищницу священнаго Христова и апостольскаго преданія церкви. Это преданіе, все въ совокупности, хранится въ писаніяхъ мужей апостольскихъ, какъ и другихъ древнихъ отцовъ и учителей церковныхъ, въ несомѣнно апостольскихъ литургіяхъ и другихъ чинопослѣдованіяхъ совершенія таинствъ, въ несомѣнно апостольскихъ символахъ и каноническихъ правилахъ, въ разныхъ уставахъ, касающихся временъ и обрядовъ богослуженія, постовъ, призваній и т. п., ведущихъ свое начало несомѣнно отъ самыхъ святыхъ апостоловъ. Всю эту сокровищницу древняго апостольскаго преданія наша православная всероссійская церковь какъ приняла отъ православной греко-восточной церкви, такъ и хранитъ донынѣ неизмѣнно. Такъ вотъ несомѣнно, что святые апостолы сами составили и предали на храненіе церкви свой апостольскій символъ вѣры. Древнѣйшихъ апостольскихъ символовъ вѣры дошло до нашихъ временъ нѣсколько. Всѣ они разнятся между собою только въ буквѣ, да и то очень немного, въ нѣкоторыхъ только реченіяхъ. Въ мысли же, даже въ ихъ разстановкѣ и порядкѣ изложенія не разнятся нисколько. Эти апостольскіе символы, или лучше—этотъ апостольскій символъ употреблялся во всѣхъ церквяхъ древней христіанской вселенной до начала IV вѣка. Въ началѣ же этого вѣка оказалось нужнымъ распространить и разъяснить нѣкоторыя реченія апостольскаго символа относительно лица Богочеловѣка Іисуса Христа, въ отраженіе нечести-

вой ереси Арія, что и исполнено на I вселенскомъ никейскомъ соборѣ. Далѣе въ половинѣ того-же вѣка понадобилось распространить и разъяснить нѣкоторыя реченія апостольскаго символа относительно и третьяго лица Святыя Троицы, Бога Духа Святаго, въ отраженіе ереси Македонія, что и исполнено на второмъ вселенскомъ цареградскомъ соборѣ. На этомъ соборѣ нашъ символъ, въ сущности апостольскій символъ вѣры, получилъ на всѣ вѣка окончательное свое изложеніе. Почему нашъ символъ и называется никео-цареградскимъ. Третій же вселенскій соборъ, утвердивъ на всѣ вѣка, никео-цареградское изложеніе символа, заповѣдалъ навсегда употреблять его по всѣмъ церквамъ неизмѣнно не только въ мысли, но и въ буквѣ, и изрекъ анафемѣ на всѣхъ, кто дерзнулъ бы измѣнить его не только въ мысли, но и въ реченіи. Съ тѣхъ поръ никео-цареградскій символъ и хранится въ греко-восточной и нашей всероссійской церкви неизмѣнно не только въ мысли, но и въ каждомъ реченіи, безъ прибавленій и убавленій.

Подобнымъ же образомъ и совершаемая въ нашей православной церкви литургія ведетъ свое начало несомнѣнно также отъ святыхъ апостоловъ. Несомнѣнно, что святые апостолы въ свое время совершали литургію съ таинствомъ евхаристіи, какъ совершали же чинопослѣдованія и прочихъ таинствъ крещенія, муропомазанія, священства, покаянія, елеосвященія. Спрашивается, по какому чину совершали они божественную литургію? На что апостольскій вѣкъ и отвѣтствуетъ, по чину іерусалимской церкви, по такъ называемой литургіи святаго апостола Іакова брата Господня, перваго іерусалимскаго епископа, поставленнаго въ этомъ чинѣ самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Нужно объяснить, что литургія, носящая имя апостола Іакова, была литургіею не его одного, но и всѣхъ святыхъ апосто-

ловъ. Извѣстно изъ книги Дѣяній, что святые апостолы начали совершать таинство евхаристіи сряду же по сошествіи на нихъ Святаго Духа. Сперва, до разсѣянія отъ скорби, бывшей при Стефанѣ, всѣ апостолы проживали, проповѣдывали и ломили по домамъ божественный хлѣбъ тѣла Христова всѣ вмѣстѣ въ Іерусалимѣ. Да и по разсѣяніи св. апостолы многократно посѣщали Іерусалимъ и вступали въ общеніе вѣры и молитвы съ Іаковомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они и молились по литургіи Іакова же. А что такое литургія Іакова въ отношеніи къ другимъ литургіямъ? Не иное что, какъ первоначальный образецъ ихъ. Были и до нашего времени сохранились и другія литургіи апостольскія, напр. литургія св. апостола и евангелиста Марка, употреблявшаяся въ церкви александрійской. Всѣ эти литургіи сходны съ литургіею іерусалимской церкви апостола Іакова не только въ порядкѣ частей, но и въ составѣ ихъ и даже въ изложеніи. Затѣмъ извѣстно, что святой Василій Великій сократилъ литургію апостола Іакова для церкви кесарійской. А святой Іоаннъ Златоустъ еще больше сократилъ ту-же литургію для церкви константинопольской. Но обѣ эти литургіи, за исключеніемъ немногихъ извѣстныхъ послѣдующихъ прибавокъ, совершенно сходны съ литургіей апостола Іакова и по порядку частей и по содержанію молитвъ и пѣснопѣній и даже по буквѣ реченій. Такимъ образомъ въ литургіяхъ Василія Великаго и Іоанна Златоустаго мы слышимъ первоначальную, нѣсколько сокращенную, литургію апостола Іакова, брата Господня, перваго іерусалимскаго епископа, по которой молились и приносили евхаристію всѣ святые апостолы въ первоначальной церкви іерусалимской.

Изъ той-же литургіи апостола Іакова видно, что и по-

миновеніе усопшихъ ведетъ свое начало также отъ святыхъ апостоловъ. Молитвы объ усопшихъ читаются въ древнихъ апостольскихъ литургіяхъ, въ іерусалимской литургіи св. апостола Іакова, какъ и въ нашихъ литургіяхъ святыхъ Василия Великаго и Іоанна Златоустаго. Извѣстно, что поминовеніе усопшихъ въ первенствующей церкви совершалось съ нарочитою торжественностію. Совершалось надъ гробами почившихъ въ такъ называемыхъ кимитиріяхъ, — тоже что наши кладбища, — только эти кладбища устроились большею частію въ катакомбахъ. Тамъ во дни поминовеній собирались вѣрующіе и совершали панихиды (всенощныя молитвенныя бдѣнія) и панигирисы, торжественныя праздничныя моленія на гробахъ почившихъ, такъ какъ тогда дни кончины почившихъ назывались днями рожденія, рожденія для истой непреходящей вѣчной жизни въ предѣлахъ блаженной вѣчности. Почему эти дни рожденія для вѣчно блаженной жизни и праздновались живыми вѣрными съ особо-свѣтлою торжественностію, съ возжженными свѣтильниками, съ общими вечерами любви и т. д. Оттуда проистекли все обряды нашихъ поминокъ, наименование поминальныхъ молитвъ панихидами, возжженные свѣчи, приносы пшеничнаго хлѣба, меду, кутіи, разныхъ сластей, поминальныя трапезы, поминальныя милостыни и т. п. Все это несомнѣнно восходитъ по своему началу ко временамъ апостольскимъ и хранится нашею православною церковію, въ главныхъ чертахъ, неизмѣнно.

Многіе наши праздники, наши посты восходятъ также ко временамъ апостольскимъ, каковы праздники пасхи, пятидесятницы и другіе. Пасху, пятидесятницу несомнѣнно праздновали сами св. апостолы, тѣмъ болѣе, что эти христіанскіе праздники совпадали по времени и по значенію съ еврейскими праздниками пасхи и пятидесятницы, ко

торые праздновались не только апостолами, но и самимъ Иисусомъ Христомъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что сами же апостолы совершали празднованіе и святыхъ богоявленій, въ которомъ соединялись воспоминанія совмѣстно рождества Христова и крещенія, равно какъ сами же совершали празднованіе и благовѣщенія. Безспорно также происхожденіе отъ святыхъ апостоловъ поста святыхъ чотыредесятницы, какъ поста среды и пятка, такъ какъ объ этихъ постахъ, какъ существующихъ и обще-обязательныхъ, упоминается уже въ правилахъ апостольскихъ. Почти съ апостольскихъ же временъ извѣстенъ и во второмъ вѣкѣ упоминается, какъ обще-извѣстный въ церкви, постъ и празднѣе святыхъ апостоловъ, то есть, праздникъ нынѣшняго дня (29 іюня). А прочіе наши посты и праздники приурочены къ первымъ искони существовавшимъ. Такъ если искони существовали праздники благовѣщенія и богоявленій, то легко было расчесть, когда слѣдуетъ совершать память рождества святаго Предтечи. Вообще сроки главныхъ нашихъ праздниковъ или кончины древнѣйшихъ святыхъ сохранены въ памяти нашею церковію по древнему, отъ древнѣйшихъ, даже апостольскихъ временъ, отъ времени самыхъ событій, церковному преданію, какъ напр. дни кончины св. Іоанна Богослова, или первомученника архидіакона Стефана, или святыхъ равноапостольныхъ Маріи Магдалины и т. д. Почитаніе святаго креста, святыхъ мощей и другихъ посмертныхъ останковъ святыхъ Божіихъ, равно какъ и святыхъ иконъ, возводитъ насъ также не только къ первенствующимъ временамъ христіанства, но и прямо ко временамъ апостольскимъ. Нужно ли доказывать, что почитаніе живоноснаго гроба Господня, животворящаго креста и крестнаго знаменія упирается въ примѣръ самихъ святыхъ апостоловъ? Несомнѣнно то, что употребленіе крестнаго зна-

менія ведетъ свое начало, отъ самихъ святыхъ апостоловъ; что сами апостолы предали церкви Божіей крестное знаменіе, какъ внѣшній символъ для освященія и совершенія всѣхъ святыхъ таинствъ, для дѣйственной силы всѣхъ молитвословій церкви во имя Христова, о чемъ свидѣлствуютъ святые Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ іерусалимскій, да и всѣ святые отцы древней церкви словомъ и дѣломъ, да и примѣръ всей церкви, начиная съ апостольскихъ временъ. Какое же другое болѣе сильное доказательство нужно на то, что церковь съ апостольскихъ временъ оказывала благоговѣнное почитаніе посмертнымъ памятникамъ Господа Іисуса Христа, какъ не почитаніе креста, орудія позорной казни и прославленія Его? А какъ только церковь Христова освободилась отъ гоненій и получила свободу оказывать открытое почитаніе священнѣйшимъ памятникамъ самаго насажденія христіанства, святая царица Елена отыскала гробъ Господень и дѣйствительное орудіе животворящаго креста и всѣ святыя мѣста, освященныя стопами Господа Іисуса и пречистой Матери Его, для всеобщаго прославленія всѣми вѣрующими во всѣ вѣка. Всѣ эти многіе тысячи и милліоны поклонниковъ, ежегодно посѣщающихъ св. мѣста для благоговѣннаго поклоненія имъ на пространствѣ всѣхъ вѣковъ, простирающійся назадъ до равноапостольной царицы Елены и до самихъ св. апостоловъ, составляютъ непрерывающійся рядъ свидѣтелей католическаго церковнаго и апостольскаго преданія. Сомнѣваться въ первоначальномъ апостольскомъ происхожденіи этого поклоненія нѣтъ никакой возможности. Объ этомъ свидѣлствуетъ всеобщее стремленіе самихъ святыхъ апостоловъ въ Іерусалиму, равно какъ и всѣхъ вѣрующихъ со всѣхъ концовъ земли, начиная съ апостольскаго вѣка. Объ этомъ свидѣлствуетъ живость воспоми-

нанія, сохранившагося между христіанами до равноапостольной царицы Елены, о всѣхъ св. мѣстахъ, гдѣ Христосъ Господь и пречистая Матерь Его родились, жили и смерть вкусили. Объ этомъ свидѣтельствуется также стремленіе всего христіанскаго міра въ Римъ на поклоненіе гробамъ св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, въ сей самый день, посвященный памяти ихъ. Объ этомъ свидѣтельствуется благоговѣніе первенствующихъ христіанъ къ гробамъ мужей апостольскихъ, къ разнымъ посмертнымъ ихъ останкамъ, напр. веригамъ св. апостола Петра, къ костямъ Игнатія Богоносца, къ крови, праху, костямъ, мощамъ и гробамъ святыхъ мучениковъ. Объ этомъ свидѣтельствуется древне-вселенскій обычай созидать жертвенники, для принесенія святѣйшей ново-завѣтной жертвы, именно на костяхъ, мощахъ и гробахъ святыхъ мучениковъ. О благоговѣнномъ же почтеніи къ изображеніямъ Господа и святыхъ Его свидѣтельствуется уже записанное у Евсевія общецерковное преданіе о нерукотворенномъ Спасовѣ образѣ, истинное благоговѣніе къ сему образу и многимъ древнимъ копіямъ Его во многихъ древнѣйшихъ церквахъ. Объ этомъ свидѣтельствуется древнѣйшее преданіе, что евангелистъ Лука былъ не только врачъ, но и живописецъ, и передалъ потомству живописною кистью именно образъ пречистой Дѣвы Богородицы. Объ этомъ свидѣлствуютъ многія священныя изображенія Христа и евангельскихъ событій, находимыя въ древнихъ катакомбахъ, въ самыхъ молитвенныхъ храминахъ, которыя устроены были въ этихъ катакомбахъ. Объ этомъ свидѣтельствуется то, что самые первые храмы, которые стали созидаться открыто по всѣмъ предѣламъ христіанской церкви, начиная съ храма воскресенія надъ Голгофою и гробомъ Господнимъ, стали вмѣстѣ съ тѣмъ больше и больше украшаться и священными изо-

браженіями, что засвидѣтельствовалъ VII вселенскій соборъ, ссылаясь на примѣръ прежнихъ соборовъ, святыхъ отцевъ и всѣхъ церквей. Кто же осмѣлится теперь отрицать истину свидѣтельства древнихъ вселенскихъ соборовъ? Говорять, что иконопочитаніе есть идолопоклонство? Да, если изъ почитанія не только святыхъ иконъ, но и самихъ святыхъ кто-либо дѣлаетъ идолопоклонство. Но вы почитайте святыхъ иконы и самихъ святыхъ такъ, какъ учить церковь, какъ опредѣлила она характеръ и образъ иконопочитанія на VII вселенскомъ соборѣ, въ его вѣроопредѣленіи. Тогда здѣсь и будетъ истинное достодожное христіанское почитаніе святыхъ и священныхъ изображеній ихъ, а не языческое идолопоклонство. Вѣдь можно злоупотреблять и святынею. Можно и имя Господне призывать не только всуе, но и съ преступными цѣлями, какъ при жизни святыхъ апостоловъ нѣкоторые и злоупотребляли именемъ Господа Іисуса для волхвованія (Дѣян. 16, 16—19; 19, 13—19). Разумность и обязательность всеобщаго почитанія къ святому животворящему кресту, ко гробу Господню, ко гробу пречистыя Дѣвы, къ гробамъ, останкамъ и мощамъ святыхъ апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ и святыхъ святителей, какъ и къ святымъ иконамъ, подтверждена самымъ промысломъ Божиимъ, проявленіемъ отъ нихъ неисчерпаемаго множества знаменій и чудесъ, каковыя являются въ вѣдомомъ, совершенно достовѣрномъ, и невѣдомомъ множествѣ и до сего дне, какъ наприм. исцѣленія отъ святыхъ мощей святителя Тихона Задонскаго, достовѣрность которыхъ подтверждена обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ и присяжными показаніями очевидцевъ.

Весь составъ нашего богослуженія и церковнаго устава, въ основныхъ чертахъ, восходитъ также къ апостольской

древности, такъ какъ въ основу его заложенъ распорядокъ богослуженія церкви ветхозавѣтной, въ которомъ участвовали не только святые апостолы, но и самъ Господь Іисусъ Христосъ. Такъ распредѣленіе сроковъ годовыхъ и дневныхъ богослуженій и празднествъ расположилось во многомъ сообразно подобному же распредѣленію въ церкви ветхозавѣтной. Такъ празднованіе новолѣтія, пасхи и пятидесятницы въ христіанской церкви совпадало съ временемъ соотвѣтственныхъ праздниковъ въ церкви ветхозавѣтной, а соотвѣтственно этимъ главнымъ праздникамъ распредѣлились праздники, падающіе на всю нашу четырдесятницу и пятидесятницу. Распредѣленіе древнихъ сроковъ богослуженія, о чемъ упоминается и въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, прямо заимствовано изъ практики ветхозавѣтной церкви, какъ-то сроки утрени и вечерни, равно какъ и часовъ перваго, третьяго, шестаго и девятаго. Отсюда можно заключать, что и составъ этихъ частей богослуженія въ христіанской церкви сложился, больше или меньше, примѣнительно къ составу такихъ же частей богослуженія у іудеевъ, современныхъ Іисусу Христу и апостоламъ; а между тѣмъ и сами Они участвовали въ отправленіи ветхозавѣтнаго богослуженія по намѣченному уставу въ іерусалимскомъ храмѣ, какъ и въ синагогахъ іудейскихъ, въ Назаретѣ и другихъ мѣстахъ земли обѣтованной и т. д.

Когда св. равноапостольный князь Владиміръ, проплывъ изъ Кіева мимо нашихъ предѣловъ, именно мимо нашего нынѣшняго Херсона по днѣпровскимъ водамъ въ Херсонъ Таврическій, принялъ тамъ отъ православно-каѳолической греко-восточной церкви, вмѣстѣ съ преемственною по рукоположенію отъ святыхъ апостоловъ, преимущественно же отъ св. апостола Андрея Первозваннаго, церковною іерархією, святую православную соборно-каѳолическую и апостоль-

скую вѣру, то вмѣстѣ съ вѣрою принялъ онъ отъ греческой же церкви и св. біблію ветхаго и новаго завета, и всѣ памятники древле-вселенскаго апостольскаго преданія, и никео-цареградскій апостольскій символъ вѣры, и божественную литургію св. Василя Великаго и Іоанна Златоустнаго, которые только сократили апостольскую литургію первенствующей іерусалимской церкви св. апостола Іакова, брата Господня, перваго самимъ Христомъ поставленнаго іерусалимскаго епископа, и чинопослѣдованіе тайнствъ, и посты, и чинъ поминовенія умершихъ, и уставъ почитанія честнаго вѣста и гроба Господня, какъ гробовъ и посмертныхъ останковъ, костей, праха и мощей св. апостоловъ, мужей апостольскихъ, мучениковъ, исповѣдниковъ, святыхъ святителей, преподобныхъ и праведныхъ и всѣхъ святыхъ, изряднѣе же пречистыя преблагословенныя Дѣвы Богородицы, какъ и священные изображенія лицъ пресв. Троицы, Богочеловѣка Христа и всѣхъ угодниковъ Его. Отъ греческой же церкви наша всероссійская церковь приняла весь церковный чинъ и уставъ, какъ и всѣ церковно-богослужебныя и церковно-каноническія книги. При этомъ всегда задачею и красотою нашей церкви было весь этотъ заветъ древле-вселенской православной греко-восточной церкви соблюсти въ неприкосновенной цѣлости. И соблюдала все это наша церковь во все продолженіе тысячелѣтняго бытія своего въ полной неприкосновенности до днесь. Отъ греко-восточной же церкви наша церковь, вмѣстѣ съ крещеніемъ, пріяла и славянскій переводъ бібліи и церковно-богослужебныхъ книгъ, учиненный еще до крещенія Руси святыми равно-апостольными Меѳодіемъ и Кирилломъ, учителями словенскими. Если же наша церковь ко всему этому что-либо и прибавляла, то только ново-составленныя службы ново-явленнымъ въ самой Россіи

святымъ, явленнымъ чудотворнымъ иконамъ и нѣкоторымъ другимъ празднованіямъ. Но и эти службы у насъ составлялись не иначе, какъ по типу и духу древле-греческихъ церковныхъ чинопослѣдованій. Духъ нашей церкви не выносилъ ничего такого, что отступало бы въ церковныхъ чинопослѣдованіяхъ отъ типа древле-вселенскаго православнаго. Самые напѣвы церковные, во всемъ необходимомъ для богослуженія составѣ, мы получили отъ древней же церкви греко-восточной и восточно-славянской. Въ старинныхъ нашихъ примолгяхъ тѣ или другія церковныя пѣсни такъ и надписываются: «Греческаго распѣва, Болгарскаго распѣва» и т. п. Вообще хранимые нашею церковію простые церковные напѣвы очень древни; нѣкоторые, должно быть, древнѣе крещенія Руси, особенно же наши распѣвы на гласы. По всей вѣроятности отрадную пѣснь: *Христосъ воскресе*, наша церковь и тысячу лѣтъ назадъ пѣла тѣмъ же распѣвомъ, какимъ поетъ и нынѣ. Оттого онъ, при всей его простотѣ, такъ и умилителенъ, такъ и дорогъ, такъ и родственъ христолюбивому русскому сердцу. Въ немъ, въ этомъ распѣвѣ, дышетъ на насъ своимъ духомъ священная сѣдая древность, которая умилялась имъ и тогда, когда еще была цвѣтущею юностію Христовой церкви.

Теперь спрашивается, что такое штунда? Штунда, происхожденіемъ которой русская земля обязана здѣшнему обь-европеивающемуся краю, имѣетъ родословную связь со всеми западно-европейскими отпаденіями отъ истины католическаго православія.

Такъ первыми протестантами противъ истинно католическаго православія были римскіе папы, которые, помѣшавшись на идеѣ духовно-всмірнаго владычества, усвоили себѣ яко-бы непогрѣшимую власть сокрушать и ученіе и

правила древле-вселенской апостольской церкви, и злоупотребляя этою самозванно восхищенною властію, исказили догматы объ исконномъ католическомъ распредѣленіи и взаимномъ соотношеніи членовъ правящей іерархіи и правящаго народа; исказили догматъ объ исхожденіи святаго Духа, догматы о совершеніи таинствъ крещенія, миропомазанія, евхаристіи, догматъ о покаяніи и удовлетвореніи, догматъ о священствѣ и священнической юрисдикціи, какъ и о таинствѣ послѣдняго елеопомазанія; исказили, приблизивъ къ пелагіанству, догматъ о дѣйствіи спасающей благодати, превративъ это дѣйствіе въ какое-то матеріально-механическое (*opus operatum*), откуда естественно связано вытекли ученія объ индульгенціяхъ, о загробномъ чистилицѣ, о приизбыточествующихъ заслугахъ святыхъ и нескверномъ зачатіи пренепорочныя Дѣвы. Кромѣ всѣхъ сихъ отклоненій римскаго католичества отъ правоты истинно католическаго православія, въ латинской же церкви, во первыхъ, явилось заблужденіе и о свободномъ произволеніи (*liberum arbitrium*), а затѣмъ уже въ ея расколѣ, въ протестантствѣ. Это неправое право свободного произволенія сочинять догматы и правила вѣры въ латинской церкви усвоается однакоже единственно только ея главѣ, якобы непогрѣшному римскому папѣ. Во всемъ же остальномъ латинское христіанство стоитъ еще на почвѣ древняго истинно католическаго христіанства, принимая всю въ цѣлости біблію за богодухновенный источникъ христіанства (но и тутъ внесши не мало заблужденій относительно механической непогрѣшимости каждой буквы латинской вульгаты и т. д.), принимая и древнее преданіе также за источникъ праваго ученія, принимая и древніе символы, и праздники, и посты, и поминовеніе усопшихъ, и почитаніе иконъ и всяческихъ святыхъ реликвій, хотя и не оставивъ ни-

чего изъ этого въ чистомъ непоручномъ древле-каеолнческомъ видѣ, напротивъ наложивъ на все это, на весь строй, на весь какъ внутренній, такъ и вѣшній типъ церкви разрушительную руку папскаго самовластія, вооруженную еретическимъ принципомъ якобы непогрѣшимаго произвольнаго мнѣнія (*liberum arbitrium*) самозваннаго главы церкви, который уполномоченъ свое изрекаемое отъ кафедры о вѣрѣ мнѣніе навязать всей церкви, какъ догматъ, даже вопреки вселенскому собору.

Протестантизмъ Лютера былъ естественнымъ плодомъ протеста папскаго противъ истинно апостольскаго древле-вселенскаго православія, отнявъ право обязательнаго для всей церкви свободнаго мнѣнія и произволенія въ дѣлахъ вѣры у римскаго папы, а наоборотъ щедро надѣливъ этимъ правомъ свободнаго мнѣнія всякаго уже вѣрующаго, папѣ же оставивъ этого произвола не болѣе, какъ и всякому простому христіанину. А вооруживъ всѣхъ вѣрующихъ этимъ правомъ, протестантизмъ уже не задумываясь сталъ нѣкоторыя крайности латинства преувеличивать, другія сокрушать, но сокрушать вмѣстѣ съ тѣмъ безпощадною рукою и всю цѣльность древле-апостольскаго православія, безпощадно исключая изъ священнаго канона разныя писанія признававшіяся отъ апостольскихъ временъ каноническими, всецѣло отвергнувъ преданіе какъ источникъ вѣры, устранивъ обязательно-учительный и пастырскій авторитетъ церковной іерархіи; прервавъ преемство отъ апостоловъ епископскаго рукоположенія; отвергнувъ епископство въ принципѣ, какъ высшую особо-полноправную степень священства; отвергнувъ самое священство, какъ таинство; оставивъ только пустыя наименованія древнихъ степеней священства какъ церковно-гражданскихъ чиновъ; отвергнувъ съ священствомъ цѣлыхъ пять таинствъ; исказивъ и та-

иство крещенія, передачею совершенія его исключительно въ руки мірянъ безъ благодатнаго посредства уполномоченнаго на строеніе таинъ Божіихъ священства; исказивъ и таинство евхаристіи не только тѣмъ-же устраненіемъ священства, нарочито освященнаго благодатію для совершенія таинъ, но и новымъ еще, неслыханнымъ въ истинно-апостольской церкви ученіемъ о проицаніи, ослабивъ древнее католическое ученіе объ истинномъ тѣлѣ и истинной крови Христовыхъ въ освященныхъ дарахъ; исказивъ ученіе о воздѣйствіи на человѣка и спасающей благодати, которая будто бы только по вѣрѣ во Христа механически прикрываетъ всегда и всецѣло по естеству сквернаго человѣка, безусловно неспособнаго ни къ какому истинному добру, почему наши добрыя дѣла и неспасительны. При единѣ — спасающей вѣрѣ во Христа не нужно протестантамъ и предстательство за насъ святыхъ. Не нужно и почитаніе ихъ, какъ спасенныхъ тою же вѣрою безъ дѣлъ истинной святости. Не нужно, даже преступно почитаніе иконъ, реликвій святыхъ. Безплодно поминовеніе усопшихъ, такъ какъ болѣе или менѣе всѣ избранные спасаются непреодолимо по безусловному предопредѣленію. Излишни и посты, когда не нужны для спасенія никакія добрыя дѣла, никакіе подвиги покаянія для заслуги ко спасенію. Вѣруй во Христа и спасешься. Только и требуется.

Кальвинизмъ пошелъ дальше лютеранства, во многихъ пунктахъ вѣроученія и практики церковной, между прочимъ превративъ таинство евхаристіи уже только въ простой символъ тѣла и крови Христовой, трапезу евхаристіи только въ назидательное воспоминаніе, а причащеніе тѣла и крови Христовыхъ только въ причащеніе духовное символическое. Затѣмъ и нельзя перечислить, да и не станемъ перечислять сотни и тысячи сектъ, образовавшихся

въ нѣдрахъ протестантства, сектъ, которыя шли не назадъ къ ортодоксіи лютеранской, латинской и наконецъ древле-кафолической, апостольской, Христовой. Напротивъ всѣ они, болѣе и болѣе, быстрѣе и быстрѣе, стремились къ разрушенію древняго христіанства. Скажемъ о меннонитахъ. Эти все въ христіанствѣ превратили въ символъ, въ духовность, отвергнувъ всю христіанскую догматику, своеобразно толкуя самое нравственное ученіе, преувеличивая нѣкоторые намеки первоначальнаго христіанства на общинность жизни вѣрующихъ (на коммунизмъ), на духовную свободу вѣрныхъ отъ нечестивыхъ, по ихъ мнѣнію, властей, на несообразность войнъ съ духомъ Христовымъ; почему очень снисходительно къ самимъ себѣ меннониты и уволили себя отъ воинской повинности, превративъ крещеніе въ назидательное омытіе, евхаристію въ назидательное воспоминаніе—не болѣе, въ трапезу, хлѣбъ и чашу взаимнаго общенія, отвергнувъ пол-библіи (весь ветхій заветъ), конечно всякій авторитетъ учащей и правящей церкви; отвергнувъ благодатную силу священства, превративъ его въ простое пресвитерство, или старѣйшинство между вѣрными; отвергнувъ не только иконы, но и почитаніе креста, отвергнувъ всѣ древніе праздники христіанства, всѣ посты, весь богослужебный чинъ и уставъ; предоставивъ всякому вѣрному сочинять для себя и другихъ молитвы, пѣсни, учительныя изреченія, даже своеобразныя пророчества, по свободному вдохновенію. Но какъ подобное разрушительное ученіе, разрушавшее въ корнѣ обязательность и гражданскаго долга, не могло быть терпимо даже въ германскомъ отечествѣ всѣхъ такихъ сумазбродствъ, то эти сектанты и кинулись искать простора своему анти-церковному и анти-государственному исповѣданію въ широкихъ степяхъ Россіи. А наши государственные люди, для насажденія

здѣсь европейской культуры, для просвѣщенія якобы темнаго русскаго люда, призвали въ широкія здѣшнія степи, обильно утучненныя русскою кровію, разныхъ инородцевъ, привлекая ихъ широкою льготою исповѣдывать свое антихристіанское и анти-государственное вообще, не говоря уже о томъ, что анти-русское ученіе. Они и отблагодарили Россію, пустивъ въ нее ядъ штунды, только всего.

Вотъ нѣсколько нашихъ малороссовъ, поучившись у нѣмецкихъ меннонитовъ, почитавъ съ ними немного евангелія, узнавъ то, чего до сихъ поръ не знали, а не знали они до сихъ поръ, къ несчастію и стыду, почти что ничего, и вообразивъ, что теперь-то они попали въ свѣтъ евангелія, а прежде того ходили во тьмѣ отца нашего діавола и похоти его творили; какъ и всѣ православные, съ насъ архіереевъ богослововъ начиная, по мнѣнію этихъ сектантовъ, не ходятъ во свѣтъ евангелія и похоти отца своего діавола творятъ, пребывая въ діавольской тьмѣ,—вотъ эти два-три десятка малороссовъ простецовъ совѣтъ сотвориша съ нѣсколькими десятками инородцевъ, которые чуть-чуть поумнѣ ихъ, и рѣшили отвергнуть всецѣло все православіе, которое проповѣдывали Іисусъ Христосъ и апостолы, истолковали сотни и тысячи величайшихъ для своего, какъ и для всякаго времени умовъ отцовъ и учителей церковныхъ, которое утвердили вселенскіе и помѣстные соборы верховныхъ пастырей церкви архіереевъ, просвѣщенныхъ и научно и просвѣщаемыхъ Духомъ Божиимъ, по преемственной отъ апостоловъ благодати священства, а вмѣсто древле-апостольской православной рѣшили составить свою собственную вѣру на основаніи принципа свободнаго мнѣнія (*liberum arbitrium*), по которому всякъ воленъ спастись, какъ самъ знаетъ, и сочинять себѣ вѣру, какую кто хочетъ. И сочинили! Сперва заняли почти все отъ ино-

родцевъ. А затѣмъ сами простецы, по просту говоря, мужички малороссійскіе, бѣлороссійскіе, да и Россійскіе собираются вотъ на соборы, по своему разумѣнію толкуютъ евангеліе, рѣшаютъ вопросы вѣры: ломай больше, вѣряѣе будетъ, скорѣе доберешься до самой сути вѣры. Оно и правда. Главное, ломай старую вѣру, которой не знали, за которую еще дѣды ихъ, не говоря о прадѣдахъ, проливали кровь свою во браняхъ, въ мукахъ гоненія отъ невѣрныхъ, отъ турчины, отъ татарщины, отъ польщизны. Ломай все старое, святые иконы, посты, праздники, все церковные, отъ апостоловъ идущіе уставы, все древнія молитвы и пѣсни и роспѣвы церковные,—это будетъ самый вѣрный путь спасенія, самая чистая штунда. Названія чиновъ церковныхъ, съ ихъ властію и доходами, оставить, безъ этого нельзя! Иначе изъ за чего же заправители штунды станутъ и радѣть о ней? Понадѣлали вотъ самозваныхъ пресвитеровъ, протопресвитеровъ, апостоловъ! Надѣлаютъ и христовъ и боговъ саваофовъ, святыхъ дѣвъ богородицъ, какъ надѣлали же подобныхъ чудищъ молокане—хлысты тамбовскіе, донскіе, кавказскіе, закавказскіе! Главное же, старину христіанства ломай, сперва вѣроисповѣдную, а затѣмъ можно тронуть и социальную... Сто лѣтъ тому назадъ наши политики этой роковой связи не понимали и охотно пускали отсѣчь одну изъ двухъ ногъ, на которыхъ двигался прочно и стоялъ крѣпко общенародный русскій строй. Теперь же это стало очевидно всякому...

Я говорилъ и повторяю. Вообразимъ, что мы въ вотъ, человѣку образованному и даже довольно ученому богослову, вздумалось бы по своему съ 10—20 человѣкъ, также образованныхъ, сочинить свою, конечно, поумнѣе нашей малороссійской штунды, вѣру, отвергнувъ старо-церковную и апостольскую вѣру,—кому понадобилась бы наша само-

дѣльная вѣра? Между тѣмъ штунда отыскиваетъ легко тысячи послѣдователей. Странно до нелѣпости, а вѣрно. Отъ чего же это? Вѣдь штунда—несомнѣнно самодѣльная вѣра нѣсколькихъ простецовъ. Только оттого, что штунда есть разрушеніе старой вѣры, оттого, что штунда есть снятіе узъ апостольской вѣры, приводящихъ и умы и необузданную волю въ покореніе истинѣ Христовой. О! человечество все повально въ послѣдніе сіи дни, по пророчествамъ Христовымъ и апостольскимъ, стремится къ снятію съ себя благаго ига и легкаго бремени Христова. Оттого тамъ, гдѣ съ апостольскихъ временъ рѣшали по затруднительнымъ вопросамъ соборы апостоловъ и святыхъ отцовъ, мудрейшихъ и богопросвѣщеннѣйшихъ мужей на пространствѣ вѣковъ, тамъ въ сіи послѣдніе дни рѣшаютъ деревенскіе простецы, самозванные пресвитеры и протопресвитеры, кощунственные якобы апостолы, кощунственные якобы люди Божіи, считающіе насъ, православныхъ, строгихъ послѣдователей изначальной Христовой, апостольской, католической истины, сынами діавола, ходящими во тьмѣ.

Что же дѣлать?

Все то всѣмъ дѣлать, что заповѣдуютъ Христосъ Господь и святые Его апостолы, жить и мыслить по божьему. Дѣйствительно, соблазнительна во многомъ жизнь православныхъ, соблазнительно шатанье умовъ и правовъ, шатанье внѣ духовнаго свѣта.

Нужно учить, противопоставить, ученью ученье. Увы! Штунда есть ученье. Штунда сравнительно съ иракомъ, въ какомъ пребывалъ до нынѣ нашъ православный народъ, представляется для многихъ своего рода свѣтомъ,—свѣтъ пусть и тусклый, стократно преломленный и разсѣянный, ложный и вводящій во тьму заблужденія, но все же какой нибудь да свѣтъ просвѣщенія. Вотъ они всѣ повально

учатся грамотѣ, все повально въ одиночку и всенародно читаютъ евангеліе, толкуютъ, проповѣдуютъ, умудряются. Говорилъ и повторяю. Всякій римскій католикъ обязуется изучать и знать свою вѣру, около 15-лѣтняго возраста онъ испытывается и если окажется несвѣдущимъ, не удостоивается конфирмаціи, таинства муропомазанія. Всякій протестантъ обязуется изучать больше или меньше грамоту и непременно свою вѣру, около 15-лѣтняго возраста онъ испытывается и если окажется несвѣдущимъ, не удостоивается конфирмаціи, перваго причастія. Даже, увы, нашъ русскій татаринъ, мусульманинъ, всякій мальчикъ и всякая дѣвочка, обязуется знать грамоту и свою вѣру; всякій мулла есть обязательный и полнѣнравный учитель всякаго мальчика; всякая жена муллы есть уполномоченная и естественная учительница всякой дѣвочки. Оттого татары мусульмане и знаютъ свою вѣру и любятъ ее, потому что знаютъ. А нельзя любить того, чего не знаешь (*ignoti nulla cupido*). Всякій еврейскій мальчикъ обязанъ знать грамотѣ и изучить свою вѣру. Оттого евреи и любятъ свою вѣру и несомнѣнно въ массѣ они образованнѣе. Взять нашъ русскій расколъ, и тамъ учатъ грамотѣ чаще и вѣрѣ крѣпче, чѣмъ у русскихъ православныхъ. Взять вотъ теперь и штунду,—и та теперь повально взялась за ученіе грамотѣ, да за чтеніе новаго завѣта, да за религіозныя собесѣдованія. Въ какой же вѣрѣ и въ какой церкви вѣрующій можетъ родиться, жить и умереть, вовсе не изучая и не зная своей вѣры? Единственно у насъ. Горько, позорно, но истинно. Есть и въ нашей церкви законы и правила и наставленія, требующія и отъ пастырей и отъ пасомыхъ, чтобы всякъ вѣрующій изучалъ и зналъ основы своей вѣры. Но увы; народная темень до сихъ поръ препятствовала проникновенію всякаго свѣта въ ея густую среду по мно-

понятія: однимъ исключается другое. Насильственное, отважное, упорное вторженіе ново-модныхъ яко-бы церковныхъ напѣвовъ, это вторгающаяся въ нѣдра самой церкви та же шпунда!

Отъ нея же избави насъ, Христе Царю многомилостиве, молитвами сватыхъ славныхъ и всехвальныхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла и всѣхъ святыхъ апостоловъ и всѣхъ святыхъ. Аминь.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. Мечникова

ПОУЧЕНІЕ

въ день памяти святыя равноапостольныя Маріи Магдалины и тезоименитства Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

О ПРАВѢ СОБСТВЕННОСТИ.

Прохождение Иисуса сквозь грады и веси, проповѣдую и благовѣствуя царствіе Божіе. И обанадешате съ Нимъ. И жены нѣкія, Марія Магдалина, Іоанна и Сусанна, и ны мнози, яже служашу Ему отъ имѣній своихъ (Лук. 8; 1—3).

Вотъ святыя жены мученицы служили Господу Иисусу Христу и сущимъ съ Нимъ ученикамъ Его, во время трехлѣтняго странствованія Его для проповѣданія евангелія, отъ имѣній своихъ. Явно, значитъ, что христіанство признаетъ право владѣнія имѣніями, право собственности.

Что христіанство признаетъ право собственности, это и безспорно и всякому извѣстно. Но какъ, въ какомъ смыслѣ, въ какой мѣрѣ признаетъ, это предметъ недоумѣнія для многихъ, предметъ пререканій; это вопросъ, который по неясному усвоенію твердаго рѣшенія его христіанскимъ или полухристіанскимъ сознаніемъ, вводитъ многихъ и въ заблужденіе. Постараемся разъяснить его съ возможною праткостію.

Съ христiанской, да и съ философской точки зрѣнія собственникъ можетъ быть безусловный и условный. Безусловный собственникъ есть только Богъ, творецъ всего и вседержитель. *Господня земля и исполненiе ея, вселенная и вси живущiи на ней.* Господня земля и что наполняетъ ее, вселенная и все живущее на ней, потому, что Господь основалъ ее на горахъ, и на рѣкахъ утвердилъ ее (Псал. 23, 1—2). Потому что Онъ основалъ самыя горы, утвердилъ самыя рѣки. Потому что Онъ создалъ и всѣ стихiи, создалъ и материалъ ихъ или субстратъ, и свойства, и законы, и условiя ихъ проявленiя и развитiя. Однимъ словомъ, весь мiръ обязанъ Богу создателю всѣмъ бытiемъ своимъ, обязанъ происхожденiемъ своимъ не только по материалу или субстрату, но и по качествамъ своимъ, и обратно не только по качествамъ, но и по материалу или субстрату своему, по всему существу своему и проявленiю. Но этого мало. Богъ не только творецъ всего безусловно, но и вседержитель. Если бы Онъ создалъ мiръ такъ, что мiръ могъ бы по созданiю существовать независимо отъ Бога, то при такомъ отношенiи Бога къ мiру и обратно Богъ не былъ бы безусловнымъ собственникомъ вселенной, а мiръ былъ бы чуть не вполне независимъ отъ Бога. Нѣтъ. Мiръ не только въ происхожденiи своемъ, но и въ продолженiи, есть не болѣе, какъ проявленiе творческаго слова, творческой мысли или идеи. Существуетъ идея, и осуществляетъ мiръ. Для Бога мiръ есть идея, не болѣе, такъ какъ у Бога для Бога Его идеи имѣютъ такъ называемое реальное значенiе. Для ограниченаго же созданiя мiръ неодолимо оказывается реализованною, осуществленною независимо отъ нашего сознанiя, внѣ его существующею идею безконечнаго творческаго ума. Отъ того умъ этотъ не есть только творческiй, но и вседержительный,

всепромыслительный. Въ этомъ то смыслѣ Богъ и называется вседержителемъ. Онъ есть безусловно свободный вѣчный носитель своихъ творческихъ идей, а эти идеи осуществляютъ вселенную и все, что на ней. Не только единократно Богъ помыслилъ и міръ получилъ бытіе; но Богъ въ вѣчное днесь вѣчно мыслить, и міръ сохраняетъ свое бытіе въ безконечные вѣки. Если бы Богъ отвратилъ свое лицо, то все во вселенной пришло-бы въ смятеніе и исчезло и возвратилось бы въ персть, изъ которой произошло, а самая персть превратилась бы въ ничтожество. Такимъ образомъ міръ обязанъ Богу, не только какъ творцу своему, единократнымъ своимъ осуществленіемъ; но и постояннымъ своимъ существованіемъ обязанъ Богу же, какъ вседержителю. Такимъ образомъ въ Богѣ заключается источникъ не только единократно полученнаго, но и постоянно продолжающагося бытія всего міра и всего, что въ мірѣ. Въ Богѣ, въ безусловной волѣ Его и мысли, начало міра и продолженіе и возможный конецъ. Въ этомъ смыслѣ Богъ есть безусловный собственникъ всего міра: все въ мірѣ отъ Бога происходитъ, отъ Бога зависитъ, да къ Нему же и возвращается, Имъ во всемъ безусловно направляется къ осуществленію Его творческихъ промыслительныхъ идей.

Человѣкъ же можетъ быть собственникомъ только условнымъ.

Собственникомъ онъ можетъ быть только потому, что въ извѣстной мѣрѣ отражаетъ въ себѣ свойства творца и вседержителя Бога, именно свойства Его разума и свободы, Его творчества и промыслительности. Такъ существо неразумное не можетъ быть собственникомъ ни въ какомъ смыслѣ. Не только дерево не имѣетъ собственности, но и животному никто не думаетъ усвоить право собственности, потому что ни одно изъ животныхъ само не сознаетъ за

собою этого права, хотя и защищает свое логовище, свое гнѣздо, когда его отымаютъ или разоряютъ. Самая точная психофизика выпущдена отказать животнымъ въ такъ называемыхъ общихъ понятіяхъ, въ понятіяхъ о правѣ, о нравственныхъ правилахъ и отношеніяхъ, хотя и усваиваетъ животнымъ конкретныя представленія, текущія на настоящую минуту представленія о данномъ предметѣ, о принадлежности животному въ настоящую минуту той или другой вещи, напр. о принадлежности собакѣ кости, которую та въ эту минуту гложетъ, а въ слѣдующую кидаетъ... Даже высшее животное даже дѣтей своихъ, даже собственныя части своего тѣла не признаетъ своею принадлежностію. То и другое только чувствуется, пока чувствуется, но не мыслится животнымъ какъ принадлежность. Пока дитя болитъ въ чувствѣ животной матери, до тѣхъ поръ она готова биться за него на смерть; но послѣ извѣстнаго момента даже матери, не говоря объ отцахъ, перестаютъ и узнавать своихъ дѣтей. Снятую шерсть или кожу, потерянный рогъ, упавшее копыто, усѣченный хвостъ животное быстро перестаетъ чувствовать своею принадлежностію. Тутъ о признаніи права собственности въ сознаніи животныхъ не можетъ быть и рѣчи. Но животное сознаніе очень много отражается и въ человѣческомъ сознаніи, такъ какъ и человѣкъ на половину есть животное. Многие-ль и изъ людей станутъ мыслить себя собственниками своихъ собственныхъ выщипанныхъ волосъ или отрѣзанныхъ ногтей или своихъ далеко и широко развѣтвившихся правнуковъ съ ихъ волосами, ногтями и т. д. Поэтому человѣкъ можетъ быть признаваемъ собственникомъ столько не болѣе, сколько самъ собственнымъ разумомъ мыслить себя и собственной свободною волею хочетъ быть собственникомъ чего либо.

Но этого мало.

Дѣйствительно, человѣкъ не можетъ быть признаваемъ собственникомъ болѣе того, сколько мыслить себя собственникомъ въ собственномъ разумѣ и хотеть быть имъ по собственной волѣ. Но вопросъ, можетъ ли онъ быть признаваемъ собственникомъ и на столько, на сколько самъ себя мыслить и самъ хотеть быть таковымъ? Гдѣ, въ чемъ основа его права быть дѣйствительнымъ собственникомъ? И въ какой точной мѣрѣ онъ можетъ быть таковымъ? Дѣйствительно, бесспорнымъ собственникомъ онъ бываетъ въ той мѣрѣ, не болѣе ни менѣе, на сколько онъ отражаетъ въ себѣ Божію творчества и Божіей промыслительности. Дѣйствительно, то бесспорно принадлежитъ человѣку, какъ его собственность, что онъ создалъ собственнымъ разумомъ и собственною волею и что онъ охраняетъ и поддерживаетъ тѣми-же разумомъ и волею. Вотъ это разумная основа всякаго права собственности: прямое созданіе человѣческихъ разума и воли есть полная собственность человѣка.

Но и тутъ нужно точное разграниченіе права человѣка отъ безусловнаго права творца и вседержителя Бога во первыхъ, а во вторыхъ и отъ другихъ привходящихъ условныхъ же правъ другихъ людей. Такъ данная вещь на столько можетъ быть бесспорною собственностью человѣка, на сколько на ея приспособленіе къ извѣстной цѣли онъ положилъ своего разума и доброй воли. Т. е. точнѣе, собственностью человѣка можетъ быть только то качество или состояніе вещи, какое человѣкъ вызвалъ въ ней усиліями своего разума и воли. Матеріаль же или сукстратъ вещи, со всеми другими неисчислимыми ея качествами и проявленіями, никакъ не можетъ принадлежать человѣку. Напр. гнѣздящіеся на нивѣ и поющіе по поднебесью жаворонки не принадлежать хозяину нивы. Въ такомъ случаѣ это условное право будетъ безконечно отстоять отъ безуслов-

наго права Божія; такъ какъ никакая вещь не можетъ составлять нераздѣльную собственность человѣка по своему матеріалу и естественнымъ качествамъ, по законамъ своего бытія и естественнымъ формамъ своего проявленія. Она составляетъ безспорную собственность человѣка единственно только искусственными, вызванными имъ самимъ для извѣстной цѣли своими проявленіями. Но и тутъ человѣкъ собственникъ долженъ помнить опять, что и самъ онъ своимъ собственнымъ бытіемъ и разумомъ и свободою волею, и извѣстнымъ ихъ развитіемъ, и способностію ихъ выработать въ вещи извѣстныя искусственныя качества,--что всѣмъ своимъ онъ обязанъ Богу же творцу и промыслителю. Значить, даже то качество вещи, которое вызвано къ бытію разумомъ и волею человѣка, относится въ концѣ концовъ къ разуму и хотѣнію божественному. Слѣдовательно въ существѣ дѣла ничто въ мірѣ не можетъ составить безусловную собственность человѣка. Далѣе человѣкъ долженъ помнить и то, что дѣйствительнымъ поддержаніемъ своимъ вызванными имъ искусственными качества вещи составляютъ его собственность единственно на столько, на сколько самъ онъ силенъ и поддерживать ихъ; наприм. вода, которую человѣкъ несъ въ ведрѣ, перестаетъ быть его собственностію съ минуты, что онъ уронилъ ведро и вода разлилась. Но на сколько эти качества поддерживаются естественными условіями своего бытія, т. е. хотѣніемъ той-же воли Божіей, на столько они не зависятъ отъ человѣка собственника. Сверхъ того долженъ человѣкъ помнить и то, что безусловно лишенный возможности отрѣзать себя отъ общества другихъ людей, своимъ правомъ собственности, въ каждомъ самадѣйшемъ случаѣ, человѣкъ обязанъ дѣлиться съ другими людьми. Обязанъ дѣлиться съ другими, на сколько тѣ родили и воспитали и образовали его, на сколько охраняютъ

его своимъ общественнымъ строемъ и даютъ ему способы обнаруживать свое созидющее и охранительное вліяніе на той или другой вещи, считаеюмъ имъ за свою собственность. Во всякомъ случаѣ, безспорною своею собственностію человѣкъ можетъ считать только то искусственное качество въ вещи, какое онъ вызвалъ и охраняетъ въ ней, для собственной нужды, собственнымъ разумомъ и волею, и на столько—не болѣе, на сколько не участвуютъ въ произведеніи и охраненіи того же искусственнаго качества вещи съ одной стороны творецъ и вседержитель Богъ, а съ другой и прочіе люди.

Но какъ ни одному человѣку ни подъ какимъ видомъ невозможно отдѣлать ни себя самого ни какое либо свое произведеніе отъ вліянія не только Бога творца и вседержителя, но даже отъ вліянія и общества человѣческаго, поэтому человѣкъ можетъ мыслить себя собственникомъ искусственнаго, вызваннаго и сохраняемаго имъ качества вещи не болѣе какъ на столько, на сколько согласны подѣлиться съ нимъ своимъ правомъ собственности на то же произведеніе съ одной стороны Богъ вседержитель, а съ другой—общество человѣческое.

Своимъ безусловнымъ правомъ собственности Богъ творецъ и вседержитель дѣлится съ человѣкомъ иногда по прямой своей волѣ и соизволенію, иногда же только по поущенію безъ благоволительнаго соизволенія. Но въ обоихъ случаяхъ Богъ всегда направляетъ человѣческое право собственности своимъ предопредѣленіемъ, творческимъ устроениемъ и промыслительнымъ направлениемъ законовъ и судебъ общечеловѣческаго развитія. Въ свою очередь и общество человѣческое дѣлится своимъ общественнымъ правомъ собственности съ тѣмъ или другимъ частнымъ членомъ своимъ или по прямой своей волѣ и сочувственному соиз-

воленію, или же только по попущенію, по законамъ и по степени своего обще-человѣческаго, или обще-народнаго, вообще общественнаго развитія.

Приложимъ теперь эти общія философско-христіанскія понятія о правѣ собственности къ исторіи развитія этого права, какъ оно раскрывается въ божественномъ откровеніи.

Въ настоящемъ своемъ видѣ право собственности возникло уже по паденіи человѣка, хотя корни этого права и покоются въ состояніи человѣка до грѣхопаденія.

Вотъ до грѣхопаденія благословилъ Господь первозданныхъ невинныхъ людей и сказалъ имъ: *раститесь и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими, и звѣрьми, и птицами, и всѣми скотами, и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающимися по землѣ* (Быт. 1, 28). Выходитъ, что Богъ подѣлился съ человѣкомъ своимъ правомъ собственности надъ землею, и подѣлился такъ, что безусловное право Божіе не умалилось, а человѣку даровано очень многое. Даровано господство надъ всею землею, особенно же господство надъ всею землею тварью, надъ всею органическою природою. Но безграничное ли господство даровано? Нѣтъ, предоставлено право условное ограниченное. Человѣку подчинены только извѣстныя, а не всѣ стороны или качества земной твари. Не предоставлено напр. право уничтожить земную тварь или остановить по своей прихоти бѣгъ земли вокругъ солнца, и тому подобное. Богъ отдаетъ землю въ обитель невинному человѣку, чтобъ онъ, плодясь и размножаясь, селился на ней и наполнялъ ее. Богъ подчиняетъ человѣку землю со всѣми ея тварями, чтобы человѣкъ былъ господиномъ ея, чтобы господствовалъ надъ нею, чтобы имѣлъ ее *подъ собою, подъ сподомъ* своимъ, чтобы имѣлъ *власть* надъ нею, *обладая* ею; т. е. чтобы держалъ ее подъ

собою, какъ оглаwiająщій ее господинъ, въ богоустановленномъ *ладу* или *чинѣ*.

Этого мало. Невинному человѣку Богъ отдалъ землю съ ея твореніями не только во власть, какъ господину, для содержанія ея въ извѣстномъ чинѣ; но и какъ существу органическому, нуждающемуся въ питаніи, отдалъ низшую органическую, именно растительную, какъ мало чувствующую и еще меньше сознающую тварь, даже въ пищу человѣку. Именно отдалъ въ пищу невинному человѣку всякую траву, сѣющую сѣмя, и слѣд. неистребимую, и всякое дерево, у котораго плодъ древесный, сѣющей сѣмя, и слѣдовательно неистребимое въ своемъ родѣ.

Но простерши право собственности человѣка надъ тварію до права употреблять низшую органическую живую тварь даже въ пищу, Господь и ограничиваетъ это право, вручая человѣку свою тварь не только въ пользованіе, но и въ воздѣлываніе и въ береженіе. Такъ, поселивъ невиннаго человѣка въ раю сладости, Богъ отдалъ ему рай въ жилище не для того только, чтобы пользоваться имъ, но и воздѣлывать его своимъ трудомъ и упражненіемъ, и хранить его, беречь его въ сохранности для себя самого, чтобъ не потерять его, чтобъ не уронить его изъ рукъ своихъ, чтобъ рай не извергнулъ изъ себя своего настоящаго господина, первозданнаго человѣка. Потому-то Господь поставилъ въ раю и постоянное напоминаніе невинному человѣку объ условности и ограниченности его права собственности надъ раемъ, напоминаніе въ древѣ познанія добра и зла. Произрастивъ въ раю всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, чтобы оно давало человѣку своими плодами постоянное безсмертіе, и дерево познанія добра и зла, подчинивъ съ нѣкоторыхъ сторонъ владычеству человѣка и это дерево наряду съ дру-

гими, чтобы человекъ господствовалъ и надъ нимъ, сохраняя себя въ отношеніи къ нему въ извѣстномъ чинѣ, любуясь его видомъ, отдыхая подъ его тѣнью и т. д., однакоже Богъ и ограничиваетъ право невиннаго человека надъ этимъ древомъ запрещеніемъ вкушать отъ плода его, запрещеніемъ устремиться разомъ къ всеобъемлющему познанию, къ всеобъемлющему возобладаію надъ всею тварію, къ всеобъемлющему захвату всего въ наслажденіе себѣ, къ захвату всего особенно въ чувственное наслажденіе, къ неестественному и невозможному, безграничному и необузданному захвату всего въ свою безусловную собственность. Богъ хотѣлъ, на оборотъ, чтобы постепеннымъ упражненіемъ своей воли въ покореніи волѣ Божіей, постепеннымъ развитіемъ своего ограниченаго разума въ подчиненіи разуму божественному, невинный человекъ постепенно отрѣшался отъ привязанности къ чувственному, отъ обладанія и обращенія себѣ въ пользованіе и наслажденіе всего земнаго, а вмѣсто того постепенно же возвышался до всепоглощающей любви къ Богу и небу и всему небесному, чтобы современемъ воспарить преобразившемуся человеку всѣмъ цѣльнымъ существомъ своимъ, не только духомъ, но и обезсмерченнымъ на вѣки тѣломъ, въ обители рая небснаго, въ предѣлы непреходящей вѣчности.

Нѣкоторыя права обладанія Богъ предоставилъ первозданнымъ людямъ не только надъ вышшею природою, но и другъ надъ другомъ. Такъ были у невинныхъ людей нѣкоторыя богоустановленныя права принадлежности жены мужу и обратно, такъ какъ первозданный человекъ получилъ основной законъ отношенія половъ въ первоначальной заповѣди—прилѣпиться къ женѣ своей тѣснѣйшею любовію, такъ чтобы оба, мужъ и жена, составили не только плоть едину, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и единое существо. Были,

конечно, богоустановленные же права подчинения и детей родителям, младшего производного поколения старшему и неплотному. Не все это имело основаніе не на преобладаніи одного человека надъ другимъ, напр мужа надъ женою, отца надъ сыномъ, но на чистѣйшей родственной ангелоподобной любви, пока эта чистая человѣческая любовь, утончаясь и возвышаясь, не стала бы совсѣмъ равноангельною; пока люди, возвышаясь до неба и отрѣшаясь отъ земли и земныхъ отношеній, не перенеслись-бы окончательно въ житіе равноангельное, гдѣ ни женятся, ни посягаютъ, не рожаютъ, ни рождаются, а живутъ якоже ангели.

Всѣ эти богоданныя права господства и обладанія, предоставленныя Богомъ человѣку невинному, легли въ основу права собственности и по грѣхопаденію, но легли уже испорченныя человѣческимъ грѣхомъ и послѣдовавшею за нимъ божественною карою. Человѣкъ самъ нарушилъ тотъ чинъ, въ которомъ былъ поставленъ Богомъ, нарушилъ богоустановленный ладъ природы; оттого съ одной стороны подорвалъ правильное подчиненіе внѣшней природы своей власти, а съ другой, ставъ самъ *повиннымъ и укоризненнымъ* предъ Богомъ, *покорилъ* и самого себя и *повинулъ* внѣшнюю природу суетѣ, разстройству и болѣзненнымъ воздыханіямъ. Проклятая въ дѣлахъ человека земля, потерявъ свое первоначальное подчиненіе человѣку, стала родить ему тернія и волчцы, отчего стало необходимо человѣку покорять ее своей волѣ насильственно, воздѣлывать ее усиліями и трудомъ и поливать ее своимъ потомъ. Произрастенія земли даже вступили съ человекомъ въ борьбу за существованіе, размноженіемъ своимъ заполняятъ пространства, которыя расчищалъ онъ для разведенія растеній исключительно только полезныхъ для себя; не касаясь уже

нужды бороться человѣку съ растеніями прямо вредными, ядовитыми, зловонными, разводящими вредныхъ животныхъ. Все это удесят�яло для человѣка нужду бороться съ проклятіемъ, поразившимъ землю въ дѣлахъ человѣка. А какъ человѣкъ, полившій извѣстную часть земли своимъ потомъ и обработавшій ее своими усиліями и трудомъ, чрезъ то самое получалъ на нее и полезныя произведенія ея естественно больше права, чѣмъ другой человѣкъ, не трудившійся надъ нею, то отсюда естественно возникла *участковая земельная собственность, собственность землевладѣнія и земледѣлія*. А какъ не только земля, но и всѣ стихіи объявили непримиримую истребительную войну человѣку, породивъ для него нужду въ защитѣ отъ ихъ вреднаго вліянія, въ защитѣ жильемъ и одеждою,—то отсюда естественно возникло право собственности на построенныя собственнымъ трудомъ *жилища*, какъ и на пріобрѣтенную собственнымъ-же трудомъ *одежду*. А какъ при разстройствѣ правильнаго чина въ природѣ, не только земля, не только бездушныя стихіи, не только растенія, но и животныя вышли-же изъ власти человѣка, объявивъ ему какъ и между собою войну за существованіе,—такъ какъ животныя подняли на человѣка войну не только прямо нападая на него, но и мирно отымая у него, особенно при своемъ непомѣрномъ размноженіи, общую съ ними у человѣка растительную пищу; такъ какъ животныя подняли истребительную войну и между собою, при чемъ особенно гибли наиболѣе слабыя, кроткія и наименѣе вооруженныя животныя,—то отсюда явилась и нужда и забота для человѣка однихъ, свирѣпыхъ животныхъ истреблять, а другихъ мирныхъ животныхъ приручить и употребить на свою нужду, въ свою пользу и удовольствіе. Отсюда естественно возникла *движимая собственность скотоводства*. А какъ

при чрезмѣрномъ размноженіи своемъ врагами человѣка становились не только звѣри лютые, но и сравнительно мирныя животныя, отымая у человѣка и пищу и мѣсто для жилья, то Богъ попустилъ человѣку право даже убивать не только хищныхъ, но и кроткихъ прирученныхъ животныхъ, и употреблять на свою нужду сперва кожи ихъ на одѣяніе, затѣмъ и мясо ихъ, тихихъ, чистыхъ животныхъ сперва для принесенія въ жертву всесожженія Богу, для возложенія на нихъ кары за грѣхъ человѣка, а затѣмъ и прямо въ пищу, какъ и на всякую нужду, какой они могли удовлетворять, для передвиженія самаго человѣка, для перевозки тяжестей (верблюдовъ, муловъ), для домашней стражи (собакъ, кошекъ), для услажденія слуха и зрѣнія (напр. пѣвчихъ птицъ, павлиновъ) и т. д. А какъ и между людьми нарушился богоустановленный чинъ взаимныхъ отношеній; такъ какъ и между ними возникла борьба за существованіе, за обладаніе, за наслажденіе; возникли разнообразныя поползновенія на правонарушенія въ отношеніяхъ людей къ Богу, къ природѣ и между собою, то отсюда естественно развилась нужда не только бороться, но и *побѣдить*, одолѣть другаго нанесенною бѣдою, но и *покорить*, пріобрѣсть право *укорять* и *покарать* другаго, но и *повинуть* себѣ такъ, чтобы другой призналъ свою *повинность* предо мною. Отсюда возникло преобладаніе старѣйшихъ въ родѣ надъ юнѣйшими. Отсюда и преобладаніе старѣйшихъ по линіи первородства. Отсюда преобладаніе всякихъ владыхъ надъ подчиненными и особенно надъ покоренными. Отсюда борьба, превращающаяся въ войну, и побѣда, одолѣвіе другаго нанесенною бѣдою. Отсюда-же, изъ побѣды и покоренія одного другимъ, и право на усиленный трудъ одного на пользу другаго, *право рабства*. Отсюда-же, изъ покоренія и повиновенія, право сильного, право ста-

рѣйшаго, право преобладающаго, право покорителя и побѣдителя не только винить и корить другаго, не только судить и осуждать, но и карать за проступокъ, за вину, за непокорство, за дерзость и вредъ борьбы, карать всякими карами до лютыхъ истязаній и самой смерти.

Очевидно не всему этому Богъ сочувствуетъ: Онъ сочувствуетъ только добру, основанному на чистѣйшей любви, самъ въ существѣ своемъ любовь. Онъ можетъ сочувствовать только тѣмъ нормальнымъ отношеніямъ, какія Онъ самъ установилъ между человѣкомъ невиннымъ и первозданною природою. Но и тѣмъ опять Онъ можетъ сочувствовать только тогда, если онѣ правильно развиваются по предуставленному Имъ же самимъ плану всеобщаго усовершенствованія, особенно же усовершенствованія разумныхъ созданій Его. Тѣмъ не менѣе и нынѣ все, что въ мірѣ творится, Богъ попускаетъ и предопредѣляетъ: предопредѣляетъ всѣ и всякія взаимныя отношенія между людьми и людей къ Богу и природѣ, и промыслительно направляя все предопредѣляемое Имъ самимъ, самъ же и ведетъ все свое испорченное человѣческимъ грѣхомъ твореніе къ предуставленнымъ цѣлямъ. Такъ самыя злоупотребленія человѣка своимъ правомъ и чужими, какъ и правомъ Божиимъ, направляются по предопредѣленію Божию, по законамъ, какіе вложены самимъ же Богомъ въ развитіе даже болѣзненныхъ нравственныхъ проявленій. Вѣдь и ненормальныя нравственныя явленія также управляются въ своемъ развитіи извѣстными законами, какъ и правильныя. Какъ всякая физическая болѣзнь въ человѣкѣ, въ скотѣ и въ деревѣ и т. д., такъ и болѣзненное пораженіе человѣческой воли развиваются по законамъ, которые предуставлены самимъ же Богомъ. Поэтому и всякое право собственности въ данную минуту, установленное общественнымъ развитіемъ

народа или же всего человѣчества, предуставленно же божественнымъ предопредѣленіемъ и направляется въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи по предопредѣленному Богомъ закону. Человѣкъ призывается Богомъ улучшать свое личное, общее личное право, и усовершая, приближать его къ нормѣ права, установленнаго Богомъ въ первобытномъ мірѣ. Если же человѣкъ, вмѣсто усовершенствованія права, злоупотребляетъ имъ и даже ухудшаетъ его упорнымъ злоупотребленіемъ, то за этимъ, по предопредѣленному Богомъ закону, въ судьбахъ міра всегда слѣдовала, какъ и слѣдуетъ и всегда послѣдуетъ, по мѣрѣ злоупотребленія, и кара Божія, приводящая людей въ покорность праву божественному, направленіемъ самыхъ судебъ міра и человѣчества.

Добро и зло въ человѣческой дѣятельности нынѣ такъ переплетены, что ветхозавѣтный человѣкъ не могъ ясно разграничить и опредѣлить, что въ раскрытіи человѣческаго права собственности Богъ предопредѣляетъ своею положительною сочувствующею волею, и что волею только отрицательною попускающею. Да и съ христіанской точки зрѣнія, даже при свѣтѣ евангелія, сдѣлать это трудно же. Трудно рѣшить, что въ протекшей исторіи развитія этого права грѣховно, протівно прямой волѣ Божіей, отвращающейся всякаго зла, и что ей сочувственно, что свято и праведно. Такъ изъ многихъ мѣстъ не только ветхаго, но и новаго завѣтовъ явствуетъ, что Богъ предопредѣляетъ не только попуская, но и прямо заповѣдуя не только отъятіе чужихъ земель и вообще чужой собственности, не только покореніе другихъ людей и приведеніе ихъ въ рабство, но и самое истребленіе ихъ и разрушеніе ихъ собственности. Предопредѣляетъ прямо заповѣдуя все это не только грѣшнымъ, преступнымъ и злымъ людямъ, но и святымъ и праведнымъ (Быт. 9, 25—27; 13, 14—17; 15,

5—16; 27, 27—40; Втор. 6, 10—12; 7, 16—26 и т. д. Апок. 11, 5—7; 13, 5—10; 17, 14—18; 19, 11—21 и т. п.) Въ то же время видно изъ божественнаго откровенія, что Богъ и караетъ гнѣвомъ своимъ даже тѣ орудія своей собственной воли, которыя послужили Промыслу для исполненія Его карающихъ судебъ. Караетъ за то, что, исполняя гнѣвную волю Божию, они удовлетворяли страстнымъ и злымъ стремленіямъ своего собственного жестокаго сердца (Быт. 15, 13—14; 32, 15—43 и т. п.). Во всякомъ же случаѣ Богъ караетъ всякое нечестіе и неправду, всякую обиду и насиліе, направляя въ то же время всѣ судьбы міра и человѣчества къ своимъ премудрымъ и всеблагимъ цѣлямъ (Рим. 8, 19—26; 9, 18—26; 11, 32 и т. п.).

Въ виду этого, въ виду такихъ таинственныхъ пророческихъ судебъ Промысла въ веденіи судебъ міра, и новозавѣтное откровеніе не отвергаетъ никакого естественно возникшаго и исторически сложившагося права собственности. Не отвергаетъ ни права собственности на землю и ея произведенія, ни права собственности на животныхъ безсловесныхъ до пожиранія ихъ, ни права собственности въ извѣстной мѣрѣ даже на людей, на младшихъ членовъ семьи, на подчиненныхъ, на рабовъ, до права предавать ихъ даже смерти. Но вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство стремится преобразовать міръ чрезъ возвышеніе человѣческой нравственности, улучшеніемъ нравовъ улучшая и возвышая, направляя къ правдѣ Божіей и дѣйствующее въ мірѣ человѣческое право.

Задачею своей проповѣди Іисусъ Христосъ, какъ и апостолы Его поставляли не столько то, чтобы установить и утвердить право собственности, сколько то, чтобы возвести уже установившееся право до той нормы, какая пред-

начертана была ему Творцемъ міра первоначально для
человѣка невиннаго, на сколько однакоже можно приспо-
собить эту норму къ состоянію человѣка по грѣхонаденіи,
а съ другой стороны на сколько слѣдуетъ возвести чело-
вѣка, спасаемаго Божіею благодатію, до перехода отъ земли
на небо. Іисусъ Христосъ и апостолы разъясняютъ, что
единъ истинный Господь всего и владыка есть Богъ, тво-
рецъ вселенной и вседержитель; что блага міра сего дару-
ются Творцемъ человѣку только для временнаго пользова-
нія, для снискавіи при ихъ пособіи благъ жизни вѣчной;
что единственную, прочную, постоянную, неотъемлемую
собственность человѣка составляетъ только онъ самъ, т. е.
его собственная душа и то добро, которое во время земной
жизни онъ успѣетъ сложить въ свою душу, какъ сокрови-
ще, которое перейдетъ съ душею и въ вѣчность. Сюда
то и направлены безчисленные наставленія Христа и св.
апостоловъ о томъ, чтобы люди не скрывали себѣ сокрови-
щъ на земли, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры
подкапываютъ и крадутъ, но собирали себѣ сокровище на
небѣ; чтобъ не заботились душею своею; что бить ѣсть и
что пить и во что одѣться, но чтобъ искали прежде цар-
ствія Божія и правды его, а все необходимое для времен-
ной жизни приложится, будетъ въ нужной мѣрѣ даровано
Отцемъ небеснымъ, чтобы тѣмъ болѣе не заботились люди
накапливать себѣ большія богатства. Ибо какая польза чело-
вѣку, если онъ цѣлый міръ пріобрѣтетъ, а душу свою по-
губить? Наставляютъ, чтобы люди не подавляли себя сует-
ными заботами и расчетами, подобно тому богачу, кото-
рый мечталъ: *разорю житницы моя и большія созижду
и соберу ту вся жита моя и вся благая моя и реку
души моеи: яждь, пей и веселися*, а вмѣсто того услы-
шалъ грозный гласъ: *безумне, въ сію ночь душу твою*

встанутъ отъ тебе, а яже уготована еси, кому будутъ? Наставляетъ Иисусъ Христосъ, чтобъ люди не ожесточали себя плотскими наслажденіями, равнодушіемъ къ нуждающимся ближнимъ и забвеніемъ о Богѣ и вѣчности, подобно тому другому богачу, который облачался въ порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни свѣтло, а бѣднаго нищаго Лазаря пренебрегалъ, а о будущей жизни не помышлялъ, пока послѣ пышныхъ похоронъ не очутился на днѣ адовомъ. Наставляетъ, чтобы отъ мамоны неправедной, отъ скоро гибнущихъ обманчивыхъ пріобрѣтеній, раздавая ихъ въ руки нищихъ, мы пріобрѣтали себѣ друзей на небѣ, которые приняли-бы насъ въ вѣчные вѣнцы, когда мы оскудѣемъ, когда оставимъ вмѣстѣ съ временною жизнію и все скоропроходящія суетныя блага міра сего. Наставляетъ, чтобы для пріобрѣтенія высшаго христіанскаго совершенства мы и совершенно отрекались отъ всякихъ имѣній, раздавая ихъ нищимъ, подавая милостыню въ лицѣ меньшей братіи самому Христу. Наставляетъ, чтобы въ случаѣ нужды мы не только не щадили имѣній нашихъ, но и душу свою полагали за други своя. Наставляютъ Христосъ и апостолы Его, чтобы ближнихъ нашихъ мы любили какъ самихъ себя; чтобы мужи любили своихъ женъ, какъ свои собственныя тѣла; чтобы родители не раздражали чадъ своихъ, но воспитывали ихъ въ наказаніи и ученіи Господнемъ; чтобъ и господа поступали съ подчиненными и рабами кротко и милостиво, умѣряя строгость благоснисхожденіемъ, зная, что каждый получить отъ Господа по мѣрѣ добра, какое сдѣлаетъ онъ, рабъ-ли или свободный, что и надъ господами самими и надъ рабами есть на небесахъ Господь, у котораго нѣтъ лицепріятія. Наставляютъ, что время жизни коротко, такъ что и радующіеся въ сей прівременной жизни должны быть какъ не радующіеся, и

покупающіе какъ ничего не приобрѣтающіе, и пользующіеся міромъ симъ какъ не пользующіеся: переходитъ бо образъ міра сего. Увѣщаваютъ богатыхъ въ настоящемъ вѣкѣ, чтобъ они не высоко думали о себѣ, и уповали не на богатство невѣрное, но на Бога живаго, дающаго намъ все обильно для наслажденія; чтобы богатые благодѣтельствовали бѣднымъ, чтобы богатѣли добрыми дѣлами, были щедры и общительны, собирая себѣ сокровище на небѣ, доброе основаніе для будущаго, стремясь достигнуть жизни вѣчной, вѣдая, что великое приобрѣтеніе человеку быть благочестивымъ и довольнымъ. Ибо мы ничего не принесли въ міръ сей; явно, что ничего не можемъ и вынести изъ него. Почему, если имѣемъ пищу и одежду, должны быть и этимъ довольны, зная, что желающіе обогащаться впадаютъ въ искушенія различныя и въ сѣть непріязненную, и во многія безразсудныя и вредныя похоти, которыя погружаютъ людей въ бѣдствіе и пагубу. Напоминаютъ, что всѣ люди странники и пришельцы на землѣ; что не имамы здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ; ожидая основанія града небеснаго, Іерусалима новаго, ему же художникъ и строитель самъ Богъ; что не имѣемъ здѣсь отечества настоящаго, но стремимся въ отечество лучшее, горнее, небесное. Указываютъ, что и по смерти блаженны умирающіе о Господѣ: ей, глаголетъ Духъ, они почіютъ отъ трудовъ своихъ. Дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ ихъ и пойдутъ за ними въ вѣчность.

Но если христіанство внушаетъ богатымъ ради Бога и неба отрѣшаться отъ привязанности къ землѣ и земной собственности, то не позволительно-ли и бѣднымъ отрѣшаться богатыхъ отъ ихъ собственности? Не позволительно-ли считать чужую собственность общимъ достояніемъ? Никакъ нѣтъ; христіанство и отнятіе, грабежъ и дѣлежъ чужаго

добра несовмѣстимы, какъ противоположности. Нѣтъ, ново-возникшія притязанія коммунизма, социализма, терроризма, уполномочивающаго себя не только брать себѣ чужое, но и уничтожать все чужое, что не дается,—все это навѣяно не христіанскимъ, но анти-христіанскимъ духомъ. Разъяснить ли это на основаніи божественнаго откровенія? Нѣтъ нужды. Но вотъ одинъ относящійся сюда особенно выразительный фактъ. У нѣкоего Филимона, близкаго и любезнаго апостолу Павлу, убѣждалъ рабъ Онисимъ. Почему убѣждалъ, не разъяснено, за провинность ли какую-либо или за неуплату долга, или же просто по любви къ свободѣ. Убѣждалъ онъ къ апостолу Павлу въ Римъ, гдѣ святой апостолъ находился въ узахъ. Убѣждалъ, по видимому, рассчитывая отстоять свободу отъ своего господина при вліятельномъ посредствѣ св. апостола. Зная, что за побѣгъ отъ господина могутъ ожидать бѣглаго раба Онисима весьма тяжкія послѣдствія, апостолъ Павелъ возвращаетъ его однако-же назадъ и возвращая пишетъ къ господину Филимону: *имѣя великое дерзновеніе о Господѣ и приказывать тебѣ, что должно, по любви лучше прошу; проситъ не иной кто, какъ я Павелъ старецъ, а теперь и узникъ Іисуса Христа. Прошу тебя о сынъ мой Онисимъ, котораго родилъ я (возродилъ крещеніемъ) въ узахъ моихъ. Онъ былъ некогда негоденъ для тебя, а теперь годенъ тебѣ и мнѣ. Я возвращаю его. Ты-же прими его, какъ мое сердце. Я хотѣлъ при себѣ удержатъ его. Но безъ твоего согласія ничего не хотѣлъ сдѣлать, чтобы доброе дѣло твое не было вынуждено, а добровольно. Такъ христіанство во всѣхъ благотвореніяхъ со стороны имущихъ неимущимъ помогаетъ того именно, чтобы доброе дѣло благотворителя было не вынуждено, а добровольно; чтобы каждый благотворилъ якоже изволеніе имать сердцемъ, не со скорбію сердца, ни по принужде-*

нію: *доброхотна бо дателя любитъ Богъ* (2 Кор. 9, 7). Такъ и въ этомъ случаѣ съ Онисимомъ и Филимономъ апостолъ Павелъ желаетъ, чтобы добродѣтель Филимона была добровольна, не бросая однако-же ни тѣни на право Филимона держать Онисима въ рабствѣ. Господь Іисусъ Христосъ, какъ судія страшный, на послѣднемъ судѣ разберетъ праведно, кто приобрѣлъ собственность неправедно; но какъ учитель и законодатель человѣчества, въ настоящее время Онъ не разбираетъ, у кого собственность праведная, у кого неправедная, а только всѣхъ учитъ благотворить изъ той и другой собственности, и тѣмъ болѣе благотворить, тѣмъ заботливѣе удовлетворять правдѣ Божіей, если собственность приобрѣтена неправеднымъ путемъ. Рабское подчиненіе людей однихъ другимъ, съ современной точки зрѣнія, есть одинъ изъ самыхъ неправедныхъ, изъ самыхъ ненавистныхъ видовъ приобретенія. Тѣмъ не менѣе, возвращая бѣглаго раба Онисима господину его Филимону, св. апостолъ Павелъ не только не указываетъ на неправедность собственности этого рода, но и спѣшитъ возстановить право господства Филимона надъ бѣглымъ рабомъ его Онисимомъ; а только убѣждаетъ отнестись къ нему съ кротостію и любовію Христовою. Убѣждая христіанъ, чтобы каждый оставался въ томъ званіи, въ какомъ кто призванъ, св. апостолъ Павелъ увѣщаетъ и рабовъ: *рабамъ! ты призванъ, не смущайся; но если можешь сълѣзъся свободнымъ, еще больше поработи себя и вообще избери для себя то, что лучше и полезнѣе. Ибо и рабъ, призванный о Господь, есть свободный у Господа; также и призванный свободнымъ есть рабъ Христовъ* (1 Кор. 7, 20—21); такъ какъ человѣкъ и въ рабствѣ свободенъ дѣлать добро, добро даже исполненіемъ обязанностей рабства. *Рабы, повинуйтесь господамъ своимъ по плоти со стра-*

жомъ и трепетомъ въ простотѣ сердца вашего, какъ Христу, не предъ очами только работалъ, какъ челоукоугодники, но какъ рабы Христовы, исполняя волю Божію отъ души, служа съ усердіемъ, какъ Господу, а не какъ челоукамъ, зная, что каждый получитъ отъ Господа, по мѣрѣ добра, какое кто сдѣлалъ, рабъ-ли или свободный (Еф. 6, 5—8). Такимъ образомъ св. апостолъ Павелъ не только не разбираетъ, кто праведно и кто неправедно за-кабаленъ въ рабство; но и прямо учитъ, что кто исполняетъ добросовѣстно обязанности и рабства, тотъ исполняетъ волю Божію. Такъ и апостолъ Петръ, убѣждая рабовъ, чтобы они повиновались владыкамъ, не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ, учитъ, что сіе угодно предъ Богомъ, если кто совѣсти ради, помышляя о Богѣ, терпитъ скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда васъ быютъ за проступки? Но если дѣлая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. На сіе бо и звани бысте, заключаетъ св. апостолъ Петръ (1 Пет. 2, 18—21). На свободу званы вы, братіе, — восклицаетъ апостолъ Павелъ (Гал. 5, 13) — но на свободу духовную. Только бы свобода ваша не была поводомъ къ уожденію плоти. Ибо весь законъ въ одномъ словѣ заключается: люби ближняго твоего, какъ себя самого. Если же вы другъ друга уирызаете и снѣдаете, берегитесь, чтобы вы не были и истреблены другъ другомъ.

Такъ устанавливая богоугодныя отношенія между господствомъ и рабствомъ, христіанство не подвергаетъ критическому анализу законоправность даже этого вида собственности. Также точно устанавливая богоугодныя отношенія и вообще между имущими и неимущими, внушая богатымъ благотворить, а бѣднымъ терпѣливо переносить свою нищету, евангеліе опять-же не подвергаетъ критическому

анализу происхожденіе той или другой собственности, того или другого имущества. Такъ когда извѣстный Закхей, грѣшный мытарь, ставъ предъ Господомъ сказалъ: *се ползильнїя моего, Господи, дамъ нищимъ, и если члвкъ кою обидѣлъ, возвращу четверницею*,—Господь Іисусъ Христосъ не судить его за то, что навѣрное онъ кого либо и обидѣлъ, а напротивъ только восхваляетъ и утѣшаетъ за покаянный порывъ, говоря: *днесь спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамъ есть* (Лук. 19, 8—9). Господь Іисусъ Христосъ заповѣдуетъ благодѣлать и благодѣланіями искупать вину свою даже тѣмъ, кто нажилъ состояніе средствами неправедными, какъ показываетъ притча Христова о неправедномъ приставникѣ имѣнія (Лук. 1, 1—9). А притча о богатомъ и Лазарѣ учитъ съ другой стороны, что бѣдные еще легче богатыхъ заслуживаютъ и приобрѣтають царствіе небесное, если только терпѣливо переносятъ свою бѣдность и сопряженныя съ нею страданія. Правда, Господь Іисусъ внушаетъ богатымъ: *горе вамъ богатые! Ибо вы получили уже свое утѣшеніе. Горе вамъ пресыщенные нынѣ! Ибо взалчете. Горе вамъ смѣющіеся нынѣ! Ибо восплачете и возрыдаете...* А чтобы не возрыдать, *всякому просящему у тебя дай, и отъ взявшаго твое не требуй назадъ... Благодѣлите и займы давайте, не ожидая ничего. И будетъ вамъ награда великая, и будете сынами Всевышняго; ибо Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ. Будьте же милосерды, какъ и Отецъ вашъ небесный милосердъ.* Но Христосъ не говорить и бѣднымъ: отымайте, грабьте чужое, а не можете отнять, жгите, истребляйте. Это не Христовы, а антихристовы рѣчи! Сатанинскія рѣчи! Христосъ-же вотъ что говорить бѣднымъ и несчастнымъ: *блажени нищїи духомъ: ибо ваше есть царствіе Божіе. Блажени алчущїи нынѣ, яко насытите-*

ся. Блажені плачущіи нынѣ, яко возсмытесе... Христось даже богатому говоритъ: иди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ, стань самъ нищимъ, и имѣти будеши сокровище на небеси. Всѣмъ своимъ послѣдователямъ Христось внушаетъ не зависть, не насиліе, не грабежъ, тѣмъ болѣе не разрушеніе изъ зависти, а взаимную братскую любовь, а отрѣшеніе отъ благъ міра сего, а самоотреченіе и самоотверженіе, а терпѣніе во всю жизнь до конца. Претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ.

Тайновидцу Іоанну Богослову, въ концѣ откровеній о конечныхъ судьбахъ міра, Слово Божіе вѣщаетъ: обидѣй да обидитъ еще, и скверный да сквернитъ еще, и праведный правду да творитъ еще, и святой да святится еще. Се грядѣ скоро, и мзда моя со Мною воздати кому — ждо по дѣломъ его. Азъ есмь алфа и омега, начатокъ и конецъ, первый и послѣдній (Апок. 22, 11—13). Въ страшныхъ сихъ глаголахъ вѣстаснаго Слова Божія гроза равно и богатымъ и бѣднымъ обидящимъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ день святыхъ мучениковъ Маккавеевъ 1 августа.

Души праведныхъ въ руку Господни, якоже души Авраама и Исаака и Иакова, иже праотцы прежде закона, и праотцы Маккавеевъ, нынѣ восхваляемыхъ отъ насъ. Сии бо Маккавеи, крѣпкодушныя внуки Авраама, поревновавше върѣ своего праотца, Авраама, даже до смерти подвизались за благочестіе. Благочестно бо воспитавшеся и благозаконно пострадавшие, они обличили нечестіе гордаго царя Антиоха. И ничего не предпочеши изъ временной жизни, ради вѣчной, все предали Богу: душу, юный возрастъ, разумъ, тѣло мягкое и воздаяніе чистоты, сохраненной воспитаніемъ. О благочестный король изъ негоже вы произрасли Маккавеи! О мать святая, родшая равночисленное седмирицы число! Молимъ васъ, Маккавеи, съ матерію вашею Соломонією и мудрымъ учителемъ Елеазаромъ: егда предстоите Христу Богу, егоже ради вы потрудились, прилежно сотворите мольбу о человечествѣ: творитъ бо Христосъ Богъ, елика хочетъ, и исполнитъ моленія ваши (Стихира дневная).

Въ сей день память творимъ святыхъ семи мучениковъ Маккавеевъ, и матери ихъ Соломоніи, и учителя Елеазара. Кто они были? За что мы ихъ ублажаемъ?

Жили они безъ малаго за два вѣка до Р. Христова. Вотъ обстоятельства, освѣщающія ихъ исторію. Послѣ плѣненія вавилонскаго, богоизбранный іудейскій народъ, воз-

вращенный въ родную землю Киромъ и послѣдующими царями персидскими, никогда уже не возвращалъ себѣ государственной независимости; но былъ сперва подъ властью царей персидскихъ, затѣмъ подпалъ владычеству Александра Македонскаго, далѣе покоренъ былъ его преемниками, царями египетскими, а наконецъ и царями сирійскими, также наслѣдниками власти Александра Македонскаго. Цари персидскіе, Александръ Македонскій и преемники его цари египетскіе оставляли покореннымъ Іудеямъ, болѣе или мѣнѣе, свободу исповѣдывать отеческую вѣру ихъ во единого истиннаго Бога и совершать истинное богослуженіе во святомъ храмѣ іерусалимскомъ. Не рассказываемъ однако же о бѣдствіяхъ, какія постигали евреевъ и въ это сравнительно еще хорошее для нихъ время. Но вотъ подпали они владычеству сирійскаго царя Антиоха Епифана. Этотъ царь, взявъ и ограбивъ Іерусалимъ и избивъ многія тысячи Іудеевъ, воздвигъ злое гоненіе на ихъ вѣру, въ намѣреніи искоренить ее до конца. Антиохъ возымѣлъ намѣреніе во всемъ своемъ царствѣ, состоявшемъ изъ разноплеменныхъ народовъ, ввести общую языческую религію для того, какъ онъ писалъ въ своемъ указѣ, чтобы всѣ были однимъ народомъ. Между прочимъ Антиохъ повелѣлъ Іудеямъ, подъ смертною казнію, «прекратить всесоженія и жертвы и возліанія во святилищѣ, отмѣнять субботы и праздники, устроить языческіе жертвенники, рощи и капища, приносить въ жертву свиней и другой скотъ, которымъ не гнушаются язычники, оставлять сыновей своихъ необрѣзанными, и вообще перемѣнить всѣ прежнія религиозныя учрежденія, законы, нравы и отеческіе обычаи».—Съ царскимъ указомъ по сему предмету присланъ былъ изъ столицы сирійскаго царства Антиохіи въ Іерусалимъ какой-то старикъ аеинянинъ (должно быть, одинъ

изъ философовъ аѳинскихъ). Ему поручено было ввести у Іудеевъ языческіе обряды богопочитанія, святой храмъ іерусалимскій посвятить языческому богу Дію олимпійскому, а храмъ самарійскій, что былъ на горѣ Гаризинѣ, переименовать въ храмъ Дія страннопріимца, такъ какъ Самаряне были переселенцы изъ Вавилона, Сиріи и Месопотаміи. Итакъ въ 168 году до христіанской эры, храмъ іерусалимскій превращенъ былъ въ капище построеніемъ, поверхъ жертвенника всесоженій истинному Богу, другаго жертвенника языческому Дію или Зевсу олимпійскому, и оскверненъ идольскими жертвами. Въ притворахъ храма происходили студодѣвія и сладострастныя пиршества. Жертвенникъ наполнялся свинными и другими нечистыми жертвами. Языческіе жертвенники построены были и по другимъ городамъ Іудей. Каждый мѣсяцъ въ то число, въ которое родился царь, заставляли Іудеевъ присутствовать при жертвоприношеніяхъ, и принуждали причащаться жертвенныхъ внутренностей. Въ праздникъ Діониса, или Бахуса, въ честь этого бога, повелѣвалось Іудеямъ носить листы плющевые. Для Іудеевъ сдѣлалось невозможнымъ не только хранить свои праздники и субботы, но даже просто выдавать себя за Іудеевъ по вѣрѣ. Священные книги ихъ отыскивали у нихъ, отбирали, рвали и жгли. Если же кто скрывалъ книгу закона, или замѣченъ былъ въ исполненіи какихъ либо законныхъ обрядовъ, такого, согласно съ царскимъ указомъ, предавали смерти. Такъ разъ донесено было на двухъ женщинъ, что они обрѣзали своихъ дѣтей: этихъ младенцевъ повѣсили на сосцахъ несчастныхъ матерей, которыхъ затѣмъ обвели по городу и потомъ сбросили со стѣны городской. Въ другой разъ узнали, что нѣкоторые Іудеи собрались въ пещерахъ, чтобы тайно праздновать субботу: ихъ сожгли, и они, чтобы не нарушить субботу, не оказали никакого сопротивленія.

Вотъ обстоятельства, среди которыхъ замучены были мудрецъ Елеазаръ, семь братьевъ Маккавеевъ и мать ихъ Соломонія.

Нѣкто Елеазаръ, изъ первенствующихъ книжниковъ, мужъ уже состарѣвшійся лѣтами, зракомъ лица благолѣпный, добродѣтелию преизящный, принуждаемъ былъ открыто ѣсть свинное мясо, которое законъ запрещалъ Іудеямъ вкушать, которое вѣроятно принесено было въ жертву идолу. Онъ, славно предъизбравъ смерть лучше, нежели ненавистную жизнь, вольною волею пошелъ на муку. А на яству, которую нельзя было ѣсть изъ любви къ закону, онъ плюнулъ. Но беззаконники, приставленные къ жертвѣ, ради стародавняго знакомства съ этимъ мужемъ, наединѣ упрашивали его, чтобъ онъ вкусилъ мяса, какое ему дозволено было ѣсть, которое нарочно для него было бы приготовлено, а только показалъ бы видъ, будто онъ вкушаетъ жертвенное мясо, какъ повелѣно царемъ; чтобы, учинивъ сіе, онъ избавился отъ смерти, и ради старой съ ними дружбы получилъ помилованіе. Онъ же, воспріявъ мысль благую, достойную возраста, и старости, и сѣдинъ, и честнаго воспитанія, какое получилъ отъ дѣтства, и Богомъ даннаго закова, отвѣтилъ имъ разсудительно: «хочу лучше, чтобы вы послали меня въ преисподнюю. Ибо возрасту нашему недостойно лицемѣрить, чтобы многіе изъ юныхъ подумали, что 90 лѣтній Елеазаръ перешелъ въ вѣру иноплемениковъ, почему и они, ради моего лицемѣрія, изъ—за маловременной жизни, соблазнятся мною и я навлеку ненависть и позоръ на мою старость. Хотя бъ я даже и избавился нынѣшней муки человѣческой, но руки Всемогущаго не избѣгну, ни живой, ни умершій. По этому лучше нынѣ, мужественно разставшись съ жизнію, явлюсь достойнымъ своей старости; а юнымъ оставляю доблестный примѣръ, чтобъ они

усердно и доблестно умирали за честные и святые законы». Ведущіе же его, ради сихъ словъ, которыя считали безумствомъ, перемѣнили свое прежнее благорасположеніе къ нему на свирѣпость, и подвергли его бичеванію. Изнемогая въ мукахъ, Елеазаръ заставъ изрекъ: «Господу, святой разумъ имущему, явно, что, имѣя возможность избавиться отъ смерти, я терплю жестокия страданія отъ ударовъ на тѣлѣ, а на душѣ сладко все это претерпѣваю страха ради Божіа». Такъ подъ ударами старецъ Елеазаръ и кончилъ жизнь, не только юношамъ, но и многимъ изъ народа оставивъ свою смерть въ примѣръ доблести и въ память добродѣтели.

И во-первыхъ честною своею смертію онъ явилъ достойный примѣръ своимъ братьямъ Маккавеямъ.

Случилось, что эти семь братьевъ вмѣстѣ съ матерью были схвачены и принуждаемы предъ лицомъ самаго царя ѣсть противу правилъ свинное мясо, за что были мучимы бичами и воловьими жилами. Среди этой муки одинъ изъ нихъ, первенецъ, говоритъ царю: «чего ты хочешь допытаться отъ насъ? Что вывѣдать? Мы готовы скорѣе умереть, чѣмъ преступить законы». Разгнѣвавшійся царь повелѣлъ разжечь сковороды и котлы. Когда они были быстро разжены, царь повелѣлъ первому, который говорилъ, отрѣзать языкъ и, содравъ со всего кожу, отсѣчь оконечности членовъ, на глазахъ прочихъ братьевъ и матери. И когда онъ уже сдѣланъ былъ негоднымъ къ жизни по всѣмъ членамъ, царь приказалъ предать его огню, еще дышущаго, и печь на сковородѣ. Когда царь поднялся отъ сковороды, прочіе братья, вмѣстѣ съ матерью, поощряли другъ друга умереть мужественно, говоря между собою такъ: «Господь Богъ зритъ и о истинѣ нашей утѣшается, какъ Моисей поетъ въ пѣсни: и о рабѣхъ своихъ Богъ

утѣшится». Когда умеръ первый, повели на поруганіе второго и, содравъ кожу съ волосами съ головы его, спрашиваютъ: «будешь ли ѣсть, прежде чѣмъ замучено будетъ все тѣло твое по частямъ»?—А онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ». Тогда и сей по ряду принялъ мученіе, какъ и первый. Будучи же при послѣднемъ издыханіи, говоритъ: «ты, окаянный, губишь насъ въ настоящей жизни; но Царь міра воскреситъ насъ умершихъ ради своихъ законовъ, въ воскресеніи жизни вѣчной».—Потомъ выведенъ на поруганіе третій. Требуютъ, чтобъ онъ выдвинулъ языкъ; онъ высовываетъ и руки смѣло простираетъ и мужественно говоритъ: «отъ неба я это получилъ, и ради небесныхъ законовъ я это презираю, отъ неба же уповаю и опять воспріять». Самъ царь и бывшіе съ нимъ удивились великодушію юноши, что ни во что считалъ онъ мученія. Когда и сей скончался, мучители стали мучить четвертаго. И вотъ уже передъ самою смертію онъ говоритъ: «лучше быть убитымъ отъ людей и чаять отъ Бога, что Онъ опять воскреситъ насъ; а тебѣ воскресеніе не будетъ въ жизнь, но въ муку». По семъ привели пятаго и стали мучить, и онъ, воззрѣвъ на царя, изрекъ: «имѣя власть надъ людьми, ты смертный дѣлаешь, что хочешь. Но не думай, что родъ нашъ оставленъ Богомъ. Пожди, и узришь державу Его». Привели шестаго. Уже начиная умирать, и тотъ изрекъ: «не обольщайся напрасно. Мы терпимъ это изъ—за себя, согрѣшивъ предъ Богомъ нашимъ; но ты не думай, что будешь неповиненъ, воздвигши борьбу противъ Бога». Замучили и шестаго. Безмѣрно же дивная и благія памяти достойная мать, видя гибель семи сыновъ своихъ въ одинъ часъ, выносила эту муку благодушно ради упованія на Господа. Исполненная доблестной мудрости, она каждого изъ нихъ увѣщевала говоря: «не знаю, какъ во утробѣ

моей вы явились; не я дала вамъ душу и жизнь, не я образовала и члены каждаго изъ васъ, но Творецъ міра, который создалъ человѣческій родъ и устроилъ рожденіе всѣхъ. Онъ же и душу и жизнь паки вамъ возвратитъ съ своею милостію за то, что вы нынѣ сами собою жертвуете ради Его законовъ».

Царь Антиохъ, хотя и считалъ себя униженнымъ, однакожь пренебрегая поношенія, какія пришлось ему выслушать отъ замученныхъ братьевъ, обратился уже съ ласкою къ самому юному, который еще оставался въ живыхъ. И этого послѣдняго не только убѣждалъ словами, но и клятвою увѣрялъ, что сдѣлаетъ его и богатымъ и счастливымъ, если только тотъ откажется отъ отеческихъ законовъ. Даже влялся, что будетъ имѣть его за друга. Но какъ юноша сему не внималъ, то царь, призвавъ мать, увѣщевалъ ее, чтобъ она сама была совѣтницею юному сыну на спасеніе. Послѣ многихъ увѣщаній со стороны царя, мать обѣщала дать совѣтъ сыну своему. Но приклонившись къ сыну, она говоритъ: «сынъ мой, пожалѣй свою мать. Умоляю тебя, дитя мое, посмотри на небо и землю и все, что на нихъ; видя уразумѣешь, что Богъ сотворилъ сіе изъ небытія; также появился и родъ человѣческій. Не убойся сего мучителя плоти твоей, но будь достоинъ своихъ братьевъ и прими смерть, чтобы мыѣ воспріять тебя отъ Бога опять вмѣстѣ съ братьями твоими въ милости Божіей». — И пока она еще говорила это, юноша говоритъ: «чего ожидаете? Не слушаю повелѣнія царева, но слушаю повелѣнія закона, даннаго отцамъ нашимъ чрезъ Моисея. Ты, изобрѣтатель всякой злобы противъ Іудеевъ, не избѣжишь рукъ Божіихъ. Мы за грѣхи наши сіе страждемъ. Но хотя ради устрашенія и наказанія живой Богъ нашъ и прогнѣвался на насъ, однакоже паки примирится съ рабами своими. Я,

какъ и братія мои, душу и тѣло мое предаю за отеческіе законы, призывая Бога, да будетъ вскорѣ милостивъ къ Израилю. На мнѣ и на братіи моей престанетъ гнѣвъ Вседержителя, праведно воздвигнутый на весь родъ нашъ». — Тогда царь разъярился на него яростію еще болѣе лютою, горькое терпя посмѣяніе. Такимъ образомъ и сей седьмой преставился отъ жизни въ юношеской чистотѣ, во всемъ уповая на Бога. Послѣ же сыновъ сожжена была и праведная мать ихъ Соломонія.

Вотъ за что мы ублажаемъ святыхъ семь мучениковъ братьевъ Маккавеевъ и доблестную мать ихъ Соломонію и учителя Елеазара. Этотъ праздникъ въ честь ветхозавѣтныхъ мучениковъ принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ въ христіанской церкви. Сіи ветхозавѣтные мученики были первообразами всѣхъ мучениковъ христіанскихъ. Первые учителя проповѣдники христіанства непрерывно прославляли ихъ въ проповѣдяхъ церковныхъ и въ поученіяхъ своихъ среди тѣхъ грозныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ въ первые вѣка, — въ вѣка гоненій и мученичества, — выростала воинствующая юная церковь Христова. Оттого и праздникъ сей учрежденъ съ первыхъ дней христіанства.

Пересталъ ли онъ быть назидателенъ для церкви уже не юной, для церкви нашихъ дней? Да, перестаетъ. Но перестаетъ только потому, что мы забываемъ объ этомъ древнѣйшемъ праздникѣ; забываемъ, кто были семь братьевъ Маккавеевъ, перестаемъ учиться у нихъ, а еще менѣе думаемъ подражать имъ. А можемъ ли мы чему либо поучиться у нихъ? Есть ли что либо схожее между обстоятельствами ихъ и нашего времени?

Посмотрите, подумайте, за что они были замучены, за что они пожертвовали жизнію? За то, что не согласились нарушить богоустановленный постъ своего времени и своего

народа. За то, что не хотѣли вкусить свиного мяса. По видимому, незначительность? Да, по видимому. Но смотрите, какъ за этою кажущеюся незначительностію рядомъ стояло все, что было для избраннаго народа Божія самого святаго и драгоцѣннаго. Ёсть свинное мясо значило нарушить законъ Моисеевъ, который запрещалъ это. Значило ёсть пищу, принесенную въ жертву и посвященную идоламъ. Значило отказаться отъ жертвоприношеній и священнослуженія Богу истинному и поклониться богамъ чужимъ языческимъ. Значило допустить, чтобы храмъ единого истиннаго Бога превращенъ былъ въ идольское капище. Значило отвергнуться не только обрядоваго закона Моисеева, но и нравственнаго,—значило, терять студодѣянiя и всякую мерзость заустѣянiя даже на мѣстѣ святѣ. Значило не только отречься отъ единого истиннаго Бога, отъ святоотеческой вѣры, но и отъ своей народности, отъ народнаго обличiя, отъ народной самостоятельности, отъ народной самобытности. Въ концѣ концовъ эта незначительность, вкушеніе свиного идоложертвеннаго мяса, означала всенародную духовную, вѣроисповѣдную, государственную смерть богоизбраннаго народа...

Посмотрите, подумайте, нѣтъ ли чего похожаго и въ нашей жизни? Вотъ день святыхъ мучениковъ Макавеевъ стоитъ какъ разъ въ преддверіи христіанскаго такъ называемаго спасова поста. Задайте же себѣ вопросъ, кто изъ насъ соблюдаетъ, кто не соблюдаетъ посты? Не соблюдаютъ очень многіе. Нѣкоторыя сословія даже за стыдъ считаютъ соблюдать. Есть ли это незначительность? Вотъ уже два вѣка на Руси, въ нѣкоторыхъ кругахъ считалось это незначительностію. Но теперь къ нашимъ днямъ послѣдствiя этой кажущейся незначительности выясняются больше и больше. Посмотрите, подумайте. Несоблюдающіе постовъ не

отрекаются ли отъ церковныхъ уставовъ? Не отрѣкаются ли во всемъ строѣ жизни отъ свято-отеческихъ обычаевъ? Не отрѣкаются ли отъ церковныхъ службъ? Не отрѣкаются ли отъ самыхъ существенныхъ учрежденій въ христіанскомъ священнодѣйствіи, отъ святыхъ таинствъ, отъ исповѣди, отъ причастія? Не унижаютъ ли таинство брака, не ругаются ли надъ священствомъ, не начинаютъ ли издѣваться даже надъ крещеніемъ? Не отвергаются ли свято-отеческой вѣры и всѣхъ началъ христіанской нравственности? Не отвергаютъ ли бытіе истиннаго Бога? А такъ какъ безъ боговъ, безъ религіознаго культа, быть человѣку нельзя, — то не вводится ли у насъ даже идолопоклонство, поклоненіе мамонѣ чрева, мамонѣ корысти, мамонѣ всяческаго чувственнаго наслажденія, мамонѣ зависти и ненависти ко всему, что выше насъ, что богаче, что благодѣтельнѣе? Не сочиняются ли даже новоизмышленныя вѣры, которыя въ концѣ концовъ ведутъ къ гибели всякой вѣры въ истиннаго Бога и всякой возвышенной нравственности?

Все это изъ кажущихся назначительностей, изъ мелкихъ сѣмянъ произрастало, росло и выросло на нашихъ глазахъ въ большое дерево съ обильными плодами, горечь которыхъ уже почувствовалась рѣзко. Поживемъ, посмотримъ и увидимъ, что это дерево разрастется еще шире, укоренится еще глубже, а укоренившись и разросшись заполонить, согласно съ пророчествами, и всю землю, — намъ спящимъ, намъ бездѣйствующимъ, намъ поблажающимъ во первыхъ себѣ, а далѣе и всѣмъ и всему. Мало по малу, мы отстаемъ отъ свято-отеческихъ обычаевъ, отъ свято-отеческой вѣры, отъ святаго Бога святыхъ отецъ нашихъ, поблажая себѣ и другимъ, по чувствамъ безразличія и холодности, безпечности и лѣности. Конечно, пока еще никто не нудитъ насъ дѣлать дальнѣйшіе шаги къ отступ-

ничеству, никто не преслѣдуетъ за вѣру, пока еще мы не дошли до конца. Но далеки ль мы и отъ болѣе тяжелыхъ временъ? Не видѣли ль, не видимъ ли и мы даже кровавыхъ гоненій за вѣру, не говоря о гоненіяхъ коварныхъ, характера Юліана богоотступника, въ одной изъ самыхъ передовыхъ странъ христіанской Европы? Не видимъ ли такъ называемой культурной борьбы противъ христіанства въ другой изъ самыхъ передовыхъ странъ христіанской Европы? Не провозглашается ли, не осуществляется ли символъ такъ называемой борьбы за существованіе не только во всей христіанской Европѣ, но и въ нашемъ издревле христіанскомъ отечествѣ? Подумайте, куда мы идемъ? Какъ остановиться? Какъ удержать себя и другихъ у безны, въ которую готовы упасть?

Поразительно евангеліе Христово, какое читается нынѣ въ честь святыхъ мучениковъ. *Всякъ, иже исповѣстѣ Мя предъ людьми, — глаголетъ Господь, — исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ моимъ небеснымъ.* А исповѣдуемъ ли мы Христа предъ людьми? Не стыдимся ли исповѣдывать Его тамъ, гдѣ не стыдились исповѣдывать Его наши отцы? — *А кто отвержется Мене предъ людьми, — глаголетъ Господь, — отвергнуся его и Азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесахъ.* Не отвергаемся ли мы Христа дѣлами? Не отвергаемся ли помыслами? Не отвергаются ли нѣцыи изъ насъ и словами, и устами, а не только что сердцемъ и дѣлами? *Не думайте, — глаголетъ Господь, — что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ. Ибо Я пришелъ разлучить человека съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невестку съ свекровью ея. И враги человеку домашніе его.* — Сіи слова Господни имѣли ясное приложеніе къ жизни въ первые вѣка христіанства, въ вѣка гоненій, въ вѣка юнаго роста Христовой церкви.

Посмотрите, не начинают ли рѣзко выясняться сіи же Господни слова и въ наши дни среди насъ, во дни явнаго упадка христіанства даже среди самаго христілюбиваго народа? Подумайте вотъ о чемъ: на нашей памяти, на нашихъ глазахъ наши дѣды еще горячо и стойко преданы были вѣрѣ Христовой и свято-отеческимъ обычаямъ; отцы многихъ относились ко всему этому уже холодно и безразлично; а дѣти и внуки уже ничего не чувствуютъ въ отношеніи къ благочестивой старинѣ, кромѣ ненависти и пренебреженія, и пренебреженія уже не страдательно—терпѣливаго, но ядовито-злобнаго, готоваго разрушать все, что по ихъ мнѣнію уже отжило и жить мѣшаетъ...

О мученицы святіи! О доблестніи Маккавеи, съ при-
снопамятными матерію вашею и учителемъ Елеазаромъ!
Егда предстоитъ Христу, егоже ради потрудистесь,
прилежно сотворите мольбу о чловѣчествѣ... Аминь.

1879 г.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

*Яси ми Тебе самаю, да разумно вижду
Тя.—Исх. 33, 13.*

Чтеніями изъ священнаго писанія на всенощной и литургіи нынѣшняго праздника, чтеніями паримій, апостола и евангелія святая церковь, ставя насъ у трехъ библейскихъ горъ Синая, Хорива и Ѡавора, устремляетъ взоры ума нашего къ благоговѣйному созерцанію пяти боговидцевъ, Моисея, Іліи, Петра, Іакова и Іоанна, и трехъ боговидѣній, двухъ ветхозавѣтныхъ, синайскаго и хоривскаго, и одного новозавѣтнаго ѡаворскаго.

Вотъ первое изъ этихъ боговидѣній, синайское.

Съ первыхъ дней міра исторія человѣчества представляетъ борьбу духовнаго свѣта со тьмою, свѣта истиннаго вѣдѣнія о Богѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ о назначеніи человѣка къ жизни духовной безсмертной съ мрачною тучею заблужденій, суевѣрій, маловѣрія, многобожія, идолопоклонства, безвѣрія, безбожія и чувственности. Свѣтъ хочетъ горѣть и свѣтитъ, туча его заслоняетъ.

Такъ было и во времена Моисея. Мракъ невѣдѣнія объ истинномъ Богѣ простертъ по всему лицу земли. Рукою самаго Бога возженный въ семействѣ Авраамовомъ свѣтъ истиннаго боговѣдѣнія и въ этомъ, египетскими

работами подавленномъ родѣ совсѣмъ почти потухъ. Новое усиліе возжечь этотъ свѣтъ,—Господь изводитъ евреевъ изъ Египта, чтобы сотворить ихъ себѣ людьми избранными. Но лишь только этому огрубѣлому народу съ вершины горы синайской изрекъ Господь Богъ: *Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инии развѣ Мене*; изрекъ послѣ чудесъ, сопровождавшихъ исходъ евреевъ изъ Египта и сошествіе Богъ законодателя на вершину Синая; когда дымившаяся вершина Синая еще не потухла, а Богъ законодатель не престалъ еще раскрывать Моисею свою волю для своего народа,—Израиль, наскучивъ замедленіемъ своего пророка на горѣ, въ подражаніе Египту, творить себѣ тельца литаго, пляшетъ около него и въ опьяненіи смысла вопить: *сѣ бози твои, Израилю, иже изведоша тя изъ земли египетскія*. Побѣда духовнаго мрака надъ едва возженнымъ свѣтомъ въ этотъ разъ была до того полна, до того губительна, что самъ Отецъ свѣтовъ, неизмѣнный безстрастный Богъ находитъ нужнымъ закрыть свое свѣтлое невозмутимое безстрастіе отъ очей мраколюбиваго человечества тучею ярости и грозить оттуда, изъ этой тучи, метнуть стрѣлами нагубы въ вѣроломный родъ Авраамовъ, показывая видъ готовности отступить отъ своего плана—возжечь въ этомъ родѣ свѣтъ боговѣдѣнія для всего человечества. Самъ Моисей въ чувствѣ, похожемъ на мрачнѣйшее изъ чувствъ, отчаяніе, разбиваетъ только что врученный ему Богомъ свѣточъ божественнаго свѣта, сжигали завѣта. Отъ отчаянія переходя къ кипучему ощущенію гнѣва, казнить три тысячи измѣнниковъ. Отъ гнѣва переходя къ сокрушительному ощущенію жалости о своихъ братіяхъ, къ подавляющему ощущенію тягости собственнаго бытія, спѣшитъ на гору и творить тамъ свою полную и безмѣрнаго самоотверженія и безмѣрной тоски мо-

литву: *молюся Ти, Господи: соиръшиша людѣ сіи грѣхъ великъ. И нынѣ, аще оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави; аще же ни, изглаголю мя изъ книги твоея, въ нѣюже еписала еси.* Умилостивленный молитвою Моисея Господь Богъ въ свою очередь успокоиваетъ его самого изъясненіемъ почти дружескаго расположенія къ нему, обѣщаніемъ пощадить вѣроломнаго Израиля. Но глубоко потрясенная едва минувшею грозой; страдающая болѣзнію всего, отверженнаго отъ лица Божія, человѣчества, болѣя вѣковѣчнымъ общечеловѣческимъ томленіемъ заглянуть за завѣсу, закрывающую Божество отъ нашего опытнаго усмотрѣнія, душа Моисея не исполнивъ успокоена даже Божіими рѣчами и обѣтованіями, даже чудесными знаменіями, которыя ихъ сопровождали. Съ дерзновеніемъ друга Божія Моисей проситъ послѣдней опоры своей вѣры въ Бога, своего упованія на Бога, проситъ для себя, для своего народа, для всего человѣчества. *Се Ты мнѣ глаголеши,—молится онъ,—веди людей сихъ, а не явилъ Ты мнѣ, кого поведи со мною. Ты мнѣ сказалъ: вѣмъ ты паче всѣхъ и милость имѣешь ты у Меня. Итакъ, если я обрѣлъ милость у Тебя, яви мнѣ Тебя самого, да разумно сижду Тя.*—Молитва дерзновенная, неслышанная. И Господь Богъ отклоняетъ прямой отвѣтъ на нее: *Азъ самъ,—говоритъ,—предыду предъ тобою и упокою тебя.*—Моисей возражаетъ (это хорошо, это само собою разумѣется), *—если самъ Ты не идешь съ нами, не изводи меня отсюда. И какъ иначе дознано будетъ воистину, что я обрѣлъ милость у Тебя, я и люди твои, если не изъ того, что Ты пойдешь съ нами?* Господь Богъ отстаиваетъ свою волю: *и сіе твое слово, которое рекъ ты, сотворю,—пойду съ вами; ибо ты обрѣлъ благодать предо Мною.*—Нѣтъ, мало; Моисей отстаиваетъ свое моленіе: „Ты не явилъ мнѣ того, кто пойдетъ съ

нами, — покажи мнѣ славу твою“. — Настойчивому моленію своего друга Господь являетъ свисхожденіе крайнее, какое не являлъ прежде никому. — (Пусть будетъ по твоему, что можно для тебя сдѣлать, сдѣлаю), *славою моею Азъ предъиду предъ тобою, но лица моего не возможеши видѣти: не бо узритъ человекъ лице мое и живъ будешь. Се мѣсто у Меня и станешь на камнѣ. Когда же будетъ проходить слава моя, положу тебя въ разсѣлинѣ камня и покрою рукою моею поверхъ тебя, пока пройду мимо. И отъиму руку мою, и тогда узриши задняя моя, лице же мое не явится тебѣ. Будь готовъ завтра и взойди на гору синайскую и предстанешь предо Мною тамъ на верху горы.* — Поутру Моисей восходитъ на гору. И сошелъ Господь въ облакъ. И прошелъ Господь мимо Моисея и воззвалъ: *Господь, Господь Богъ щедръ и милостивъ, долготерпливъ и многомилостивъ, и истиненъ, и правду храняй, и творяй милость въ тысящи, отъемляй беззаконія, неправды и грѣхи, но и повиннаго не очищающій, наводяй грѣхи отцевъ на чада и чада чадъ до третьяго и четвертаго рода.* И поспѣшивъ боговидѣцъ Моисей приникъ на землю и поклонился Богу.

Вотъ второе изъ ветхозавѣтныхъ боговидѣній, — хоривское.

Мракъ невѣрія и идолопоклонства простертъ по всему лицу земли. Свѣтъ истиннаго боговѣдѣнія совсѣмъ почти потухъ и въ избранномъ народѣ: цари еврейскіе и народъ всѣ преклонили колѣна предъ Вааломъ, забыли своего Бога Іегову. Тщетно въ бурную многолѣтнюю жизнь свою воцѣлывали противъ нечестія братій своихъ огненно ревностный пророкъ Божій Ілія. Избивъ всѣхъ Божіихъ пророковъ, царица Іезавель богами поклалась извести и его. Безъ надежды за народъ, въ страхъ за себя, Ілія бѣжитъ въ пустыню,

садится тамъ подъ кустомъ и изнеможенный душою и тѣломъ просить себѣ у Бога смерти: *теперь довольно съ меня. Возьми отъ меня душу мою Господи...* Въ тоскѣ, которую можно, хотя и трудно себѣ представить, Илія засыпаетъ. Ангелъ Господень дважды будить его, дважды велить ему подкрѣпить себя пищею и питіемъ, ангеломъ же принесенными, и потомъ велить идти къ горѣ Божіей Хориву. Идетъ Илія сорокъ дней и сорокъ ночей, не ѣстъ ни пьетъ, достигаетъ наконецъ Хорива, находитъ тамъ пещеру и поселяется въ ней. И вотъ глаголѣ Господень къ нему: *что ты здѣсь Илія?* Илія говоритъ: *ревнуя перевиновалъ, — сгорѣла душа моя отъ ревности по Господу Богу вседержитель, что вотъ оставили Тебя сыны Израилевы, алтари твои раскопали, пророковъ твоихъ избили оружіемъ и остался я одинъ, и моею душою ищу изгнать ее.* Слышите ли вы вопль если не отчаянія, то глубокой тоски души высокой, боголюбивой до огненной ревности, Иліиной души, — души, для которой послѣднее дѣло, что сама она подвергается смертной напасти, которая о томъ тоскуетъ, что вѣра погибла, Бога всѣ забыли, вѣрующихъ всѣхъ истребляютъ и истребили, онъ, Илія, одинъ единственный на землѣ Божій слуга, онъ всю жизнь свою боролся за дѣло Божіе и бесплодно, съ нимъ потухнетъ свѣтъ истиннаго боговѣдѣнія. На небѣ этотъ вопль конечно былъ услышанъ, тамъ проникъ онъ до глубины божественной любви; конечно Илія стоилъ быть изведеннымъ изъ мрачной бездны тяжкаго унынія, и какъ Моисей, былъ изведенъ блистательно. Вотъ новый глаголѣ Божій къ Иліѣ: *изыди по утру и стань предъ Господомъ въ горѣ. И се мимо пойдетъ Господь и пронесется вътрѣ великій и крпкій, разоряя горы и сокрушая каменіе въ горѣ предъ Господомъ, но не въ вѣтрѣ Господь; и по вѣтрѣ будетъ тря-*

сеніе земли, и не въ трясеніи Господь, и по трясеніи огонь, и не въ огонь Господь, и по огню гласъ хлада тонка, вѣяніе тонкой прохлады, и тамо Господь. И вотъ по утру, какъ услышалъ Ілія приближеніе Господа, покрылъ лице свое милотію своею, вышелъ и сталъ у входа въ пещеру. Вотъ опять тотъ же голосъ: *что ты здѣсь Ілія?* Опять та же горькая жалоба тоскующей души: *ревнуя поревновалъ по Господь Богу вседержителю, что оставили завѣтъ твой сыны Израилевы, и алтари твои раскопали, и пророковъ твоихъ избили оружіемъ, и остался я одинъ, и моею души ищутъ извѣтъ ее.* Господь, какъ общалъ, является и проходить, утѣшивъ боговидца Ілію вѣстію, что есть еще и послѣ него останется во Израили семь тысячъ мужей, которые своихъ колѣнъ предъ Вааломъ не преклоняли и устами своими ему не молились.

Въ боговидѣніи новозавѣтномъ еаворскомъ общія черты тѣже, что и въ двухъ ветхозавѣтныхъ. Таже, если только еще не болѣе мрачная ночь невѣрія и нечестія лежитъ на лицѣ земли. О современномъ событіи преображенія Господня языческомъ мірѣ говорить нечего. Но и въ еврейскомъ мірѣ образованнѣйшая часть народа почилъ на буквѣ закона или погрузилась въ чувственность, а толпа, — что толпа? Это были люди сѣдящіе во тьмѣ и снѣи смертной. Всѣ евреи вмѣстѣ, забывъ о небѣ, грезили воцареніемъ съ ними Мессіи завоевателя на землѣ. Сами апостолы, до сошествія на нихъ Св. Духа, были сыны своего темнаго вѣка и народа: будущія свѣтила міра туго и некрѣпко воспринимали тонкій свѣтъ ученія отъ своего небеснаго Учителя, а впереди еще ожидала ихъ та мрачная ночь ужаса, въ которую всѣмъ имъ предопредѣлено было разбѣжаться и оставить Учителя, а Петру даже поклясться, что знать не знаетъ Его. До этой — то страшной ночи за

полгода, въ ночь преображенія Господь Іисусъ Христосъ, съ тремя преданнѣйшими учениками своими, Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ, восходитъ на гору Ѡаворъ. Самъ Онъ тамъ погружается въ молитвенную бесѣду съ Богомъ Отцемъ, а ученики погружаются въ сонъ. Утро. Апостолы пробуждаются. И чувства ихъ поражены дивнымъ зрѣлищемъ. Сквозь всѣ черты лица, всѣ части пречистаго тѣла, даже одежды Учителя ихъ льется невыразимо прекрасный свѣтъ Божества. Озаренные Его сіяніемъ парятъ около Богочеловѣка два жителя міра неземнаго, боговидцы ветхозавѣтные Моисей и Ілія, бесѣдуя съ Богочеловѣкомъ о приближающейся кончинѣ Его, — предметъ чаянія всего мертваго, живаго настоящаго и будущаго челоѣчества. Ихъ осѣняетъ свѣтлый облакъ; оттуда раздается гласъ: *сей есть Сынъ мой возлюбленный...* Небъ и земля тутъ видимо соединялись. Петръ въ восторгѣ восклицаетъ: «Господи! Какъ хорошо! Вѣкъ бы жить здѣсь», — и падаетъ вмѣстѣ съ прочими апостолами въ изступленіи чувствъ. Преобразившійся Господь показалъ имъ славы своей столько, сколько они могли вывести.

Какое же значеніе имѣло это Ѡаворское боговидѣніе для его участниковъ, Моисея, Іліи и трехъ апостоловъ? Кабая связь между боговидѣніемъ новозавѣтнымъ и двумя ветхозавѣтными, синайскимъ и хоривскимъ? Для чего на Ѡаворѣ не другой кто изъ ветхозавѣтныхъ, а именно синайскій и хоривскій боговидцы? Какое значеніе этихъ боговидѣній для насъ грѣшныхъ?

«Свѣтильникъ явится нынѣ грядетъ Христосъ въ темномъ мѣстѣ», — отвѣчаетъ церковь, — «сіяніетъ божественнаго блистанія». И къ этому-то сіянію парятъ изъ обители мертвыхъ боговидѣцы синайскій и боговидѣцы хоривскій — лицемъ въ лицу увидѣтъ Божество во плоти, такъ какъ на Синаѣ и Хоривѣ они ощутили только слѣдъ славы Божіей; парятъ,

чтобы исповѣдать предъ апостолами въ ихъ Учителѣ Господа закона и пророковъ, владыку живыхъ и мертвыхъ, Бога, являвшагося древле на Синаѣ и Хоривѣ, чтобы и за предѣлами міра земнаго возвѣститъ явленіе Бога во плоти и приближавшееся примиреніе неба съ землею. Сіяніе преображенія видятъ апостолы, да «егда узрятъ своего Господа распинаема,» страданіе уразумѣютъ вольное, мірови же проповѣдятъ, яко есть Онъ во истину Отчее сіяніе». *Мы проповѣдали вамъ о силѣ и пришествіи Господа нашего Иисуса Христа, — при концѣ дней своихъ воспоминаніемъ обращаясь къ свѣтлой горѣ саворской, пишетъ саворскій боговидецъ Петръ, — не измышленнымъ баснямъ послѣдовавъ, но бывъ самовидцами величествія Христова. Ибо Онъ пріялъ отъ Бога Отца славу и честь, когда гласъ пришелъ къ Нему таковой отъ величійныя славы: сей есть Сынъ мой возлюбленный... И сей гласъ мы слышали съ небеси сшедшій, съ Господомъ нашимъ будучи на горѣ святой. Кромѣ того мы имѣемъ у себя для руководства несомнѣнное пророческое слово. Это пророческое, какъ и наше слово пусть будетъ для васъ свѣтиломъ, сіяющимъ въ темномъ мѣстѣ, пока загорится для васъ день вѣчной жизни и денница небеснаго свѣта на вѣки возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ.*

Духовнаго мрака, братіе, и около насъ и въ насъ довольно.

Такъ громко около насъ раздаются голоса, что подъ ногами нашими за этою корою землею, подъ которую хоронятся трупы мертвецовъ, тлѣнь и прахъ, а за сводомъ небеснымъ... да и его — этого свода небеснаго нѣтъ..., тамъ вверху, вообще за рубежами воздушнаго круга, бездонное пространство, въ которомъ плаваютъ міріады міровъ свѣтящихся и грѣющихъ, только не сознающихъ ни себя, ни

того, что они освѣщаютъ и согрѣваютъ, а за ними... за ними ничего...; что т. е. между небомъ и землею, гдѣ такъ много свѣта вещественнаго, ни искры свѣта невещественнаго, а за предѣлами неба и того мрачнѣе, тамъ хаосъ и ничтожество

То несомнѣнно, о томъ говоритъ голосъ всего человѣчества, что между свѣтомъ пренебеснымъ и обыкновеннымъ опытнымъ усмотрѣніемъ нашимъ виситъ завѣса, за которую изъ смертныхъ обыкновенными очами не заглядывалъ никто; что надо человѣку перестать быть живымъ, чтобъ узрѣть лице Божіе.

Носясь средь этого мрака, возникающаго изъ общечеловѣческой ограниченности, плотяности и грѣховности, мы, въ своей собственной немощи нося свой внутренній родникъ мрака всегда, иногда чувствуемъ его внутри себя особенно, сознавая отчетливо, какъ мрачный духовный туманъ поднимается въ насъ то изъ кичливости разума, сомнѣніемъ сражающагося съ своими собственными началами, съ голосомъ сердца и уроками преданія, то изъ душевнаго разлѣненія, усыпляющаго совѣсть отрицаніемъ, то изъ тоски сердца, горькаго плода нашей борьбы съ разрушительными помыслами, съ укорами совѣсти, съ внѣшними неудачами, съ вѣчно-присущимъ намъ томленіемъ о какомъ то недостигаемомъ лучшемъ.

У кого въ подобныя минуты всегда присущая намъ потребность, какъ бы это хоть сколько иибудь заглянуть за завѣсу, лежащую между нашею чувственностію и сверхчувственнымъ міромъ,—у кого эта потребность не превращалась въ подобныя горькія минуты въ томительную жажду хоть бы какимъ иибудь ощущеніемъ прикоснуться къ этому міру, осязать его бытіе и связь съ міромъ нашимъ? У кого не рвались вопли къ небу: Боже, Боже мой! вскую

мѣ еси оставилъ?! Боже! яви ми если и не Тебя самаго, не лице твое, не славу твою даже, то хотя какую либо тѣнь твоего вниманія къ моему ничтожеству... Аще же ви.. Изгладѣ мя изъ книги жизни настоящей, возьми отъ меня душу мою, Господи... Быть же не можетъ, чтобы небо надъ главою моею было мѣдяно столько же, сколько земля подъ ногами желѣзна, чтобы оно слышало меня столько же, сколько этотъ каменный сводъ.

А между тѣмъ говорятъ, что Господь близъ, что не далече Онъ отъ единаго коегождо насъ, что можно даже осязать Его, тѣмъ легче увидѣть (Фил. 4, 5; Дѣян. 17, 27; Іоан. 14, 8—10).

Какъ же сдѣлать это? Какъ достигнуть этого?

Можно бы сказать, также, какъ достигли чести боговидѣнія боговидцы синайскій, хоривскій и саворскіе. Они этой чести достигли тѣмъ, что много трудились для Бога, много ревновали по Богѣ, много любили Бога, были, однимъ словомъ, близки къ Богу. Но чести такихъ чрезвычайныхъ боговидѣній намъ съ вами доискиваться трудно: и Моисей съ Іліею и св. апостолы удостоились ихъ сколько по своимъ заслугамъ, столько же и еще больше по чрезвычайнымъ намѣреніямъ Божіа домостроительства. Оттого не всѣ даже самые великіе угольники Божіи удостоивались такихъ чрезвычайныхъ боговидѣній.

Есть боговидѣнія болѣе обще-доступныя. Изъ нихъ то всѣхъ насъ и приглашаетъ нашъ Спаситель: *имѣяй заповѣди моя и соблюдая ихъ той есть любяй Мя, а любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ и Азъ возлюблю его и явлюся ему самъ* (Іоан. 14. 21).—Потрудишься для Бога, возлюби Бога и увидишь Бога: *Богъ любви есть*. Онъ скажется твоему любящему сердцу и упокоитъ тебя отъ всѣхъ тревогъ и сомнѣній.

«Да здѣсь психологическій кругъ зрѣнія»?—Да... Но что дѣлать? Отрѣшися душа отъ этого круга зрѣнія, и увидишь мракъ, т. е. не увидишь разумнаго ничего; отрѣшися отъ несомнѣнно обольщающаго насъ круга зрѣнія тѣлеснаго, который называется глазомъ, и другаго болѣе обширнаго, тоже несомнѣнно обольщающаго насъ круга, называемаго атмосферою,—и весь видимый міръ стушуетъ для насъ въ обманъ, въ иллюзію, въ хаосъ. Наоборотъ вглядывайся въ духовный міръ въ кругъ зрѣнія, начертываемомъ словами Спасителя и вѣковѣчными опытами духовныхъ людей,—усмотришь тамъ и ты, быть можетъ, не много, но хорошо, но твердо. Въ этомъ усмотрѣніи найдешь для себя опору въ тяжкія минуты жизни, и въ нелегкія минуты смерти оно освѣтитъ твою душу чаяніемъ, а лице улыбкою безсмертія... Мало и тускло видимъ мы въ мірѣ духовномъ оттого, что все наше обращено къ землѣ.

Возстаните лѣнливѣи, всегда низу покинушіи въ землю, души моя помыслы, возмיתесь и возвыситесь на высоту божественнаго восхожденія; притечемъ къ Моисею и Іліи, къ Петру и сынамъ Зеведеевымъ, и вкупѣ съ ними, подражая ихъ жизни, ихъ трудамъ для Бога, ихъ ревности по Богѣ, ихъ любви къ Богу, устремимся горѣ къ высотѣ небесной, да видимъ съ ними славу Бога нашего. Синай, Хоривъ и особенно Фаворъ, на вершинѣ которыхъ видѣли Бога такіа высокіа правдолюбивыя души, сами передавшія намъ повѣсть своихъ боговидѣній, каковы Моисей и Петръ, пусть горятъ для нашей вѣры свѣточами божественнаго свѣта въ темной земной юдоли, дождетъ же день небесной жизни озаритъ насъ и денница вѣчно—немерцающая возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ. Аминь.

1861 г.

ПОУЧЕНІЕ

сказанное на молебствіи въ день открытія археологическаго съѣзда (15 августа) при Новороссійскомъ университетѣ въ Одессѣ.

*И буди свѣтлость Господа Бога нашего
на насъ, и дѣла рукъ нашихъ исправи.*

Проклиенъ молебствія.

Позвольте поблагодарить васъ и похвалить, по крайней мѣрѣ, выразить вамъ нашу радость, и, конечно, призвать на васъ и честное дѣло ваше благословеніе Господне. Открывая ваше археологическое собраніе, вы, по исконному русскому обычаю, собрались предварительно во святой храмъ сей соединить вашу частную молитву съ общественною молитвою церкви. Отрадно это потому, что увы! въ послѣдніе сіи, во многомъ печальные, дни не всегда и не вездѣ такъ бываетъ. Бываетъ и такъ, на нашихъ глазахъ было, что открывается въ цѣломъ краѣ важное новое учрежденіе, примѣрно новыхъ судовъ, а заправители открытія, предъ лицомъ цѣлаго города и края и предъ сознаніемъ всего русскаго народа, не хотятъ, по извѣчному русскому обычаю, призвать на свое новое дѣло, общее великое дѣло, благословеніе Господне соединенною молитвою своею, и церковною, и общенародною. Мои же очи видѣли и то, что при открытіи въ другомъ краѣ того-же новаго и весьма

важнаго для общепародной жизни учрежденія заправители открытія соизволили сдѣлать снисходительную уступку народному обычаю торжественнаго предначальнаго молебствія; за то за совершеніемъ молебствія изволили показать ясно предъ всѣми, имѣющими очи видѣти, что сами совсѣмъ уже освободились отъ народныхъ предубѣжденій, почему при общественномъ священодѣйствіи совсѣмъ же и не крестились, и не кланялись, и не молились, а только когда священнодѣйствующій архіерей обращался къ предстоящимъ съ уставнымъ благословеніемъ и преподаніемъ мира всѣмъ, они, хозяева дѣла, всѣ до единого русскіе православные люди, стоя рядомъ, отдѣльно отъ прочихъ, предъ лицомъ всѣхъ предстоящихъ, дѣлали только вѣжливость чуть чуть склонять, по крайней мѣрѣ, показывать видъ, что думаютъ склонить свои высокочудныя головы. Такія явленія могутъ наводить на разныя невеселыя размышленія, на аналогіи и заключенія... Потому-то мы и позволили себѣ выразить вамъ и нашу радость, и благодарность, и похвалу. Не смущайтесь. Никто не выше чьей-бы то ни было похвалы, особенно же искренней отъ чистаго сердца Богъ выше всякой похвалы, выше всякаго благодаренія. Однако-же мы и хвалимъ Бога, и благодаримъ Его, и радуемся Богу, помощнику нашему. Такъ мы радуемся и вамъ, помощникамъ нашимъ въ нашемъ святомъ дѣланіи. Въ наши во многомъ печальные дни торжественное моленіе, въ нѣкоторыхъ кругахъ, дѣло далеко не совсѣмъ обычное, наоборотъ, дѣло, равняющееся подвигу, равняющееся проявленію гражданскаго мужества. Искреннее же моленіе при этомъ равняется исповѣданію имени Христова предъ человѣками, котораго многіе начинаютъ дѣйствительно стыдиться,—исповѣданію, которое, по трудности своей въ наше время, напоминаетъ собою чуть не исповѣдничество первыхъ вѣковъ христіанства.

Вѣруемъ, по нѣкоторымъ-же добрымъ признакамъ и судимъ, что вы выполняете не только внѣшность обряда, не только общественную церемонію, но причищаетесь и духу ея, искренно призывая небесное благословеніе Отца свѣтовъ на ваше высокое дѣло науки и просвѣщенія. И будетъ свѣтлость Господа Бога нашего на васъ, и дѣло рукъ вашихъ самъ же Онъ на путь правый направить.

Обратите ваше вниманіе. Я хочу указать вамъ яснѣйшее, очевиднѣйшее, поразительнѣйшее доказательство бытія Божія, доказательство, которое преподаетъ намъ въ убѣдительнонѣйшемъ видѣ опытъ именно нашего послѣдняго времени.

Кто ходитъ во свѣтѣ лица Божія, на томъ свѣтлость Господа Бога нашего пребываетъ, и дѣла рукъ его самъ Господь на правый путь свой направляетъ. Это говорилъ для своего времени св. псалмопѣвецъ Давидъ. Но это—истина ощутительная и для всякаго, какъ и для нашего времени. Если-же мы не ощущаемъ ее, то только потому, что не слѣдимъ за духовными опытами въ себѣ и въ другихъ. Ходить во свѣтѣ лица Божія значитъ ежечасно, ежеминутно поставлять себя предъ лицомъ Божиимъ. Значитъ, видѣть болѣе или менѣе ясно, что выражается на лицѣ Божіемъ, чего Богъ хочетъ, чему сочувствуетъ, отъ чего отвращается, на что гнѣвается; значитъ, слѣди за этимъ въ нашей душѣ, приникая къ образу Божію, начертанному въ нашемъ сердцѣ, прислушиваясь къ голосу совѣсти, гласу Божію внутри насъ, приглядываясь къ свѣту воли Божіей, самимъ Богомъ возженному и ярко горящему для насъ въ божественномъ откровеніи,—значитъ согласно съ этимъ и направлять свои духовныя стопы. Тогда человѣкъ и идетъ прямою дорогою, не колеблясь въ совѣсти. Предъ очами его ясно горитъ свѣточъ слова Божія, какъ маякъ среди мрач-

наго тревоженія житейской бури. Тогда голосъ совѣсти всякій разъ подсвѣжаетъ ему, куда и какъ дорога жизни ведетъ прямѣе къ истинѣ и высшей правотѣ. Тогда при постоянномъ приниканіи къ свѣту евангелія и голосу совѣсти, при самоуглубленіи и пристальномъ созерцаніи образа Божія, человекъ можетъ созерцать въ каждую данную минуту выраженіе лица Божія, когда оно бываетъ свѣтло и когда омрачается, и, созерцая это, восходитъ вѣрно и умомъ къ неизблемому убѣжденію въ истинѣ, и волею къ правотѣ, и сердцемъ къ высшей и высшей евангельской чистотѣ. Ходя-же во свѣтѣ лица Божія, человекъ тогда привлекаетъ отблескъ этого божественнаго свѣта и въ свою собственную душу, и свѣтлость Господа Бога нашего отражается въ душѣ постояннымъ душевнымъ миромъ, отражается въ лучшія минуты жизни глубочайшими ощущеніями радости о Духѣ Святѣ,—ощущеніями, которыя испытывъ разъ, христіанинъ, подобно апостоламъ, восторженно узрѣвшимъ божественный свѣтъ преображенія на Фаворѣ, на долго остается подъ радужнымъ озареніемъ этого свѣтлаго руководящаго ощущенія. Тогда онъ мирно шествуетъ и къ кончинѣ живота своего, и умираетъ съ ощущеніемъ глубочайшаго мира, въ которомъ предвѣщаетъ радость и вѣчно блаженнаго безсмертія.

Для насъ это почти общія мѣста, потому что мы далеки отъ опытно-духовной жизни. Но есть и теперь чистыя христіанскія души, которыя такъ именно живутъ и то чувствуютъ, какъ это мы сейчасъ изобразили. Изъ частныхъ лицъ, которыя не живутъ чистою духовною жизнію, ни одна душа сама въ себѣ этого не чувствуетъ. Однакоже даже между свѣтскими мыслителями мы имѣли глубокихъ психологовъ, по крайней мѣрѣ — одного *)

*) Достоевскаго.

торые въ своихъ твореніяхъ такое высокое духовное состояніе изобразили. Значить, идея такого духовнаго состоянія существуетъ, и взята она изъ дѣйствительности. Но въ цѣломъ православномъ христіанскомъ народѣ это наглядно для всякаго даже не глубокаго мыслителя. Не знаетъ нашъ народъ ни исторіи христіанства, ни христіанской догматики; ясно умомъ не понимаетъ и евангелія. Тѣмъ не менѣе народъ, въ своей цѣльности, постигаетъ духъ евангелія и располагаетъ свою жизнь по этому духу. Знаетъ нашъ народъ, что такое жизнь по Божію закону, что чистота, что милосердіе, что самоотверженіе, что воздержаніе, постъ и молитва, что покаяніе по грѣхопадению. Такъ онъ и живетъ, такъ онъ и жилъ цѣлую тысячу лѣтъ. Онъ ходилъ предъ Богомъ во свѣтѣ лица Божія; творилъ въ великія години отечественной жизни даже величайшіе подвиги самоотверженія и любви христіанской; и свѣтлость лица Божія отражалась на немъ, отражалась въ мирной покорности судьбѣ, въ мирномъ ощущеніи глубокихъ радостей жизни привременной, даже при тяжелой жизненной долѣ; отражалась въ мирномъ и радостномъ чаяніи царства небснаго себѣ, и сродникамъ, и всемъ. И Русь во свѣтѣ лица Божія росла, мужала и крѣпчала. И все дѣла рукъ нашихъ прямою стезею направлялись къ единой цѣли, возрастанію отечества во времени и спасенію христіанскихъ душъ въ предѣлахъ вѣчности.

Возьмемъ теперь противное,—тогда дѣло станетъ нагляднѣе. Вотъ нынѣ появились, увѣ! уже не единицы, не сотни, не тысячи, а многія тысячи лицъ, которыя воображаютъ себя самыми умными, умнѣе самого Бога, насколько Онъ отразилъ свѣтъ ума своего во свѣтѣ божественнаго откровенія. Эти люди отвергаютъ историческое христіанство. Пусть. Сто лѣтъ тому назадъ глаголемые умнѣй-

шіе люди, отвергая христіанство, не отрицали Бога. Христіанскіе-же мыслители твердили имъ, что вы, отрицая христіанство, исключаете Бога. Тѣ отрицали это утвержденіе. Но слѣдующіе глаголемые умные люди отвергли и Бога и безсмертіе, не исключая однако же высокую нравственность. Христіанскіе мыслители твердили и этимъ, что безъ Бога и безсмертія нравственность невозможна. Тѣ опять отрицали и это утвержденіе. Новѣйшіе же умные люди опять подтвердили и его, отрицая обязательность не только христіанской, но и всякой морали. Нравственный кодексъ этихъ людей есть уже ужасающая и отнюдь не скрываема мерзость; есть такая злобная низость, ниже которой трудно и упасть. Сравните вотъ. Нравственные правила, которыя мы имѣемъ несчастіе въ наши дни слышать изъ живыхъ устъ, читать въ книгахъ и видѣть въ осуществленіи, падаютъ несравненно ниже всего того, что мы видѣли во времена самаго глубокаго упадка язычества, при паденіи древняго міра; падаютъ неизмѣримо ниже всего того, что мы видимъ теперь въ средѣ нецивилизованныхъ языческихъ народовъ; падаютъ безпредѣльно ниже всего того, что свѣтъ едва загорающейся исторіи указываетъ намъ въ нравственныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ примитивныхъ народовъ, едва только выходившихъ изъ состоянія патріархальной простоты или-же предполагаемой учеными дикости, точнѣе—одичалости. Посмотрите, сколько у героевъ Гомера, близкихъ будто-бы къ состоянію дикости, сколько у нихъ всяческаго благородства, благородства чувствъ, правилъ и поступковъ! Какая въ общемъ воздвигается высота древняго духа! У современныхъ-же якобы мыслителей, наоборотъ, отрицается всякій принципъ благородства, какъ величайшая глупость. Не говоримъ о томъ, что они позволяютъ себѣ самимъ въ своей коммунарой

жизни. Идеаломъ тамъ ставится просто скотская жизнь. Но что они считаютъ дозволеннымъ для себя относительно другаго лагеря! Всякое отрицаніе свободнаго договора, условія, взаимной пощады, благоснисхожденія, всякаго благородства, всякаго уваженія ко врагу, отрицаніе всего, что искони вѣковъ считалось рыцарственнымъ. Не только позволяется, но заповѣдуются все наибѣлѣе низкое, всякая вѣроломная измѣна, обманъ, насиліе, воровство, грабежъ, бросаніе изъ-за угла всѣмъ убійственнымъ, комками грязи, камнями, выстрѣлами, взрывами, наигнуснѣйшею клеветой, наимерзостнѣйшею ложью. Чего они хотятъ этимъ достигнуть? Желаютъ ли они счастья другимъ? Нѣтъ, ихъ идеаль-общее разрушеніе. Предвидятъ-ли счастье себѣ? Нѣтъ и того. Идеаль ихъ коммуны—человѣкъ для человѣка будетъ волкомъ. Нѣтъ, онъ будетъ хуже волка. Волкъ дерется съ волкомъ, но другъ друга волки рѣдко загрызаютъ. Къ чему же стремятся? Къ разрушенію для разрушенія; а тамъ будь что будетъ! Пусть будетъ пустыня, въ которой скитается нѣсколько дикихъ евѣрей, готовыхъ пожрать другъ друга.

Это будущее, близкое-ли, далекое-ли. Дай Богъ, чтобъ оно никогда не было настоящимъ. *Не введи насъ Господи во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.* Но я хочу выяснитъ то, достигаютъ-ли эти люди душевнаго мира теперь? Достигаютъ-ли себѣ? Даютъ-ли миръ другимъ? Облагодѣтельствована ли ими русская земля? Умиротворилась-ли наша жизнь къ послѣднимъ днямъ? Увы! Смятеніе внесено въ умы, которое идетъ дальше и дальше. Омраченіе виѣдряется въ сердца, которое разливается глубже и глубже. Гдѣ теперь поэзія старо-русской жизни, не та поэзія, что вылилась въ стихахъ и записана на бумагу, а та поэзія мирнаго и радостнаго ощущенія жизни, которая до по-

слѣднихъ дней витала въ нашихъ сердцахъ, въ сердцахъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ на нашей памяти! Увы! Одними она опозорена, другими припрятана, всѣхъ сама оставля-
етъ, улетаая куда-то въ даль отъ нашей смятенной земли. Хорошо-ли себя чувствуютъ, по крайней мѣрѣ, сами пер-
вые виновники этого духовнаго переворота? На это отвѣ-
чаютъ опыты повальнаго распространенія мрачнаго настро-
евія душъ, повальное распространеніе общественной трево-
ги, свидѣтельствуютъ неожиданные взрывы мрачныхъ пре-
ступленій, повальное распространеніе легкомысленнѣйшихъ,
повидимому, самыхъ безпричинныхъ самоубійствъ. Мальчи-
ку поставили низкій балль, — покончить съ собою. Взрос-
лому сказали грубое слово, — покончить съ собою. Гдѣ те-
перь въ нашей жизни Христово слово: *претерпѣвый до кон-
ца, той спасется?*... «Какое тамъ спасеніе? Не сегодня-
завтра ничтожество! Днемъ раньше, днемъ позже, все рав-
но»... Вотъ основной принципъ современной разливающей-
ся смертоносною холерою морали.

И вотъ теперь всѣ, которые безъ Бога, безъ Христа и
безъ креста, не знаютъ, куда направить дѣла рукъ сво-
ихъ. «Ужъ не лучше-ли къ разрушенію?»... Не знаютъ, бу-
да идти. Не знаютъ, для чего жить, и даже стоять-ли
жить? Не знаютъ, во что вѣрить, потому что съ каждымъ
пятилѣтіемъ мы спускаемся къ болѣе и болѣе глубокому
отрицанію. Начинаемъ съ отрицанія нравственнаго, съ от-
рицанія Бога, безсмертія, нравственнаго закона и возда-
нія. Продолжаемъ отрицаніемъ всякой благородной задачи
жизни. Ставимъ идеаломъ на мѣсто добродѣтели, на мѣсто
дѣланія добра себѣ и другимъ, злодѣяніе и другимъ, до
повальнаго разрушенія, и себѣ, до ненависти къ жизни,
до жженія жизни со всѣхъ концовъ, до конца-концовъ — са-
моуничтоженія. А кончили-бы, если бы были дѣйствитель-

но умны и послѣдовательны, отрицаніемъ всякой очевидной истины, такъ какъ вѣдь и этотъ свѣтъ только въ моемъ глазу; и эта непроницаемость только относительная, только кажущаяся моему ощущенію; и эта вѣсомость улетучивается въ невѣсомость; и весь этотъ міръ только мучительная иллюзія, что можно доказывать какъ дважды два,— весь міръ—порожденіе глупой воли, безсознательнаго хотѣнія. И обязательное состояніе самаго развитаго духа—пессимизмъ, наисквернѣйшее себя—ощущеніе въ наисквернѣйшемъ сцѣпленіи вѣчно терзающихъ иллюзій. И обязательный идеаль жизни—самоистребленіе, потушеніе общечеловѣческаго сознанія въ абсолютномъ ничтожествѣ и покой небытія. Ничего подобнаго безконечно мрачнаго не создавала мысль даже саморазлагающагося древняго міра...

Такъ вотъ куда безъ Бога, безъ Христа, слишкомъ быстро пошла современная мысль, современная мораль, современная жизнь. Къ отрицанію самой жизни, къ отрицанію любви, какъ живительнаго начала жизни, къ отрицанію всякой истины. Очевидно, что безъ Бога нѣтъ и жизни. Есть только прирожденная неисторжимая жажда жизни; но съ нею рядомъ же, по мѣрѣ отрицанія, растетъ и ненависть къ жизни, къ жизне-радостному чувству, не только чужому, но и своему... Такъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, должно быть по теоріи, есть на практикѣ. Это вотъ я и называю наипоразительнѣйшимъ, наочевиднѣйшимъ доказательствомъ бытія Божія. И это доказательство въ наипоразительнѣйшей очевидности выставилъ опытъ нашихъ дней.

Пошатнулись въ русской землѣ, какъ и во всемъ европейскомъ просвѣщенномъ наукою свѣтѣ, основы вѣры. И вотъ мы теряемъ способность дышать духомъ нашей исторіи. Мы питаемъ въ себѣ и разливаемъ вокругъ себя вмѣ-

сто исконной прирожденной любви ненависть къ нему. Мы теперь сбились съ пути и не знаемъ, куда направить дѣла рукъ нашихъ, уже, въ самомъ дѣлѣ, не къ разрушенію ли отечества? Мы теперь зажиурили очи, закрываемъ свои сердца для свѣта Христова, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, свѣта, въ которомъ путь и истина и жизнь; оттого стопы наши и направляются по пути къ сѣни смертной. Гдѣ-же теперь искать свѣтлости Господа Бога нашего на насъ, свѣтлаго отраженія лица Божія въ нашихъ сердцахъ? Тамъ воцаряются повальный мракъ, повальная тоска и тягота жизнию... Спаси Боже и помилуй всѣхъ насъ...

Потому я и говорю—мы, хотя все это въ одинаковой мѣрѣ и не раздѣляемъ всѣ мы, потому что въ мірѣ все солидарно. Всѣ мы дышемъ больше или меньше общимъ міровымъ духомъ, и всѣ распространяемъ этотъ духъ, духъ вѣка сего, духъ князя тьмы. Всѣ мы и всегда боремся между свѣтлымъ и темнымъ началами. И оба начала ведутъ извѣчную войну между собою изъ-за насъ. Дадимъ-же въ себѣ побѣду свѣтлому началу. Двинемся въ эту свѣтлую минуту своею доброю волею въ свѣтлую сторону. Не постоимъ только холодными безучастными зрителями при этомъ христіанскомъ священнодѣйствіи, не только потерпимъ его въ своей средѣ, но потянемся къ нему съ сочувствіемъ и умиленіемъ нашимъ русскимъ духомъ; но воздохнемъ глубоко къ Отцу духовъ и свѣтовъ, да будетъ свѣтлость Господа Бога нашего на насъ; да направитъ Господь дѣла рукъ нашихъ во свѣтъ лица своего; да озаритъ этимъ жизне-радостнымъ свѣтомъ и дѣло нашего ума, ваше научное изслѣдованіе; да озарятъ ваши изслѣдованія древности жизне-радостнымъ привлекательнымъ свѣтомъ нашу общую колыбель, наше дѣтство, юность и возмужалость

общенародной нашей жизни, чтобы всѣ мы до единого возлюбили ее въ ея духѣ, въ преданіяхъ и завѣтахъ, какъ нашу собственную жизнь, какъ нашихъ отцовъ и матерей, какъ нашу собственную колыбель, въ которую плевать грѣшно, противоестественно и богопротивно; чтобы возникающая во многихъ ненависть къ старо-русской, къ нашей собственной жизни, разсѣялась, какъ дымъ, растаяла, какъ воскъ предъ лицомъ огня, предъ свѣтомъ лица воскресающаго въ нашихъ сердцахъ Бога отцовъ нашихъ, нашего собственного Бога, нашей жизни, свѣта и радости, высшей радости теперь на землѣ, безконечной радости и на небѣ во вѣки вѣговъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ день св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго и тезоименитства Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича, въ александровско-невской церкви Императорскаго Новороссійскаго университета.

*Вся мнѣ предана сущь Отцемъ моимъ.
И никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ,
ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ и ему-
же аще волитъ Сынъ открыть. Прииди-
те ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы (Матѣ. 14, 27—28).*

Замѣчательно, что въ этомъ ко всему міру простертомъ призываніи всѣхъ труждающихся и обремененныхъ къ упокоенію во Христѣ Господь Іисусъ Христосъ имѣеть въ виду во-первыхъ и по преимуществу искателей истины. Такъ вотъ Господь Іисусъ обращался сперва въ молитвенномъ исповѣданіи къ Богу Отцу: *исповѣдаюся Тебѣ, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія* (тайну искупленія и спасенія) *отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ. Ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою,—это потому, что таково было*

твое благоизволеніе. И затѣмъ обращается ко всему чело-
вѣчеству, во-первыхъ-же къ изслѣдователямъ истины, со
всеобъемлющимъ призывомъ: *вся Мнѣ предана суть От-
цемъ моимъ*. И предано Мнѣ все, какъ Богу, создателю
всяческихъ и вседержителю. Все Мною создано, и вся
тварь свидѣтельствуешь о Мнѣ, такъ что, изучая Мое тво-
реніе, вы познаете Творца. Тѣмъ не менѣе, никто не зна-
етъ Сына Божія, знаетъ только Богъ Отецъ; ни Бога Отца
не знаетъ также никто, а только Сынъ, да тотъ еще, если
кому Сынъ Божій изволить открыть. А не имѣя возмож-
ности силою собственнаго ума дойти до высшей истины,
въ то же время трудясь неустанно въ изученіи, чтобы не-
премѣнно дойти до нея, чувствуя неотступность стремленія
къ истинѣ и прирожденное вамъ безсиліе достигнуть ея,
вы впадаете въ болѣзни ума и теряете душевный вашъ
покой. Приидите-же ко Мнѣ всѣ труждающіеся безплодно и
обремененные тяготою суетнаго труда, суетной погони за
мудростію, и *Азъ упокою вы*.

Бросимъ нѣсколько хотя бѣглыхъ чертъ на развитіе
общечеловѣческой мысли, знанія и науки. Тогда увидимъ,
какъ и видимъ, что человѣческое знаніе текло, какъ рѣка,
собирая ручьи и рѣчки въ одно русло, а потомъ снова
раздѣляясь на русла и мельчая почти до исчезновенія. И
это произошло на пространствѣ исторіи не разъ, а, по
меньшей мѣрѣ, два раза, теперь-же совершается въ третій
разъ.

Въ глубину древности не пойдемъ дальше древней
Эллады. У другихъ народовъ, по части развитія научной
мысли, тамъ для насъ глубокой непроницаемый мракъ. Ис-
наго тамъ не видимъ ничего. Исторія философіи начинается
собственно въ древней Греціи. А исторія философіи была
въ до-христіанской древности исторіею не только философ-

ской, но и всякой научной мысли, исторією вообще науки. И вотъ видимъ тамъ, что философія у грековъ началась разомъ нѣсколькими философскими школами. А всякая философская школа была собирательницею всей совокупности тогдашняго научнаго мышленія и знанія. Съ теченіемъ времени всѣ эти школы ясно опредѣлялись, замыкаясь въ опредѣленныя рамки и укрѣпляясь въ своемъ направленіи, тѣмъ не менѣе мало по малу склонялись къ слитію по наклону общаго сознанія древней Эллады, пока и не слились всѣ въ единое русло, въ философію одного направленія. Это очень похоже на то, какъ каждая отдѣльная рѣчка соединяетъ въ себѣ много источниковъ, ручьевъ и потоковъ, а затѣмъ, неся свои воды по наклонной мѣстности, стремится къ слитію съ другими подобными рѣчками, пока всѣ онѣ и не сольются въ одну великую рѣку.

Этимъ мощнымъ русломъ древне-эллинскаго мышленія и научнаго знанія была дѣйствительно глубочайшая философія трехъ эллинскихъ, какъ и общемировыхъ геніевъ, Сократа, Платона и Аристотеля. Что дѣйствительно философія этихъ трехъ геніевъ собрала въ себѣ теченіе и развитіе мысли всѣхъ прежнихъ школъ, это видно изъ того, что всѣ древнія философскія школы исчезли въ философіи Сократа, Платона и Аристотеля, такъ что ни одна изъ нихъ и не пережила умственной дѣятельности этихъ великихъ мыслителей. Послѣ нихъ и отъ нихъ пошли уже новыя школы съ новыми основателями, новыми названіями, оттѣнками въ содержаніи, и новыми какъ теоретическими, такъ и практическими задачами.

Происхожденіе-же столь многихъ философскихъ школъ изъ слившейся въ единство философіи Сократа, Платона и Аристотеля, что иное значитъ, какъ не то, что отъ еди-
наго, глубокаго и мощнаго русла единой рѣки стали вы-

дѣлаться новыя русла, русла болѣе и болѣе мельчающія по мѣрѣ своего выдѣленія и раздробленія? Дробясь болѣе и болѣе, эти школы, говоря нашимъ современнымъ языкомъ, болѣе и болѣе специализовались будто-бы для изысканія и обработки знанія, для разработыванія науки. А взамѣнъ того пришли къ обратному результату. Пришли, какъ извѣстно, къ измельчанію, къ истощенію, просто къ увичтоженію всякой науки въ древнемъ мірѣ. Пришли къ насмѣшкѣ надъ самими собою, къ самооплеванію, къ самоотрицанію. Пришли къ выводамъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, что никакого нѣтъ мѣрила истины, что міръ есть иллюзія, что не существуетъ ничего, или, выражаясь по духу эллинскаго языка, ничто существуетъ; что никакое знаніе невозможно; что истины на землѣ нѣтъ, или она должна придти съ неба. Пришли всѣ философскія школы сами и привели за собою все человѣчество къ отрицанію всѣхъ основъ жизни, къ отрицанію всѣхъ историческихъ преданій, къ нисповреженію всѣхъ религій, къ отверженію обязательности всякихъ правилъ, къ саморазложенію, къ безысходному отчаянію, къ наиолнѣйшей неувѣренности въ собственныхъ силахъ человѣческой природы, къ общечеловѣческому всемірному чаянію чуда съ неба отъ Бога, если только Онъ существуетъ. И чудо съ неба дѣйствительно пришло въ лицѣ Богочеловѣка Іисуса Христа, искупителя и просвѣтителя древняго міра, какъ и нашего.

Общія-ль это мѣста? Нѣтъ. Станьте на высоту и глядите на міръ, на историческую его древность, съ птичьяго полета. Не видите-ли? Нѣкоторые протоки изъ озеръ, превращающихся въ высыхающія болота стоячей мудрости индійской, сиро-халдейской, финикійской, египетской сливаются въ животекущія рѣчки философскихъ школъ древней Эллады. Эти рѣчки сливаются въ одно глубокое бы-

стро-текущее русло эллинской мудрости, проявившейся въ трехъ геніальнѣйшихъ ея представителяхъ, Сократѣ, Платонѣ и Аристотелѣ. Отъ нихъ берутъ свое начало болѣе и болѣе дробящіеся и вслѣдствіе самаго дробленія мельчающія рѣчки послѣдующихъ за этимъ блестящимъ періодомъ философскихъ школъ. Къ концу послѣдняго періода греческой мысли и науки, во времени пришествія на землю Іисуса Христа, философія привела къ отчаянію. Всѣ въ ней извѣрились. Философы переродились или въ грязныхъ циниковъ эпикурейцевъ, или же въ полупомѣшанныхъ неоплатониковъ. Имя философа стало браннымъ и поноснымъ. Всѣ взоры человѣчества, удрученнаго прирожденною, но неудовлетворенною и неутолимою жаждою истины, обратились съ надеждою отчаянія отъ земной философіи къ небу. Не видите-ли, что между всѣми этими рѣками и рѣчками, стоячими озерами, гніющими балотами и сокрушенными кладыями мудрости человѣческой, текла смиренная, но мощная, не сливаясь съ ними и ничего не заимствуя отъ нихъ, великая рѣка мудрости божественной, богооткровенной, напаявшей чуждавшійся и чуждый языческой вселенной народъ іудейскій? Среди этого-то народа и родился просвѣтитель всего человѣчества Господь Іисусъ Христосъ.

Нигдѣ самъ не учившись, Онъ принесть мудрость дѣйствительно съ неба, мудрость не только съ догматической христіанской точки зрѣнія истинно-божественную, но и съ общечеловѣческой точки зрѣнія мудрость возвышающуюся и возвышающую до неба. Принесть міросозерцаніе, выше котораго человѣкъ не придумалъ ничего, да ясно—никогда и не придумаетъ въ такой цѣльности, съ такимъ всепобѣждающимъ авторитетомъ. Онъ-то и возгласилъ всѣмъ искаателямъ истинной мудрости, чтобъ они, откинувъ гордость самозванной мудрости земной, съ дѣтскими простыми серд-

цами обратились къ воспріятію мудрости небесной. *Вся мнѣ предана суть Отцѣмъ моимъ* небеснымъ, взывалъ Онъ ко всѣмъ, и во первыхъ къ глаголемымъ мудрецамъ. Дана мнѣ всякая власть не только на небѣ и на землѣ, но и надъ умами и сердцами вашими, и надъ тайнами земли и неба. Никто не можетъ познать ни Сына, иже есть мудрость ѹностасная, свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, есть путь, жизнь и истина, ни Отца,—алфу и омегу, начало и конецъ всякаго вѣдѣнія, никто, кромѣ того, кому изволитъ Сынъ открыть. *Приидите-же ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи*, всѣ болящіе сердцемъ и умомъ, и во Мнѣ обрящете покой душамъ вашимъ. И все развитое историческое человѣчество, все, составлявшее тогда цивилизованную вселенную, откликнулось на этотъ зовъ. Да и нецивилизованное историческое человѣчество изъ средне-азіійскихъ пустынь также истинно двинулось на встрѣчу этому божественному зову. Всѣ развитыя и малоразвитыя сознанія преклонились предъ евангеліемъ. А затѣмъ вся языческая мудрость частію отвергнута христіанствомъ и обречена на забвеніе и мертвенность, другою-же частію потонула въ христіанствѣ и потекла по влеченію многоводной рѣки христіанскаго ученія и міросозерцанія. Въ глубокое и широкое русло христіанства влилось все, что было въ мудрости обще человѣческой, въ мудрости какъ еврейской, такъ и древне-языческой, наиболѣе чистаго, благотворнаго и высокаго. И эта рѣка, почти не раздѣляясь на русла, текла по пространству цивилизованнаго міра пятнадцать-шестнадцать вѣковъ. Просвѣтившись свѣтомъ Христова ученія, познавъ Сына Божія, а чрезъ Сына и въ Сынѣ познавъ и Отца небеснаго, труждающіися и обремененныя безплодною погонею за истинною души человѣческія нашли во Христѣ дѣйствительно покой себѣ. Нашли покой

такой глубокой и умиротворяющей, что незыблемо пребывали в семь покой, довольствуясь мудростью, главным образом, если не исключительно только христианскою, болѣе полторы тысячи лѣтъ. А полторы тысячи лѣтъ этого глубоко невозмутимаго покоя, это періодъ огромный въ трехъ-тысячелѣтнемъ протяженіи всей исторіи человѣческаго рода. Это ясно.

А дальше что-же? Дальше вышло то, что человѣчество въ лицѣ Декарта и Бекона повернулось къ христианству своимъ хребтомъ, провозгласивъ съ одной стороны свое право повѣрять истинность самаго христианства, а съ другой спеціализацію науки. Эта спеціализація есть не иное что, какъ раздробленіе путей изученія, изслѣдованія и пріобрѣтенія истины. Извѣстно, къ чему это привело, и ясно, къ чему ведетъ далѣе. Провозглашеніе права разума не слѣдовать христианству, а изслѣдовать его, привело большую часть ученыхъ не только къ отрицанію, но даже къ игнорированію христианства. Спеціализація-же науки или раздробленіе путей научнаго изслѣдованія привели къ измельчанію предметовъ изслѣдованія до крайности, иногда же просто до странности. Были и послѣ провозглашенія христианскаго міросозерцанія уже отжившимъ попытки, попытки гигантскія, объединить всю сумму накопленнаго и древними, особенно-же послѣдними вѣками знанія въ единствѣ философскаго міросозерцанія, въ системахъ Фихте старшаго, Шеллинга и Гегеля. Но когда эти философскія конгломераты, по своей внутренней несостоятельности, пояной для всякаго мыслящаго человѣка фантастичности, рухнули въ прахъ..., тогда человѣчество, пораженное и пристыженное великимъ рушеніемъ этого гордаго, заносчиваго вавилонскаго столпотворенія человѣческой мудрости, разбѣжалось во всѣ стороны, признавъ всякую попытку

положительнаго объединенія въ живое цѣлое всего обилія положительныхъ знаній бесплодною, безцѣльною и метафизическою, т. е. стоящею внѣ естественной возможности. И воображаютъ люди, что это учинили они вольною волею и собственнымъ разумомъ. А между тѣмъ тутъ выразился тотъ роковой законъ, что умы человѣческіе теперь въ настоящемъ, да и въ будущемъ, до неизвѣстной катастрофы, вынуждены растекаться въ раздробь безъ надежды сойтись въ какомъ-либо единомъ животворномъ, созидающемъ, положительномъ міросозерцаніи въ родѣ христіанскаго. Со-чувствіемъ большинства пользуется нынѣ наука только аналитическая, безъ задачи и даже безъ надежды стать въ ближайшемъ будущемъ синтетическою. А анализъ значитъ разборъ, раздробленіе, разрѣшеніе на части, разложеніе, при конечномъ-же своемъ развитіи и разрушеніе. Конечно, аналитикъ-спеціалистъ скажетъ, что онъ и не думаетъ что-либо разрушать; раздробляя свой предметъ, онъ будто-бы стремится только лучше изучить его въ подробностяхъ, чтобы лучше объять предметъ или извѣстный отдѣлъ предметовъ въ его цѣломъ. Такъ, интеллигенты конечно не видятъ конца пути, по которому идутъ, скорѣе и точнѣе, по которому спускаются; не усматриваютъ бездну, которую всѣ вмѣстѣ вырываютъ; не видятъ всей совокупности тѣхъ мелкихъ канальцевъ, которые роются вслѣдъ въ самой основѣ обще-человѣческаго умственного зданія; не видятъ, роя каждый по одному или даже по отдѣльной части одного изъ многихъ тысячъ этихъ канальцевъ, конечно и не подозревая того, что вся громадная совокупность ихъ подрываетъ незамѣтно основаніе всего зданія, основаніе всего до сихъ поръ существовавшаго, животворившаго весь живой историческій міръ міросозерцанія.

Скажете, такъ-ли это? Не преувеличеніе-ли? Но по-

смотрите назадъ, съ заоблачной высоты, съ птичьяго полета. Вотъ разныя русла древнихъ философскихъ научныхъ изслѣдованій стекаются въ единое мощное русло древнеязыческой мудрости Сократа-Платона-Аристотеля, который предназначалъ для древности спеціализацію естественно-научнаго изслѣдованія, какъ Беконъ предназначалъ такую-же, только конечно болѣе дробную спеціализацію для новѣйшаго времени. Послѣдовавшіе за ними продолжатели научнаго изслѣдованія, расходясь по разнымъ путямъ, воображали-же, конечно, что обогащаютъ человѣческое сознание новыми изслѣдованіями. Въмѣсто-же того настроили системъ, которыя въ своей дробности кажутся ничтожностями предъ дѣйствительнымъ величіемъ міросозерцанія Сократа-Платона-Аристотеля. И мельчая сами, эти системы измельчили содержаніе человѣческаго вѣдѣнія до того, что каждый изъ древнихъ изслѣдователей истины, во времени распадѣнія древняго міра, могъ приложить къ себѣ не только извѣстное Сократовское изреченіе въ самомъ крайнемъ его смыслѣ: «я знаю только то, что ничего не знаю», но приложить къ себѣ и весь выводъ древнеязыческой философіи: «я знаю только то, что ничего и знать не могу», такъ какъ не имѣю никакого надежнаго мѣрила истины...

Далеки-ль мы отъ того-же вывода? Изучая дробности, даже очень умные, очень научные, многоученые мужи не слѣдятъ за возможными и естественными въ нашъ вѣкъ саморазложенія обобщеніями. А современныя философскія обобщенія именно и уперлись въ вопросъ, сдѣлавъ его неразрѣшимымъ: что мы дѣлаемъ, спеціализуя наши изслѣдованія и анализируя всякій предметъ до безпредѣльной крайности,—изучаемъ-ли мы дѣйствительную реальность внѣ насъ сущаго бытія, или-же увлекаемся только

игрою нашихъ собственныхъ идей, не имѣющихъ никакой опоры въ дѣйствительности бытія? А то для всѣхъ для нихъ будто-бы ясно, что въ мірѣ отсутствуетъ всякое единство смысла и благотворной цѣлесообразности въ на правленіи къ этому отсутствующему единству міроваго смысла; напротивъ, весь міръ есть сцѣпленіе глупостей безсознательнаго творчества глупой воли. И все это сводится къ обще-обязательной практической задачѣ для всякаго освободить себя, свое чувство, отъ жестокихъ шутекъ безсмысленнаго міроваго рока въ самоуничтоженіи и испытать высшаго счастія въ покоѣ небытія, потому что самая борьба за существованіе есть безсмыслица, недостойная твердаго, тѣмъ болѣе возвышеннаго характера.

Вамъ извѣстно, переводится-ль это изъ умственно-теоретической, будто-бы научной, на практичеекую почву. Табую свою теорію чуть было не привелъ въ осуществленіе нашъ препрославленный поэтъ и мыслитель, графъ Левъ Толстой. Къ такимъ выводамъ стремятся всѣ самые развитые въ умственномъ отношеніи типы дѣйствительно глубокаго нашего мыслителя и психолога Феодора Достоевскаго. Нахожу излишнимъ указывать вашему просвѣщенному вниманію на множество живыхъ типовъ самоубійцъ и убійцъ изъ принципа, террористовъ и разрушителей анархистовъ. А все это большею частью, интеллигенты. И все это пока только цвѣтки. И все это, какъ ни грустно признаться въ этомъ, все въ нашей саморазлагающейся жизни солидарно.

Безспоренъ, по крайней мѣрѣ, одинъ безобидный, потому что роковой, выводъ философіи, что идея, вышедши изъ положенія, въ дальнѣйшемъ своемъ видоизмѣненіи, неизбежно развиваетъ свое отрицаніе. Яснѣе и проще говоря, всякая рѣка, вышедши изъ своего истока, неизбежно

стремится впередъ и никогда не возвращается назадъ. Въ міровомъ или народномъ развитіи идеи царить тотъ-же законъ, что и въ теченіи рѣки. Всѣ міровоззрѣнія древности слились въ единое русло міросозерцанія христіанскаго. Но въ дальнѣйшемъ его развитіи выдѣлившіяся изъ него, отличныя отъ первоначальной чистоты его, міровоззрѣнія, по роковому закону развитія, должны дробиться больше и больше, и едва-ли когда-либо, въ ближайшемъ-же будущемъ никакъ, едва-ли когда-либо сольются въ единство. Если-же и сольются, то это единство никакъ не вернется къ своему первоисточному положенію, напротивъ неизбѣжно разовьетъ изъ себя отрицаніе своей первоисточной положительной идеи, что мы и видимъ на дѣлѣ... Какъ новѣйшіе воображаютъ, такъ и послѣдующіе изслѣдователи будутъ воображать, что они идутъ впередъ и оставляютъ за собою отсталое. Да, они и не ошибаются. За ними останется дѣйствительно отсталое; но въ этомъ отсталомъ будущіе мыслители увидятъ возвышеннѣйшее, животворнѣйшее сооруженіе ума, да и не человѣческаго ума, а божественнаго. Впереди-же у себя, да и около себя, да и въ себѣ самихъ увидятъ, съ жалостью и отчаяніемъ, мелкоту, всяческій упадокъ и ничтожество, увы! ничтожество не умственное только, но и всяческое, ничтожество, втаптывающее въ землю все возвышенное, всякую человѣческую доблесть. Такъ было въ Греціи. Такъ будетъ и у насъ. Это роковой законъ нашего прогресса.

Потому-то цѣльному составу всѣхъ современныхъ изслѣдователей научной истины безцѣльно и повторяютъ призывъ Христовъ; а позволительно, даже небезплодно повторять его только единицамъ, предопредѣленнымъ ко спасенію. Помните-же, что спасительную животворную истину Господь утаиваетъ отъ премудрыхъ и разумныхъ, а отъ

крываетъ ее младенцамъ, открываетъ не гордымъ умамъ, а простымъ, смиреннымъ, незлобивымъ сердцамъ. Когда души ваши устанутъ отъ труда научныхъ изысканій и почувствуютъ ихъ безплодность для конечной развязки жизни, придите тогда труждающіеся, придите обремененные ко Христу. Смирите свой разумъ въ послушаніе Христу. Возьмите иго Христово на себя, и почувствуете сами на собственномъ опытѣ, что иго Христово благо и бремя легко. И обрящете покой душамъ вашимъ. Чего и дай вамъ Богъ хоть у гробовой доски.

О семъ и помолимся каждый для себя и всѣхъ за всѣхъ. Помолитесь о здравіи и о спасеніи тезоименитаго нынѣ Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего Императора Александра III-го, объ узлѣ единства, о якорѣ спасенія великой и многмятущейся нынѣ русской земли, который мирнымъ труженикамъ науки и всякаго благаго дѣланія способствуетъ идти каждому своимъ путемъ, ко благу, развитію и возвышенію общаго нашего отечества. Аминь.

ИЗУЧЕНИЕ

въ день святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго и тезоименитства Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего, Императора Александра Александровича, августа 30-го, въ церкви Новороссійскаго университета.

О положеніи и долгѣ учителя вѣры.

Слышавше воскресеніе мертвыхъ, овѣи убо ругахуся; овѣи же рѣша: да слышимъ тыя пакы о семъ. И тако Павелъ изыде отъ среды ихъ (Дѣян. 17, 32—33).

Слово о положеніи и прямомъ долгѣ учителя слова Божія среди современнаго, особенно же образованнаго общества. Повторимъ одну старую, впрочемъ вѣчно юную исторію о проповѣди св. апостола Павла въ Аѣинахъ и въ аѣинскомъ ареопагѣ.

Совершая одно, именно четвертое по счету, изъ своихъ апостольскихъ путешествій, великій апостолъ языковъ долженъ былъ посѣтить и Аѣины. Аѣины, нѣкогда метрополія, по нашему столица самой славной изъ республикъ древней поэтической Эллады, въ эту пору покоренная грознымъ Римомъ, оставалась пока столицею просвѣщенія и какъ бы главнымъ святымъ городомъ для всего тогдашняго языческаго міра. Тамъ была колыбель, тамъ главное

пристанище еллинскаго многобожія, воспѣтаго поэтами, прославленнаго философами и ораторами, огражденнаго древними законами, жреческими учрежденіями, привычною привязанностію всего еллинскаго, да и другихъ народовъ, и водвореннаго въ самыхъ великолѣпныхъ, художественныхъ и дорогихъ языческому сердцу храмахъ и другихъ святилищахъ. Тамъ родились, процвѣли и теперь доцвѣтали всѣ философскія школы, надъ которыми въ это время господствовали школы стоическая, эпикурейская и нео-платоническая (сія послѣдняя имѣла однакоже главное сѣдалище въ Александріи). А во дни оны тамъ въ Аѳинахъ водворялась академія Платона, по аѳинскимъ площадямъ спорили софисты, расхаживали перипатетики Аристотеля; тамъ Діогенъ ходилъ съ своимъ фонаремъ, ища человѣка, качался въ своей бочкѣ, подсмѣиваясь надъ самимъ Александромъ Македонскимъ. Сюда стекалась вся мудрость языческая или доучиваться, или подѣлиться съ другими, или просто другихъ посмотреть и себя показать. Къ этой порѣ въ Аѳины проникло уже немало и Іудеевъ, вѣроятно, болѣе образованныхъ среди сформировавшагося еллинскаго общества. Іудеи имѣли здѣсь уже и прозелитовъ, ново-обращенныхъ изъ язычества, которые, увѣдавъ еврейскую вѣру во единого высочайшаго Бога, принимали ее однакоже не вполне, не со всѣми обязательствами ея обрядовой стороны, а только въ главной догматической части, обращаясь отъ явно неразумнаго многобожія къ единому истинному Богу, почему и носили прозвище чтителей Бога.

Сюда-то прибылъ апостолъ Павелъ и возмущался духомъ при видѣ этого города, полнаго идоловъ и капищъ. Начиная всюду свою проповѣдь съ родичей своихъ Іудеевъ, апостолъ и въ Аѳинахъ началъ съ посѣщенія синагоги и съ разсужденій съ Іудеями и іудейскими прозели-

тами, чтущими единого Бога. А затѣмъ выступилъ и на аѳинскія площади, ежедневно разсуждая съ встрѣчающимися людьми. Въ Аѳинахъ искони вся общественная жизнь кипѣла на площадяхъ: тамъ философы учили, тамъ Сократъ предавалъ посмѣянью пресловутыхъ софистовъ, тамъ ораторы произносили рѣчи, судьи судили; народъ, слушая своихъ правителей и судей, произносилъ тамъ же свои верховныя рѣшенія по общественнымъ дѣламъ и приговоры смерти или остракизма. Сюда-то выступилъ съ проповѣдію и апостоль Христовъ. За разными встрѣчными замѣтили этого чужестраннаго и страннаго учителя и философы, стоики и эпикурейцы, и удостоили конечно не поучиться у него, а только поспорить съ нимъ. Видя, что этотъ ново-явленный учитель осмѣливается даже спорить съ философами, одни говорили: что хочетъ сказать этотъ суесловъ? Кто же могъ, по мнѣнію аѳинянъ, сказать что либо болѣе умное, чѣмъ философы, эпикурейцы и стоики? Поэтому всякій, кто осмѣливался оспаривать философовъ, долженъ быть не иной кто, какъ суесловъ. А другіе, поверхностно вслушиваясь въ его рѣчи, пренебрежительно замѣчали, что онъ, кажется, проповѣдуетъ о чужихъ какихъ-то божествахъ; потому что Павелъ благовѣствовалъ имъ Іисуса и воскресеніе мертвыхъ.

И вотъ, взявъ Павла, повели въ ареопагъ. Ареопагъ—это было высшее собраніе именитѣйшихъ аѳинянъ. Въ старые годы, когда аѳинская республика была независимою, ареопагъ былъ высшее судилище, въ которомъ засѣдали самые именитые и мудрые изъ аѳинянъ, изрекая приговоры о важнѣйшихъ общественныхъ дѣлахъ. Теперь же, когда всякая политическая власть у аѳинянъ была отнята, ареопагъ оставался старою почтенною формой, изъ которой дѣйствительная сила отлетѣла,—стариннымъ почтеннымъ собраніемъ обезсиленныхъ величій, которыя занимались все-

го больше разговорами о новостяхъ дня. Должно быть, болѣе именитые изъ аѳинянъ, которымъ проталкиваться сквозь толпу къ Павлу на площадяхъ было неумѣстно, приведши его въ главное мѣсто своего собранія, въ ареопагъ, говорятъ: можемъ ли мы знать, что это за новое ученіе, которое ты проповѣдуешь? Ибо что-то странное ты влагаешь въ уши наши. Посему желательно знать, что это такое?— Вопросы свой предлагаютъ они не серьезно,—не въ томъ серьезномъ смыслѣ, что они хотѣли бы вникнуть въ новое ученіе Павлово, взвѣсить его основательность и покориться истинѣ. Причина ихъ вопроса была даже не любознательность, а только самое обыденное любопытство—выслушать новость. Ибо аѳиняне всѣ и живущіе у нихъ иностранцы,—замѣчаетъ священный Дѣписатель,—ничѣмъ инымъ не занимались, какъ только тѣмъ, чтобы сказать или выслушать что либо новое.

И ставъ Павелъ среди ареопага, въ лицѣ котораго предсѣдала здѣсь вся препрославленная мудрость древняго языческаго міра, сказалъ... Все, что вышло изъ устъ и изъ подъ пера великаго апостола, носить на себѣ печать не только богосвѣщеннаго, но кромѣ того печать и образованнаго и глубокомысленнѣйшаго ума. А рѣчь, произнесенная въ аѳинскомъ ареопагѣ, была вѣдомъ на величавомъ древѣ мысли и слова самаго апостола. Эта рѣчь во всѣхъ отношеніяхъ, и какъ произведение мудрости богосвѣщенной и естественной, и какъ плодъ ораторскаго искусства, есть нѣчто высочайшее. Христосъ Спаситель говорилъ апостоламъ, что когда поведутъ васъ къ царямъ и владыкамъ и на соборѣ ихъ, вашихъ враговъ, вы не пекуетесь, како или что отвѣщаете или что возлагаете: дастъ бо ся вамъ въ той часъ, что возлагаете. Не вы бо будете глаголющїи, но Духъ Отца вашего бу-

детя говорить въ васъ (Матѣ. 10, 19—20). Безъ сомнѣнія, когда апостола Павла вели въ ареопагъ, онъ не готовилъ свою рѣчь; она вдохнута была ему Духомъ Божіимъ. Тѣмъ не менѣе, или вѣрнѣе—по этому самому она вылилась изъ души апостола какъ разъ въ такомъ видѣ, въ какомъ могла быть наиболѣе умѣстною именно въ собраніи аѳинскихъ мудрецовъ. Она представляетъ въ себѣ рѣчь наиболѣе художественную, какъ по глубочайшему, философско-христианскому содержанію, такъ и по образцовой ораторской формѣ. И трудно передать ее со всѣми ораторскими оттѣнками, съ какими вылилась она на языкѣ древнихъ аѳинянъ, на еллинскомъ языкѣ. Святый апостолъ начинаетъ ораторскимъ пріемомъ, располагая своихъ слушателей къ благосклонности, почему и говоритъ имъ сперва мягкія слова, но съ тѣмъ чтобы сряду же высказать имъ и горькую правду.

Павелъ начинаетъ: «Аѳиняне! По всему вижу я, что вы какъ бы особенно набожны. Ибо проходя по граду вашему и осматривая ваши святыни, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: невѣдомому Богу»....

Уже три—четыре вѣка назадъ греческіе философы пришли къ выводу, что старинная еллинская религія есть собраніе старинныхъ сказаній, которыя не имѣютъ никакой достовѣрности, а часто и добраго похвального смысла; что идола—не боги; что признаваемые еллинами боги не существовали и не существуютъ въ томъ видѣ, въ какомъ изображались народными мифами, и что надъ всѣми богами существуетъ Богъ высочайшій, котораго никто не только не знаетъ, но и знать не можетъ, *Богъ невѣдомый*. Сему-то *невѣдомому Богу* аѳиняне и поставили жертвенникъ. Впрочемъ въ этомъ философскомъ смыслѣ разумѣли Его только образованнѣйшіе еллины. Для простыхъ же аѳи-

нянъ этотъ богъ былъ одинъ изъ множества боговъ, такихъ же ограниченныхъ и несовершенныхъ, какъ и другіе еллинскіе боги, только неизвѣстный имъ. Такъ чтобъ и этого неизвѣстнаго имъ бога не обдѣлить своимъ почитаніемъ, аѳиняне и ему поставили жертвенникъ. Что же касается апостола, то приспособляясь къ понятіямъ слушателей, Павелъ разумѣетъ сего бога въ обоихъ смыслахъ, какъ въ философскомъ, такъ и въ обще-народномъ, однакоже возводитъ своихъ слушателей къ совершеннѣйшему понятію о Богѣ, какъ существѣ высочайшемъ и непостижимомъ.

«Сего-то Бога, котораго вы, не вѣдая, чтите, я и проповѣдую вамъ»,—продолжаетъ св. апостолъ,—не чужаго Бога, а вашего, вами самими почитаемаго, котораго вы не вѣдаете, однакоже явно вѣдать желаете. «Сей Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, Онъ, будучи господомъ неба и земли», о чемъ вы и сами догадываетесь, хотя и не отваживаетесь исповѣдать.—«сей Богъ живетъ не въ рукотворенныхъ храмахъ», которые составляютъ гордость и славу Аѳинъ,—«и не требуетъ сей Богъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ либо нужду», въ родѣ вашихъ жертвоприношеній и возліяній и куреній, «самъ даруя всему жизнь, дыханіе и все. Онъ произвелъ весь родъ человѣческій отъ единой крови, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы обитанію ихъ», такъ что каждый народъ долженъ жить на землѣ тамъ и столько, гдѣ и сколько предопредѣлилъ Богъ,—дабы народы, въ назначенныхъ предѣлахъ и періодахъ своего существованія, «искали Бога, не осязуютъ ли Его и не пайдутъ ли, хотя Онъ и не далеко отъ каждаго изъ насъ. Ибо мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: «мы Его и родъ»».

Такимъ образомъ опершись не только на обще-человѣческій смыслъ, на врожденную идею о Существѣ высочайшемъ, но и на понятіе о Немъ даже еллинскихъ поэтовъ—мудрецовъ, которые, отчасти постигая Бога высочайшаго, а человѣка представляя высшимъ изъ сотворенныхъ существъ, понимали, что мы произошли отъ Бога, даже порождены Богомъ,—на этомъ основаніи св. апостолъ приступаетъ теперь къ отважному слову о нецѣлности еллинскаго идолопоклонства, вообще о суетности языческой религіи.

«Итакъ, будучи родомъ Божиимъ»,—продолжаетъ апостолъ,—«не должны мы думать, что божество подобно золоту, которое ниже насъ и не сродно намъ, или серебру или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго». Что это за божество, которое мы выдѣляемъ изъ грубыхъ веществъ собственнымъ искусствомъ и вымысломъ? Такія низкія понятія о божествѣ возросли и держались во времена человѣческаго невѣдѣнія. Нынѣ же, когда всякій понимаетъ тщету прежней низменной религіи, «нынѣ оставляя, презирая, прощая времена невѣдѣнія, Богъ повелѣваетъ людямъ всѣмъ всюду покаяться. Ибо Онъ назначилъ день, въ который будетъ праведно судить вселенную чрезъ предопредѣленнаго Имъ Мужа, подавъ о Немъ, о Его божественномъ посланничествѣ удостовѣреніе всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ».

Конецъ рѣчи св. апостола. Въ этихъ немногихъ, но возвышеннѣйшихъ, боговдохновенныхъ словахъ, св. апостолъ Павелъ изложилъ всю сущность ученія о религіи какъ языческой, такъ и христіанской; а сопоставивъ ихъ рядомъ показалъ всю нецѣлность идолопоклонства, какъ и истинно божественное происхожденіе христіанства. Божественность христіанства онъ указываетъ съ одной стороны въ недостигаемой высотѣ и чистотѣ христіанскаго ученія о

Существовъ высочайшемъ, о близости къ Богу человѣческой природы, порожденной самимъ Божествомъ, какъ и о паденіи человѣка, объ упадкѣ его смысла до того, что онъ вообразилъ было божествами собственныя издѣлія своихъ рукъ, своего искусства и вымысла изъ низкихъ веществъ,— а съ другой стороны указываетъ въ знаменіяхъ и чудесахъ, которыми подтверждено божественное посольство Іисуса Христа, особенно же въ поразительнѣйшемъ и достовѣрнѣйшемъ изъ чудесъ, именно въ воскресеніи Основателя нашей вѣры изъ мертвыхъ,—и въ воскресеніи, засвидѣтельствованномъ многими очевидцами Воскресшаго, числомъ болѣе 500 братій, изъ коихъ многіе къ этой порѣ уже и почилъ сномъ смерти, а многіе оставались еще въ живыхъ; о чемъ апостолъ Павелъ въ эту же пору писалъ къ сосѣдямъ аѳинянь коринѳянамъ. Однимъ словомъ, съ научно-богословской точки зрѣнія это такая въ краткихъ словахъ многосодержательная рѣчь, что изъ нея можно бы извлечь цѣлую богословскую систему. И все это изречено въ художественнѣйшей формѣ, по всемъ приемамъ ораторскаго искусства: сначала апостолъ какъ бы благорасполагаетъ аѳинянь; хвалитъ въ нихъ достойное похвалы, именно ихъ набожность, кидающуюся въ глаза, выражающуюся въ благолѣпныхъ чтилищахъ, въ великолѣпныхъ храмахъ. А затѣмъ выражаетъ сожалѣніе, что ихъ религіозность такъ жалко направлена. Далѣе всему аѳинскому ареопагу, сему высшему собранію блюстителей народныхъ обычаевъ, религіозныхъ уставовъ и законовъ отечественныхъ, прямо предъ глаза выставляетъ всю неразумность и низость язычества, и сравнительно съ нимъ всю недосыгаемо-божественную высоту христіанства; въ заключеніе же строго именемъ Бога высочайшаго требуетъ отъ этихъ отцовъ отечества не только покаянія въ заблужденіяхъ, но и отверженія исконной оте-

чественной вѣры и рѣшительнаго обращенія къ вѣрѣ новой, указывая имъ грознаго Судію вселенной въ лицѣ Иисуса Христа, котораго божественность засвидѣтельствовалъ самъ Богъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ,—чудомъ почти неслыханнымъ отъ начала міра.

Какіе же плоды принесла эта возвышеннѣйшая рѣчь величайшаго изъ учителей христіанства, изъ ораторовъ всего міра? Повидимому самые незначительные.

Раздражаясь въ душѣ зрѣлищемъ этой столицы языческихъ религій и образованія, Павелъ нѣсколько дней состязается съ Іудеями, ихъ прозелитами и со многими изъ встрѣчавшихся; не видно, чтобы кто изъ нихъ обратился. Состязается съ нѣкоторыми изъ философовъ стоическихъ и эпикурейскихъ,—гдѣ же философамъ сознать свои заблужденія?! Многодневными своими бесѣдами со всѣмъ этимъ народомъ заслуживаетъ прозвище суеслова: онъ, апостолъ Павелъ суесловъ! Умнѣйшіе изъ аѳинянъ видятъ въ немъ только любопытное, да и странное зрѣлище, потому что онъ, кажется, дѣлаетъ безнадежное дѣло, проповѣдуетъ какихъ то новыхъ боговъ,—кому проповѣдуетъ? Аѳинянамъ, которые и въ своихъ то-боговъ переставали вѣрить. Стоить ли слушать? Однакоже отчего и не послушать эту новость, не полюбопытствовать, что это за новое учение, которое проповѣдуетъ этотъ странный человѣкъ, такъ не похожій на аѳинянина ни по образованію, ни по внѣшней выдержкѣ? Расскажи же намъ, а мы послушаемъ эту новость, какъ новость, не больше. А когда онъ произнесъ свою высокую, глубокомысленнѣйшую, въ высшей степени смѣлую рѣчь,—рѣчь, которой разумности и величайшей серьезности не могли не понять,—они, очевидно крайне смущенные, или точнѣе—сконфуженные этою рѣчью,—вотъ накликали! Этотъ странный человѣкъ всему ареопагу въ

лицо скавалъ, что ваша аѳинская святыня, которою вы такъ выставляетесь, ваше исповѣданіе, къ которому вы внутренно холодны, однакоже для виду принадлежите, все это болѣе простительное во времена невѣдѣнія, топерь отжившая, явная всякому и потому преступная нелѣпость,— сконфуженные такою неожиданностію, не непостыдною для нихъ, одни изъ нихъ стали насмѣхаться, чтобы выйти изъ положенія въ высшей степени неловкаго и поддержать видимость своей философской мудрости,—насмѣхаться по поводу того, что нашелъ де гдѣ и кому рассказывать о воскресеніи мертвыхъ. А другіе поскорѣе выпроваживають его изъ своего священнаго ареопага: въ другой разъ зайдешь, въ другой разъ тебя послушаемъ, а теперь уходи, ты намъ не нуженъ. *И такъ Павелъ изыде изъ среды ихъ.*

Только и плодовъ было отъ всѣхъ этихъ многодневныхъ бесѣдъ апостольскихъ, отъ этой высочайшей изъ рѣчей апостольскихъ! Но только ли всего? Нѣтъ. *Нѣкоторые мужи, приставъ къ нему, увѣровали.* Между ними былъ *Діонисій Ареопагита*,—другаго увѣровавшаго ареопагита не оказалось,—да *женщина, именемъ Дамаръ и другіе съ ними.* Вѣроятно, эти два лица были изъ образованнаго высшаго круга, Діонисій даже членъ ареопага (впослѣдствіи епископъ аѳинскій) и женщина Дамаръ, вѣроятно, извѣстная именитая въ Аѳинахъ, и другіе съ ними безъименные, безвѣстные, которые такъ и остались безвѣстными. А все прочее, всѣ эти философы, жрецы, мудрецы аѳинскіе, вся эта высшая языческая интеллигенція, учрежденія, религія, идолы, жертвенники и художественнѣйшіе храмы остались, повидимому, процвѣтать по прежнему. Увы! Нѣтъ.

Этотъ, повидимому, странный еврей, этотъ малый Павелъ, странно спорившій съ мудрѣйшими аѳинскими фило-

сефами, осмѣлившійся высказать свое раздраженіе противъ аѳинскихъ идоловъ даже въ ареопагѣ и выпровоженный оттуда, какъ неосторожно и приглашенный туда, успѣвшій привлечь на свою сторону только всего, что одного Діонисія ареопагита, да женщину Дамарь, да еще какихъ то тамъ безвѣстныхъ, — этотъ Павелъ чрезъ одно поколѣніе обратилъ къ христіанству чуть не всѣхъ аѳинянъ, а чрезъ два три вѣка низвергъ въ прахъ всѣхъ этихъ идоловъ, даже самого Зевса громовержца съ его престола, низвергъ въ прахъ всѣ эти гордые и славные въ древнемъ языческомъ мірѣ ученія и религіозныя учрежденія. И всѣ эти эпикурейцы и стоики, всѣ эти ареопагиты исчезли, а на мѣстѣ ихъ, на вѣка и тысячелѣтія, стали ученики и послѣдователи Павла, къ которому аѳиняне отнеслись въ свое время такъ пренебрежительно. И все, что писалъ сей пренебрежный ими Павелъ, какъ и все, что тогда писалось о немъ, все это стало свѣточемъ для міра на тысячелѣтія; какъ одною изъ его рѣчей въ данную минуту и я имѣю честь занимать высокое вниманіе нашего собранія.

Лучше ли, хуже ли положеніе христіанскаго церковнаго учителя въ нынѣшнее время? Чѣмъ оно похоже на положеніе апостола Павла въ Аѳинахъ, чѣмъ отлично? Не приходится ли и современному проповѣднику бесплодно состязаться съ вліяніемъ Іудесвъ и чтущихъ Бога, которые однакоже не принимали положительныхъ обязательствъ религіи, т. е. были денстами своего времени? Не приходится ли бесплодно терять слова и предъ эпикурейцами-матеріалистами или стоиками нашего времени — пессимистами, философами, разными учеными, которые съ высоты своего ученаго величія и новѣйшихъ научныхъ открытій глядятъ на якобы отживающую старость христіанскаго благовѣстія, исключая его въ душѣ, какъ ненужное и съ наукою несогласное?

Не слушаютъ ли проповѣдника нѣкоторые нѣкоторое время только, какъ новость, новость невиданную и неслыханную по крайней мѣрѣ для нихъ, какъ суеслова, который проповѣдуетъ чуждыя для нихъ божества и чтилища, который влагаетъ нѣчто странное во уши ихъ? Не приходится ль ему иногда терять слова, даже высокія слова и предъ ареонагами учености и образованія, доказывая бытіе Бога высочайшаго, близость къ людямъ Божія промысла, гибельность и нелѣпость язычества, нелѣпость и старыхъ и ново-воздвигаемыхъ идоловъ, божественное посольство Иисуса Христа, истинность и непреложность чудесъ, дѣйствительность ихъ какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена, дѣйствительность ихъ въ эти самые дни, здѣсь у насъ (о чемъ я слышалъ изъ устъ непосредственного образованнаго свидѣтеля три дня тому назадъ)? Не издѣваются ль и нынѣ, примѣрно въ западной Европѣ, надъ учителями слова Божія, иногда и явно, а почаше тайно? Не томятся ль рѣчами учителя вѣры, да, почти постоянно? Не готовы ль сказать ему всякій разъ: довольно, довольно, объ этомъ послушаемъ тебя въ другой разъ? Однакоже по всему этому и многому другому, долженъ ли нынѣшній проповѣдникъ слова Божія сокращать, или даже совсѣмъ прекращать свое слово, свое учительство? И какъ? И нынѣ онъ, если трудится во имя своего Бога, во имя заповѣди Спасителя: *шедше научите вся языки*, — во имя завѣщанія апостола Павла: *настой благовременнѣ и безвременнѣ*; если нелѣпостно несетъ свой нелегкій пастырски-учительскій долгъ, — онъ и нынѣ не всегда встрѣтитъ одни только преслѣдательства, или же издѣвательства, не однихъ только невнимательныхъ или враждебныхъ. И нынѣ онъ найдетъ своихъ Діонисія и Дамаръ и другихъ съ ними, которые примутъ въ свои сердца слово Божіе и пронесутъ его во всѣ концы земли.

Можно ли и нынѣ ждать такой же побѣды слова Божія надъ суемудріемъ, какую одержало евангеліе Христово въ первые вѣка? Чѣмъ въ этомъ отношеніи отличается положеніе современныхъ учителей слова Божія, не касаясь ихъ сравнительныхъ достоинствъ, отъ положенія апостола Павла и современныхъ ему благовѣстниковъ? Тогда потокъ евангельской проповѣди разливался въ мірѣ, быстро разростаясь въ ширь и глубину; нынѣ же онъ совершаетъ свое предуставленное теченіе въ сердцахъ и умахъ извѣстной части человѣчества далеко медленнѣе, сѣуживаясь и сокращаясь разносторонне, — боюсь сказать, мельчая въ умахъ и сердцахъ. Тогда святой Павелъ могъ питать твердую вѣру, что тамъ въ этомъ ареопагѣ, гдѣ стоялъ онъ странникомъ и пришельцемъ, тамъ будетъ стоять основываемая имъ церковь Христова, могъ питать твердую надежду, что вѣра побѣдитъ весь міръ. Нынѣ же проповѣдникъ евангелія не безъ сумнительнаго смущенія вглядывается въ знаменія развитія духа человѣческаго и, сопоставляя ихъ съ пророчествами Христа и апостоловъ о послѣднихъ дняхъ, невольно задумывается, не настаютъ ли признаки, если и не послѣднихъ временъ, то все же нѣкотораго склоненія міра къ послѣднимъ временамъ? Тѣмъ не менѣе теперь больше, чѣмъ когда нибудь на раменахъ учителей слова Божія лежитъ тяжкій долгъ не слагать оружія, не заграждать свои уста и не нѣмствовать, въ чаяніи помощи и благословенія съ неба, чтобы и его смиренный гласъ не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Его постоянно должны ободрять съ одной стороны обѣтованія пастыреначальника Христа, что *Азъ дамъ вамъ уста и премудрость, ейже не возмогутъ противитися или противустати*, — обѣтованія, изреченныя на всякое время; а съ другой стороны долженъ ободрять и опытъ, что трудъ ради Бога не пропадаетъ; что всякое дѣйствіе не можетъ

не быть причиной послѣдующаго воздѣйствія по роду своему; что всякая сила, не только физическая, но и душевная не исчезаетъ безслѣдно: разъ она воздѣйствовала, то дѣйствіе ея должно простираться на всю вѣчность и безконечность.

Въ наши дни, въ окружающихъ насъ обстоятельствахъ, мы видимъ благонадежные признаки отраднаго поворота въ умахъ и стремленіяхъ. Всѣ теперь болѣе или менѣе сознали, что наше отечество должно стоять незыблемо на камнѣ вѣры; что изслѣдующій разумъ слѣдуетъ обуздывать въ его порывахъ и покорять разуму Божію и духу народа. Всѣ мы видимъ, что и механическая сила, наприм. сила пара, должна быть стѣсняема въ извѣстныхъ хранилищахъ и попускаема къ дѣйствію не иначе, какъ въ извѣстномъ направленіи и въ правильной постепенности, чтобы производить благотворное движеніе впередъ. Иначе пущенная сразу на полную свободу, она что либо разорветъ, кого либо обожжетъ, и разлетится вся безцѣльно, а добраго не произведетъ ничего. Такъ и умственная сила. Въ послѣдніе три десятиа лѣтъ она несдержанно неслась во всѣ стороны, не скажу, что не сдѣлала добра, но много принесла и зла. А главное зло, расходовала сама себя, не принося того добра, какое могла принести. Въ прежніе годы ея энергія, болѣе стѣняемая и вѣрнѣе направляемая, была явно плодотворнѣе.

Помолимся, братіе, о благословеніи Господа разумовъ нашему университету и его дѣятельности, устанавливаемой новыми уставами на началахъ, создавшихъ русское государство, образовавшихъ нашъ народный духъ, представляющихъ вѣрный и надежный залогъ мирнаго хода нашей исторіи, по завѣту нашихъ христіанскихъ предковъ, собирателей русской земли. Помолимся о благоден-

ствіи и долгоденствіи Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего Императора Александра Александровича, который ищетъ твердости государственной и народнаго счастья въ вѣрности духу русской исторіи, въ вѣрности завѣтамъ и Богу отцовъ нашихъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ день воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня.

ОБЪ ИСТИННОМЪ КРЕСТѢ.

Слово крестное погибающимъ юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть,—Иудеемъ соблазнъ, еллиномъ же безуміе, самъмъ же званнымъ, Иудеемъ же и еллиномъ, Божія сила и Божія премудрость (1 Кор. 1, 18—24).

Увы! Слово крестное, ученіе о крестѣ, безуміемъ и соблазномъ для погибающихъ было не только во дни оны, во времена святыхъ апостоловъ, не только для невѣровавшихъ во Христа Іудеевъ и еллиновъ язычниковъ, но стало и въ наши дни, для нѣкоторыхъ даже христіанъ, даже для особенно ревнующихъ по Богѣ, хотя ревнующихъ и не по разуму, стало тоже слово о крестѣ источникомъ безумныхъ заблужденій и затмевающихъ совѣсть соблазновъ. Разумѣемъ нашихъ русскихъ ревнителей такъ называемой старины. Извѣстно, что они преткнулись, во первыхъ и главнымъ образомъ, на словѣ крестномъ, на ученіи о крестѣ. Но какъ они унизили, какъ съузили, какъ одевали и исказили это ученіе! Исказили такъ, что и сопоставлять ихъ ученіе о крестѣ, основу ихъ раскольничьей догматики, съ апостольскимъ о томъ же предметѣ уче-

ніемъ какъ то странно; и мѣсто этой дебелой догматикѣ указать въ апостольскомъ догматствованіи о спасающей силѣ креста совсѣмъ трудно, до неумѣстности. Возьмите сами, разверните посланіе св. апостола Павла къ Коринѳянамъ, изъ котораго вы слышали нынѣ чтенный апостолъ о словѣ крестномъ, Божіей силѣ и премудрости; возьмите, раскройте посланіе того же св. апостола къ Римлянамъ, и сравните наиглубочайшее раскрываемое тамъ ученіе о спасающей силѣ креста Христова съ умствованіями о томъ же, о спасающемъ крестѣ, нашихъ глаголемыхъ старообрядцевъ, съ богословствованіемъ нашихъ русскихъ расколуучителей. Боже! Какая бездна непроходимая! Сколько тамъ, у св. апостола Павла, всеобъемлющей необъятности неба и земли и преисподнихъ глубинъ ада, широты и глубины и высоты, столько же здѣсь, въ цѣлой системѣ расколуученія о спасительномъ крестѣ, столько здѣсь узкости, поверхностности и неизменности. Сколько здѣсь дебелаго формализма взамѣнъ духовности и духоносности апостольской проповѣди о крестѣ! Было бы однакоже несправедливостью сказать, что расколуучители прямо отвергли духоносную сторону апостольской проповѣди о крестѣ. Этого прямо они не дѣлали. Они скажутъ о себѣ, что апостольскую проповѣдь о крестѣ они никакъ не отвергаютъ. Но взамѣнъ этого возведши свое измышленіе о необходимости для спасенія только двуперстнаго крестнаго знаменія, а никакъ не трехперстнаго, равно какъ и измышленіе о спасительномъ употребленіи креста только осьмиконечнаго, а никакъ не четвероконечнаго; отвергнувъ, ради ново-измышленныхъ своихъ догматовъ, всѣ средства спасенія, пріобрѣтенныя крестомъ Христовымъ и преданныя Христовой церкви, а церковію преподаваемыя всѣмъ истинно-вѣрующимъ; преткнувшись о сей камень, объ истину спасающей крестной си-

лы, которая всегда лежала, какъ и донесъ лежитъ камнемъ претыканія и соблазна для заносчиваго суемудрія, расколоучители сами зашли, да и другихъ съ собою завели въ такія неисходныя дебри заблужденія, что, можно смѣло сказать, затемнили, измѣнили и устранили всю истину апостольскаго ученія о крестѣ, которое стало для нихъ, какъ и для всѣхъ погибающихъ изъ-за нихъ соблазномъ и безуміемъ.

Религіозныя заблужденія подчинены тому роковому закону, что люди, племена и народы, впавшіе въ такія заблужденія, почти-никогда не каются, иногда сознають свое отступленіе отъ истины, но рѣдко сознаются въ немъ. Это роковое явленіе, безъ сомнѣнія, происходитъ изъ того роковаго закона, что ересе — и расколо-учители, въ надменіи ума, возстають на Бога и разгордѣвшись въ судъ впадаютъ діаволъ. Вѣдь и бѣсы, по слову св. апостола, вѣруютъ и трепещутъ, значить, сознають свое заблужденіе, однакоже не хотятъ сознаться въ немъ и покаяться. Также не каются и еретики, также и раскольники, также и всякіе богопротивники, возстающіе на Духа Святаго, противящіеся истинѣ, учиняющіе смертельнѣйшій изъ грѣховъ. Этотъ-то смертельный грѣхъ и не даетъ душамъ ихъ воскреснуть и ожить. По крайней мѣрѣ мы не знаемъ тому примѣра въ исторіи, чтобы люди также огульно оставили заблужденіе, какъ и впади въ него огульно же. Вотъ, напримеръ, до пришествія Христова израильское царство огульно отпало въ египетское идолопоклонство; затѣмъ оно же впадало и въ разные виды идолопоклонства и пошло въ разсѣяніе; но до разсѣянія никогда уже не обращалось къ единому истинному Богу, которому отцы ихъ и братія Іудеи кланялись во Іерусалимѣ. Подобнымъ же образомъ, и по основаніи Христовой церкви, многія возникавшія въ ней

въ разное время разнообразныя ереси вырождались и исчезали съ лица земли; но мы не видимъ опыта, чтобы какіе либо еретики также быстро и всесоборно обратились къ истинѣ Христовой, какъ быстро огромными массами отъ нея отпадали, какъ напр. Аріане. Великій западно-римскій расколъ также, разъ отколовшись отъ восточнаго православія, съ теченіемъ вѣковъ углублялся далѣе и далѣе въ разнообразныя еретическія измышленія; но воротиться назадъ къ истинѣ вселенскаго православія уже безсиленъ, хотя многіе высшіе въ западно-католической церкви умы и признавали крайности своего отклоненія отъ древняго ученія и строя истинной церкви, какъ то крайности папизма, искаженія таинствъ: крещенія, евхаристіи, крайности въ употребленіи индульгенцій, въ чудовищныхъ измышленіяхъ относительно чистилища, крайности въ обязательномъ безбрачїи священства, въ употребленіи священствомъ мірскаго оружія и т. д. Ища первобытной евангельской истины, реакція римскаго папизма, реформація, съ своимъ свободнымъ толкованіемъ откровенія, дошла наконецъ до ея отрицанія; но никакъ не попала опять въ колею незасорнаго древле-вселенскаго апостольскаго и Христова ученія. Подобнымъ же образомъ и нашъ русскій расколъ, настаивая на сохраненіи церковной буквы въ томъ видѣ, какъ застгла ее исторія въ эпоху всероссійскаго патріарха Іосифа, и отбавившись отъ дальнѣйшаго водительства церкви, будто-бы измѣнившей древлеотеческой истинѣ, зашелъ въ неисходныя дебри всяческихъ заблужденій, заблужденій сколько ужасныхъ, столько же и странныхъ, нелѣпыхъ и смѣшныхъ, сумасбродныхъ и пагубныхъ. Достигнувъ въ своемъ развитіи до признанія простецовъ не только архіереями, безъ преемственнаго отъ апостоловъ рукоположенія, но даже апостолами и пророками, даже христами искупите-

лями, даже святыми духами, даже богами саваоами, достигнувъ до еедосѣвскаго безбрачія, до спасовщины, нѣтовщины, щельничества, лутошничества, рябиновщины, стравничества, бѣгунства, молоканства, хлыстовщины, шалопутства и т. д. безъ конца и мѣры, расколъ не назадъ въ церковь Христову поворачиваетъ, а домогается полной свободы идти въ своемъ развитіи дальше и дальше, до наиполнѣйшаго отрицанія христіанства. Этой свободы, съ провозглашеніемъ закона, что никто за мнѣнія о вѣрѣ не преслѣдуется, расколъ больше или меньше и достигъ, съ пріобрѣтеніемъ себѣ многихъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ въ государствѣ. Но и этого мало. Расколу, какъ и ретивымъ поборникамъ, даже нѣкоторымъ его противникамъ, въ соимительныхъ видахъ удобнѣйшаго привлеченія старовѣровъ къ церкви, желательно бы однимъ закончить, а другимъ благопріятіе для православія направить развитіе раскольнической идеи церковно-государственнымъ разрѣшеніемъ, чтобъ и православные христіане имѣли невозбранное право совершать богослуженіе какъ по новопечатнымъ, такъ и по старо-печатнымъ книгамъ, безразлично, по собственному желанію и выбору.

Мы съ своей стороны не раздѣляемъ убѣжденія ни въ правотѣ ни въ благоплодности этой мѣры. И теперь желаемъ объяснить, почему мы такъ думаемъ.

Не станемъ истощаться въ повтореніи историческихъ доказательствъ, почему оказалось крайне нужнымъ, да въ историческомъ развитіи обстоятельствъ и рѣшительно неизбѣжнымъ, исправленіе такъ называемыхъ старопечатныхъ церковныхъ книгъ, которое и учинено съ крайнею осмотрительностію сонмами ученѣйшихъ мужей и свидѣтельствовано въ своей правотѣ нѣсколькими соборами. Кто знаетъ нашу отечественную исторію, тому это хорошо из-

вѣстно. А кто не знаетъ, тѣмъ вкратчѣ не расскажешь; тѣ могутъ прочитать объ этомъ въ книгахъ. А мы съ своей стороны скажемъ то, чего въ книгахъ прочитать нельзя, но что подсказывается самою жизнію.

Скажемъ о повседневномъ неудобствѣ употребленія старопечатныхъ книгъ, въ практикѣ нашихъ единовѣрческихъ церквей. Въ недавнемъ опытѣ, о которомъ мы сейчасъ расскажемъ, это будетъ наглядно. Вѣмъ человѣка о Христѣ, нѣкоего архіерея, который, при обозрѣніи епархіи, долженъ былъ посѣтить единовѣрческій монастырь и единовѣрческую же приходскую церковь въ одномъ изъ важнѣйшихъ центровъ староверія. По доброму, кроткому и мягкому расположенію духа какъ священно-начальствующихъ, такъ и мѣстнаго единовѣрческаго населенія, архіерея упростили совершить соборное молебствіе сперва въ монастырѣ, а затѣмъ и въ упомянутой церкви. Тамъ въ монастырѣ дали архіерею на молебствіе старопечатный служебникъ, въ которомъ на ряду положены утреня, литургія, какъ и молебное пѣніе, точнымъ чиномъ, такъ что архіерей, по чину молебствія, видѣлъ весь его порядокъ; а тѣмъ по чину молебствія возгласы стояли въ сокращеніи, тамъ архіерей отыскивалъ тѣже возгласы безъ сокращеній по чину утрени, и все при совершеніи самаго священнодѣйствія шло чинно. Но въ приходской церкви вышло не такъ. Когда, слушая литургію, предъ выходомъ на молебенъ, архіерей спросилъ книжицу, надѣясь, что подадутъ ту самую, какую давали и въ монастырѣ, вдругъ онъ видитъ, что даютъ совсѣмъ не ту; въ этой чинъ молебствія совсѣмъ сокращенный, чинъ утрени еще сокращеннѣе. Ищутъ и даютъ другую, не та опять, тутъ дѣло еще неудобнѣе. Архіерей говоритъ: «дайте чинъ утрени полный; я помню порядокъ молебствія, лишь бы только возгласы найти по

чину утрени безъ сокращенія». — Даютъ третью, даютъ четвертую, даютъ пятую книгу. Опять не тѣ, что въ монастырѣ, и чина утрени полного нѣтъ, и все разныя изданія. «Дайте ту», — просить архіерей, — «что въ монастырѣ мы давали. — Нѣтъ», — говорятъ, — «все разныя изданія». — А церковь городская, богатая, достаточная всѣмъ нужнымъ, между прочимъ и библіотекою старопечатныхъ книгъ. Тогда архіерей выражаетъ опасеніе, какъ же онъ пойдетъ на среду церкви сочинять возгласы, служба молебень. На что ему объясняютъ, что онъ можетъ говорить возгласы по православному чину, никто де не взыщетъ. Но когда архіерей уже рѣшился было отказать себѣ въ удовольствіи совершить просимое священнодѣйствіе въ единовѣрческой церкви; тогда, по тщательныхъ поискахъ, отыскали довольно полный чинъ утрени, все же не молебна, и все же не ту книгу, не того изданія, что давали въ монастырѣ. А эта послѣдняя книга по счету была уже шестою изъ тѣхъ, что подавались. Молебенъ отслуженъ строго правильно. По благополучномъ совершеніи службы Божіей разоблачившись и вышедши къ народу, архіерей сказалъ рѣчь, начавъ съ того, что «вотъ незначительный случай, незначительный, да поучительный. Вотъ посѣтили мы единовѣрческій монастырь. Упросили насъ тамъ совершить молебствіе; предъ выходомъ на средину церкви мы требовали книжку. Намъ дали служебникъ, гдѣ указали намъ наряду и молебствіе. Въ чинѣ молебствія возгласы сокращенные; но тѣ же возгласы положены безъ сокращеній по чину утрени. Мы отыскивали возгласы по чину утрени и читали, и молебствіе совершилось въ отличномъ порядкѣ. Здѣсь предъ выходомъ на молебенъ говоримъ то же: дайте книжку. Даютъ, не та, чинъ молебствія сокращенный, чинъ утрени сокращенный. Даютъ другую, не та; тутъ

дѣло еще невыгоднѣе. Даютъ третью, не та, и не могу найти возгласы. Дайте, говорю, ту, что въ монастырѣ давали. Нѣтъ, говорятъ, всѣ разнаго изданія. Дайте, говорю, хоть полный чинъ утрени, чтобъ я могъ найти тамъ нужные возгласы. Читайте, говорятъ, такъ по православному, никто не осудитъ. Нѣтъ, говорю, лучше жъ я совсѣмъ не пойду служить. Я архіерей; самъ наблюдатель строгаго и точнаго соблюденія старопечатнаго чина въ единовѣрческихъ церквахъ; я не хочу подавать соблазнъ немощнымъ. Даютъ четвертую, пятую, наконецъ шестую книжку. Все разныя, и не тѣ, что давали мнѣ въ монастырѣ. Такъ видите, братіе, сколько хлопотъ надѣлало простое желаніе отслужить молебенъ. У васъ въ православной церкви захотите отслужить молебенъ, возьмите книжку молебствій и тамъ найдете все наряду, что требуется для совершенія молебствія, отъ слова до слова. Утрени, обѣдню и другія службы найдете въ служебникѣ наряду же отъ слова до слова. У васъ же, въ старопечатныхъ книгахъ, чина молебствія полного безъ сокращеній нигдѣ. Чинъ утрени безъ сокращеній мнѣ давали въ монастырѣ. А у васъ въ шести книгахъ и чина утрени полного безъ сокращеній нигдѣ нѣтъ. Да и всѣ книги разныхъ выходовъ и разнаго состава. Видите ли вы, по этому простому случаю, какъ въ свое время необходимо было исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ. Видите ли, что и тѣ, кто въ ту пору поправлялъ книги, сдѣлали дѣло совсѣмъ хорошее и полезное? Впрочемъ я веду рѣчь никакъ не въ осужденіе.... Блюдайте вашъ старинный уставъ. Я, самъ, какъ епископъ, какъ архіерей и этой церкви, обязанъ наблюдать, чтобы такъ называемый старый уставъ соблюдался здѣсь у васъ въ неотмѣнной буквальной точности. Но за то поймите, что и мы, служа Богу по новопечатнымъ книгамъ, не ис-

казили вѣру, не отмѣнили, а только упорядочили и объединообразили обрядъ».

Итакъ самая жизнь и всеневный опытъ показываютъ, что исправленіе старопечатныхъ книгъ было благо-
потребно и благополезно. Но разъ старопечатные уставы
дозволены къ церковному употребленію для вѣкоторыхъ,
для единовѣрцевъ, то почему же не дозволить бы ихъ и
для всѣхъ, и для православныхъ? На это почившій въ Бо-
зѣ святитель московскій Филаретъ отвѣчаетъ: «единовѣріе
есть движеніе начала православія въ сторону раскола для
приближенія отчужденныхъ къ единству церкви и іерар-
хій. При семъ оказано все возможное снисхожденіе; и
продолжить сіе движеніе далѣе значило бы погружать
церковь въ расколъ». Мы теперь постараемся разяснить,
почему это значило бы погружать церковь въ расколъ?

Чего коснулось исправленіе старопечатныхъ книгъ?
Чего коснулось опредѣленіе великаго московскаго собора,
осудившаго расколъ? И чего коснулось противленіе сему
собору ревнителей такъ называемаго старообрядства или
старовѣрія?

Исправленіе старопечатныхъ книгъ коснулось, вопер-
выхъ, множества безразличныхъ въ существѣ предметовъ,
для установленія болѣе правильнаго и яснаго словосочета-
нія въ священно-церковныхъ текстахъ и болѣе однообраз-
наго порядка въ обрядословіи. Въ этого рода исправлені-
ямъ, которыя проходятъ чрезъ весь исправленный богослу-
жебный чинъ, какъ и чрезъ всю славянскую біблію, принад-
лежатъ поправки въ родѣ: *не сердце ли наше горя бѣ въ*
насъ, вмѣсто: не сердце ли наю горя бѣ въ наю. Или: *ны-*
нѣ и присно и во вѣки вѣковъ, вмѣсто: *и во вѣки вѣкомъ*.
Или: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ смертію смерть*
поправъ, вмѣсто: *смертію на смерть наступивъ*. Или ус-

тановленіе пятипросфорія вмѣсто седмипросфорія. Или нѣкоторыя сокращенія старыхъ нашихъ богослужебныхъ чинопослѣдованій, согласно старѣйшимъ чинопослѣдованіямъ, какъ славянскимъ, такъ и греческимъ и т. п.

Далѣе какъ справщиками исправлены, такъ и великимъ московскимъ соборомъ устранены нѣкоторыя чтенія и чинопослѣдованія, какъ неправильныя, устранены нѣкоторые обычаи и обряды, какъ въ принятомъ своемъ употребленіи и толкованіи погрѣшительныя. Къ такимъ погрѣшительнымъ чтеніямъ относятся начертаніе и чтеніе имени Господа Ісусь, вмѣсто Ісусъ; или чтеніе отпустовъ: «молитвами пречистыя Владычицы Богородицы, честнаго Ея рождества, или честнаго Ея успенія и т. п. Ни успеніе ни рождество Богородицы молиться за насъ не могутъ. А слѣдую старымъ чтеніямъ, приверженная къ старинѣ простота дѣлаетъ изъ нихъ какіе то фетиши и сочиняетъ молитвы уже такого рода: *святое успеніе моли Бога о насъ*, что я самъ слышалъ собственными ушами. Къ такого рода ошибочнымъ чинопослѣдованіямъ относятся, напр., молитвы женѣ родившей, основанныя на апокрифическихъ евангеліяхъ; или чинопослѣдованіе таинства миропомазанія, несогласное въ многословной совершительной формулѣ съ постановленіемъ втораго вселенскаго собора. Или двоеніе алилуіа, съ толкованіемъ, что *алилуіа* значитъ: воскресе Христосъ, и т. п. Къ такимъ ошибочнымъ обычаямъ и обрядамъ относится, наприм., поклоненіе кресту только осмиконечному, а никакъ не четвероконечному, съ настойчивымъ толкованіемъ, что крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ Господь, былъ непремѣнно осмиконечный, какимъ однакоже онъ быть не могъ и по свидѣтельству древности не былъ. Или крѣпкая до смерти привязанность къ бородѣ съ толкованіемъ, что въ бородѣ заключается образъ Божій,—съ тол-

гованіємъ, которое внесено еще въ апостольскія постановленія и уже въ тѣ древнія времена отринуту церковію вмѣстѣ съ самыми постановленіями; которое внесено и въ русской церкви въ Стоглавникъ, но опять же не принято и не сбрѣвлено подписями отцовъ самаго Стоглаваго собора. Таково измѣненіе въ текстѣ символа вѣры, утвержденномъ вселенскими соборами для вѣчнаго и неизмѣннаго храненія въ церкви,—съ упорнымъ отстаиваніемъ незазорности такого чтенія и зазорности подлиннаго. Таково, наконецъ, самое употребленіе двуперстія для крестнаго знаменія и благословенія, съ проклятіемъ на всякое другое перстосложеніе съ утвержденіемъ, будто двуперстіемъ знаменались и знаменали самъ Христосъ Господь и святые апостолы Его, когда положительно извѣстно, что двуперстіе въ первые вѣка христіанства не употреблялось, а возникло уже въ позднѣйшія времена, тогда какъ о перстосложеніи именословномъ доказано, что оно восходитъ въ самую глубокую христіанскую древность.

Наконецъ противленіе исправленію церковныхъ книгъ и опредѣленію великаго московскаго собора коснулось искаженія многихъ догматовъ вѣры, ввергнувъ противниковъ во многія тяжкія и хульные ереси. Такъ эти противники, вышедши изъ отверженія догмата о непогрѣшимости и несокрушимости церкви Христовой, какъ и о безусловной обязательности, для всѣхъ вѣрныхъ, власти и суда, приговоровъ и опредѣленій церкви по предметамъ вѣры, канонровъ и обрядовъ, впали въ неслыханныя хульные ереси, будто благодать Христова улетѣла на небо; будто нынѣ и церковь не церковь и таинства не таинства; будто церковь проповѣдуетъ нынѣ иного Христа, не исповѣдуетъ Святаго Духа Духомъ истиннымъ; знаменуется и благословляетъ сквернымъ знаменіемъ антихриста; будто вводитъ крыжъ

латинскій; будто изничтожила всё свято-отеческіе чины и уставы церковные, по которымъ спаслись всё древле-русскіе святыя. Да и нужно ли повторять всё эти хульныя и и нелѣпыя ереси, которыя измышлены противниками исправленія церковныхъ книгъ и поражены анафемою великаго московскаго собора?

Первое дѣло, тотъ подлежить клятвѣ великаго московскаго собора, тотъ и не можетъ быть принятъ въ общеніе святой католической православной церкви, кто пріемлетъ сердцемъ и исповѣдуетъ устами эти ереси; кто безумно и упорно повторяетъ эти раскольническія хулы; кто вѣруетъ и проповѣдуетъ, что вся въ совокупности православная греко-россійская церковь нынѣ не церковь, и таинства ея не таинства, будто и спасающая благодать нынѣ отлетѣла изъ церкви на небо; кто упорно отвергаетъ обязательность суда церковнаго, въ частности обязательность опредѣленія и приговора великаго московскаго собора, на которомъ, кромѣ всѣхъ русскихъ святителей, присутствовали предстоятели и представители всѣхъ греко-восточныхъ патріаршихъ престоловъ; кто отрицаетъ право церкви устранять не только погрѣшительные обычаи и уставы, но и несомнѣнно древніе, подобно несомнѣнно древнему, даже апостольскому, хотя и частному обычаю празднованія пасхи вмѣстѣ съ евреями, который отвергнуть первымъ вселенскимъ соборомъ, или подобно опредѣленію относительно постовъ въ праздники, постановленному въ церкви россійской послѣ двухъ вѣковыхъ споровъ; кто отрицаетъ право церкви вводить даже новые непогрѣшительные уставы, подобно введенію въ свое время литургій св. Василия великаго и Іоанна Златоуста, какъ и множества другихъ частей православнаго богослуженія, которыхъ сперва не было, а затѣмъ приняты церковію, хотя сама церковь нынѣ и обя-

зана пользоваться этимъ безспорнымъ своимъ правомъ съ крайнею бережностію и осмотрительностію; кто упорно хулить и отрицаетъ спасительность всего въ совокупности исправленія богослужебныхъ книгъ, чинопослѣдованій и обрядовъ, одобреннаго великимъ московскимъ соборомъ и принятаго православною всероссійскою церковію, вѣруя въ исключительную спасительность только староцерковной буквы въ старопечатныхъ нашихъ книгахъ.

Объяснимся однакоже, во избѣжаніе недоразумѣній. Я знаю, что по старопечатнымъ книгамъ святые Божіи спасались, какъ и по ново-печатнымъ спасались, и вѣрую, что и нынѣ можно спастись служа Богу какъ по тѣмъ, такъ и по другимъ книгамъ, старопечатнымъ и новопечатнымъ. По долгу моего званія и примѣру святыхъ отецъ нашихъ, въ единовѣрческихъ церквахъ я и священнодѣйствую по старопечатнымъ книгамъ, и крещусь двуперстіемъ, какъ и благословляю, и съ благоговѣніемъ произношу имя Христа Спасителя Ісусъ, а не Іисусъ, и кланяюсь осьмиконечному кресту. Даже въ православной нашей церкви люблю употреблять крестъ особенно осьмиконечный, какъ характерный старо-русскій крестъ; предпочитаю староцерковную такъ называемую византійскую иконопись такъ называемой италіанской; предпочитаю старинные церковные напѣвы и даже осуждаю страстное увлеченіе новинами въ пѣніи, въ иконописи, въ украшеніи храмовъ Божіихъ и т. п. Церковь благословляетъ употребленіе такъ называемаго стараго обряда въ единовѣріи; допускаетъ даже предпочтительную въ нѣкоторыхъ привязанность къ нему, по укоренившейся привязанности къ русской старинѣ; но отрицаетъ, какъ ересь, вѣру въ него, какъ едино-спасающій; отрицаетъ, какъ ересь, хуленіе на исправленный, возстановленный, принятый церковію обрядъ, какъ на исключе-

ющій будто возможность спасенія: отрицаетъ, какъ ересь, раскольническое хуленіе, будто, исправляя старыя церковно-богослужебныя книги, православная всероссійская церковь впала въ богопротивныя ереси и перестала быть церковію. Въ этомъ смыслѣ должно признать богоотметною ересью всякое хуленіе на всякую даже частность исправленія старопечатныхъ книгъ, какъ на богопротивную ересь, даже всякое отметаніе какихъ бы то ни было частныхъ исправленія, какъ богоотметныхъ ересей. Можно читать имя Господне Ісусъ; но не должно признавать ересью введенія инаго Ісуса чтеніе правильное—Ісусъ. Можно клянуться осьмиконечному кресту; но не должно отметаться и четвероконечнаго креста, какъ латинской ереси. Можно знаменаться двуперстіемъ; но не должно отрицаться, какъ проклятаго сквернаго антихристова знаменія, треперстнаго крестнаго знаменія и именовсловаго благословенія. Съ благословенія святой Божіей церкви, можно, однимъ словомъ, соблюдать весь такъ называемый старый обрядъ и спастись имъ; но непозволительно вѣровать сердцемъ и усты исповѣдывать, якобы великороссійская православная церковь, исправивъ старо-печатныя книги, впала въ ересь и перестала быть единою, святою, апостольскою и соборною, единою спасающею церковію, и вслѣдствіе такой погибельной вѣры отрекаться отъ общенія съ нею въ молитвахъ и таинствахъ.

Что при этомъ единовѣріе есть дѣйствительно единовѣріе, а не богоотметная ересь, не богопротивный расколъ; что единовѣріе не исповѣдуетъ православную греко-восточную церковь еретическою и состоитъ съ нею въ общеніи молитвъ и таинствъ, это видно изъ того, что содержа единую съ нами Христову вѣру, единое въ основѣ церковное право, единый по существу обрядъ, хотя и съ нѣкоторыми

особенностями, не вредящими существу вѣры и дѣлу спасенія, единовѣріе пріемлетъ отъ православной церкви свое священство и подчиняется ея епископству. Такъ должно быть въ принципѣ. Такъ ли на дѣлѣ?

На дѣлѣ оказывается, что единовѣрцы проявляютъ разныя степени своего единовѣрческаго духа, отъ желаемой до весьма нежелательныхъ степеней. Такъ съ радостію мы усматриваемъ, что многіе изъ единовѣрцевъ, какъ духовные, такъ и міряне, не чуждаются общенія съ православными въ молитвѣ даже въ православныхъ храмахъ: именно съ благоговѣніемъ посѣщаютъ православные храмы, молятся въ нихъ, пріемлютъ благословеніе архіерейское и іерейское, духовные участвуютъ даже въ священнослуженіи. Видимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, — съ радостію благодаря Бога провозглашаю: въ нашемъ *) краѣ вездѣ, — единовѣрцы не чуждаются общенія съ православными въ священнодѣйствіи и молитвѣ не только въ нашихъ, но и въ своихъ единовѣрческихъ храмахъ; съ благоговѣйною радостію пріемлютъ даже священнодѣйствіе архіерейское, какъ и прочихъ православныхъ духовныхъ чиновъ, въ своихъ храмахъ. Въ другихъ же мѣстахъ, не допуская ни архіереевъ, ни прочихъ нашихъ духовныхъ чиновъ, къ священнодѣйствію въ своихъ храмахъ, допускаютъ однакоже православнымъ не только присутствовать въ своихъ храмахъ, но и принимать участіе въ молитвѣ. Въ иныхъ же допускаютъ только къ присутствію во храмахъ, но никакъ не къ участію въ молитвѣ. Въ иныхъ же устраняютъ не только участіе въ молитвѣ, но даже присутствіе православныхъ въ своихъ единовѣрческихъ храмахъ. Я еще на своемъ вѣку въ одномъ городѣ видѣлъ двѣ едино-

*) Въ Уфимскомъ.

вѣрческія церкви, изъ которыхъ одна принимала посѣщенія православнаго архіерея, а другая всячески устранила; а обѣ звались единовѣрческими и находились въ одномъ и томъ же городѣ. Видѣлъ единовѣрцевъ, которые не только сами не принимали благословенія православнаго архіерея, но всячески устранили отъ архіерейскаго благословенія и своего единовѣрскаго священника, принятаго отъ православной церкви. Видѣлъ единовѣрцевъ, которые не только сами устранились отъ общенія съ православными даже въ пищѣ, но настаивали, чтобъ и священникъ ихъ, принятый отъ православія, всячески избѣгалъ общенія въ пищѣ и вообще братскаго обращенія съ своею духовною православною братією. Видимъ скорѣе много, чѣмъ мало такихъ единовѣрцевъ, которые домогаясь причисленія къ единовѣрію, чтобы только убѣжать отъ церкви, заявляютъ не стѣсняясь, что ихъ совѣсти противно приступать къ таинствамъ православной церкви по ея обрядамъ, и грозятъ, что иначе, если ихъ не причислятъ къ единовѣрію, они лучше не станутъ крестить своихъ новорожденныхъ дѣтей, возрастныхъ брачующихся скорѣе сведутъ сведомъ, сами лучше будутъ жить безъ причастія святыхъ таинъ и умрутъ безъ покаянія! Знали одну единовѣрческую общину и церковь, въ которой послѣ священнодѣйствія погребенія, совершеннаго архіереемъ, благоговѣйнѣйшимъ мужемъ, истиннымъ святителемъ Божиимъ, мнимые единовѣрцы, настоящіе раскольники, ногами швыряли по помосту церковному старопечатную книгу, по которой только что священнодѣйствовалъ оный святитель! А больше ли истинныхъ или мнимыхъ единовѣрцевъ? Вотъ вопросъ.

Впрочемъ этотъ вопросъ не допускаетъ ни колебаній ни сомнѣній. Въ единовѣріи, какъ въ общинѣ, какъ живомъ тѣлѣ, освящаемомъ спасительными таинствами, оду-

шевяемомъ и оживотворяемомъ благодатию Святаго Духа, живетъ, растетъ и укрѣпляется духъ истинно-спасающаго единовѣрія. Но въ единичныхъ членахъ, борющихся съ духомъ вѣка и міра, съ духомъ раскольнической общины, изъ которой они вышли, среди которой влаются всякимъ вѣтромъ ученія, побораемыхъ духомъ раскола, духомъ раскольническаго суемудрія, духомъ болѣе или менѣе упорнаго, болѣе или менѣе явнаго или скрытаго противленія церкви Божіей,—въ единичныхъ членахъ единовѣрческой общины, безъ сомнѣнія, больше единовѣрія мнимаго, чѣмъ истиннаго, больше раскольническаго сектанства, чѣмъ дѣйствительнаго единенія съ истинною Христовою церковію.

Послѣ этого полезно ли, благопотребно ли, даже позволительно ли, даже не преступно ли было бы распространять права единовѣрія на всѣхъ природныхъ православныхъ? Конечно, не слѣдуетъ. Единовѣрцы родились или въ расколъ или въ единовѣріи и пріобыкли отъ колыбели къ своему такъ называемому старому обряду, который и сама церковь признаетъ не препятствующимъ спасенію. Потому она и благословляетъ ихъ содержать этотъ обрядъ и снискивать имъ свое спасеніе, подъ условіемъ только общенія съ истинною вселенскою Христовою церковію. Православнымъ же, которые заявили бы легкомысленное желаніе спастись по старопечатнымъ, а никакъ не по исправленнымъ церковнымъ книгамъ на правахъ единовѣрія, предлежала бы неизбежная альтернатива: православная церковь, въ которой они родились и воспитались и таинствами которой освящены, спасительна или неспасительна? Учиненное ею исправленіе такъ называемаго стараго обряда спасительно или неспасительно? Если они исповѣдуютъ, что спасительно, въ такомъ случаѣ они не имѣютъ ни нужды ни права оставить свою родную спа-

сающую церковь и предпочесть исправленному ею истинно старому обряду неисправленный. Если же они исповѣдали бы, что и церковь неспасительна и хранимый ею обрядъ неспасителенъ, въ такомъ случаѣ они впали бы въ богопротивную ересь. Въ такомъ случаѣ на нихъ тяготѣла бы неотъемлемая клятва великаго и истиннаго московскаго собора.

Разъяснить ли дальше, что въ такомъ случаѣ сама церковь попустила бы таковымъ утверждаться въ еретическихъ хуленіяхъ, какими отягчаютъ свою совѣсть истые раскольники,—въ хуленіяхъ, что церковь оскудѣла благодатію; что таинства ея не таинства, благословеніе не благословеніе; что она знаменуется и знаменуетъ, вмѣсто истиннаго крестнаго знаменія, проклятымъ знаменіемъ антихриста, проповѣдуетъ иного Іисуса; что ея власти надъ вѣрными не слѣдуетъ признавать; что міряне не обязаны ей ни благопокорностью, ни помощью въ ея нуждахъ; что міряне получаемыхъ отъ нея священниковъ могутъ и обязаны держать въ жесткихъ рукахъ; что могутъ пасти своихъ духовныхъ пастырей, помыкая ими, духовныя овцы ихъ, мірскія попечительства, попечители и старосты, да и всякій, преобладающій въ приходѣ своимъ громкимъ голосомъ, карманомъ, вліяніемъ на другихъ,—что мы и видимъ не только въ раскольническихъ, но къ сожалѣнію часто и въ единовѣрческихъ общинахъ? Не значило ли бы это нанести тяжкій непоправимый ударъ всему благосостоянію церкви руками самой же церкви? Не значило ли бы это погружать самую церковь въ расколъ? Впадать самой церкви въ зазорное предъ Богомъ и людьми лицемеріе и навлекать на себя тяжкій укоръ апостола Павла: *аще бо лже разорихъ, сія паки созидаю, преступника себе представляю* (Гал. 2, 11—18)?

Но не будетъ ли такимъ зазорнымъ лицемѣріемъ, такимъ преступнымъ разореніемъ самою церковію созданнаго, ея же самою допущеніе самаго единовѣрія? Нѣтъ. Такому дѣйствию церкви мы усматриваемъ высоко досточтимый и достоподражаемый примѣръ въ образѣ дѣствий самихъ святыхъ апостоловъ.

Вотъ главныя черты апостольскаго примѣра, которому въ семъ обстоятельствѣ подражаетъ наша церковь. Первоверховный апостолъ Петръ, по повелѣнію Божію, пошелъ къ необрѣзанному язычнику Корнилию и крестилъ его со всѣмъ домомъ его. *Върующіе изъ обрѣзанныхъ* (сопоставьте ихъ съ нашими ревнителями старины), *пришедшіе съ Петромъ, ужаснулись, изумившись, что даръ Св. Духа излился и на язычниковъ* (Дѣян. 10, 45). Когда Петръ пришелъ въ Иерусалимъ, обрѣзанные упрекали его, говоря: *ты ходилъ къ людямъ необрѣзаннымъ и пьлъ съ ними*, т. е. нарушилъ законъ Моисеевъ (Дѣян. 11, 3). И первоверховный апостолъ Петръ оправдывался предъ этими ревнителями іудейской старины. Когда Богъ отверзъ широкую дверь *въры язычникамъ*, по разнымъ городамъ, и между прочимъ въ Антиохію, то *нѣкоторые пришедшіе туда изъ Іудеи учили братьевъ: если не обрѣжетесь по обряду Моисееву* (не будете соблюдать старую букву ветхаго закона), *не можете спастись*. На нихъ похожи наши ревнители старины, которые учили и учатъ братію, что если не будете молиться по старопечатнымъ книгамъ, не можете спастись. Когда же въ Антиохіи произошло разногласіе и немалое состязаніе у апостоловъ Павла и Варнавы съ ними: то положили Павлу и Варнаву и нѣкоторымъ другимъ изъ нихъ *отправиться по сему дѣлу къ апостоламъ и пресвитерамъ въ Иерусалимъ*. На эти препиранія къ первой апостольской церкви похожи препира-

тельства въ нашей російской церкви относительно то неприкосновеннаго храненія, то нужды исправленія старопечатныхъ книгъ и старыхъ обрядовъ. *По прибытіи въ Іерусалимъ, Павелъ и Варнава были приняты церковію, апостолами и пресвитерами. На Варнаву и Павла похожи греческіе святители, посѣщавшіе Москву и зазиравшіе нѣкоторое погрѣшеніе въ нашихъ старыхъ обрядахъ. Тогда возстали противъ апостоловъ Павла и Варнавы нѣкоторые изъ фарейской ереси увѣровавшіе и говорили, что должно обрѣзывать язычниковъ и заповѣдывать имъ соблюдать законъ Моисеевъ. На этихъ фарисеевъ похожи первые наши расколоучители, каковы Нероновъ, Аввакумъ, Никита и другіе, которые учили, что должно соблюдать старый обрядъ, иначе нельзя никому и спастись. Тогда апостолы и пресвитеры собрались на соборъ для разсмотрѣнія. Такъ и святители грекоросійской церкви собирались на соборы и наконецъ на великій московскій соборъ для разсмотрѣнія дѣла по исправленію старопечатныхъ, въ то время пока еще ново-печатныхъ книгъ. Многу взысканію бывшу, возставъ Петръ сказалъ, что по вѣрѣ нашей мы, обрѣзанные Іудеи, какъ и они, необрѣзанные язычники, спасаемся благодатию Господа Іисуса Христа, безъ дѣла Моисеева закона. Сіе многое взысканіе, долгое разсужденіе апостольскаго собора напоминаетъ собою многое же взысканіе на московскихъ соборахъ по вопросу объ исправленіи книгъ. Тогда по окончательному заключенію предсѣдателя апостольскаго собора, апостола Іакова, апостолы, пресвитеры и братія написали соборное опредѣленіе въ свиткѣ, гдѣ пишутъ братіямъ изъ язычниковъ, находящимся въ Антиохіи, Сиріи и Вилликии, что нѣкоторые, вышедшіе отъ насъ, смутили васъ своими рѣчами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрѣзываться и соблюдать законъ Моисеевъ, чего мы имъ не поручали. Почему мы*

собравшись единодушно разсудили: *изволися Святому Духу и намъ не возлагать на васъ бремени Моисеева закона, кромѣ необходимаго*» (Дѣян. 15, 1—29). По сему священному апостольскому примѣру дѣйствовали и московскіе соборы и завершительный между ними великій московскій соборъ, которому изволися, по изволенію Святаго Духа, *измѣнить въ нѣкоторыхъ погрѣшеніяхъ такъ называемый старый обрядъ и утвердить исправленіе церковныхъ книгъ*.

Но такъ какъ и послѣ опредѣленія апостольскаго собора, нѣкоторые изъ фарисействующихъ Іудеевъ, увѣровавшихъ во Христа, имѣющихъ ревность Божію, но не по разуму, упорствовали не только сами соблюдать старую мертвую и убивающую букву Моисеева закона, но и навязывать ее всѣмъ вѣрнымъ изъ язычниковъ, то великій апостолъ языковъ Павелъ, въ опроверженіе этихъ слѣпыхъ и упорныхъ ревнителей, писалъ нѣсколько посланій, и главнымъ образомъ, посланіе къ Галатамъ, въ которомъ на упорныхъ противниковъ прямо изрекаетъ анаѹему. *Чуждуся,—* писалъ онъ (Гал. 1, 6—9), *—удивляюсь, что вы отъ призвавшаго васъ благодатію Христовою (отъ апостола, который училъ, что мы спасаемся вѣрою и благодатію Христовою, а не дѣлами по старой буквѣ Моисеева закона) такъ скоро переходите къ иному благовѣствованію,—* которое впрочемъ не есть иное. *А только есть люди смущающіе васъ и желающіе превратить благовѣствованіе Христово,—* это фарисействующіе вѣрные изъ Іудеевъ, которые учатъ, что для спасенія необходимо соблюдать и старую убивающую букву Моисеева закона. *Но если бы даже мы или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѹема. Какъ прежде мы сказали, такъ и теперь еще гово-*

рю: кто благопствуетъ вамъ не то, что вы приняли отъ насъ, да будетъ анаѳема. На эту апостольскую анаѳему, изреченную и повторенную на ревнителей мертвой старой буквы Моисеева закона, похожи изреченныя и повторенныя московскими соборами анаѳемы на упорныхъ ревнителей старой мертвой буквы старопечатныхъ книгъ.

Такъ не менѣе, не смотря на опредѣленіе великаго апостольскаго собора, несмотря на эту анаѳему, изреченную и повторенную апостоломъ Павломъ, самъ же онъ, ради немощныхъ совѣстію христіанъ изъ Іудеевъ, неразумныхъ ревнителей іудейской старины, самъ онъ, апостолъ Павелъ, первый въ апостольской церкви учредилъ тогдашнее единовѣріе, буквально единовѣріе, при разности обряда. Такъ скоро послѣ апостольскаго собора, *прибывъ въ Дервію и Листру, взявъ съ собою туда ученика Тимофея, котораго мать была іудейка, увѣровавшая во Христа, а отецъ еллинъ, язычникъ, почему Тимофей былъ и необрѣзанъ, апостолъ Павелъ взялъ и обрѣзалъ его, ради Іудеевъ, находившихся въ тѣхъ мѣстахъ. Ибо всѣ знали объ отцѣ его, что онъ былъ еллинъ.* Однакоже несмотря на это началоположеніе единовѣрія, апостолъ языковъ вовсе не думалъ распространять его на всѣхъ вѣровавшихъ, на всю Христову церковь. Напротивъ, *проходя по городамъ, апостолъ Павелъ предавалъ вѣрнымъ соблюдать опредѣленія, постановленныя апостолами и пресвитерами на соборѣ въ Іерусалимѣ* (Дѣян. 16, 1—4). А слѣдующее обстоятельство покажетъ еще яснѣе, что сами апостолы учредили въ Іерусалимѣ своего рода единовѣріе, такъ что даже они сами подчинялись требованіямъ этого единовѣрія, соблюдая его уставы. Такъ, уже много лѣтъ спустя послѣ апостольскаго собора, въ послѣднее посѣщеніе Іерусалима апостоломъ Павломъ со спутниками, между которыми находился и священный апостоль-

скій дѣписатель и евангелистъ Лука, іерусалимская братія радушно приняли ихъ. На другой день Павелъ, съ своими спутниками и съ Лукою, пришелъ представиться предстоятелю іерусалимской церкви апостолу Іакову, тому самому, который во дни оны предсѣдательствовалъ на апостольскомъ іерусалимскомъ соборѣ. Явились туда къ Іакову и всѣ іерусалимскіе пресвитеры. Привѣтствовалъ ихъ, Павелъ рассказывалъ подробности, что сотворилъ Богъ у язычниковъ служеніемъ его. Они выслушавъ прославляли Бога. Однакоже сказали ему: видишь, братъ, сколько тысячъ успровавшихъ Іудеевъ, и всѣ они ревнители закона Моисеева (въ своемъ родѣ тоже, что наши единовѣрцы). А о тебѣ слышались они, что ты всѣхъ Іудеевъ, живущихъ между язычниками, учишь отступленію отъ Моисея (проповѣдуя необязательность старой буквы Моисеева закона, отмѣненной апостольскимъ соборомъ) и говоришь, чтобъ они не обрѣзывали дѣтей своихъ и не поступали по старымъ іудейскимъ обычаямъ. И такъ что же дѣлать? Вѣрно соберется народъ; ибо услышатъ, что ты прибылъ. Да не соблазнимъ ихъ, брате. Сдѣлай же, что мы скажемъ тебѣ.—Замѣтьте, это говоритъ апостолъ Іаковъ, братъ Господень, съ іерусалимскими пресвитерами, апостолу языковъ Павлу.—Сдѣлай, что мы скажемъ тебѣ: есть у насъ четыре человека, имѣющіе на себѣ обрѣзъ. Взявъ ихъ, соверши вмѣстѣ съ нами іудейское очищеніе по закону Моисееву, и узнаютъ всѣ, что слышанное ими о тебѣ несправедливо, но что и самъ ты продолжаешь соблюдать старый Моисеевъ законъ.—Такъ Іаковъ съ пресвитерами приглашаютъ Павла, чтобъ онъ самъ исполнилъ обряды тогдашняго единовѣрія. Тѣмъ не менѣе они весьма далеки были отъ мысли упразднить обязательность опредѣленія великаго апостольскаго собора.—А

объ упровавшихъ язычникахъ,—продолжаетъ бывший председатель апостольскаго собора *Іаковъ*,—*мы писали*, какъ и положили тогда на соборѣ, *чтобъ они ничего такого не наблюдали*, т. е. чтобъ спасались вѣрою и благодатію Христовою, а не дѣлами по старой умершей теперь буквѣ Моисеева закона. Такъ апостолъ Павелъ и поступилъ,—исполнилъ предложенные ему обряды тогдашняго единовѣрія, ходилъ въ іудейскій іерусалимскій храмъ, семь дней соблюдалъ іудейскій уставъ очищенія (отъ соприкосновенія съ необрѣзанными) и приносилъ во храмъ іудейскую жертву очищенія (Дѣян. 21, 17—26).

Подобнымъ же образомъ и самъ первовѣрховный апостолъ Петръ долго соблюдалъ обряды тогдашняго единовѣрія; тотъ самый Петръ, который первый, по повелѣнію Господню, вступилъ въ общеніе вѣры съ необрѣзанными; тотъ самый Петръ, который на апостольскомъ соборѣ первый подалъ рѣшительный голосъ за отмѣну старой буквы Моисеева закона. Но за это простертое дальше благопотребнаго благоснисхожденіе къ требованіямъ тогдашняго фарисействующаго единовѣрія, смущавшаго совѣсть другихъ истинно вѣрующихъ, первовѣрховный апостолъ Петръ самъ удостоилъ подвергнуться, для благоустроенія и мира церкви, нелегкому личному предъ народомъ увору отъ апостола языковъ Павла, о чемъ самъ же Павелъ, на память и въ назадавіе церкви не только своего времени, но церкви и всѣхъ временъ, и записалъ въ посланіи къ Галатамъ (Гал. 1, 11—18). Такъ онъ повѣствуетъ, что *когда Петръ прибылъ въ Антиохію*, гдѣ были христіане какъ изъ Іудеевъ, такъ и язычниковъ, откуда и послано было на апостольскій соборъ во Іерусалимъ вопрошеніе, должно ли христіанамъ изъ язычниковъ соблюдать старый Моисеевъ законъ,—то въ этотъ разъ здѣсь въ Антиохіи апостолъ Па-

велъ нашелъ благопотребнымъ лично противостать ему, Петру, потому что Петръ подвергался нареканію. Ибо до прибытія въ Антіохію нѣкоторыхъ отъ апостола Іакова, тогдашнихъ іерусалимскихъ единовѣрцевъ, Петръ имѣлъ общеніе въ пищу вмѣстѣ съ язычниками. А когда тѣ пришли, сталъ таиться и устраниваться, опасаясь обрѣзанныхъ, тогдашнихъ единовѣрцевъ. Вмѣстѣ съ нимъ лицемерили и прочіе Іудеи, такъ что даже спутникъ и сотрудникъ Павла апостоль Варнава былъ увлеченъ ихъ лицемеріемъ. Но когда я увидѣлъ, — пишетъ апостоль Павелъ, — что они не прямо поступаютъ по истинѣ евангельской, то сказалъ Петру при всѣхъ: если ты, будучи Іудеемъ, живешь, какъ жилъ доселѣ, по язычески, а не по іудейски, то для чего язычниковъ принуждаешь жить по іудейски, лицемерно показывая видъ, какъ будто необходимо для спасенія соблюдать всѣмъ старую букву Моисеева закона. Мы по природѣ Іудеи, а не изъ язычниковъ, ирѣшники. Однакоже узнавъ, что человекъ оправдывается не дѣлами закона, а только вѣрою во Христа Іисуса, и мы увѣровали во Христа Іисуса, чтобы оправдаться вѣрою во Христа, а не дѣлами закона. Если же я, снова придерживаясь буквы Моисеева закона, буквы, отмѣненной всѣмъ апостольскимъ соборомъ, буквы убитой и убивающей, мертвой и мертвящей, снова созидаю то, что самъ же разрушилъ, то самъ себя дѣлаю преступникомъ.

Такимъ образомъ въ священно-историческомъ раскрытіи этого обстоятельства разъясненъ весь смыслъ единовѣрія, какъ тогдашняго, допущеннаго самими апостолами въ апостольской церкви, такъ и современнаго намъ, допущеннаго святою соборною и апостольскою церковію всероссійскою. По указанію Божію, первоверховный апостоль Петръ усмотрѣлъ, что ни обрѣзаніе ни вообще соблюденіе старой

буквы ветхо-завѣтнаго Моусеева закона не обязательно для спасенія. *Многу взысканію бывшу*, іерусалимскій апостольскій соборъ также не призналъ необходимымъ для спасенія соблюденіе буквы Моусеева закона, и главенствующіе голоса по сему на соборѣ подали апостолы Павелъ, Петръ и председатель собора, братъ Господень, апостолъ Іаковъ. Тѣмъ не менѣе первый апостолъ языковъ Павелъ призналъ нужнымъ допустить въ апостольской церкви единовѣріе, попуская немощнымъ соблюдать отмѣненную букву Моусеева закона. Даже сами апостолы, даже тѣ же Павелъ, Іаковъ и Петръ по нуждѣ, желая всѣмъ быть вся, да всяко вѣкія спасутъ, да не соблазнятъ ни единого отъ малыхъ сихъ, немощныхъ совѣстію, сами по временамъ соблюдали требованія и обряды допущеннаго ими единовѣрія. Тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ, ни Іаковъ, ни Петръ, ни Павелъ не думали отмѣнять свое собственное апостольское постановленіе, состоявшееся наконецъ и на великомъ апостольскомъ соборѣ. Тѣмъ не менѣе апостолъ Павелъ весьма далека былъ отъ мысли снять анаѣмъ, изреченную и повторенную имъ на тѣхъ, которые благовѣствуютъ всеобщую обязательность исполненія старой буквы Моусеева закона и необходимость ея для спасенія. Онъ нашелъ нужнымъ даже противостать самому первоверховному апостолу Петру, который впадая самъ и другихъ увлекалъ въ лицемѣріе, въ смущенію другихъ, къ нареканію на себя, и въ лице ему обратилъ упрекъ, что *если я снова созидаю то, что разрушилъ, то самъ себя дѣлаю преступникомъ*; а къ Галатамъ по сему поводу съ упрекомъ писалъ: *какъ возвращаетесь паки на немощныя и худыя стихіи, имже паки еще служити хотите* (Гал 4; 9)?! Такимъ образомъ временное допущенное святыми апостолами единовѣріе само собою съ теченіемъ времени исчезло, а истинная церковь

Христова пошла своимъ царскимъ путемъ, къ своему преслѣванію, къ исполненію своихъ горнихъ судьбъ, впередъ, а не назадъ.

Должна ли и всероссійская православно-каѳолическая апостольская церковь поворотить назадъ, или же итти впередъ къ своему горнему призванію? Должна ли снова созидать то, что сама разрушила, представляя сама себя преступною предъ очами Бога и людей? Должна ли сама отвергнуть опредѣленіе великаго московскаго собора и снять наложенную имъ клятву на упорно проповѣдующихъ необходимость для спасенія мертвой буквы старопечатныхъ книгъ? Должна ли смущать совѣсть вѣрныхъ чадъ своихъ и сама помочь имъ скоро перейти къ иному богопротивному раскольническому благовѣствованію и *поработить ихъ снова немощнымъ и блднымъ вещественнымъ началамъ*, по слову апостольскому (Гал. 4, 9), началамъ наблюденія мертвой буквы? Должна ли отворить въ домъ Божій широкую дверь расколоучителямъ, чтобъ они свободно благовѣствовали чадамъ церкви не то, что доднесъ благовѣствовали имъ мы и святые отцы наши? Должны ли мы предоставить не дремлющей слѣпой ревности и сатанинской гордынѣ расколоучителей безпрепятственное удобство восторжествовать надъ нами легкую побѣду и злобно радостно, съ похвальбою себѣ, съ тяжкимъ оскорбительнымъ упоромъ намъ, возопить, какъ вопили Никита пустосвятъ и его разбойническіе сподвижники: побѣдихомъ, побѣдихомъ! Такъ чего же домогаются отъ насъ ревнители распространенія правъ единовѣрія на всѣхъ православныхъ?! Того ли, чтобы пала тогда на насъ самихъ апостольская и свято-отеческая анаѳема, по грозному слову св апостола: *аще мы сами или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ!* Аминь.

1883 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день преподобнаго отца нашего Сергія Радонежскаго.

Преподобне отче нашъ Сергіе! Кто исповѣсть труды твоя и болѣзни? Или кій языкъ изречетъ жестокое твое житіе, бдѣніе же и сужденіе, и еже на земли леганіе, чистоту душевную и тѣлесную, устнами и умомъ совершенное безмолвіе, смиреніе же келищемърное, молитвы непрестанныя и разсужденіе доброразсудное, скудость ризную и памяшь смертную?

За что мы ублажаемъ преподобнаго Сергія Радонежскаго?

Преподобный и богоносный отецъ нашъ Сергій родился во градѣ Ростовѣ отъ благовѣрныхъ родителей Кирилла и Маріи. По плотскомъ и духовномъ рожденіи наречено было имя ему Варѣоломей. Бывъ семи лѣтъ отданъ былъ въ книжное наученіе, но не скоро учился, потому что памятью не остръ былъ. И со многими прилежаніемъ училъ его учитель, однакоже мало что успѣвалъ. Сіе было по смотрѣнію Божію, чтобы отроку разумъ книжный былъ поданъ отъ Духа Святаго, а не отъ чловѣковъ. Въ одинъ день ходя одиноко въ дубравѣ, — ибо онъ любилъ отъ юности безмолвіе и многократно одинъ прохаживался въ безмолв-

ныхъ мѣстахъ,—нашелъ нѣкоего инока, въ дубравѣ стоящаго и творящаго молитву. Вареоломей приблизившись остановился и дожидался конца молитвы, затѣмъ сотворилъ ему поклоненіе. Инокъ же спросилъ: что тебѣ нужно, чадо? Отрокъ отвѣчалъ: отданъ я, отче, учиться книгамъ, и не могу ничего разумѣть изъ того, о чемъ толкуетъ мнѣ учитель мой, чего ради зѣло скорблю, и не знаю, что дѣлать. Но молю честную твою святыню, помоли Бога о мнѣ, да вразумитъ меня святыми твоими молитвами.— Инокъ же, сотворивъ молитву, благословилъ его, сказавъ: вотъ отнынѣ даруетъ тебѣ Богъ разумѣть, что нужно, чтобы возмогъ ты и иныхъ пользоваться.—Отъ того времени блаженный отрокъ,—какъ земля, напившись довольно дождя, бываетъ плодородна,—такъ и онъ, принявъ благословеніе отъ святаго того инока, сталъ способенъ къ изученію всякой книжной премудрости безъ труда: ибо Богъ отверзъ ему умъ разумѣти писанія. И возрасталъ отрокъ вмѣстѣ съ лѣтами и разумомъ и добродѣтелями: ибо любилъ постъ и воздержаніе, дѣтскихъ обычныхъ игралищъ бѣгалъ, а присѣдая чтенію божественныхъ книгъ, учился той премудрости, которой начало есть страхъ Господень. И такъ восходя отъ силы въ силу, возрасталъ въ мужа совершенна.

Посемъ родители его преселились отъ града Ростова на мѣсто, нарицаемое Радонежъ, не потому чтобы мѣсто это было особенно славно, но Богъ такъ благоизволилъ, чтобы на томъ мѣстѣ прославить угодника своего. Переселившись туда, родители блаженнаго не по многому времени пресилились и отъ житія сего, оставивъ все имѣніе свое наслѣднику своему Вареоломею. Онъ же, увидѣвъ преставленіе родителей своихъ, помышлялъ въ себѣ, говоря: и я смертенъ, и всячески долженъ умереть, какъ и родители мои. Такъ благоразумный отрокъ, разсудивъ о крат-

кости сего житія, раздалъ все оставшееся послѣ родителей имѣніе, не оставляя себѣ на нужное пропитаніе ничего: ибо уповалъ на Бога, дающаго пищу алчущимъ. Затѣмъ отошелъ въ пустыню, и сотворивъ хижину, пребывалъ въ ней, подвизаясь и молясь Богу непрестанно. По нѣкоемъ же времени прибылъ къ нему нѣкій священно-инокъ Митрофанъ: отъ него блаженный Варсоломей во иноческій чинъ былъ постриженъ, имѣя отъ рожденія 23 года, и наречено было имя ему Сергій. Пребылъ же той священно-инокъ съ Сергіемъ не много дней, и потомъ говоритъ ему: я, чадо, отхожу въ путь свой, тебя же предаю въ руки Божіи. И предсказалъ, что распространитъ Богъ на мѣстѣ семъ обитель великую и преславную. Сотворивъ же молитву, отошелъ.

А св. Сергій на мѣстѣ томъ остался. И трудился, умерщвляя плоть свою бдѣніемъ, постомъ и многоразличными трудами. Во время зимнее, когда земля разсѣдалась отъ мороза, онъ терпѣлъ въ одной одеждѣ, какъ-бы безплотнымъ являясь. Въ глубокомъ пустынномъ уединеніи онъ подвергался многообразнымъ устрашающимъ видѣніямъ. Однакоже, молитвою себя вооруживъ, жилъ безъ боязни, поя и слава Бога.

И вотъ слава о немъ стала проходить всюду, и стекались къ нему многіе отъ окрестныхъ градовъ и странъ ради пользы, иные же хотя съ нимъ жить и наставлятися отъ него на путь спасенія. Онъ же любезно принималъ приходящихъ къ нему. И создалъ первѣе малую перковь, которая освящена была во имя пресвятыя Троицы. Затѣмъ воздвигъ и монастырь честный, который и до нынѣ пребываетъ благодатію Христовою. Упрошенный же братією, принялъ священство, и пасъ добръ ввѣренное ему словесное стадо, управляя своихъ овецъ на нажити духовныя, волковъ же мысленныхъ молитвою прогоняя.

Когда слухъ о немъ распространялся всюду и многіе собирались къ нему отъ окрестныхъ странъ, пришелъ и нѣкій архимандритъ отъ Смоленска, именемъ Симонъ. Тотъ много имѣнія принесъ и отдалъ въ руки святаго, чтобъ онъ создалъ большую церковь, а самъ себя отдалъ въ повиновеніе святому. И съ Божіею помощію, преподобный Сергій вскорѣ на то имѣніе большую церковь воздвигъ, и монастырь распространилъ, и жилъ ангельски какъ бы на небѣ, съ лнкомъ братій своихъ, днемъ и ночью славославя Бога.—Случилось однажды въ монастырѣ его быть оскудѣнію пищи, и были братія въ скорби великой, оставаясь безъ пищи три дня. Уставъ же былъ у преподобнаго таковъ, чтобъ ники не выходили изъ монастыря просить у мірянъ хлѣба, но возлагали надежду на Бога, питающаго всякое дыханіе, и у Бога просили потребнаго съ вѣрою. Братія же, утѣсняемые голодомъ, начали роптать на святаго, говоря: доколѣ ты возбраняешь намъ итти въ міръ и просить, что намъ на потребу? Еще претерпимъ сію ночь, назавтра выйдемъ отъ мѣста сего, чтобъ не умереть отъ голода.—Святой же утѣшалъ ихъ, рассказывая имъ житія святыхъ отецъ, какъ претерпѣвали они многія скорби, гладъ и жажду, и наготу Господа ради. И говорилъ имъ слова Христовы: воззрите на птицъ небесныхъ, что вотъ онѣ не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ небесный питаетъ ихъ. Если жъ Онъ питаетъ птицъ, насъ ли не можетъ пропитать! Вотъ нынѣ время терпѣнія. Мы же нетерпѣливы явились, не хотя понести на малое время приключившагося намъ искушенія, которое, если бы мы приняли его съ благодареніемъ, вмѣнилось бы намъ въ великую пользу. Ибо безъ искушенія, безъ очищенія золото не получается. И предсказалъ онъ, говоря: нынѣ на малое время прилучилось намъ оскудѣніе, завтра же изобиліе всѣхъ

благъ будетъ. И сбылось пророченіе святаго. Ибо на завтрашній день принесено было въ монастырь множество хлѣбовъ новопеченныхъ и много рыбъ и иныхъ различныхъ новоуготованныхъ яствъ отъ нѣкоего неизвѣстнаго человѣка. А принесшіе говорили только: сей христіянолюбецъ прислалъ аввѣ Сергію и живущимъ съ нимъ братіямъ. Братія же, видя множество принесеннаго брашна, уразумѣли, что это— Божіе посѣщеніе, и сотворили учрежденіе, благодаря Бога. Было же брашна того довольно братіямъ на много дней. И говорилъ къ нимъ преподобный: видите, братіе, и дивитесь, какое подаетъ Богъ воздаяніе терпѣнію,—ибо не забудетъ Богъ убогихъ своихъ до конца, и никогда не прерветъ мѣста сего святаго, и живущихъ въ немъ рабовъ своихъ, и служащихъ Ему день и ночь.

Творилъ преподобный отецъ нашъ Сергій и чудеса различныя. И всѣ, различными недугами одержимые, съ вѣрою приходя къ святому, не только здравіе тѣла, но и позызу души получали, и съ сугубымъ исцѣленіемъ въ дома свои возвращались. Ради всего этого, всеми славимъ и почитаемъ былъ преподобный Сергій, и многіе, возжелавъ видѣть честное лице его и насладиться сладкой его бесѣды, стекались къ нему отъ различныхъ градовъ и странъ. И множество иноковъ, оставивъ монастыри свои, приходили къ нему, предпочитая сожителствовавъ ему и наставляться отъ него. Князья же и бояре и простые люди со тщаніемъ притекали къ блаженному отцу. Ибо всѣ имѣли его въ великой чести, какъ единого отъ древнихъ отцевъ, или какъ единого изъ пророковъ.

Однажды нѣкоторый поселянинъ изъ далекаго страны, слышавъ многое о святомъ Сергіи, захотѣлъ видѣть его. И пришедши въ обитель преподобнаго, спрашивалъ, гдѣ онъ? Случилось тогда преподобному въ огородѣ копать зем-

лю, и повѣдано было о семъ человѣку тому. Пошелъ поселянинъ въ огородъ и видитъ святаго въ худой одеждѣ, разодранной и заплатанной; видитъ, что святой копаетъ землю, и подумалъ, что сказавшіе ему пошутили надъ нимъ. Ибо онъ надѣялся видѣть святаго въ великой славѣ, и возвратившись въ монастырь, опять спрашиваетъ: гдѣ святой Сергій? Покажите мнѣ, я издалека пришелъ видѣть его.—Тѣ говорятъ: воистину это тотъ, котораго ты видѣлъ.— Посемъ, когда святой вышелъ изъ огорода, поселянинъ увидѣлъ его и, возгнушавшись имъ, отвратилъ лице свое отъ него, и не хотѣлъ даже посмотрѣть на блаженнаго. Бранилъ же себя самого, говоря: какой трудъ надѣялъ я напрасно! Я пришелъ видѣть великаго пророка, о которомъ слышалъ, и надѣялся узрѣть его въ великой славѣ и чести, и вотъ нынѣ вижу какаго то нищаго старца.— Святой же, уразумѣвъ помышленія его, очень благодарилъ его: ибо какъ гордый радуется о восхваленіи и почитаніи, такъ смиренномудрый радуется о безчестіи и униженіи своемъ. И взявъ поселянина того къ себѣ, поставилъ ему трапезу и любезно учредилъ его. Потомъ говоритъ ему: не скорби, человѣче,—ибо кого видѣть желаешь, скоро увидишь.— И вотъ пока святой еще говорилъ это, пришелъ вѣстникъ съ извѣщеніемъ о прибытіи знатнаго князя въ монастырь. И вставъ святой вышелъ въ сретеніе князю, который приближался со множествомъ слугъ своихъ. Узрѣвъ же князь святаго, поспѣшивъ подошелъ къ нему, и предваривъ своимъ поклоненіемъ до земли, просилъ благословенія у преподобнаго. Сергій же, благословивъ князя, ввелъ его въ обитель съ подобающею частью. И сѣдши оба вмѣстѣ, старецъ и князь, бесѣдовали, прочіе же всѣ стояли предъ ними. А тотъ поселянинъ далеко куда то оттолкнутъ былъ предстоящими слугами, и старца, котораго

гнушался, того теперь, приидя издалека, узрѣть желалъ и не могъ. Вотъ спрашиваетъ онъ кого-то изъ предстоящихъ, шопотомъ говоря: кто это, господинъ, вотъ тотъ старецъ, сѣдящій съ княземъ?—И говорятъ ему, что св. Сергій.—И вотъ началъ поселянинъ укорять себя, говоря: съ чего это я ослѣпъ, и не вѣрилъ тѣмъ, которые поминали мнѣ святаго отца, и не воздалъ достойной ему чести? Какъ я явлюся теперь лицу святаго?—Когда же князь отбылъ изъ обители, поселянинъ притекъ къ преподобному и стыдась воззрѣть на лице его, припалъ къ ногамъ его, прося прощенія, такъ какъ согрѣшилъ отъ неразумія. Святый же утѣшилъ его любезно, говоря: не скорби, чадо, потому что ты одинъ сказалъ обо мнѣ правду, говоря, что я ничто; прочіе же всѣ ошибаются, считая меня великимъ. Отсюда явѣ показуется, какого смиренія былъ преподобный Сергій,—такъ какъ гнушающагося имъ земледѣльца возлюбилъ больше чести, какую чинилъ ему князь.

По совѣту святѣйшаго патріарха константинопольскаго Филофея и московскаго митрополита Алексія, преподобный Сергій, уставивъ общежитіе во своей обители, повелѣлъ твердо блюсти общежительные уставы, ничего никому не пріобрѣтать для себя, ни своимъ что звать, но все общее имѣть по заповѣдямъ отцевъ своихъ. По установленіи же общежитія, восхотѣлъ бѣжать славы человѣческой и, поселившись въ незнаемомъ мѣстѣ, безмолвно наединѣ работать Бѣгу. И вотъ улучивъ время удобное, вышелъ тайно изъ обители своей, такъ что никто не зналъ, и устремился въ пустыню. Прошедши верстъ сорокъ, нашелъ благоудное для себя мѣсто близъ рѣки Киржачъ, и тамъ поселился жить. Братія же, увидѣвъ себя оставленными отцемъ, были въ великой скорби и смущеніи, какъ овцы безъ пастыря, и прилежно искали его всюду. Чрезъ нѣсколько времени

братія узнали, гдѣ онъ, и пришедши умоляли святаго со слезами, чтобъ онъ возвратился въ обитель, но онъ не хотѣлъ, любя безмолвіе и уединеніе. Того ради многіе изъ учениковъ его, оставивъ лавру, съ нимъ въ пустынь той водворились, и по времени воздвигли монастырь и церковь во имя пресвятыя Богородицы. Но братія великія лавры, безъ отца своего жизни не перенося, и умолить его возвратиться къ нимъ не имѣя возможности, пошли къ преосвященному митрополиту Алексію, прося, чтобъ онъ послалъ къ преподобному повелѣніе возвратиться ему на прежнее мѣсто. Блаженный же Алексій послалъ къ нему двухъ архимандритовъ, умолая, чтобы онъ послушался и утѣшилъ братію своею возвращеніемъ своимъ къ нимъ, — иначе они, соскучившись безъ него, разойдутся и мѣсто святое опустѣетъ. Преподобный же Сергій, не желая преслушаться воли архіерея, возвратился въ лавру на первое свое пребываніе, и утѣшились братія зѣло.

Епископъ пермскій св. Стефанъ, великую къ преподобному любовь имѣя, однажды ѣхалъ изъ епископіи своей во градъ Москву путемъ, который отстоитъ отъ Сергіева монастыря верстъ на пять или болѣе. Скоро же спѣша въ городъ, рѣшился тогда не быть въ обители святаго, но посѣтить святаго на возвратномъ пути. И вотъ когда онъ былъ противъ монастыря, онъ всталъ съ своей колесницы и прочитавъ: Достойно есть, и сотворивъ обычную молитву, поклонился преподобному Сергію, сказавъ такъ: миръ тебѣ, духовный братъ! — Случилось же тогда блаженному Сергію кушать на трапезѣ. Уразумѣвъ же духомъ поклонъ епископа, Сергій всталъ въ тотъ же часъ отъ трапезы, и мало постоявъ, и молитву сотворивъ, поклонился также епископу, который далеко находился отъ обители, и сказалъ: здравствуй и ты, пастырь Христова стада, и миръ Божій да

пребываетъ съ тобою.—Братія же удивились о необычномъ томъ дѣлѣ, и уразумѣли нѣкоторые, что видѣніе видитъ преподобный. По окончаніи же трапезы спросили его о бывшемъ. Онъ же исповѣдалъ имъ, говоря: въ той часъ епископъ Стефанъ, идя путемъ ко граду Москвѣ, сталъ противъ монастыря нашего и поклонился святой Троицѣ, и насъ грѣшныхъ благословилъ.—Послѣ же нѣкоторые изъ учениковъ его увѣдали, что это истинно такъ было, и дивились о прозорливомъ дарѣ, данномъ отцу ихъ отъ Бога.

Процвѣтала же обитель преподобнаго добродѣтельными мужами, и многіе изъ нихъ, ради великихъ добродѣтелей, взяты были во иные монастыри на игуменства, нѣкоторые же возведены и на святительскія кathedры. Всѣ же они успѣли въ добродѣтеляхъ наставленіемъ и руководствомъ совершеннаго учителя, и искуснаго дѣлателя заповѣдей Господнихъ, Сергія преподобнаго, который былъ образомъ стаду своему, равно-ангельное проходя житіе.

Послѣ всего этого, блаженный Алексій митрополитъ, изнемогая старостію, видя, что приближается къ концу, призвалъ къ себѣ Сергія преподобнаго, и взявъ крестъ свой архіерейскій, который носилъ на персяхъ, украшенный златомъ и камнями, и далъ преподобному. Онъ же, со смиреніемъ поклонившись, сказалъ: прости меня владыко,—отъ юности я не былъ златоносецъ, въ старости еще болѣе хочу оставаться въ нищетѣ.—Архіерей же говоритъ: знаю, возлюбленный, знаю; но сотвори послушаніе, и прими отъ насъ подаваемое тебѣ благословеніе.—И затѣмъ своими руками крестъ на святаго возложилъ, какъ бы въ которое обрученіе. Затѣмъ началъ говорить: вѣдай, блаженный, зачѣмъ я тебя призвалъ, и что хочу относительно тебя устроить. Вотъ я содержалъ російскую митропо-

лію, Богомъ мнѣ врученную, сколько Онъ хотѣлъ. Нынѣ же вижу, что я приблизился уже къ концу; только не знаю дня скончанія моего, и желаю при жизни моей найти мѣжа, могущаго по мнѣ пасти стадо Христово; не обрѣтаю же таковаго, кромѣ тебя одного. Вѣдаю же хорошо, что и великодержавные князья и всѣ люди, мірскіе и духовные, даже до послѣдняго возлюбятъ тебя, и не иного кого, какъ тебя, на престолъ митрополіи требовать будутъ, какъ достойнаго. По сему теперь, преподобный, прими санъ епископа; по моемъ же исходѣ престолъ мой воспримешь. — Преподобный же, слышавъ сіи глаголы, огорчился крѣпко; ибо считалъ себя недостойнымъ такого сана, и отвѣчалъ архіерею: прости меня, владыко, — ты выше моего мѣры хочешь наложить на меня бремя, но сему невозможно быть никогда. Ибо кто я грѣшникъ и худѣйшій паче всѣхъ людей, чтобъ дерзнуть коснуться такого сана? — Блаженный же Алексій, многія изрекъ слова святому отъ божественныхъ писаній, преклонялъ его къ волѣ своей. Но любитель смиренія не преклонился никакъ. Наконецъ отвѣтилъ говоря: владыко святой! Если не хочешь отгнать скудость мою отъ сихъ предѣловъ и отъ тебя самаго, — то не говори мнѣ болѣе о семъ, да и другому никому не позволяй, чтобы докучалъ мнѣ такими словами; потому что никто не найдетъ во мнѣ на то изволенія. — Архіерей же, видя святаго непреклоннымъ, пересталъ говорить ему о томъ, боясь, чтобы преподобный, соскучившись симъ, не ушелъ въ дальнія страны и пустыни, — и лишится Москва такого свѣтильника; утѣшивъ же его словами духовными, отпустилъ съ миромъ. Не по многомъ же времени иже во святыхъ Алексій митрополитъ отъ житія сего отиде, и опять блаженный Сергій былъ принуждаемъ моленіемъ великодержавныхъ князей и отъ всѣхъ людей, что-

бы принять престолъ митрополія російскія. Святый же, какъ твердый адамантъ, пребылъ непреклоненъ.

Проживъ же лѣтъ довольно въ великомъ воздержаніи и трудахъ, и много сотворивъ чудесъ, преподобный пришелъ въ глубокую старость. Отъ рожденія ему было уже 78 лѣтъ. Предусмотрѣвъ же, за шесть мѣсяцевъ впередъ, свое къ Богу преставленіе, призвалъ братію и вручилъ старѣйшинство надъ ними ученику своему именемъ Никону, который, хотя и молодъ былъ по лѣтамъ, но умъ его цвѣлъ сѣдинами, и во всемъ житіи онъ подражалъ учителю и наставнику своему, Сергію преподобному. Сего—то Никона Сергій игуменомъ поставивъ, самъ началъ безмолствовать. Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ впалъ въ недугъ тѣлесный, и уразумѣвъ конечное свое къ Богу отшествіе, призвалъ и поучилъ братію довольно. Благословеніе и прощеніе имъ преподавъ, въ самый часъ исхода причастился святыхъ таинъ, и тако святую свою душу предаде въ руки Божіи. Было же лице его свѣтло, не какъ мертвого, но какъ бы спящаго человѣка, что было известнымъ знаменіемъ свѣтлости его душевныя и здовоздаянія отъ Бога. И положено было честное тѣло его въ обители, въ которой онъ добръ подвизался. По тридцати же годахъ обрѣтены были святыя мощи его цѣлы и невредимы, и даже одеждамъ его не прикоснулось истлѣніе; благоуханіе же неизреченное исходило, и многія исцѣленія болящимъ подавались. Но и до нынѣ отъ честнаго его ковчега, какъ отъ источника, истекають цѣльбы всѣмъ, съ вѣрою притекающимъ. Ибо какъ въ жизни своей, такъ и по преставленіи, великій той чудотворецъ великія и неисчетныя творить чудеса, во славу Христа Бога нашего, Ему же честь и благодареніе во вѣки...

Итакъ вмѣсто поученія, мы рассказали вамъ въ день

преподобнаго Сергія важнѣйшія событія изъ его жизни, взявъ повѣствованіе о нихъ изъ миней четыхъ. Не знаю, какъ для кого, но для меня самого вышло изъ этого поученіе глубоко трогательное*). Не правда ли, житіе преподобнаго отца нашего Сергія переноситъ насъ въ новый для насъ, хотя и стародавній міръ, міръ другихъ людей, святыхъ людей,—другихъ возрѣній, святыхъ возрѣній,—другихъ обычаевъ, святыхъ обычаевъ, въ міръ отреченія отъ міра и себя, въ міръ святыхъ великихъ подвиговъ, въ міръ вольнаго неуклопнаго несенія креста Христова? Чувствуешь въ душѣ разнозвучіе гармоніи этого міра съ дисгармоніей нашего внутренняго и ви́шняго міра, и съ одной стороны мирно настраивается сердце умиленіемъ,—такъ вотъ взялъ бы крылья, яко голубинѣ, и полетѣлъ бы туда въ пустыню за 500 лѣтъ назадъ,—а съ другой надывается сердце, что по неволѣ приходится жить многмятежною жизнію своего вѣка...

Вотъ отрокъ Вареоломей уединенно ходитъ по пустынной дубравѣ, тоскуя, что ему тяжело дается книжное наученіе. Вотъ видитъ тутъ подъ деревомъ молящагося вѣковаго инока, кланяется ему, проситъ его молитвъ, чтобъ по молитвамъ его Богъ даровалъ ему, отроку Вареоломею, память и смыслъ. Вотъ Вареоломей, еще отрокъ, любитъ уже постъ и воздержаніе, дѣтскихъ игралнцъ бѣгаетъ, а присѣдитъ чтенію божественныхъ книгъ. Вотъ, по смерти родителей, благоразумный отрокъ Вареоломей, разсудивъ о краткости сего житія, раздаетъ все оставшееся послѣ родителей имѣніе, не оставляя себѣ на нужное пропитаніе ничего, и идетъ въ пустыню, тамъ складываетъ хижину и пребываетъ въ ней въ полномъ уединеніи, подвизаясь и молясь Богу непрестанно. 23-хъ лѣтъ принимаетъ постригъ

*) Многіе при произнесеніи обливались слезами.

во иночество и именуется именемъ Сергія. Въ монашествѣ трудится, умерщвляя плоть свою бдѣніемъ, постомъ и многоразличными трудами. Вотъ слава его подвижничества постепенно, но быстро растетъ и собираетъ около него цѣлую обитель иночествующихъ, которые собственною волею отдають себя подъ духовное его водительство. Вотъ идутъ христіане за сотни верстъ, чтобы только возрѣть на лице преподобнаго аввы, славнаго основателя Троице-Сергіевы лавры. Вотъ одинъ изъ таковыхъ, простой поселянинъ видитъ преподобнаго, въ худой раздранной одеждѣ, копающаго землю въ огородѣ, и не желаетъ признать въ немъ того дивнаго мужа, о славѣ котораго столько наслышался. Видитъ потомъ, какъ именитый князь прибылъ въ обитель Сергія принять его благословеніе, какъ князь кланялся ему въ ноги, потомъ оба присѣвъ вели бесѣду, а вся свита княжеская и старѣйшіе изъ монастырскихъ предстояли на ногахъ,—видитъ и просвѣтляются очи его для уразумѣнія, что истинная слава не въ роскошной одеждѣ и не въ пышной обстановкѣ, а въ истинной труднической подвижнической святости. Вотъ великій смиреніемъ старецъ знаменательно ввѣщаетъ простотѣ поселянина: не скорби, чадо, что ты ошибся обо мнѣ,—ты не ошибся, ты одинъ помыслилъ о мнѣ правду, говоря, что я ничто; прочіе же всѣ ошибаются, считая меня великимъ. Вотъ когда обитель преподобнаго Сергія стала очень уже велика и потребовала отъ настоятеля великой молвы,—онъ тайно оставляетъ обитель и бѣжитъ въ пустынное уединеніе, возвращается же назадъ только по неотступному моленію братіи и по настоятельному требованію святителя Алексія московскаго. Вотъ святитель Алексій, приближаясь къ смерти, зоветъ къ себѣ преподобнаго Сергія, возлагаетъ на его перси свой архіерейскій крестъ, украшенный золотомъ и

дорогимъ каменіемъ, и настаиваетъ, чтобы преподобный отецъ принялъ архіерейскій санъ; а тотъ отвѣтствуетъ святителю Божію: «прости меня, владыко,—отъ юности я не былъ златоносецъ, въ старости же хочу еще болѣе оставаться въ нищетѣ: ты выше моего мѣры хочешь наложить на меня бремя. Кто я грѣшный и худѣйшій паче всѣхъ человѣкъ, чтобы дерзнуть коснуться высокаго архіерейскаго сана?»—И когда святитель преклонялъ преподобнаго къ волѣ своей словами отъ божественныхъ писаній,—преподобный отвѣтствуетъ рѣшительно: «владыко святыи! Если не хочешь отогнать худость мою отъ сихъ предѣловъ и отъ тебя самого, не говори мнѣ о семъ».—По смерти святителя Алексія, блаженный Сергій былъ принуждаемъ принять на сѣдру руссійскія митрополія моленіемъ и великодержавныхъ князей, но пребылъ непреклоненъ.

А мы кто? Златоносцы, недостойные быть келейниками у преподобнаго, и носимъ сіи златотканныя одежды и тяготу и высокій долгъ архіерейства?! И больно намъ стало за наше недостойство..., когда мы читали все это изъ житія преподобнаго Сергія, въ сей честный его праздникъ.

Такъ какъ же? Можно ли носить золото и пышныя одежды и спастись, или нужно оставить свое служеніе, бѣжать въ уединенную пустыню, облечься въ рубище, отдаться тяжелымъ трудамъ землекопательства и прочимъ подвигамъ суровой монастырской жизни? Вотъ вопросъ. И постараемся освѣтить для себя его рѣшеніе, на основаніи слова Божія и священно-церковной исторіи.

Въ ветхомъ завѣтѣ мы видимъ рядъ святыхъ Божіихъ, патріарховъ, вождей еврейскаго народа, судей, царей, пророковъ. Патріархи Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ жили, по тому времени, въ большомъ достаткѣ, имѣли домочадцевъ, много скота, не мало золота. Патріархъ Іосифъ жилъ, какъ

первый вельможа при фараонѣ египетскомъ. Моусей воспитанъ былъ въ царской роскоши, какъ царскій сынъ; да и послѣ какъ вождь еврейскаго народа, не чуждался возможныхъ удобствъ жизни, равно какъ и вождь Иисусъ Навинъ, и пророкъ судія израильскаго народа Самуилъ. Ааронъ и преемники его первосвященники еврейскаго народа, получая значительную часть десятины, собираемой со всего еврейскаго народа, имѣли большое состояніе. Царь Давидъ, сынъ его Соломонъ жили въ царской роскоши. Царь Давидъ въ славѣ и богатствѣ видѣлъ одну изъ наградъ благочестія: *блаженъ мужъ, бояйся Господа, — слава и богатство въ дому его.* — Пророкъ Давидъ, позднѣйшій по времени изъ пророковъ, жилъ, какъ важнѣйшій изъ вельможъ необычайно пышныхъ и роскошныхъ царей персидскихъ. За то, въ другую сторону, великіе пророки Ілія и Елисей вели уже суровую, полную лишеній, подвижническую жизнь. Съ ихъ времени возникла среди еврейскаго народа аскетическая жизнь, которая, къ пришествію Христа на землю, развилась въ особые секты садукеевъ и ессеевъ. Величайшаго же подвижника какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта, въ средостѣіи между обоими завѣтами, видимъ въ лицѣ святаго славнаго пророка предтечи и крестителя Господня Іоанна, который, будучи единственнымъ сыномъ именитыхъ въ аароновомъ священствѣ и безъ сомнѣнія достаточныхъ родителей Захаріи и Елисаветы, отказался отъ всего наслѣдственнаго достоянія и ушелъ въ пустыню, гдѣ ѣлъ акриды, — т. е. саранчу и дикій медъ, одѣвался же въ верблюжью кожу, препоясанную ремнемъ поясомъ; опочивалъ, вѣроятно, въ горныхъ пещерахъ; а изъ пустыни перешелъ прямо въ Иродову темницу, гдѣ за высокое гражданское мужество, за правду, высказанную царю, кончилъ жизнь мученически; ему отсѣк-

ли голову, въ угоду нечистой плясавницѣ и ея еще болѣе нечистой кровожадной матери, положили голову на блюдѣ и подали Иродіадиной дочери среди пира, которая представила эту ужасную награду своей неистовой пляски своей недостойной матери. Въ этомъ ужасномъ дѣлѣ соприкоснулись, въ разныхъ освѣщеніяхъ, два міра, міръ подвижническій въ сіяніи чистоты и мученичества, а міръ обыкновенный, особенно же міръ царя и вельможъ, въ страшномъ отблескѣ адскаго пламени всякихъ нечистыхъ и ужасныхъ кровавыхъ страстей. Послѣ Іоанна Крестителя, не прерываясь съ его времени, развивается въ средѣ христіанства міръ аскетовъ, отшельниковъ, молчальниковъ, столпниковъ, Христа ради юродивыхъ, какъ въ греко-римскомъ, такъ и въ нашемъ русійскомъ государствѣ. Среди этого міра подвижники переходили отъ лишенія къ лишенію, отъ подвига къ подвигу, до предѣловъ почти невозможныхъ,—до того, что постились по 40 дней, да и въ прочіе дни вкушали пищу самую скудную; пили худую воду, ходили въ рубищахъ, едва прикрывающихъ наготу; спали крайне мало, всегда во внутреннемъ бдѣніи, сидя, или стоя на молитвѣ, а если и лежа, то на землѣ, на камени, много—что на рогожахъ, на древесныхъ листьяхъ и т. д. Столпники стояли почти всю жизнь. Юродивые волею волею любили терпѣть всякое поношеніе Христа ради, перенося ужасныя лишенія и поруганія. Этому направленію святые Божіи бѣгали всякихъ честей и въ церкви Божіей; а если и принимали высокія церковныя служенія, то не иначе, какъ по принужденію. Вотъ преподобнаго Сергія даже святитель Алексій не могъ принудить облачиться въ золотыя украшенія, естественныя въ высокомъ санѣ святительства,—не могъ принудить не только властію святителя, но и своимъ духовнымъ вліяніемъ на преподобнаго.

Но съ другой стороны рядомъ съ ликомъ подвижниковъ, отшельниковъ, пустынножителей, иноковъ, мы видимъ не менѣе свѣтлый и славный въ церкви Божіей ликъ святителей, благоугодныхъ Богу. Сіи святые Божіи, начиная со временъ равноапостольнаго императора Константина великаго, жили нерѣдко въ богато украшенныхъ палатахъ, носили по временамъ дорогія, во всякомъ же случаѣ приличныя сану и своему высокому положенію въ обществѣ одежды, обладали большими церковными и частными средствами, каковы святители константинопольскіе, начиная съ иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, — святители александрійскіе, начиная съ святыхъ Теофила и ирилла, особенно же римскіе, начиная съ иже во святыхъ Льва великаго и Григорія Двоеслова. Въ подобныхъ же условіяхъ жили и наши русскіе святые святители, особенно же московскіе. Такъ вотъ святой Алексій митрополитъ московскій, какъ показывается и въ житіи преподобнаго Сергія, носилъ драгоценные кресты на персяхъ своихъ, имѣлъ огромное, даже почти царственное вліяніе въ московскомъ княжествѣ, управлялъ большими богатствами своей митрополіи. Въ тѣхъ же условіяхъ святительствовали святые Іона и Филиппъ московскіе, блаженные памяти все-россійскіе патріархи Іовъ, Гермогенъ, Филаретъ, Никонъ, какъ и послѣдующіе русскіе іерархи. Но кромѣ аскетовъ монаховъ и святителей, видимъ еще третій родъ святыхъ благоугодившихъ Богу, царей, князей, бояръ, начиная съ равноапостольскаго императора Константина, а у насъ на Руси, начиная съ равно-апостольныхъ княгини Ольги и князя Владиміра и до Александра невскаго и до царевича Димитія, какъ и до нашихъ дней. Царственная обстановка, въ которой они жили, не помѣшала имъ не только войти въ царство небесное самимъ, но и указать ходъ къ небу другимъ.

Остановимъ благоговѣйный взоръ на ликъ самого Христа Спасителя. Родился Онъ въ Вифлеемѣ, какъ дитя бѣдной, хотя и славной по предкамъ Матери. Возрасталъ въ Назаретѣ также не въ богатствѣ, но и не въ нищетѣ, въ домѣ нареченнаго отца своего древодѣла Іосифа. Когда выступилъ на проповѣдь, Онъ не имѣлъ гдѣ главы преклонити. Но въ то же время не чуждался міра и дарованныхъ ему отъ Бога благъ. Носилъ одежду, имѣвшую свою цѣнность, — именно нешвенный хитонъ, который воинамъ жаль было разодрать у креста. Не отказывался отъ приглашеній къ учрежденіямъ достаточныхъ людей. Такъ присутствовалъ на бракѣ въ Канѣ галилейской. Принималъ угощеніе въ домѣ Симона фарисея, въ домѣ Закхея мытаря, въ домѣ Марѣи и Маріи. Магдалина и другія жены мѣроносицы служажу Ему отъ имѣній своихъ. Когда за нѣсколько дней до распятія, въ одномъ домѣ жена грѣшница пролила на главу Ему цѣлую стекляницу драгоцѣннаго мѣра и Іуда ропталъ на то, что монаше мѣро сіе продано быти на многѣ и датися нищимъ, — Господь Іисусъ сказалъ: не тревожьте ее; вездѣ, гдѣ будетъ проповѣдаво сіе евангеліе царствія, будетъ сказано и объ этой женщинѣ, которая, проливъ на Меня это мѣро, приготовила Меня къ погребенію. Да и погребенъ Онъ былъ по царски, богатыми и знатными мужами, хотя и умеръ какъ злодѣй ужаснѣйшею и позорнѣйшею смертію.

Какъ же быть? Отвергаться ли богатствъ и удобствъ жизни, чтобы спастись? Съ одной стороны, Христосъ Спаситель говоритъ: *неудобно богатымъ войти въ царствіе небесное, какъ верблюду пройти сквозь ушко иглы.* Юпитъ законнику сказалъ: *если хочешь быть совершенъ, иди, продай имѣніе свое и раздай нищимъ.* А съ другой стороны, когда Закхей мытарь сказалъ Господу: *вотъ полъ-имѣнія*

моего, Господи, я раздамъ нищимъ, и если кого чѣмъ обидѣлъ, возвращу четверницею,—Господь сказалъ Закхею: яко днесъ спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамль есть. Ибо Сынъ человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшаго. А не сказалъ Закхею: продай все, раздай имѣніе нищимъ, ступай въ пустыню. Сіе совершенство, совершенство нестяжательности, какъ и другія евангельскія совершенства, могій вмѣстити да вмѣститъ, по слову Спасителя. И за тѣмъ здѣсь же у Закхея Господь изрекъ притчу о царѣ, который раздалъ рабамъ своимъ разное количество талантовъ, для того, чтобъ они пускали свои таланты въ оборотъ и получали прибыль. Сіи таланты здѣсь въ этой притчѣ, сказанной при такихъ обстоятельствахъ, означали во-первыхъ блага міра сего, которыми надѣляетъ Богъ разныхъ людей въ разной мѣрѣ, для того, чтобъ они, пускавая свое достояніе въ оборотъ, т. е. творя милостыню и разнаго рода дѣла благотворенія, приобрѣтали чрезъ это блага міра горняго, блага вѣчныя для себя самихъ. Что сказано Марѣѣ и Маріи о благахъ міра сего, то сказано всему человѣчеству: *Марѣо, Марѣо! печешися и молвиши о мнозѣ. Едино же есть на потребу. Марія же благу часть избра,*—слушаніе слова Божія,—*которая не отыметъ отъ нея.* Всякое житейское попеченіе, да, необходимо, неизбѣжно, въ обыкновенной мірской жизни; но существенно потребно для человѣка только одно,—питаніе хлѣбомъ духовнымъ, словомъ Божиимъ. *Ищите прежде царствія Божія и правды его,*—внушаетъ Христосъ всѣмъ намъ,—*и сія вся,* все необходимое для жизни, *приложатся вамъ.* Не сказано: совсѣмъ не ищите необходимаго для жизни, но сказано: ищите прежде царствія Божія, а потомъ уже ищите и способовъ удовлетворять жизненной нуждѣ. Такъ и въ молитвѣ Господней Іисусъ Христосъ научаетъ

насъ молить Отца небеснаго прежде о томъ, да святится въ насъ имя Божіе, да придетъ въ насъ царствіе Божіе, да будетъ надъ нами и въ насъ воля Божія, а за тѣмъ уже просить и о хлѣбѣ: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь...* А вотъ если кто печется только о житейскомъ, думаетъ только о богатствѣ, кто утопаетъ въ удовольствіяхъ, не заботясь о душѣ, вотъ это Богу противно. Богачу, мечтавшему о томъ, что сотворю? *Имамъ блага многа лежаща на лѣтѣ долга. Вотъ что съплаю. Разорю житницы мои и большія построю. И тогда реку душѣ моей: яждь, пій и веселися,*—сему богачу рече Богъ: *безуми! въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе; а яже уютозалъ еси, кому будутъ?*—Другой евангельскій богачъ всегда облачался въ порфиру и виссонъ, веселился на вся дни свѣтло. Умре же богатый, и пышно погребли его. Но съ пышнаго ложа смерти и неменѣе пышной погребальной колестницы, или же пышныхъ смертныхъ носилокъ, ему пришлось перейти въ адское пламя и оттуда стонать къ небу: *яко стражду во пламени семъ.*

Что же дѣлать? Бѣжать ли всѣмъ въ пустыню? Нѣтъ, отвѣтствуетъ св. апостоль Павелъ. *Только каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ, и каждый, какъ Господь призвалъ.* Такъ св. апостоль не только заповѣдуетъ, но и повелѣваетъ по всѣмъ церквамъ. Въ какомъ званіи кто призванъ, братіе, въ томъ каждый и оставайся предъ Богомъ. Я вамъ сказываю, братіе, время жизни коротко, такъ что и радующіеся должны быть, какъ не радующіеся; и покупающіе, какъ не пріобрѣтающіе, и пользующіеся міромъ симъ, какъ не пользующіеся. Преходитъ бо образъ міра сего (1 Кор. 7, 17—31). Аминь.

1877 г.

ПОУЧЕНИЕ

въ день святаго апостола и евангелиста Іоанна Бгослова, предъ открытіемъ отдѣла православнаго миссіонерскаго общества въ херсонской епархіи.

Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, убоице ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. Шедше въ міръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари (Матѣ. 28, 19—20; Марк. 16, 15).

Проповѣдать евангеліе Христово всей твари словомъ Христовымъ обязываются всѣ ученики Христовы, не только апостолы, не только пастыри, но и всѣ члены церкви, всѣ вѣрующіе во Христа. Откуда это видно?

Кому изречены Христомъ эти слова: *шедте научите вся языки*? Изречены единонадесяти апостоламъ, и уже въ ихъ лицѣ изречены всей церкви. Но сверхъ того толковники не безъ основанія полагаютъ, что сіи слова воскресшаго Христа первоначально и обращены были только во первыхъ къ лицу единонадесяти, а затѣмъ обращены къ лицу и всего состава церкви, который заключалъ въ себѣ болѣе пятисотъ братій, увѣровавшихъ во Христа; обращены къ собору болѣе пятисотъ братій.

Такъ св. апостолъ Павелъ передаетъ намъ, какъ и

самъ принялъ, что Иисусъ Христосъ, умершій за грѣхи наши по писаніямъ и будучи погребенъ, и воскресши въ третій день по писаніямъ, явился Кифѣ—Симону Петру (о чемъ также упоминается въ евангеліи отъ Луки); потомъ (въ первый разъ) явился двѣнадцати апостоламъ, точнѣе единонадесяти (о чемъ упоминается во всѣхъ евангеліяхъ); потомъ явился болѣе нежели пятистамъ братій, изъ которыхъ большая часть до нынѣ (до времени написанія перваго посланія къ Коринѣянамъ) остаются въ живыхъ, нѣкоторые же и почилъ сномъ смерти; потомъ явился Іакову, также всѣмъ апостоламъ (въ послѣдній разъ). *А послѣ всѣхъ явился и мнѣ*, —заключаетъ св. апостолъ Павелъ (1 Корин. 15, 1—8). Когда и какъ воскресшій Господь явился апостолу Павлу, это мы знаемъ; объ этомъ повѣствуется въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ. Когда и какъ въ послѣдній разъ явился всѣмъ апостоламъ, объ этомъ пишется у двухъ евангелистовъ, Марка и Луки, и въ книгѣ Дѣяній: явился въ Іерусалимѣ предъ самымъ вознесеніемъ. Когда и какъ явился апостолу Іакову, ни въ евангеліяхъ, ни въ Дѣяніяхъ не упоминается; а только у церковнаго историка, Евсевія епископа кесарійскаго, записано преданіе, что воскресшій Господь явился Іакову, брату своему по плоти, предъ самымъ вознесеніемъ своимъ, и предалъ ему Іакову собственный свой престолъ въ Іерусалимѣ, почему Іаковъ и остался первымъ епископомъ іерусалимскимъ въ церкви апостольской, —самъ Господь поставилъ его епископомъ въ Іерусалимѣ. Когда же и какъ явился Воскресшій великому сонму своихъ учениковъ, именно болѣе нежели пятистамъ братій, ни въ евангеліяхъ ни въ Дѣяніяхъ не объясняется. Полагаютъ, что это явленіе Воскресшаго произошло не въ Іерусалимѣ, но въ Галилеѣ.

По евангелію отъ Маттея произошло это такъ. Когда по прошествіи субботы—покоя Господня во гробѣ, на разсвѣтъ перваго дня недѣли, пришли святыя жены мѣроносицы посмотрѣть гробъ, и увидѣли свѣтоноснаго ангела, сидѣвшаго на отваленномъ отъ дверей гроба камнѣ, то ангель, обративъ рѣчь къ женамъ, сказалъ: *не бойтесь, вы ищите Иисуса распятаго. Его нѣтъ здѣсь; Христосъ воскресъ, какъ предсказывалъ. Пойдите, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь. И пойдите скорѣе, скажите ученикамъ Его, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и предваряетъ васъ въ Галилею; тамъ Его увидите.*—И вышедши поспѣшно изъ гроба, онѣ, со страхомъ и радостію великою, побѣждали возвѣстить ученикамъ Его. И се Іисусъ встрѣтилъ ихъ и сказалъ: *радуйтесь.* И онѣ приступивъ ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говорить имъ Іисусъ: *пойдите возвѣстите братіямъ моимъ, чтобъ шли въ Галилею; и тамъ они увидятъ Меня.*

Очевидно, что явленіе въ Галилеѣ было особенно знаменательно, знаменательнѣе всѣхъ прочихъ явленій. Такъ ангель, сидѣвшій у гроба, не нашелъ нужнымъ предварить женъ мѣроносицъ, что вотъ сію минуту онѣ сами узрятъ Воскресшаго, а предваряетъ, что всѣ ученики должны идти въ Галилею, гдѣ всѣ и узрятъ Воскресшаго. Ни ангель, ни самъ Воскресшій не нашли нужнымъ предварить женъ мѣроносицъ о предстоящихъ явленіяхъ Воскресшаго Симону Петру,—это явленіе совершилось въ первый день,—или двумъ Эммаусскимъ путникамъ въ первый же день,—даже десяти апостоламъ, за исключеніемъ Θомы, сущу поздѣ въ день тойже, въ первый же день воскресенія, равно какъ и въ осьмый день, день явленія единонадесяти со включеніемъ и Θомы, равно какъ и семи ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ, уже въ Галилеѣ, гдѣ присутствовали два

ученика, повидимому, не принадлежавшіе къ числу еди-
надесяти; значить, шесть изъ едионадесяти отсутствовали,
тогда какъ явленіе Господа въ Галилеѣ должны были ви-
дѣть всѣ едионадесять. Находятъ же нужнымъ и ангелъ
и самъ Воскресшій предварить о явленіи всѣмъ ученикамъ
именно въ Галилеѣ; при чемъ Господь повелѣваетъ учени-
камъ идти именно на извѣстную гору, которая по преда-
нію и до сего дня указывается, какъ гора явленія Воскрес-
шаго всѣмъ ученикамъ. Безъ сомнѣнія, самъ же Господь
предуказалъ и время своего явленія на сей горѣ.

Едионадесять, а безъ сомнѣнія, и другіе съ ними
пошли къ назначенному сроку на названную гору въ Га-
лилеѣ изъ Іерусалима, а другіе ученики собрались туда
же изъ самой Галилеи. Такъ какъ и ангелъ и самъ Вос-
кресшій повелѣли женамъ мѣроносицамъ возвѣщать о пред-
стоящемъ явленіи Воскресшаго именно въ Галилеѣ; такъ
какъ жены мѣроносицы, ходившія за Іисусомъ именно изъ
Галилеи, вѣроятно, послѣ перваго дня воскресенія, возвра-
тились на мѣста своего жительства, возвѣщая о предстоя-
щемъ явленіи Воскресшаго; такъ какъ послѣ осьмаго дня
по воскресеніи отпавились въ Галилею же и едионадесять
апостоловъ, которые почти всѣ были Галилеяне же, и про-
живая тамъ возвѣщали же, безъ сомнѣнія, о предстоящемъ
явленіи Воскресшаго на извѣстной, самимъ Господомъ ука-
занной горѣ, въ извѣстное время,—то, безъ сомнѣнія, сюда
къ указанному сроку собрались не только всѣ едионаде-
сять апостоловъ, но и всѣ братія Господни, какъ по плоти,
которые всѣ и проживали въ Галилеѣ, такъ и по духу,
всѣ учившіеся у Него и болѣе или менѣе увѣровавшіе въ
Него при жизни, но соблазнившіеся таинственнымъ уче-
ніемъ Его о необходимости вкушать тѣло и пить кровь
Его, о предстоящей Ему крестной смерти по плоти, кото-
рую Онъ отдаетъ за жизнь міра.

Св. евангелистъ Іоаннь (гл. 6) повѣствуетъ, что по чудесномъ насыщеніи пяти хлѣбами пяти тысячъ народа, галилеяне, въ окрестностяхъ Капернаума, желая отъ Господа Іисуса чудесъ, говорили Ему: *какое Ты дашь намъ знаменіе, чтобъ мы увидѣли и повѣрили Тебѣ? Отцы наши ѣли манну въ пустынь. А Ты что дѣлаешь? А когда, по выслушаніи таинственной рѣчи Его о плоти Его, какъ хлѣбъ небесномъ, и крови, какъ необходимомъ животворящемъ питіи, они стали роптать, — то Господь сказалъ имъ: это ли соблазняетъ васъ? Что же, если увидите Сына человеческого восходящаго туда, гдѣ былъ прежде — на небо, восходящаго чрезъ ужасную и позорную смерть? Съ сего времени, — замѣчаетъ св. евангелистъ, — многіе изъ учениковъ Его отошли отъ Него, и уже не ходили съ Нимъ до воскресенія. Понятно, что и Господь не могъ оставить всѣхъ этихъ маловѣрныхъ и соблазненныхъ Имъ учениковъ своихъ безъ особаго попеченія о возбужденіи снова вѣры ихъ. И сами они не могли остаться равнодушны къ радостной, хотя и странной вѣсти, что распятый Іисусъ воскресъ и явится ученикамъ въ Галилеѣ на такой-то горѣ, въ такой-то часъ. Іудеи неоднократно просили Его показать имъ знаменіе, и Онъ говорилъ, что знаменіе не дается имъ, кромѣ знаменія Іоны пророка, кромѣ тридневнаго воскресенія Іисуса Христа. Теперь вотъ и предстояло показать это знаменіе не токмо единонадесяти апостоламъ, но и прочимъ ученикамъ, изъ которыхъ одни были вѣрующіе, другіе полувѣрующіе, третьи даже сомнящіеся, какъ и въ самую минуту сего торжественнаго явленія Воскресшаго нѣкоторые усумнились, чего единонадесяти, уже не единожды зрѣвшимъ Воскресшаго, никакъ приписать нельзя.*

Потому-то и полагаютъ, что это торжественное, такъ нарочито предвозвѣщенное и предназначенное явленіе въ

Галилеѣ, въ такомъ то самымъ Господомъ предубазанномъ мѣстѣ и въ опредѣленный часъ, и было то самое явленіе, о которомъ точнѣе упоминаетъ св. ап. Павелъ, говоря, что Господь Іисусъ явился здѣсь болѣе нежели пятистамъ братій. И увидѣвъ Его, она, всѣ ли, большая ли часть поклонились Ему; а иные усумнились. И приблизившись, Іисусъ сказалъ имъ: *дадеса Ми всяка власть на небеси и на земли. Шедше убо научите вся языки.*

Выходитъ такимъ образомъ, что Господь повелѣлъ учить всѣ народы, во всемъ мірѣ, всѣмъ своимъ ученикамъ, а не только апостоламъ; повелѣлъ не только пастырямъ церковнымъ, но и всѣмъ членамъ церкви. Несомнѣнно также, что и нагорную свою бесѣду о блаженствахъ Господь Іисусъ обращалъ къ лицу всѣхъ своихъ учениковъ. Но въ этой бесѣдѣ къ лицу всѣхъ христіанъ Господь обращаетъ и слѣдующія слова: *вы есте свѣтъ міра. Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ людьми, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ. Иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человекъ, мній наречетсѣ въ царствіи небесныхъ; а иже сотворитъ и научитъ, сей велиій наречетсѣ въ царствіи небесныхъ.* Святый первоверховный апостолъ Петръ внушаетъ всѣмъ христіанамъ: *вы родъ избранный, царственное священство, народъ святой, люди взятые въ удѣлъ, дабы возвѣщать совершенство Призвавшаго васъ изъ тмы въ чудный свой свѣтъ* (1 Пет. 2, 9). Значить, и по Петрову слову, всѣ христіане обязаны возвѣщать совершенство Господа, призвавшаго насъ изъ тмы въ чуждый свой свѣтъ. Точнѣе строеніе церкви свѣдуетъ представлять такъ, что долгъ и право учительства, священнодѣйствія и чиноправленія церковнаго Основатель и Глава церкви предоставилъ всему тѣлу церкви, но во

первыхъ св. апостоламъ и всему церковному пастырству (Еф. 4, 1—16). Тѣмъ не менѣе участіе въ семъ правѣ и долгѣ принадлежитъ и всякому члену церкви. Всякому члену церкви, въ кругѣ его вліянія, принадлежитъ право и долгъ во первыхъ учительства, въ живомъ общеніи тѣла Христова, въ закономѣрномъ соподчиненіи однихъ членовъ тѣла другимъ, меньшихъ старѣйшимъ и главенствующимъ. Всякій вѣрный обязуется заботиться о распространеніи евангелія Христова.

Евангеліе Христово распространялось и распространяется двойко: съ одной стороны служеніями исключительными въ исключительныхъ обстоятельствахъ, а съ другой обыкновенными въ обстоятельствахъ обыкновенныхъ. Обстоятельства исключительныя вызывались въ эпохи, въ которыя цѣлыя общества и народы возбуждались Промысломъ къ особо ревностному и быстрому принятію и распространенію евангельской проповѣди, каковы были эпохи пришествія на землю Господа Іисуса Христа, для спасенія всего рода человѣческаго; каково было время равноапостольнаго царя Константина для греко-римской вселенной; каково было время и святаго равноапостольнаго князя Владиміра для славяно-русскаго народа. Кто распространялъ евангеліе Христово въ эти исключительныя эпохи? По волю Промысла, даже въ исключительныхъ обстоятельствахъ исключительное служеніе въ распространеніи евангелія несли не только святые апостолы, не только ближайшіе преемники ихъ, поставленные ими пастыри и учителя церковные, епископы, пресвитеры и діаконы, но и міряне, и не только мужи, каковы равно-апостольный царь Константинъ, или святой равно-апостольный Кириллъ философъ, учитель словенскій, нашъ святой равно-апостольный князь Владиміръ, святой великомученикъ Георгій Побѣдо-

носецъ и тысячи другихъ мучениковъ, но и жены, каковы святая равно-апостольная жена мѣроносица Марія Магдалина, святая царица Александра и другія святыя мученицы, святая равно-апостольная царица Елена, святая Нона, просвѣтительница Грузіи, и наша русская святая блаженная княгиня Ольга. Въ обыкновенныхъ же житейскихъ условіяхъ обязаны проповѣдывать евангеліе и проповѣдывали, какъ и нынѣ проповѣдуютъ все члены христіанскаго общества. Проповѣдывалъ мужъ вѣрный, спасавшій вѣрою Христовою свою жену невѣрну. Проповѣдывала жена вѣрная, спасавшая вѣрою Христовою мужа невѣрна (1 Кор. 7, 12—16). Проповѣдуютъ родители, которые поучаютъ вѣрѣ Христовой и содержатъ въ страхѣ Божіемъ своихъ дѣтей. Проповѣдуетъ всякій рабъ Христовъ, который горитъ среди міра, какъ свѣтильникъ вѣры, поставленный на свѣщникъ. Проповѣдуютъ все члены церкви, изъ которыхъ каждый, присоединяя свое свѣщеніе вѣрою къ общему, разводятъ и поддерживаютъ въ мірѣ животворное пламя того божественнаго свѣта, о коемъ самъ Христосъ сказалъ всему міру: *такъ да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ людьми, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесахъ.*

У насъ на святой Руси, по устроению Промысла, именно міряне были даже передовыми двигателями принятія и распространенія вѣры Христовой, а не духовные, каковыхъ сперва на Руси и не было. Первою двигательницею этой религіозной перемены была святая праведная жена, блаженная княгиня Ольга, которая за вѣрою и крещеніемъ ходила даже въ Царь-градъ, а за нею подвигся въ Херсонесъ затѣмъ же, за вѣрою и крещеніемъ, и благовѣрный внукъ ея, святой равноапостольный князь Владиміръ съ своею дружиною. Этимъ первоначаломъ появленія хри-

стіанства на Руси опредѣлился характеръ распространенія его и на послѣдующія времена. Такъ у насъ спервоначала въ языческую страну, словенскую ли, инородческую ли, шелъ князь съ дружиною, шелъ воинъ съ своимъ мечемъ воевать и покорять. За ними шелъ промышленный русскій человѣкъ торговать и добывать. Тотъ и другой вели съ собою священника удовлетворять духовнымъ нуждамъ сперва своихъ, затѣмъ подводить подъ благое иго евангелія Христова и чужихъ, словенина ли язычника, инородца ли идолопоклонника. За ними или съ ними шелъ и инокъ отшельникъ въ необитаемую пустыню спасать свою душу; а спасая свою душу, онъ загорался въ пустынѣ тѣмъ же духовнымъ свѣтомъ, о которомъ Христосъ провозгласилъ: *такъ да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ людьми*. На этотъ свѣтъ духовный обращались очи, умы и сердца окружающихъ дикарей, какъ на свѣтъ вещественный въ пустынѣ устремляются очи лѣсныхъ звѣрей. Все живое ищетъ свѣта. За воиномъ, торговымъ человѣкомъ, священникомъ и монахомъ—отшельникомъ двигалась въ дикую страну русская осѣдлость съ русскою церковью, со всеѣмъ причетомъ церковнымъ, съ русскою вѣрою и русскимъ духомъ. А русская осѣдлость, со всеѣмъ ея духомъ и строемъ, привлекала языческія народности, обращала ихъ ко Христу и совершенно претворяла ихъ по душѣ, да даже и по тѣлу, по укладу жизни и даже обличію, въ православныхъ русскихъ людей; а всю русскую землю, заповененную язычниками славянами и даже инородческими племенами, превращала какъ и продолжаетъ превращать въ святую православную Русь.

Такъ сливается, но пока еще не вполне слилась съ святою Русью и пространная Сибирь. Первымъ изъ русскихъ проникъ въ нее именитый русскій воитель, присно-

памятный Ермакъ Тимофеевичъ; а за нимъ вдвинулось туда все строеніе русскаго царства, съ крестомъ Христовымъ и евангеліемъ, вѣрою и церковію православною. Но всякій видитъ и знаетъ, что мечъ воителя связываетъ народы только внѣшнимъ принужденіемъ. Духовно же братаетъ людей единая вѣра и сопутствующее ей единокровное родство. Мечомъ мы покорили въ Сибири и за Сибирью громадныя пространства земли, и живущія на нихъ многочисленные и разнородныя племена; но духовнымъ союзомъ вѣры еще многихъ тамъ не связали, почему и кровнымъ родствомъ съ собою не слили, и вообще мало еще себѣ, своему народному характеру, уподобили (ассимилировали). Прострая нива Божія тамъ созрѣла къ жатвѣ уже. И дѣлателей для нея нельзя сказать, что мало. Чего же недостаетъ? Недостаетъ способовъ къ содержанію дѣлателей, недостаетъ способовъ къ поддержанію ихъ дѣланія. А затрудненій премного. А равнодушіе къ обращенію язычниковъ, даже среди Россіи, не говоря о Сибири, возрастаетъ вмѣстѣ съ охлажденіемъ ревности по вѣрѣ, вмѣстѣ съ упадкомъ святой вѣры въ сердцахъ. Спаситель говоритъ намъ и доннынѣ: *шедше научите вся языки. Шедше въ міръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари.* А мы сидимъ дома равнодушные, погруженные каждый въ свои дѣла и заботы, а о томъ намъ и думы мало, что тамъ вдали, да и около насъ вблизи наши братья сидятъ во тмѣ и сѣни смертной и пока еще, къ безпредѣльному стыду нашему, кланяются идоламъ и всякимъ кумірамъ даже до сего дня.

Потому-то, по сочувственному соизволенію нашихъ христіанскихъ царей и царицъ, великихъ князей и княгинь, по мысли лучшихъ русскихъ людей, по настоянію именитаго проповѣдника евангелія на крайнихъ восточныхъ оконечностяхъ нашего отечества, соревнователя апо-

стольской ревности, въ Божѣ почившаго Иннокентія, митрополита московскаго, въ сердцѣ русскія земли—въ Москвѣ основано такъ называемое миссіонерское общество. Основано съ тѣмъ, чтобы отдѣлы его распространились во всѣхъ концахъ православной Россіи; съ тѣмъ, чтобы члены его соревновали ревности апостольской въ проповѣданіи евангелія народамъ не вѣдующимъ Христа, или отвергающимъ Его; съ тѣмъ, чтобы всякъ, кто не можетъ самолично проповѣдывать такимъ народамъ имя Христово, помогалъ во имя Христово трудяющимся въ семъ великомъ и святомъ дѣлѣ, по мѣрѣ своего усердія, dobroхотными подаяніями.

Празднуемый нынѣ возлюбленный ученикъ Христовъ, святыи апостолъ и евангелистъ Іоаннъ Богословъ пишетъ: *любовь Божію къ намъ познали мы въ томъ, что Христосъ положилъ за насъ душу свою. Поэтому мы должны полагать свои души за братьевъ. А кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое,—какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія? Дѣти мои! Станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною. И вотъ почему узнаемъ, что мы отъ истины.* (І Іоан. 3, 16—18). Да, мы знаемъ, что Христосъ возлюбилъ насъ и положилъ свою душу за спасеніе наше. Знаемъ и то, что древніе благовѣстники евангелія полагали души свои за Христа, за славу Его и за спасеніе братіи, каковы всѣ апостолы; каковъ и празднуемый нынѣ, возлюбленный ученикъ Христовъ Іоаннъ, который за имя Христово испилъ чашу съ ядомъ, хотя, по слову Христову, сіе смертное питіе и не повредило св. апостолу, и сверхъ этого претерпѣлъ заточеніе; не претерпѣлъ же, какъ всѣ прочіе апостолы, также и смертную казнь единственно только по особому о немъ обѣтованію Господа. Такъ и всѣ мы обязуемся лю-

бить Христа и братію, до долга полагать за нихъ и души свои. А мы что же?! Имѣя мірской достатокъ и видя брата своего, который требуетъ свѣта духовнаго, просвѣщенія Христовою вѣрою, холодно затворяемъ сердце свое, и скушимся положить къ лодножію Христа не душу свою, а скудную ленту свою. Да и равнодушны. Остыла ревность по Богѣ. Какъ же послѣ этого пребываетъ въ насъ любовь Божія? И вотъ не мы просимъ, а святыи апостолъ и евангелистъ Іоаннъ, чтобы тронуть сердца наши, упрямиваетъ насъ словомъ и голосомъ отца: *дѣти мои! не любимъ словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною.* И поэтому-то вотъ узнаемъ сами, увѣдають Бога и люди, что мы отъ истины, что мы истинно любимъ Бога и Христа, что мы истинные ученики Христовы. На всю совокупность церкви самъ Христосъ возложилъ долгъ идти въ міръ весь и, распространяясь во всемъ мірѣ, проповѣдать евангеліе всей твари. Идти въ міръ съ проповѣдію евангелія, по условіямъ вашей жизни, вы не можете. Такъ подайте же вашу ленту на святое дѣло евангельской проповѣди. Сія лепта ваша проникнетъ во всѣ концы міра и пронесетъ туда имя Христа и славу Его; пронесетъ и нашу добрую славу, показавъ всему міру, что любовь ко Христу и вѣра въ Него въ насъ не изсякли; что мы не напрасно носимъ имя христіанъ; что мы истинные ученики Христовы. Тогда и сами мы узнаемъ, почувствовавъ слѣдко въ своемъ сердцѣ, что мы отъ истины, что мы любимъ Бога и Христа Его, и любимъ не словомъ только или языкомъ, но дѣломъ и истиною. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

въ день явленія Казанскія иконы приснодѣвы Богоматери, послѣ побѣды, одержанной надъ турками подъ Телищемъ.

Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ (Филип. 2, 5—11).

Такъ начинается чтеніе изъ апостола, которое обыкновенно возглашается почти во всеѣ богородичные праздники. Повторимъ это чтеніе и вдумаемся въ него. Вдумаемся въ то, что хочетъ внушить намъ св. апостолъ, что хочетъ внушить и св. церковь, предлагая это чтеніе именно въ богородичные праздники, что есть въ немъ относящагося къ пречистой Дѣвѣ Богоматери?

Сіе да мудрствуется въ васъ, пусть будутъ въ васъ тѣже помыслы, тѣ чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ. Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хищеніемъ для себя быть равнымъ Богу. Но самъ себя уничижилъ, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ по всему челоѣкамъ, и по виду ставъ какъ челоѣкъ. Смирилъ себя, бывъ послушнымъ даже до смерти и смерти крестной. Посему и Богъ превознесъ Его, и далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Іисуса преклонилось всякое колено небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ

существа, и всякій языкъ исповѣдалъ, что Иисусъ Христосъ есть Господь во славу Бога Отца.

Въ этомъ чтеніи изъ апостола божественно-возвышенными духоносными чертами изображаются два состоянія Сына Божія, Искупителя нашего,—такъ называемыя, на освященномъ богословскомъ языкѣ, состоянія уничиженія и прославленія.

Вникните. Вотъ основныя черты перваго состоянія, уничиженія. Представьте, вотъ вѣчный, неопиcуемый, невообразимый недомислимый, безконечный Богъ Отецъ. Отъ Него родился и въ лонѣ Его почиваетъ превѣчный Сынъ. Сынъ совершенно точное отраженіе безпредѣльнаго, невообразимаго, неизобразимаго Бога Отца. *Никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ*, говоритъ самъ Сынъ Божій. Мы не имѣли бы никакого познанія о Богѣ, еслибы Богъ не отразился въ превѣчномъ Сынѣ, который далъ намъ не только свѣтъ и разумъ, но и самое бытіе, вмѣстѣ съ разумомъ, отраженіемъ превсочайшаго Разума, превѣчнаго Слова Божія. Богъ Отецъ безпредѣленъ, невообразимъ, неизобразимъ; точно также и Сынъ Божій, какъ вѣрнѣйшій образъ Бога, неизобразимъ въ существѣ божества своего, невообразимъ, безпредѣленъ. Онъ по всему равенъ Богу Отцу. Таки было отъ вѣка.

Но отъ вѣка же Сынъ Божій вступилъ въ недомыслимый, предвѣчный совѣтъ съ Богомъ Отцемъ, вступилъ въ завѣтъ быть не только Творцомъ Зиждителемъ, но и Промыслителемъ и Искупителемъ человѣка. Съ этого предвѣчнаго Совѣта между тремя ипостасями Тріединаго Бога началось уничиженіе втораго лица Святыя Троицы, Сына Божія, превѣчнаго творческаго промыслительнаго и искупительнаго Слова Божія. Уничиженіе началось уже съ самаго созданія человѣка, такъ какъ Сынъ Божій, который имѣлъ

отъ вѣка право, не считалъ для себя безправіемъ, восхищеніемъ права быть равнымъ Богу,—совершенно равный существу безконечнаго Бога Его образъ,—Сынъ Божій благоволилъ отразить себя въ ограниченномъ образѣ созданнаго Имъ міра и еще тѣснѣе съ одной стороны, хотя съ другой и существеннѣе, въ образѣ разумнаго человѣка. Творческое Слово, нѣкоторымъ образомъ, снизошло до уменія, до уничиженія себя уже тѣмъ, что отразило себя въ ограниченномъ образѣ міра и разумнаго человѣка, подобно тому какъ солнце является въ маломъ видѣ въ малой каплѣ воды. Но этого мало. Человѣкъ палъ и безобразіе его паденія отразилось отъ образа на божественный первообразъ, на Агнца Божія, закланнаго прежде сложенія міра, взявшаго на себя грѣхъ міра отъ вѣка, прежде сотворенія міра. Но и этого мало, что Сынъ Божій взялъ на себя самого безобразную вину грѣха. Милосердіе Божіе могло простить грѣхъ, но правда Божія требовала равномернаго внятія воздаянія. И Сынъ Божій, волею волею, взялъ на себя не только умилостивить милосердіе Божіе, но и дѣйствительно заплатить за грѣхъ человѣка правдѣ Божіей. Для сей цѣли Онъ преклонилъ небо и сниде. Препланилъ самого себя, самъ превысочайшій и безпредѣльный, и низшелъ въ крайнюю ограниченность,—во чрево пречистой Дѣвы Богоматери; по закону сверхъ—человѣческому зачался, но по естественному закону возрасталъ въ матерней утробѣ и изшелъ изъ нея; изшелъ не на царскій престолъ, а въ скотскія ясли, въ жалкомъ вертепѣ, окруженный всѣмъ, что было въ природѣ самаго бѣднаго, простаго и служебнаго, пастухами, скотами... Родился въ образѣ раба, раба не только Царя царствующихъ, какъ Его созданія, но раба и Кесаря Августа, и даже Ирода царя іудейскаго, принявъ все немощи человѣческаго естества,

всѣ немощи человѣческаго младенчества, да и того еще окруженнаго условіями крайней бѣдности и безиріютности, особенно въ первые дни по рожденіи въ Вифлеемѣ, на пути въ Іерусалимъ, въ бѣгствѣ въ Египетъ, въ скитальчествѣ по Египту, до страшливаго возвращенія въ Назаретъ, мѣсто жительства мнимаго отца Іисусова Іосифа. Не говоримъ о томъ, что прославленіе Искупителя сопровождало Его уничиженію, что божественная слава сопровождала всѣ степени дивнаго низшества Сына Божія. А показываемъ только степени низшества. Возрасталъ Сынъ Божій, какъ мнимый сынъ древодѣла, плотника, Іосифа, среди многочисленной и бѣдной семьи. А выступивъ на проповѣдь евангелія, въ три съ половиною года вытерпѣлъ бездомность, отреченіе отъ всякой собственности, поношенія, гоненія и ненависть, которая, изъ года въ годъ возрастая и усиливаясь, окрѣпла наконецъ до того, что вознесли невиннаго на крестъ... Въ тяжкіе дни, часы и минуты своихъ страстей Сынъ Божій вытерпѣлъ все, что только можетъ вытерпѣть человѣкъ самаго мучительнаго, унижительнаго и позорнаго: вязаніе веревками, публичное хожденіе съ веревкою на шеѣ, многократное осужденіе на смерть, оплеваніе даже въ лице, заушенія, разныя бичеванія, унижѣннѣйшія поруганія, обнаженіе предъ глазами всѣхъ, пригвожденіе ко кресту, возмутительнѣйшія оскорбленія даже въ минуты предсмертнаго томленія... Это все. Онъ вынесъ, какъ человѣкъ, ужаснѣйшія страданія человѣчeskія. Но подъ ними скрывались еще другія недомыслимыя страданія, которыя Онъ вынесъ и могъ вынести только одинъ, какъ Богочеловѣкъ. Вникните. Въ Немъ, какъ Богочеловѣкъ, всякое Его дѣяніе, помышленіе, ощущеніе, расширялось на всю вѣчность, на всю божественную Его безпредѣльность. Въ Его предсмертномъ воплѣ: *Божже мой! Божже мой! вскую Мя оставилъ еси?* совмѣщена безпре-

дѣльная вѣчность. Испуская этотъ непостижимый вопль, Сынъ Божій, Богочеловѣкъ, оставленный Богомъ Отцомъ, выпилъ полную чашу гнѣва Божія,—чашу оставленія разгнѣваннымъ Богомъ преступнаго человѣка, которое должно было простираться на всю безконечную вѣчность... Послѣ грѣхоспаденія Богъ *оставилъ* человѣка, долженъ былъ оставить на всю вѣчность... И если не *оставилъ*, то только потому, что *оставилъ* Сына Единороднаго, въ предсмертный часъ по Его человечеству, но въ вѣчное днесь по Его божеству. И не оставилъ единственно вслѣдствіе этого объявшаго небо и землю и преисподнюю, необъятнаго мыслію, вопля муки и молитвы того же Единороднаго Сына Божія: *Боже мой! Боже мой! вскую Мя оставилъ еси!!* Вотъ это недомыслимое, наимучительнѣйшее состояніе, пережитое Икупителемъ человѣковъ въ минуту смерти и сошествія души Его въ мрачныя области ада, и есть послѣдняя ступень уничиженія, и не только послѣдняя, но и наипослѣднѣйшая, потому что здѣсь Богочеловѣкъ низшелъ ниже всякой твари,—такъ какъ не только грѣшный осужденный человѣкъ, но и самъ сатана терзается въ аду только за себя, за себя одного, а Сынъ Божій пострадалъ за весь необъятный міръ Божій и выстрадалъ безпредѣльно больше, чѣмъ можетъ выстрадать весь міръ осужденныхъ грѣшниковъ.

Отсюда же окончательно начинается поворотъ къ восхожденію въ состояніе прославленія,—начинается разрушеніемъ завлеповъ адовыхъ, изведеніемъ адскихъ узниковъ въ рай, воскресеніемъ тѣла, вознесеніемъ Іисуса Христа на небо, сѣдѣніемъ одесную Бога Отца не только по божеству, но и по человечеству, верховымъ оттуда съ неба управленіемъ основанною, возрастающею, борющеюся со врагами, воинствующею церковію,—управленіемъ; которое

кончатся положеніемъ всѣхъ враговъ Христа подъ ноги Его и оглаваемой Имъ церкви торжествующей.

Повторимъ же божественныя слова апостола, — теперь онъ будутъ удобопонятнѣе: во образѣ Божіемъ сый, будучи образъ Божій, Онъ не считалъ для себя безправіемъ быть равнымъ Богу; но самъ себя умалилъ, принявъ образъ раба, ставъ въ подобіе человѣка, образомъ и по виду казался какъ человѣкъ; смирилъ себя, былъ послушливъ до смерти, да и смерти — то крестной, мучительнѣйшей и позорнѣйшей... За то и Богъ Его превознесъ и даровалъ Ему имя, которое выше всякаго имени, дабы предъ именемъ человѣка Іисуса преклонилось всякое колѣно живыхъ существъ, не только земныхъ, но и небесныхъ, и даже преисподнихъ, и всякій языкъ, всякій разумъ не только на землѣ, но и на небѣ, и даже въ преисподней, — ибо и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ, — всякій всюду разумъ исповѣдалъ, что человѣкъ Христосъ Іисусъ есть Господь неба и земли, во славу Бога Отца...

А какъ это чтеніе изъ апостола относится къ пречистой Дѣвѣ Богородицѣ? Внимайте.

Видѣтъ съ прославленіемъ божественнаго Сына шло рядомъ прославленіе и божественной Матери. Не чуждая нечистоты первороднаго грѣха, но предочищенная благодатію Св. Духа еще въ утробѣ матерней, воспитанная въ совершеннѣйшей чистотѣ при іерусалимскомъ храмѣ, подъ священнѣйшими земными вліяніями и небеснымъ вліяніемъ, по вліянію святаго и животворящаго Духа, зачатъ во чревѣ Единороднаго превѣчнаго Сына Божія, пречистая Дѣва взаимъ дала Ему свою пречистую материнскую кровь для выполненія Его искупительной цѣли — принять образъ раба, содѣлаться по всему кромѣ грѣха подобнымъ человѣкамъ, и стать не только по виду, но и по естеству чело-

вѣбомъ, который. пріскреннѣ пріобщился плоти и крови
человѣческой. Сама же пречистая Дѣва, чрезъ такое сооб-
щеніе Сыну Божию плоти и крови человѣческой, стала прі-
скреннѣ матерью не человѣка только, но и Богочеловѣка
Іисуса Христа, Единороднаго Сына Божія по божеству; по-
чему и возвысилась превыше всякой твари, не только зем-
ной, но и небесной, превыше не только низшихъ небожи-
телей, но и непосредственно предстоящихъ престолу Бога
Вседержителя херувимовъ и серафимовъ, какъ возлюблен-
нѣйшая дочь Бога Отца, какъ непостижимо таинствен-
но уневѣстившаяся Духу Святому невѣста неневѣстная,
какъ естественная родная мать Единороднаго Сына Божія.
Почему не только предъ именемъ Іисуса, но и предъ име-
немъ матери Его пречистой Дѣвы Маріи преклоняется вся-
кое колѣно небесныхъ существъ и земныхъ и преиспод-
нихъ, и всякъ языкъ, всякій разумъ исповѣдуетъ Ее гос-
пожею, царицею неба и земли.

Посему-то христіанская церковь и прибѣгаетъ къ Ца-
рицѣ небесной, какъ особенно усердной нашей заступницѣ,
которая молить Сына своего, Христа Бога нашего, и съ
особенною теплотою, и съ особенною силою, и съ особенною
властію, какъ мать Господа вышняго. Потому-то по хри-
стіанскому міру распространено и такъ много храмовъ, въ
честь Преблагословенной, и особенно много празднованій, и
такъ много особо чтимыхъ и чудотворныхъ Ея иконъ. Пре-
прославленный Господь славно прославляетъ въ христіан-
скомъ мірѣ Матерь свою, высшую небесъ и чистѣйшую
свѣтлостей солнечныхъ, честнѣйшую херувимовъ и слав-
нѣйшую безъ сравненія серафимовъ, избавившую насъ отъ
вѣдъ, Владычицу міра.

Что желаетъ внушить намъ святой апостолъ Павелъ
предпоставленными своими словами?

Пусть мудрствуется въ васъ,—пусть питаются въ васъ тѣже помыслы, тѣже чувства, какіе и во Христѣ Иисусѣ. Онъ образъ Божій, равный Богу, уничижилъ себя, взялъ видъ раба, сталъ ограниченнымъ смиреннымъ человекомъ, былъ послушнымъ Богу даже до смерти, да и смерти вѣрной, напужаснѣйшей, наипозорнѣйшей.... На основаніи такого великаго и поразительнаго примѣра, вотъ о чемъ просить насъ св. апостолъ, вотъ о чемъ умоляетъ насъ ради Христа. Итакъ, *если есть какое утѣшеніе въ Христѣ, если есть какая отрада любви, если есть какое общеніе духа, если есть какое милосердіе и сострадательность; то дополните мою радость, имѣйте единс-мудріе, имѣйте ту же любовь, будьте единопутны и единомысленны. Ничего не дѣлайте по любопытствію или по тщеславію, но по смиренномудрію дѣлайте другъ друга честію больше и выше себя. Не о себѣ только каждый заботься, но каждый и о другихъ. Сіе бо да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Иисусѣ, который смирилъ себя и предалъ себя за другихъ даже на смерть. И Богъ Его превознесъ ...* Вотъ о чемъ просить насъ, вотъ о чемъ умоляетъ св. апостолъ.

Такъ не своихъ си кійждо смотрите, не о своемъ только заботьтесь, но заботься каждый и о другихъ. И вотъ тамъ вдали наши братья войны, послушливые гласу долга даже до смерти, проливаютъ свою кровь, полагаютъ свой животъ за вѣру, Царя и отечество, умираютъ за насъ съ вами, сыны Россіи. Подъ тысяче-образными ударами вражескаго оружія они вынуждены воевать, кромѣ враговъ, еще съ своими ранами, болѣзнями, непогодою, дождемъ, снѣгомъ, холодомъ, подчасъ и голодомъ, съ нуждою всякаго рода, съ нуждою въ какой либо постели, съ нуждою въ тепломъ одѣяніи, съ нуждою иногда прикрытія наготы.

Война —страшный Молохъ, быстро пожирающій не только плоть и кровь, но и достояніе война... Намъ тепло, намъ уютно и сыто, намъ даже весело на сердцѣ праздновать наконецъ и побѣды, купленные для насъ чужою кровію.

Протянемъ же руки къ сему блюду, на воиновъ, на умирающихъ... Если есть какое утѣшеніе во Христѣ; если есть какая отрада любви ко Христу, если есть какое общеніе духа во имя Христово, если есть какое милосердіе и сострадательность ради Христа,—подайте ради Христа на воиновъ, стражающихся за имя Христово..... Не своихъ сикійждо, но и о другихъ кійждо смотрите,—не о себѣ только, но и о другихъ заботься каждый,—умоляемъ васъ не мы, но умоляетъ всѣхъ насъ свят. апостолъ Павелъ. Аминь.

1877 г.

ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

ПОУЧЕНІЕ

на соборъ Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ *).

Михаилъ и ангели его брань сотвориша со змѣмъ, и змѣй брся и ангели его (Апок. 12, 7).

Собрались мы, братіе, въ св. храмъ сей, устроенный въ семь высшемъ духовномъ училищѣ, посвященный, конечно по особому указанію Промысла, съ особою священо-назидательною мыслию, имени св. архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ, праздновать ихъ соборъ.

Конечно, мы имѣемъ нѣкоторое вѣдѣніе о виновникахъ и о значеніи настоящаго нашего торжества: тѣмъ не менѣе въ сей нарочитый священо-празднественный день не бесполезно намъ обновить наше знаніе благочестивымъ размышленіемъ о томъ, что открываютъ намъ слово Божіе и ученіе церкви объ этомъ таинственномъ предметѣ, о горнемъ мірѣ духовъ, въ примѣненіи къ нашему духовному учрежденію и намъ самимъ.

Въ словѣ Божіемъ упоминается *объ архистратигѣ силъ Господни* и даже называется имя *Михаила архангела*

*) Произнесено 8 ноября 1868 г. въ церкви казанской д. академіи въ храмовый праздникъ.

единою отъ старѣйшинъ на небѣ первыхъ, князя великаго, вождя ангельскихъ чиновъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ (Ис. Нав. 5, 13 и 16; 6, 1; Дан. 8, 11; 10, 13; 21, 1; Іуд. ст. 9; Апок. гл. 12). Всѣ эти мѣста болѣе или менѣе таинственны; но изъ нихъ болѣе говорящимъ нашему разумѣнію, шире очерчивающимъ отношенія архистратига Божія Михаила и горнихъ воинствъ къ церкви Божіей, мы находимъ видѣніе тайновидца Іоанна Богослова о брани архангела Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ со змѣемъ и ангелами его (Апок. гл. 12)

И вотъ,—пишетъ св. тайновидѣцъ,—знаменіе велие явилось на небеси, жена облеченная въ солнце, и луна подъ ногами ея, и на главѣ ея вѣнецъ изъ звѣздъ двѣнадцати. И во чревъ имѣя, она вопіетъ отъ болей и мукъ рожденія. И явилось иное знаменіе на небеси, и вотъ змій великій красноогненный, имѣя оцѣдъ и рога въ десять; и хвостъ его увлекъ третью часть звѣздъ небесныхъ и повергъ ихъ на землю. И змій стоялъ предъ женою хотящею родити, чтобы, когда родитъ она, похитить чадо ея. И родила она сына мужеска полу, который иметъ упасти всѣ народы жезломъ жезльнымъ; и восхищено было чадо ея къ Богу и престолу Его. А жена бѣжала въ пустыню, гдѣ имѣла мѣсто уготованное отъ Бога, чтобы тамъ питаться дней тысячу двѣсти шестьдесятъ. И произошла брань на небеси: Михаилъ и ангелы его брань сотворили со змѣемъ, и змій сразился и ангелы его. И не возмogli устоять противъ воинства небеснаго, и мѣста не нашлось для нихъ уже на небеси. И низверженъ былъ драконъ великій, змій древній, нарицаемый дьяволъ и сатана, лъстяи вселенную всю, низверженъ на землю и ангелы его съ нимъ низвержены были. И слышалъ я,—пишетъ далѣе тайновидѣцъ,—гласъ велий на небеси говоря-

щій: нынѣ настало спасеніе и сила и царство Бога нашего, и власть Христа Ею; потому что низверженъ клеветникъ братіи нашей, клеветуицѣй на насъ предъ Богомъ нашимъ день и ночь. И тѣ побѣдили его кровію Агнца и словомъ свидѣтельства своего, и не возлюбили душъ своихъ даже до смерти. Сего ради веселитесь небеса и живущіе на нихъ! Горе живущимъ на земли и на морѣ! Потому что къ вамъ сошелъ діаволъ, имѣя ярость великую, зная, что времени мало имѣетъ. И когда увидѣлъ змій, что низложенъ на землю, погнался за женою, которая родила сына мужеска полу и т. д.

Не беремъ на себя смѣлости объяснять непостижимое, все таинственныя подробности этого видѣнія. Но есть въ немъ стороны сколько понятныя простому усмотрѣнію вѣрующаго ума, столько же, что всего надежнѣе, истолкованныя общимъ голосомъ цркви.

Вотъ что доступно пониманію въ этомъ видѣніи и общепринято церковію,—это брань Михаила и ангеловъ его съ діаволомъ и ангелами его. Но остается требующимъ разъясненія вопросъ о времени, мѣстѣ, цѣли, оружіи, сподвижникахъ этой брани: совершилась ли она уже, или еще совершается, или даже имѣетъ только совершиться? Гдѣ совершается, на небѣ или на землѣ или еще гдѣ-нибудь?

Долго и неумѣстно было бы разъяснять, что сказаніе тайновидца объ этой брани не можетъ относиться со всеми своими подробностями въ отдѣльности ни къ прошедшему времени ни къ настоящему ни къ будущему. Остановимъ благоговѣйное вниманіе наше на томъ, что тайновидѣцъ своимъ духовно орлинымъ богопросвѣщеннымъ взоромъ объялъ здѣсь все протяженіе этой вѣковѣчной брани въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, въ небѣ горнѣйшемъ и дольнѣйшемъ, на землѣ и до преисподней.

Былъ нѣкогда день, именно, какъ нѣкоторые св. отцы полагали, седьмой день творенія, день упокоенія Творца всяческихъ, всепразднственный день на небѣ и во всей вселенной, *егда вводилъ Богъ первороднаго Сына своего, свое вѣчно творческое Слово, вѣчностасную премудрость, зиждителя и правителя міра, во вселенную, и изрекъ: да поклонятся Ему вси ангели Божіи* (Евр. 1, 6). Тогда денница, возшедшая заутра—вначалѣ всякаго созданія, первозданный духъ свѣтоносецъ, воспалившись завистію къ несозданному Ангелу великаго совѣта (Исаи 14, 12—15; 9, 6), Ангелу завѣта—основанію и связи всего сущаго (Притч. Сол. 8, 22—31; Мал. 3, 1), и духомъ непокорства вѣчновѣчному начальству (Іуды ст. 6) Архангела предвѣчнаго, вины бытія ангеловъ, который есть и архистратигъ *) силъ Іеговы и самъ Іегова, Господь сый (Ис. Нав. 5, 13—16; 6, 1; Исх. 3, 2—18), *рекъ въ умъ своемъ: на небо възиду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, буду подобенъ Вышнему*, и не покорился гласу Бога Отца и не поклонился первородному и единородному Его Сыну (Паримія въ 8 день ноемврія). Это было первое возстаніе противъ самого Бога, первый мятежъ, первое начало брани въ высшихъ и внутреннѣйшихъ сферахъ небесныхъ у самаго престола Вседержителя. Отъ перваго виновника брани, денницы—сатаны, зараза молніею пробѣжала по лицамъ ангельскимъ, и хоботъ его отторгъ отъ Бога и неба *третію частію звѣздъ небесныхъ*. Подобно своему, бывшему свѣтоноснымъ, а теперь ставшему мраконоснымъ вождю, сіи мрачные ангелы не соблюли своего начальства, но ос-

*) Подъ именемъ Бога Саваога обыкновенно разумѣли Бога воинствъ. Кто же иной сей Господь воинствъ, какъ не именуемый *Архистратигъ* силы Божіей (Ис. Нав. 5, 14), Господь Іисусъ Христосъ? — говоритъ св. *Василій великій* въ толк. на Исаію, гл. 8, стр. 303, въ Твор. св. отцевъ.

тавили свое жилище (Іуды ст. 6). Тогда-то, по мнѣнію св. отцевъ, во время сего пагубнаго сатанина въ гордость возношенія и отступленія отъ Бога, учиненный отъ Бога чиновначальникъ собора девяти чиновъ ангельскихъ и воевода, святой архистратигъ Михаилъ, собравъ вся ангельскія чины и воинства, воззва велегласно: вонмемъ! станемъ добре предъ сотворшимъ насъ и не помышляимъ противная Богу. Тогда-то Михаилъ и ангелы его впервые брань сотворили съ сатаной и ангелами его. И не возмогъ сатана устоять, и мѣсто не нашлось уже ему на небесѣхъ, и низверженъ былъ изъ горнѣйшихъ круговъ въ дольнѣйшую поднебесную (Ефес. 6, 12), и на землю и до ада преисподнѣйшаго. И ангелы его, связанные пленицами изведеннаго ими во вселенную мрака, съ нимъ же сатаной были низвержены (2 Петр. 2, 4).

Такое же убо святыхъ ангеловъ первое совокупленіе, сиесть—вниманіе, единомысліе, согласіе, соединеніе въ единокласномъ прославленіи святыя Троицы и въ единокупномъ возстаніи на возставшихъ духовъ, наречеся соборъ ангельскій, празднованію коего посвященъ нынѣшній день (см. въ Минеи-четы мѣсяца ноябрія въ 8 день слово на соборъ св. архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ).

Въ предопредѣленное время, на послѣдокъ дней ветхаго завѣта, знаменіе веліе явися на земли—первообразъ прообраза первозданной жены Евы и образъ церкви Божіей, въ первоевангеліи обѣтованная Жена (Быт. 3, 15) и Дѣва, облеченная въ солнце выше серафимской чистоты, имущи во чревѣ отъ Духа Свята. И змій древній стояше предъ сею Женою, злоумышляя—навѣвая мракъ сомнѣнія на праведнаго Іосифа, мракъ смущенія на іерусалимскихъ первосвященниковъ и книжниковъ, мракъ подозрѣній, ко-

варства и кровавой ярости на Ирода, дабы, егда родить сія Жена, потребить Чадо Ея. Когда родила Она Сына мужеска полу, обѣтованное Сѣмя, которое имѣло упасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ, Отроча сіе охранено было благодатию Божіею, невидимымъ воинствомъ небеснымъ. Тѣмъ неменѣе змій древній приразился къ Нему—сыну Дѣвы, Сыну Божію и внутренними искушеніями, и внѣшними гоненіями, и ужасами насильственной, позорнѣйшей и мучительнѣйшей изъ смертей, и наконецъ вѣчнымъ мракомъ сѣни смертной за заклепами ада. Душу самой Богоматери принзилъ онъ оружіемъ мучительнѣйшей изъ материнскихъ скорбей—зрѣлищемъ безславной, послѣ полной гоненій жизни, кончины Единороднаго Сына, невиннаго, святыхъ святѣйшаго. Въ это-то время, когда сатана думалъ торжествовать величайшую изъ своихъ побѣдъ надъ человѣчествомъ, поруку за всѣ побѣды прежнія и будущія, въ невидимыхъ для тлѣннаго ока сферахъ міра духовъ, возгорѣлась и совершилась новая тяжкая брань Михаила и ангеловъ его съ древнимъ змѣемъ и ангелами его. Поглощенное зѣвомъ ада обѣтованное Чадо обѣтованной Жены вышло оттуда сокрушителемъ ада и смерти, свободителемъ плѣнныхъ душъ, и *восхищено бысть къ Богу и престолу Его*, куда чрезъ малое время восхищена была и преблагословенная въ женахъ Дѣва Богородица. За то діаволь, еще разъ пораженный, потерявшій въ своей силѣ и власти, но вооруженный яростію еще большею, погнался за образомъ обѣтованной Жены, за невѣстою Христовою—церковію, украшенною *на главѣ своей венцемъ отъ звѣздъ двоиенадесяти*,—двоиенадесяти апостоловъ, имущюю во чревѣ и страждущею родами благодатныхъ чадъ Богу. Кромѣ обычныхъ прелестей, которыми искони отъ паденія первой жены Евы льстилъ вселенную всю, діаволь въ это время испустилъ изъ устъ

своихъ за невѣстою Христовою воду гоненій и мученій, дабы потопить ее въ этой рѣкѣ. Но жена бѣжа въ пустыню: чада церкви бѣжали отъ воздвигнутыхъ врагами имени Христова гоненій буквально въ пустыню, гдѣ работали Богу въ тиши безмолвія, въ подвигахъ высочайшаго самоумерщвленія и самоусовершенія; а другія побѣдили врага словомъ безстрашнаго свидѣтельства своего предъ гонителями, и не возлюбили душъ своихъ даже до смерти; пока наконецъ, съ воцареніемъ равноапостольнаго Константина, не настала пора нѣкотораго сравнительнаго успокоенія церкви Божіей отъ лютѣйшихъ гоненій, имѣвшихъ рѣшительнымъ предположеніемъ потопить ее въ рѣкѣ крови ея чадъ. Такимъ образомъ на двухъ крылахъ орла великаго, на отшельничествѣ и мученичествѣ, церковь воспарила въ мѣсто свое, въ настоящее свое положеніе, гдѣ препитывается въ продолженіе урочнаго времени, нѣсколько охраненною отъ лица зміина. Тогда въ предѣлахъ вѣчнаго времени на небеси торжественно раздался гласъ велій: *нынѣ бысть спасеніе и сила и царство Бога нашего, и область Христа Ею: яко низложенъ бысть клеветникъ братиі нашея, оклеветая ихъ предъ Богомъ нашимъ день и ночь. И тѣ побѣдиша его кровію Агнца, вземлющаго грѣхъ міра, и словомъ свидѣтельства своего, и не возлюбиша душъ своихъ даже до смерти. Сего ради веселитесь небеса и живущіи на нихъ*

Остается пока не исполнившееся въ событіяхъ земной исторіи послѣдняя часть этой небесной пѣсни, сего торжественнаго возглашенія небожителей: *горе живущимъ на земли и на мори, яко сниде діаволъ къ вамъ имѣя ярость великую, въдыи, яко время мало имать. По соображенію всѣхъ вѣдомыхъ намъ таинъ божественнаго домостроительства, толкованій святыхъ отецъ о предпослѣднихъ дняхъ*

міра и обстоятельство всемірної исторіи, надо полагать, что къ концу временъ родъ человѣческій размножится такъ, что суша станетъ уже тѣсна для жительства людей, которые отъ тѣсноты стануть селиться и на морѣ, какъ уже и селятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Китаѣ). Время это настолько будетъ удалено если не отъ времени перваго пришествія Христова, то отъ вѣры въ силу его, что люди стануть говорить: *идѣ естъ обѣтованіе (второго) пришествія Его? Отшельнѣе бо отцы упоша (съ тѣхъ поръ, что прародители умерли), вся тако пребываютъ отъ начала созданія* (2 Петр. 3, 4);— вмѣстѣ съ маловѣріемъ распространится и нечестіе невообразимое (2 Тим. 3, 1—9; 1 Тим. 4, 1—3), зачатки коего однакоже довольно быстро произникають уже въ наше время. Сатана распространитъ свою мрачную область надъ всею поднебесною. Въ области его, въ оградѣ церкви Божіей, подъ охраною ангеловъ свѣта, пребудетъ къ этому времени только незначительный *останокъ сѣмени* нечѣсты Христовой, *иже соблюдаютъ заповѣди Божіи и имѣють свидѣтельство Іисуса Христова* (Апок. 12, 17). Къ этому-то послѣднему *остатку сѣмени* Жены, къ современному ему заблудшему человѣческому роду, къ послѣднему времени бытія его на землѣ, должно отнести послѣднія слова небеснаго возглашенія: *горе живущимъ на земли и на мори, яко сниде діаволъ къ вамъ, имѣя ярость великую, вѣдая, яко время мало имать,*— равно какъ и послѣднія слова тайновидца въ изображеніи этого видѣнія: *и разнѣвася змій на жену (убѣжавшую отъ его преслѣдованій), и иде сотворити брань со оставшимъ сѣменемъ ея, иже соблюдаютъ заповѣди Божіи и имѣють свидѣтельство Іисуса Христова*

Тогда-то, по смыслу дальнѣйшихъ тайновидѣній Іоанна, сатана испуститъ на землю самое свирѣпое орудіе сво-

ей силы, лютѣйшаго звѣря, антихриста, который *возсядетъ въ церкви Божіей, аки Богъ, показуя себе, яко Богъ есть* (3 Сол. 2, 3—12), принуждая непокоряющихся сыновъ Божіихъ къ поклоненію сатанѣ всѣми способами, именно, кромѣ всевозможныхъ сатанинскихъ обольщеній самыми неслыханными и невообразимыми гоненіями и мученіями. Тогда на короткое время воцарится на землѣ царство бѣсовскаго мрака самое полное, какое когда-либо бывало, какого не бывало ни предъ потопомъ, ни предъ первымъ пришествіемъ Христовымъ на землю. На всѣхъ углахъ земли утвердятся престолъ сатаны, повидимому, незыблемо...

Но тогда на послѣднюю брань съ княземъ тьмы и воинствомъ его двинутся всѣ воинства небесныя подъ ближайшимъ водительствою самого Сына Божія. *И видѣхъ, — пишетъ тайновидецъ (Апок. 19, 11—21), — небо отверзсто, и се конь бѣлѣ, и Сѣдѣющій на немъ, вѣрный и истинный, и правосудный и воинственный. Очи у Него яко пламень огненъ, и на главѣ Его стѣны многи, и мушкетъ и мѣся написано, коего никто не знаетъ, токмо Онъ самъ, — и облеченъ въ ризу червлену, окрашенную кровію, и нарицается имя Его — Слово Божіе. И воинства небесная шли вслѣдъ Его на коняхъ бѣлыхъ, облечени въ виссонъ бѣлѣ и чистѣ. И изъ устъ Его исходитъ оружіе остро, да тѣмъ избіетъ народы; и той упасетъ ихъ жезломъ жезельнымъ, и той перетъ (топчетъ, какъ виноградъ) точило вина ярости и гнѣва Бога вседержителя. И имѣетъ на ризѣ и на стѣнѣ своемъ имя написано: Царь царемъ и Господь господемъ... И видѣхъ звѣря, сатану, антихриста и царей земныхъ и воинства ихъ собранныя сотворити брань съ Сѣдѣющимъ на конѣ и съ воинствами Его. И ятъ бысть звѣрь, антихристъ, и съ нимъ лживый пророкъ, сово-*

ривый знаменія предъ нимъ, и живыми ввержены были оба въ озеро огненное, горящее жупеломъ. А прочіе убиты были оружіемъ Спдящаго на копь, изшедшимъ изъ устъ Ею. Послѣ чего, пишетъ тайновидѣць, и змій древній, иже есть діаволъ и сатана, будетъ ятъ и связанъ и вверженъ въ озеро огненно и жупелно, идѣ звѣрь, антихристъ и лживый пророкъ: и мучени будутъ день и ночь во вѣки вѣковъ (Апок. гл. 20). Тогда конецъ домостроительству нашего спасенія, воскресеніе мертвыхъ, судъ и воздаяніе, послѣдняя борьба неба съ адомъ и побѣда надъ адомъ. Сынъ Божій покоритъ подъ ною свои всѣхъ враговъ своихъ и самъ, исполнивъ свое посланничество въ мірѣ, покорится, — вручитъ обратно полномочіе своего посланничества своему Отцу, покоршему Ему всяческая (1 Кор. 15, 28).

Для возможно-точного представленія объ этой вѣковѣчной брани, извлечемъ изъ божественныхъ откровеній возможно точныя догматическія о ней понятія.

Первая причина брани — возстаніе Девисы, свѣтоносца, первозданнаго духа, увлекшаго за собою третью часть духовъ небесныхъ, противъ Бога, противъ начальства перво-и-едино-роднаго Сына Божія, на сторонѣ коего остались архангелъ Михаилъ и девять чистыхъ ангельскихъ ликовъ.

Кто воители? Первовиновникъ брани сатана и духи ему подвластные съ одной стороны адской; а съ небесной архистратигъ Михаилъ и вѣрные Богу ангельскіе лики. Во главѣ же сихъ послѣднихъ ихъ божественный вождь — Слово Божіе, Сынъ Божій, который въ священномъ писаніи называется ангеломъ, и ангеломъ великаго совѣта, и ангеломъ завѣта, и архистратигомъ, и представляется вождемъ небесныхъ воинствъ, который есть начальнѣйшій архангелъ въ смыслѣ вины (*архи*) бытія самыхъ анге-

ловъ; а архистратигъ Михаилъ, первовозставшій противъ сатаны духъ, есть какъ бы намѣстникъ своего верховнаго божественнаго Вождя; и дѣйствительно въ отношеніи къ водительство избраннаго народа Божія, древняго Израиля, въ священномъ писаніи архангелъ Михаилъ представляется какъ-бы намѣстникомъ ангела завѣта, Сына Божія (см. Втор. гл. 32, 8—9; Исх. 33, 1—3; Дан. 10, 12—14. 21; 12, 1—2).

Цѣль брани?—со стороны сатаны и ангеловъ его распространеніе мрака и зла въ царствѣ Божіемъ вообще, въ частности плѣненіе въ свое царство человѣческаго рода; а со стороны Сына Божія и Его намѣстника архистратига Михаила со всѣми ангельскими ликами—охраненіе царства Божія, въ частности сохраненіе людей для царства Божія.

Оружіе? У діавола и ангеловъ его—ложь, лесть, хула, клевета, страсть, пагуба. У Сына Божія оружіе остро, исходящее изъ устъ, слово Божіе, оружіе обоюду острое, убивающее и животворящее (Евр. 5, 12). У архистратига Михаила на святыхъ иконахъ изображается въ десницѣ огненный мечъ или молніеносное копьѣ, коимъ онъ поражаетъ духа злобы,—это пламенная ангельская любовь къ Богу и ревность о славѣ Божіей. Слово же Божіе указываетъ сущность ангельскаго оружія въ словѣ же: *Михаилъ же архангелъ*,—пишетъ апостолъ Іуда, изображая ангельское средство дѣйствованія на діавола (ст. 6—10),—*егда со діаволомъ препираяся глаголаше о Моисеевъ тѣлеси, не смѣяше суда навести хула, но рече: да запретитъ тебѣ Господь...* Ангельское оружіе—это ангельское, безгнѣвное, не оскорбительное даже въ отношеніи къ діаволу, но острѣйшее всякаго меча обоюдоостра, проникающее до послѣдней глубины духовнаго состава, слово, прощенія и именемъ Господа силъ.

Мѣсто и время этой брани? Въ началѣ временъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ св. отцевъ, именно въ седьмый день покоя Божія по сотвореніи небеснаго и земнаго міра, у самаго престола Бога вседержителя, во внутреннѣйшихъ сферахъ небеснымъ, откуда изверженный сатана, восхотѣвшій быть самостоятельнымъ средоточіемъ мірозданія (Исаи 14, 13—14), дѣйствительно сталъ такимъ средоточіемъ, но только противоположнымъ истинному средоточію вселенной—творцу всяческихъ Богу,—сталъ, такъ сказать, противоположнымъ отрицательнымъ полюсомъ мірозданія, вмѣсто самой горней сферы неба наслѣдовавъ преисподнюю, но не вдругъ по первоначальному возстаніи окончательно связанный и въ преисподнюю заключенный, напротивъ завоевавъ себя, по особому попущенію и смотрѣнію Божію, въ сферу дѣйствія всю поднебесную (Іов. 1, 6—12; 2, 1—7; Ефес. 6, 12). Въ послѣдокъ двій, въ средоточіи между ветхимъ и новымъ завѣтами, особенно въ страшные дни страстей, смерти и сошествія во адъ Спасителя нашего, брань сія совершилась во всей области діавола до ада преисподнѣйшаго, откуда побѣдителемъ смерти и ада изведены были въ свободу Божію узники отъ вѣка, начиная отъ перваго Адама. Наконецъ въ послѣдокъ временъ въ третій разъ разразится тамъ же сія брань,—на широтѣ міра видимаго земнаго тягчайшими соблазнами, вѣроотступничествомъ во всемъ человѣчествѣ, гоненіемъ на оставшихся христіанъ, небывалыми побоищами между людьми, неслыханными возмущеніями въ видимой природѣ; а въ нѣдрахъ міра невидимаго, въ глубинѣ преисподней, окончательнымъ ниспроверженіемъ престола сатаны и исторженіемъ всѣхъ мертвецовъ изъ челюстей смерти; послѣ чего воскресшіе праведники идутъ въ животъ вѣчный, а слуги сатаны и ангелы его и самъ сатана, окончательно связанные пленицами мрака, ввержены будутъ въ муку вѣчную.

Ясно отсюда, что сія вѣковѣчная брань духовная совершается изъ за насъ, надъ нами, около насъ и даже въ насъ самихъ. Мы не зрители только, но и цѣль и поводъ и участники и арена брани и орудіе.....

На этой точкѣ мы должны остановиться самымъ строгимъ, къ какому только мы способны, нашимъ вниманіемъ, потому что тутъ идетъ рѣчь о нашей вѣчной участи и о сущности нашего временнаго въ церкви Божіей призванія, — именно мы съ вами учащіе и учащіеся въ семъ духовномъ училищѣ.

Мы съ вами знаемъ, что на всемъ пространствѣ міра, отъ недовѣдомыхъ намъ сферъ неба, *идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя* (Кол. 3, 1), и до ада преисподнѣйшаго, въ центрѣ котораго утверждень престолъ сатанинъ, неспокойно: Всюду идетъ вѣковая брань, гдѣ не тѣлесные только трупы повергаются, но и души погибаютъ; гдѣ то гласомъ грома раздаются побѣдныя пѣсни небожителей, то своды неба потрясаетъ львиное рыканіе насыщаемого гибелью, поглощающаго какую-либо разумную тварь діавола, то тихимъ журчаніемъ ручья льются жалостныя о гибели человѣческихъ душъ слезы ангельскія, то грозною морскою волною режутъ мертвящіе стоны сатанинскіе отъ внутреннихъ терзаній и злобы, къ какому способенъ только поражаемый въ своей гордости сатана.....

Мы съ вами знаемъ, что церковь Христова, небесная церковь отшедшихъ праведныхъ душъ, называется торжествующею; а церковь земная воинствующею. Первая такъ называется потому, что восторжествовала уже за себя въ этой брани; а земная воинствующею потому, что еще продолжаетъ воинствовать.

Мы съ вами знаемъ, что божественный Вождь церкви въ этой брани, возносясь самъ на небо, оставилъ по себѣ

на землѣ воителями всѣхъ вѣрующихъ во имя Христово, а вождями вѣрующихъ—святыхъ апостоловъ, которые сами себя и называли воинами Христовыми и изображали вождями воинства Христова (2 Кор. 10, 3 и 4). Зная же твердо, что и для нихъ время отшествія изъ сего міра настанетъ неизбежно, они послѣ себя поставляли воинами и вождями воинства Христова своихъ ближайшихъ учениковъ, пастырей и учителей, которыхъ опять же называли воинами Христовыми, ввѣря имъ послѣ себя свое собственное воинское начальствованіе (2 Тим. 2, 1—15; 4, 1—8). Первые преемники апостольскіе тоже званіе и ту же власть оставили своимъ преемникамъ; и такъ другъ-другопріимательно чреда священнаго воинствованія дошла и до насъ съ вами, братіе.

Размыслимъ о семъ,—не теперь, потому что уже размышляли довольно; а размыслимъ по выходѣ отсюда, будемъ размышлять всегда. Мы воины Христовы; этого мало,—мы призваны быть вождями воинства Христова.

Къ этому-то размышленію Промыслъ Божій ведетъ насъ постоянно, ежедневно и ежечасно указуя нашему благоговѣйному поклоненію нашъ храмъ, посвященный собору архистратига Божія Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ.

Оглянемся вокругъ себя, посмотримъ внутрь себя: что мы? Божіи ли воины, или врага Божія сатаны? Гдѣ мы, въ какому собору духовныхъ воинствъ принадлежимъ, въ ангельскому или демонскому? И что намъ дѣлать?

Наше слово не можетъ быть сильнѣе слова апостольскаго; съ другой стороны вы настолько сильны мыслію, чтобы не понуждаться и въ нашемъ объясненіи сихъ глубокихъ, какъ сама божественная мудрость, словъ великаго апостола, преподанныхъ имъ уроковъ, чѣмъ и какъ намъ

воевать, какъ намъ вести себя въ отношеніи къ обѣимъ противнымъ сторонамъ въ этой грозной духовной брани.

Чѣмъ и какъ намъ воевать? *Во плоти ходяще*,—отвѣтствуетъ на этотъ вопросъ св. апостоль Повесть (2 Кор. 10, 3—5),—не по плоти воинствуемъ, —оружія бо воинствованія нашего не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердынь,—помышленія низлагающе, и всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій, и плняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово, и готовые наказывать всякое непослушаніе. Сюда же относятся уроки великаго апостола, относительно духовнаго воинствованія, ученику своему Тимофею: ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Исуса Христовъ. Трезвися о всемъ, злопостражди, дѣло соудни благовѣстника, служеніе твое извѣстно сотвори (1 Тим. 2, 1—10; 4, 1—8).

Какъ намъ вести себя въ отношеніи къ нашимъ врагамъ? Братіе моя,—увѣщаетъ насъ св. апостоль,—возмогайте о Господь и въ державѣ крѣпости Его: облецытеся во вся оружія Божія, яко возможи вамъ стати противу кознемъ діавольскимъ. Яко нѣсть наша брань противу плоти и крови, но противу началъ и властей и миродержителей тмы въка сего, противу духовъ злобы поднебесныхъ. Сею ради примите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день лютей, и все преодолевъ устоять. Станите убо препоясавъ чресла ваша истиною и облекшись въ броню правды, и обувъ ноги въ готовность благовѣствованія мира; а паче всего воспримите щитъ вѣры, которымъ возможете вся стрѣлы лукаваго разжженныя угасити; и шлемъ спасенія воспримите, и мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій, всякою молитвою и моленьемъ молящися на всяко время духомъ, и бдяще въ сѣбѣ самомъ во всякомъ терпѣніи и въ молитвѣ о всѣхъ святыхъ (Еф. 6, 10—18).

Какъ намъ вести себя въ отношеніи къ нашимъ сторонникамъ, къ церкви торжествующей небесной, къ воинству ангельскому, къ главѣ и вождю всѣхъ духовъ праведныхъ Господу Іисусу? Вы приступили, — предостерегаеъ насъ св. апостолъ, — не къ горѣ осязаемой (Синаю, какъ Израильтяне), пылающей огнемъ, не ко тмѣ и мраку и бурѣ, не къ трубному звуку и гласу глаголовъ, который слышавшіе (Израильтяне) отреклись — прося, чтобы къ нимъ не было продолжаемо слово (Божіе, что все было на Синаѣ)... Но приступили къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ ангеловъ, и торжествующему собору и церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ, и къ судіи всѣхъ Богу, и къ духамъ праведниковъ совершенныхъ, и къ ходатаю завѣта новаго Іисусу, и крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева. Блюдите же, да не отречетея глаголющаго (какъ Израильтене у Синаѣ)... Тѣмъ же царство непоколебимо пріемлюще, будемъ хранить благодать, которою будемъ служить благоугодно Богу, съ благоговѣніемъ и страхомъ. Ибо Богъ нашъ огонь поядаяй есть (Евр. 12, 18—29). Аминь.

1868 г.

МЕЧНИКОВА

БЕСѢДА *)

въ донь памяти иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи.

Премудрость созда себѣ домъ, и утверди столповъ седмь; закла своя жертвенная, и растивори въ чаши своей вино, и уготова свою трапезу. Посла своя рабы созывающіи съ высокими проповѣданіемъ на чашу, глаголющи: иже есть безумнъ, да уклонится ко мнѣ. П требующимъ ума рече: приидите, ядите мой хлѣбъ и пійте вино, еже растворихъ вамъ. Оставьте безуміе, и живи будите, да во вѣки воцаритесь, и възъщитѣ разума, да поживете... Начало премудрости—страхъ Господень, и совѣтъ святыхъ—разумъ. Разумѣти бо законъ—помысла есть благо. Симъ бо образомъ многое поживши время, и приложатся тебѣ лѣта живота.—Прит. Сол. 2, 1—11.

Не истощаясь въ умствованіяхъ, укажемъ церковный смыслъ сихъ священныхъ словъ, изреченныхъ премудрымъ Соломономъ почти за тысячу лѣтъ до Р. Х.,—смыслъ установленный отцами и учителями церкви, богомудрыми толковниками слова Божія. Этотъ смыслъ таковъ.—Источникъ всякой мудрости, Упостасная божественная премудрость,

*) Для внѣ-церковнаго собесѣдованія.

творческое Божіе Слово—разумъ созидаетъ свой храмъ для обитанія себѣ самой; закалаетъ свою жертву, растворяетъ въ чашѣ своей вино и приготовляетъ у себя трапезу. Затѣмъ посылаетъ слугъ своихъ проповѣдать съ возвышенностей: «кто неразуменъ, обратись сюда; идите, вкушайте хлѣбъ мой и пейте вино, мною растворенное; оставьте безуміе, чтобъ воцариться во вѣки, и взыщите разума, чтобы жить. Помните, что страхъ Господень есть начало премудрости, и разумъ въ познаніи Святаго и о Святомъ. Сიმъ образомъ иное проживешь время и приложатся тебѣ лѣта жизни».

Жилище для себя Упостасная божественная премудрость созидала и созидаетъ въ сердцѣ каждаго отдѣльнаго человѣка и въ сердцахъ многихъ людей въ совокупности, т. е. въ религіозномъ обществѣ или церкви, въ святылицахъ и храмахъ, а далѣе и во всякихъ здравыхъ, воспитательныхъ и училищныхъ учрежденіяхъ. На трапезѣ своей Упостасная премудрость предлагаетъ, какъ и предлагала съ начала міра всегда, прежде всего богопосвященную жертву и жертвенное возліяніе,— это буквально, а далѣе въ переносномъ смыслѣ проповѣдь слова Божія и всякое здоровое душеспасательное и душепитательное ученіе. Искони она посылала и донинѣ посылаетъ въ міръ своихъ глашатаевъ возвѣщать о себѣ блуждающему во мракѣ невѣдѣнія человѣчеству,—это богомудрыхъ патріарховъ, пророковъ и апостоловъ, церковныхъ благовѣстниковъ и всякихъ подвижниковъ въ словѣ и ученіи, непротивномъ слову Божію и полезномъ человѣчеству. При этомъ она провозглашаетъ основную аксіому истиннаго ученія, что страхъ Господень есть начало премудрости и разумъ въ познаніи Святаго; что только такая премудрость даетъ жизнь и крѣпость и долготѣіе; а безъ страха Господня, безъ позна-

нія о святомъ, безъ крѣпкаго и просвѣщеннаго религіознаго духа, не можетъ быть ни истинной мудрости, ни жизненной крѣпости.

Конечно, эта истина извѣстна намъ изъ всѣхъ дѣтскихъ учебниковъ. Но какъ вѣра въ нее колеблется вмѣстѣ съ вѣрою во многія даже основныя положенія религіозной догмы и морали, то освѣтить эту аксіому не только для дѣтскаго или юношескаго, но и для развитаго современнаго сознанія, въ этотъ праздникъ, съ сего священнаго мѣста, признаемъ дѣломъ благовременнымъ и полезнымъ, для развитаго созрѣвшаго сознанія еще болѣе полезнымъ, чѣмъ для дѣтскаго или созрѣвающего юношескаго.

Намѣтимъ важнѣйшіе моменты общечеловѣческой жизни, освѣщающіе эту аксіому, какъ отражалась она въ жизни всего человѣчества и отдѣльныхъ народовъ.

По преданіямъ всѣхъ древнихъ, болѣе или менѣе историческихъ народовъ, жизнь первобытнаго до-историческаго міра кончилась катастрофою потопа. Осмысливая связь между началомъ, продолженіемъ и роковымъ концомъ этой древней жизни, священное преданіе свидѣтельствуется, что еще семейство Адамово научено было отъ Бога приношенію жертвъ, прообраза великой мироочистительной жертвы обѣтованнаго Сѣмени,—что въ этотъ періодъ времени Упопастасная премудрость созидала себѣ жилище преимущественно въ племени сыновъ Божіихъ, въ потомствѣ Сиеа и особенно въ преемствѣ рода богоизбранныхъ патріарховъ до Ноя,—что уже Каинъ не умѣлъ соединить съ своимъ жертвоприношеніемъ надлежащаго возношенія Богу, сокрушеннаго духа и смиреннаго, кроткаго сердца,—что въ его потомствѣ быстро изсякъ до дна религіозный духъ,—что не менѣе именно у Каинитовъ зародились понятія о культурныхъ удобствахъ жизни, о построеніи городовъ для без-

опасности отъ враговъ, о кованиіи желѣза, о музыкальныхъ инструментахъ,—что порывы поавальной чувственности повлекли за собою смѣшеніе отверженнаго племени съ богоизбраннымъ, — изъ этой помѣси племень народились исполины, издревле сильные и славные люди, прославившіеся вѣроятно преобладаніемъ надъ другими; земля наполнилась злодѣйствами всякаго рода; всецѣло превратившись въ плоть, забывъ и потерявъ все духовное, люди стали неспособны быть носителями Духа Божія, Духа животворящаго, и до-потопный міръ пересталъ существовать, потому что не могъ существовать. Такъ было, по свидѣтельству библейскаго преданія. Но такъ называемая всеобщая исторія не знаетъ объ этомъ ничего, кромѣ разрозненныхъ и искаженныхъ народныхъ преданій о самой гибели первобытнаго міра отъ потопа. А еслибъ и знала,—то и тогда связь между фактомъ потопной катастрофы въ мірѣ вещественномъ съ причиною ея въ мірѣ нравственномъ, потерявшемъ способность къ дальнѣйшему существованію, оставалась бы для разсудка неясною. Почему и поспѣшимъ перейти къ яснѣйшему, болѣе извѣстному изъ общей исторіи.

Въ историческій послѣпотопный періодъ Упостасная Божія премудрость созидаетъ жилище для себя по преимуществу въ потомствѣ Симовомъ. По записанному за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. прародительскому благословенію Ноя патріарха, въ человѣчествѣ послѣпотопномъ, благословенному колѣну Симову предопредѣлено, что благословенъ будетъ Богъ Симовъ, что въ этомъ колѣнѣ сохранится для всего человѣчества вѣра въ единого истиннаго Бога; колѣну Іафета предназначено въ жребій, что Богъ распространитъ Іафета и вселитъ въ селеніяхъ Симовыхъ, вселитъ вещественно въ мѣстожителствѣ Симовомъ и ду

ховно въ истинной церкви Божіей; колѣну же Хамову присуждено лишеніе прародительскаго благословенія, а племя Ханаанову предопредѣлено даже проклятіе и рабство. Если племя Хамово забыло о своемъ родоначальникѣ, племя Іафета хочетъ и усиливается привести въ забвеніе своего, то племя Симово не хочетъ забыть и всѣмъ напоминаетъ о своемъ родоначальникѣ и симитскомъ своемъ родопроисхожденіи, какъ о непререкаемомъ историческомъ фактѣ. То далѣе безспорно, что въ колѣнѣ Симовомъ, для сохраненія истинной вѣры, выдѣлено особое богоизбранное поколѣніе, разросшееся въ избранный народъ Божій, который и противопоставляется въ словѣ Божіемъ всему остальному языческому человѣчеству. А это послѣднее языческое человѣчество дѣлится исторіею на народы, которые дѣлали или всеобщую или только свою собственную исторію, или же не дѣлали никакой.

Съ нашей точки зрѣнія окинемъ эти послѣдніе народы, которые долго не участвовали въ обще-историческомъ движеніи человѣчества. Въ Европѣ это племена финскія, жившія на сѣверѣ отъ Скандинавіи до Уральскаго хребта. Въ Азіи это аборигены сибирскіе и средне-азіатскіе, Китай и Индія; въ Америкѣ великія царства инковъ и ацтековъ; наконецъ въ Океаніи всѣ океаническія племена, со включеніемъ и Японіи. Чѣмъ всѣ эти народы, народцы и племена поражаютъ наблюдателя, если взглянуть на нихъ съ установленной нами точки зрѣнія? Вотъ, или по таинственному домостроительству Божію не достигали ихъ, или вольною волею не выслушавъ и не принявъ ими обращенный къ нимъ, какъ и ко всѣмъ народамъ, призывъ Упопастаской божественной премудрости; почему пока еще и не пошли они на ея зовъ въ ея домъ вкушать ея жертву, пить ея вино, учиться у нея разуму, основанному на

страхъ Божиємъ и на познаніи святаго, чтобъ воцариться, чтобъ утвердиться и жить долговѣчно. И что же? Исторія даже не записала, противились ли когда-либо милліоны сѣверо-европейскихъ финновъ нашествію славянскаго племени; съ молчаливою и страдательною покорностію року, они сливались, сливаются и сольются съ великорусскимъ народомъ. Сибирскіе народы отъ Урала до Восточнаго океана пали, чтобъ не возстать, подъ ударами, которые задумали нанести имъ два русскіе богатыря, казаки Ермакъ и Хабаровъ, съ горстью удалцовъ. Средне-азіатскіе народы, поднятые промыслительнымъ вѣтромъ, нанесли-было на сосѣднія страны, особенно же на христіюбивую Русь, разрушительнымъ порывомъ стениаго буруна; но встрѣченные отпоромъ, повидимому разрозненной слабости, но и вѣковой стойкости русскаго христіанскаго люда, отпрянули назадъ въ свои средне-азіатскія степи, и тамъ осѣли неподвижно на нѣсколько вѣковъ, пока богатырь уже нашего времени Черняевъ не отважился нанести имъ свой ударъ, также съ горстью русскихъ удалцовъ, не столько опасаясь чужихъ, чтобъ тѣ не отразили его, сколько своихъ, чтобъ эти не помѣшали, и къ подножію Россіи сразу пало нѣсколько царствъ. Китай и Индія развивались? Да. Жили, двигались и развивались очень короткое, сравнительно съ періодомъ всего бытія своего, время, именно пока только созидали свою религію, философію и поэзію, а затѣмъ и замерли на цѣлыя тысячелѣтія, пока горсти европейцевъ, именно горсти, сравнительно съ міриадами этихъ населеній, не вздумалось нанести имъ ударъ, и онѣ впали въ безпримѣрное рабство. Горсть жадныхъ англичанъ приволаиваетъ сотни милліоновъ индійцевъ, истощая ихъ голодомъ, вырабатывать отраву опія, для наживы своихъ господъ, а сотни милліоновъ китайцевъ платитъ тѣмъ же господамъ

горы золота и серебра за эту отраву и отравляться. И этот чуть не билліонъ злосчастнѣйшихъ рабовъ чужой жадности, отупѣвъ въ своемъ языческомъ безвѣріи или суевѣріи, съ животною покорностью овецъ, пассивно ждетъ, пока другая горсть христіанъ — русскихъ придетъ освободить ихъ отъ этой жадности, граничащей съ кровожадностію, и пробудить къ истинно-человѣческой христіанской жизни. Говорить-ли о народонаселеніяхъ внутренней и южной Африки, океаническихъ острововъ Азіи, Австраліи, даже Японіи? Они покоряются и покорятся всякой христіанской, европейской или американской рукѣ, которой вздумалось и вздумается протянуться, чтобы превратить ихъ въ своихъ подручниковъ, чтобы эксплоатировать, чтобы даже истреблять ихъ. Древнія сравнительно цивилизованныя и сильныя царства инковъ и ацтековъ не то же ли явленіе, только еще въ болѣе поразительной степени? Кортесъ и Пизарро, съ какими либо сотнями сподвижниковъ, разбили въ нѣсколькихъ сраженіяхъ большія арміи, разрушили древнія большія царства и покорили своему оружію цѣлую и громаднѣйшую часть свѣта. Чтожъ это выходитъ? Одно и то же явленіе всегда и вездѣ. Безъ христіанства, безъ истинной, богооткровенной религіи, безъ мудрости, истекающей изъ вѣчной Божіей премудрости, народы не могутъ развиваться въ смыслѣ просвѣщенія, какъ Китай и Индія, а царства не могутъ жить, или живутъ самобытно, хотя и мертво, какъ тѣ же опять Китай и Индія, только пока не приходятъ въ соприкосновеніе съ христіанствомъ. Но лишь только колесо христіанской исторіи касается ихъ своими зубцами, и вотъ неудержимо падаютъ даже такія издревле обособленные громады, какъ Китай и Индія въ Азіи, какъ царства инковъ и ацтековъ въ Америкѣ, не говоря о прочихъ неисторическихъ наро-

дахъ и племенахъ не-іафетитскаго корня. Распространеніе Іафетитовъ и вселеніе ихъ въ чужеродныхъ селеніяхъ,— это Божіе предопредѣленіе. Это законъ судьбы, законъ единообразія явленій природы. А принципъ единообразія явленій природы оказывается конечною большею посылкою всѣхъ наведеній, или—что тоже—оказывается аксіомою, по учению самой новѣйшей логики, самой позитивной философіи.

Переходя въ племенахъ и народахъ, дѣлавшимъ всеобщую исторію, отиѣтимъ, съ нашей точки зрѣнія, сперва судьбу и характеръ племени Хамитовъ. За нечестіе предка и свое собственное, такъ мрачно изображенное въ писаніяхъ современнаго имъ бытописателя Моисея, Хананеи обречены были на истребленіе и истреблены за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. Обреченные на рабство Хамиты вынуждены были, съ первоначала исторіи, уступить господство надъ собою Симитамъ и особенно Іафетитамъ, Арійско-Кавказскому племени, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ Хамиты поселились—было первыми аборигенами, какъ то въ Индіи и Египтѣ, какъ и въ дальнѣйшей Африкѣ. Даже въ Америкѣ, уже въ наши дни, одною изъ самыхъ ужасныхъ, изъ самыхъ критическихъ войнъ завоевано, громадными потоками христіанской крови куплено этому искони рабскому и скотски тупому, отверженному племени право быть не вьючнымъ продажнымъ скотомъ, а людьми и гражданами человѣческаго и христіанскаго общества. И христіанство сразу возвысило всѣхъ ихъ до пониманія своихъ человѣческихъ правъ, а нѣкоторыхъ поставило даже на ряду съ образованнѣйшими мыслящими людьми,— чудо, пока еще не виданное въ средней Африкѣ, гдѣ африканцы въ своемъ дикомъ невѣріи наслаждаются народною самобытностію, подъ деспотизмомъ своихъ бровожад-

ныхъ владыкъ, впродолженіи тысячелѣтій. Даже сравнительно высокая, первоначальная, преимущественно индустріальная культура основанныхъ Хамитами государствъ, ассирійскаго, финикійскаго и карфагенскаго, не спасла ихъ отъ конечнаго погрома при первыхъ столкновеніяхъ съ Арійско-Кавказскими племенами, съ персами, греками и римлянами, по Божію предопредѣленію. Внутреннюю исторію этихъ хамитскихъ государствъ, по гражданскимъ памятникамъ, которыхъ мало и осталось, мы знаемъ очень мало. А по свидѣтельству памятниковъ священно-историческихъ, которыхъ остался цѣлый непрерывный рядъ, и памятниковъ современныхъ самой описываемой исторіи, да и постепенно освѣщаемыхъ новѣйшими открытіями, эти народы жили, господствовали надъ міромъ и процвѣтали, пока не исполнилась предопредѣленная мѣра ихъ нечестія, пока не потухъ въ нихъ исконный, наслѣдованный отъ до-исторической эпохи, духъ религіознаго страха предъ горнею небесною силою и не замолкъ подавленный беззаконіемъ естественный голосъ совѣсти. Но когда окончательно развѣла ихъ язва чувственности и сладострастія, роскоши и нѣги, неправеднаго стяжанія и насилія, кроваваго и студнаго идолопоклонства, тогда надъ каждымъ изъ этихъ государствъ, въ небесной книгѣ судебъ, и начертано роковое: мани, фекель, фаресъ...

Болѣе знакомъ намъ, по разнообразнымъ историческимъ памятникамъ, внутренний духовно-нравственный строй родственныхъ, по іафетитско-арійскому корню, народовъ, по крайней мѣрѣ, господствующихъ между ними классовъ въ Египтѣ, въ передней Азіи у персовъ, мидянъ и лидянъ, у іонійцевъ и дорійцевъ, вообще у еллиновъ, и наконецъ у римлянъ. Съ нашей точки зрѣнія мы имѣемъ право смотрѣть на всѣ эти народы и царства, какъ на

единое цѣлое. Все это были историческіе ручьи, которые текли въ море вѣчности единымъ водонаклономъ древне-историческаго, языческаго, дохристіанскаго человѣчества, и наконецъ слилась въ большую рѣку Еллино-Римскаго цѣства. Это было родословное дерево, росшее изъ одного племеннаго корня, проникнутое соками наслѣдованной отъ предковъ, но своеобразно переработанной и временемъ искаженной въ разнovidные миѣи религіи, единой догмы, единого культа, единой морали, единого историческаго преданія, единого источника поэзіи, народнаго духа и прирожденнаго іафетитамъ стремленія къ всемірному владычеству. Это были волны одного моря, которыя, сталкиваясь, разбиваясь одна о другую, нарастая и вздымаясь выше и выше, выработали именно въ лицѣ Греціи и Рима самый высокій подъемъ древне-историческаго, естественно-человѣческаго языческаго духа. По аналогіи наростанія и упадка этихъ народныхъ волнъ въ единомъ историческомъ водоемѣ, мы видимъ у всѣхъ этихъ народовъ постепенную одновременность лучшихъ нравственныхъ явленій: самыхъ попечительныхъ о народномъ благѣ фараоновъ въ Египтѣ, Кира и Дарія Истаспа въ Персіи, Кодра и Пифагора, Солона и Ликурга въ Елладѣ, Муція Сцеволу и Нуму Помпилія, Лукрецію и Брута въ Римѣ. Это первая серія современности лучшихъ историческихъ лицъ, послѣ которой въ Египтѣ и Персіи самобытная историческая жизнь погасаетъ. Второю серіею были въ Елладѣ Мильтіадъ и Климонъ, Леонидъ съ своими сподвижниками спартянцами, Сократъ и Платонъ, Демосѣенъ, Діогенъ и Аристотель съ своимъ блистательнымъ ученикомъ, цвѣтомъ древняго человѣчества Александромъ; а въ Римѣ Регуль и Сципіоны, послѣ чего не только еллинская, но и римская жизнь, быстро пошла къ упадку, такъ что стоитъ дальше упомя-

нута только въ Римѣ какъ о возвышенныхъ явленіяхъ, но и то почти только ума, а не нравственности, только о Цицеронѣ и Сенекаѣ.

Что же мы видимъ, съ нашей точки зрѣнія, въ этомъ подъемѣ величій древне-историческаго языческаго міра,— подъемѣ, который намѣчаетъ собою сперва поднимающуюся, а за тѣмъ спускающуюся долу высоту его духа? Видимъ высшую кульминаціонную точку выработанной древнимъ языческимъ міромъ нравственности въ Сократѣ, а высшую кульминаціонную точку ума въ Платонѣ. Въ первомъ, въ Сократѣ видимъ цѣломудренную чистоту тѣла, если и не помисловъ, пестяжительность, мужество воинское и гражданское, благоразуміе, благодушіе, благожелательность ко всѣмъ, незлобіе даже къ врагамъ, преданность законамъ отечества и горнему Промыслу, наконецъ мученичество за служеніе добродѣтели и высокоблагодушную кончину. Видимъ въ Платонѣ, что въ его философію втекли самые чистые струи любомудрія индійскаго, египетскаго и всѣхъ отраслей философіи еллиназкой; туда же влилось нѣсколько кристаллически свѣтлыхъ капель и еврейскаго богомудрія, хотя и просочившихся чрезъ египетское суемудріе. Видимъ, что Платонъ, въ своемъ заоблачномъ пареніи въ высъ философскаго умосозерцанія, едва не востекаетъ до высоты созерцанія даже христіанскаго въ ученіи о Высочайшемъ существѣ, о творческомъ словѣ, о животворящей душѣ міра, какъ космоса, какъ гармонически-прекраснаго отраженія вѣчной красоты вѣчныхъ идей божественнаго разума. Видимъ въ этой философіи такую обще-человѣческую глубину и все-объемлемость, что даже изъ новѣйшихъ своеобразныхъ философовъ почти всякій пристраиваетъ эту древнюю философію къ собственной точкѣ зрѣнія и усматриваетъ въ ней почти что свою собственную систему, теистъ—теисти-

ческую, пантеистъ—пантеистическую, гегелистъ—гегелианскую и т. д. Во всякомъ случаѣ, выше Сократа, выше Платона древне-языческая мораль, древне-языческая мысль не восходили. Теперь спрашивается, признавали-ль ближайшіе современники Сократа и Платона, что первый изъ нихъ нравственно-прекрасенъ, а второй умственно-возвышенъ? Признавали, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ. А подражали-ль Сократу, а слѣдовали-ль Платону? Нѣтъ, не подражали и не слѣдовали. А почему? Конечно, повторить въ себѣ Сократа всякому другому трудно, почти до невозможности. Но, казалось бы, слѣдовать философіи Платона не такъ трудно; стоило только уяснить ее себѣ, изучить и усвоить. Но нѣтъ, мы видимъ, въ эпоху послѣ Платона и Аристотеля, въ греческой философіи тысячи не рѣкъ, а ручьевъ, которые дробятся, мельчаютъ, засоряются больше и больше, пока собою не погрязаютъ въ болотѣ материалистическаго скептицизма, или же не высыхаютъ окончательно въ пескахъ полной миражей, но совершенно безплодной степи фантастическаго неоплатонизма, перешедшаго въ чудовищный маразмъ уродливаго гностицизма. Еллино-Римская, какъ и вся древне-языческая жизнь, съ этой эпохи, съ высоты, на которую поднялись-было Сократъ и Платонъ, Аристотель и Александръ, Сципіоны африканскій и азіатскій, спускается внизъ, можно сказать, обрывомъ. А отчего? Древній духъ отцовъ упалъ. Наслѣдованный отъ отцовъ крѣпкій духъ незыблемой вѣры въ горнюю силу, въ загробное воздаяніе, въ обязательность добродѣтели и долга, духъ, естественно породившій Гекторовъ и Аяксовъ, Кодровъ и Муцій Сцеволю, спартанскихъ матерей и римскихъ Лукрецій, Леопида и Регула, и тысячи еллино-римскихъ прославившихъ отечество героевъ, которымъ и умирать за отечество было сладко, этотъ духъ

потухъ, измельчалъ, искажился до низости, до подлости, до скотской жадности, до звѣрской кровожадности, до криковъ римской черни: *rapem et circenses*. А вмѣстѣ съ пониженьемъ общей духовной настроенности упалъ до безсилія, до низости, до отчаянной мрачности или пошлости, и умственный кругозоръ. Этотъ упадокъ очевиденъ даже въ гениальнѣйшихъ представителяхъ этого кругозора. Такъ искренняя, хотя и испещренная мифами вѣра Омира въ небо, безсмертіе и добродѣтель, въ близость смертныхъ къ безсмертнымъ, переродилась въ Виргиліи только въ грустный поэтический вздохъ: «блаженъ кто вѣруетъ, — тепло тому на свѣтѣ», — въ поэтический вздохъ невѣрія о золотомъ вѣкѣ, когда боги жили съ людьми на землѣ и люди могли входить въ общеніе съ безсмертными; а послѣдующая, или даже современная Виргилію поэзія обнажая пѣла или опозоривала уже только самыя низкія страсти и грубые пороки обыкновенныхъ смертныхъ, которые не только по немощи, но и съ умысломъ систематически воспроизводили въ себѣ всѣ безобразія, приписанныя необузданною мифическою фантазіею богамъ безсмертнымъ. Такъ Титъ Ливій имѣлъ еще силу, по духу живаго преданія, увѣковѣчить въ письмени героическіе подвиги предковъ, возвеличившіе Римъ. Но Тацитъ, уже безсильный вѣрить въ вѣковую легенду, превращенную въ наши дни Нибуromъ въ ученую червоточину, силенъ былъ только предать позору въ потопствѣ страшно-постыдный разгромъ нравовъ своихъ современниковъ. Цицеронъ и Сенека меланхолически выразили уже только то, что и сами они безсильны вѣрить въ возвышеннѣйшія ученія древности, а осуществить ихъ въ жизни немощны всѣ люди до одинаго. Съ минуты, что первый авгуръ унывалъ въ лицо другому авгуру при взаимной встрѣчѣ, древняя языческая религія стала или шуткою или горькимъ

напоминаніемъ объ отчаянной немочи вѣрить во что либо премірное, о роковой близости смертнаго часа для исторически выросшаго народа, изъ котораго улетѣла оживлявшая его исторію душа, оставивъ изнемогающій въ агоніи трупъ. А когда изъ трупа отлетала душа, то вмѣстѣ съ нею отлетѣлъ и умъ; даже когда душа изнемогала, изнемогали и умъ, такъ какъ то напрасная мечта,—отдѣлять умъ народа отъ историческаго народнаго духа. Падаютъ общее духовное настроеніе, падаютъ и острота ума, затемняется и сознаніе, исчезаетъ сознательное разумное самоопредѣленіе народной единицы, еще прежде политической смерти народа, какъ почти всегда бываетъ при смертномъ изнеможеніи и отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ и сбывалось въ исторіи древнихъ языческихъ народовъ пророчество Даніилово, осуществлялось въ очію видѣніе Навуходоносора. Древній истекавшій отъ прародительскаго корня духъ вѣры и добродѣтели, вмѣстѣ съ постепеннымъ переходомъ по органическому тѣлу древне-историческаго языческаго человѣчества, постепенно теряя въ цѣнности, но приобрѣтая въ крѣпости, спускаясь по вѣкамъ отъ золота чрезъ серебро до греко-македонской мѣди и римскаго желѣза, въ послѣдніе вѣка римской жизни сталъ желѣзно-скудельнымъ. Сталъ не потому только, что въ тѣло римскаго народа вошла скудельная примѣсь чуждыхъ народностей, но и потому, что желѣзная крѣпость римскаго духа перерождалась въ хрупкую и нечистую глину пороковъ и страстей, слабостей и обще-народнаго бездушія. А послѣ такого перерожденія тѣлу языческой культуры ничего не оставалось, какъ только рухнуть, рухнуть сколько отъ собственной тяжести и слабости опоры, столько же и отъ сторонняго удара. Насталъ предопредѣленный часъ, что по скудельнымъ ногамъ его ударилъ камень христіан-

ства, оторвавшійся отъ горы ветхозавѣтнаго еврейства, и тѣло древне-языческаго міра разсыпалось по вѣтру прахомъ.

Перенесемъ свои взоры въ ту міровую точку, да, почти точку въ сравненіи съ величіемъ римской вселенной, откуда нанесенъ этотъ роковой для старой языческой и вожделѣнный для новой христіанской жизни ударъ. Вотъ на горѣ богоизбраннаго племени отъ Сима, чрезъ рядъ патриарховъ до Авраама, Исаака и Іакова, вѣстасная божественная премудрость строитъ свое селеніе, свой домъ и храмъ, для поклоненія единому истинному Богу. Въ этомъ храмѣ устанавливаетъ цѣлое учрежденіе жертвъ и возліаній, прообразовъ всемірной крестной жертвы. Посылаетъ въ міръ своими глашатаями Моисея и Самуила, Давида и Соломона, Исаію и Даниила, какъ и другихъ пророковъ. Замѣтьте, греческаго Платона теперь забыли всѣ, кромѣ немногихъ ученыхъ. А голосъ этихъ богодухновенныхъ глашатаевъ мудрости божественной звучитъ еще во всѣхъ концахъ и во всѣхъ самыхъ темныхъ углахъ земли, да и будетъ звучать до кончины міра. Замѣтьте, что проникнутое ихъ ревностно-религіознымъ, хотя, по пришествію Христа, и сѣуженнымъ и ложно направленнымъ духомъ, еврейство прошло чрезъ всѣ міровые перевороты и стоитъ несокрушимо даже до сего дня во исполненіе Божіихъ судебъ. Замѣтьте, что проникнутые болѣе или менѣе тѣмъ же духомъ древнихъ патриарховъ, даже Сарацины, потомки Сима чрезъ Авраама и Измаила, сохраняются до нашихъ дней даже политически самобытною народностію, по вѣщему благословенію Ноя: *благословенъ Богъ Симонъ*, и по предопредѣленію Божію, чтобъ Измаиль плотской гналъ Исаака духовнаго, сына обѣтованія, до уреченнаго времени, пока самъ не будетъ изгнанъ изъ отеческаго дома, изъ числа политически господству-

ющихъ народностей. Отторгшимся отъ горы ветхо-завѣтнаго еврейства и разбившимъ тѣло древняго язычества камнемъ была сама, явившаяся въ міръ принести свою искупительную жертву, зажечь свѣточъ божественной истины, Упостасная Божія премудрость, вѣчное Божіе Слово-Разумъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Заполняя старые и новые народы и преобразуя ихъ въ новое христіанское общество, сообщая ему уже не вѣковую, а тысячелѣтнюю прочность, какою не обладали общества древняго цивилизованнаго міра, этотъ камень, разбивъ тѣло древней языческой цивилизаціи, растетъ въ гору, которая захватываетъ всю землю. Смотрите же теперь, вырастая и возвышаясь, не пришли-ль и мы въ обрыву, какъ пришелъ въ свой часъ древній еллино-римскій міръ?

Не говорите, что теперь европейская цивилизація выше, чѣмъ была при Григоріи VII, или Филиппѣ II, при царяхъ Θεодорѣ Іоанновичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, и что она постоянно возвышается. Пусть русскіе благочестивыхъ временъ нашихъ царей, пусть западно-европейцы временъ Карла Великаго и крестовыхъ походовъ были грубѣе, малообразованнѣе, политически слабѣе и бѣднѣе современныхъ народовъ. Но то бесспорно, что развитіе христіанской Европы, отъ паденія въ ней язычества и до французской революціи, что развитіе нашего народа отъ Владиміра Великаго и до послѣднихъ дней было очевиднымъ развитіемъ, ростомъ, возмужаніемъ, органическимъ укрѣпленіемъ, постояннымъ восхожденіемъ въ зенитъ подъема духовныхъ народныхъ силъ. Что европейская цивилизація достигла своего зенита, то допустить позволительно. Но что она не склонилась уже и къ своему западу, то весьма сомнительно. Вѣдь и еллино-римскій міръ стоялъ именно въ зенитѣ своего величія въ эпоху Суллы и Марія, Юлія Цезаря.

заря и Помпея, Цицерона и Катилины, Октавія Августа и Антонія, Виргилія и Горація. Между тѣмъ однакоже эта эпоха и была гранію, съ которой началось быстрое разложение древней исторической языческой цивилизаціи. Не началось ли такое же разложение и для Европы съ французской революціи?

Страхъ Божій въ христіанскомъ европейскомъ мірѣ явно изсякаетъ. Познаніе святаго и о святомъ не только забывается, но и отвергается. Ясно, что Златоусты и Августины въ Европѣ не повторятся. Пусть ихъ себѣ не повторятся западно-католическія величія, Григоріи VII, Иннокентіи III. Но они были знаменами, которыя развѣвались на высшей точкѣ подъема западно-католическаго христіанскаго духа. Едва ли также повторятся когда-либо величественно-умилительныя картины христіанскихъ кончинъ великаго Императора Карла V, великаго короля Людовика XIV? Не кончила ли западная церковь свою болѣе или менѣе просвѣтительную исторію Массильономъ и Бурдалу, Піемъ IX и Дюпанлу? А протестантская церковная община кончила свою церковную исторію самымъ началомъ своимъ, начавъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ христіанствѣ свою разрушительную миссію. Не кончила ли и вся Европа преемственный рядъ великихъ просвѣтителей челоѣчества еще христіанскими мыслителями Шекспиромъ и Бьютономъ, Лейбницемъ и Кантомъ? Съ тѣхъ поръ, что Вольтеръ съ подобными себѣ дерзнулъ кощунственно коснуться основъ христіанской вѣры, не потерялъ ли европейскій умъ всякую почву подъ ногами? Фихте и Гегель, Милль и Бэнъ не измыслили-ль системъ, которыя чтобъ понять и принять, нужно сперва помѣшаться въ умѣ, которыя аналогичны неоплатонизму и скептицизму, —этимъ послѣднимъ, тяжкимъ предсмертнымъ вздохамъ изнемогающаго языческаго

сознанія? А дарвинизмъ не обращаетъ ли насъ назадъ не только въ древнее язычество, но и въ предполагаемое имъ первобытное скотство? А социализмъ не проповѣдуетъ ли убійство и разрушеніе, какъ догматъ и заповѣдь новѣйшаго, послѣдняго по пророчествамъ предъ концомъ міра, сатанинскаго завѣта? А пессимизмъ Гартмана не превозглашаетъ ли самоубійство и міроубійство, какъ послѣднее слово индуктивной науки, какъ конечный выводъ самоубившагося, саморазлагающагося Европейскаго ума?

Скажемъ не свое, а чужое и авторитетное слово о томъ, что движеніе впередъ къ здоровому развитію становится въ Европѣ мало вѣроятнымъ. Вотъ одно авторитетное слово (Дизраели-Биконсфильда) о духовно-религіозной области: «вѣра гибнетъ и сознаніе долга исчезаетъ. Глубокое уныніе овладѣло умомъ человѣка. Священникъ сомнѣвается, власть безсильна править, толпа стонетъ и томится и взываетъ въ безуміи къ невѣдомымъ богамъ». Вотъ другое (*Лабуле*) авторитетное слово о наукѣ и ея значеніи: «справедливость требуетъ сознаться, что въ наши дни наукой считается то, что есть лишь ея отрицаніе. Это—модное ученіе объ эволюціи. Нужно сознаться, что чрезъ эту гипотезу наши свѣдѣнія о происхожденіи жизни и о родствѣ живыхъ существъ не умножились ни мало. Но перенести эту теорію, а съ нею и борьбу за существованіе, т. е. естественное и необходимое торжество силы, въ политику, это значило бы отодвинуть цивилизацію за предѣлы языческаго міра. Еслибъ эти новыя ученія восторжествовали, послѣднимъ словомъ ихъ было бы возвращеніе къ спартанскимъ законамъ, прогрессъ въ смыслѣ понятнаго движенія. Онѣ усиливаются убѣдить человѣка, что свобода есть унаслѣдованная иллюзія, добро и зло—дѣтская сказка, право—другое имя для насилія, а

нравственная отвѣтственность—предразсудокъ воспитанія». А вотъ и третье авторитетное слово (историка *Тэна*) о социальномъ наклонѣ общества: «въ свою революцію Франція была въ состояніи болѣзненнаго изступленія; для нея начиналось разложеніе всѣхъ основъ, на которыхъ зиждется общественный строй; она стояла въ преддверіи такого порядка вещей, подобные коему нужно искать развѣ на островѣ Отаити». Но французская революція въ Европѣ не кончилась. Съ 789 года не прошло еще сотни лѣтъ; до 889 не достааетъ еще больше 10 лѣтъ. А вспомнимъ, какіе громадныя умственные и политическіе перевороты принесло каждое изъ десятилѣтій деживаемаго девяностолѣтія. Величайшій государственный человѣкъ нашего времени (*Бисмаркъ*) скорбитъ, что онъ живетъ въ «поколѣніи язычниковъ», и увѣряетъ, что «если въ Германіи есть еще самоотреченіе и преданность Государю и отечеству, то это остатокъ религіознаго вѣрованія, который безсознательно держится въ народѣ отъ прежняго времени».

Смотрите, обезьянски перенимая чужеродное худое, отряхая прахъ отъ ногъ отъ хорошаго роднаго, старорусскаго, святоотеческаго, не умираемъ ли и мы русскіе для умственной жизни, почти не живши? Не соскакиваемъ ли въ бездну съ высокаго утеса, который выдвинула за облака сила русскаго, въ продолженіи тысячи лѣтъ христолюбиваго, воспитаннаго вселенскимъ христіанствомъ, благочестиваго духа, въ лицѣ одного изъ величайшихъ мыслителей, богослововъ, ораторовъ, канонистовъ, государственныхъ мужей, іерарховъ, митрополита московскаго Филарета? Не истощилась ли русская, поэтически творческая сила въ лицѣ одного настоящаго поэта Пушкина, который, служа отраженіемъ современныхъ ему великихъ поэтовъ Гете и Байрона, относится къ вѣрѣ и отрицанію ея уже только

объективно, уже не имѣя вѣры, но пока еще и не отрицающая еѣ; впрочемъ не щадя и острыхъ непочтительныхъ къ ней словъ, по примѣру названныхъ своихъ руководителей, Гете и Байрона, которые воспѣвали какихъ либо Мефистофеля, Манфреда и подобныхъ носителей сатанинскаго духа съ большимъ сочувствіемъ и художническимъ усердіемъ, чѣмъ ангеловъ свѣта, чистоты и невинности? Между тѣмъ мысль, мнящая себя современною, уже вооружается остракизмомъ и на такую объективную поэзію, безъ сожалѣнія и даже страстно склоняясь именно на сторону безусловнаго отрицанія, — отрицанія самой поэзіи, какъ безплоднаго для матеріальной жизни служенія возвышенно изящному. Посмотрите, какой на нашей памяти въ пятьдесятъ лѣтъ уже нашей жизни сдѣлали мы громадный и отчаянный скачекъ отъ Карамзина и Жуковскаго до современныхъ адвокатовъ, публицистовъ, популяризаторовъ науки и всѣхъ подобныхъ новѣйшихъ слугъ или точнѣе — узурпаторовъ слова и мысли, которые выше измѣряемыхъ математически матеріальныхъ предѣловъ не видятъ ничего, которые свое высокое находятъ въ отрицаніи безконечно-высокаго, а божественное отвергаютъ, какъ уже вредную идею!

Любезные братья и чада! Помните, что сама божественная Упостасная премудрость создала сей домъ и храмъ, утвердила подъ нимъ семь столповъ, на которыхъ основана и вся вселенская церковь, заклала здѣсь свою жертву и растворила въ чашѣ своей вино, и угодовала трапезу разума. И зоветъ чрезъ своихъ глашатаевъ: *уже есть безуміе, да уклонится ко мнѣ. И требующимъ ума въщаетъ: прїидите, ядите мой хлѣбъ и пейте вино, еже растворихъ вамъ. Оставьте безуміе и живи будите. Страхъ Господень — начало премудрости.* Помните, что

Промыслѣ Божіемъ вы призваны сюда не для того, чтобъ увлечься мудростію міра и вѣка сего, которая по грозному Христову предсказанію сильна прельститъ и избранныхъ, если бы то Богъ попустилъ, но чтобы быть свѣточами, сѣменемъ святымъ, опорою міра всегда и вездѣ, и здѣсь въ ученіи и учительствѣ, и въ служеніи наукъ и отечеству. Смотрите и бойтесь. Нѣкоторые изшедшіе отъ насъ выработали себѣ печально-мрачную славу не только явныхъ отщепенцевъ вѣры и церкви, но и враговъ общественнаго порядка въ отечествѣ, враговъ тайныхъ и явныхъ. Помните, что прозелиты будто бы новыхъ учений, а въ сущности жалкихъ повтореній извѣчнаго человѣческаго суемудрія, становятся ренегатами вѣковѣчныхъ заветовъ святоотеческихъ. А ренегаты Іуды всегда опаснѣе и вреднѣе всегдашнихъ открытыхъ враговъ фарисевъ, саддукеевъ и всякихъ подобныхъ враговъ Христовыхъ. Аминь.

1878 г.

ПОУЧЕНІЕ

въ день св. Іоанна Златоустаго, въ церкви уфимской духовной семинаріи ноября 13 (1877 года).

Сущность христіанства, какъ союза Бога съ человѣкомъ.

*Прародителейъ соборъ, прійдите, вселенски
да восхваляемъ: Адама прародца, Еноха,
Ноя, Мелхиседека, Авраама, Исаака и
Іакова,—по законъ Моисея и Аарона,
Іисуса, Самуила и Давида,—съ ними же
Исаію, Іеремію и Іезекіиля, Даніила, и
дванадцать, купи Ілію, Елисея За-
харію и Крестителя, и ея проповѣдав-
шія Христа, жизнь и воскресеніе рода
нашего. Стих. нед. святыхъ прародителейъ.*

Это стихира изъ службы недѣли святыхъ прародителейъ. Вы знаете, что послѣдняя предъ праздникомъ рождества Христова недѣля называется, на церковно-богослужебномъ языкѣ, недѣлею предъ рождествомъ Христовымъ, или недѣлею святыхъ отецъ; а предпослѣдняя недѣля называется недѣлею святыхъ прародителейъ. Вы знаете, что святыми Бого-отцами называются святыя родители Богоотровицы Маріи Іоакимъ и Анна и прочіе ближайшіе предки Господа Іисуса чрезъ Марію Богоматерь и чрезъ нареченнаго обручника Ея Іосифа; а прародцами называются дальнѣйшіе

предки Господа нашего до Давида царя, Авраама патриарха и праотца Адама, какъ и всѣ богоугодные ветхо-завѣтные предшественники Господа нашего. Впрочемъ, обѣ эти недѣли, какъ святыхъ праотецъ, такъ и святыхъ Бого-отецъ, посвящаются воспоминанію именно всѣхъ богоугодныхъ предшественниковъ Христовыхъ, какъ прямыхъ по прямой линіи прародителей Христа, такъ и всѣхъ святыхъ ветхо-завѣтныхъ патриарховъ, первосвященниковъ, пророковъ и святыхъ женъ, съ вѣрою чаявшихъ въ ветхомъ завѣтѣ пришествіе обѣтованнаго Избавителя и подготавливавшихъ это пришествіе своею жизнію и дѣяніями, вѣрою и проповѣдію, — всѣхъ начиная не только съ кровныхъ предковъ Господа, Адама и Свѣа, но и съ первомученика Авеля, чрезъ Мельхиседека, Іова, Іосифа, Аарона и Самуила, Исаію и Данила, Ілію и Елисея, и до величайшаго въ средостѣніи обоихъ завѣтовъ пророка Іоанна Крестителя, съ его праведными родителями, Захаріею и Елисаветою.

Церковь не желаетъ, чтобъ эти праздники пришли и прошли для насъ безслѣдно; чтобъ въ этомъ году празднованіе ихъ осталось безучастно механически совершеннымъ дѣломъ, какъ остается для множества вѣрующихъ нерѣдко, если только не большею частію; желаетъ, наоборотъ, чтобъ эти праздники прошли для вѣрующихъ, для ихъ сердца и сознанія, благоплодно. Потому-то церковь и приглашаетъ вѣрующихъ своею пѣснію: *приидите, чтители и любители праздниковъ, восхвалимъ соборъ праотцевъ: Адама праотца, Еноха, Ноя, Мельхиседека, и всѣхъ, Захарію и Крестителя, предвозвѣщавшихъ Христа, жизнь и воскресеніе рода нашего*. А скажите, многіе-ль изъ православнаго христіанства и многое-ль знаютъ о самомъ Адамѣ, о самомъ Предтечѣ Христовомъ, не говоря

уже объ Енохѣ, Мельхиседекѣ, Исаи, Даниилѣ и другихъ великихъ свѣтилахъ ветхаго завѣта?... Увы! Религіозное знаніе едва ли расширяется и углубляется съ теченіемъ вѣковъ. Было разъ въ церковной исторіи время, когда св. Златоустъ и современники его жаловались на то, что даже рыночныя торговки на площадяхъ препираются между собою о глубочайшихъ догматахъ христіанскаго богословія. Было да прошло то время... Позже того наши русскіе благочестивые предки знали многое по четъ-минеямъ, по житіямъ святыхъ, по святцамъ, по богослужебному уставу. Въ нашъ же широко-просвѣщенный вѣкъ преемникамъ св. Златоуста приходится жаловаться уже не на то, что рыночныя торговки богословствуютъ, а на отсутствіе въ огромномъ большинствѣ православнаго люда, даже нерѣдко въ такъ называемомъ образованномъ кругѣ, — на отсутствіе элементарнѣйшихъ знаній христіанства, его догмы, его исторіи. Безпредѣльно прискорбно и позорно, что многіе и очень многіе не имѣютъ историческаго, да почти и никакого разумѣнія о самомъ Христѣ Спасителѣ. А гдѣ же тутъ спрашивать какого-либо знанія объ Исаи, объ Елисеѣ, объ Езекии, о Самуилѣ, объ Ааронѣ, о Мельхиседекѣ и т. д...? Впрочемъ, и знающимъ благотворно и спасительно вспомнить древнихъ угодниковъ Божіихъ, спасительно послушаться гласа церкви и съ сознательною вѣрою восхвалять память ихъ ежегоднымъ прославленіемъ, вмѣстѣ съ церковію.

Потому-то мы и рѣшаемся предпослать приближающемуся празднику рождества Христова нѣсколько бесѣдъ въ честь и память ветхозавѣтныхъ святыхъ божіихъ. А какъ въ два дня, въ недѣлю святыхъ праотцевъ и въ недѣлю святыхъ отецъ, многое сказать нельзя, то рядъ этихъ бесѣдъ мы и рѣшаемся начать съ нынѣшняго дня. Начи-

наемъ именно съ вашего праздника, съ вашей церкви и вашего собранія особенно потому, что первая наша бесѣда для инаго собранія, для слушателей въ иномъ составѣ была-бы не вполне вразумительна, такъ какъ для ея уразумѣнія требуется довольно широкое знаніе священно-церковной исторіи и догматики. А вы, духовные питомцы сего духовнаго заведенія, будущіе духовные учителя и пастыри православнаго народа, вынесете—надѣюсь—изъ нашей бесѣды идею, которая въ нашей головѣ давно уже созрѣла, окрѣпла, и отъ лѣтъ, отъ склона къ старости, быть можетъ, уже и тускнѣетъ, а въ вашихъ юныхъ головахъ, быть можетъ, загорится свѣтомъ, просвѣщающимъ вашу юность, грядущую въ міръ.

Вы, конечно, слышали, вы знаете, что огромную серію всѣхъ событій, обнимающихъ какъ ветхій, такъ и новый завѣтъ, связываетъ идея именно завѣта, идея религіи, какъ свободнаго союза и договора Бога съ человѣкомъ.

Станьте на такую точку зрѣнія. Вотъ съ одной стороны—Господь Богъ, съ другой—разумно свободный человѣкъ, а связью между ними стоитъ посредникъ или ходатай и испоручникъ—поручитель (Евр. 7, 22) завѣта, Сынъ Божій. Богъ съ человѣкомъ, при посредствѣ Ходатая, вступаютъ между собою въ союзъ или договоръ. Богъ творитъ человѣку благодѣянія, даруетъ обѣтованія и предъявляетъ свои требованія; человѣкъ, болѣе или менѣе свободно и сознательно, пріемлетъ то и другое и третье, менѣе свободно пріемлетъ благодѣянія, начиная съ самаго бытія своего, а болѣе свободно пріемлетъ обѣтованія и требованія Господни. Посредникъ же или Ходатай скрѣпляетъ сей завѣтъ или договоръ и примиряетъ обѣ договорившіяся стороны, съ одной стороны умѣряя и укрощая требованія неумытной правды Божіей, а съ другой—врачуя не-

мощное и восполняя оскудѣвающее, недостающее со стороны человѣка.

Съ первой стороны, со стороны Бога, завѣтъ Его съ человѣкомъ (въ лицѣ Богочеловѣка) имѣетъ началомъ своимъ вѣчность въ прошедшемъ, а концомъ вѣчность въ будущемъ. Богъ не колеблется, яко человѣкъ, ни измѣняется, яко сынъ человѣческій. Въ сей вѣчно неизмѣнный завѣтъ моменты измѣненія и разграниченія, внесены ограниченностію и измѣнчивостію только человѣка. Оттого и появились въ вѣчно-единомъ завѣтѣ временные періоды раздѣленія.

И во-первыхъ, завѣтъ Бога съ человѣкомъ распадается на двѣ великія половины, въ средѣ которыхъ лежить камнемъ преткновенія паденіе перваго человѣка,—на завѣтъ *первобытный* и завѣтъ *возстановленный*. Со стороны Бога, для котораго тысяща лѣтъ, яко день вчерашній, или и того меньше, яко стража ночная, какъ часъ ночной, среди сна утекающей мимолетною минутою,—со стороны Бога завѣтъ *первобытный* имѣетъ началомъ своимъ предвѣчный совѣтъ въ тріупостасной раздѣльности тріупостаснаго единства существа Божія,—совѣтъ, на которомъ предопредѣленъ для ограниченной твари, а для вѣчности Божіей тогда же, въ одинъ моментъ, и осуществленъ вѣчный планъ относительно творенія, искупленія и всего домостроительства спасенія человѣка. А концомъ своимъ первобытный завѣтъ для Бога имѣетъ возстановленіе завѣта обѣтованіемъ объ искупительномъ Сѣмени, какъ и дѣйствительнымъ сотреніемъ главы змія чрезъ искупительную жертву обѣтованнаго Избавителя; такъ какъ обѣтованіе Бога для Бога значитъ тоже, что и исполненіе обѣтованія. Для человѣка же началомъ первобытнаго завѣта его съ Богомъ служить сотвореніе, а концомъ паденіе первыхъ людей, Адама и Евы.

Завѣтъ *возстановленный* съ высшей горней точки зрѣнія, съ точки зрѣнія божественной вѣчности, на сколько она доступна нашему постиженію, имѣетъ своимъ началомъ возстановленіе въ завѣтъ падшаго человѣка, первымъ-ли обѣтованіемъ объ искупительномъ Сѣмени, или дѣйствительнымъ искупленіемъ на крестѣ, или даже предопредѣленіемъ объ искупленіи въ предвѣчномъ совѣтѣ, а концомъ вѣчность въ будущемъ, когда Сынъ Божій и человѣческій возсядетъ одесную Бога въ вѣчномъ покоѣ, покоривъ подъ ноги своя всѣхъ враговъ своихъ и самъ, даже въ лицѣ спасаемыхъ, приводимыхъ въ полное покореніе Богу тварей, всецѣло покорится покорившему Ему всяческая. Для человѣка же *возстановленный* завѣтъ начинается обѣтованіемъ объ искупительномъ Сѣмени, а простирается, чрезъ искупительную смерть обѣтованнаго Сѣмени и чрезъ окончательную побѣду Его надъ смертію и діаволомъ въ день кончины міра, въ предѣлы вѣчности, вѣчно недосыгаемой для человѣческой ограниченности.

Завѣтъ *возстановленный*, обнимая на землѣ пространство времени отъ перваго обѣтованія объ искупительномъ Сѣмени и до кончины міра, имѣя въ средостѣіи своемъ крестную смерть обѣтованнаго Искупителя, распадается въ свою очередь на двѣ части: на завѣтъ *ветхій*, въ которомъ люди спасались вѣрою въ Искупителя грядущаго, и завѣтъ *новый*, спасающій спасаемыхъ вѣрою въ Искупителя уже пришедшаго. Въ сущности завѣтъ ветхій не кончился, а только переродился въ высшій новый завѣтъ, — такъ какъ сущность ветхозавѣтныхъ обѣтованій и вѣроученія, нравственныхъ законоположеній и обрядословія, перешедши въ область новаго завѣта, здѣсь только возвысилась и разширилась, но никакъ не разорена и не уничтожена: *небо и земля преидутъ*, — училъ Христосъ Спаси-

тель о ветхомъ завѣтѣ,—но *іота* едина или едина черта отъ закона сего не преидутъ. Не придохъ разорити законъ, но исполнити, т. е. восполнить, усовершенить, возвысить, какъ и совершить то, что въ законѣ и пророкахъ было предначертано и проречено.

Завѣтъ *ветхій*, имѣя началомъ первоевангеліе о Сѣмени жены, а концомъ тайную вечерю, совершеніе послѣдней ветхозавѣтной пасхи и вкушеніе Агнца новозавѣтнаго, вкушеніе пречистаго тѣла Его и питіе Его крови новаго завѣта, распадается опять на два отдѣла: на завѣтъ Бога со *всѣмъ человѣческимъ родомъ*, заключенный въ лицѣ Адама и Ноя, и на завѣтъ, заключенный только уже съ *избраннымъ еврейскимъ народомъ*, въ лицѣ Еверова потомка, патріарха родоначальника евреевъ Авраама, сына его Исаака и внука Иакова,—такъ что завѣтъ подзаконный, которому подчиненъ былъ родъ израильскій, начинается собственно съ установленія знаменія этого исключительно родового завѣта, именно обрѣзанія, которое наложено впервые на Авраама и семейство его, какъ знаменіе завѣта, заключеннаго между Богомъ и Авраамомъ въ завѣтъ вѣченъ нисходящему отъ Авраама его потомству. А завѣтъ *новый* установленъ Господомъ Іисусомъ, когда Онъ на тайной вечери учредилъ новозавѣтную пасху, предавъ апостоламъ для вкушенія тѣло свое, а для питія кровь свою, кровь новаго завѣта, пролитую кровь новозавѣтнаго пасхальнаго Агнца, закланнаго на крестѣ... *Завѣтъ безъ крове не бываетъ*, учитъ св. апостолъ (Евр. 9, 15—17). При заключеніи завѣта Бога съ человѣкомъ всегда была кровь, а безъ крови установленіе завѣта невозможно. А что это значитъ, скажемъ ниже.

Завѣтъ, заключенный со *всѣмъ человѣческимъ родомъ* въ лицѣ праотца Адама, фактически, гранью великаго со-

бытія, именно потопомъ былъ раздѣленъ также на двѣ части, на завѣтъ, заключенный *со всѣмъ потомствомъ Адама*, и на завѣтъ, восстановленный послѣ потопа при Ноемъ *съ потомствомъ только Ноевымъ*. Что потомки Адама до Ноя не совершенно низнали изъ спасительнаго завѣта Божія, заключеннаго съ Адамомъ,—это видно изъ словъ св. апостола Петра, который говоритъ (1 Пет. 3, 17—22; 4, 4—7), что Христосъ Спаситель, по крестной смерти своей, своимъ духомъ сходилъ во адъ, и тамъ въ адской темницѣ, проповѣдывалъ заключеннымъ тамъ духамъ,—какимъ духамъ?—Тѣмъ, которые противились нѣкогда Божію долготерпѣнію во дни Ноевы, когда Ной дѣлалъ ковчегъ, за что и погублены были безвременною смертію въ потопѣ. Завѣтъ и для чего проповѣдывалъ? Завѣтъ и для того, да судъ и наказаніе потопомъ примутъ они, по человѣческому естеству своему, плотию, а по воскресеніи Христовомъ поживутъ по Божь своимъ духомъ. Почему и церковъ поетъ, что Христосъ сошествіемъ своимъ во адъ истощилъ вся адова царства. Завѣтъ же, восстановленный *при Ноемъ для нисходящаго съ него потомства*, простирается даже до сего дня на все человѣчество, не только христіанское, но и языческое. А что этотъ завѣтъ былъ не неспасителенъ и для языческаго человѣчества, которое вѣровало въ промыслъ единого Бога Высочайшаго,—въ этомъ мы вразумляемся существованіемъ такихъ праведниковъ, каковы Мельхиседекъ и Іовъ; вразумляемся откровеніями, данными Валааму, Навуходносору; вразумляемся тѣмъ, что Кира персидскаго Богъ называетъ своимъ рабомъ, Александру Македонскому было отъ Бога особое видѣніе, вои хвы узрѣли на востокъ звѣзду Востока съ высоты,—Богъ принялъ покаяніе Ниневитянъ и пощадилъ Ниневію,—Тиръ и Сидону отрадище будетъ въ день судный, нежели

еврейскимъ городамъ, современнымъ Спасителю; не къ кому другому, а именно ко вдовицѣ Сарепты сидонской посланъ былъ Ілія Ѳесвитянинъ; милосердый са марянинъ провознесенъ Христомъ Спасителемъ превыше іудейскаго священника и левита; ни во Израили Спаситель не обрѣлъ таковой вѣры, какую обрѣлъ у римскаго сотника и жены хананейской; Корнилию сотнику сказано: *во всякомъ народѣ бояиса Бога и дѣлающа правду пріятенъ Ему есть*. Вразумляемся въ томъ же словами Моисея, что Богъ раздѣлилъ предѣлы народовъ по числу ангеловъ Божіихъ, а Израиль отдѣленъ только въ особую долю Ангела великаго совѣта, въ преимущественную часть са мого Бога. Вразумляемся въ томъ же всѣмъ спасительнымъ промышленіемъ о языческихъ народахъ, которое такъ широко, ясно и непреложно раскрывается у пророковъ, у которыхъ Богъ говоритъ о языческихъ народахъ нерѣдко языкомъ вѣжно попечительнаго отца. Вразумляемся и всѣмъ домо-строительствомъ человѣческаго спасенія, которое ведется тайными и явными путями, на небѣ и на землѣ и подъ землею, въ адскихъ темницахъ, съ тою спасительною цѣлію, чтобы хотя въ минуту временной смертной и посмертной муки люди вздохнули къ милосердію Божію, какъ разбойникъ на крестѣ, какъ современники Ноя въ водахъ потопа и въ пламени адскихъ узилищъ,—чтобы потерпѣвъ временную смерть по плоти и муку по человѣку, воспособляемые ходатайствомъ церкви небесной и молитвами земной, ходатайствами ходатая спасенія человѣческаго, Іисуса Христа, какъ и силою неизглаголаныхъ ходатайствъ самаго Духа Божія, пожили по Бозѣ духомъ во многихъ разнородныхъ и разностепенныхъ обителяхъ Отца небеснаго, въ предѣлахъ нескончаемой вѣчности.

Завѣтъ, заключенный съ народомъ еврейскимъ въ ми-

ць Авраама, нарушенный чрезъ усвоение Израильтянами египетскихъ понятій и нравовъ въ Египтѣ, а потомъ все-народнымъ поклоненіемъ египетскому тельцу, возстановленный и подтвержденный, расширенный и разъясненный у горы Синайской при ходатаѣ или посредникѣ подзаконнаго завѣта, пророкъ Моисей, раздѣляется на завѣтъ патриархальный до Моисея и собственно подзаконный отъ Моисея до Христа. Завѣтъ подзаконный дважды въ свою очередь былъ подтвержденъ и возобновленъ. Подтвержденъ при царѣ Давидъ, съ которымъ Господь завѣщалъ особый завѣтъ, давъ обѣтованіе управити царство Давидово до вѣка, и отъ чреслъ Давида воздвигнути Христа, и послѣ котораго вскорѣ, именно уже при сынѣ Давидовомъ Соломонѣ, началось, а при внука Ровоамѣ совершилось отпаденіе Израиля въ идолопоклонство, такъ что десять коленъ Израиля, при мятежномъ царѣ Іеровоамѣ, уже навсегда отпали отъ царства Божія и истинной церкви Божіей на землѣ. Затѣмъ завѣтъ, заключенный въ частности съ домомъ Давида, крайне ослабленный нечестіемъ послѣднихъ царей іудейскихъ и нарушенный разрушеніемъ Іерусалима и храма и плѣномъ Вавилонскимъ, снова возстановленъ и подтвержденъ, подписанъ и припечатанъ старѣйшими іудейскаго народа при Ездѣ и Нееміи. При этомъ—то послѣднемъ завѣтѣ окончательно оскудѣлъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его; въ Іерусалимѣ и Іудеѣ воцарился иноплеменникъ Иродъ, и пришелъ наконецъ обѣтованный Примиритель, чаяніе всѣхъ народовъ.

А что завѣтъ, заключенный съ Авраамомъ и родомъ его, простираетъ свое таинственное вліяніе на племя Авраамово и до днешняго дня, въ этомъ, кромѣ всего прочаго, бромѣ всѣхъ ветхо-завѣтныхъ обѣтованій, вразумляемся слѣдующими словами апостола Павла (Рим. 11): ра-

зѣтъ отринулъ Богъ людей своихъ Израиля? Да не будетъ. Не отринулъ Богъ людей своихъ, иже преже проразумъ, предувѣдъ и продустави... Израиль искалъ оправданія отъ дѣлъ закона, и не получилъ, а получилъ избраніе. Прочіи же ослѣпишася... Для того ли они согрѣшили, да отпадутъ?.. Да не будетъ. Но тѣхъ паденіемъ совершится спасеніе язычниковъ... Ихъ отложеніемъ — примиреніе міру... Они начатокъ святъ, а мы примышеніе. Они корень святъ, а мы вѣтви. Не мы носимъ корень, но корень носитъ насъ. Они на святомъ корнѣ вѣтви естественныя а мы только привитыя съ дикой маслины... Ослѣпленіе части Израиля попущено до толъ, пока полнота язычниковъ войдетъ въ церковь Божію. И тако весь Израиль спасется... По благовѣстію Христову они враги ради насъ, по избранію же они возлюбленныя Богу чада отецъ ради... Затвори Богъ всѣхъ въ противленіе, да всѣхъ помилуетъ.

Можно сказать, что завѣтъ Бога съ людьми, развиваясь съ теченіемъ вѣковъ и распадаясь на отдѣльные періоды отъ Адама до Христа, суживался въ объемѣ лицъ, привлекаемыхъ въ завѣтъ, но расширялся въ содержаніи, въ разъясненіи обѣтованій, внушеній и требованій Божіихъ. Такъ сперва завѣтъ заключенъ былъ со всею родомъ Адама, далѣе съ родомъ Ноя, затѣмъ съ родомъ только уже Авраама. При Моисеѣ подтвержденъ съ народомъ Израильскимъ, происшедшимъ отъ Авраама, Исаака (съ исключеніемъ потомства Измаила, Исава и др. изъ рода Авраамова) и Іакова; но при Давидѣ свѣрѣплень уже только съ домомъ Давида и царствомъ его рода, обнимавшимъ только два колѣна, Іудино и Веніаминово. Наконецъ при Ездрѣ и Неміи въ послѣдній разъ свѣрѣплень уже только съ обломками собственно іудейскаго царства. За то суживался въ объемѣ лицъ, участвующихъ въ завѣтѣ, онъ расширялся

въ разъясненіи своего смысла, и укрѣплялся на отчетливомъ чаяніи близкаго пришествія обѣтованнаго Мессіи. Съ пришествіемъ же Мессіи, Сына Божія на землю, Богъ Отецъ заключаетъ свой вѣчный завѣтъ уже съ Нимъ однимъ, какъ ходатаемъ, посредникомъ и поручителемъ завѣта, но заключаетъ съ тѣмъ, чтобы сей новый для человѣчества завѣтъ охватилъ и освѣтилъ какъ об ъемомъ своимъ, такъ и содержаніемъ, всю безпредѣльность Божія домостроительства, все не только настоящее и будущее, но и прошедшее, какъ и всю безконечную вѣчность на небѣ и на землѣ.

Когда мы говоримъ о началѣ и концѣ разныхъ завѣтовъ, — то вообще нужно имѣть въ виду, что всякій изъ названныхъ нами періодовъ завѣта Бога съ человѣками, имѣя для небезначальнаго человѣка начало во времени, по существу своему концомъ своимъ всегда упирается въ предѣлы вѣчности, причемъ всякій изъ предыдущихъ завѣтовъ, существеннѣйшею своею частію входитъ въ каждый изъ послѣдующихъ. Такъ завѣтъ, заключенный съ Адамомъ, вошелъ, существенною своею частію, въ содержаніе завѣта, заключеннаго съ Ноемъ. Сей послѣдній послужилъ основаніемъ завѣту, заключенному съ Авраамомъ. Сей послѣдній, какъ корень и стволъ дерева, разросся широколѣтвисто въ завѣтъ, подтвержденномъ при посредникѣ ветхаго закона Моисеѣ. Сей послѣдній послужилъ широкимъ основаніемъ, на которомъ утвердилось зданіе завѣта, заключеннаго съ царемъ Давидомъ и домомъ его. Подтвержденіе же всѣхъ прежнихъ завѣтовъ Божіихъ съ Израилемъ при Ездрѣ и Нееміи было не чѣмъ инымъ; какъ только скрѣпленіемъ величественнаго зданія, подрываго въ основѣ и распадавшагося во всѣхъ частяхъ своихъ. А сердцевиною, пропикавшею всѣ сіи завѣты, было чаяніе обѣтованнаго Искупителя, которое и осуществи-

лось, въ послѣдоѣхъ предопредѣленныхъ дней, въ завѣтѣ новомъ, — завѣтѣ, который на небѣ предопредѣленъ и, можно сказать, осуществленъ прежде вѣка, а въ области сотвореннаго, ограниченнаго міра будетъ осуществляться во вѣки вѣковъ.

По слову апостола Павла, *идъже завѣтъ, смерти нужно есть вноситься завѣщающую и безъ кровопролитія не бываетъ прощенія грѣховъ* (Евр. 9, 14—22). Коренная основа новаго завѣта, какъ и всѣхъ прежнихъ завѣтовъ есть вѣчная жертва Господа нашего Іисуса Христа. Что это значитъ — вѣчная жертва? Это величайшая изъ божественныхъ тайнъ. Раскроемъ ее, насколько она раскрыта въ посланіи къ Евреямъ (гл. 9—10), на сколько сами постигаемъ ее и позволяемъ краткость времени. *Христосъ, архіерей рядущихъ благъ, не съ козлею ниже тельчею кровію, но съ своею кровію, не много разъ, но единожды (вѣчно) вошелъ во святое святыхъ пренебесное, обрѣвши для всѣхъ искупленіе отъ грѣховъ вѣчное. И сего ради Онъ есть вѣчный ходатаи, вѣчный посредникъ новаго завѣта, дабы призванные получили обѣтованіе наследія вѣчнаго, чрезъ понесенную Имъ смерть, въ вѣчное искупленіе преступленій, оставшихся неопытыми въ первомъ ветхомъ завѣтѣ. Ибо идъ завѣтъ, завѣщаніе, тамъ нужно приобщить смерти того, кто дѣлаетъ завѣщаніе. Потому и первый ветхій завѣтъ обновленъ не безъ крови. Ибо когда изречена была всякая заповѣдь по закону Моисея всѣмъ людемъ, Моисей, взявъ кровь козлію и тельчую, съ водою и волною червеною и иссопомъ, кропилъ самыя тыя книги закона и вся люди, глаголя: сія кровь завѣта, егоже завѣща къ вамъ Богъ. И скинію и вся сосуды служебныя такожде кровію кропи. И по закону ршительно все очищается кровію, и безъ кровопролитія не бываетъ ос-*

тавленія грѣховъ и всякія нечистоты. Нужно было, чтобы прообразы небесныхъ очищались кровію, и самое небесное чтобы очищалось жертвами, лучшими жертвъ ветхозавѣтныхъ. Такъ и дѣйствительно, Христосъ вошелъ не въ рукотворенное святое, но въ самое небо, не много разъ входилъ, какъ первосвященникъ, входившій во святое святыхъ каждое лѣто, и не съ чуждою кровію, но единожды пострадавъ отъ сложенія міра, въ кончину вѣковъ, явился съ своею жертвою, съ своею собственною кровію, за конечное отпущеніе грѣха. Невозможно, чтобы кровь козля и юнчая очищала грѣхи. Тѣмъ же Сынъ Божій, входя въ міръ младенцемъ Богу Отцу: жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, тѣло же Ты для меня совершилъ и открылъ Мнѣ уши, какъ своему рабу. Се иду сотворить волю твою Божіе.... О сей-то воля мы и освящены принесеніемъ тѣла Іисуса Христа единократно. Онъ, принеши едину о грѣсѣхъ жертву, всегда сподитъ одесную Бога Отца, прочее ожидая, дондеже, положатся врази Его въ подножіе ногъ Его. Единымъ приношеніемъ Онъ содѣлалъ освящаемыхъ совершенными во вѣки.

Будущіе богословы, настоящіе образованные христіане, вникните въ тайну искупительной жертвы. Сказано, что завѣтъ безъ крови не бываетъ. Это значитъ, что даже первобытный завѣтъ, заключенный отъ вѣка въ нѣдрахъ тріностаснаго Божества,—даже тотъ былъ не безъ крови. Мы сейчасъ читали у св. апостола Павла, какъ онъ вводитъ насъ въ нѣдра премірной жизни Божества. Но прочитаемъ тоже и у премудраго Соломона. Соломонъ разъяснить для насъ Павла, какъ и Павелъ разъяснить Соломона. Господь создалъ Меня,—вѣщаетъ у Соломона вѣчная премудрость, превѣчное Слово Божіе,—создалъ Меня въ начало путей своихъ для дѣлъ своихъ. Прежде вѣкъ ос-

нова Мя, въ началѣ, прежде неже землю сотворити. И прежде нежели бездну содѣлати, прежде нежели произыти источникомъ водъ, прежде нежели горамъ водрузитися, прежде всѣхъ холмовъ Господь рождаетъ Меня, рождаетъ вѣчно. Егда Господь готовилъ небо, Азъ съ Нимъ бѣхъ. И егда отлучалъ Онъ престолъ свой на вѣтрѣхъ, и егда крѣпки творяше вышнія облаки, и егда полагаше морю предѣлы его, и крѣпки творяше основанія земли, Азъ бѣхъ при Немъ устрояя. Азъ бѣхъ та едина, о которой Онъ радовался; на всякъ же день Я веселилась предъ лицемъ Его, когда веселился Онъ, совершивъ вселенную, и радовался о созданиіи сыновъ человеческихъ... Вотъ освѣщаемая откровеніемъ глубина премірнаго бытія Божія. Богъ единъ и рядомъ съ Нимъ было безусловное ничтожество, абсолютная пустота. Въ вѣчности отъ единого Бога, потому и Отца, рождается Сынъ, Премудрость, Слово вѣчное, и исходитъ Духъ. Вѣчное существованіе объемлетъ всѣ моменты времени, какъ настоящіе. Не точно сказать, что для Бога тысяча лѣтъ, какъ день. Нѣтъ, вся вѣчность для Бога какъ минута, и минута какъ вѣчность; предусмотрѣнное будущее для насъ есть для Бога уже прожитое; мысль для насъ у Бога для Бога есть дѣйствительность; совѣтъ для насъ есть для Бога осуществленіе. Съ этой точки зрѣнія вникайте далѣе. Вотъ былъ у Бога предвѣчный совѣтъ,—онъ для Бога былъ тогда же и прожитая дѣйствительность. Между тремя лицами Божества заключенъ завѣтъ вѣченъ,—онъ же для неизмѣннаго Божества и осуществленіе. Вѣчнымъ ходатаемъ, посредникомъ завѣта, избранъ Сынъ Божій. Богъ Отецъ послалъ Его творить волю свою. Богъ Духъ Святый также послалъ Сына творить волю Отца. Посредство между Богомъ и ничтожествомъ оказалось необходимымъ при самомъ сотво-

реніи. Предусмотрѣно и предопредѣлено было, что Сынъ будетъ Слово именно творческое; что Онъ, образъ вѣчності Отца, умалитъ Себя въ мириадахъ сотворенныхъ отображеній Божества. Предусмотрѣно и предопредѣлено было, что тварь, по самой своей косности и ограниченности, завершенной ограничеіною, способною къ медленію и даже противодѣйствію, волею разумныхъ существъ, будетъ требовать особыхъ премудрыхъ усилій отъ Божества, спасающаго насъ не безъ насъ, для вѣчнаго восхожденія своего къ безконечному совершенству. И эта тягота усилій возложена была всемогущимъ и безпечальнымъ Божествомъ на того же Посредника предвѣчнаго завѣта, посланника, Ангела завѣта и завѣта вѣчнаго, для чего лицо сего Посредника и произошло до ограниченія чрезъ предопредѣленное соединеніе Его божескаго естества съ сотвореннымъ естествомъ человѣка. Предусмотрѣно и предопредѣлено было паденіе человѣка, оскорбленіе безпредѣльной правды Божіей грѣхомъ твари, утоленіе правды Божіей безпредѣльно великою искупительною жертвою Сына Божія, приобрѣтеніе имъ у Бога Отца права низвести на тварь Духа Божія животворящаго, животворящаго и въ созданіи твари и въ домостроительствѣ спасенія,—Духа Божія вопіющаго въ сердцахъ искупленныхъ: *Авва Отче!*—Духа Божія, ходатайствующаго въ насъ за насъ и за всю покоренную нами суетъ природу, предъ милосердіемъ Божіимъ, воздыханіями неизглаголаннѣми... И возгласъ Богочеловѣка Христа, раздавшійся со креста: *совершишася*,—этотъ возгласъ раздался въ небѣ въ вѣчности въ нѣдрахъ тріпостаснаго Божества, прежде всѣхъ вѣковъ, прежде сотворенія неба, прежде сложенія міра... Еще тогда, при заключеніи предвѣчнаго завѣта, Сынъ Божій изрекъ Отцу: *се иду совершити волю твою, Боже*. Уже тогда Отецъ былъ для Сына Божія не

только Отцемъ, но и Богомъ, какъ для Богочоловѣка. Уже тогда Богъ Отецъ сотворилъ для своего Сына человѣческое тѣло, какъ для человѣка, и тогда же повертѣлъ Ему ухо, какъ рабу своему, какъ дѣлали господа Израильтяне своимъ навѣчно закабаленнымъ рабамъ, именно шиломъ повертывали имъ ухо. Уже тогда, прежде сложенія міра, искупительный Агнецъ, Богочеловѣкъ, былъ закланъ, и была пролита кровь завѣта вѣчнаго, и выпита чаша, полная безпредѣльнаго гѣва безпредѣльной правды Божіей, безпредѣльно оскорбленной грѣхомъ и требовавшей конечнаго отверженія грѣшной твари отъ лица Божія, совершеннаго ея оставленія Богомъ, источникомъ жизни и блага, на всю безконечную вѣчность,—чаша, объ отвращеніи которой Богочеловѣкъ, изнемогая отъ внутренняго боренія до кроваваго пота, до туги смертной, молилъ Отца въ саду Геосиманскомъ,—которую испивая до дна на крестѣ, за все вмѣстѣ грѣшное человѣчество, въ уплату за вѣчную муку его, въ изнеможеніи своего ограниченнаго, всеконечно оставленнаго силою Божіею человѣческаго естества, Богочеловѣкъ возопилъ непостижимымъ, несочетаваемымъ въ нашихъ понятіяхъ, воплемъ: *Боже мой! Боже мой! вскую мя вси оставилъ!*... Тамъ на небѣ въ вѣчности совершилась сущность творческаго, искупительнаго, спасительнаго завѣта. На землѣ же, во времени, на крестѣ и около креста, начиная съ яслей Виѣлеемскихъ и до живоноснаго гроба и воскресенія, здѣсь проявилось только отображеніе пренебесной сущности. А въ ветхомъ завѣтѣ въ кровавыхъ жертвахъ мелькала только тѣнь грядущаго, тѣнь небеснаго, тѣнь вѣчной пренебесной дѣйствительности. Вотъ что значить—*завѣтъ безъ крови не бываетъ.*

Оттого, при возстановленіи завѣта съ падшимъ Адамомъ, мы сейчасъ же видимъ кровь,—учрежденіе крова-

выхъ жертвъ. При возстановленіи завѣта съ Ноемъ, Ной приносить также кровавую жертву, и обоня Богъ воню благоуханія сожигаемой жертвы, и изрекъ Ною свои милостивые обѣты, и въ знаменіе завѣта положилъ во облакахъ радугу, таинственное знаменіе обѣтованнаго Искупителя. Оттого, заключая завѣтъ и съ Авраамомъ, Богъ повелѣваетъ ему разсѣчь пополамъ нѣсколько животныхъ, проходя въ видѣніи печи огненной между сими разсѣченіями, совершаетъ предъ Авраамомъ клятвенную присягу въ вѣрности завѣту; а чтобы подтвердить эту клятву предъ Авраамомъ, требуетъ у него закланія единороднаго сына его Исаака. Оттого и Моисей, заключая отъ лица Божія съ Израильянами завѣтъ, и истребовавъ у нихъ клятвенный обѣтъ исполнять законъ Божій, въ знаменіе сей клятвы кропитъ жертвенною кровію весь народъ и книги закона и говоритъ: *сія кровь завѣта, еяже завѣща Господь къ вамъ о всѣхъ словесехъ сихъ*. Оттого и Давидъ заколаетъ предъ переносимымъ въ новую скинію кивотомъ множество кровавыхъ жертвъ, а затѣмъ входитъ въ скинію молиться и пѣть наединѣ своему Богу, и Богъ здѣсь клянется Давиду истинною, что не отвержется ея и управитъ престолъ его до вѣка. Оттого и Ездра съ Нееміею, возстановляя завѣтъ Израиля съ Богомъ; совершаютъ семидневный праздникъ, заколаютъ множество жертвъ, затѣмъ пишутъ договоръ въ вѣрности Богу, и этотъ буквально договоръ скрѣпляется подписями и печатами старѣйшинъ народа. Видите, что *завѣтъ безъ крови не бываетъ*. И вся эта ветхозавѣтная жертвенная кровь, не очищавшая грѣховъ, была только тѣнью, прообразомъ, указаніемъ той крови, о которой сказалъ Христосъ на тайной вечери *пійте отъ нея вси, — сія есть кровь моя новаго завѣта, за вы проливаемая во оставленіе грѣховъ...*

Таже самая идея, идея завѣта, установленнаго Христомъ, идея приступленія къ этому завѣту или отпаденія отъ него проходить по всѣмъ эпохамъ и новозавѣтной христіанской исторіи. Такъ рожденіе бѣднаго Младенца, положеннаго въ Вилеемскія ясли, раздѣлившаго на тайной вечери, въ Сіонской горницѣ, двѣнадцати бѣдными ученикамъ своимъ чашу новаго завѣта, а на завтра пролившаго на позорномъ Галгоетскомъ крестѣ свою кровь новаго завѣта, это скромное, вмѣстѣ и позорное событіе, стало величайшимъ средоточнымъ міровымъ событіемъ, послѣ котораго тысячи и миліоны образованнѣйшаго тогдашняго человечества стали быстро, вольною волею, приступать къ религіозному завѣту, завѣщанному симъ Распятымъ. Такъ въ IV вѣкѣ императоръ Константинъ Великій, побѣдивъ крестомъ Христовымъ всѣхъ враговъ своихъ, основавъ свой уже знаменанный крестомъ престолъ въ Константинополѣ, нанесъ окончательный ударъ падавшей имперіи стараго языческаго Рима и отворилъ широкія врата въ царство Христова новымъ языческимъ народамъ. Такъ въ эпоху VII—IX вѣковъ видимъ помраченіе христіанства на востокѣ въ Азіи и на сѣверѣ Африки нововозникшимъ магометанствомъ, а на западѣ Европы крайнее возвышеніе пока еще православнаго католическаго западнаго христіанства въ имперіи Карла Великаго, который креститъ всю среднюю и западную окраину Европы огнемъ и мечемъ. Такъ въ эпоху X—XI вѣка видимъ отпаденіе западной Европы отъ вселенскаго православія съ одной стороны; съ другой, съ сѣверо-восточной стороны, видимъ приступленіе къ православію новаго великаго міроваго дѣятеля, славяно-русскаго народа; а на югѣ исторической вселенной видимъ начало вооруженной борьбы крестоноснаго европейскаго запада съ азіатско-африканскимъ магометанствомъ. Такъ въ

эпоху XII—XIV вѣковъ видимъ рѣшительный перевѣсъ магометанской силы надъ всѣми усиліями западно-европейскихъ крестоносцевъ, а на востокъ видимъ страшный погромъ восточно-православнаго христіанства, какъ въ ново-возникшемъ славянскомъ мірѣ, такъ и въ одряхлѣвшемъ мірѣ дряхлой Византійской имперіи. Такъ въ эпоху XV—XVII вѣковъ видимъ паденіе Константинополя подъ напоромъ магометанско-турецкой силы, а на сѣверо-востокъ видимъ покореніе русской христіанской силѣ магометанскихъ царствъ Казанскаго, Астраханскаго и дальней Сибири; на дальнемъ ново-открытомъ для исторіи западѣ видимъ крещеніе огнемъ и мечемъ ново-открытой Америки въ инквизиціонное римское католичество, а на западѣ старой Европы видимъ такъ называемую реформацію, которая была не что иное, какъ отпаденіе отпаднаго отъ вселенской чистоты западнаго христіанства на нѣсколько ступеней еще ниже. Такъ въ эпоху XVIII и нашего XIX вѣка видимъ первое провозглашеніе цѣлымъ образованнѣйшимъ латинско-католическимъ народомъ своего отпаденія отъ христіанства, во время такъ называемой революціи, а уже въ наши дни видимъ, что такъ называемый католицизмъ, въ лицѣ папы и Франціи, и такъ называемый протестантизмъ, въ лицѣ Англіи, подали руки исламу противъ древняго незазорнаго восточнаго православнаго христіанства, воевавшего и воюющаго за крестъ Христовъ, за вѣру Христову, за Христову правду и законъ. Такъ будетъ и впредь до дня втораго Христова пришествія: человѣчество всегда будетъ колебаться между присоединеніемъ къ завѣту Христову и отпаденіемъ отъ него. Теперь мы, кажется, находимся не еще въ состояніи возвышенія истиннаго христіанства. Но прійдутъ дни, когда люди такъ отодвинутся отъ первыхъ временъ евангельской исторіи, а еще болѣе—такъ отодви-

нутя отъ нея своимъ невѣріемъ, что стануть ругательно спрашивать: *гдѣ есть обитованіе пришествія Христова?* А когда наконецъ Господь второе придетъ на землю положить конецъ настоящему порядку бытія,—то едва едва обрящетъ вѣру на землѣ... И тогда ничего не останется, какъ обновить обветшавшую растлѣнную землю огнемъ, подобно тому, какъ разъ уже она была очищена отъ сквернъ растлѣнія водою потопа... Тогда, по крайней мѣрѣ, въ земномъ мірѣ кончится искупительный подвигъ промыслительно-спасительной борьбы Искупителя міра съ тварію и за тварь съ злобою адскою силою. Тогда сатана будетъ связанъ на вѣки вѣчныя плѣнниками адскаго мрака. Тогда грѣшники нераскаянные будутъ отданы ему въ вѣчную добычу, а праведники просвѣтятся, яко солнце, въ царствіи Отца небеснаго и опочіють на лонѣ Авраама. Тогда и сама тварь свободится отъ рабства тлѣнію въ свободу чадъ Божіихъ. Тогда и самъ Сынъ Божій, положивъ всѣхъ враговъ своихъ въ подножіе ногъ своихъ, покорится даже въ лицѣ оглаваемой и спасаемой Имъ твари Богу Отцу, покоршему Ему всяческая, и почіетъ отъ тяжкихъ дѣлъ искупленія, какъ почилъ отъ дѣлъ творенія въ седьмой день по твореніи, и будетъ на небѣ такой великій праздникъ, какого не было и въ первую субботу,—потому что если радость великая бываетъ на небѣ о единомъ грѣшникѣ кающемся, то какая-же будетъ радость о цѣломъ покоренномъ Богу, спасенномъ и обновленномъ мірѣ?!!

Та-же самая идея завѣта Бога съ человѣкомъ, идея вступленія въ этотъ завѣтъ, утвержденія въ немъ и отпаденія отъ него, проникаетъ и единичную жизнь всякой души христіанской. Крещеніе есть буквально вступленіе крещеннаго въ завѣтъ, въ договоръ съ Богомъ,—договоръ, въ которомъ человѣкъ изрекаетъ предъ Богомъ отрицаніе

отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всякаго служенія ему, а съ другой стороны утверждаетъ предъ Богомъ-же свою готовность сочетаться Христу, вѣровать въ Него и поклоняться Ему, яко Царю и Богу. Затѣмъ, плотскій естественный человѣкъ, будучи погруженъ въ купель крещенія, погружается въ смерть Христову и, внутренно омытый кровію Христовою, выходитъ изъ купели человѣкомъ возрожденнымъ: въ естественномъ ветхомъ человѣкѣ, изъ очищенныхъ и оживотворенныхъ благодатію Христовою, внутреннихъ элементовъ естественнаго добра, зараждается новый человѣкъ. При этомъ, самымъ возрожденіемъ новаго, въ котораго переносится центръ внутренней жизненности, наносится ветхому человѣку смертельный ударъ. Получивъ этотъ смертельный ударъ, ветхій человѣкъ, по мысли святыхъ отецъ, особенно Григорія Нисскаго, умираетъ постепенно, и умирая состоитъ съ новымъ возрожденнымъ человѣкомъ, въ неустанной борьбѣ, до минуты естественной смерти человѣка. Въ минуту-же естественной смерти, ветхій человѣкъ, смертельно пораженный въ крещеніи и затѣмъ окончательно ослабленный борьбою съ новымъ человекомъ, если только ослабленъ, а не усиленъ, умираетъ всеконечно вмѣстѣ съ грѣшною плотію. Новый-же человѣкъ, освободившись отъ плотскихъ оковъ и всякихъ узъ грѣха, воспаряетъ въ небу, если, возродившись въ крещеніи, до послѣдней минуты жизни укрѣплялся во внутренней духовной борьбѣ съ ветхимъ человекомъ, очищался, утончевался и одухотворялся. Если-же онъ въ этой борьбѣ ослабѣлъ, изнемогъ, потухъ; если ветхій грѣховный плотскій человѣкъ воскресъ, укрѣпился и переселилъ его при жизни,—то тогда оземленившаяся, оплотнявшаяся, обремененная тяжестію многихъ грѣховъ душа ниспадаетъ по смерти на дно адово, болѣе или менѣе

глубоко, въ обители отверженныхъ духовъ. И тогда уже только очистительно-умилостивительная молитва церкви сильна возвести отверженного изъ глубинъ ада, единственно силою той-же крестной смерти Искупителя. Послѣ страшнаго суда, отверженные души будутъ окончательно отринуты отъ всякаго нравственно-свободнаго союза съ Богомъ. И это отверженіе отъ созерцанія свѣта лица Божія—оно-то и будетъ сопровождаться тѣмъ страшнымъ, мрачнымъ, прожигающимъ душу и воскресшее претворенное тѣло адскимъ пламенемъ, въ которое страшный Судія пошлетъ осужденныхъ грѣшниковъ, говоря: *отыдите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его...*

Итакъ, вѣроятно, и изъ сего немощнаго нашего изложенія сущности христіанства, какъ религіи, какъ завѣта, какъ союза человека съ Богомъ, вы юные ученики божественной мудрости, проразумѣваете, что эта мудрость глубока. Въ приміяхъ на день св. Іоанна Златоустаго говорится о сей мудрости такъ,—прислушайтесь не ушами только, но и сердцемъ: *мудрость Господня сама обходитъ ищущи достойныхъ ея... Труды и плоды ея суть добродѣтели: цѣломудрію же и разуму она учитъ, правдѣ и мужеству, и хже потребныя ничтоже есть въ житіи человекомъ... Ибо безсмертіе есть въ ней и благославіе во общеніи словесъ ея. Сего ради, вмѣстѣ съ мудрымъ Соломономъ, побесѣдуемъ ко Господу, и помолимся Ему, и рцемъ отъ всего сердца нашего: Боже отцевъ и Господи милости, сотворивый вся словомъ твоимъ, и мудростію твоею устроивый человека, да владѣетъ онъ бывшими отъ Тебе тварьми, и да управляетъ міромъ въ подобіи и правдѣ! Дажь ми присѣдающую твоему престолу мудрость, и не отлучи мене отъ отроковъ твоихъ,*

яко азъ рабъ твой и сынъ рабыни твоея. Посли ю съ небесъ отъ святаго жилища твоего, и отъ престола славы твоея, да сущи со мною научитъ мя, что благоугодно есть предъ Тобою, и наставитъ мя въ разумъ, и сохранитъ мя въ славу твоею. Помышленія бо смертныхъ вся боязлива, и погрѣшительна помышленія ихъ. Аминь.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

ПОУЧЕНИЕ

въ день введенія во храмъ пречистыя Дѣвы Бо-
городицы.

*Днесъ храмъ одушевленный святыя сла-
вы Христа Бога нашего, едина въ же-
нахъ благословенная, чистая, приводится
въ храмъ законный, жити во святыхъ и
воспитатися въ Божіе жилище, въ жи-
лище Слова Божія.— Стихира дневная.*

Въ житіяхъ святыхъ, въ сказаніи о введеніи пресвя-
тыя Богородицы, собранномъ отъ писаній разныхъ святыхъ
мужей святымъ отцемъ нашимъ Димитріемъ, святителемъ
ростовскимъ, повѣствуется, что когда исполнилось три го-
да пречистѣй Богоотроковицѣ, преблагословеннѣй Дѣвѣ Ма-
ріи Богородицѣ отъ рождества Ея, святіи праведніи роди-
тели Ея Іоакимъ и Анна помянули обѣщаніе свое, кото-
рое, молясь о разрѣшеніи неплодства своего, произнесли—
принести рожденное отъ нихъ въ даръ Богу. И нынѣ вос-
хотѣли исполнить это дѣломъ, что прежде изрекли сло-
вомъ. Съ торжествомъ и веселіемъ прибывъ въ Іеруса-
лимъ, они ввели одушевленную Божію церковь, тридѣт-
ствующую отроковицу, пречистую дѣву Марію въ церковь
Божію, воспитатися въ Божіе жилище. Приблагословенная

же Дѣва, въ началѣ житіи своего въ дому Господни, отдана была во обитель дѣвиць. Ибо церковь іерусалимская, Соломономъ созданная, Зоровавелемъ же по опустѣніи и обветшаніи обновленная, многія имѣла обители къ пребыванію, какъ пишетъ древній историкъ еврейскій Іосифъ. Извнѣ храма при стѣнѣ церковной были храмины каменные окрестъ, числомъ тридцать, раздѣленные нѣкоторымъ разстояніемъ одна отъ другой, пространныя и весьма красивыя; а на тѣхъ были храмины другія, на другихъ же третьи, такъ что всѣхъ ихъ числомъ было девяносто, со всякимъ удобствомъ къ жительству. Высота ихъ, простираясь съ низу Сіонской горы до верха ея, равнялась со стѣною церковною, такъ что эти зданія служили какъ бы столпами, извнѣ подпирающими стѣну церковную. Въ этихъ то храминахъ были обители для различныхъ лицъ. Особо жили дѣвы, до времени на службу Богу данныя. Особо жили вдовицы, чистоту свою хранить обѣщавшія Богу до кончины своей, какъ Анна пророчица, дочь Фануилева. Особо же жили мужи, нарицающіеся назореями, которые жили безсупружно по подобію иноковъ. Всѣ же они служили Богу при храмѣ и имѣли пропитаніе свое отъ имѣній церковныхъ. А прочія храмины построены были въ упокоеніе страннымъ и пришельцамъ, приходившимъ на поклоненіе издалека. Итакъ трилѣтствующая отроковица, пречистая Дѣва Марія отдана была въ дѣвическую обитель, при чемъ къ Ней приставлены были дѣвы, старшія лѣтами, искусныя въ писаніи и рукодѣліи, дабы въ юности своей Богоотроковица навывкла и тому и другому. Однакоже Она, пришедши въ большій возрастъ, навывкучь какъ писанію, такъ и рукодѣлію, болѣе упражнялась въ молитвѣ, нежели въ рукодѣліи. Она имѣла обыкновеніе цѣлыя ночи и большую часть дня проводить въ молит-

вахъ. Впрочемъ въ младомъ возрастѣ своемъ, блаженная Дѣва, когда пребывала въ храмѣ съ прочими дѣвицами, сверстными себѣ, проводила житіе свое зѣло чинно, въ строгомъ подчиненіи уставленному порядку: именно отъ утра даже до третьяго часа дня (нашего девятаго) стояла на молитвѣ; отъ третьяго даже до девятаго (нашего третьяго часа по полудни) упражнялась въ рукодѣліи или чтеніи книгъ; отъ девятаго же опять начинала свою молитву. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сама Она возрастала и укрѣплялась духомъ, возрастало и подвижничество Ея житія, съ трудолюбіемъ умножалась и молитва Ея, и восходила Она отъ силы въ силу, возрастали въ Ней и дары Святаго Духа, дондеже сила Вышняго осѣни ю, уневѣстивъ Ее Богу и уготовавъ въ селеніе Богу Слово.

Явно, по сказанію святителя Димитрія ростовскаго, основанному на писаніяхъ многихъ святыхъ отецъ, что пречистая Богоотроковица Марія, введенная въ церковь подзаконную и отданная въ особое учрежденіе при ветхозавѣтномъ іерусалимскомъ храмѣ для воспитанія дѣвъ, строго подчинялась порядку ветхо-завѣтной церкви для совершенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Извѣстно, что въ ветхо-завѣтной церкви утреннія и вечернія молитвы были уставлены и совершались постоянно. Такъ въ ветхозавѣтномъ іерусалимскомъ храмѣ ежедневно возносились, съ уреченными молитвословіями, утреннія и вечернія жертвы. Именно утренняя жертва воскурялась въ первый часъ дня, нашъ шестой, вмѣстѣ съ восходомъ солнца, при чемъ молитвословіе заканчивалось въ третій, нашъ девятый часъ утра. А вечернее молитвословіе начиналось въ часъ девятый, нашъ третій, и заканчивалось воскуреніемъ вечерней жертвы вмѣстѣ съ закатомъ солнца, въ шестой часъ вечера по нашему. Такъ и пречистая Бо-

гоотроковица, по сказанію, презывала въ молитвѣ отъ утра до нашего девятаго, и отъ нашего третьяго часа до вечера. Однакоже это строгое соблюденіе установленнаго ветхо-завѣтною церковію чина въ совершеніи молитвы не воспрепятствовало пречистой Богоотроковицѣ, во дни юности и воспитанія при храмѣ, восходить отъ силы въ силу, въ укрѣпленіи въ себѣ молитвеннаго духа, и содѣлаться чистѣйшею и честнѣйшею обителію Святаго Духа, который самъ дышетъ въ нашихъ сердцахъ молитвенными воздыханіями.

Но вотъ одинъ новоявленный учитель, обличитель церкви, выражается въ слухъ Россіи глумленіями по тому поводу, что въ нашихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, по крайней мѣрѣ, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, отъ высшихъ до низшихъ, введенъ и соблюдается воспитанниками уставъ совершенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Онъ «приходитъ въ недоумѣніе, какими побужденіями руководствовалось начальство, когда, придумывая средства къ улучшенію нравственности воспитываемаго юношества, учреждало общія утреннія и вечернія молитвы». По его убѣжденію, «никто не станетъ отвергать, конечно, что молитва въ томъ только случаѣ можетъ быть достойна того, кому молятся, и удовлетворительна для того, кто молится, когда она служитъ искреннимъ выраженіемъ сердечныхъ чувствованій, не прикрыта лицемѣріемъ и ханжествомъ, не совершается механически, по принужденію, по приказанію, изъ желанія кому либо угодить, или заслужить отъ кого либо награду и благоволеніе. Молитва», по его убѣжденію и приговору, «перестаетъ быть молитвою, если она обращается въ нѣчто, похожее на заданный урокъ, на необходимую церемонію, если молитва становится официальной. и молитвенное настроеніе подсказывается печатною книгою

Какъ бы повидимому не понять»,—спрашиваетъ онъ съ изумленіемъ, если только не съ негодованіемъ,—«какъ бы не понять, что такой образъ дѣйствій никуда не годится, ничѣмъ не можетъ быть одобренъ или извиняемъ? Непріятно ему видѣть лицемѣріе или ханжество въ людяхъ взрослыхъ; но распоряжаться, хотябъ и ненамѣренно, такъ чтобы молодые люди и даже дѣти почти невольно приучались къ этимъ двумъ порокамъ, лицемѣрію и ханжеству, чтобы они тяготились молитвою и дѣлались къ ней холодными,—такъ поступать», по его приговору, «есть ужасная нелѣпость. Что же удивительнаго»,—глумится онъ,—«если какой либо мальчикъ, который въ отцовскомъ домѣ всегда утромъ и вечеромъ молился Богу, поступивъ въ училище и далѣе, мало по малу оставляетъ эту привычку? И удивляемся еще»,—чему однакоже не удивляется нашъ самозванный учитель—обличитель,—«отчего изъ нашихъ духовныхъ школъ выходило такъ много такъ называемыхъ нигилистовъ». Нашъ обличитель въ свою очередь напротивъ «удивляется тому, отчего ихъ было еще мало», жалѣя повидимому о томъ, «отчего не всѣ дѣлались нигилистами»; думая, по видимому, что если бы духовные питомцы слѣдовали именно его урокамъ, то были бы какъ нельзя болѣе далеки отъ нигилизма.

Такъ по мнѣнію этого ново-явленнаго учителя, обличителя церкви, учрежденіе порядка въ совершеніи ежедневныхъ молитвъ и настояніе на соблюденіи этого порядка не только порождаетъ пороки лицемѣрія и ханжества, не только производитъ холодность и неохоту, если только не отращеніе къ молитвѣ, но порождаетъ и самый нигилизмъ. И пусть бы настаивалъ на этомъ заявленный нигилистъ,—Богъ бы и судъ Божій съ нимъ. А то вѣдь твердитъ это въ слухъ Россіи старый профессоръ, и твердитъ съ точки

зрѣнія не только будто бы психологической, но якобы даже съ христіанской. Вѣдь онъ обличаетъ въ недомысліи насъ, церковную іерархію, что мы своимъ слѣпымъ усердіемъ вредимъ истинному де настоящему благочестію юношества и развиваемъ въ немъ не только пороки лицемерія и ханжества, но даже нигилизмъ; слѣд. онъ — то, обличитель, и есть настоящій ревнитель истиннаго христіанскаго благочестія, — вотъ что обидно, а для малоумія и соблазнительно. Вѣдь въ послѣднее время стало общимъ мѣстомъ не только въ литературѣ, и не всегда только въ свѣтской, но и въ педагогическихъ наставленіяхъ, что приневоливаніе къ дѣламъ благочестія, т. е. настойчивое пріученіе къ благочестивымъ упражненіямъ, къ неопустительному посѣщенію церкви и богослуженій, къ благочинному предстоіанію въ церкви, къ поклонамъ, благолѣпному изображенію крестнаго знаменія, добропорядочному совершенію положенныхъ молитвословій, все это будто бы развиваетъ въ людяхъ ханжество и лицемеріе; все это будто бы противно духу христіанства. Ханжества и лицемерія ужасно боится современная педагогія, и педагогическія наставленія, не всегда только свѣтскія, крайне заботливо предостерегаютъ отъ всего, что порождаетъ въ юношества эти вредные пороки ханжества и лицемерія. Можно услышать и на экзаменахъ отъ мальчиковъ, что молитва должна быть свободна, а принужденіе къ дѣламъ благочестія грѣхъ. Если жѣ воспитанникъ повозрастнѣе и поумнѣе, то онъ и разьяснитъ, что христіанство требуетъ служенія Богу вполнѣ свободного, въ духѣ и истинѣ; служеніе же Богу устами, а не сердцемъ, даже оскорбляетъ Бога; поэтому если я не расположенъ въ данную минуту молиться Богу, то и не долженъ подъ опасеніемъ оскорбить Бога лицемеріемъ и ханжествомъ. Все это такъ благовидно, что повидимому и возражать нельзя.

Ужели однакоже вредоносно, ужели богопротивно, ужели противно духу христіанства всякое приневоливаніе къ дѣламъ нравственности, къ упражненіямъ въ благочестіи, къ труду молитвы? Ужели оно неумѣстно въ приложеніи особенно къ юношеству, скорѣе отталкивая отъ цѣли, чѣмъ приближая къ ней, — скорѣе приводя къ обратнымъ послѣдствіямъ, производя вмѣсто добродѣтелей пороки, вмѣсто влеченія къ добру ненависть, вмѣсто горячаго усердія холодность къ благочестію, вмѣсто молитвеннаго наренія души къ небу отвращеніе отъ молитвенныхъ упражненій, или же лицемеріе и ханжество, бого-и человѣко-ненавистное фарисейство? Мы думаемъ и отвѣчаемъ на этотъ вопросъ: и да и нѣтъ, бываетъ и то и другое. Однакоже утверждаемъ, что безъ вольнаго невольнаго приневоливанія нельзя ни привыкнуть къ благочестивымъ упражненіямъ, ни утвердиться въ доброй нравственности ни тѣмъ болѣе взойти на высокую степень христіанскаго совершенства и молитвеннаго общенія съ Богомъ.

Не знаю, съ чего начать наше разсужденіе, съ психологіи ль и обще-человѣческаго опыта, или же съ христіанскаго богооткровеннаго о семъ ученія?

Станетъ ли отрицать нашъ обличитель общепринятое положеніе, что человѣкъ есть больше или меньше животное? Человѣкъ больше или меньше животное со всякой точки зрѣнія, съ философской также, какъ и съ христіанской. Съ точки зрѣнія новѣйшей философіи, человѣкъ не болѣе, какъ чистое животное по своему качеству, или, какъ выражались въ старыя годы, по существу; а отличается отъ животнаго только количественно, сравнительно болѣею степенью сознательно — нравственнаго развитія. При чемъ однакоже въ человѣческой природѣ вовсе не полагается ни такъ называемой свободы, ни какихъ бы то ни

было врожденных нравственных идей. Съ христіанской же точки зрѣнія дѣло представляется иначе, отчасти согласно съ этимъ, отчасти же далеко несогласно. Съ христіанской философской точки зрѣнія, человѣкъ наполовину животное, а наполовину духовное существо, съ прирожденною цѣлому существу нравственною свободою, равно какъ съ вложенными въ природу двумя иными разными законами, такъ что въ животную природу вложенъ законъ животной необходимости, непреодолимыхъ животныхъ стремленій, а въ духовную природу вложенъ законъ стремленія къ добру, съ нравственною свободою выбора между влеченіями плотскими и духовными, между хорошимъ и лучшимъ, между несовершеннымъ и совершеннѣйшимъ даже въ душевныхъ влеченіяхъ. А съ богословской христіанской точки зрѣнія, сверхъ этого человѣкъ, будучи плотію и духомъ, принадлежа по естеству къ двумъ природамъ, животной планетной и духовной премірной, нося въ себѣ образъ и подобіе Божіе, хотя по паденіи и поврежденные, человѣкъ христіанинъ, по возрожденіи въ таинствѣ крещенія, является двойственнымъ въ своей внутренней жизни: съ одной стороны является человѣкомъ ветхимъ, плотскимъ, душевнымъ, грѣховнымъ, котораго съ его страстями и похотями слѣдуетъ подавлять и поработать, распинать и умерщвлять; а съ другой стороны является человѣкомъ новымъ, возрожденнымъ, духовнымъ, котораго съ его стремленіями къ добру и святости слѣдуетъ возвращать и поддерживать, укрѣплять и усовершенствовать. Во всякомъ же случаѣ, со всякихъ точекъ зрѣнія безспорно, что человѣкъ рождается больше или меньше животнымъ, тѣмъ же, только улучшеннымъ, животнымъ, какъ и скоты безсловесные, а въ человѣка, настоящаго человѣка вырабатывается жизнію и вліяніемъ обще-человѣческой культуры. Во всякомъ слу-

чаѣ, въ каждой человѣческой личности обще-человѣческой культурѣ приходится вырабатывать человѣка если не изъ скота, то изъ преобладающаго въ немъ скотства, вырабатывать существо больше или меньше духовное, существо сознательно-свободно-нравственное.

Какъ же это дѣлается? Держится ли нашъ самозванный учитель—обличитель современныхъ научно-философскихъ, матеріально-положительныхъ воззрѣній? Въ такомъ случаѣ, по новѣйшей философіи, каждый человѣкъ воспитывается въ человѣка изъ скота безусловно принудительно. Вѣдь по этому учению, человѣкъ есть исключительно чистое, только улучшенное животное. Нравственной свободы отъ природы ему безусловно не дано. Нравственныхъ идей въ его природу безусловно не вложено. Человѣкъ безусловно подчиненъ закону естественной необходимости, какъ и всякое животное, какъ и всякій живой организмъ. Человѣкъ и человечество улучшаютъ себя по невольному влеченію къ улучшенію своего быта, по мѣрѣ возможности, приспособляясь къ окружающимъ условіямъ. Толкаемые борьбою за существованіе, подталкиваемые случайною удачею, люди накапливаютъ нравственную и умственную силу, чувствуя по опыту, что эта сила есть сила дѣйствительная и великая, больше или меньше побѣждающая самую природу. Это накопленіе умственной силы и составляетъ то, что называется культурою. А каждую отдѣльную личность общечеловѣческая культура, если только человѣкъ родился въ культурномъ, а не въ дикомъ обществѣ, охватываетъ невольно со всѣхъ сторонъ, несетъ впередъ съ неодолимымъ могуществомъ и, смотря по окружающимъ человѣка условіямъ его организаціи и общественнаго положенія, воспитываетъ его, до большаго или меньшаго уравниванія его съ обще-культурнымъ развитіемъ, безусловно принудительно.

Но если быть строгимъ послѣдователемъ такого ученія, то надо прямо притти, какъ многіе и пришли, къ логическимъ выводамъ нелѣпымъ и разрушительнымъ, именно къ выводамъ, будто религія — старый предрасудокъ; связанная съ религіею нравственность не имѣетъ ничего общаго съ здравымъ смысломъ; бесплодно ставить вопросъ о нравственности и безнравственности; животный инстинктъ самосохраненія сильнѣе всѣхъ нравственныхъ соображеній; кто исполняетъ требованія такъ называемаго нравственнаго долга, тотъ поступаетъ безчестно и подло; понятіе о преступленіи и виновности должно быть устранено; стараніе удерживать ребенка въ тѣхъ понятіяхъ и правилахъ, которыми держалось старое поколѣніе, вредно въ высшей степени; старанія дѣйствовать на сердце ребенка, соблюдать его моральную чистоту, напрасны и нелѣпы; кормить ребенка и удалять отъ него вредные предметы — вотъ вся задача воспитанія; выкормить и выработать изъ ребенка откормленное улучшенное развитое животное, способное покорять всѣхъ и все посредствомъ накопленной умственной силы, вотъ вся цѣль развитія и каждаго частнаго чловѣка и воспитательной работы обще-человѣческой культуры. Но туда ль идти и другихъ за собою ведетъ нашъ учитель—обличитель? Нѣтъ, думаемъ, да и знаемъ, что онъ хотѣлъ стоять, да и воображалъ, будто стоитъ твердо на почтвѣ не только общечеловѣческой, но и якобы очищенной христіанской религіозности.

А въ такомъ случаѣ въ самомъ христіанствѣ возможно ли принужденіе въ дѣлѣ религіи и нравственности, въ дѣлѣ религіозно—нравственнаго воспитанія? Не только возможно, но и естественно-неизбѣжно и высоко благотворно. Оно естественно—неизбѣжно,—это видно изъ того, что по общерелигіозному теистическому міросозерцанію, чловѣкъ,

состоя изъ души и тѣла, по тѣлесной своей сторонѣ подчиненъ безусловному закону необходимости также, какъ и животное; а по духу подчиненъ весьма тяжко, хотя и не безусловно, вліянію тѣлесной природы, равно какъ и окружающей внѣшней природы; подчиненъ, хотя и безусловно, прирожденнымъ наслѣдственнымъ наклонностямъ самаго духа; также не безусловно, но крѣпко подчиненъ вліянію и окружающей среды; наконецъ съ высшей премірной точки зрѣнія, безусловно подчиненъ и высшему вліянію небеснаго Промысла, который не исключаетъ человѣческую свободу только по предвѣдѣнію безусловнаго всевѣдѣнія. Извѣстно, что философское умозрѣніе крайне затруднено въ обозначеніи, въ чемъ состоитъ человѣческая свобода и въ чемъ обнаруживается ея участіе въ нравственной дѣятельности человѣка, въ виду указанныхъ вліяній, всесторонне объемлющихъ и направляющихъ нашу свободу. Этотъ крайне затруднительный для философіи вопросъ наглядно разрѣшается всемірнымъ опытомъ, указывая свободу въ отсутствующей у животныхъ, присущей человѣку способности отличать и предпочитать нравственное стремленіе животному влеченію, да и между нравственными стремленіями различать высшія отъ низшихъ и предпочитать въ дѣятельности первыя лучшія низшимъ менѣе совершеннымъ. Такую свободу въ человѣкѣ отрицать нельзя; иначе мы стали бы въ безысходныя противорѣчія съ опытомъ, съ нравственными требованіями, какъ и со всѣми самыми коренными понятіями о долгѣ, о вмѣняемости, о нравственной заслугѣ. Но при этомъ изъ самой постановки той свободы, какая намъ дарована, между окружающими и опредѣляющими ее условіями, видно, что на нее дѣйствуютъ всѣ вышеуказанныя вліянія болѣе или менѣе принудительно. Они же, эти безусловно неу-

страннымъ вліянію и воспитываютъ человѣка, такъ что безъ нихъ ни пробужденіе ни развитіе человѣчности невозможны.

Такъ по природѣ человѣкъ есть существо сознательно-разумное. Однакоже въ философіи принято, старые опыты показываютъ и новѣйшіе подтверждаютъ, что для пробужденія человѣческаго сознанія въ возрастающемъ ребенкѣ требуется воздѣйствіе на него развитого сознанія взрослыхъ людей; иначе настоящее человѣческое сознаніе не пробуждается. Человѣкъ по природѣ существо словесное. Однакоже для пробужденія и дара слова нужно также вліяніе на ребенка взрослыхъ людей, обладающихъ уже окрѣпшимъ навыкомъ разумной рѣчи. Человѣкъ по природѣ существо и нравственно—свободное и религіозное. Но для пробужденія въ возрастающемъ дитяти того и другаго дара также необходимо воздѣйствіе на него нравственно—религіознаго чувства и сознанія развитыхъ людей. Спрашивается теперь, произвольно ли, по собственному ли изволенію и выбору, по собственному ли сознательному разсужденію дитя подчиняется всѣмъ этимъ вліяніямъ? Произвольно ль оно подчиняется воздѣйствію чужаго развитого сознанія, которое пробуждаетъ его собственное пока еще спящее сознаніе? Произвольно ль оно выучивается лелѣть первыя слова, какія мать заставляетъ его выговаривать? Произвольно ль оно покоряется матери, когда та препятствуетъ его дикому животному стремленію исцарапать лицо ей же самой, матери, и внушаетъ, что такъ поступать не хорошо, грозя дитяти своимъ гнѣвомъ? Произвольно ль оно поступаетъ также, когда мать, въ русской христіанской семьѣ, складываетъ ребенку персты и полагаетъ его ручку на чело и далѣе, изображая на немъ крестное знаменіе, и, заставляя дитя возвести очи къ небу, внушаетъ, что тамъ Богъ Отецъ небесный?

Нужно ль и съ другой стороны разяснить, что такое принудительное вліяніе не только естественно, но и благотворно? Нужно ль говорить, что такимъ принудительнымъ вліяніемъ пробуждались благороднѣйшіе инстинкты человѣческой природы на всемъ пространствѣ исторіи, какъ и досихъ поръ пробуждаются? Нужно ли разяснить, что на всемъ пространствѣ человѣческой исторіи какъ всѣ высшіе, такъ въ частности и нравственно-религіозные инстинкты нашей природы поддерживались всегда болѣе или менѣе приневоливаніемъ? Что нравственно—религіозныя преданія семьи всегда поддерживались нравственно—религіознымъ духомъ семьи, при чемъ младшіе волею—неволею слѣдовали примѣру старшихъ? Что нравственно—религіозные уставы общества и государства подкрѣплялись и охранялись общественно—государственнымъ духомъ народа, и горе тому своевольнику, который осмѣливался итти противъ этого духа, пока онъ бывалъ брѣнокъ въ народѣ. Для обузданія подобнаго своеволія всегда было въ запасѣ у народовъ довольно внушительныхъ каръ; было какъ въ древнихъ патріархальныхъ семьяхъ и общинахъ, такъ и у цивилизованныхъ языческихъ народовъ, такъ и въ народѣ израильскомъ, какъ и въ христіанскихъ обществахъ и государствахъ.

Но эти кары, эти застращиванія, эти грозныя внушенія нарушителямъ нравственно-религіозныхъ уставовъ,—развѣ они воспитывали въ человѣчествѣ лицемѣровъ и лицемѣріе? Вопросъ—что такое лицемѣріе? Всякое ль лицемѣріе предосудительно? Конечно, преступно всякое лицемѣріе, дурно направленное. Частіе, преступно, или скажемъ меньше, предосудительно лицемѣріе фарисейское, но и то только съ извѣстной стороны. Но вообще лицемѣріе, когда человѣкъ обнаруживаетъ въ своей дѣятельности не

то, къ чему стремится помыслами и склонностями души, — такое лицемѣріе во многихъ случаяхъ и непредосудительно и похвально и благотворно. Въдѣ известная аксіома: *начало премудрости есть страхъ Господень*, служила началомъ воспитанія какъ юношества, такъ и всего человѣчества не только у древнихъ Израильтянъ, но и у всѣхъ образованныхъ язычниковъ. Полагаемый же въ начало воспитанія страхъ къ Богу, предшествуемый и соутствующимъ страхомъ къ родителямъ, старѣйшимъ и начальствующимъ, что иное воспитываетъ съ самаго начала, какъ не известнаго рода лицемѣріе? Не лицемѣръ ли этотъ ребенокъ, который, слушаясь матери сегодня и завтра, не колеблясь въ мысли, не раздумывая, съ дѣтскою покорностью и готовностью, становится на колѣна предъ Богомъ, котораго не вѣдаетъ, а только чувствуетъ дѣтскимъ сердцемъ, и лепечетъ молитву, которой опять же не разумѣетъ, а только чувствуетъ сердцемъ? А эту — то черту дѣтскаго сердца и разумѣетъ Христосъ, когда говоритъ: *уже не приметъ царствія Божія, яко дѣтска, не имать внити въ не*. Не лицемѣръ ли и этотъ мальчикъ, которому сильно хочется утащить чужое, но онъ боится и не воруетъ? Не лицемѣръ ли этотъ юноша, который рвется къ нарушенію цѣломудрія, но страшится осужденія людскаго и борется съ своею страстію? Не лицемеръ ли и этотъ взрослый, которому денно-ночно мерещится размозжить голову врагу, влить ядъ въ сердце соперника, однакожь онъ не убиваетъ никого потому, что трепещетъ послѣдствій; при встрѣчѣ со врагомъ и соперникомъ онъ даже улыбается, предлагаетъ дружескую услугу, всячески подавляя въ себѣ человѣкоубійственную страсть? А кто бинетъ камнемъ осужденія въ такого рода лицемѣріе? Такъ обуздываются всѣ вредные въ человѣчествѣ порывы; такъ развиваются и укрѣпля

ются всѣ благородныя склонности. Такъ, въ обузданіи дурныхъ склонностей, сперва идетъ природный голосъ добра, звучащій изъ внутреннѣйшей глубины сердца, далѣе внѣшнее доброе строгое внушеніе, за нимъ слѣдуетъ страхъ, за страхомъ, при влеченіи къ соблазну, лицемеріе и болѣе или менѣе лицемерное самообузданіе, за лицемеріемъ навывѣкъ къ самообузданію, сознаніе пользы, спокойствіе совѣсти, а въ концѣ концовъ являются безстрастіе, торжество надъ зломъ и любовь къ добру. Въ возбужденіи и развитіи добрыхъ склонностей тоже самое. Правственный законъ добра человѣку прирожденъ, религіозное чувство прирождено. Но то и другое, какъ правственное, такъ и религіозное чувства, сознательно, безсознательно, пробуждаются въ человѣкѣ подъ внушеніями старшихъ; за вольною невольною покорностью этому внушенію слѣдуетъ приневоливаніе себя, поощряемое страхомъ оскорбить старшихъ, родителей, Бога; упражненіе воли рождаетъ навывѣкъ; храненіе навыка и развившейся склонности сердца сопровождается покоемъ совѣсти, уладомъ сердца; изъ всего же этого возникаетъ любовь къ добру и источнику всякаго добра Богу.

Такимъ лицемеріемъ воспитывались нравственно—религіозные обычаи всего человѣчества, что отчетливо видно въ исторіи народовъ, особенно при введеніи новыхъ или обновленныхъ религій. Не говоримъ о томъ, что не сразу вошли въ плоть и кровь древнихъ римлянъ религіозные обычаи, которые вкоренены въ нихъ, конечно впоследствии, уставами Нумы Помпилія. Не говоримъ и о томъ, что лицемеріемъ же начали и первые послѣдователи Магомета, которыхъ онъ покорялъ алкорану огнемъ и мечемъ. Но мы видимъ и въ священной исторіи, что не мало каръ нужно было употребить и пророку Божію Моисею, пока его законы не всосались въ плоть и кровь древняго Израиля. Долго

держались и въ средѣ славяно-русскаго народа навыки древле—славянскаго язычества, пока духъ православнаго христіанства, при пособіи немягкихъ также законовъ и взысканій, не переплавилъ розрозненныя славянскія племена въ единство святой православной Руси. Извѣстно, что во всѣхъ религіяхъ первоначальные адепты ихъ въ большинствѣ начинали нѣкотораго рода лицемѣріемъ. Однакоже это лицемѣріе съ теченіемъ времени перерождалось въ крѣпкую, какъ любовь къ самой жизни, привязанность,—привязанность, которая становилась стержнемъ народной жизни. И подите сокрушайте этотъ стержень,—вы сокрушите самую жизнь, сокрушите самый народъ. А осуждать ли такое лицемѣріе, безъ отношенія къ тому, къ чему оно направлено? Это значило бы осуждать коренной законъ общечеловѣческаго развитія: съ такого лицемѣрія начинается воспитаніе во всякомъ добрѣ всего человѣчества.

Что же такое лицемѣріе фарисейское? Это соблюденіе доброй нравственно—религіозной формы, когда духъ жизни вымеръ безъ надежды и возродиться. Истинно—фарисейское лицемѣріе возможно только у народовъ умирающихъ. Не фарисей тотъ полудикарь, котораго обратили въ христіанство и который усиливается соблюдать его формы, не проникнувъ въ его духъ и смыслъ. Не таково было лицемѣріе современныхъ Господу Іисусу фарисеевъ, которые упорствовали соблюдать букву обрядовъ и преданій ветхо-завѣтной религіи, совершенно исказивъ ея сущность, именно тогда, когда этой буквѣ Промыслъ и исторія произнесли уже смертный приговоръ. Тѣмъ не менѣе почти всѣ обыкновенно преувеличиваютъ осужденіе, произнесенное Господомъ даже на фарисейство, и преувеличиваютъ напрасно и неосновательно. Самъ Господь въ самомъ фарисействѣ осуждалъ только худое и худыхъ, а не доброе

въ добрыхъ и даже худыхъ. Симону фарисею Господь предпочелъ блудницу за то, что она много возлюбила, почему ей много и прощено, однакоже и Симону прощено же нѣчто, хоть и не многое за то, что меньше показалъ любви. Мытарь прити Господней *изыде изъ церкви оправданъ паче фарисея*. Но наша близорукость не видитъ въ этомъ фарисей уже ничего добраго, тогда какъ его цѣломудріе, его щедродательность, даже соблюденіе постовъ все же были добродѣтелями, которыя сами въ себѣ, безъ отношенія къ гордости фарисея и возмутительнѣйшему самохвалству его предъ лицомъ сердца Божья, осуждать никакъ не слѣдуетъ. Въ самомъ фарисействѣ предосудительны его пороки, но добродѣтели все же похвальны, похвальна самая привязанность къ старымъ формамъ богозавѣщанной религіи. Въдъ между фарисеями находились и такіе люди, какъ Гамалиилъ, какъ даже Павелъ, въ послѣдствіи избранный сосудъ благодати, который, указывая преимущества своего избранія, писалъ: *и азъ имѣю надѣяніе такожде во плоти. Аще кто изъ мнитъ надѣятися во плоти, азъ паче: обрѣзанъ осмодневно, отъ рода Израилева, колѣна Веніамина, еврей изъ евреевъ, по закону фарисей, по правдѣ законный бывъ непороченъ* (Фил. 3, 4—6). Въдъ непредосудительное по первоначальному чистому идеалу своему, фарисейство даже въ искаженномъ осуществленіи этого идеала было далеко выше и благотворнѣе саддукейства. Вотъ гдѣ была смерть израильскаго народа, вотъ гдѣ разложеніе жизни, гангрена и гниль народнаго тѣла, это въ саддукействѣ. И гдѣ оно теперь это старо—еврейское саддукейство? Исчезло, какъ вонь отъ трупа. А фарисейство живо даже до сего дня, живо въ этихъ милліонахъ побѣговъ отъ усѣченнаго корня древняго Израиля, въ этихъ хотя и жалкихъ, но стойкихъ до упорства и несокруши-

ности отросткахъ его, которые, вѣрные духу и формамъ еврейства именно фарисейскаго, неизгладимо сохраняютъ свою самобытную народную личину даже въ расфяніи по всему свѣту, среди тысячъ превратностей, впродолженіи двухъ тысячелѣтій. И обязаны они этимъ не чему иному, какъ неодолимой фарисейской привязанности къ буквѣ древле—отеческихъ преданій своей древнѣйшей вѣры. Уже по этому одному фарисейство почтенно. Стоитъ и подивиться ему и поучиться у него, поучиться тому, какимъ это психическимъ секретомъ оно сохраняетъ въ неприкосновенности тлѣнію духовную мумію народной еврейской жизни среди повального разложенія всякихъ національных жизней и цивилизацій; да и не мумію, а самую жизнь—подобно старому мощному дереву, у котораго сердцевина и многіе корни уже выгнили, а вѣтви и побѣги все еще зеленѣютъ вѣка и тысячелѣтій.

Допустимо ли однакоже лицемеріе въ христіанствѣ? Увы! Что дѣлать? При грѣховности и двойственности человеческой природы оно неизбежно и здѣсь, когда оно составляетъ низшую, но неизбежную ступень въ лѣстницѣ нравственнаго христіанскаго совершенства; когда возрожденный въ крещеніи человекъ носитъ въ себѣ, совместно съ человекомъ новымъ, человека ветхаго, грѣховнаго, душевнаго, плотскаго, котораго нужно распинать съ его страстями и похотьми; когда въ нашемъ ветхомъ плотскомъ человекѣ каждый изъ насъ видитъ ииъ законъ, противо-воющую забону ума и плѣняющую насъ забону грѣховному; когда самымъ началомъ жизне-дѣятельности христіанина поставлена двойственность ветхаго и новаго человека и борьба новаго съ ветхимъ, борьба закона духовнаго съ плотскимъ, борьба руководимаго евангельскимъ идеаломъ духа противъ грѣховной плоти, противъ соблазновъ міра,

противъ темнаго вѣзья вѣка сего; когда Христосъ возлагаетъ на насъ иго и бремя своего закона, иго и бремя не-легкое, которое нужно носить согнувшись тяжко и но коротко, чтобъ почувствовать его благимъ и легкимъ; возлагаетъ на каждаго крестъ свой, заповѣдуя самоотреченіе, отреченіе отъ міра, отъ родства, отъ радостей сей привременной жизни, и требуя, чтобы мы носили крестъ свой съ радостью въ сердцѣ и на лицѣ, когда онъ изъ сердца исторгаетъ стоны страданія, а на лицѣ слезы горести. Увы! Что дѣлать, когда Христосъ провозглашаетъ, что царствіе Божіе нудится, вынуждается, и пріобрѣтають его тѣ, кто его вынуждаютъ; когда Онъ заповѣдуетъ послушаніе своей церкви и грозитъ наитягчайшими карами за ослушаніе; когда и церковь своей внушаетъ требовать этого послушанія себѣ подѣ угрозою лишенія всѣхъ даровъ благодати Божіей, повелѣвая ослушниковъ преклонять къ благопокорности и судомъ и наказаніями. Увы! На землѣ побе не небо, и люди—не ангелы. Потому и христіанская церковь естественно вынуждается нудить чадъ своихъ, чтобъ они нудили для себя царствіе небесное. Потому и христіанинъ, даже соуспокоиваясь въ помыслѣ, въ чувствѣ, въ стремленіи естественному закону плоти съ его требованіями, нудится подавлять его въ себѣ; нудится творить иное—не то, къ чему порывается мыслью, чувствомъ, желаніемъ и всѣми влеченіями плоти; призванный служить идеалу христіанской чистоты и безстрастія, нудится носить личину хотя бы то борьбы со страстями, если и не побѣды надъ ними, даже когда страсти влобчутъ въ груди и разрываютъ сердце; изъ уваженія къ христіанской добродѣтели и святости, нудится и закрывать и обуздывать себя спасительнымъ лицемѣріемъ, пока не поборетъ въ себѣ грѣховную склонность, пока не пріобрѣтетъ постояннаго навыка

къ добру, пока не залучить себѣ миръ совѣсти, соуслаженіе сердца всему доброму, наконецъ любовь къ добру и Богу, яже есть союзъ и верхъ совершенства. Увы! По двойственности жизненнаго начала, христіанинъ нудится начинать плотію, обузданіемъ ея, хотя бы даже принудительнымъ, хотя лицемѣрнымъ, чтобы скончать духомъ. И работая христіанскому духу, эту спасительную и почтенную личину носятъ непременно всѣ болѣе или менѣе христіанскія общества, носятъ изъ вольнаго-невольнаго преклоненія предъ идеаломъ христіанства, изъ сознательнаго-безсознательнаго уваженія къ своему имени христіанъ, главное же изъ вольнаго-невольнаго самопокоренія духу общественнаго христіанскаго законодательства и жизненнаго уклада. И горе обществу, когда оно скидываетъ съ себя даже эту достопочтенную и сдерживающую личину христіанства, когда оно не стыдится и не страшится, какъ во Франціи, да и въ Россіи въ нѣкоторыхъ кругахъ, обнажать свой идолопоклонническій культъ, свое преклоненіе предъ всѣми божествами язычества, божествами злобы и лубавства, хищничества и сладострастія, мрака и отчаянія...

Но допустимо ли какое либо лицемѣріе, какое либо приневоливаніе въ молитвѣ, въ богослуженіи? Боже мой! Да неизбежно, да спасительно также, какъ и всегда въ духовно-правственной жизни. Самъ Христосъ Спаситель находилъ нужнымъ, съ одной стороны, чтобы не подать соблазна, а съ другой чтобы подать примѣръ другимъ (Мат. 17, 24—27),—находилъ нужнымъ во всю свою жизнь, до самыхъ тайни вечери, соблюдать всѣ обряды ветхо-завѣтнаго богослужебнаго устава, хотя и зналъ, что ветхо-завѣтная буква уже отжила, что ветхо-завѣтная тѣнь со-всѣмъ прешла и исчезла. Святые апостолы, даже по со-

шествіи на нихъ Св. Духа, не только сами соблюдали главные обряды ветхо-завѣтнаго богослуженія даже послѣ того, какъ сами же отмѣнили ихъ на апостольскомъ соборѣ, но одушевивъ ихъ новымъ Христовымъ духомъ, передали ихъ на вѣчное храненіе даже и въ ново-завѣтную церковь, каковы именно обряды утреннихъ и вечернихъ молитвъ и другіе. Вообще отчасти по примѣру ветхаго за-вѣта, отчасти же по новымъ требованіямъ новаго, св. апостолы сами намѣтили почти всѣ сроки дневныхъ богослуженій, соблюдаемыя до сего дня; сами своимъ примѣромъ указали времена важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, какъ то святые пасхи, вознесенія Господня, святые пятидесятницы, богоявленія; сами учредили важнѣйшіе посты, какъ то среды и пятка, а также святые четырдесятницы и страстной седмицы; сами не только намѣтили главные черты богослужебнаго устава въ Христовой церкви, не только опредѣлили образъ и чинъ совершенія главной части христіанскаго богослуженія, святыхъ таинствъ, но сами же составили многія молитвы и пѣсни, напр. молитвы и пѣсни божественной литургіи, имѣя своимъ учителемъ и въ этомъ, какъ и во всемъ, самаго Христа Іисуса, который самъ передалъ намъ молитву Господню, молитвенныя формулы таинствъ крещенія и евхаристіи, вѣроятно, молитвенную формулу апостольскаго благословенія, обрядъ пѣнія псалмовъ Давидовыхъ и другое, что Имъ самимъ передано св. апостоламъ, а отъ нихъ дошло до насъ. Отъ Него же, отъ самаго Господа Іисуса Христа преданы на вѣчное храненіе ново-завѣтной занятыя изъ ветхо-завѣтной церкви обряды земныхъ и поясныхъ поклоновъ и колѣнопреклоненій, какъ и паденія на лице предъ Богомъ. Отъ Него же, отъ Его креста занято и крестное знаменіе. Изъ этихъ-то священнѣйшихъ богопреданныхъ матеріаловъ, по

этой священнѣйшей канвѣ, святые отцы, начиная съ мужей апостольскихъ, выткали весь глубоко-содержательный и многосмысленный, вдохновенный и поэтичнѣйшій уставъ и составъ православнаго христіанскаго богослуженія, прилагая крайнюю заботу, чтобъ сохранить богопреданную древность до малѣйшей черты, а отъ себя ново-вводнаго приложить какъ можно менѣе, развѣ только что требовалось для округленія и украшенія, нимало не отмѣняя и не измѣняя завѣтъ священной апостольской старины.

Но предавая церкви этотъ священный завѣтъ ново-завѣтнаго богослуженія, святые апостолы имѣли въ виду, безъ сомнѣнія, не то, чтобъ онъ сохранялся только въ хартияхъ богослужебныхъ чинопослѣдованій, но чтобы соблюдался въ жизни и практикѣ церковной, требуя, чтобы всѣ вѣрные по возможности соблюдали всѣ установленные сроки постовъ и праздниковъ и участвовали во всѣхъ уреченныхъ молитвословіяхъ, какъ въ храмахъ, такъ и въ домахъ. И вѣрные цѣлыхъ почти 19 вѣковъ поставляли своимъ долгомъ и потребностью сердца хранить апостольскій и свято-отеческій завѣтъ богослуженія и молитвословія ненарушимо въ духѣ и буквѣ, подвизаясь въ молитвѣ дни и ночи; при этомъ нерѣдко или даже постоянно борясь то съ добелостію, то съ немощію плоти, добелость поборая и утончая, а немощь доводя молитвеннымъ трудомъ до изнеможенія и духовно подкрѣпляя еще болѣе усиленнымъ подвигомъ молитвы; чая и не обманываясь въ надеждѣ, что Духъ Божій, за напряженный молитвенный подвигъ возниспослетъ свою благодать пламеннѣйшаго чистѣйшаго паренія сосредоточенной молитвы къ престолу Божію; находя пользу и отраду духу даже въ самомъ пребываніи въ молитвенной хранилѣ, которая окурева и постоянно обкуривается благодатію Св. Духа; устроая и въ домахъ мо-

литвенныя клятвы или хоть углы святыя, для непрестаннаго напоминанія себѣ заповѣди апостольской: *непрестанно молитесь*; поставляя непоручную красоту общественнаго богослуженія въ томъ, чтобъ изъ уставленнаго святыми отцами чина ничто не было изъято въ исполненіи, подъ страхомъ свято-отеческой клятвы.

Таковъ строгій духъ и завѣтъ священной христіанской древности. Такъ глубочайшій носитель и выразитель сего духа, святой отецъ нашъ Исаакъ Сиринъ мудрствуетъ о нуждѣ долговременнаго упражненія въ молитвѣ и плодахъ онаго: «молитва требуетъ обученія, да долгимъ временемъ упражняясь въ ней упремудрится умъ. Ибо по нестяжаніи, отрѣшающемся помышленія наши отъ земныхъ узъ, молитва хочетъ долговременнаго въ ней, пребыванія. Зане отъ долговременнаго пребыванія умъ пріемлетъ обученіе, и научается отгонять отъ себя разсѣвающій помысль, и научается отъ многого личнаго искуса тому, чего не можетъ получить отъ другаго. Различіе ли молитвенныхъ чтеній, гласъ ли устъ въ славословіе Божіе, попеченіе ли сердца о Господѣ, поклоненія ли тѣла, псалмопѣніе ли стихословія,—все сіе споспѣшествуетъ навыку и возрастанію молитвы чистыя; отъ молитвы же раждается любовь Божія. Любовь отъ молитвы, а молитва отъ пребыванія въ ней. Не нарекай праздностью протяженіе молитвы не парящей, не восторженной, собранной и долгой, чтобъ оставить тебѣ псалмы. Больше упражненія въ стихословіи возлюби поклоны. И когда въ сей службѣ дано тебѣ будетъ дарованіе слезъ, тогда не скажешь, что наслажденіе, получаемое въ нихъ, есть праздность. И особенно въ то время, когда умъ твой расточенъ, пребудь въ чтеніи молитвы». Такъ разсуждали, такъ поучали истинные носители духа церкви, духа Христова.

И нашлась душа христіанская, въ концѣ 19-го столѣтія, которая весь этотъ вѣковѣчный духъ православной церкви обозвала лицемѣріемъ, которая благоговѣйное служеніе этому духу обозвала ханжествомъ. Нашелся человѣкъ, нескудно кормленный хлѣбомъ церковнымъ отъ колыбели до могилы,—человѣкъ, который, въ благодарность церкви за ея исключительную милость въ нему, не только употребилъ свои обширныя познанія, богатые дарованія и десятки лѣтъ жизни, обезпеченной милостью и щедродательностію церкви, на измышленіе и оглашеніе всяческихъ хуленій противъ церкви же, но который, первый въ слухъ всей святой православной Россіи, вознесъ хульныя уста на обязательность совершенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ; который кощунствуетъ надъ преданными самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ колѣпопреклоненіями и поклонами, надъ преданными святыми апостолами крестнымъ знаменіемъ; который въ благолѣпномъ совершеніи сихъ священныхъ обрядовъ со смѣхомъ указываетъ ханжество и человѣкоугодничество; который собственно кощунствуетъ, а рисуется, будто изрекаетъ премудрыя нравоученія, изрекая плоскія фразы, будто «молитва перестаетъ быть молитвою, если она обращается въ нѣчто похожее на заданный урокъ», хотя бы этотъ урокъ заданъ былъ самимъ Христомъ и апостолами; «если молитва становится похожею на необходимую церемонію»,—хотя большая часть молитвъ въ церкви Божіей искони вѣковъ именно и установлена, какъ «необходимая церемонія», какъ богоучрежденный обрядъ; «если молитва становится официальною», т. е. обязательною, когда всѣ богоустановленныя въ церкви богослуженія и молитвословія для вѣрующихъ обязательны; «если молитвенное настроеніе подсказывается печатною книгою», когда самъ Христосъ и апостолы Его пѣли псалмы Дави-

довы по книгѣ и уставному чинопослѣдованію; когда Христосъ и апостолы предали церкви Христовой многія молитвы и чинопослѣдованія именно съ тою цѣлію, чтобъ эти молитвы и чинопослѣдованія, внесенныя въ евангелія и другія священно-церковныя книги, подсказывали вѣрнымъ молитвенное настроеніе до кончины вѣковъ? Ужели даже онъ, кощунственный учитель—обличитель церкви, въ душѣ порадовался бы, если бы духовные питомцы, въ утро и вечеръ, ни даже лба своего не осѣнили крестнымъ знаменіемъ, ни даже устъ своихъ не освятили такимъ братскимъ, но преданнымъ отъ самаго Христа молитвословіемъ, какъ: *Отче нашъ, и: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.* Если лицемѣріе и ханжество—обязательное посѣщеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ, самыхъ сокращенныхъ,—то ханжество же и фарисейство—обязательное участіе въ молитвахъ предъ ученіемъ и послѣ онаго, передъ вкушеніемъ пищи и послѣ онаго, въ воскресныхъ и праздничныхъ утренияхъ и литургіяхъ, обязательное говѣніе, обязательное приступаніе къ св. тайнамъ, обязательное соблюденіе постовъ. И это въ юношахъ, будущихъ служителяхъ Слова Божія, которымъ слово Божіе внушаетъ возлагать яремъ Господень на выи свои отъ юности своея! Ужели онъ хотѣлъ бы, чтобы наши духовно-воспитательныя учрежденія были, по своему духу и задачѣ, ниже даже языческихъ философскихъ школъ, которыя учили мудрости не только теоретической, но и практической, не только знанію, но и добродѣтели, какъ и примѣрно—строгому соблюденію обрядовъ своего вѣка и народа? Ужели даже современное намъ саддудейское фарисейство обрадовалось бы въ душѣ, если-бъ ученики, духовные питомцы, были якоже нѣцыи изъ старѣйшихъ или юнѣйшихъ, воспитателей и воспитываемыхъ, отцовъ и дѣ-

тей, какихъ теперь развелось многое множество; если бы уподобились старѣйшимъ, которые посѣщаютъ храмъ Божій три четыре раза въ году, да и то, чтобы позлозячить и позабавить другъ друга веселою бесѣдою; которые отъ земныхъ поклоновъ освободили себя навсегда, поясныхъ не дѣлаютъ никогда, вмѣсто крестнаго знаменія творятъ нѣчто неподобное, странное перебирание пальцами пуговицъ ниже груди, и это потому, что стыдятся Христа и исповѣданія имени Христова предъ человѣками; это потому, что употребляютъ съ своей стороны, для соблюденія своей чести предъ очами невѣрныхъ, немалыя усилія, чтобъ ихъ не заподозрили, будто они во что либо вѣруютъ; которые иногда приступаютъ къ святымъ тайнамъ съ такимъ стѣсненнымъ видомъ маловѣрія и конфузливой гордыни, стыдящейся собственнаго фарисейства, что приводятъ въ душевное смущеніе раздаятеля таинъ, не говоря уже о тѣхъ, которые совсѣмъ уже отrekliсь отъ христіанства практически... Ужели даже саддукейскому фарисейству было бы желательно и страдно, если бъ и духовные воспитанники, будущіе служители Слова Божія, походили на тѣ, конечно чуждыя ханжества заведенія, въ которыхъ питомцы не обязываются посѣщать богослуженіе и не посѣщаютъ, не обязываются совершать никакихъ молитвъ и не совершаютъ; неизвѣстно, обязываются ли приступать къ святымъ тайнамъ и приступаютъ ли? А не заводятся ли нынѣ и такіе питомцы, которыхъ единственно только въ высокаторжественные дни начальства торжественнымъ шествіемъ выводятъ изъ заведенія въ церковь въ числѣ до полу-тысячи; а питомцы, на разстояніи четверти версты отъ заведенія до церкви, на глазахъ народа разбѣгаются сотнями; а начальство съ лицемѣрною серьезностью приводитъ и разставитъ въ соборѣ два три десятка самыхъ

маленькихъ, никогда не справляясь, бываютъ ли всѣ у службы Божіей по воскресеньямъ, а большинство хоть когда либо!? Или даже такіе, которыхъ заставляютъ говѣть въ послѣднюю половину страстной, покороче, т. е. вечеромъ въ великую пятницу и въ великую субботу; но говѣющіе даже въ великую субботу на утренѣ не бываютъ, между утреней и обѣдней подкрѣплятся завтракомъ, чтобъ не ослабѣть, такъ какъ обѣдня полагается поздно, во время же обѣдни гуляютъ и курятъ по бульвару вблизи церкви, такъ какъ обѣдня полагается длинная, хотя и крѣпко ускоряется?...

И всѣ, очень многіе, даже педагоги русскіе такъ горячо хлопочутъ, озабочиваясь даже въ педагогическихъ наставленіяхъ и правилахъ, какъ бы это уберечь нашихъ питомцевъ, будущихъ русскихъ людей, и въ свою очередь будущихъ родителей и воспитателей, отъ лицемерія и ханжества! Боже! До чего мы дожили и куда идемъ! Спѣшимъ, очень спѣшимъ, чтобъ не отстать отъ передовыхъ... Мракъ разрушительнаго суемудрія такъ густъ и такъ пронизателенъ, что грозитъ омрачить и прельстить губительными миражами даже избранныхъ...

О, чистая Дѣво Богородице, Свѣтъ рождшая, просвѣти души мояя очи, да не постигнетъ мя грѣшная тма глубочайшая, ниже глубина да покрыетъ мя отчаянія; но сама мя спаси и окорми ко пристанищу божественнаго жотїя. Аминь.

1883 г.

БЕСѢДА

на день Рождества Христова, изложенная въ публичномъ собраніи въ залѣ Одесской духовной семинаріи.

Сравнительное значеніе Христіанской дуалистической и современно-научной монистической системы міровоззрѣнія.

*Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ,
въ человецѣхъ благоволеніе.*

Вѣковѣчная тема, изъ которой черпали, черпаютъ и никогда не вычерпаютъ. Ее разсматривали, какъ разсматриваютъ солнце въ небѣ, съ разныхъ сторонъ безъ конца. Но мы поставимъ ее примѣнительно къ воззрѣніямъ современности; именно поставимъ вопросомъ: что въ самомъ дѣлѣ рождество Христово принесло особаго на землю, и, оставляя множество рѣшеній этого вопроса, отвѣтимъ, что рождество Христово принесло или, точнѣе, утвердило и управило такъ называемый дуализмъ, противный современному научно-философскому монизму міросозерцанія. Рождество Христово учинило то, что люди съ его и до сего времени воздавали славу въ вышнихъ сущему Богу, и вслѣдствіе того царилъ на землѣ миръ и обитало въ человекахъ Божіе благоволеніе.

Я не намѣренъ прочесть урокъ изъ исторіи философіи. Но безъ знанія оной, трудно уловить тѣ общія черты, которыя мы внемъ на развитіе міросозерцанія въ челове-

чествѣ, и понять то состояніе міросозрѣнія и нравственности, къ какому пришло человѣчество современное.

Оставимъ богоизбранный родъ патриарховъ до Авраама и отъ Авраама богоизбранный народъ еврейскій, который развивалъ свою исторію подъ особымъ водительствомъ Промысла и божественнаго откровенія. Скажемъ, что древнее историческое человѣчество въ тотъ моментъ, съ котораго исторія становится сознанною, именно человѣчество китайское, индійское, сиро-халдейское, египетское и еллинское исходило изъ монизма же въ міровоззрѣніи, но монизма глубоко по духу своему отличнаго отъ монизма современно-научнаго, — изъ монизма мистически-пантеистическаго. По этому монизму прежде и превыше всего существуетъ нѣчто безконечное, непостижимое, неопишемое, несказанное, изъ чего происходитъ все, во что все опять и возвращается. Само подчиненное закону необходимости, року или судьбѣ, это безконечно непостижимое развиваетъ изъ себя свое болѣе или менѣе олицетворенное проявленіе и отрицаніе, свою противуположенность, отчего оно же даетъ бытіе какъ всему міру, такъ и всему въ мірѣ, добру, какъ и злу, человѣку, какъ и духамъ поднебеснымъ или подземнымъ, какъ и самимъ богамъ. При чемъ въ этомъ безконечномъ-непостижимомъ души и духи, какъ и сами боги плаваютъ, какъ тускло очерченныя тѣни, безъ ясно намѣченной цѣли, безъ точно опредѣленной судьбы, въ неодолимомъ подчиненіи слѣпому року; при чемъ принципъ человѣческой свободы и добродѣтели, какъ и безсмертія души, не былъ ясно сознанъ и точно проведенъ до конца. Наоборотъ и свободная добродѣтель и загробное воздаяніе исключались всеобщимъ неодолимымъ подчиненіемъ року, что однакоже ясно представляется только намъ, когда мы глядимъ назадъ на древнее религіозное міросозерцаніе, а современни-

нами отчетливо это не сознавалось. Не сознавая этого безвыходного, замыкавшего всякую вмѣняемость добродѣтели круга, и въ простотѣ невѣдѣнія благоугождая признаваемымъ божествамъ, всѣуказанные народы, въ эпоху своего возрастанія и историческаго твердостоянія, держали свой нравственный уровень сравнительно не высоко, но и не низко, а во всякомъ случаѣ твердо.

Признанная научно-философскою еллинская мысль сперва приблизила было религіозный пантеистическій монизмъ древности къ научно-философскому матеріалистическому монизму нашего времени, начавъ съ такъ называемаго гилозоизма, по которому всякая жизнь включена въ вещество, изъ него и проистекла; проистекла наприм. изъ воды или воздуха или огня, во всякомъ случаѣ изъ вещества, хотя древне-еллинское вещество понималось совсѣмъ не по нашему современному, понималось глубоко и мистически. Атомизмъ Демокрита придуманъ впоследствии. Но какъ такое гилозоистическое философствованіе оказывалось ересью противъ общенароднаго древне-еллинскаго религіознаго вѣрованія, и такъ какъ оно не объясняетъ причинъ и задачъ всего бытія и ведетъ къ неисходнымъ противорѣчіямъ и затрудненіямъ въ жизни, то высочайшіе, признанные оъ такомъ качествѣ всѣмъ міромъ, умы древней Еллады, каковы Пифагоръ и Анаксагоръ, Сократъ, Платонъ и Аристотель, выяснили и водворили такъ называемую дуалистическую систему міросозерцанія, поставивъ выше всего Бога, внизу вещество, а въ срединѣ между ними человѣческую душу, или точнѣе—цѣльнаго человѣка, какъ связь двухъ противоположныхъ началъ, Бога и вещества.

У названныхъ еллинскихъ философовъ эта система была сколько возвышенна, столько же и ошибочна, почему и привела къ результатамъ плачевнымъ.

Капитальной ошибкой даже лучших еллинистических философов было, что они допускали первобытность вещества или материи наравнѣ и рядомъ съ Богомъ. Но матерія Аристотеля-Платона существенно отлична отъ современно-научной материи. Матерія не атомна. Современно-научный атомъ или мелекула уже имѣетъ форму и слѣдовательно, по ученію этихъ философовъ, уже получила свое образованіе отъ божественнаго ума. Матерія же въ существѣ своемъ безформенна, косна, мертва, слѣпа. Матерія—хаосъ, причина всякаго зла, нестроенія, отрицаніе всякаго образованія, движенія, жизни, порядка, красоты и блага. А при своей самобытности матерія стѣсняетъ даже свободу Бога Творца, который въ свою очередь вноситъ въ матерію образованіе и порядокъ, свѣтъ и разумъ, красоту и благо. Отсюда міровая борьба между добрымъ началомъ и злымъ.

Богъ такъ же самобытенъ, какъ и матерія. По Анаксагору, Богъ есть умъ и духъ, отличный по своей сущности отъ материи. Онъ прозорливъ и всевѣдущъ. Онъ причина движеній, сообразныхъ съ цѣлію. Пребывая въ себѣ, въ единствѣ и равенствѣ съ самимъ собою, Онъ не смѣшивается съ матеріей, однакоже проникаетъ всю ея массу, какъ движущая, оживляющая и образующая сила, преобразуя нестройное вещество въ прекрасно устроенную вселенную. По ученію Сократа, какъ въ душѣ человѣческой разумъ есть источникъ самопознанія, который указываетъ человѣку добро и управляетъ всею его духовною дѣятельностію, такъ и во вселенной царитъ высшій разумъ. Ибо порядокъ во вселенной и разумная цѣлесообразность во всемъ указываютъ на бытіе разумной причины. И какъ изъ того, что душа человѣческая невидима, нельзя сдѣлать заключенія, что ея нѣтъ, такъ и изъ того, что Богъ во вселенной невидимъ, нельзя заключать, что Его нѣтъ. Тотъ,

кто устроилъ и объемлетъ весь міръ, въ комъ вся красота и благо, созерцается въ своихъ великихъ дѣлахъ, но невидимъ въ своемъ домостроительствѣ. Подобнымъ же образомъ изъ явной цѣлесообразности во всемирной доказывали бытіе Бога Творца Промыслителя и Платонъ и Аристотель. Богъ, по ученію Платона, высочайшая идея блага не только нравственнаго, но и метафизическаго, истинный источникъ и основа всѣхъ другихъ идей, какъ идеальныхъ образовъ всѣхъ предметовъ вселенной, послѣдняя причина и цѣль всякаго познанія и бытія. Богъ—личный всесовершенный духъ; высшее начало всего, что честно, справедливо и свято: умъ, не созерцаемый непосредственно смертными очами и непостижимый; Богъ—благость и красота, духъ единый, премудрый, всеблагій, самодовольный и всеблаженный; Творецъ всего прекраснаго и виновникъ добра въ мірѣ. Причина зла не въ Богѣ, а въ вѣчно существующей матеріи, которая изъ хаотическаго состоянія приведена была Богомъ въ состояніе благоустроенія. Устроивъ міръ, Богъ не оставилъ его на произволъ судьбы, но промышляетъ о немъ и ведетъ къ высшимъ цѣлямъ, — къ торжеству добродѣтели надъ зломъ и приближенію тварей къ себѣ, къ Творцу. По Аристотелю, Богъ—безусловный божественный разумъ, перводвижитель всего, недвижимый, неизмѣнный и единый, дѣятельная безусловная цѣль, жизнь, чистая дѣятельность, мыслящій и вмѣстѣ дѣятельный разумъ, единство мысли и мыслимаго. Тутъ есть почти всё, хотя и не всё, свойства высочайшаго существа, какія имѣются и въ христіанскомъ разумѣніи Бога, но съ включеніемъ въ эллинско-языческое разумѣніе того роковаго недостатка, что рядомъ съ Богомъ ставится самобытная матерія, ограничивающая свободу Его въ Его дѣятельности.

Оттого и человѣкъ является даже у высшихъ еллина-

скихъ философовъ хотя и произведеніемъ Бога Творца, но при этомъ и помѣсю двухъ началъ, божественнаго и вѣщественнаго, обоихъ въ существѣ своемъ самостоятельныхъ. Сократъ, Платонъ и Аристотель вѣрили въ безсмертіе души уже потому, что душа, по ихъ ученію, источникомъ своимъ имѣла божественное начало. «Вы должны искать», — доказывалъ Платонъ безсмертіе души своимъ ученикамъ, — «залога будущей жизни въ глубинѣ своего существа. Ибо неужели вы думаете, что наши способности развиваются и усовершенствуются напрасно? Неужели напрасно существуетъ въ душѣ нашей голосъ совѣсти, награждающій и наказывающій насъ за извѣстные нравственные проступки? Неужели вѣчно будетъ страдать празедникъ и наслаждаться нечестивый? Нѣтъ, насъ ожидаетъ другая жизнь, которая будетъ служить для человѣка наградой или наказаніемъ. Дѣлая наблюденія сама собою, не устремляется ли душа туда къ чистому, вѣчно сущему, безсмертному, неизмѣнному, и какъ сродная ему не пребываетъ ли постоянно при немъ, на сколько это ей возможно? Душѣ соответствуетъ божественное, безсмертное, неизмѣнное, всегда тождественное. Напротивъ тѣлу соответствуетъ человѣческое, смертное, многообразное, измѣнячивое. Поэтому не слѣдуетъ ли тѣлу скоро разрушиться, а душѣ быть чѣмъ-то совершенно неразрушимымъ?» Сократъ, предъ своею насильственною смертію, трогательно и возвышенно выражаетъ свою вѣру въ безсмертіе, которую однакоже не надѣется доказать, — вѣру, что тамъ за гробомъ онъ увидится со всѣми добрыми людьми и другими небожителями. Умирая, онъ не скорбитъ, потому что вѣритъ, что умершіе существуютъ и за гробомъ и что добрымъ тамъ гораздо лучше, чѣмъ злымъ.

Но какъ даже лучшіе еллинскіе мудрецы-философы

поставили самобытнаго Бога, виновника всякаго благоустроенія, рядомъ съ самобытною же матеріею, источникомъ всякаго нестроенія, зла и глупости; такъ какъ и они не возвысились до идеи Бога всесовершеннаго, который въ существѣ своемъ есть любовь; такъ какъ они усматривали въ Богѣ больше умъ, чѣмъ всесовершенство, высочайшую чистоту и любовь,—то и въ грѣховности человѣка видѣли нѣчто роковое, непреодолимое, истекающее изъ вещества, изъ котораго устроено его тѣло, и цѣлью добродѣтели человѣка поставляли высвобожденіе изъ оковъ тѣла и всякихъ бѣдствій вещественной земной жизни, или по крайней мѣрѣ облегченіе ихъ, почему и поставляли въ качествѣ добродѣтели больше благоразуміе и мудрость, облегчающія жизненную борьбу, чѣмъ душевную чистоту, больше развитіе ума, чѣмъ сердца, предоставляя во всей жизни перевѣсъ уму и мудрости, чѣмъ цѣльности человѣческаго духа и общему нравственному очищенію и возвышенію. Оттого даже у высшихъ еллинскихъ мудрецовъ въ нравственномъ ученіи являются поразительныя несовершенства. По Сократу добродѣтель есть просто знаніе, прибрѣтенное развитіемъ ума при помощи ученія. Обязательна добродѣтель потому, что полезна, такъ какъ ведетъ къ счастію и истинному наслажденію жизни. Такъ называемый утилитаризмъ и эвдемонизмъ главная цѣль добродѣтели. Безкорыстной самоотверженной любви къ добру язычники давали мало значенія. Грѣхъ у нихъ не иное что, какъ глупость. Добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы друга побуждать благодѣяніями, а врага злодѣяніями. Нецѣломудріе отношеній не поражало самаго Сократа. Платонъ освящаетъ рабство, узаконяетъ общеніе женъ, допускаетъ чувственную дружбу, позволяетъ выкидывать слабыхъ младенцевъ и т. п. По Аристотелю, какъ и Платону, одни люди рож-

даются съ душами господъ, другіе съ душами рабовъ; добродѣтель есть высшее образованіе и научное созерцаніе, доступное людямъ достатка и свободнаго досуга, несовмѣстное съ занятіями торговцевъ, земледѣльцевъ, работниковъ, вообще низшаго класса людей. Для мудрѣйшаго изъ еллиновъ даже еллины дѣлились на двѣ различныя касты, господа и рабовъ, а чужіе народы были варвары, никакъ не братья по плоти и духу.

Полное недостатковъ ученіе даже высшихъ еллинскихъ мудрецовъ, по практическому своему вліянію, не пережило по времени своихъ виновниковъ, а по пространству не распространилось далѣе тѣснаго круга ближайшихъ учениковъ. Всѣ послѣдующіе философы, сряду же по смерти Сократа, Платона и Аристотеля, стали составлять свои школы и системы, въ которыхъ удалялись отъ самыхъ началъ коринѳеевъ еллинской мудрости, часто до крайней противоположности, образовавъ три главныхъ направленія философіи: стоицизмъ, эпикуреизмъ и скептицизмъ. Для знающихъ стоитъ только назвать эти три главныхъ направленія, особенно же два изъ нихъ: эпикуреизмъ и скептицизмъ, чтобы дать понятіе объ односторонности и даже гибельности этихъ философскихъ ученій. Извѣстно, что эпикуреизмъ слѣдовалъ правилу: ѣшь, пей и веселись, проповѣдуя и осуществляя въ жизни самый грубый утилитаризмъ и эвдемонизмъ. По скептицизму же, ни о какой вещи нельзя имѣть положительнаго знанія; лучше воздерживаться отъ всякаго сужденія; при этомъ живи безъ заботъ, безъ желаній, безъ порывовъ въ чистой апатіи, которая ничего не знаетъ ни о добрѣ, ни о злѣ. Это ученіе вело прямо къ отчаянію... Даже лучшее изъ ученій, стоицизмъ, воротившись къ представленію пантеистическому, сливая Бога съ міромъ, какъ мировую душу, подчинивъ все мировой

необходимости, — даже стоицизмъ, хотя въ подробностяхъ внушалъ и много хорошихъ нравственныхъ предписаній, однакоже въ существѣ дѣла подрывалъ всякую нравственность, проповѣдуя, что нравственность есть не иное что, какъ проявленіе міровой необходимости; внушая, что высшее благо состоитъ въ жизни, сообразной съ требованіями природы, а лучшая добродѣтель въ благоразуміи; проповѣдуя, что въ жизни мудраго позволительны и совершенно безнравственные поступки, напр. ложь, общеніе женъ, употребленіе въ пищу, увы! человѣческаго мяса; утверждая корень нравственности въ гордомъ высокомеріи и въ холдномъ упорствѣ; совѣтуя, что мудрецъ съ гордымъ равнодушіемъ долженъ взирать на всю игру этого міроваго круговорота, и если ему тяжело, то онъ можетъ лишить себя и жизни, потому что этотъ міръ недостоинъ его.

Конечно, языческая философія была цвѣтомъ древней языческой жизни. Но не она руководила этою жизнію; руководила, какъ и теперь руководить жизнію народовъ, собственно религія. Но какъ эта религія воцаряла на своемъ Олимпѣ боговъ безнравственныхъ, нецѣломудренныхъ, коварныхъ, другъ другу враждебныхъ, однакоже рѣдко малодушныхъ, почти всегда храбрыхъ, — то и нравственность древне-языческая, даже въ лучшую пору, была не особенно высока; цѣнилось высоко только мужество. Такъ какъ при выходѣ изъ дикаго состоянія тѣ народы выходили на арену исторіи, которые были мужественнѣе; поэтому древній человѣкъ и преклонился предъ мужествомъ, какъ коренною добродѣтью, такъ что мужество было даже соименнымъ добродѣтели — аreti virtus. Храбрость все покрывала, составляя высшее украшеніе не только мужчины, но и древней женщины, какова напр. прославленная спартанская мать. Затѣмъ о другихъ добродѣтеляхъ древній чело-

вѣкъ не особенно и хлопоталъ, не особенно и уважалъ ихъ, многихъ даже не зналъ вовсе, напр. нищеты и смиренія духа, алканія и жажданія правды, кротости и миротворства, терпѣнія въ гоненіяхъ и поношеніяхъ и т. п.; наоборотъ даже противоположныя добродѣтелямъ качества древній язычникъ не только терпѣлъ, но и уважалъ какъ добродѣтели, — напр. не говоря о нѣмало невозбращаемыхъ чувственныхъ влеченіяхъ, о поощряемыхъ и особо прославляемыхъ обольщеніяхъ языческой красоты, древній еллинъ, или римлянинъ, особо цѣнилъ всякаго рода ловкость, коварство, даже ловкое воровство, суровость, даже жестокость ко врагу живому и мертвому, всякую непреклонность, мстительность, гордость и т. д. Но какъ философія подрывала религію, то вмѣстѣ съ тѣмъ подрывала и все зданіе жалкой языческой морали. А вмѣстѣ съ тѣмъ рухнулъ въ прахъ и вѣнецъ всей этой морали, синонимъ добродѣтели — мужество. Какова была жизнь древне-языческаго человѣчества нѣсколько столѣтій предъ пришествіемъ Христовымъ, распространяться о томъ не станеть. Это всякому извѣстно. Для этого знающимъ достаточно припомнить первую главу посланія апостола Павла къ Римлянамъ. Потерявъ всѣ добродѣтели и во главѣ ихъ мужество, древніе греки — римляне стали безсильны отстоять и свою государственную самостоятельность и перестали жить.

Благоволите памятовать однакоже, что древнее человечество жило подъ вліяніемъ дуалистическаго міросозерцанія, подъ вліяніемъ вѣры въ бытіе Бога и безсмертной человеческой души.

Нисшествіемъ своимъ на землю Господь Іисусъ Христосъ утвердилъ такъ называемое дуалистическое міросозерцаніе, но утвердилъ въ чистомъ видѣ божественной истины, согласной съ духомъ какъ всего вѣтхозавѣтнаго откровенія,

такъ и здоровой опытной психологіи, основанной на здоровомъ философскомъ умозрѣніи. По этому христіанскому міросозерцанію въ вышнихъ на небеси обитаетъ Богъ все-совершенный, всесвободный и вездѣсущій, а внизу держится Божиимъ всемогуществомъ міръ вещественный, чистое созданіе Божіе; въ срединѣ же между Богомъ, высочайшимъ духомъ, и міромъ вещественнымъ находится міръ богосозданныхъ чистыми духовъ, изъ коихъ нѣкоторые по своей волѣ стали злыми и источникомъ зла. А связью міровъ повсюду сущихъ, между міромъ духовнымъ и вещественнымъ, служитъ человѣкъ, соединеніе духа и вещества, созданный первоначально чистымъ, но по собственной волѣ оскотворенный грѣхомъ. По христіанскому откровенію въ составъ человѣка входятъ духъ и тѣло, или раздѣльнѣе—духъ, душа и тѣло. Что такое тѣло, это всякій видитъ и знаетъ. Что душа,—это та индивидуализованная жизненная сила, которая одушевляетъ какъ человѣка, такъ и всякое животное, но въ человѣкѣ превосходитъ всякую высшую животную душу, душу высшихъ изъ скотовъ пока только количественно. Наконецъ духъ есть то особое божественное начало, которое дѣлаетъ душу человѣка отличною отъ души скотовъ и качественно,—начало, изъ котораго исходятъ даръ слова, человѣческая разумность, нравственность и стремленіе къ изящному, высшему, безпредѣльно—прекрасному, бесконечно—совершенному, божественному, чѣмъ человѣкъ качественно существенно отличается отъ животныхъ; чего въ животныхъ естествоиспытатели ни указать не могутъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, ни привить не могутъ, начиная съ наученія даже обезьянъ или собакъ, хотя бы наприм. сложить очагъ и развести огонь для обогрева себя. По Христову и апостольскому ученію, оскотворенная грѣхомъ плоть, т. е. тѣло, одушевляемое жи-

вотною душею, желаетъ противнаго духу, а духъ желаетъ противнаго плоти. Духъ и плоть постоянно другъ другу противоборствуютъ, такъ что мы не всегда то дѣлаемъ, что хотѣли бы, но носимъ въ себѣ два противоборственныхъ закона, одинъ законъ ума, другой законъ плоти; причеиъ творимъ не то, что хотимъ умомъ, но то, чего не хотимъ. *Дѣла плоти извѣстны; они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, инѣвъ, распря, разногласіа, соблазны, ереси, ненависть, убійства, пьянство, безчинство и тому подобное. Плоды же духа суть: любовь, радость о Господѣ, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе, высшее самоотверженіе и подвижничество, распятіе плоти со страстями и похотями, сораспятіе и спогребеніе Христу, соединеніе со Христомъ еще при жизни, такъ что живетъ во святомъ тогда уже не онъ самъ, но живетъ въ немъ Христосъ; такъ что праведному человѣку если и жить, то жить со Христомъ и во Христѣ, и умереть—вождемѣнное приобрѣтеніе.*

Такъ Христосъ сошествіемъ своимъ въ міръ сей, научивъ людей возносить славу въ вышнихъ Богу, утвердилъ духовный міръ на землѣ и благоволеніе Божіе въ челоѣкахъ на многіе вѣки, на цѣлыя два тысячелѣтія. *Желаете ли очевидной въ этомъ увѣренности? Посмотрите на народы. Пока вѣра христіанская была крѣпка въ народахъ, они возрастали. Посмотрите на Францію,—вѣдь она, отвергнувъ христіанство, теперь въ агоніи. Почитайте произведенія собственныхъ ея мыслителей, въ родѣ Тэна *).*

*) Вотъ самые новѣйшіе отзыѣы самихъ французовъ (Новороссійскій Телеграфъ 1885 янв. 18) объ отчаянномъ положеніи Франціи: «Мы возвращаемся къ первобытному состоянію дикарей». «У насъ всюду господствуютъ смятеніе и анархія». «Мы дожили до апоѣеова револьвера, который входитъ

Или поближе посмотрите на нашъ русскій народъ. Когда онъ горитъ въ огнѣ смиренія, въ нечи насланнаго Богомъ испытанія, и проникается свѣтомъ вѣры, подивитесь, какимъ блескомъ озаряется онъ, блескомъ всякихъ доблестей, и какъ тогда мы несокрушимы! Посмотрите, подивитесь на себя, на русскихъ, въ войну 12-го года, въ войну Севастопольскую, въ послѣднюю восточную войну. А наоборотъ, когда вѣра христіанская падаетъ, посмотрите, изъ какихъ нечестивыхъ поводовъ народы поднимаютъ нескончаемыя кровопролитія. Подумайте, изъ-за чего Наполеонъ I губилъ милліоны своего и чужаго лучшаго человѣчества. Изъ личнаго ненасытнаго честолюбія. Подумайте о томъ, что славная Британнія въ наши дни воевала съ Китаемъ, просто и открыто, изъ-за ввоза въ Китай своего опиума, т. е. изъ-за права отравлять опиумъ сотни милліоновъ китайскаго на-

у насъ въ ежедневное употребленіе. Такъ низко пала наша нравственность, что мы уже не только извиняемъ убійство, но и прославляемъ его, издѣваясь надъ закономъ, на глазахъ всей Европы, которая съ крайнимъ изумленіемъ спрашиваетъ себя, кто мы такіе: сумасшедшіе или людоеды? «То, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ происходитъ среди насъ, говоритъ извѣстный французскій публицистъ Альбертъ Болье, ясно показываетъ, что наши нравы ничего общаго съ цивилизаціей не имѣютъ. Европа смотритъ на насъ съ изумленіемъ и глубокимъ презрѣніемъ. Мы утратили всякое ясное представленіе о нашихъ правахъ и обязанностяхъ. Мы должны вооружиться револьверомъ и при первой непріятности пистолетомъ! Дѣвнадцать бюргеровъ, которыхъ призвуть насъ судить, найдутъ это весьма естественнымъ и оправдаютъ насъ. И прекрасно! Но за то мы ужъ не можемъ ожидать, чтобъ Европа имѣла хотя бы малѣйшее уваженіе къ нашей цивилизаціи, валяющейся въ крови, и не должны болѣе кричать о быстромъ движеніи нашего прогресса. Цивилизованное общество не можетъ допускать того принципа, что любой его членъ имѣетъ право хладнокровно убить своего ближняго подъ тѣмъ предлогомъ, что тотъ, живя, нарушаетъ его покой. А между тѣмъ этотъ именно принципъ, повидимому, всюду во Франціи торжествуетъ въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ сентиментальность требуетъ отъ насъ смертной казни, и нельзя требовать для убійцы заслуженной имъ кары, не подвергался обвиненіямъ въ безсердечности». Съ другой стороны газета «Temps»

селенія. Посмотрите, какъ таже Британія подставляла намъ всякія смертоносныя оружія,—намъ, защищавшимъ христіанскую братію отъ неистовства иновѣрныхъ,—и за что подставляла? Не стыдись объявлять, что изъ-за своихъ грубѣйшихъ, вездѣсущихъ британскихъ интересовъ. Посмотрите, вѣдь не стыдится же Англія черезъ десять лѣтъ послѣ послѣдней восточной нашей войны, гдѣ она противъ насъ защищала подданныхъ мусульманскаго падишаха,—не стыдится же черезъ 10 лѣтъ избивать оружіемъ десятки и сотни тысячъ подданныхъ того же падишаха изъ-за своихъ интересовъ.

Перенесите свои взоры на нашъ русскій народъ, на частныя явленія въ немъ. Теперь не только христіанская,

говорить: «Передъ нами грубый фактъ возвращенія къ первобытному состоянію. И замѣтите, что публика является сообщницей этихъ преступниковъ; мы сейчасъ говорили объ ея состраданіи, но правильнѣе было-бы говорить о ея симпатіяхъ къ героямъ револьвера. Сколько-бы здравый смыслъ не протестовалъ, публика все-таки болѣе интересуется преступникомъ, нежели его жертвой. Жертва имѣетъ на своей сторонѣ общественныя интересы, но преступникъ находитъ себѣ оправданіе въ своей страсти, и сверхъ того онъ много выигрываетъ отъ общаго растланія умовъ, утратившихъ правильныя понятія объ отвѣтственности, виновности и справедливости. Причины этого страннаго явленія опредѣлить не трудно. Все стремится къ тому, чтобы явленіе это стало нормальнымъ, начиная съ литературы, освящающей страсти во всей ихъ необузданности, и кончая доктринами, которыя стараются видѣть въ поведеніи какъ частнаго человѣка, такъ и подлеца необходимый механизмъ слѣбныхъ силъ. Для многихъ врачей и для нѣкоторыхъ философовъ теперь уже нѣтъ преступниковъ: есть только люди подверженные галлюцинаціямъ, которыхъ увлекаетъ минутное головокруженіе, или люди, обиженыя природой и отъ рожденія назначенные для преступленій и пороковъ. Въ самомъ дѣлѣ, самыя обыкновенныя слова, повидимому, утратили свое значеніе, и мы склонны называть ворами только мошенниковъ, запускающихъ руку въ карманы прохожихъ. Но и для нихъ найдутся смягчающія обстоятельства и отыщутся ученые, которые будутъ доказывать, что, запуская руку въ чужой карманъ, они повиновались какому-нибудь болѣзненному и непреодолимому влеченію. Но какъ намъ быть до тѣхъ поръ, какъ будетъ устроена новая общественная организація, согласная съ этими ученіями? Нужно до-

но и высоко-философская дуалистическая система міросозерцанія въ интеллигентныхъ кругахъ падаетъ. Бога на небѣ теперь уже для нѣкоторыхъ таковыхъ нѣтъ. Души въ человѣкѣ, души духовной, безсмертной, назначенной къ высшему нравственному совершенству, къ святости, къ богоуподобленію, для таковыхъ опять же не имѣется. Воцаряется такъ называемая монистическая система, — что т. е. существуетъ единая живая чувствующая матерія, изъ которой все рождается, въ которую все и возвращается. Эта теорія такъ узка, такъ мало отвѣчаетъ запросамъ человеческого духа, что равняется отсутствію всякаго міросозерцанія, устраняя изъ міра всякую разумность, всякую цѣлесообразность въ жизни, воцаряя на мѣсто разумности и цѣлесообразности тупую и слѣпую причинность, подчинен-

кавать сперва, что эти ученія основательны, и лишь когда вы ихъ сдѣлаете неопровержимыми, примите соотвѣтствующія имъ новыя мѣры безопасности, но пока вы этого не сдѣлаете, не заставляйте, ради Бога, честныхъ людей жить такъ, какъ живутъ въ пустыняхъ дальняго запада Америки, изъ-за привлекательной гипотезы, основанной на какихъ то медико-психологическихъ наблюденіяхъ». Еще рѣзче высказывается республиканская же газета «National»: «Зрѣлище нашего нравственного и матеріальнаго упадка, которое мы даемъ свѣту, не достаточно-ли омерзительно? Вотъ результаты радикальнаго воспитанія и процвѣтанія ходячихъ доктринъ; общественная жизнь разшатывается, мозги наизуворотъ, понятія о правосудіи извращены, государственныя власти дезорганизованы, кровь и грязь текутъ потоками и потопляютъ честь, достоинство и репутацію людей, а правосудіе и не пытаясь удержать наводненіе, общественное мнѣніе не возмущается противъ столькихъ глупостей и гнусности. Вотъ въ общихъ чертахъ мрачный фарсъ, разыгрывающійся на нашихъ глазахъ: убійство заслуживаетъ похвалы; честные люди поздравляютъ убійцъ».

Вотъ жалобы, которыми въ послѣднее время наполнялись французскія газеты всѣхъ партій и оттѣнковъ, кромѣ органовъ разбоя и анархій. Всѣ приходятъ въ отчаяніе въ виду тѣхъ судебныхъ безобразій и «детальныхъ преступленій», которыя то и дѣло совершаются во Франціи, и даже самые стойкіе республиканцы съ уныніемъ сознаютъ, что «такъ далѣе государство жить не можетъ».

ную необходимости и случайности. Но умы теперь такъ разшатаны разрушающимъ анализомъ, что нѣкоторыми отвергается и причинность, допускается только послѣдовательность явленій. Затѣмъ отрицается обязательность даже математическихъ аксіомъ, такъ какъ и онѣ сводятся только на извѣстные будто-бы навыки мышленія. Это замѣчено въ посмертныхъ запискахъ и великимъ нашимъ мыслителемъ и естествовѣдомъ Пироговымъ. «Въ послѣднее время, — пишетъ онъ, — стали встрѣчаться и такія личности, которыя никакъ не хотѣли и настолько будто бы закабалить мысль, чтобы остановиться на дважды два четыре. «Мысль моя свободна, — утверждали они, — я хочу, приму, хочу — нѣтъ, какую ни на есть математическую аксіому». Этими лицамъ и въ голову никогда не приходило, что респущенность мысли и воли есть страшный недугъ, отъ развитія котораго въ себѣ долженъ беречься каждый изъ насъ, кто не хочетъ кончить самоубійствомъ или домомъ умалишенныхъ. Каждый настолько долженъ быть свободенъ, т. е. силенъ волею, чтобъ избрать для себя то или другое міровоззрѣніе; но избравъ, долженъ на немъ остановиться, по крайней мѣрѣ, до той поры, пока замѣнитъ его другимъ новымъ. Установленіе извѣстнаго образа жизни (*modus vivendi*) необходимо не только для согласія семействъ, обществъ и народовъ, но и для согласія съ самимъ собою; а этого можно достигнуть только извѣстнымъ болѣе или менѣе опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ». А такъ какъ устраненіемъ собственно христіанскаго воззрѣнія поколебленъ образъ жизни, лежащій въ основѣ душевнаго строя всего русскаго народа; такъ какъ каждая русская личность есть не болѣе какъ живой членъ цѣлаго народнаго тѣла, — то каждая личность, въ которую проникаетъ разстройство общерусскаго христіанскаго воззрѣнія, естественно склоняется

къ душевному разстройству, къ страннымъ дѣяніямъ, къ недовольству жизнію, да наконецъ и къ самоубійству. Посмотрите, почитайте, въ какой прогрессіи увеличивается количество самоубійствъ въ бывшей нѣкогда христіанской Европѣ. Посмотрите, въ какой прогрессіи возрастаетъ оно и у насъ. Читаю на дняхъ въ журналѣ: «По поводу скептическаго или разочарованнаго направленія въ нашей молодежи такой-то рассказывалъ, что недавно пришлось ему ѣхать въ Петербургъ изъ Москвы; сидѣло ихъ трое въ одномъ отдѣленіи вагона, разговорились про скептицизмъ въ молодежи, и что же оказалось: у одного изъ трехъ снѣтъ погибъ отъ самоубійства, у другаго—братъ, у третьяго—тоже братъ»... Посмотрите, сколько у нашихъ, у русскихъ, у интеллигентовъ, сколько теперь грѣховъ противъ Духа Святаго, т. е. сколько страстной настойчивости отвергнуть очевидные факты, говорящіе о таинственныхъ силахъ души, о бытіи духовъ. Сколько въ данную минуту усилій свести на механическую игру мускуловъ это, по нашему, «отгадываніе чужихъ мыслей» и непостижимое покореніе воли одного волѣ другаго, а по европейски, по ученому, этоть непонятный «трансферъ мысли и воли», тогда какъ въ Европѣ степенно, солидно углубляются въ эти тайны духовнаго бытія крѣпкіе умы и солидныя ученые общества. А у насъ и такой фактъ, что магнетизеръ, ученый врачъ лично мнѣ извѣстный, заставляетъ просто напряженіемъ воли усыпленнаго имъ юношу идти въ садъ далеко, къ такому-то кусту и сорвать тамъ такой-то цвѣтокъ, или же заставляетъ такого-то гордаго скептика, также усыпленнаго, стать публично на колѣна и продѣлать предъ всѣми забавное дѣло, какое въ бодрственномъ состояніи, по собственной волѣ и разумѣнію, тотъ никогда не сдѣлалъ бы изъ гордости,—и такой фактъ мы русскіе

сію же минуту готовы свести на игру мускуловъ или шарлатанство, лишь бы только не допустить въ душѣ ничего духовнаго, ничего таинственнаго; лишь бы свести человѣческую душу на уровень съ душою животныхъ. Но животные уже тѣмъ ниже, хотя и нормальнѣе человека, что не могли до сихъ поръ придумать, хотя бы, напр., самоубійства. А бываютъ же обстоятельства, когда животные оказываются въ ужаснѣйшихъ обстоятельствахъ, каковы всѣ приготовляемыя на убой или на вѣвисекцію. Могли же несчастныя животные въ тысячахъ случаевъ хоть утопиться. Однакоже ни одно не топится нарочно и обдуманно. Указывать ли на то, что отношенія половъ сводятся на животныхъ; что животныя отношенія становятся идеаломъ для человека? Говорить ли о томъ, что христіанскій бракъ разрушается даже тѣми, кто призванъ его защищать, что доказывается этими повальными оправданіями легкомысленнѣйшихъ многобрачниковъ? И куда это разрушеніе брака идетъ? Въ среду народную. И тамъ видимъ обнародованный на дняхъ общественный приговоръ, что общество крестьянъ признало законнымъ незаконное сожитіе мужа, состоящаго въ законномъ бракѣ, и законными дѣтей отъ этого беззаконнаго сожителства. Спѣшимъ, очень спѣшимъ! Не буду говорить объ этихъ колоссальнѣйшихъ неслыханныхъ въ прежнее время хищеніяхъ, объ этихъ оправданныхъ убійствахъ, даже отцеубійствахъ изъ аффекта, изъ новоизмышленной, по крайней мѣрѣ, по названію психопатіи, и о прочемъ ужасномъ и неслыханномъ. Упомяну, что самая благотворительность безъ Христа, безъ религіи, благотворительность во имя европейскаго принципа, частію изъ гуманности, частію изъ разсчета откупиться отъ грознаго пролетаріата, привела къ результатамъ ужасающимъ, отъ вѣка также

неслыханнымъ. «Нищета, — читаемъ въ солиднѣйшей изъ газетъ (Москов. Вѣдом. 1884 г. № 310), — плодится въ Англіи сотнями тысячъ. Нищее населеніе громадныхъ торговыхъ городовъ, какъ-то: Лондона, Манчестера, Бэрмингама, Ливерпуля отбиваетъ (страшно сказать!) кормъ у свиней, питается выбросками помойныхъ ямъ, зернами изъ лошадиного помета и пр. Это положительные факты и подобныхъ имъ можно привести массу. Но четырехъ-милліонный Лондонъ наталкиваетъ на еще болѣе ужасные факты, порождаемые тою же нищетой. Здѣсь вы знакомитесь съ такими средствами къ утоленію голода, какъ продажа родителями дѣтей въ ужасающихъ видахъ, встрѣчаетесь съ 10—12 лѣтними убійцами и тому подобными возмутительными, неслыханными вещами. Въ Англіи эти явленія стали заурядными». Мы затыкаемъ уши отъ этихъ ужасовъ, однакоже этимъ грядущаго зла на вселенную не отвратимъ. Христосъ Спаситель предвѣщаетъ, что тогда, въ послѣдніе дни, будетъ скорбь велия, якова же нѣсть была отъ начала міра. Изъ притчи Спасителя мы слышимъ, что *блудный сынъ желаетъ насытитися отъ рожецъ, яже ядяху свинія*. Но отъ начала міра нѣсть слыхано, чтобы люди, жители богатѣйшей страны, подбирали на улицахъ лошадиные отброски и, выбирая изъ нихъ цѣльные зерна овса, обмывали ихъ, и варили изъ нихъ пищу. Не начнутся ли это скорби, которыя не были слыханы отъ начала міра?! И широчайшая препрославленная британская благотворительность не сильна не только устранить, даже значительно облегчить эту великую скорбь... Современная же монистическая система попускаетъ и дальше такіе естественные логическіе выводы, выводы изъ принципа борьбы за существованіе, что ихъ страшно и выговорить. Вѣдь не одни же современные людоеды питаются человѣ-

ческимъ мясомъ; вѣдь и древнимъ греческимъ философамъ, по крайней мѣрѣ, казалось это естественнымъ. Вѣдь не одни же полудикіе народы древности обращали всѣхъ побѣжденных въ рабство; тоже дѣлали и въ наши дни просвѣщеннѣйшіе сѣверо-американцы, доводи свой принципъ рабовладѣнія до наипослѣднѣйшихъ крайностей, до права убить раба изъ пустаго каприза. Нѣкоторые народы древности считали же священнымъ долгомъ избивать всѣхъ стариковъ и даже старыхъ родителей. Александрійскіе греческіе врачи употребляли же живыхъ людей, положимъ, преступниковъ, осужденныхъ на казнь, для вивисекціи. Греческій философъ Платонъ совѣтовалъ же соединять бракомъ юношей и дѣвъ особенно здоровыхъ и красивыхъ, и выкидывать слабыхъ дѣтей, какъ разъ по принципу подбора, по теоріи Дарвина. Все это—простые естественные выводы изъ матеріально—монистическаго принципа, изъ принципа борьбы за существованіе! А какъ этими выводами легко достигалось бы облегченіе этого злосчастнаго европейскаго пролетаріата! И какъ удобно было бы водворить въ современномъ человѣчествѣ Платоново государство простымъ устраненіемъ всѣхъ слабыхъ!... Между тѣмъ христіанство исходило какъ разъ изъ совершенно противоположнаго принципа,—оно взяло подъ свою защиту и двѣ тысячи лѣтъ держало подъ мощнымъ своимъ покровомъ всѣхъ слабыхъ и нищихъ, всѣхъ труждающихся и обремененныхъ.

Подумайте, воздають-ли славу въ вышнихъ Богу тѣ, которые отвыкли, которые стыдятся даже креститься, полагать на себѣ крестное знаменіе,—имъ и это тяжело,—которые и учатъ, что такъ тому и быть слѣдуетъ? Былъ, но есть ли миръ душевный на землѣ? Было благоволеніе Божіе въ человѣцѣхъ, но не уносится ли отъ человѣковъ на небо?

Воспрянемъ же душою, помолимся, чтобы родившійся нынѣ Христосъ Господь былъ съ нами во всѣ дни жизни нашей до скончанія вѣка; чтобы не облѣнивались мы возсылать славу въ вышнихъ Богу; чтобы сходилъ оттуда миръ на нашу христолюбивую землю и пребывало во всѣхъ россійскихъ людяхъ Божіе благоволеніе. Аминь.

1885 г.

ПОУЧЕНІЕ

по освященіи ново-устроенной церкви въ уфимскомъ
епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Устали. Минуту вниманія. Я прочитаю вамъ одну церковную пѣснь, которая поется на всеобщемъ бдѣніи при обновленіи всякой церкви, которую и въ своей церкви вы слышали вчера, если только слышали (извините), вникли въ ея смыслъ и уразумѣли.

Къ себѣ восходи, человѣче, буди новъ вмѣсто ветхаго, и души празднуй обновленія, дондеже время житія. Да обновляется тебѣ всякаго житія путь. Древняя бо претидоша, се быша вся нова. Сіе празднику плодопринеси, добрымъ измѣненіемъ измѣняемъ. Снце обновляется человекъ, тако чтится обновленій день.

Не правда ли, пѣснь типически прекрасная?! Пѣснь, въ которой не знаешь, чему больше удивляться, глубинѣ ли смысла, или умилительной и строгой назидательности, вѣскости ли отдѣльных реченій, или живописности цѣлаго представленія?

Вотъ обще-церковный обще-христіанскій ея смыслъ. Когда празднуешь обновленіе храма Господня, когда видишь освященіе церкви Божіей, къ себѣ восходи, человѣче. Помни, что ты самъ духовный храмъ, что ты обязанъ становиться храмомъ Божіимъ, жилищемъ Духа Божія, обителію святыхъ Троицы, а легко можешь стать в храниною сатаны,

мрачнымъ и грязнымъ гнѣздилищемъ бѣсовъ. Помни, что по плоти родился ты ветхимъ человѣкомъ, а въ купели крещенія возродился въ новаго, но съ тѣмъ, чтобы возражаться постоянно, чтобы обновляться постепенно до самой смерти ветхаго плотскаго человѣка. Буди же новъ, становись же новымъ человѣкомъ вмѣсто ветхаго, новымъ храмомъ Духа Божія, и ежечасно празднуй обновленіе храма собственной души, дондеже время житія течетъ. Пока жизнь не утекла въ бездонное устье могилы и адской пропасти, пусть обновляется для тебя путь всего и всякаго житія твоего. И въ цѣломъ направленіи жизни всегда стремись къ лучшему, и во всякомъ отдѣльномъ жизненномъ отправленіи неустанно обновляйся на лучшее. Древняя бо претидоша, ветхость плотскаго человѣка для тебя ушла, исчезла, умерла; *се быша вся нова*, ты возродился въ новаго и долженъ жить для новаго человѣка. Такъ и живи же для него, для возрожденнаго, для обновленнаго человѣка во Христѣ, единственно и исключительно. Вотъ, и по движенію сердца, и по старинному обычаю, — къ сожалѣнію исчезающему вмѣстѣ со всею доброю христіанскою стариною, — всякій добрый христіанинъ къ празднику обновленія храма несетъ какую либо жертву, кто полотенце, кто чистое мыло, кто благовонія, а каждый (въ селахъ) свѣчку. Похвальный обычай, благое дѣло, богопріятная жертва обновленію храма Божія. Но только тогда это жертвоприношеніе будетъ имѣть полную цѣну, когда соединится съ жертвою духа. Сіе то особенно празднику и плодo-пренеси, человѣче, самъ добрымъ измѣненіемъ измѣняемъ, самъ оставляя худое, отвергая ветхое грѣховное и премѣняясь на лучшее. Сиде обновляется человекъ, когда онъ утверждается и усовершенствуется въ добрѣ. И тако чтится обновленій день, когда человекъ приносятъ

въ жертву къ освященію видимаго храма обновленіе внутреннее, освященіе храма своей собственной души. Вотъ полный, вотъ настоящій, вотъ истинный праздникъ освященія храма Господня,—соединеніе освященія храма видимаго съ освященіемъ внутреннимъ духовнымъ невидимой церкви Христовой.

А вотъ и частный смыслъ тойже церковной пѣсни, въ приложеніи собственно къ вамъ, чада святаго, нынѣ освященнаго храма сего.

Вы новое поколѣніе. Живете въ новое, а будете жить и въ самоновѣйшее время, для котораго мы, отцы ваши, уже умремъ. Всякое новое время всегда приносило новыя условія и новые запросы жизни; а самоновѣйшее время въ свою очередь принесло свои условія, свои запросы въ такомъ небываломъ сплетеніи, что глядя впередъ и задумаешься и встревожишься. Встревожишься и за себя, за наше отживающее поколѣніе, за то, что мы теперь переживаемъ; но еще больше встревожишься за васъ, за то, съ чѣмъ ваше поколѣніе навѣрное должно встрѣтиться въ ближайшемъ будущемъ. Зерна, которые проросли и зеленѣютъ въ наше время, могутъ разцвѣсти и плодъ принести для вашего. Не дай Богъ, но предусмотрительность, но осторожность неизлишни. Откуда же страхи, въ чемъ тревога?

Древняя преидоша, се быша вся нова, но въ обратномъ, но въ антихристіанскомъ смыслѣ. Возникло цѣлое, новое антихристіанское міросозерцаніе, міросозерцаніе настолько противоположное тому, въ какомъ вы воспитываетесь, что если бъ оно водворилось въ общественной практикѣ, какъ и водворяется, то представилось бы странностію все учиненное нами нынѣ въ семъ ново-освященномъ храмѣ. Оно въ корнѣ подрываетъ не только религію, не только догму нашего символа, но и все христіанское,—это-

го мало, не только христіанское, но и древнее языческое философско-религіозное правоученіе. Оно вихремъ рушитъ всѣ устои общественнаго зданія и пускаетъ по вѣтру самый покровъ этого зданія, самый обще-человѣчскій христіанскій идеаль нравственнаго совершенства. Въ основу же будущаго своего зданія человѣческаго общества оно закладываетъ коренное понятіе о животности человѣка, а вмѣсто покрывки надвигаетъ на свою постройку и соотвѣтственный животный идеаль, идеаль равномернаго между всѣми людьми распредѣленія пропитанія и всѣхъ благъ земныхъ. А такъ какъ эта равномерность никогда не будетъ достигнута; такъ какъ люди, по этому ученію, были и останутся по природѣ животными, точнѣе, все — и само — пожирающими звѣрями, то закономъ и цѣлью жизни человѣческой полагается борьба за существованіе, борьба всѣхъ и каждого противъ всѣхъ, чтобы человѣкъ — человѣку былъ волкомъ. Вы видите, что изъ принциповъ этого ученія естественно вытекаетъ даже людоедство не только въ утонченномъ, но и въ самомъ грубомъ смыслѣ. Вы видите, что это будущее, предполагаемое зданіе человѣческаго общества въ самомъ существѣ противоположно церкви Христовой. Въ Европѣ эти антихристіанскія ученія развиваются уже два вѣка; а у насъ на Руси онѣ быстро ворвались и расплылись во всѣ дебри только въ наше поколѣніе: Можно опасаться, что вашему поколѣнію придется выдержать съ ними еще болѣе тяжкую борьбу, чѣмъ приходится нашему.

Помни же, неопытная юность, слово опыта, что это лжеученіе нападаетъ на неопытность и съ основанія и съ верха, съ корня и вѣтвей, нападаетъ и на цѣльность ума и на чистоту сердца, на понятія и правила, на убѣжденія и поведеніе, начиная съ самыхъ легкихъ, повидимому, поступковъ. Помни, благовоспитанная юность, что по выходѣ

въ свѣтъ ты и въ себѣ должна будешь поддерживать отъ бурныхъ дуновеній жизни духовный свѣтъ, который въ тебѣ заботливо возжигаютъ теперь, и въ другихъ возжигать его, сберегать и распространять, чтобы всѣ, видя вашу духовную чистоту и красоту, ващимъ христіанскимъ женскимъ житіемъ и словомъ плѣнены были въ послушаніе Христово. Помни, невинная юность, урокъ ума, дорывавшагося до основъ человѣческихъ убѣжденій, что какъ бы ни показались вамъ красными льстивыя слова, которыя вы услышите или читаете, которыя будутъ противны настоящимъ вашимъ христіанскимъ вѣрованіямъ; какъ бы ни показалось вамъ красно еще видѣти и вождельно уразумѣти на собственномъ опытѣ проповѣдуемое этими коварными словами,—помните, что онѣ въ концѣ концовъ ведутъ какъ разъ къ тому, о чемъ выше сказано, къ оскотѣнію человѣка и человѣчества, къ разрушенію обще-человѣческаго, какъ религіознаго, такъ и нравственнаго и общественнаго строя, къ изветшанію, къ паденію, къ смерти духовнаго человѣка, не только въ исходѣ, но и въ самомъ началѣ, такъ какъ и по самому принципу этого коварнаго лжеученія имѣется на лицо только плотской человѣкъ, а духовнаго нѣтъ и не было; самый образованный человѣкъ былъ, есть и долженъ быть не болѣе, какъ усовершенствованное животное.

Повторимъ же въ напутствіе и начинающейся и дряхлѣющей жизни выше поставленную церковную пѣснь. Вотъ Богъ послалъ намъ счастье участвовать въ обновленіи и освященіи честнаго храма сего. Къ себѣ же при семъ восходи, человѣче. Буди новъ человѣкъ вмѣсто ветхаго, и души празднуй обновленіе постоянно, дондеже время житія. До самыя кончины живота твоего, да обновляется для тебя всякаго житія твоего путь. Древняя преидоша, се быша

вся нова. Сіе празднику плодо-принеси, добрымъ измѣне-
ніемъ самъ измѣняясь. Сице, таковымъ добрымъ измѣне-
ніемъ, обновляется человѣкъ. Тако да почитимъ сей день
обновленія, сознавъ поставленную Богомъ намъ самимъ
задачу обновляться на всякъ день, дондеже время житія
нашего течеть и не утекло. Аминь.

1881 г.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. Мечнікова

ПОУЧЕНІЕ

при погребеніи боярина Константина Базили.

О ЯВЛЕНІЯХЪ ОТШЕДШИХЪ ДУШЪ.

Зряще мя безласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи: вчерашній бо день бесподоватъ съ вами, и внезапно найде на мя страшный часъ смертный.

Въ виду сей кончины, начнемъ съ евангельской притчи о богатомъ и Лазарѣ. Вы увѣрены, конечно, что оскорбляютъ память почившаго мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія. Но какъ въ промежуткѣ между двумя типами притчи евангельскаго богача съ одной, и бѣднаго Лазаря съ другой стороны, могутъ умѣститься почти всѣ состоянія жизни, то эта притча освѣтитъ намъ и эту кончину и этотъ гробъ, равно какъ и нашу собственную жизнь и ожидающую насъ загробную участь. Излагать всю притчу мы не будемъ; возьмемъ только нѣкоторыя ея черты. И будемъ говорить, главнымъ образомъ, о богачѣ.

Человѣкъ нѣкій былъ богатъ, облачался въ парфиру и виссонъ, веселился на всякій день свѣтло, пировалъ роскошно и непрерывно. Въ это онъ и жилъ, самоуслажденіе было для него цѣлю; все остальное, весь міръ, всѣ прочіе люди были для него только средствомъ. Для другихъ людей, для страждущихъ сердце его было затворено. Бѣдный Лазарь, который лежалъ у вратъ его пышнаго жи-

лица, для него не существовалъ. Этотъ изъязвленный некрасивый страдалецъ былъ темнымъ, возмутительнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ веселаго житія великаго господина, и великій господинъ старался забыть объ этомъ жалкомъ существованіи, какъ и о самомъ существѣ. У жестокосердаго господина и слуги, къ нему самому по неволѣ угодливые, къ другимъ должны быть болѣе или менѣе жестки, во всякомъ случаѣ обязаны устранять непріятныя впечатлѣнія отъ господскаго взгляда. Видно, что богачъ зналъ, но желалъ не знать о существованіи бѣднаго Лазаря. Хотя тотъ и желалъ насытиться пусть-бы даже отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго; хотя, вѣроятно, и псовъ домашнихъ кормили въ домѣ богатаго сытно, однакоже Лазарю отъ него не доставалось ничего, кромѣ глубокаго пренебреженія. Даже псы, и тѣ оказывались ласковѣе богача; ибо приходили къ покрытому струпами страдальцу и изъ жалости, изъ присущей псамъ привязанности къ человѣку, лизали гной страдальца.

Извѣстна дальнѣйшая судьба евангельскаго богача. Веселился, веселился, но пришло время и умереть ему. И умре богатый, и погребоша его. Съ пышнаго погребальнаго ложа онъ низринулся прямо на дно адово. Во адѣ же сый въ мукахъ, онъ молить патріарха Авраама: *отче Аврааме! помилуй мя, и посли Лазаря* (вознесеннаго ангелами на лоно Авраама въ рай), — *посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ воду, и устудитъ языкъ мой: яко страждоу во пламени семъ*. Подумайте, о какой жалости молить! Чтобъ хоть каплю воды уронили на языкъ его и прохладили его среди невыносимаго пламени адскаго. Но и въ томъ получаетъ отказъ: отказъ потому, что это и несправедливо и невозможно. *Чадо!* — отвѣчаетъ ему отечески жалостливо, но и непреклонно праотецъ Авраамъ, — *чадо,*

помяни, яко воспріялъ еси блага твоя въ животъ тво-
емъ, и теперь страждеши по закону возмездія. Кромѣ
всего этого, между нами и вами утверждена великая
пропасть, такъ что и хотящіе перейти отсюда къ вамъ
не могутъ, не могутъ, хотя бы и хотѣли; также и от-
туда къ намъ не переходятъ. Тогда несчастный богачъ
обращается къ Аврааму еще съ болѣе необычною, хотя и
съ не менѣе также естественною мольбою, чтобъ Авраамъ
послалъ Лазаря въ домъ отца, къ пяти братьямъ адскаго
страдальца, засвидѣтельствовать имъ, что адъ и адская
мука существуютъ, чтобъ и тѣ не пришли также въ сіе
мѣсто мученія, надѣясь, что если кто изъ мертвыхъ при-
детъ сказать имъ объ этомъ, то они покаются. Но и на
эту мольбу получаетъ подобный-же отказъ отъ Авраама:
имѣютъ Моисея и пророковъ, пусть слушаютъ ихъ. Если-
же Моисея и пророковъ не слушаютъ, то если-бы кто
и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ. Такъ отвѣтилъ
Авраамъ.

Далека-ль по своему смыслу эта притча и отъ насъ,
отъ нашего времени? Есть между нами люди богатые, лю-
ди съ состояніемъ. Есть и бѣдные, даже нищіе. Губить-
ли богатство, спасаетъ-ли нищета? Нѣтъ, то и другое, бо-
гатство и бѣдность, какъ богоопредѣленные жребіи жизни,
одно, какъ и другое, представляютъ въ себѣ богоустанов-
ленные пути ко спасенію.

Нищета можетъ губить, какъ и богатство, своею раз-
вращающею стороною. Спасаетъ только та нищета, кото-
рая спасла и Лазаря; нищета, которая воспитываетъ ни-
щету духовную; нищета, которая приучаетъ человѣка пе-
реносить всякую невзгоду, терпѣть всякое страданье съ
благопокорностію Промыслу, встрѣчать всякое благотворе-
ніе отъ людей съ признательностію и молиться за благо-

творящихъ; нищета, которая воспитываетъ въ сердцѣ чувство не зависти и ненависти, но любви и благодарности къ человѣчеству, дающему способы существованія и бѣдности; которая приучаетъ благодарить Бога не только за радости жизни, въ какихъ Промыслъ не отказывается и нищѣ, благодарить за жизнь, за свѣтъ, за чистый воздухъ и воду, какъ и за многія другія житейскія блага, но благодарить Бога съ радостію въ сердцѣ и за самыя бѣды и нужды, очистительныя для души, за самый крестъ страданія, налагаемый на рамена нищеты, крестъ, дающій смиренному, терпѣливому сердцу скоро почувствовать, что иго Христово благо и бремя легко; нищета, которая пригибаетъ духъ страдальца смирениемъ ниже праха земнаго, но смирениемъ же возноситъ его и до высотъ небесныхъ, такъ что, по отрѣшеніи сего многострадальнаго духа изъ оковъ изстрадавшейся плоти, ему остается только воспарить на крыльяхъ ангельскихъ на лоно Авраама къ подножію престола Отца небеснаго. Такая нищета, да, спасаетъ. Но губить души нищета даже еще злѣе, чѣмъ губить богатство, когда нищій жаденъ къ пріобрѣтенію благъ міра сего, какъ и богатый; когда нищій жаденъ къ доступнымъ ему тѣлеснымъ наслажденіямъ также, какъ и богачъ, только жадность эта у одного, у нищаго, гораздо свирѣпѣе, чѣмъ у другаго, у богача; когда нищета необузданно переноситъ отъ голоданія къ объяденію, не воздерживаетъ и отъ пьянства, погружаетъ въ безпутства всякаго рода, поощряетъ всякаго злѣйшаго вида хищничество, развиваетъ зависть къ чужому добру и ненависть ко всякому чужому счастью, развиваетъ нерѣдко скверноязычество до ужасающихъ размѣровъ, такъ что нищій, и отказывая себѣ во всемъ, моря себя голодомъ и холодомъ, и хищничая и грабя, готовый изъ-за ничтожной корысти даже изувѣчить и убить,

нерѣдко накопляетъ себѣ своимъ сквернымъ ремесломъ большія богатства; когда нищетѣ учить не признательности добροхотнымъ дателямъ и любви ко всему человѣчеству, не благодарности Промыслу, благодарѣющему даже въ страданіяхъ, но учить ненавидѣть міръ и проклинать свою судьбу, проклинать все и всѣхъ... О, такая нищета не спасаетъ. Не спасаетъ, по крайней мѣрѣ, безъ особенныхъ направляющихъ дѣйствій милосердаго Промысла.

Не губитъ и богатство. Самъ Авраамъ, который даетъ страждущему во адъ богачу такіе полныя и жалости и непреклонности печальныя отказы, самъ Авраамъ, какъ извѣстно, былъ при жизни богатъ и воспріялъ многая блага въ животѣ своемъ. Тѣмъ не менѣе онъ утѣшается въ самыхъ горнихъ сферахъ и рай небеснаго, такъ что и другіе небожители, прешедшіе изъ міра сего, утѣшаются у него, у Авраама, въ его обителяхъ, почивая на лонѣ его. Выраженіе образное, но оно показываетъ, что праотецъ вѣрующихъ Авраамъ перенесся отъ немалыхъ благъ жизни привременной къ высшимъ благамъ и вѣчной жизни. Отсюда ясно, что богатство само по себѣ, безотносительно къ употребленію его, не губитъ людей для жизни вѣчной. Оно даже спасительно, какъ спасительное средство. Тѣмъ не менѣе недаромъ Христосъ Спаситель указываетъ богатому печальную трудность достигать душевнаго спасенія, когда говоритъ, что *удобнѣ верблюду сквозь иллы уши пройти, нежели богатому въ царствіе Божіе вниги*. Въ чемъ же дѣло? Отчего это такъ?

Отвѣтъ ясенъ и извѣстенъ. Его даетъ въ своемъ лицѣ богачъ евангельской притчи. Въ одеждѣ онъ озабоченъ, чтобъ облачатся, если можно, только въ порфиру и виссонъ. Забота о щепетильной чистоплотности, о порядочности, о нарядности, объ изяществѣ въ нарядахъ, о хоро-

шемъ или даже высокомъ тонѣ въ одеждѣ, о щегольствѣ, о способахъ перещеголять другихъ, выдѣлится изъ другихъ менѣе порядочныхъ, страхъ только походить въ одѣяніи на другихъ даже изъ своего круга, не говоря о низшемъ, но не превосходить ихъ, грызутъ его день и ночь. Подумайте, какихъ щегольство и роскошь не выдумываютъ теперь хитрыхъ тканей? А такъ какъ изобрѣтательность на выдумываніе тканей не божьечна, то сколько хитростей прикладывается къ тому, чтобъ переиначивать цвѣта, узоры, тонкость шитья, вязанья и плетенья, чтобы давно существовавшія матеріи дѣлать какъ-бы новыми, а главное новомодными? Сколько посылаемыхъ Богомъ даровъ достатка тратится втунѣ на все новомодное? Сколько способовъ выдается за окно за одинъ только покрой платья, за то только, что онъ вывезенъ изъ за границы, непременно изъ извѣстныхъ только пунктовъ, отъ извѣстныхъ только лицъ, изъ столицъ міра, Парижа или Лондона? Говорить-ли о томъ, что богачъ обязанъ самымъ положеніемъ своимъ веселиться на всѣ дни свѣтло? Обязанъ имѣть чуть не вельможу—повара, артиста своего кухоннаго дѣла? Обязанъ содержать прислугу, какъ бояръ? и чѣмъ больше ея, тѣмъ лучше, тѣмъ наряднѣе? Обязанъ убивать свое время и отымать его у своего круга множествомъ выѣздовъ, обиліемъ и блескомъ пріемовъ? Обязанъ тратить безумныя деньги на яства только потому, что они приготовлены какою-либо знаменитостью повареннаго искусства, а за питія только потому, что на нихъ наклеены бумажки съ означеніемъ особенно высокихъ цѣнъ, съ ничтожнѣйшимъ отѣнкомъ въ самомъ качествѣ питій? Говорить-ли, что нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, богачъ тогда только можетъ быть принятъ за такового, когда онъ живетъ въ домѣ, похожемъ на царскія палаты, когда одна какая-либо лѣст-

нища, одна картина, одна дверь, одинъ мозаическій столикъ, иногда одинъ букетъ цвѣтовъ, днесъ красующійся, а утрѣ въ печь вметаемый, стоятъ цѣлыхъ состояній? Пускай тамъ у вратъ этихъ пышныхъ палатъ умираютъ хоть тысячи нищихъ Лазарей, которые желаютъ насытиться хотябы отъ крупницъ, падающихъ отъ трапезы богатаго.

Что-же губить въ богатствѣ? Губить не богатство, употребляемое на добро, и даже на удовольствіе, согласно изволенію самого Бога, который даетъ намъ блага жизни и въ наше собственное наслажденіе. Но губить эта воспитываемая богатствомъ гордость, для которой недостаточно никакого состоянія для того, чтобъ сравниться съ высшими, дотянуться до равныхъ и превзойти ихъ, а всячески выдѣлаться въ образѣ жизни изъ круга низшихъ. Губить эта роскошь, которая самыхъ высокихъ господъ заставляетъ тратить баснословныя деньги на блестящія, часто на пустѣйшія ненужности, а низшихъ побуждаетъ дотягиваться до высшихъ и разрываться въ безплодныхъ усиліяхъ. Губить эта непрерывная погоня за наслажденіями, которая заставляетъ человѣка истощать свои душевныя и тѣлесныя силы, чтобы доставлять себѣ непрерывное раздраженіе чувственности, или даже добывать пустѣйшія развлеченія, лишь-бы только по душѣ непрерывно проносился несмолкающій гулъ то порывистаго вихря, то хоть легко поддувающаго и уносящаго душевную легкость вѣтра мірской суеты. Губить въ богатствѣ это безсердечіе, по которому богачамъ всегда не достаетъ всѣхъ ихъ способовъ на ихъ собственныя нужды и удовольствія; которое въ ихъ собственномъ самодумствѣ дѣлаетъ ихъ цѣлью не только для нихъ самихъ, но и для всего міра, а міръ единственно только средствомъ для нихъ; которое заставляетъ богачей закрывать свои глаза для всякаго чужаго страданья, для

всякой чужой нужды, изъ одной даже боязни получить себѣ какое-либо непріятное ощущеніе, которое если иногда и позволяетъ или даже побуждаетъ винуть въ сторону нищеты какое-либо благотвореніе, то почти только изъ безразличнаго ощущенія нужды отвязаться отъ чужой назойливости, отвернуть поскорѣе очи отъ чужой нужды, тѣмъ болѣе отъ чужаго страданья, чтобъ не портить состоянія своего духа и благосостоянія тѣлеснаго. Губить безсердечіе, которое иной разъ дѣлаетъ человѣческій эгоизмъ менѣе доступнымъ чувству жалости къ ближнему, къ брату, къ человѣку, чѣмъ эгоизмъ животный, при чемъ иной несчастный скорѣе добьется ласки какого-либо близкаго къ человѣку безсловеснаго, въ родѣ тѣхъ псовъ, которые жалостливо лизали тной изъ струпьевъ бѣднаго Лазаря, чѣмъ ласковаго взгляда или слова человѣка, отупѣвшаго отъ безпрерывнаго счастья, въ родѣ евангельскаго богача. Главнымъ же образомъ губить это одеревенѣніе чувства, пресыщеннаго благами міра, или утомленнаго погоней за ними,—одеревенѣніе, которое заставляетъ человѣка забывать о Богѣ, не вѣрить въ Его промыслъ, даже отрицать Его бытіе,—одеревенѣніе чувства, которое естественно ведетъ за собою и ослѣпленіе ума. Мы назвали, наконецъ, болѣзнь, которая имѣла свои жертвы во всѣ вѣка, но въ послѣднее время, но въ нашъ вѣкъ становится повальною, —болѣзнь противъ которой въ наши печальныя темныя дни не оказывается и достаточно цѣлесообразнаго братевства...

Ища однакоже болѣе цѣлесообразнаго лекарства противъ этой современной немочи, противъ ослѣпленія ума, мышаго себя нынѣ зрячимъ болѣе, чѣмъ когда-либо на пространствѣ вѣковъ, попытаемся поставить себя въ положеніе современниковъ Господа Іисуса Христа, на точку зрѣнія непосредственныхъ слушателей произнесенной Имъ притчи о

богатомъ и Лазарѣ, и оттуда спустимся нашимъ взоромъ внизъ чрезъ все это пространство временъ до нашего времени. Ясно, что уже и тогда чувствовалась нужда въ произнесеніи этой притчи, чтобы возбудить вѣру въ Бога издвоздателя и расположить людей къ дѣламъ милосердія, чтобы возродить надежду на воздаяніе райское на небѣ за добродѣтели и адское въ вѣчной мукѣ за жизнь безпечную, жестокосердную, чувственно-порочную и полную безвѣрія. Извѣстно, что были и тогда саддукеи, саддукеи не только мысли, но и дѣла. Было множество лицъ, которые, гонясь за благами привременной жизни и ея наслажденіями, старались то не думать о Богѣ, то успокоить себя сомнѣніями въ Его промыслѣ, то окончательно заставить замолчать свою совѣсть, погрузивъ ее въ рѣшительное безвѣріе. Были и въ то время люди, которые желали собственно обезпечить себѣ право на нестѣсненную безнравственную жизнь, между тѣмъ однакоже обольщали самихъ себя и другихъ тѣмъ, будто они утверждаютъ на крѣпкихъ соображеніяхъ ума, да и посмѣивались надъ вѣрою въ бытіе Бога, горняго міра и въ безсмертіе. Для такихъ-то современниковъ своихъ и изрекъ Господь Іисусъ свою грозно вразумительную притчу о богатомъ и Лазарѣ, напоминая всѣмъ о грозной дѣйствительности, о дѣйствительномъ бытіи рая на небѣ и ада въ происподней. Онъ напоминаетъ о дѣйствительномъ бытіи Моисея и пророковъ, которые дивно-высокое ученіе свое о Богѣ и добродѣтели, о загробномъ судѣ и воздаяніи, запечатлѣли дивными своими дѣлами, достойными истинныхъ посланниковъ Божіихъ, запечатлѣли какъ высочайшими подвигами добродѣтели, такъ и множествомъ чудесъ и пророчествъ, сбывавшихся во-очію всего Израиля. Объясняетъ Христосъ современнымъ Ему евреямъ, а въ лицѣ ихъ и намъ, что и между нами многіе не довольствуются всею

совокупности данныхъ, представленныхъ у Моисея и пророковъ въ подтвержденіе небснаго ихъ ученія, чтобы вѣрить въ Бога, въ обязательность добродѣтели и жить праведно; но желали многіе тогда, какъ и теперь желали-бы многіе, чтобы съ неба или изъ ада пришелъ кто-либо къ намъ на землю, и засвидѣтельствовалъ намъ по личному опыту, что тамъ дѣлается за гробомъ, засвидѣтельствовалъ, что рай и адъ существуютъ на дѣлѣ, надѣясь, что если кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, и придетъ къ намъ, и скажетъ, что тамъ такое, то мы непременно покаемся-бы. Далѣе Христосъ Господь изрекаетъ устами Авраама, повидимому, нѣчто странное: *имѣйте Моисея и пророковъ, ихъ и слушайте. Если-же Моисея и пророковъ не слушаете, то, если-бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не имаете вѣры.* Этого мало. Онъ сказалъ современнымъ Ему Іудеямъ больше; сказалъ, что *Я самъ пошлю вамъ новыхъ пророковъ, вооруженныхъ всею силою знаменій и чудесъ; тѣмъ не менѣе вы ихъ не только не слушаете, но и распнете отъ нихъ и убіете.* И что же? Сбылось-ли слово Христово?

Сбылось и сбывается наипоразительнѣйшимъ образомъ, сбылось надъ современниками Господа Іисуса, сбывается и надъ нами, надъ нашими современниками. Іисусъ Христосъ самъ воскресъ изъ мертвыхъ. По воскресеніи являлся многимъ. Одинъ разъ явился болѣе чѣмъ пятистамъ братіямъ, изъ которыхъ многіе жили еще долго по Его воскресеніи. Іисусъ Христосъ послалъ Іудеямъ и въ міръ весь своихъ учениковъ апостоловъ, вооруженныхъ дивною силою знаменій и чудесъ, засвидѣтельствовавшихъ истину воскресенія Христова своею собственною смертію, пожертвовавшихъ за свидѣтельство истины своею собственною жизнью. А повѣрили-ль свидѣтельству ихъ современные Іудеи? Не повѣрили многіе. Многіе видя не видѣли, слыша не слы-

шали и не разумѣли сердцемъ. А вѣримъ-ли мы? *Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси во истину Христосъ, Сынъ Бога живаго.* Но многіе даже изъ исповѣдующихъ се не забываютъ прибавить къ сему и другую евангельскую молитву: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію.* А мало-ль между нами и такихъ, которые то совсѣмъ не вѣруютъ; то увѣряютъ себя, что не вѣруютъ; то думая, будто вѣруютъ умомъ, отрѣвуютъ вѣру сердцемъ? Такъ называемая наука, будто-бы ясными доводами, ниспровергающими вѣру, ослѣпляетъ умы и разрушаетъ путеводное начало вѣры въ дѣлѣ нравственности. И обратно, потребность не стѣсняться требованіями нравственности, погоня за чувственными наслажденіями безъ удержа, ненасытная жажда завоевать себѣ какъ можно больше матеріальныхъ благъ, — все это, слагаясь въ такъ называемый практическій матеріализмъ, повально рушитъ всѣ основы вѣры, взгромождая цѣлыя, будто-бы, твердыни научныхъ основъ повальнаго отрицанія. Что фактъ земной жизни Господа Іисуса Христа и Его воскресенія на лицо, что оное научно непреложно и неопровержимо, объ этомъ мы забыли думать. Это мы не желаемъ ни видѣть, ни слышать. Представленными Богомъ способами мы не желаемъ просвѣтить слѣпоту своихъ умственныхъ очей. Нѣтъ. Повторяя современниковъ Господа Іисуса Христа, мы готовы взывать, — куда взывать? Не къ Аврааму, конечно, какъ евангельскій богачъ, не къ небу вообще, но въ пустое пространство міра, безъ неба и Бога: охъ! Если-бы кто-либо съ того свѣта, если онъ есть, пришелъ, да засвидѣтельствовалъ намъ по личному опыту, что тамъ такое. Охъ! тогда, кажется, мы покалялись-бы и зажили-бы по божьему. Увы, мечта и пустая мечта! Мы однакоже упрямо силимся осуществить свою мечту, какъ и древнее человѣчество осуществляло.

Изучая всѣ приемы чернокнижія, какіе когда-либо были вѣдомы человѣчеству, мы воскресили забытые на многіе вѣка въ христіанствѣ древнѣйшіе способы вызыванія мертвыхъ. И вызываемъ, да. И съ такимъ искусствомъ вызываемъ, съ такими поразительными вліяніями на человѣческое убѣжденіе въ дѣйствительности этихъ опытовъ, что опытному усмотрѣнію явленія мертвецовъ безсильны противиться весьма сильныя умы весьма ученыхъ мужей, не говоря о многихъ милліонахъ простыхъ смертныхъ, однакоже такихъ, между которыми нужно считать милліонами же число и умныхъ и вообще здравомысленныхъ людей. Фактъ вызыванія мертвецовъ и явленія отшедшихъ душъ всѣмъ чувствамъ вызывающихъ, не только зрѣнію, но и слуху и осязанію, какъ и всѣмъ вообще внѣшнимъ чувствамъ, фактъ даже такъ называемой матеріализаціи вызванныхъ покойниковъ для чувства зрителей не можетъ подлежать оспариванію, какъ засвидѣтельствованный многими тысячами опытовъ и свидѣтелей. Этотъ фактъ тысячекратнаго чрезвычайнаго вызыванія подтверждается множествомъ фактовъ и обычнаго, ничѣмъ искусственнымъ не вызываемаго, хотя и никакъ необъяснимаго явленія покойниковъ живымъ и здоровымъ людямъ; подтверждается множествомъ подобныхъ явленій какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена, такъ и въ наши самые послѣдніе дни. Кажись-бы въ виду подобнаго, даже опытнаго усмотрѣнія, всѣмъ оставалось-бы не только вѣрить въ загробный міръ, но и ясно знать, что онъ существуетъ, знать также, какъ знаемъ то, что теперь день и свѣтитъ солнце на небѣ, хотя и чрезъ сумракъ тумана. Въ виду опытнаго усмотрѣнія оставалось бы непререкаемо вѣрить въ таинственную сторону христіанства, но вѣримъ-ли? но вѣрятъ-ли? Не спрашиваю, вѣрятъ-ли всѣ? Но спрашиваю, не принято-ли въ

такъ называемомъ интеллигентомъ кругъ за тонъ порядочности ничему такому не вѣрить? Спрашиваю, не принято-ли за признакъ тупаго невѣжества вѣрить во что-либо, кромѣ самыхъ положительно научныхъ истинъ, кромѣ объяснимыхъ физикою и психо-физикою явленій? Спрашиваю, не принято-ли даже у полувѣрующихъ убаюкивать и чувство и совѣсть возможнымъ устраненіемъ изъ мысли и сознанія всякихъ загробныхъ страшилищъ, какъ будто они и дѣйствительно составляютъ только плодъ суевѣрія, невѣжества и ребяческихъ страховъ? Не склоненъ-ли каждый изъ насъ желать, чтобы не только всей совокупности человечества, но и каждому изъ насъ въ отдѣльности, являлись жители того свѣта и свидѣтельствовали о дѣйствительномъ бытіи другаго міра, и только подъ этимъ условіемъ мы готовы-бы жить по вѣрѣ, согласно требованіямъ чистой нравственности? Не повторяетъ-ли каждый изъ насъ въ своемъ лицѣ, въ этомъ случаѣ, и евангельскаго богача и его пять братьевъ, для которыхъ свидѣтельство о горнемъ мірѣ Моисея и пророковъ и всего божественнаго домостроительства спасенія не значило ничего, какъ и для многихъ нашихъ современниковъ значить не много? Не выбрасываютъ-ли надъ собою цѣлые милліоны европейскихъ и сѣверо-американскихъ спиритовъ зная надежды и рѣшимости ниспровергнуть христіанство и водворить чистѣйшій матеріализмъ? Не надѣются-ли ученые мужи изъ спиритовъ въ самой матеріализаціи вызванныхъ мертвецовъ уловить не болѣе, какъ высшую, тончайшую, невидимую матерію, въ которой сохраняется невидимо для обыденнаго зрѣнія не только существо, но и самосознаніе отшедшихъ душъ, но матерію, замѣняющую и отрицающую Бога, какъ безпредѣльно совершенное самосознаніе? Или не надѣются-ли они даже убѣдиться и убѣдить, что и видимость, и

осязаемость, и обнаруженія самосознанія вызываемыхъ яко бы съ того свѣта душъ осуществляются единственно только въ самосознаніи и въ чувствѣ вызывающихъ живыхъ людей? Иначе сказать, не надѣются-ли они водворить на мѣстѣ всякаго обще-человѣческаго здравомыслія настоящее сумасшествіе, но сумасшествіе научное? А всячески, въ концѣ концовъ, этимъ новымъ, въ сущности-же подновленнымъ, наидревнѣйшимъ чернокнижіемъ вызыванія мертвыхъ не устраняются-ли не только христіанство, но и здравая вѣра въ Бога и въ безсмертіе? И не сбывается-ли во-очію надъ нами слово Христова: не слушаемъ ни Моисея, ни пророковъ, ни Іисуса Христа и апостоловъ Его, и выходитъ, что воскресаютъ и мертвые и являются нашимъ даже внѣшнимъ чувствамъ съ своимъ опытнымъ свидѣтельствомъ о бытіи загробнаго міра, а между тѣмъ современное человѣчество все-же не имѣетъ настоящей вѣры. Что обратнымъ ходомъ логическаго мышленія непреложно подтверждаетъ истину слова Христова и христіанства.

Есть Богъ, и непрелотно безсмертіе человѣческаго духа. Есть рай и адъ. Есть и будетъ послѣдній страшный судъ и воздаяніе за добродѣтель, какъ и вѣчная казнь за грѣхи. Но важный вопросъ: если жизнь протекла безпечно, а смерть постигла безгодная, остается-ли какая надежда на облегченіе, на спасеніе отшедшей души? На это отвѣтимъ уже прямымъ, положительнымъ ученіемъ церкви, словами синаксаря церковнаго на прошедшую мясопустную субботу, который говоритъ, что облегчаетъ и спасаетъ безгодно отшедшія души поминовеніе; спасаютъ молитвы церкви, приношеніе и милостыни, подаваемые за усопшихъ; что поминовеніе особенно благотворно тѣмъ душамъ, которыя при жизни, грѣша по человѣчески не мало, творили и нѣчто доброе; что хотя у отшедшей души окажется немало и

долговъ предъ правдою Божіею, но Божіе человѣколюбіе на много превосходитъ ихъ; что если вѣсь добрыхъ и худыхъ дѣлъ на вѣсахъ правды окажется и равенъ, то человѣколюбіе Божіе побѣдитъ; если же на вѣсахъ правосудія мало и перевѣситъ мѣрило злыхъ дѣлъ, то благость Божія опять преодолѣетъ, только не иначе, какъ силою молитвъ церкви, поминовенія обѣ отшедшей душѣ и совершаемыхъ за нее приношеній и милостынь.

Окружая теперь этотъ гробъ и совершая надъ почившимъ въ немъ послѣднія поминальныя и разрѣшительныя молитвы, мы питаемъ вѣру, что отдаемъ послѣдній христіанскій долгъ доброму христіанину, честному и полезному слугѣ отечества и общества, замѣчательному гражданину, высоко развитому уму, многосвѣдущему мужу, который пронесся по великому поприщу пространства и времени, изучилъ много краевъ и лицъ, своихъ и чужихъ, который лично видѣлъ умственный разцвѣтъ высшихъ геніальнѣйшихъ выразителей русской мысли и поэзіи, Пушкина и Гоголя, который въ умѣ своемъ носилъ широкіе замыслы на пользу отечества и града нашего. Вѣруемъ, что по нашей вѣрѣ, за молитвы церкви, Богъ милосердый помянетъ содѣянное имъ, въ долгую жизнь его, добро и проститъ ему всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія; яко вѣсть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ. А только всѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи почившаго, отнесемъ къ совершаемому нами печально-торжественному дѣлу съ тѣмъ глубокимъ вниманіемъ, какого оно заслуживаетъ съ христіанской, а не съ мірской точки зрѣнія. Остережемся, чтобы печально-торжественное собраніе наше у сего гроба не оказалось суетнымъ холоднымъ выраженіемъ того злаго духа отрицанія, который требуетъ только пышной при торжественныхъ похоронахъ представительности,

не болѣе,—представительности, значеніе которой и благотворность для погребяемаго Господь Іисусъ Христосъ очертилъ и освѣтилъ двумя-тремя словами: *умре же богатый и погребоша его, и во адъ сый въ мукахъ...* Крѣпко вдумаясь въ смыслъ и значеніе печальной церковной пѣсни, которая сію мпвуту будетъ возглашена: *зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаѣмїи: вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапно найде на мя страшный часъ смертный. Но прїидите еси любящїи мя, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованїемъ. Ктому уже не похожду съ вами и не буду уже собесѣдовать больше. Къ Судїи бо отхожду, и оуже нѣсть лицепрїятїя: рабъ бо и владыка вкупѣ предстоятъ, царь и простой воинъ, богатый и убойный, въ равнѣмъ достоинствѣ. Ибо каждый отъ своихъ дѣлъ или прославится или постыдится. Но прошу всѣхъ и молю, непрестанно о мнѣ молитесь Христу Богу, да не буду низведенъ по грѣхамъ моимъ на мѣсто мученїя, но да вчинитъ мя Христосъ Богъ туда, гдѣ вѣчно сіяетъ свѣтъ жизни. Аминь.*

ПОУЧЕНІЕ

при основаніи церкви во имя иже во святыхъ отца нашего Димитрія митрополита ростовскаго, въ память о почившемъ въ Бозѣ Димитріи архіепископѣ бывшемъ херсонскомъ и одесскомъ, на ново-открываемомъ въ г. Одессѣ кладбищѣ.

О НАДГРОБНЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

Покой, Спасе нашъ, съ праведными рабы твоя, и сія всели во дворы твоя.

Тропарь погребенія.

Какой памятникъ лучше поставить себѣ по смерти?

Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ, предавъ духъ свой въ руцѣ Отца своего, яко человекъ, умре и погребенъ бысть, то Его положили, снявъ со креста, въ новомъ гробѣ, который благообразный Іосифъ высѣкъ для себя въ скалѣ въ своемъ собственномъ саду, по образу всѣхъ гробовъ, въ какихъ тогда и прежде того погребали Іудеи всѣхъ своихъ побойниковъ. Надгробіи же Іудеи на гробахъ своихъ не строили никакихъ, а только углубляли въ скалахъ помѣщеніе для мертвыхъ въ родѣ пещеры, гдѣ высѣкали изъ той же скалы ниши—углубленія, или же скамьи для положенія умершихъ; а видѣнность этихъ скалъ съ гробами, повидимому, обдѣлывали по особымъ архитектурнымъ чертежамъ, быть можетъ, иногда повапливали и

окрашивали такъ, чтобы гробы снаружи казались красивѣе (Мат. 23, 27), о чемъ упоминаетъ самъ Господь І. Христосъ, безъ особаго, надо сказать, одобренія. При этомъ нѣкоторые гробы были или видѣе другихъ или же просто отмѣчены преданіемъ, что въ нихъ погребены замѣчательные люди, почему и пользовались особою извѣстностію. Такъ долго былъ извѣстенъ между евреями гробъ Авраамовъ, гдѣ кромѣ самого Авраама погребены были также кости патриарховъ Исаака, Іакова, Іосифа, безъ сомнѣнія, и другихъ. Святой апостолъ Петръ еще въ свое время упоминалъ *о патриархѣ Давидѣ, яко умре и погребенъ бысть и гроба его есть въ насъ даже до сего дне* (Дѣян. 2, 29). Безъ сомнѣнія, достовѣрное преданіе, а быть можетъ, и нѣкоторыя внѣшнія отличія указывали, въ продолженіи вѣковъ, гробъ, гдѣ погребенъ былъ царь Давидъ, конечно, и другіе цари. Но достовѣрно, что особыхъ памятниковъ своимъ великимъ людямъ евреи не ставили, какъ и нынѣ не ставятъ, по крайней мѣрѣ, до послѣднихъ дней не ставили.

Не то видимъ въ язычествѣ. Вотъ, напримѣръ египетскіе цари, тѣ созидали надъ своими гробами цѣлыя пирамидальныя горы, которыя стоятъ несокрушимо даже до сего дня. Цари Ассиріи, Вавилоніи созидали въ память себѣ громадныя и массивныя дворцы, изъ самыхъ прочныхъ матеріаловъ, изъ камня и металла, которые скрѣплялись самою прочною кладкой, самыми несокрушимыми связями, — дворцы, въ которыхъ по смерти царя — строителя не жилъ ни одинъ изъ его преемниковъ, а каждый новый царь созидалъ для себя и новый дворецъ, въ которомъ усиливался совмѣстить всѣ памятники своихъ дѣяній, увековѣчивая свое имя и славу царствованія. Безумный Навуходоносоръ вотъ выдумалъ неслыханную пока и въ язы-

чествѣ новость, велѣлъ еще при жизни своей поставить свою золотую статую, заставивъ всѣхъ своихъ подданныхъ воздавать ей божескія почести, надѣясь, что и по смерти его потомки не откажутъ ей въ славѣ, приличной Богу, а умеръ, воображая себя скотомъ. Римскіе цезари, также воображавшіе себя богами, ставили въ память себѣ также разнообразныя монументы, мавзолеи, колонны, обелиски, съ разными символическими скульптурными и живописными изображеніями, надъ своими гробами.

Этотъ обычай ставить надъ гробами, или даже не надъ гробами, но въ память почившихъ, разнообразныя памятники, Римъ языческій передалъ Риму христіанскому, Риму папскому, олатинившемуся, а оттуда и всей западной Европѣ. Оттуда этотъ обычай перешелъ, въ послѣднія два столѣтія, и къ намъ въ православную Россію. Изначала же не бысть тако. Восточно—православная церковь, какъ въ древней византійской имперіи, такъ и особенно у насъ въ древней Руси устранялась отъ этого обычая. Не видимъ, чтобъ осуждала его, однакоже и не усвоила. Онъ не нашего, онъ западнаго происхожденія.

Что же есть тутъ нашего, въ украшеніи могилъ и кладбищъ? Что есть тутъ древле и чисто христіанскаго? Когда настало время проявиться во славѣ мѣсту погребенія Христова, тогда равноапостольная царица Елена, обрѣвши на Голгоѣ крестъ и розыскавъ гробъ Господень, водрузила крестъ на Голгоѣ на мѣстѣ распятія; затѣмъ надъ крестомъ, какъ и надъ гробомъ Господнимъ, воздвигла великій и славный храмъ Воскресенія, который сіяетъ и по днесь на всю вселенную, привлекая къ себѣ взоры и сердца и поклоненіе всего христіанскаго міра. Такое первообразное благоуукрашеніе мѣста погребенія самого Христа Спасителя стало идеаломъ для всего христіанскаго, по преи-

муществу для древле-христіанскаго и частиѣе для восточно-православнаго челоѣчества, идеаломъ устройства христіанскихъ кладбищъ и чествованія христіанскихъ могилъ. Первые образцы устройства христіанскихъ кладбищъ мы видимъ въ древнихъ катакомбахъ, какъ на западѣ въ Римѣ, такъ и на христіанскомъ востокѣ. Эти катакомбы были копіями древнихъ еврейскихъ гробовъ, съ своими однакоже особенностями въ духѣ христіанства. Катакомбы это были пещеры, соединенныя многими переходами, расположенныя нерѣдко въ нѣсколько подземныхъ этажей, съ нишами—углубленіями и просто могилами. Тамъ погребались христіанскіе усопшіе, во первыхъ мученики, архипастыри и именитые люди, а затѣмъ и всѣ христіане. Тамъ же устраивались церкви и поставлялись всегда надъ гробами мучениковъ святыя престолы и алтари. Въ этихъ пещерныхъ надгробныхъ храмахъ, часто надъ могилами почившихъ, дѣлались большею частью живописныя, рѣдко скульптурныя, изображенія, представлявшія то христіанскую символку относительно смерти, воскресенія и загробной жизни, напр. райскія пажити, то евангельскія событія, которыя прикровенно выражали ту же мысль, какъ-то воскресеніе Лазаря и т. п. Изображеніе креста Христова въ тѣ времена употреблялось мало по той причинѣ, что крестъ обличалъ бы христіанъ и выдавалъ бы ихъ злѣбъ ихъ гонителей и мучителей. Вообще же въ первые вѣка, до равноапостольныхъ царей Константина и Елены, какъ созиданіе христіанскихъ храмовъ, такъ и устройство христіанскихъ кладбищъ было стѣснено давящими условіями того тяжбаго гонительнаго времени.

Такъ было до обрѣтенія креста и открытаго прославленія гроба Господня. Но лишь только благоуукрашено было равноапостольною царицею Еленою мѣсто распятія, погребенія и воскресенія Христова, съ тѣхъ поръ по тому

же первообразному примѣру стали благоукрашаться мѣста погребенія и всѣхъ послѣдователей Христовыхъ. И во первыхъ тѣ же равноапостольные Константинъ и Елена создали въ Константинополѣ храмъ двюнадесяти апостоловъ, какъ мѣсто посмертнаго покоища для самихъ себя, какъ посмертную усыпальницу и для потомковъ своихъ, православныхъ царей греческихъ. По ихъ примѣру и другія именитыя въ церкви и обществѣ лица нерѣдко погребались также внутри церквей. Для всѣхъ же остальныхъ христіанскія кладбища располагались большею частію около приходскихъ храмовъ. Гдѣ христіанинъ родился тѣлесно и духовно, крестился, соединился со Христомъ въ таинствѣ евхаристіи, брачился, получалъ отпущеніе грѣховъ, тамъ по смерти и ложился своими костями, на вѣчный покой. Такъ было въ древней православной Греціи, такъ и у насъ на святой Руси еще до нашихъ дней. Приходская церковь еще до нашихъ дней была на Руси главнымъ, а часто даже единственнымъ мѣстомъ погребенія для всѣхъ прихожанъ. Отсюда въ коренной Руси и присловіе: отправиться или быть снесеннымъ на погостъ. Погостомъ въ великой Россіи называлось, какъ и называется, мѣсто, гдѣ находятся приходская церковь и общее приходское кладбище. Въ западной и юго-западной православной Россіи было тоже, только съ нѣкоторыми особенностями. Всѣ ближайшіе къ церкви прихожане ложились своими костями на вѣчный покой также вокругъ своей родной приходской церкви; между тѣмъ отдаленнѣйшіе имѣли для себя уже отдѣльныя кладбища, которыя впрочемъ устраивались по тому же коренному образцу. Тамъ на этихъ отдѣльныхъ кладбищахъ или строилась, какъ бываетъ и нынѣ, особая малая, собственно кладбищенская церковь, или ставилась малая общая часовня, или же воздвигалось нѣсколько часовенъ надъ

могилами именитѣйшихъ покойниковъ, а надъ каждою изъ прочихъ могилъ воздвигался крестъ Христовъ; крестъ Христовъ иногда изъ металла, чаще изъ камня, всего же чаще деревянный; иногда безъ изображеній, но нерѣдко и съ изображеніями, то живописными, то скульптурными, то рѣзными, изображеніями распятаго Христа, орудій Его страстей и Адамовой головы съ костями. Въ настоящее время, по распоряженію гражданской власти, совершенно разумному и необходимому, наши кладбища располагаются уже не иначе, какъ вдали отъ селеній и приходскихъ церквей. Тѣмъ не менѣе и нынѣ общій духъ и внѣшній видъ нашихъ кладбищъ остается прежній, извѣчный, духъ и видъ искони обычный греко-восточной и древле-россійской, православной церкви. Вотъ какъ напр. и на семъ ново-открываемомъ кладбищѣ богоспасаемаго нашего града Одессы. Прежде чѣмъ допустить общее положеніе здѣсь всѣхъ православныхъ покойниковъ града нашего, вы первымъ деломъ устрояете, среди сего новаго поля мертвыхъ, вѣчно животворящій храмъ Господень, святую Христовую церковь.

Этотъ древле-христіанскій способъ ставить надгробіемъ надъ гробами и общимъ памятникомъ надъ всѣми могилами святую церковь и животворящій крестъ Христовъ,—этотъ способъ не только лучше западно-христіанскаго, по происхожденію языческаго способа украшать могилы разными монументами, но онъ и идеально хорошъ, идеально прекрасенъ, какъ идеально прекрасно и все, нетронутое разрушительною силою вѣковъ, завѣщанное первоначальною, чистою, неповрежденною христіанскою древностію. Посмотрите, подумайте, какъ много говорило и говорить сердцу православное наше кладбище! Право, благочестивому христіанскому смыслу можно и сладко пораздумать о томъ, что вотъ опустятъ тебя въ могилу на обще-христіанскомъ

кладбищѣ у подножія Христовой церкви, отображенія гроба самого Христа. О мѣстѣ погребенія Христова въ евангеліи сказано, что бѣ на мѣстѣ, идѣже распяты Христосъ и погребенъ, гора и на горѣ крестъ, и тутъ же вблизи садъ, и въ саду гробъ новъ. Какъ надъ гробомъ Христовымъ, такъ и надъ моею могилою будетъ шумѣть зелень листь-евъ, будутъ расти цвѣты и осѣнятъ ее, будетъ высѣться крестъ Христовъ, и благословлять ее со креста будутъ распятыя руки Христа, своею смертію нашу смерть поправшаго, орудіями своихъ страстей нашу вину предъ Богомъ искупившаго, и своею кровію нашу скверну грѣховную омывшаго. Съ подножія того же креста будетъ глядѣть на мою могилу, сѣтуя и радуясь, глава виновника общей жизни нашей и смерти, праотца Адама, которая въ минуту смерти Христовой, когда дрогнули горы и треснули скалы вокругъ креста Христова, выпрыгнула изъ подножія его, какъ гласитъ преданіе, вмѣстѣ съ другими костями своими, отъ ужаса смерти Сына Божія за Адамовъ грѣхъ, и въ предвкушеніи радости Христова и общаго нашего воскресенія. Право, могъ сладко пораздумать старый русскій человѣкъ, что вотъ, вслѣдъ за отцами, снесутъ и его на погостъ, куда всѣ его сродники и други и знаемые, всѣ прихожане приходили, какъ и приходятъ погостить, погостить при жизни, поприбавать въ самые свѣтлые праздники, поликовать въ самыя веселыя событія жизни, какъ то: крестинъ, браковѣчанія и т. д., порадоваться общою радостію, соутѣшиться общою вѣрою церкви; куда приходили погостить и по смерти, погостить съ радостнаго дня рожденія для жизни иной, загробной, небесной, но жизни, которая и душамъ отшедшихъ дается еще не вполнѣ, до дня страшнаго послѣдняго суда и всецѣлаго воздаянія въ райскихъ обителяхъ неба, а тѣламъ почившихъ не дается

и вовсе до дня всеобщаго воскресенія. Почему тѣлами своими, да отчасти, даже немало и душами своими, наши отшедшіе отцы и братья, матери и сестры, чада и всѣ сродники, какъ и мы сами современемъ, должны погостить пока на погостѣ около своей церкви, пока не разбудить почитающихъ труба архангела для окончательнаго радостнаго вшествія въ вѣчныя обители Отца нашего небеснаго. Христосъ Спаситель говорилъ въ свое время, обращаясь къ Іерусалиму: *Іерусалиме, Іерусалиме! коль краты, околько разъ хотѣлъ Я собрати чада твоя, якоже птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ свои крылья*, собираетъ отъ опасности, собираетъ въ бурю, собираетъ на ночь для защиты и на покой. Посмотрите, не похоже ли? Не похожа ли всякая церковь, а тѣмъ болѣе церковь на кладбищѣ на птицу, которая собираетъ птенцовъ своихъ подъ свои крылья, собираетъ, когда вздымается гроза послѣдняго смертнаго часа и буря всякихъ ужасовъ и страшилищъ загробныхъ, когда надвигается грозная ночь тьмы смертной; собираетъ какъ бы говоря: «не бойтесь, не бойтесь, дѣти, защититъ васъ общая наша молитва, прикроетъ и упокоитъ любовь и милость общаго нашего Отца небеснаго»? Сладко помыслить благочестивой христіанской душѣ, что здѣсь, подъ крыльями у общей матери нашей, святой церкви, каждый изъ насъ по смерти не только найдетъ себѣ защиту въ общей молитвѣ церкви, земной и небесной, въ молитвѣ, которая вѣковѣчно будетъ раздаваться здѣсь надъ его могилою, но и самъ даже по смерти будетъ участвовать, какъ участвовалъ и при жизни, въ общей церковной молитвѣ, славославя и умоливляя Бога за себя и за всѣхъ, облегчая молитвою свою посмертную тугу. Такъ мнѣ лично говорилъ одинъ, теперь уже отшедшій къ Богу почтенный служитель Божій: «положите меня по смерти

вотъ здѣсь возлѣ церкви, и когда въ свѣтлую пасху будутъ ходить вокругъ церкви и пѣть: *Христосъ воскресъ*, я услышу, и кости мои вспрыгнутъ отъ радости»... Кто изъ благочестивыхъ, лежа на вѣчный покой у церкви, съ сладкимъ умиленіемъ не помышляетъ о той же радости, радости собственнаго участія въ обще-церковной молитвѣ и по смерти? Кто изъ вѣрныхъ не питаетъ то твердой, то хотя робкой, но сладостной надежды, что отсюда изъ этой кладбищенской церкви будетъ возноситься обще-церковная, а въ соединеніи съ нею и его собственная молитва за него, какъ и за весь грѣшный міръ? И будетъ возноситься вѣковѣчно до кончины вѣховъ? Что здѣсь у престола Господня вѣковѣчно будетъ поминаться и его имя, вмѣстѣ со всѣми прежде отшедшими отцами и братіями нашими? Пусть и забудется его имя, пусть изгладится изъ всѣхъ помянниковъ; пусть и диптихи, въ которыхъ оно когда-то было вписано, уничтожатся; пусть и храмъ, въ оградѣ котораго когда-то былъ похороненъ прахъ его, разсыплется и изгладится изъ памяти людей, — тѣмъ не менѣе не изгладится предъ очами всевѣдѣнія Божія его имя, вписанное въ небесной книги жизни, не изгладится его вѣра, которая побудила его прибѣгнуть по смерти подъ покровъ церкви; не престанетъ звучать предъ престоломъ Божиимъ за него и за весь міръ молитва церкви вселенской, земной и небесной, торжествующей и воинствующей, которой врата адова и на землѣ не одолѣютъ никогда до втораго пришествія Христова; не престанутъ ходатайствовать за него самыя стѣны святаго храма, у котораго онъ легъ на посмертный покой; не престанетъ вопіять за него къ Богу самый прахъ сего храма, еслибъ онъ когда либо рассыпался и смѣшался своимъ освященнымъ прахомъ съ его собственнымъ прахомъ... У вѣчнаго, единого безсмерт-

наго Царя вѣковъ нѣтъ прошедшаго. Посему предъ всевидящимъ окомъ Его святой храмъ сей будетъ высится къ небу вѣчно, и возносимый въ немъ теперь еиміамъ молитвы за живыхъ и умершихъ, всѣхъ и всегда живыхъ для Бога, будетъ возноситься вѣчно.

Вотъ это дѣйствительно вѣковѣчный памятникъ для всѣхъ почившихъ, здѣ лежащихъ, да и повсюду православныхъ, созидаемый здѣсь храмъ Господень. Возносимая здѣсь и имѣющая возноситься непрестанно молитва объемлетъ и будетъ вѣчно обнимать весь міръ. И какъ сравнительно съ этимъ памятникомъ эфемерны, даже ничтожны, иногда даже вредны для почившихъ, прочія надгробія и болѣе или менѣе пышные монументы, поставляемые людскою суетою, нерѣдко даже тщеславіемъ и гордынею,—исключая однакоже особо именитые памятники, воздвигаемые искреннею, неподдѣльною признательностію потомства! Грустное и тяжкое впечатлѣніе испыталъ я самъ лично, когда впервые посѣтилъ самое древнее, по вторженіи къ намъ въ Россію этой надгробной суеты, и самое именитое кладбище, въ одномъ изъ именитѣйшихъ нашихъ городовъ. Тамъ лежатъ во прахѣ всѣ величія міра сего, начиная съ начала XVIII вѣка. Надъ каждою изъ именитыхъ могилъ высится, т. е. усиливается высится, хотя иное отъ времени и падаетъ уже, болѣе или менѣе пышное надгробіе. Всѣ эти надгробія устроены на нескудныя средства, изъ самыхъ дорогихъ матеріаловъ, изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, порфира, гранита, желѣза и бронзы, съ нескуюпою позолотою. Многія украшены художественными изваяніями, барельефами, статуями, нерѣдко портретами почившихъ. И все это,—скажешь невольно,—и все это суета суетъ и крушеніе духа, не только при жизни, но даже по смерти! Посмотрите. Черезъ какое либо столѣтіе неумолимое разрушеніе

положило на всю эту суету свою сокрушительную печать. Вотъ этотъ памятникъ, пышная, но тщетная выставка суеты, повалился; этотъ покачнулся и готовъ послѣдовать примѣру своего повалившагося сосѣда; этотъ вросъ въ землю; эта статуя безъ носа, руки, даже безъ головы; этотъ мраморный ангелъ парить къ небу безъ крыльевъ, которыя отвалились; этотъ мраморъ просто рассыпается пескомъ отъ легкаго прикосновенія пальцевъ; это желѣзо рассыпается пылью отъ прикосновенія воздуха и ржавчины; эта позолота давно съѣдена тою же ржавчиной; не пожалѣло, напротивъ беспощадно сгрызло время своими всепожирающими зубами и эту длинную надпись въ стихахъ, то русскихъ, то классическихъ-иноязычныхъ, не смѣя однакоже тронуть, напротивъ еще выпуклѣе выставляя въ памяти потомковъ, изреченіе современнаго многимъ изъ здѣ лежащихъ философа—поэта, что и гробницы злостъ стихій снѣдаетъ. . Вся эта пышность наглядно служить памятникомъ не жизни и славнаго безсмертія, но разрушенія и забвенія, потому что наглядно сама стремится рассыпаться бездушнымъ прахомъ на прахъ костей, изъ которыхъ вылетѣла душа, жаждавшая людской славы и земнаго безсмертія. Да и пожалѣть объ этой сокрушаемой суетѣ некому; такъ какъ самые роды, похоронившіе здѣсь своихъ знатнѣйшихъ прародичей, одни исчезли, другіе измелъчали и покрываются прахомъ забвенія, третьи забываютъ своихъ давнихъ предковъ въ ихъ могилахъ Пышное также, заставленное монументами, одесское кладбище не производитъ такого же подавляющаго впечатлѣнія единственно потому, что оно молодо, хотя теперь выходитъ и старое, въ сопоставленіи съ симъ новымъ кладбищемъ, такъ какъ и самая Одесса не пережила еще даже одного столѣтія... При взглядѣ на сію загробную суету и замо-

гильное крушеніе духа, невольно приходитъ на мысль, что было бы лучше, безмѣрно лучше, еслибъ это богатство, кинутое въ могильный прахъ, своевременно было посвящено Богу, на построеніе храма Господня, на милостыню, на поминъ души: эта жертва, эта милостыня вѣчно стояла бы предъ престоломъ Божиимъ на небѣ, вѣчно напоминая объ отшедшей душѣ. Теперь же часто надгробная роскошь напоминаетъ о гордынѣ, о неразуміи, о безрасчетности.... Не осуждаемъ служеніе изящному даже въ надгробныхъ украшеніяхъ. Но всегда предосудительны роскошь и расточительность, надъ гробами же и прахомъ мертвыхъ особенно неразумны. Благословляемъ любовь супруговъ, дѣтей, братьевъ и сродниковъ, ближнихъ и знаемыхъ къ памяти почившихъ. Но нужно, чтобъ эта любовь была разумна, и имъ самимъ за гробомъ благопріятна и благополезна, чтобъ иной изъ нихъ не пожаловался на васъ предъ Богомъ, что вотъ никто изъ живущихъ на землѣ не сжалится, не омочить конецъ перста своего въ водѣ милосердія Божія и не устудить языкъ инаго загробнаго страдальца; такъ какъ надгробная роскошь, совершенно суетная, если бы безсмертія не было, еще болѣе суетна, когда безсмертіе есть, несомнѣнно...

Братіе, основаніемъ святаго храма сего на семъ новооткрываемомъ кладбищѣ вы поставляете прекраснѣйшій памятникъ не только почившему въ Бозѣ святителю архіепископу Димитрію, бывшему Херсонскому и Одесскому, но и себѣ самимъ, вашему благочестивому чувству, вашему духовному смыслу. Святителя любвеобильнѣйшаго, кротчайшаго, самоотверженнаго милостивца, забывавшаго свои собственные нужды ради нуждъ своихъ ближнихъ, и не только ближнихъ, но и дальнихъ, рѣдчайшаго, благодушнѣйшаго человека и высокаго по духу слугу и послѣдователя Хри-

стова вы не могли почитать лучше, какъ воздвиженіемъ, въ честь и память его храма Господня, именно на кладбищѣ. Есть что-то особенно трогательное въ этомъ сочетаніи, въ этой идеѣ: святитель почилъ, отошелъ ко отцамъ; но пусть имя его, пусть память его, пусть самъ онъ живетъ въ семъ храмѣ, въ сей обители почившихъ, вѣковѣчно и неразлучно съ живыми и мертвыми обитателями христілюбиваго града сего, который онъ такъ любилъ, который взаимно и его любилъ и не престаеъ любить. Вслѣдъ за соименнымъ ему ангеломъ его жизни, св. угодникомъ Христовымъ, святителемъ Димитріемъ Ростовскимъ, имени коего посвящается храмъ сей, и поминаемый нами святитель бывшій Херсонскій Димитрій до кончины вѣковъ будетъ предстоять здѣсь престолу Отца духовъ, призывая милость Его и всепрощеніе на отшедшихъ, благодать и благословеніе на оставшихся въ семъ мірѣ. Мы не должны пока еще отчаяваться за благочестіе и вѣру нашего времени, народа и града, когда еще собственными очами видимъ святителей—пастырей, способныхъ возбудить такое глубокое чувство любви и уваженія, и пасомыхъ—гражданъ великаго европейскаго города, способныхъ задумать и исполнить такое знаменательное, такое прекраснѣйшее такое возвышенное и святое дѣло.

Покой, Спасе нашъ, съ праведными усопшія раба твоя, и сія всели во двory твоя. Создателямъ же сего новаго двора твоего, какъ и всѣмъ жителямъ богоспасаемаго града сего, подаждь Господи здравіе тѣлесамъ, спасеніе душамъ, благопоспѣшеніе во всемъ и многая лѣта Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

надъ гробомъ преосвященнаго Николая, епископа новомиргородскаго, въ Херсонскомъ соборѣ, 10-го Іюня 1885 года.

*Лежитъ человекъ единою умерти,
потомъ-же судъ* (Евр. 9, 27).

У этого гроба какъ-то неудобно даже говорить о скоротечности всего земнаго, о тщетѣ всѣхъ земныхъ расчетовъ. Объ этомъ предметѣ краснорѣчивѣе этого безмолвнаго гроба никакъ не скажешь. Нельзя сказать, чтобъ эта кончина была неожиданна или непредвидѣнна. Нѣтъ, о ней говорилось даже рѣшительно въ видѣ предостереженія. Она самимъ почившимъ почти призывалась, да можно сказать, и предчувствовалась. Близкимъ извѣстенъ былъ недугъ почившаго, заставлявшій предвидѣть печальный исходъ, какой и случился; недугъ, заставлявшій крѣпко настаивать, чтобы недужный, пока время, принялъ и всегда принималъ безотлагательныя мѣры. Но выходитъ, что мы въ незамѣтно подкравшуюся старость вносимъ навыки, какіе приобрѣтены въ молодости. Тогда сходило; думается естественно, что и теперь сойдетъ. Тогда сходило; отсюда выросъ крѣпкій навыкъ смотрѣть на свое состояніе такъ, что оно и до могилы не будетъ требовать особо предусмотрительнаго попеченія. Какъ-то непросто признать себя не

только старикомъ, но еще немощнымъ. Увы! Разсчетъ, или точнѣе, безразсчетность навыка, которые столько лѣтъ прежде не обманывали никогда, на этотъ разъ обманули. *Единою лежитъ человѣку умереть*, одинъ разъ приходится каждому умереть, и до смерти мы на себѣ не испытали, какъ это людямъ умирается. А выходитъ, что очень просто умирается. Минута, и человѣка не стало... Съ точки умершаго намъ, пока живы, никогда не приходится взглянуть на жизнь; а многое представилось-бы въ иномъ свѣтѣ. Ну, и живемъ, безпечно ходимъ надъ бездною, пока не свалимся. Оно впрочемъ и хорошо. Эта безпечальность, въ виду неотвратимаго злосчастія смерти, великое утѣшеніе и облегченіе, посланное намъ самимъ Виновиномъ нашей жизни.

Мы сказали, что эта смерть самимъ почившимъ призывалась, или накликалась. Да. Встрѣчаются и въ наши дни лица и обстоятельства, которыя до очевидности подтверждаютъ собою непреложность одного изъ коренныхъ богоустановленныхъ законовъ: *оставитъ человекъ отца своего и мать свою и прильпится къ жень своей, и будутъ два въ плоть едину*, въ плоть едину и въ духъ единъ, во единого человѣка. Когда натура нетронутой непорочности встрѣчается на жизненномъ пути съ другою такою-же непорочностію, тогда двѣ такія непорочности, въ брачномъ сопряженіи, составляютъ дѣйствительно единого полного человѣка. И умри одинъ изъ нихъ, особенно подъ старость, когда долгое сожителство крѣпко связало, тогда увы! или, быть можетъ, даже къ счастію, тогда не жить и другому. Это особенно часто замѣчается именно въ нашемъ духовномъ званіи, гдѣ еще встрѣчаются весьма близкія къ идеалу, христіанскія супружества. Такое именно истинно христіанское супружество и явили міру нашъ почившій собратъ съ своею недавно почившею праведною супругою,

истинною работою Божіей Вѣрою. Потому-то и разрывъ такого неразрывнаго союза не могъ не оказать своихъ роковыхъ послѣдствій и для пережившаго супруга. Потому-то въ минуты глубочайшей тоски, которая нападала на почившаго среди ночныхъ, полуночныхъ, подьутреннихъ бессонницъ, которая позволяла ему забываться сномъ на два на три часа только подь самое утро, и это каждую ночь безъ исключенія, потому-то, часто переносясь тоскливымъ воспоминаніемъ въ невозвратное свѣтлое прошлое, а томительнымъ чаяніемъ въ освѣщаемое вѣрою грядущее, безъ надежды увидѣть что-либо свѣтлое, соотвѣтственное прошлому въ жизни настоящей, онъ со слезами въ голосъ нерѣдко говаривалъ: «теперь для меня что за жизнь? Половинчатая жизнь. Только прозябаніе». Эта не зажившая рана подтачивала въ немъ самую привязанность къ жизни. Его неодолимая до болѣзненности тяга увидѣться съ дѣтьми, тяжесть неожиданной вдругъ невольной съ ними разлуки послѣ радостнаго свиданія, его послѣднее прощаніе съ нимъ какъ-бы предсмертное, его послѣдніе имъ завѣты и благопожеланія и нѣкоторыя поразительно знаменательныя дѣйствія при послѣднемъ разставаньи,—все это говоритъ, что онъ не только предчувствовалъ, но наполовину и предусматривалъ, какъ-бы не случилось съ нимъ чего либо роковаго печальнаго. Это печальное, для насъ печальное случилось; вѣримъ, что для него радостное,—безболѣзненный переходъ въ другой міръ безъ печали и воздыханія.

Тѣмъ не менѣе эта внезапная, хотя и жданная кончина испровергла всѣ расчеты жизни болѣе, чѣмъ многія другія кончины. Уже подь старость человѣкъ перемѣнилъ сановитое положеніе въ церкви и весьма почетное въ обществѣ на смиренный чинъ инока, удостоенъ высшаго архіерейскаго сана, котораго, конечно, не искалъ, однакоже

непринужденно вольною волею возжелалъ; думалось ему и особенно другимъ, что послужить еще церкви Божіей и Господу Богу, спасенію другихъ и своей собственной души на иномъ высшемъ и болѣе широкомъ поприщѣ; получилъ хотя и временное, но почетное, высшими нуждами церкви вызванное назначеніе; повинуюсь сему высшему званію отбылъ отъ своей церкви въ иную, отбылъ временно. И вотъ судьба Божія, — отбылъ вѣчно...

Немало усилій понадобилось, чтобы прибыть сюда праху его во святой храмъ сей, въ мѣсто вѣчнаго покоища, или пока еще предверія къ вѣчному покоищу. Въ эти послѣдніе дни смерть какъ-то нещадно коситъ смертныхъ, именно облеченныхъ архіерейскимъ саномъ. Между тѣмъ у насъ имѣется наблюденіе, что одинъ архіерей не умираетъ, что за однимъ архіереемъ скоро отходитъ другой, третій и такъ до пяти. Вотъ, въ послѣднее пребываніе почившаго въ дѣйствительно кафедральномъ нашемъ градѣ, мы и рѣшили отслужить торжественно поминовеніе всѣхъ, недавно уже въ семь году, почившихъ пяти архіереевъ, Тихона (бывшаго волынскаго) и Алесандра (литовскаго) и епископовъ Θεодосія (екатеринославскаго), Виталія (могилевскаго) и Порфирія (извѣстнаго ученаго оріенталиста). Почившій пресвященный Николай при этомъ совершалъ въ кафедральномъ Одесскомъ соборѣ, въ моемъ присутствіи, божественную литургію, а затѣмъ оба мы совершили соборную панихиду. И въ чувствѣ безмолвной покорности предъ устрашающими дѣйствіями Промысла, предъ блистаніемъ меча Божія, сѣкущаго другихъ, но висящаго и надъ нашими головами, мы говорили другъ другу: «теперь мы, по подобию Моисею и Аарону, прошли съ кодиломъ ѳиміама и умоливательной молитвы между живыми и мертвыми. Таинственная пятерица архіереевъ, взятыхъ отъ среды живыхъ,

исполнилась. Теперь престанетъ смерть». Увы! Въ воскресеніе совершили мы сіе поминовеніе. Въ раннее утро понедѣльника я простился съ нимъ на морскомъ берегу, онъ отбылъ въ свой Херсонъ. Въ тоже утро, тотчасъ-же послѣ разлуки, увѣдано было о новомъ временномъ посланничествѣ его въ Тавриду. При этой же послѣдней разлукѣ, какъ и прежде, я, какъ и другіе близкіе, крѣпко твердили ему о крайней нуждѣ неотложныхъ мѣръ къ отвращенію угрожающихъ послѣдствій его недуга. А чрезъ нѣсколько дней, утру глубокую, потрясла вѣсь и о неожиданной кончинѣ его на пути. Единъ отъ насъ восполнилъ таинственную пятерицу собою въ шестерицу. За кѣмъ очередь превратить ее въ печальную седмицу, священное число? Буди воля Твоя, Господи, въ животѣ и смерти нашей. *Лежитъ челоуѣку единоу умерети...* Намъ, въ нашемъ званіи избранныхъ служителей Божіихъ, даже молить Господа объ отвращеніи нашей смерти совсѣмъ-же не пристало. Не пристало молить даже объ удаленіи нашего смертнаго часа, въ обязательной для насъ беззавѣтной вѣрѣ, что если Господь пошлетъ смерть хотя сію вотъ минуту, значитъ, нужна она въ общемъ домостроеніи спасенія, да и для меня самого благопотребна. *Но не вниди со мною, Господи, въ судъ. Аще бо беззаконія навриши, Господи, Господи, кто постоитъ?!*

Вѣруемъ по истинѣ, что почившій братъ нашъ, епископъ Николай, предстанетъ суду Божію не незрѣлымъ для царствія небеснаго, такъ какъ былъ изъ лучшихъ людей, какихъ Богъ привелъ насъ встрѣчать на нашемъ вѣку. А зналъ я его достаточно. Сотоварищъ его по воспитанію, зналъ я его лачно и непосредственно многіе годы съ 15-лѣтняго нашего возраста и до лѣтъ, когда мы оба уже возмужали и пошли по разнымъ путямъ служенія Богу и

церкви, онъ въ чинѣ священника, а я въ чинѣ монаха. Да и во все дальнѣйшее продолженіе нашей жизни, хотя и на разныхъ концахъ широкой Россіи, чувства товарищества, дружбы и братства связывали насъ тѣсно до послѣднихъ дней. Скажу, что это была, съ лѣтъ отрочества и до старости, необычайно привлекательная натура. Въ школьномъ товариществѣ у него были только друзья и не было враговъ. И это происходило не только безотчетно, отъ природной необъяснимой привлекательности нрава, но и сознательно, отъ присущей ему съ раннихъ лѣтъ, нерѣдко самоотверженной любви къ ближнему, отъ рѣдкой отзывчивости любвебильнаго сердца его на всякую нужду другаго, не только ближняго, но и дальняго, совершенно чужаго человѣка. Отказывать въ пособіи вопіющей нуждѣ всякому тяжело. Но для него это испытаніе, отказать въ чемъ-либо другому, было хуже муки. Помочь товарищу, ближнему своимъ трудомъ, ходатайствомъ, заступничествомъ,—въ этомъ у него не было отказа никогда. Но помочь и средствами,—не смотря на крайнюю стѣснительность собственныхъ способовъ,—и въ этомъ отказать онъ не находилъ въ себѣ нравственной силы, если только находилъ у себя хоть какую-либо возможность. Оттого нѣсколько человѣкъ, не только родныхъ, но и чужихъ Богъ помогъ ему вынести на своихъ плечахъ и вывести въ люди. А вывести смолоду инаго бѣдняка, дать ему способы стать на свои собственные ноги и выработаться въ человѣка, это великая задача, для другихъ большею частію рѣшительно непосильная. Не говорю о томъ, что онъ былъ во весь свой вѣкъ средоточіемъ самаго оживленнаго гостепріимства, не смотря на скудость способовъ; былъ всегда и вездѣ центромъ самой оживленной бесѣды, какъ у другихъ, такъ и всего чаще у себя самаго. И возбуждаемая имъ бесѣда,

большую часть, блестяла яркими искрами широкого понимания самых животрепещущих вопросов сколько общественной, столько-жъ и умственно-научной, религіозно-философской жизни. Вѣдь, да будетъ извѣстно, что передъ нами, въ этомъ замкнуто-молчаливомъ гробѣ, заключенъ одинъ изъ выдающихся, самыхъ неустанныхъ тружениковъ науки, и науки въ самой возвышенной ея сферѣ, именно науки философской и христіански-апологетической. Въ свое время онъ былъ одинъ изъ неутомимѣйшихъ издателей христіански-апологетическаго журнала: «Духъ христіанина». Затѣмъ многіе годы онъ крѣпко работалъ надъ редакціею переводовъ всего, что есть самаго лучшаго по части защиты христіанства и религіозно-философскаго знанія во всей Европѣ. Да и въ самые послѣдніе дни, уже здѣсь, онъ озабоченъ былъ доведеніемъ до полной обработки одного своего самостоятельнаго апологетически-философскаго труда, поставляя окончаніе этого труда задачею конца своей жизни. И весь этотъ трудъ мысли несъ онъ, конечно, не изъ корысти, а единственно изъ преклоненія предъ истиною, изъ глубокаго сознанія глубочайшей въ наше время нужды удовлетворять самымъ кореннымъ запросамъ религіозно-философскаго обще-человѣческаго духа. А такіе отвлеченные труды никого еще на Руси даже не прокормили, тѣмъ паче никому не сдѣлали состоянія, часто напротивъ отнимали у труженика послѣднія крохи его достоинства, не говоря о томъ, что требовали высшихъ умственныхъ силъ и величайшаго ихъ напряженія, что крѣпко издерживаетъ человека. Безъ малѣйшаго сомнѣнія, этотъ крайне усидчивый, впродолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, неустанный умственный трудъ былъ первою и главною причиною почти уже непоправимаго органическаго разстройства, причиною, которая довела было нервы почившаго до такого

напряженія, что они могли засыпать только къ утру, и то не иначе, какъ при непокидаемомъ, до минуты краткаго, тревожнаго упокоенія, умственномъ напряженіи, съ книгою или перомъ въ рукахъ; которая и свела, наконецъ, этого одного изъ первѣйшихъ труженниковъ нашей отечественной, богословско философской науки въ раннюю могилу; которая навликала на него и внезапную быструю кончину его, кончину неожиданную только по своему послѣднему моменту, но предусмотрѣнную и предсказанную, и многократно бывшую предметомъ обсужденія въ дружескихъ бесѣдахъ.

Теперь вотъ, послѣ торжественно свѣтлаго, при потухающей вечерней зарѣ тихаго дня, тихаго до того, что ни одна изъ возженныхъ свѣчей на всемъ пути отъ рѣки Днѣпра до храма Божія не потухла безъ всякаго усилія, безъ всякой защиты, — послѣ торжественно свѣтлаго переноса гроба его въ соборный Херсонскій храмъ, въ совѣщаніи ближайшихъ друзей его и чадъ, теперь только мы сообразили, что внезапно скончался онъ 6 іюня, — это день его нареченія во-епископа, — а послѣ многихъ совершенно непредвидѣнныхъ затрудненій доставить прахъ его изъ мѣста его кончины сюда, мы погребаемъ его не 9-го, какъ было сперва предположено, а сего 10-го іюня, — это день посвященія его во епископа ровно годъ тому назадъ. «Вотъ гдѣ причина, почему возникло столько непредвидѣнныхъ затрудненій доставить его сюда къ 9-му іюня», — какъ выразился одинъ изъ насъ. Не есть-ли это собственное его указаніе оттуда и высшее велѣніе изъ горняго міра, велѣніе, которому по неволѣ подчинились и всѣ наши распоряженія?

О смерти этой вѣруемъ, что она по своей наиполнѣйшей безболѣзненности составляетъ, конечно, награду не только труженической, но и правдивно чистой, полной

самоотверженнаго служенія ближнему жизни, служенія сколько въ дѣлахъ милосердія, столько-же и въ работѣ на удовлетвореніе высшимъ запросамъ нашего духа. Если постоянно горѣть свѣтомъ ума и свѣтитъ человѣчеству свѣтомъ сколько развитаго, столько же и праваго религіозно-философскаго сознанія есть высокая заслуга предъ Богомъ и людьми, то мы теперь погребаемъ одного изъ лучшихъ заслуженнѣйшихъ тружениковъ нашего поколѣнія, которое пережило самую бурную, самую кипучую, въ исторіи развитія русскаго ума, эпоху.

Помолимся, братіе. За молитвы церкви, за многія добродѣтели почившаго, за неустанный трудъ цѣлой его жизни, Богъ проститъ ему его немощи. Помолимся и прольемъ слезу надъ самими собою: отходить въ вѣчность наше поколѣніе, уходить въ вѣчность эпоха, пусть и многотажная, но богатѣйшая и замыслами, и напряженнѣйшимъ умственнымъ трудомъ и, безъ сомнѣнія, послѣдствіями для жизни грядущихъ поколѣній, — какими послѣдствіями, то Богъ одинъ видитъ и знаетъ. Помолимся и о почившемъ, и о себѣ, и о чадахъ нашихъ. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при закладкѣ зданія херсонской духовной консисторіи.

*Время начать судъ отъ дому Божія
(1 Петр. 4, 17).*

За что же это съ дома Божія долженъ начаться судъ, почему и для чего? Что разумѣется подъ домомъ Божиимъ? Какой разумѣется судъ? Пришло ли время этого суда, или еще придетъ? Настало ли, или еще только настанетъ, или же настоитъ всегда и постоянно?

Это слова святаго первоверховнаго апостола Петра. Подъ домомъ Божиимъ онъ разумѣетъ церковь Божию, общество христіанъ вообще, а частнѣе разумѣетъ себя самого совокупно съ ближайшими своими сотрудниками и учениками, пастырями и учителями церковными. Судъ разумѣется Божій во первыхъ, а затѣмъ и ближайшее отраженіе суда Божія, судъ церковный. Греческое изложеніе сего апостольскаго изреченія даетъ разумѣть, что время этого суда настало, приблизилось, настоитъ. За чѣмъ, за что, почему слѣдуетъ начаться сему суду именно съ дома Божія?

За разъясненіемъ обратимся къ рѣчи самаго апостола. *Такъ какъ Христосъ пострадалъ за насъ плотию,—учить св. апостолъ Петръ,—то и вы, всѣ вѣрные, вооружитесь тою мыслию, что вы умерли для грѣха, имѣя въ виду, что всѣ дадутъ отвѣтъ Судіи, импьющему вскорѣ судить*

живыхъ и мертвыхъ, такъ какъ близокъ всему конецъ. Поэтому, возлюбленные, не чуждайтесь искушений, посылаемыхъ вамъ для испытанія. Но какъ чрезъ искушенія вы участвуете въ страданіяхъ Христовыхъ, то радуйтесь, да и въ явленіе славы Христовой возрадуетесь и восторжествуете. Если злословятъ васъ за имя Христово, то вы блаженны; ибо Духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на васъ. Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое. А если страдаетъ кто, какъ христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь. Яко время начать судъ отъ дому Божія, — заключаетъ св. апостоль, и тутъ же сряду переводить свою рѣчь на пастырей церковныхъ, на ихъ благоповеденіе въ церкви. Логическая постановка апостольской рѣчи такова, что вотъ время начаться суду отъ дому Божія; поэтому никто изъ вѣрныхъ, а тѣмъ паче изъ пастырей церковныхъ не долженъ пострадать, какъ злодѣй; если же страдаетъ, какъ христіанинъ, за имя Христово, пусть радуется. Гдѣ близость и неотложность суда, во — первыхъ суда Божія, выставляется причиною, слѣдствіемъ которой должна быть безукоризненность поведенія всѣхъ христіанъ и особенно христіанскихъ пастырей. Но причина того, за что, почему, да отчасти и того, затѣмъ суду Божію слѣдуетъ начаться именно съ дома Божія, именно съ вѣрныхъ среди невѣрныхъ, и съ насъ, пастырей духовныхъ, среди самихъ вѣрныхъ, — эта причина оставлена у св. апостола прикровенною. Попробуемъ же пріоткрыть ее при руководствѣ слова Божія.

Въ мірѣ Божіемъ, въ домостроительствѣ нашего спасенія все связано воедино и направлено къ единой цѣли, спасенію человѣка, спасенію не одного человѣка, не нѣсколькихъ людей, а всего человѣческаго рода. Стремясь къ

этой цѣли, Промыслъ созидаетъ домъ Божій, устрояетъ и на землѣ царство небесное, не для того, чтобъ однихъ людей въ него призвать, а другихъ извергнуть, но чтобы, призвавъ однихъ, привлечь чрезъ нихъ и другихъ; чтобы спасая однихъ, избранныхъ, спасти чрезъ нихъ по возможности и всѣхъ. Такъ созидая свой домъ на землѣ, Богъ призываетъ въ свое царство праотца вѣрныхъ Авраама не для того, чтобы спасти его одного, а прочихъ людей отвергнуть и погубить, но для того, чтобы о сѣмени Авраама благословить всѣ народы земли. Такъ отъ сѣмени Авраама Богъ производитъ свой избранный народъ и выдѣляетъ Израиля себѣ въ особый удѣлъ Божій не для того, чтобы ихъ однихъ, Израильтянъ, ввести въ царство свое, а прочіе народы окончательно извергнуть изъ него, но для того, чтобы во Израилѣ уготовать спасеніе предъ лицомъ всѣхъ людей, уготовать свѣтъ во откровеніе и язычникамъ, только въ особую славу людей своихъ Израиля. Среди самаго Израиля, явившійся на землѣ свѣтъ небесный, путь, истина и жизнь всего живаго, Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ созидаетъ снова совершеннѣйшій домъ Божій, призывая въ ближайшее свое сообщество дванадцать избранныхъ апостоловъ, явивъ затѣмъ апостолами и иныхъ семьдесятъ, расширивъ кругъ вѣрныхъ своихъ, еще при жизни своей, до 500 братій и сестеръ,—созидаетъ не для того, чтобы замкнуть кругъ своего царства сими только дванадцатью избранными, или семьюдесятью апостолами, или же нѣсколькими стами душъ, увѣровавшихъ во Христа еще во время земной жизни Его, но для того, чтобы просвѣтитъ свѣтомъ ученія своего всѣхъ людей, чтобы основать домъ свой по всей землѣ, чтобы расширить царство свое на весь міръ.

Въ мірѣ Божіемъ, въ домостроительствѣ нашего спа-

сенія, все связаво воедино и направлено къ единой цѣли, спасенію всѣхъ чрезъ избранныхъ Божіихъ. Эту тайну раскрываетъ святой апостоль Павелъ, говоря: *освящающій всѣхъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и освящаемые Имъ всѣ отъ единого Бога Отца*. Почему вочеловѣчившійся Сынъ Божій и не стыдится называть насъ своими братіями и чадами. Ибо какъ мы, Его чада и братія, причастны Его плоти и крови, такъ и Онъ воспринялъ нашу плоть и кровь, воспринялъ отъ стѣмени Авраамова, чтобы во всемъ уподобиться братіямъ, чтобы быть милостивымъ и вѣрнымъ первосвященникомъ, ходатаемъ за насъ предъ Богомъ Отцемъ, для умилостивленія за наши грѣхи, дабы своею смертію упразднить нашу смерть и избавить всѣхъ насъ отъ страха смерти и рабства діаволу. Такъ, чтобы сообщить намъ свое освященіе, Сынъ Божій пріискренне пріобщился нашей плоти и крови, чтобы по всему уподобиться намъ, а насъ уподобить себѣ. Онъ сообщаетъ освященіе отъ себя во-первыхъ своимъ близкимъ, своимъ пріснымъ, а за ними и чрезъ нихъ и всѣмъ намъ. Такъ Онъ спасалъ во дни оны, да и до днесь спасаетъ чрезъ отца вѣрующихъ Авраама и сѣмя его. Спасалъ и спасаетъ даже до днесь чрезъ Моисея, чрезъ пророковъ и другихъ праведниковъ ветхозавѣтныхъ. Спасаетъ міръ невѣрныхъ чрезъ вѣрныхъ, нехристіанъ чрезъ христіанъ, а самихъ христіанъ спасаетъ чрезъ избранныхъ своихъ апостоловъ, святителей, пастырей и учителей цѣрковныхъ, чрезъ всѣхъ благоугождающихъ Богу, какъ во времена оны готовъ былъ спасти даже Содомъ и Гоморру ради пятидесяти, четыредесяти, тридесяти, двадесяти, ради даже десяти праведниковъ, каковыхъ однакоже не обрѣлось въ этихъ нечестивыхъ городахъ.

Богъ спасаетъ чрезъ избранныхъ своихъ, домострои-

тельно освящая ихъ самихъ, возводя ихъ на высшую степень совершенства и богоугожденія, а другихъ болѣе или менѣе уравнивая съ избранными, возводя постепенно по лѣствицѣ совершенства, пройденной избранными. Если Богу Отцу надлежало въ лицѣ самого едиnorodнаго Сына своего совершать вождя спасенія нашего, чтобы Онъ привелъ въ славу многихъ сыновъ своему Богу и Отцу,—совершать возводя Его по степенямъ если не совершенства, то высшаго и высшаго подвига до глубочайшаго уничиженія, и отъ уничиженія къ прославленію; то тѣмъ болѣе въ другихъ избранныхъ своихъ устроить орудія спасенія чловѣческаго Богу Спасителю надлежитъ усовершенствовать ихъ, возводя по степенямъ освященія, особымъ промыслительнымъ своимъ попеченіемъ. *Вы есте свѣтъ міру, вы есте соль земли,*—въщаетъ Господь своимъ ученикамъ. А чтобы свѣтить, они сами должны быть просвѣщены и горѣть свѣтомъ Христовымъ. Чтобы осолять гнилость чловѣческую и предохранять здравое въ душахъ чловѣческихъ отъ порчи, они сами должны быть солю неиспорченною, не потерявшею силы, чуждою всякой гнилостной прихоти. Сами должны быть чисты сердцемъ, чтобы очищать другихъ. Сами должны быть освящены благодатію Божіею, чтобы освящать другихъ. Потому—то на избранныхъ Божіихъ и направлено исключительное попеченіе Промысла, чтобы и предохранить ихъ отъ соблазновъ и искушеній, и просвѣтить и очистить и освятить, чтобы имѣть въ нихъ дѣйствительныя, живыя, а не мертвыя орудія просвѣщенія, очищенія и спасенія всѣхъ. Благодать Божія дается имъ туне, чтобы они могли давать другимъ. Имъ дается много, чтобы они въ свою очередь могли давать обильно очень многимъ.

Къ этой же спасительной цѣли направлены дѣйствія

и суда Божія. Судъ Божій есть дѣйствіе всевѣдѣнія и правды Божіей, которымъ Богъ указываетъ правду и неправду человѣческихъ дѣяній, налагая на нихъ заслуженное возмездіе. Судъ Божій рѣшительно проявится въ жизни загробной; но нерѣдко, или лучше сказать, постоянно проявляется и во время земной нашей жизни. Въ жизни загробной онъ проявится окончательно, вѣчнымъ увѣнчаніемъ добродѣтели и вѣчнымъ же отверженіемъ грѣха и грѣшниковъ. Въ жизни же настоящей судъ Божій всегда проявляется промыслительно въ видахъ спасенія людей. Божіи благословенія, получаемыя и ощущаемыя нерѣдко и въ сей жизни, имѣютъ цѣлю укрѣпить насъ въ подвигахъ спасенія. Наказанія же Божіи за грѣхи посылаются, чтобы предостеречь отъ окончательнаго паденія, чтобы дать почувствовать тяжесть дурныхъ поползновеній, чтобы дать ощутить любовь Отца небеснаго и въ отеческомъ взысканіи, *чтобъ мы укрепили опустившіяся руки и ослабѣвшія колѣна, и ходили прямо ногами нашими, дабы храмлющее не совертилось собою, а лучше исправилось* (Евр. 12, 12—13). Потому—то Господь и обличаетъ своимъ судомъ своихъ избранныхъ прежде всѣхъ, и наказуетъ своихъ близкихъ, своихъ вѣрныхъ прежде и больше невѣрныхъ и нечестивыхъ. Ибо Господь *наказуетъ того, когоже любитъ; бьетъ же еякаго сына, когоже пріемлетъ за своего сына. Есть ли какой сынъ, котораго не наказывалъ бы отецъ? Если же вы остаетесь безъ наказанія,—* учитъ св. апостолъ Павелъ (Евр. 12, 6—8), *—то вы опти незаконныя, а не сыны.* Это первая причина, почему судъ Божій долженъ всегда начинаться съ дома Божія, съ Божіихъ чадъ, съ присныхъ Божіихъ, съ избранниковъ. Своихъ домашнихъ, своихъ присныхъ, своихъ чадъ Богъ любитъ больше чѣмъ чуждыхъ Ему; почему и обличаетъ

и наказываетъ чаще и прежде чуждыхъ. Азъ, иже еще люблю, обличаю и наказую: ревнуй убо и покайся,—агглетъ аминь, Свидѣтель вѣрный и истинный (Апок. 3, 14 и 19).

Въ этомъ, въ скорости суда Божія на присныхъ Божіихъ проявляется не одна только любовь, но и строгая правда, божественная правда. Не бойся малое стадо,—учить самъ Господь (Лук. 12, 32—48),—ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство. . Да будутъ же чресла ваши препоясаны и свѣтильники зажжены, и вы будьте подобны людямъ, ожидающимъ возвращенія господина своего съ брака, дабы, когда придетъ и постучитъ, тотчасъ открыть ему. Блаженны рабы тѣ, которыхъ господинъ пришедши найдетъ бодрствующими. Истинно говорю вамъ, онъ препоясается, и посадитъ ихъ и подходя станетъ служить имъ... Тогда сказалъ Ему Петръ: Господи! къ намъ ли причту сію говоришь, или ко всѣмъ? Господь же сказалъ: кто вѣрный и благоразумный домоправитель, котораго господинъ поставилъ надъ слугами своими, раздавать имъ въ свое время мѣру хлѣба? Блаженъ рабъ тотъ, котораго господинъ его пришедши найдетъ поступающимъ такъ. Истинно говорю вамъ, что надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его. Если же рабъ тотъ скажетъ въ сердце своемъ: не скоро придетъ господинъ мой, и начнетъ бить слугъ и служанокъ, ѣсть и пить и напиваться; то придетъ господинъ раба того въ день, въ который онъ не ожидаетъ, и въ часъ, въ который не думаетъ, и распечетъ его, и подвергнетъ его одной участи съ невѣрными. Рабъ же тотъ, который зналъ волю господина своего, и не былъ готовъ, и не дѣлалъ по воль его, битъ будетъ много. А который не зналъ и сдѣлалъ достойное наказанія, битъ будетъ меньше. И отъ всякаго,

кому дано много, много и потребуетъ; и кому много вверено, съ того больше взыщутъ.

Въ этомъ проявляется не только любовь, не только правда, но и мудрость божественная, потому что скорый судъ Божій надъ сущими въ дому Божіемъ особенно благопотребенъ. Въ ветхомъ завѣтѣ Богъ чрезъ пророка Моисея весьма часто повторяетъ: *и погубите сами злое отъ васъ самихъ* (Вт. 13, 15); или: *измите злое отъ васъ самихъ* (Вт. 19, 19), да и прочіи услышавше убоются, и не приложатъ ктому творити словесе злаго сего въ васъ; яко сынове есте Господа Бога вашего; яко людіе святы есте Господеви Богу вашему, и васъ избра Господь Богъ вашъ быти самъ людемъ избраннымъ Ему отъ всѣхъ языковъ, иже на лицѣ земли (Втор. 14, 1—2). Въ сонмѣ избранныхъ зло есть тоже, что порча, и опасная порча, весьма важная по своимъ гибельнымъ послѣдствіямъ. Въ царствѣ Божіемъ избранное орудіе, чрезъ которое Промыслъ хочетъ спасать другихъ, если оно праведно и свято, оно привлекаетъ не только на себя, но и на ближайшихъ окружающихъ великія благословенія Божія до того, что, по слову Господню, сѣмя святое есть стояніе міра, есть основа его бытія, утвержденіе его благосостоянія. За то и наоборотъ, если это орудіе Божіе заражается грѣховною нечистотою, оно въ свою очередь служитъ источникомъ великой заразы. Источникъ жизни портится и несетъ вмѣсто жизни язву и смерть. *Вы есте соль земли*, — вѣщаетъ Господь избраннымъ своимъ ученикамъ (Матѣ. 5, 13). *Аще же соль обуяетъ, чѣмъ земля осолится? Свѣтильникъ тѣла церкви есть око. Итакъ если око твое будетъ чисто, то все тѣло твое будетъ свѣтло. А если око будетъ худо, то и тѣло твое будетъ темно. Итакъ смотри, свѣтъ, который въ тебѣ, не есть ли тѣма* (Лук.

11, 34 и 35)? Къ этому слову самого Господа нужно ли что либо прибавлять? Представимъ трупъ, который лежитъ среди церкви Божіей и разлагается и все пронизываетъ своимъ трупнымъ смертоноснымъ смрадомъ. Еще ближе. Представимъ смертельную гангрену, которая поразила членъ живаго тѣла и которую никто не отсѣкаетъ. И тѣмъ гибельнѣе бываетъ эта гангрена для всего тѣла, чѣмъ важнѣе въ тѣлѣ пораженный ею членъ. Всѣ эти сравненія представляются намъ метафорами только потому, что мы не живо представляемъ себѣ ту жизненную истину, что общество есть живое тѣло, тѣмъ болѣе святое тѣло церкви, и что тамъ нравственное гніеніе живыхъ членовъ поражаетъ гнилью и зловоніемъ и всѣ прочіе члены.

Потому-то и надлежитъ, чтобы судъ Божій или же его продолженіе — судъ церковный начинался съ дома Бежія. Нехорошо, когда и невѣрный обличается въ дурныхъ, противныхъ нравственности поступкахъ. Хуже, когда въ томъ же уличается вѣрный, послѣдователь Іисуса Христа. Поразительно, еслибы избранное орудіе спасенія другихъ, примѣрно пастырь церкви обличался, яко убійца, или яко тать, или яко злодѣй, или яко посягающій на чужое. Но еще было бы зловеднѣе, еслибы на подобныя чудовищности не было и суда, ни Божія, ни человѣческаго, и суда скорого и праваго. Потому-то когда Христосъ пострадалъ за насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, съ тѣхъ поръ настало время начинать судъ всегда съ дому Божія, какъ и въ горнемъ мірѣ судъ Божій начнется отъ дома же Божія, и начнется не для того только, чтобы осудить, но и наградить и прославить; потому что, по слову апостола Павла (Рим. 2, 5—8), *въ день откровенія праведнаго суда Божія Богъ воздастъ каждому по дѣламъ его, тѣмъ, которые упорствуютъ и не покоряются ис-*

тмъ, но предаются неправдѣ, ярости и гнѣву; за то тмъ, которые постоянствомъ въ добромъ дѣлѣ ищутъ славы, чести и безсмертія, жизнь вѣчную. Впрочемъ помнить должно, что судъ Божій, даже милующій, имѣетъ въ себѣ нѣчто призрачное даже для праведныхъ, потому что и награждаетъ всегда и неотложно не иначе, какъ послѣ нелицепріятной оцѣнки дѣяній, всегда болѣе или менѣе нечистыхъ и грѣховныхъ. Если судъ Божій начнется прежде съ насъ,—заключаетъ свою рѣчь св. первоверховный апостолъ (1 Петр. 4, 17—18),—то какой конецъ непокоряющимся евангелію Божію? И если праведникъ едва спасается: то нечестивый и грѣшный гдѣ явится? Потому-то судъ Божій и спасителенъ, что онъ, даже прощая и милуя, всегда есть судъ, судъ всепроницающій и всевѣдущій, нелицепріятный и праведный, неумытный и всегда грозный.

Вотъ сію минуту мы изыдемъ призывать Божіе благословеніе и освященіе на основаніе зданія духовнаго суда. Я называю его зданіемъ суда потому, что нашъ судъ сохранилъ еще дорогое право въ собою не только осуждать и карать, не только оправдывать и освобождать отъ послѣдствій суда, но и награждать и изводить благословенія Божіи и церковныя. Не смотря на это смѣшеніе, непозволительное съ современной юридической точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе, мы судъ, судъ духовный, судъ церковный, а въ дѣлахъ совѣсти даже Божій судъ. Потому-то, любезные братія сотрудники, я и утрудилъ васъ, при семъ рѣдкомъ и знаменательномъ событіи, напоминаніемъ вамъ, какъ и всѣмъ, общеизвѣстныхъ богооткровенныхъ истинъ о семъ судѣ, напоминаніемъ глубоко-знаменательнаго изреченія первоверховнаго апостола Петра о томъ, что Божій судъ долженъ начинаться отъ дому Божія, именно съ насъ съ ва-

ми, любезные братья и сослужители. Онъ естественъ въ дому Божіемъ, онъ благотворенъ и необходимъ этотъ судъ, и какъ награждающій, и даже какъ обличающій и какъ наказующій. Потому-то онъ долженъ быть и неукоснителенъ и внимателенъ и праведенъ и внушителенъ, даже страшенъ. Страхъ муну имать, правда; но страхъ и благотворенъ, потому что обуздываетъ широкія посползновенія; потому что начало всякой премудрости, умственной и дѣятельной, есть страхъ Божій. Страхъ Божій строгій, грозный, но добрый и надежный пѣстунъ во Христа.

И при судѣ нашемъ насъ всѣ склонны осуждать. Можно этимъ тяготиться, можно на это жаловаться; но дивиться тутъ нечему. Это естественно. Міръ во злѣ лежитъ, болѣе или менѣе чуждается духа Христова; а въ своихъ оконечностяхъ, удаляющихся отъ Христа, совращается и въ язычество, немногимъ лучше язычества вѣременъ апостольскихъ. Мы же, какъ ни холодны, какъ ни худы, все же не отъ міра сего, хотя бы только по призванію и характеру служенія нашего, потому что Христосъ избралъ и отдѣлилъ насъ отъ міра, и міръ какъ не свое и не своихъ, насъ не любитъ, глухо, безотчетно, не всегда сознательно, но не любитъ. А не любя и злословить. Злословить часто самъ не сознавая, за что именно, въ концѣ концовъ за имя Христово, за то, что мы Христовы и духомъ Христовымъ водимся, даже за то, что мы обличіе Христа на себѣ носимъ, не мірское обличіе, которое міръ, какъ свое, любилъ бы. А *якоже отъ міра нѣсте, сего ради ненавидитъ васъ міръ*, — сказалъ самъ Христосъ своимъ ученикамъ, и намъ съ вами въ томъ числѣ. И поздравляемъ васъ съ этимъ, любезные братья. Привѣтствуетъ васъ съ этимъ самъ первоверховный апостолъ говоря: *если страдаешь за имя Христово, то не стыдись, но про-*

славляй Бога за такую участь. Радуйтесь, что участвуете въ страданіяхъ Христовыхъ. Если злословятъ васъ за имя Христово, то вы блаженны; ибо Духъ славы, Духъ Божій, почиаетъ и опочіетъ на васъ.

Но горе, что злословятъ не всегда не по заслугамъ. Но горе, что и нынѣ приходится со страхомъ повторять предостереженіе первоверховнаго апостола, которое обратилъ онъ къ паствѣ, да и къ пастырямъ церкви своего времени, а въ лицѣ ихъ и къ намъ: *только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое*. Сказать ли, что намъ въ наше время это предостереженіе излишне? Прислушайтесь, не стонетъ ли стонетъ русская земля? И не права ль она хотя частью? Не чувствуетъ ли она, съ тревогою и трепетомъ за свою собственную участь, что въ ея пастырствѣ не все обстоитъ благополучно, не все свѣтло, не все здорово? Не тревожится ли она именно словомъ Христовымъ: *аще соль пастырства обуяетъ, чѣмъ земля осолится?* А если пастыри не только не осолѣютъ, да и подбавляютъ еще гнили къ общему растлѣнію?.. Не слѣдуетъ ли она полубезотчетно, но буквально слову Христову: *смотри, православная русская земля, свѣтъ, который въ тебѣ, твое духовно пастырство, не есть ли тьма?* Потому-то судъ Божій и не долженъ коснѣть, начинаясь отъ дому Божія, чтобы грозный глазъ небснаго Пастыреначальника не загремѣлъ и надъ нашими бѣдными головами, какъ гремѣлъ, въ эпоху упадка церкви ветхозавѣтной, надъ пастырями израильскими: *о пастыри Израилевы!... Се, Азъ на васъ, пастыри* (Іезек. 34, 1—10)!... Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

при освященіи зданія Общества изящныхъ искусствъ.

*Блаженни чистіи сердцемъ, яко тии Бога
узрятъ (Матѣ. 5, 8),*

Гляжу, вдумываюсь, припоминаю и не усматриваю въ божественномъ откровеніи прямыхъ уроковъ объ усовершенствованіи изящныхъ искусствъ, поэзіи, музыки, живописи, ваянія и т. д. Много усматриваю прямыхъ уроковъ о просвѣщеніи ума, еще больше объ улучшеніи нравственности и почти ничего объ утонченіи эстетическаго чувства. Замѣчательно это потому, что душу человѣческую принято, и не безъ основанія, дѣлить на три главныя силы, умъ, волю и чувство, почему и высшія душевныя дѣятельности распредѣляются между этими тремя силами. Знанія и науки представляютъ потребность и плодъ ума и способъ къ его развитію; въ отношеніи къ волѣ тоже значеніе имѣютъ законы и правоученія, уставы и обычаи; а въ отношеніи къ эстетическому чувству—изящныя искусства, благородныя художества и утонченнѣйшія усовершенствованія во внѣшней обстановкѣ жизни. Въ кругѣ душевныхъ дѣятельностей дѣятельность сердца никакъ не ниже дѣятельностей ума и воли, какъ и самая сила сердечная не ниже силъ ума и воли, а напротивъ внутреннее чувство во многихъ отношеніяхъ считается даже коренною силою души. Отчего же бы оно было какъ бы забыто въ божественномъ откровеніи?

ственномъ откровеніи? Отчего откровеніе, такъ много занимающае у совершенствованіемъ ума и воли, оставляетъ, повидимому, безъ вниманія развитіе чувства, именно такъ называемаго эстетическаго чувства?

Божественный отвѣтъ на этотъ вопросъ можно получить въ слѣдующихъ словахъ Господа Іисуса: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею. Сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе. На сихъ обоихъ заповѣдяхъ весь законъ и пророцы висятъ* (Матѳ. 22, 37—40). Изъ сего основнаго положенія нравственнаго христіанскаго закона самъ Христосъ извлекаетъ двѣ частнѣйшія, хотя въ отношеніи къ дальнѣйшимъ частнымъ предписаніямъ и основныя же заповѣди: любовь къ Богу и любовь къ ближнимъ. Между тѣмъ христіанскіе правоучители извлекаютъ отсюда не двѣ, а три основныя заповѣди; любовь къ Богу, любовь къ ближнему и къ самому себѣ. Такъ и частнѣйшія предписанія закона Божія дѣлятся въ правоученіяхъ по симъ тремъ основнымъ обязанностямъ: на обязанности по любви къ Богу, по любви къ ближнему и самому себѣ.

Любовь къ самому себѣ тоже, что самолюбіе. Самолюбіе въ насъ естественно, вытекающая изъ богозданной нашей природы. Поэтому Христосъ Спаситель не осуждаетъ и самолюбіе. Напротивъ указываетъ въ немъ основу, примѣръ и мѣру для любви къ ближнему: ты любишь себя, люби же и ближняго, и какъ и сколько любишь себя, такъ и столько люби же и ближняго. Но какъ самолюбіе, грѣхотною склонностію нашей природы и всеми обстоятельствами жизни, естественно развивается въ насъ безъ мѣры до крайности, то любовь къ самому себѣ и не предписывается нигдѣ въ божественномъ нравственномъ законѣ, какъ

нравственная обязанность. Нигдѣ въ откровеніи не внушается: люби самого себя. Напротивъ все въ словѣ Божіемъ устремлено къ ограниченію и добродѣтели, къ направленію естественной склонности самолюбія, чтобы человѣкъ поддавался самолюбію не ложному и не погубительному, а благоплодному для него самого, благотворному для ближнихъ и благопріятному для Бога. Идеаломъ же совершенства по заповѣди о любви къ самому себѣ поставляется въ евангеліи нѣчто противоположенное самолюбію: поставляется самоотверженіе, самоотреченіе и даже самоумерщвленіе, самоотверженіе по любви къ ближнимъ, самоотреченіе, отреченіе отъ собственной воли, отъ умственной самоуверенности, отъ всякой похоти плоти, очесъ и гордости житейской, по любви къ Богу, и самоумерщвленіе, умерщвленіе въ себѣ ветхаго человѣка, по любви къ высшему евангельскому совершенству, по стремленію къ тѣснѣйшему соединенію со Христомъ, къ самопожертвованію въ Его смерть и жизнь.

Сказанное можетъ служить основою христіанскаго воззрѣнія и на изящныя искусства.

Нужно знать во-первыхъ, что богоугодные, богопросвѣщенные мужи не чуждались изящныхъ искусствъ, поэзіи, музыки, пѣнія, зодчества, ваянія, художественнаго шитья и т. п. Моисей устроилъ скинію, — Давидъ, Соломонъ и Ездра съ Нееміею устроили храмъ іерусалимскій, въ которыхъ собрано было все, что тогдашнее время умѣло произвести лучшаго по части зодчества, металлургіи, ваянія, ткачества, вышиванія. Моисей, Давидъ, Соломонъ, пророки, Іоаннъ богословъ были возвышеннѣйшіе поэты. Давидъ и другіе псалмопѣвцы были пѣвцы и музыканты, и учредили искусное пѣніе и музыку въ іерусалимскомъ храмѣ, въ которомъ молился и самъ Христосъ Спаситель. Хрис-

тосъ и апостолы сами пѣли и учредили пѣніе въ христіанской церкви (Корин. 14, 26). О пречистой Дѣвѣ Богородицѣ осталось преданіе, что Она своими пречистыми руками трудилась надъ искуснымъ тканіемъ и вышиваніемъ. Св. евангелистъ Лука былъ, по преданію, живописецъ. Самъ Господь говорилъ Моисею о строителѣ скиніи Весе-ліилѣ: *Я исполнилъ его Духомъ Божиимъ, мудростію, разумнѣмъ, вѣдѣнѣмъ и всякимъ искусствомъ—работать изъ золота, серебра и мѣди, изъ шерсти и виссона, рѣзать камни и дерево. И вотъ Я далъ ему помощникомъ Аголава и въ сердце всякаго мудраго вложу мудрость, дабы они сдѣлали все, что Я повелѣлъ тебѣ: скинію свѣдѣнія и ковчегъ завета* (Исх. 31, 1—7). Итакъ по слову Божию выходятъ, что отъ Премудрости божественной, въ концѣ концовъ, или въ началѣ началъ, исходятъ не только мудрость и смыслъ человѣческіе, но и искусство. Такъ Богъ благословляетъ и даже самъ даруетъ искусство. Признано всюду и всѣми, что истинное искусство есть высокій даръ Божій.

Почему же въ божественномъ откровеніи такъ немного заботы о развитіи искусствъ? Мы знаемъ уже, въ чемъ заключается основа богооткровеннаго закона. Въ заповѣди: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею*. Естественна, что все противное этой основной заповѣди словомъ Божиимъ не можетъ быть ни благословляемо, ни заповѣдуемо. Естественна, что въ искусствѣ все, отклоняющее душу человека и мысль и сердце отъ поглощенія любовію къ Богу, все то неблагословенно. Естественна, что и по второй основной заповѣди закона евангельскаго: *возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе*, опять все, что отклоняетъ человека и отъ этой любви, отъ самоотверженія ради лю-

бви къ ближнему, все то божественнымъ откровеніемъ не можетъ быть ни благословляемо, ни поощряемо. Подумайте же теперь, къ чему направлялись искони, къ чему главнымъ образомъ направляются и теперь всѣ изящныя искусства, къ исполненію ли основныхъ заповѣдей закона нравственнаго о любви къ Богу и ближнимъ, или же къ удовлетворенію человѣческаго самолюбія?

По естественному самолюбію всякій любить быть сытымъ, одѣтымъ, прикрытымъ въ удобномъ жилищѣ, любить видѣть и слышать пріятное. Изъ этой естественной потребности самолюбія, главнымъ, если не единственнымъ образомъ, и проистекаютъ заботы сперва объ удовлетвореніи естественныхъ нуждъ тѣлесныхъ; затѣмъ требованія лучшихъ удобствъ въ пищѣ, питіи, одеждѣ, въ устройствѣ жилищъ, требованія не непріятныхъ ощущеній относительно окружающихъ видовъ и звуковъ; затѣмъ уже требованія утонченнаго вкуса по роскоши въ столѣ, въ одеждѣ, въ убранствѣ домовъ, по части живописи, скульптуры, зодчества, по музыкѣ, по театральнымъ зрѣлищамъ и всякимъ потѣхамъ. Всеу ли этому христіанство можетъ сочувствовать? Съ другой стороны, все ли это христіанствомъ и отрицается, какъ богопротивное и неправственное? Нѣтъ. Въ постепенности человѣческихъ дѣяній, склонностей и чувствъ христіанство устанавливаетъ постепенность и точекъ зрѣнія: отъ нетерпимаго и воспрещаемаго, чрезъ терпимое и дозволенное, къ одобряемому и заповѣдуемому и до идеально-прекраснаго. Помимо нетерпимаго и осуждаемаго, нѣчто въ дѣйствіяхъ, желаніяхъ и чувствахъ человѣческихъ христіанствомъ только терпится и попускается; заповѣдуются же только одобряемое; но и за одобряемымъ и заповѣдуемымъ, въ качествѣ обязательнаго для всѣхъ долга, указывается ревнителямъ идеально-прекрасное, какъ

идеаль высшего евангельскаго совершенства. Такъ и въ мастерствахъ и въ художествахъ и въ искусствахъ: необходимое для удовлетворенія естественнаго самолюбія, въ извѣстныхъ предѣлахъ, дозволяется и терпится; развивающее, смягчающее, возвышающее, вслѣдъ за изящнымъ вкусомъ, также и нравственное чувство, то благословляется; указывается же, какъ высшій идеаль, то, что служить къ развитію беззавѣтнѣйшей, всепреданной, всепоглощающей душу и сердце и мысль и все существо человѣка любви къ существу Высочайшему, а затѣмъ къ развитію и самоотверженной любви къ ближнему. Но все, что отклоняетъ отъ этого идеала и въ какой мѣрѣ отклоняетъ, тому и въ той мѣрѣ евангеліе Христово не сочувствуетъ.

Не можетъ слово Божіе сочувствовать всему тому, что Соломонъ такъ глубоко-знаменательно обозвалъ суетою суеты. А онъ вдалѣ было-сердце свое погонѣ какъ разъ за всѣмъ тѣмъ, за чѣмъ гонится и современный человѣкъ подъ кличкою нерѣдко потребностей и произведеній изящнаго вкуса. — Видѣлъ я, — говоритъ Соломонъ Экклезіастъ, — видѣлъ я есъ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ все суета и крушеніе духа! И продалъ я сердце мое тому, чтобы познать мудрость, и узналъ, что и это — крушеніе духа, потому что во многой мудрости много печали; и кто умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь. И сказалъ я въ сердце своемъ: дай, испытаю я тебя веселіемъ и наслажусь всякимъ благомъ. Но и это суета! Вздумалъ я въ сердце моемъ услаждать виномъ тѣло мое; и между тѣмъ, какъ сердце мое руководилось мудростію, придержаться и глупости, доколь не увижу, что хорошо для сыновъ человѣческихъ, что должны были бы они дѣлать подъ небомъ въ немногіе дни жизни своей, чтобы чувствовать себя счастливыми и довольными. Я предпринялъ большія дѣла: построилъ себѣ дома, посадилъ вино-

градники, устроилъ себѣ сады и рощи, и насадилъ въ нихъ всякія плодovitыя деревья. Сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рощей, произрастающихъ деревья; приобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ; собралъ себѣ серебра и золота и драгоценностей; завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и услажденіе сыновъ человеческихъ—разныя музыкальныя орудія. Чего бы глаза мои не пожелали, я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселія. И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлалъ руки мои, и на трудъ, которымъ трудился я. И вотъ все суета и крушеніе духа! И возненавидѣлъ я жизнь, потому что противны мнѣ стали дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ: ибо все суета суетъ и крушеніе духа (Еккл. 1, 14—18; 2, 1—17). Здѣсь Соломонъ изображаетъ въ себѣ все человѣчество въ его стремленіи къ наслажденіямъ, отъ низшихъ до утонченнѣйшихъ, отъ яствъ и питій, и до самоуслажденія мудростію и изящными художествами. И въ себѣ самомъ показываетъ, какъ это стремленіе далеко не всегда возвышаетъ, а напротивъ иногда унижаетъ душу, не оживляетъ ее, а напротивъ убиваетъ, раждая даже ненависть не только ко всякой житейской суетѣ, но и къ самой жизни. Можетъ ли же слово Божіе сочувствовать этой самоубійственной суетѣ? А не видитъ ли и наше время своихъ Соломоновъ, безъ богопросвѣщенной однакоже мудрости Соломона древняго, которые начинаютъ потомъ питать отвращеніе къ себѣ, своимъ дѣламъ и самой жизни, только потому, что имѣютъ способы услаждать и услаждаются себя всѣми прелестями міра естественнаго, всякими красотами міра искусственнаго, художественнаго, и пресыщаются до того, что теряютъ способность не только наслаждаться, но и желать наслажденія? Потому-то христіанство и воздерживается поощрять человѣческое сердце къ наслажденіямъ изящными искусствами, какъ и вообще воздерживается

поощрять наше самолюбіе. Христіанство вмѣсто того желаетъ возвести сердце человѣка къ наслажденіямъ духовнымъ, возвышеннѣйшимъ, чистѣйшимъ, къ созерцанію красоты безконечной, къ упоенію звуками гармоніи небесной,—къ наслажденіямъ, которыя раждаютъ жажду неутолимую, возвышающуюся вѣчно и безконечно по мѣрѣ самаго утоленія. И конечный идеалъ этому высокому стремленію души человѣческой Христосъ Спаситель указываетъ въ пріобрѣтеніи такой чистоты сердца, которая способна созерцать самого Бога, красоту высочайшую и безпредѣльную.

Блаженіи чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ.

И заслуга христіанства въ отношеніи къ возвышенію, утонченію, очищенію, услажденію и мирному утоленію человѣческаго чувства, даже въ отношеніи къ усовершенствованію искусствъ сколько очевидна, столько же и громадна до необъясности. Не говоримъ о святыхъ Божіихъ, которые еще при жизни всецѣло погружались въ любовь Божію и въ созерцаніе красотъ пренебесныхъ, въ родѣ Псалмопѣвца, который поетъ: *что для меня есть на небеси и отъ Тебя, Господи, чего хотѣтъ мнѣ на земли? Изчезаютъ сердце мое и плоть моя въ Тебѣ, Боже сердца моего и часть моя, Боже, во вѣкъ* (Псал. 72, 25—26). *Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое. Буду пѣть и воспѣвать Тебя во славу мою. Воспрянь псалтирь и гусли! Буду славить Тебя, Господи* (Пс. 107, 1—3). Или въ родѣ апостола Павла, который въ глубочайшемъ умиленномъ восторгѣ восклицаетъ: *кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей: скорбь, или нагота, или ионеніе, или юродъ, или нагота, или опасность, или мечъ? Нѣтъ. Ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ* (Рим. 8, 35—39). Не только въ

святыхъ Божіихъ, но и во всемъ мірѣ христіанство водворило закономѣрную любовь къ жизни и радостямъ ея, какъ высочайшему дару Божію; водворило любовь къ природѣ и красотамъ ея, какъ прекраснѣйшему созданію Божію; породило любовь къ исторіи священной, какъ родной для нашей души, и къ исторіи родины, какъ богодарованной колыбели нашего бытія тѣлеснаго и духовнаго. Христіанство наполнило мирною поэзіей всѣ круги общества отъ дворцовъ до послѣднѣйшей хижины, чего не достигала никогда никакая поэзія. Христіанство породило возвышеннѣйшую и чистѣйшую поэзію—священно-церковную, а затѣмъ церковно-легендарную на востокѣ и западѣ и рыцарственную на западѣ, съ неисчислимыми ея отраслями. Христіанство выростило оригинальныя и независимыя школы зодчества, византійскую и готическую. Христіанство же породило и школы живописи церковной, византійскую же восточную и западныя италіанскую и другія, которыя вознесли искусство живописанія на высоту совершенства, дальше которой оно не ходило и не поидетъ, не поидетъ дальше Рафаэля. Христіанство родило и музыку, строго церковную вокальную на востокѣ, отъ умиленнѣйшихъ простыхъ мелодій, извѣстныхъ всякому простецу, и до сладостнѣйшихъ напѣвовъ, страстныхъ и пасхальныхъ дней, новѣйшихъ богоговѣйныхъ творцовъ, Турчанинова и Бортнянскаго; а на западѣ породило также величественную, возносящую къ небу музыку инструментальную, отъ мотивовъ древней христіанской простоты до поражающихъ и умиляющихъ композицій Моцарта и другихъ. Текло христіанское искусство мирно и плавно, какъ величественная рѣка, напаяя двѣ тысячи лѣтъ все христіанское человѣчество признательною Творцу любовію къ жизни земной и небесной, пока эта многоводная рѣка, въ послѣдніе два вѣка, не ударилъ

лась о скалы сомнѣнія и вольнодумства маловѣрія и отрицанія. При первомъ тяжкомъ ударѣ, въ которомъ встрѣтились въ противоборствѣ величайшія силы духа, чистая ангельская сила вѣры и сатанинская сила отрицанія, при первомъ ударѣ изъ столкновенія этихъ контрастовъ произникли величайшія произведенія поэтического творчества. А затѣмъ,—посмотрите, подумайте сами, не разлагается ли, не изнемогаетъ ли, не умираетъ ли обще-человѣческій духъ, съ изнеможеніемъ и саморазложеніемъ вѣры въ сердцахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не умираетъ ли и творчество всякаго рода? Живопись давно достигла своего апогея и склонилась къ упадку, съ упадкомъ сердечной привязанности къ вдохновляющему содержанію евангелія Христова. Не вразумлялъ ли извѣстный русскій бѣглець—писатель, заграничный агитаторъ, знаменитѣйшаго изъ послѣднихъ русскихъ живописцевъ, что христіанскіе идеалы умерли, и знаменитѣйшая картина, которую тотъ началъ съ чувствомъ благоговѣнія къ священному ея содержанію, не убиваетъ ли это чувство странными подробностями анатомической техники? А продолжатели того же направленія не изумили ль міръ уже всенароднымъ издѣвательствомъ надъ предметами, предъ которыми благоговѣло человѣчество двѣ тысячи лѣтъ, да и теперь еще благоговѣютъ сотни милліоновъ? Холодѣя къ идеаламъ, которые вѣчно живы, хотя и тускнутъ въ сердцахъ, не ищетъ ли живопись новыхъ идеаловъ для себя вездѣ, не находя ихъ однакоже нигдѣ? Развиваясь до безконечности въ техническихъ приспособленіяхъ, не разлагается ли и современная музыка въ раздрающихъ уши трескъ и шумъ, которые предвѣщаютъ полное разрушеніе музыкальной гармоніи и мелодіи? Подумайте, не умерла ли, вмѣстѣ съ послѣдними отечественными, какъ и западно-европейскими поэтами повѣстествова-

телями,—не умерла ли повѣствовательная, да и всякая поэзія, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и въ западной Европѣ? Посмотрите, старые, еще современные намъ поэты, усаждавшіе насъ своими произведеніями съ дѣтства до старости, вымерли, вымерли и у насъ и въ Европѣ, а новые не родились ни у насъ, ни въ Европѣ. Хороня такъ шумно и сочувственно Достоевскаго и Тургенева, не совершали ль мы другіе великіе, безмѣрно болѣе печальные похороны, похороны, если не русскаго смысла, то по меньшей мѣрѣ — похороны творчества извѣстнаго рода, которое господствовало надъ мыслью въ продолженіи вѣковъ? Вымираютъ родные сердцу, въ продолженіи тысячелѣтій, идеалы, вымираетъ живой христіанскій духъ; вмѣстѣ съ тѣмъ вымираетъ и одухотвореніе, характерное и полное живой идеи искусство по всѣмъ своимъ отраслямъ: зодчества, живописи, музыки, поэзіи, хотя техника и достигаетъ высшаго и высшаго совершенства. Технические приспособленія искусства стоятъ высоко, какъ, быть можетъ, не стояли никогда, а духъ исчезаетъ, по признанію самихъ адептовъ искусства. Бывало, простому благочестивому, но глубоко и цѣльно вѣрующему чувству безпредѣльно больше говорили какая либо убогая часовня гдѣ либо въ лѣсу, и въ ней неумѣло сдѣланное распятіе, а передъ нимъ какая либо пѣсня нищаго: *Иисусе мой прелюбезный*, или скудный напѣвъ, убого-умилительно выполняемый старымъ сельскимъ дьячкомъ, радостой пѣсни: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ*.... О! все это сладко говорило теплomu вѣрующему сердцу,—безконечно-больше, чѣмъ говорятъ картинныя галлерей и всякіе вокально-инструментальные концерты сердцамъ ледянымъ и холоднымъ спектическимъ умамъ. А цѣльное простое вѣрующее чувство было фениксомъ, который возраждался и въ высокихъ духоносныхъ произведеніяхъ искусства. Увы! Форма искус-

ства, и весьма усовершенствованная, остается, а духъ улетаетъ, потому что вымираетъ вѣра въ духъ. На мѣсто Духа божественнаго, безконечнаго, вѣчно живаго поставляется современнымъ руководящимъ сознаниемъ ничтожество, и идеаломъ человѣчества становится ничтожество, и породится этимъ идеаломъ только ничтожество. Безъ вѣчно живаго идеала безконечнаго нѣтъ и не можетъ быть искусства, такъ какъ истинное искусство было и должно быть духоноснымъ служеніемъ животворящей идеѣ безконечнаго.

Помолимся, братіе, о продленіи нашей духовной жизни. Она еще не смерть. Мощная жизнь христіанскаго человѣчества есть крѣпкое дерево, которое даетъ во всѣ стороны мощные отпрыски; есть прекрасный плодъ, въ которомъ только заводится червь—увы! Всякая вѣра, и въ томъ числѣ вѣра въ идеалы, питается еще милліонами душъ. Вспомнимъ, что вѣра въ Бога, въ безконечность вѣчной красоты, въ бессмертіе, въ загробную жизнь родила все, это мы знаемъ самаго высокаго какъ въ подвигахъ человѣчества, такъ и въ искусствѣ. Помолимся же, чтобы животворящій духъ вѣры въ насъ не оскудѣвалъ; чтобы Духъ небесный, очищающій сердца отъ всякія скверны и дѣлающій ихъ способными созерцать божественную красоту, вселился въ сіе училище изящества, и наполнялъ чистымъ духомъ премудрости и духоноснаго творчества всѣхъ труждающихся здѣ, учащихъ и учащихся. Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

на молебствіи послѣ годичнаго акта въ одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

*Бысте иногда тма, нынѣ-же вы свѣта
о Господѣ. Яко-же чада свѣта, ходите
(Еф. 5, 8—9).*

Обыкновенно предлагаемое на благодарственныхъ молебствіяхъ, начинающееся возглашенными словами чтеніе изъ св. апостола Павла (Еф. 5, 9—21) пригодно для всякихъ лихъ и обстоятельствъ. Пригодно и для васъ, дѣти-дѣвицы, особенно-же для выпускаемыхъ, для нынѣшняго дня, очень знаменательнаго въ вашей жизни. *Были вы некогда тма, нынѣ-же стали свѣта о Господѣ. Посему и ходите, яко-же чада свѣта.*

Теперь, мнѣ, живущему на уединенномъ берегу моря, часто приходится глядѣть на маякъ и раздумывать о его устройствѣ и назначеніи. Вотъ обрывистый, мысомъ выдающійся, берегъ моря, самый высокій, самый пустынный пунктъ широкою дугою раскинувшейся окрестности. На немъ изъ-за невысокой ограды, среди небольшого садика и нѣсколькихъ низменныхъ зданій, одиноко высится громадная башня, съ довольно сложнымъ устройствомъ, особенно наверху. Тамъ въ башнѣ и на башнѣ отлично устроенныя лѣстницы, балконы, металлическіе и стеклянные закровы; тамъ расположенные въ видѣ вогнутаго зеркала ряды приз-

матическихъ стеколъ самаго высокаго качества, содержи-
мыхъ въ самой высокой чистотѣ. Внизу у подножія баш-
ни цѣлое особое зданіе наполнено машинными снарядами:
тамъ паровая машина, колеса, нѣсколько электро-магни-
товъ и т. д. При этихъ учрежденіяхъ состоятъ на службѣ
нѣсколько человѣкъ, надзирателей и прислуги, при нихъ
живутъ ихъ семейства. Одинокое и невеселое ихъ положеніе,
особенно въ долгую осень, въ мрачныя и бурныя зимнія
ночи. Кромѣ ихъ самихъ они иногда не видятъ лица че-
ловѣческаго, и голоса чужаго вокругъ себя не слышатъ; а
уши ихъ оглашаются по-долгу свистомъ и завываніемъ бу-
ри, да заунывнымъ не смолгающимъ грохотомъ волнъ мор-
скихъ, неустанно бьющихся въ пустынный изъ мор-
скихъ береговъ. Когда глядишь на все это, часто набѣ-
гаетъ мысль, для чего томятся здѣсь эти люди? Въ чемъ
цѣль ихъ службы, въ чемъ задача всей ихъ унылой жи-
зни? А вотъ въ чемъ. На самомъ верху башни, среди всѣхъ
этихъ закрововъ, между множествомъ отражающихъ зер-
калъ, въ самомъ центрѣ вставляется малый уголь. Этотъ
уголекъ—цѣль ихъ жизни. Нужно, чтобъ этотъ уголекъ
горѣлъ съ вечера и сгоралъ къ утру. Только въ этомъ
вся задача ихъ служенія обществу, чтобъ горѣлъ и свѣ-
тилъ,—только всего.

Не приходитъ-ли вамъ на мысль, что ваше, какъ и
всякое воспитательно-учебное заведеніе, похоже на этотъ
маякъ? Что ваши воспитатели похожи на служащихъ при
маякѣ, которые живутъ для того, чтобъ возжигать и под-
держивать свѣтъ? А вы, воспитанницы, на кого, на что
похожи? На тотъ темный стерженецъ, на которомъ возжи-
гается и горитъ такой яркій, такой ослѣпительный вбли-
зи, такой тихій и прекрасный издали, такой чистый и
радужный, такой привлекательный среди мглы ночной и

отрадный среди мгlistой бури свѣтъ. Горитъ темный, малый, извѣстнымъ образомъ обдѣланный, заостренный уголекъ; съ вечера до утра, въ продолженіи ночи, онъ долженъ сгорѣть до тла, — дѣло такое простое и смиренное, доля угля сама въ себѣ для него самого не блестяща, но какъ благотворно его горѣніе! Какое необозримое пространство проникается его свѣтомъ! Сколько тысячъ пловцовъ определяютъ имъ свое направленіе? Какіе великіе многоцѣнные интересы зависятъ отъ того, чтобъ онъ не потухъ? Сколько сердецъ бьются покойно надъ морскою бездною среди тьмы ночной, когда онъ мирно и ровно свѣтитъ? А какимъ мрачнымъ чувствомъ сжались-бы эти сердца, если бъ онъ да померкъ среди ночной морской бури, когда корабль несется вѣтромъ и волнами неудержимо, не слушаясь якоря, невѣдомо куда? А когда онъ невозмутимо мирно свѣтитъ съ своего недвижнаго берега, съ высокой башни, какъ путеводная звѣзда съ неба, о! какой отрадой и надеждой должны отражаться переливы его тихихъ лучей! на тревожныхъ сердцахъ, когда его свѣтъ и озаряетъ безопасный путь и общаетъ близость мирной пристани? Пусть уголекъ къ утру сгоритъ и превратится въ прахъ. Такова его доля. Свое онъ прожилъ. Такова доля всего привременнаго. Но онъ свѣтилъ человѣчеству, исполнилъ одно изъ лучшихъ назначеній.

Тако да просвѣтитесь и вашъ свѣтъ предъ людьми. Не обижайтесь сравненіемъ съ углемъ. Земли еси и въ землю отыдеши. Наше тѣло — и буквально уголь, и буквально горитъ и сгораетъ. Самая смерть — только усиленное сгораніе, почему на кладбищахъ надъ могилами и появляются огни. Но надо, чтобъ мы не только горѣли и сгорали, а и свѣтили. И задача нашего горѣнія и свѣтенія гораздо сложнѣе и глубже горѣнія и свѣтенія маячнаго огня.

Земля и пепелъ, уголь и мракъ по природѣ, вотъ вы теперь стали свѣтомъ. Наэлектризованы вы здѣсь свѣтомъ просвѣщенія. Каждую изъ васъ теперь судьба поставитъ на извѣстный, болѣе или менѣе высокій свѣточъ. Возвышаясь своимъ образованіемъ и положеніемъ надъ многими другими, вы будете стоять на извѣстной высотѣ, на васъ будутъ смотрѣть, отъ васъ учиться, вамъ подражать другіе, по вашему свѣтенію опредѣлять свое жизненное теченіе. Горите же и свѣтите на свѣщникѣ, на который поставитъ васъ Богъ. Освѣщайте окружающую васъ окрестность. Вѣдайте, однакоже, что можно горѣть разными огнями, свѣтить разными свѣтами. Не мудрствуя пространно, даемъ вамъ напутственный въ жизни совѣтъ: горите извѣданно святымъ огнемъ Христовымъ, свѣтите извѣданно спасительнымъ свѣтомъ Христовымъ. Этого ждутъ отъ васъ Царь и общество, это внушаютъ вамъ въ напутствіе вашей жизни св. апостолъ Христовъ и святая Христова церковь.

Ходите, поступайте, какъ чада, какъ питомцы и носители свѣта Христова, свѣта духовнаго, въ благостыни христіанской, въ сдержанной мягкости и кротости сердца, въ милосердіи и благотворительности. Дѣла благотворительности—прекраснѣйшее занятіе образованной, выдающейся по положенію женщины; смягчать жесткія сердца собственною кротостію и благостію—естественное призваніе женщины. Ходите въ правдѣ и праведности христіанской, чтобы люди, видя ваше праведное женственное житіе, самымъ житіемъ вашимъ безъ слова плѣняемы были въ послушаніе Христово. Помните, что женщина—христіанка, испокон въ продолженіи многихъ вѣковъ до послѣднихъ печальныхъ дней, служила самымъ охранительнымъ началомъ христіанскаго благочестія, служила молча, не учительствуя, не проповѣдуя, а только храня тайну христіанскаго благоче-

стія въ тайникѣ своего сердца. Помните, что благотворная сила женственного вліянія больше въ теплотѣ сердца, чѣмъ въ устахъ, больше въ сосредоточенномъ молчаніи, чѣмъ въ говорливомъ учительствѣ. Ходите въ истинѣ Христовой, не влаясь всякимъ вѣтромъ разныхъ ученій, которыхъ нынѣ такъ много расплодилось во лжи человѣческой. Испытайте въ окружающихъ васъ обстоятельствахъ и въ вызываемыхъ ими вашихъ дѣйствіяхъ, въ чемъ состоитъ воля Божія, какъ тутъ надо поступить по закону Христову, и меньше будете дѣлать въ жизни ложныхъ шаговъ. Какъ чада свѣта, не пріобщайтесь дѣламъ и замысламъ темнымъ, отрѣивайте ихъ отъ себя вашимъ чистымъ сердцемъ; а когда нужно, и обличайте, обличайте ихъ просто свѣтомъ вашего поведенія, безъ рѣзкихъ словъ, которыя плодятъ раздраженіе, которыя не всегда и нужны, такъ какъ отъ одного свѣта вашей чистоты далеко отъ васъ побѣжитъ всякій мракъ. Храните чистоту сердца, потому что на ней, на сердечной чистотѣ ярче и благотворнѣе отражается свѣтъ ума. Посмотрите, какъ заботливо вокругъ маячнаго огня очищаютъ отъ малѣйшаго сора и пятнышка прозрачность преломляющихъ и отражающихъ зеркальных призмъ. А то теперь свѣтъ умственного развитія весьма часто сопрягается съ нечистотою сердца, причемъ и свѣтъ ума тускнеть, а главное—освѣщаетъ пути жизни ложнымъ мерцаніемъ и наводитъ на подводные камни, трагедіи и катастрофы, которыя такъ размножились теперь всюду, сверху до низу. Не будьте мертвы, бездѣтельны, праздны; работайте во свѣтѣ Христовомъ на пользу человечества, зарабатывайте свой хлѣбъ служеніемъ обществу, семьѣ, страждущимъ, нуждающимся, непросвѣщеннымъ, сѣдящимъ во тьмѣ. Прошло то время, когда вамъ подобныя выходили въ свѣтъ, чтобы только порхать въ немъ радужными лег-

покрылыми бабочками, а послѣ порханія покоиться въ довольствѣ, доставляемомъ чужимъ денно-нощнымъ трудомъ. Нынѣ, кто не трудится, ниже до ясть. — Блюдите, како опасно ходите, не яко же немудрыя, но яко премудрыя, искупая время, яко дни лукавы, уходятъ быстро и уносятся съ собою свои миражи и обольщенія; украшайте весну вашей жизни благимъ цвѣтеніемъ и плодоприношеніемъ добродѣтели, чтобъ и старость ваша была честна, и кончина живота мирна и непостыдна, памятуя всегда, особенно же смолоду, что сегодня что цвѣтетъ и благоухаетъ, то завтра вянетъ и гніетъ; что не блекнетъ, напротивъ вѣчно юнѣетъ, только красота души. Исполняйтесь посему духомъ, духомъ Христовымъ, не забывая Бога и вѣры, Христа и св. церкви Его, не оставляя духовныхъ христіанскихъ упражненій, хожденія въ Божій храмъ, участія въ богослуженіяхъ, молитвы, соблюденія уставовъ церковныхъ, вѣдая и памятуя, что все это наполняло глубокимъ миромъ и высокою поэзіею всю жизнь еще недавнихъ и давнихъ вашихъ предшественницъ, вашихъ матерей, бабокъ и прабабокъ, что можетъ крѣпко пригодиться и вамъ самимъ, и въ жизни, особенно въ часы невзгоды, и въ страшный часъ смерти.

Вы теперь вступаете въ жизнь, въ моментъ повидимому благопріятнаго поворота въ общественномъ духѣ, когда свирѣпыя душевныя бури лжеученій и погибельныхъ порывовъ, вырывавшія въ истекшія три десятилѣтія многое съ корнемъ, разбивавшія все безпощадно, къ послѣднимъ днямъ поулеглись. Не безвиненъ въ пережитыхъ катастрофахъ и вашъ полъ. Многія и изъ женщинъ, именно полу-просвѣщенныя, гонимыя всеувлекающимъ вѣтромъ моднаго суемудрія, носились по всколебавшемуся морю русской жизни блудячими померкающими огнями, наводя на

гибель другихъ, потухая въ бурныхъ волнахъ сами, виѣсто того, чтобы горѣть свѣтомъ спасительнаго маяка на неподвижномъ берегу морскомъ у надежной пристани, горѣть мѣрно и мирно свѣтомъ тихаго семейнаго очага, свѣтомъ обще-человѣческихъ преданій и святоотеческихъ уставовъ;—свѣтомъ озаряющимъ извѣданный путь, по которому шли поколѣнія нашихъ отцовъ къ извѣданному обще-человѣческому счастью. Переживъ грозную, бурную эпоху, мы, наше поколѣніе, поколѣніе вашихъ отцовъ и матерей, уже отживаемъ. Настаетъ ваша чередѣ жить и продолжать нашу жизнь, чередѣ горѣть и свѣтить. Горите же и свѣтите стойко и мирно, ярче и чище насъ.

Христе, свѣтъ тихій и истинный, просвѣщаяй всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, да знаменуется на дѣтяхъ сихъ, грядущихъ въ міръ, свѣтъ лица твоего, да въ немъ выну видятъ прямой путь жизни, ведущій къ счастью земному и небесному, и тамъ на небѣ въ уреченный часъ узрять свѣтъ твой неприступный, за молитвы своихъ родителей и блаженныхъ предковъ, церкви земной и небесной. Аминь.

1885 г.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. МЕЧНИКОВА

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
26	26	это	что
34	25	придвинулось	продвинулось
39	12	и о празднуемыхъ	а о празднуемыхъ
63	30	питаяй	питаей
95	8	Отце	Отца
106	8	просвѣтленій	просвѣтленія
156	22	въ воспоминанія	въ воспоминанія
146	27	да благословить	да благословить
216	5	къ прощальной	въ прощальной
—	3	людки	лодки
242	23	благодатія	благодатію
268	31	идею	идею
271	28	субстратъ	субстратъ
278	6	усиліяи	усиліями
304	8	Бога	Бога
306	6	будетъ	будетъ
316	3	причищаетесь	причащаетесь
327	14	стремится	стремится
371	29	Сирии	Сирии
381	19	являясь,	являясь.
403	23	дается	дается
412	10	недомислимый	недомыслимый
422	16	церкви	церкви
425	11	пронзилъ	пронзилъ
430	32	прощенія	прощенія
432	5	остановится	остановится
436	17	поживши	поживши
467	3	предустави	предустави
476	29	отпа еніемъ	отпаденіемъ
479	12	во огнь	во огнь
481	23	Преблагословенная	Преблагословенная
482	1	житіи	житія
490	25	почтѣ	почтѣ
495	31	было	было
499	3	но, коротко	не коротко
509	1	міросозрѣнія	міровозрѣнія
—	19	противуположенность	противуположность
531	14	условіи	условія
537	1	блага	благая
541	7	губить	губить
568	30	лично	лично
584	23	духовно	духовное
—	25	глазъ	глазъ

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

1	1	1	1
2	2	2	2
3	3	3	3
4	4	4	4
5	5	5	5
6	6	6	6
7	7	7	7
8	8	8	8
9	9	9	9
10	10	10	10
11	11	11	11
12	12	12	12
13	13	13	13
14	14	14	14
15	15	15	15
16	16	16	16
17	17	17	17
18	18	18	18
19	19	19	19
20	20	20	20
21	21	21	21
22	22	22	22
23	23	23	23
24	24	24	24
25	25	25	25
26	26	26	26
27	27	27	27
28	28	28	28
29	29	29	29
30	30	30	30
31	31	31	31
32	32	32	32
33	33	33	33
34	34	34	34
35	35	35	35
36	36	36	36
37	37	37	37
38	38	38	38
39	39	39	39
40	40	40	40
41	41	41	41
42	42	42	42
43	43	43	43
44	44	44	44
45	45	45	45
46	46	46	46
47	47	47	47
48	48	48	48
49	49	49	49
50	50	50	50
51	51	51	51
52	52	52	52
53	53	53	53
54	54	54	54
55	55	55	55
56	56	56	56
57	57	57	57
58	58	58	58
59	59	59	59
60	60	60	60
61	61	61	61
62	62	62	62
63	63	63	63
64	64	64	64
65	65	65	65
66	66	66	66
67	67	67	67
68	68	68	68
69	69	69	69
70	70	70	70
71	71	71	71
72	72	72	72
73	73	73	73
74	74	74	74
75	75	75	75
76	76	76	76
77	77	77	77
78	78	78	78
79	79	79	79
80	80	80	80
81	81	81	81
82	82	82	82
83	83	83	83
84	84	84	84
85	85	85	85
86	86	86	86
87	87	87	87
88	88	88	88
89	89	89	89
90	90	90	90
91	91	91	91
92	92	92	92
93	93	93	93
94	94	94	94
95	95	95	95
96	96	96	96
97	97	97	97
98	98	98	98
99	99	99	99
100	100	100	100

7411

1846

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ
імені І. І. МЕЧНИКОВА